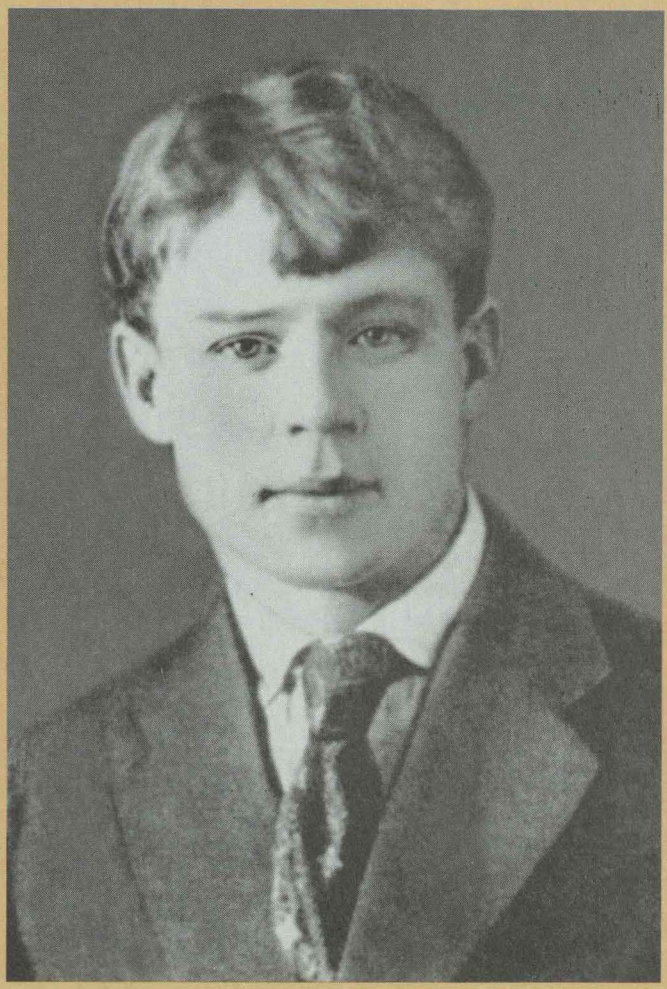
Ср 8.3.3(с=Рус)7-8
Л 524

ЛЕТОПИСЬ

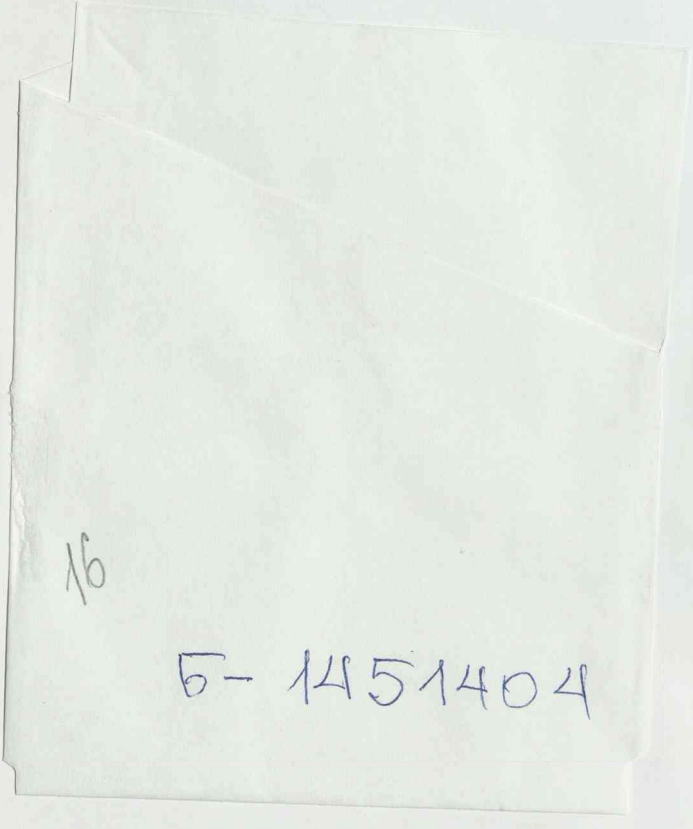
Жизни и творчества

С.А.ЕСЕНИНА

3

16
5- 1451404

Российская академия наук

Институт мировой литературы
им. А.М.Горького

ЛЕТОПИСЬ

жизни
и
творчества

С.А.ЕСЕНИНА

В пяти томах

Главный редактор А.Н.Захаров

Редакционная коллегия:

О.Е.Воронова, Л.Д.Громова, З.М.Дикун, Н.В.Есенина, С.П.Есенина, Ф.Ф.Кузнецов, Ю.Л.Прокушев, Т.К.Савченко, В.В.Сорокин, С.И.Субботин, А.М.Ушаков, А.И.Чагин, Н.И.Шубникова-Гусева

Москва
ИМЛИ РАН
2005

Кр 83.3(2=Рус)7-8
Л 524
3/1

ЛЕТОПИСЬ

жизни
и
творчества

С.А.ЕСЕНИНА

Том третий
1921 - 1923

В двух книгах

Книга 1

1921 – 10 мая 1922

Б - 1451404

Москва
ИМЛИ РАН
2005

РЯЗАНСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА им.ГОРЬКОГО

ББК 83.3

Издание осуществляется при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Исследовательский проект № 98-04-06310а
Издательский проект № 04-04-16309д

Научное издание

Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А.М.Горького

Составление тома
В.А.Дроздкова (1921) и А.Н.Захарова (1922)

Составление указателей
В.А.Дроздкова, Н.В.Михайленко, М.В.Скороходова

В работе над томом принимали участие:
Т.К.Савченко, М.В.Скороходов, Н.М.Солобай,
С.И.Субботин, Н.И.Шубникова-Гусева, Н.Г.Юсов

Ответственный редактор тома С.И.Субботин

Научная редакция тома Н.И.Шубниковой-Гусевой

Рецензенты: Н.Н.Воробьева, С.Н.Морозов

Первая книга Третьего тома Летописи включает материалы о жизни и творчестве С.А.Есенина 1921–1922 (до 10 мая) гг., расположенные в хронологической последовательности.

Приложение к тому содержит документы, фотографии, факсимиле автографов и другие материалы из государственных архивов, музеев и частных собраний, относящиеся к указанному периоду жизни и творчества поэта.

ISBN 5-9208-0165-4
ISBN 5-9208-0255-3

© ИМЛИ им. А.М.Горького РАН, 2005
© Коллектив авторов, 2005

ПРЕДИСЛОВИЕ

Третий том «Летописи жизни и творчества С.А.Есенина» охватывает период 1921–1923 годов. Творчество поэта становится все более и более разнообразным и многогранным: к существовавшим ранее жанрам добавляются «большие поэмы» (термин Есенина), закончен и трижды опубликован «Пугачев» (1921–1922), идет работа над «Страной Негодяев» (1922–1923), создается первый вариант «Черного человека» (1923). Творчество Есенина, его поездки по стране и за рубежом привлекают внимание широкой общественности, отечественной и иностранной прессы, известность поэта выходит за пределы России, особенно после поездки в Западную Европу и США.

Происходят изменения в личной жизни поэта: в феврале 1921 года Есенин начинает бракоразводный процесс с З.Н.Есениной-Райх, а 2 мая следующего года регистрирует брак с американской танцовщицей Айседорой Дункан, прибывшей 24 июля 1921 г. в Москву по приглашению наркома просвещения А.В.Луначарского для организации своей школы. Здесь дети должны были не только обучаться музыке и танцам, но и воспитываться по методу Айседоры Дункан.

В состав Третьего тома Летописи входят две книги: Книга 1 (1921–10 мая 1922) и Книга 2 (11 мая 1922–1923). Подобная структура тома вызвана тем, что зарубежная поездка Есенина (май 1922 – август 1923) стала важным этапом его жизни и творчества.

* * *

Книга 1 Третьего тома «Летописи жизни и творчества С.А.Есенина» включает в себя события, происходившие с 1 января 1921 по 10 мая 1922 года.

В эти годы слава поэта становится всероссийской. Произведения Есенина, статьи и заметки о его поэзии с начала 1920-х годов печатают зарубежные газеты и журналы. Между тем этот период жизни и творчества поэта недостаточно полно был отражен в отечественном литературоведении до 1990-х гг.: исследователи 1950–1980-х освещали его довольно скупо,

трактовали весьма субъективно и недостаточно глубоко, обвиняя Есенина в «идейном разладе <...> с действительностью» и говоря о «тлетворных влияниях имажинистов» на поэта (*Юшин П.Ф.* Поэзия Сергея Есенина 1910–1923 годов. М.: Изд-во Моск. университета, 1966, с. 247, 258).

В работе над составлением Тома широко использовались многие издания и публикации, в которых были собраны и обобщены документальные материалы: *Белоусов В.* Сергей Есенин: Литературная хроника. Ч. 2. М.: Сов. Россия, 1970; сб. «Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография» Т. 1. Часть 2. Москва и Петроград. 1921–1922 гг. / Отв. редактор А.Ю.Галушкин. М.: ИМЛИ РАН, 2005; *Крусанов А.В.* Русский авангард: 1907–1932 (Исторический обзор). В 3 т. Т. 2. Кн. 2. Футуристическая революция (1917–1921). М.: Новое литературное обозрение, 2003. Упомянутые справочники дали возможность датировать ряд событий, включая выход журналов и книг с упоминанием имени Есенина.

Формирование корпуса летописных статей и их датировка во многом базировалось на:

– содержании Полного собрания сочинений С.А.Есенина (1995–2001);

– статьях сборника «С.А.Есенин: Материалы к биографии» / Отв. редактор Н.Б.Волкова, сост., подготовка текстов, комментарии Н.И. <Шубниковой->Гусевой, С.И.Субботина, С.В.Шумихина. М.: Историч. наследие, 1992 (фактически – 1993);

– материалах сборника «Сергей Есенин в стихах и жизни: Письма. Документы» / Общ. ред. Н.И.Шубниковой-Гусевой; сост. С.П.Митрофановой-Есениной, С.И.Субботина и др.; подгот. текстов и указатель имен С.И.Субботина. М.: Республика, 1995;

– текстах и комментарии к ним сборника «Русское зарубежье о Есенине: Воспоминания, эссе, очерки, рецензии, статьи». Т. 1 и 2 / Вст. ст., сост. и коммент. Н.И.Шубниковой-Гусевой. М.: ИНКОН, 1993.

Для отдельных групп летописных статей широко использовались материалы, содержащиеся в книгах:

Шубникова-Гусева Н.И. Поэмы Есенина: От «Пророка» до «Черного человека»: Творческая история, судьба, контекст и интерпретация (М.: ИМЛИ РАН, 2001);

Тартаковский П.И. «Свет вечерний шафранного края...»: (Средняя Азия в жизни и творчестве Есенина). (Ташкент: Изд. лит. и искусства, 1981);

Зинин С.И. Поездка Сергея Есенина в Туркестан: Документально-литературная хроника. Ташкент, 2004;

Коллективный сборник «Русский имажинизм: история, теория, практика» / Под ред. В.А.Дроздкова, А.Н.Захарова, Т.К.Савченко. М.: ИМЛИ РАН, 2005;

Дункан И., Макдугалл А.Р. Русские дни Айседоры Дункан и ее последние годы во Франции / Пер. Г.Г.Лахути. М.: Моск. рабочий, 1995;

McVay G. Isadora and Esenin. Ann Arbor and London, 1980;

Маквей Г. Московская школа Айседоры Дункан (1921–1949) // Памятники культуры. Новые открытия / Сост. Т.Б.Князевская; Научн. совет «История мировой культуры». М.: Наука, 2004.

Для уточнения отдельных датировок публикаций авторских книг Есенина и коллективных сборников с его участием использовалась работа: *Юсов Н.Г.* Прижизненные издания С.А.Есенина: Библиографический справочник. М.: Златоцвет, 1994.

Были проанализированы воспоминания поэтов-имажинистов И.В.Грузинова, Рюрика Ивнева, А.Б.Кусикова, А.Б.Мариенгофа, М.Д.Ройзмана, В.Г.Шершеневича, воспоминания Г.А.Бениславской и Н.Д.Вольпин. Составители постарались также учесть воспоминания и переписку других современников Есенина: Н.О.Александровой (псевд. Н.Грацианская), Я.В.Брауна, Д.Д.Бурлюка, К.Буревого (Буровия), В.И.Вольпина, С.М.Городецкого, М.П.Костёловой, В.А.Мануйлова, В.Э.Мейерхольда, К.С.Петрова-Водкина, Т.П.Самсонова, М.Л.Свирской (Гершевич-Свирской), И.И.Старцева, И.Ф.Шаляпиной, И.И.Шнейдера, А.З.Штейнберга, И.З.Штейнберга, Е.Р.Эйгес, И.Г.Эренбурга и др.

С привлечением доступной к настоящему моменту информации удалось установить и датировать многие не известные ранее события, связанные с Есениным, а для известных – провести уточнение датировок.

В процессе подготовки данного тома Летописи важное место заняли архивные поиски. Положительные результаты дали разыскания в Государственном архиве Российской Федерации (Москва), отделах рукописных и изобразительных фондов Государственного литературного музея (Москва), отделе рукописных и книжных фондов Института мировой литературы им. А.М.Горького РАН (Москва), рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН (Санкт-Петербург), Российском государственном архиве литературы и искусства (Москва), Российском государственном архиве социально-политической истории (Москва), научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Москва), управлении регистрации и архивных фондов Федеральной службы безопасности Российской Федерации (Москва), Центральном государственном архиве Московской области (Москва), Центральном архиве литературы и искусства г. Москвы, Музее истории г. Москвы, Научно-информационном и просветительском центре «Мемориал».

Поиски распространялись не только на федеральные архивы документов, но и на архивы муниципального уровня. Например, в ЦАЛИМ (фонд Политехнического музея) были обнаружены документы об организации и проведении имажинистами в этом музее литературных мероприятий, в том

числе четырех прежде не известных вечеров с участием Есенина. Далее, в фонде редкой книги Музея истории г. Москвы обнаружена считавшаяся ранее утерянной книга «Пугачев» с дарственной надписью Есенина Я.М.Козловской.

Информацию о целом ряде не известных ранее событий, связанных с именем Есенина, удалось почерпнуть из дневников Т.Г.Мачтета, Г.А.Бениславской, Д.А.Фурманова, Г.И.Поршнева, дневника и отдельных записей И.Н.Розанова. Это прежде всего относится к впервые вводимым в научный оборот текстам Т.Г.Мачтета и И.Н.Розанова. С их помощью удалось уточнить время выхода в свет ряда книг и сборников, в которых упомянут Есенин. Сделанные авторами дневников «по свежим следам событий» записи показали в новом свете и известные факты жизни и творчества поэта. В целом ряде случаев они оказывались единственным подтверждением тех или иных событий, связанных с Есениным. Кроме того, публикуемые в Летописи почти без купюр записи И.Н.Розанова позволили выявить разночтения с текстами его позднейших воспоминаний, включая и опубликованную в 7 томе (книга первая) ПСС С.А.Есенина автобиографию поэта (в записи И.Н.Розанова).

Новизна представляемого читателю материала Летописи обусловлена не только включением в текст новых архивных документов и дневниковых записей, но и обращением к эпистолярным источникам. Благодаря анализу писем Есенина, писем к нему, а также писем его современников друг другу оказалось возможным выявить новые, не известные ранее факты жизни и творчества поэта.

Предпринятый комплексный анализ разнородных источников позволил не только датировать многие события (или уточнить датировки), но и воссоздать их по отрывочным упоминаниям. Вместе с тем отдельные летописные статьи нуждаются в дополнительных подтверждениях. Например, обнаруженный в Центральном архиве литературы и искусства г. Москвы документ подтверждает проведение в Политехническом музее в феврале–марте 1921 года ряда ранее не известных литературных вечеров, организованных Ассоциацией вольнодумцев при непосредственном участии Есенина. Они весьма интересны по составу участников, прежде всего совместными выступлениями Есенина и Ф.К.Сологуба, Есенина и Б.Л.Пастернака. Составители надеются, что впоследствии удастся обнаружить новые материалы, проливающие свет на эти события.

Составители искали необходимую информацию во всех доступных (на период подготовки Летописи) газетах, журналах и непериодических изданиях, выходивших с 1 января 1921 г. по 10 мая 1922 г. Было просмотрено более 150 наименований газет, издававшихся на территории России; газет «буферных» государств, таких как Дальневосточная республика; эмигрантских и иностранных газет. Большое количество газетных материалов с упоминанием имени Есенина впервые оказывается на страницах научного издания.

Необходимая информация обнаружена в следующих газетах: «Вперед» (Харбин), «Вечерний телеграф» (Петроград), «Время» (Берлин), «Воля России» (Прага), «Воронежская коммуна» (Воронеж), «Голос России» (Берлин), «Дальневосточная республика» (Чита), «Дальневосточная трибуна» (Владивосток), «Дальне-Восточный путь» (Чита), «Жизнь искусства» (Петроград), «За народное дело» (Ревель), «Заря» (Харбин), «За свободу!» (Варшава), «Известия» (Рязань), «Известия ВЦИК» (Москва), «Известия ТурЦИК» (Ташкент), «Красный Алтай» (Барнаул), «Красный мир» (Кострома), «Коммуна» (Калуга), «Коммунист» (Киев), «Коммунист» (Самара), «Коммунист» (Харьков), «Коммунистический труд» (Москва), «Кооперативное дело» (Москва), «Курьер» (Владивосток), «Латвийский вестник» (Рига), «Литературная газета» (Казань), «Накануне» (Берлин), «Народное дело» (Ревель), «Наш голос» (Чита), «Нижегородская коммуна» (Нижний Новгород), «Новая русская жизнь» (Гельсингфорс), «Новое время» (Белград), «Новости жизни» (Харбин), «Новый мир» (Берлин), «Новый путь» (Рига), «Общее дело» (Париж), «Огни» (Берлин), «Огни» (Воронеж), «Петровская коммуна» (Петровск), «Последние новости» (Париж), «Правда» (Москва), «Пролетарий» (Харьков), «Путь» (Гельсингфорс), «Рабочий путь» (Омск), «Рижский курьер» (Рига), «Руль» (Берлин), «Русское дело» (София), «Русский голос» (Харбин), «Свет» (Харбин), «Свобода» (Варшава), «Свободная Россия» (Чикаго), «Свободное слово» (Ревель), «Сегодня» (Рига), «Труд» (Москва), «Утро» (Нью-Йорк), «Шанхайская жизнь» (Шанхай), «Эхо» (Ковно), «Čas Večrny vyd» (Прага), «Latvijas Vestnesis» (Рига), «Venkov» (Прага).

Составителями просмотрено около 300 журналов и непериодических изданий. При этом объектом внимания стали не только литературные журналы или журналы с соответствующими рубриками, но и ведомственная и партийная периодика. Информацию о жизни и творчестве Есенина удалось разыскать в следующих журналах: «Библиографические листы русского библиологического общества» (Петроград), «Бюллетень Главного управления Государственного издательства» (Москва), «Бюллетень книги» (Москва), «Вестник искусств» (Москва), «Вестник литературы» (Петроград), «Вестник работников искусств» (Москва), «Вестник русского книжного рынка» (Берлин), «Вестник театра» (Москва), «Голос работника» (Минск), «Грядущее» (Владивосток), «Грядущее» (Петроград), «Дом искусств» (Петроград), «Знамя» (Москва), «Знамя» (Берлин), «Известия Рабоче-крестьянской инспекции» (Москва), «Информационный бюллетень Отдела народного образования» (Москва), «Искусство» (Омск), «Казанский библиофил» (Казань), «Книга и революция» (Петроград), «Книжная летопись» (Москва), «Книжный угол» (Петроград), «Красная новь» (Москва), «Культура и жизнь» (Москва), «Летопись дома литераторов» (Петроград), «Народ» (Киев), «Народное просвещение» (Москва),

«Новая книга» (Петроград), «Новая Россия» (Петроград), «Новая русская книга» (Берлин), «Отклики» (Ревель), «Печать и революция» (Москва), «Понизовье» (Самара), «Русская книга» (Берлин), «Русская мысль» (София), «Саррабис» (Саратов), «Сибирские огни» (Новониколаевск), «Смена вех» (Париж), «Современные записки» (Париж), «Сполохи» (Берлин), «Творчество» (Чита), «Театр и жизнь» (Берлин), «Театральная Москва» (Москва), «Трудовая мысль» (Тверь), «Универсал» (Москва), «Утренники» (Петроград), «Художественная мысль» (Харьков), «Художественное слово» (Москва), «Экран: Вестник Театра – Искусства – Кино» (Москва), «Clarté» (Париж), «Menschen: Zeitschrift neuer Kunst» (Дрезден), «Модерно изкуство» (София), «Nova sztuka» (Варшава), «Produkts» (Рига), «Promenoir» (Лион), «Sarkana Zvaigžne» (Рига).

Ведомственные журналы, ранее не привлекавшие внимания есениноведов, в ряде случаев также оказались источниками дополнительной информации о жизни и творчестве Есенина. Так, например, из «Информационного бюллетеня отдела народного образования Моссовета» стали известны учебный план и программа школ II ступени на 1921 год, где среди поэтов, чьи произведения рекомендовались к изучению (Пушкин, Лермонтов, Боратынский, Кольцов, Некрасов, Фет, Тютчев, Надсон, Бальмонт, Брюсов, Вяч. Иванов, Белый, Блок, Ахматова, Гумилев, Игорь Северянин, Клюев, Клычков), назван и Есенин.

Определенную трудность при составлении Летописи представляли события, к настоящему моменту не определяемые точной датой. В этом случае рамки события обозначались союзом «или». Например, задержание Есенина, А.Б.Мариенгофа и Г.Р.Колобова органами ВЧК в квартире З.П.Шатовой датируется: «Апрель, после 8 ... до 15» или «Июнь, 12 ... 19». Летописная статья с неоднозначной датировкой обязательно сопровождается развернутым комментарием, в котором приводятся все известные на данный момент аргументы в пользу первой и второй версий датировки события.

В качестве обоснования первой версии рассматриваются: утверждение А.Б.Мариенгофа о том, что посещение квартиры З.П.Шатовой произошло сразу (или вскоре) после чтения Есениным первой главы «Пугачева», т. е. до 15 апреля; предположение, что сообщение 15 апреля об аресте Есенина и А.Б.Мариенгофа на заседании правления Всероссийского союза писателей касалось именно инцидента в квартире З.П.Шатовой; анализ фотографии посетителей квартиры З.П.Шатовой, одетых в соответствии с погодными условиями (близкими к летним).

В пользу второй версии свидетельствуют: воспоминания М.Л.Свирской, относящей задержание Есенина органами ВЧК к лету 1921 года, незадолго до ее этапирования из тюрьмы ВЧК в Омск 12 июля 1921 года; интерпретация события Т.П.Самсоновым, руководителем операции ВЧК

в квартире З.П.Шатовой; анализ упомянутой фотографии, на которой одежда посетителей квартиры З.П.Шатовой может быть признана соответствующей прохладной погоде, характерной для второй половины июня. Архивные данные пока не позволяют составителям признать достоверной одну из версий. Вновь открываемые источники информации впоследствии смогут способствовать решению данной проблемы.

Таким образом, проведенная составителями собирательская и аналитическая работа позволила на новом фактическом материале дать более полную и объективную картину жизни и творчества Есенина 1921–1922 годов.

* * *

1921–1922 годы в Советской России характеризуются значительным оживлением литературной жизни. В этот период укрепляется база литературного движения, создаются новые издательства, начинают выходить новые литературно-художественные и критико-библиографические журналы. В Москве эти процессы были особенно заметными. Большое распространение получает практика кооперативных издательств, «товариществ» литераторов. Возобновляются и начинают выходить некоторые дореволюционные издания (журналы «Голос минувшего», «Былое», «Право и жизнь»).

Вместе с тем литературный процесс начала двадцатых годов характеризуется усилением борьбы между придерживающимися различных эстетических установок литературными группировками. Есенин, находясь в Москве, становится активным участником происходивших событий. С эстрады «Стойла Пегаса», Политехнического музея, литературных кафе и клубов часто звучат есенинские стихи, в том числе и из только что изданных книг «Исповедь хулигана» и «Трерядница».

В начале 1921 г. Есенин пишет стихотворение «Песнь о хлебе», изображая неизбежное столкновение «живого» и «железного» – Природы и Цивилизации: «Режет серп тяжелые колосья, / Как под горло режут лебедей»; «И цепами маленькие кости / Выбивают из худых телес»; «Все побои ржи в припек окрасив...». Это умерщвление живого и есть, по Есенину, источник всех бед. Так возможное будущее уничтожение деревенского мира, крестьянского космоса может стать всеобщей катастрофой, привести к общечеловеческому озлоблению и ненависти. В эмигрантской среде это стихотворение было воспринято как протест против насилия и беззакония: «„Песнь о хлебе“ звучит грозно и необычно: призывом к бунту <...>. В сказанных открыто словах Есенина: „И свистят по всей стране, как осень, / Шарлатан, убийца и злодей...“ – видны снова бесстрашные языки не потухшего, а разгорающегося пламени того святого

огня, который веками жег неправду, тьму, гнет и насилие страдной русской жизни» (Г.Н.Сосунов, ревельская газета «За народное дело»).

Есенин пишет последнее стихотворение 1921 г. – шедевр русской и мировой лирики «Не жалею, не зову, не плачу...». В нем поэт, подчиняясь естественному закону живой природы, благословляет все, «что пришло процвесть и умереть» (Есенин, I, 164). Публикацией этого стихотворения в 1922 году в «Красной нови» (№ 2, март–апрель) Есенин начинает свое многолетнее сотрудничество с журналом и его редактором А.К.Воронским.

Отправляясь с А.Дункан в зарубежную поездку, Есенин сдает в Госиздат книгу стихов «Избранное» (вышла 11 сентября 1922 г.), в которой впервые появляется цикл «Мреть» в составе: «Песнь о хлебе», «Все живое особой метой...», «Не жалею, не зову, не плачу...», «Дождик мокрыми метлами чистит...» («Хулиган»). Эти же стихи Есенин поместит в гржебинском томе (вышел в Берлине, 1922, осень), куда включит впервые созданный им цикл «Песни забулдыги», присоединив к только что названным – «Мир таинственный, мир мой древний...» (опубликовано в московском журнале «Культура и жизнь» в марте) и «Сторона ль ты моя, сторона!..» (берлинский журнал «Накануне», 21 мая).

За границей поэт выпустит книгу «Стихи скандалиста», в которую войдет цикл «Москва кабацкая» («Снова пьют здесь, дерутся и плачут...»; «Сыпь, гармоника! Скука... Скука...»; «Пой же, пой. На проклятой гитаре...»).

В Летописи прослеживаются все этапы работы поэта над центральным произведением этого периода – драматической поэмой «Пугачев»: рождение замысла; наброски отдельных строк и фрагментов будущего произведения; черновые варианты восьми глав; завершение работы над «Пугачевым»; отделка текста; подготовка белового автографа и машинописи рукописи; работа над корректурой; выход книги из печати. Все этапы датированы.

Подробно представлена сыгравшая важную роль в процессе создания «Пугачева» поездка Есенина в Туркестан в 1921 г. Поэт выступает в Ташкенте на вечерах в «Студии искусств», в клубе Красной Армии, в кинотеатрах «Туран» и «Хива», читает «Пугачева» на квартире В.И.Вольпина. 25 мая проходит творческий вечер Есенина в Туркестанской публичной библиотеке, в фонды которой он передает по одному экземпляру своих книг, привезенных в Ташкент. В.И.Вольпин вспоминал: «Читал Есенин с обычным своим мастерством. На аплодисменты он отвечал всё новыми и новыми стихами и умолк, совершенно обессиленный. Публика не хотела расходиться, а в перерыве раскупила все книги Есенина, выставленные Союзом для продажи. На все просьбы присутствовавших прочитать хотя бы отрывки из „Пугачева“, к тому времени уже вчерне законченного, Есенин отвечал отказом» (Восп., 1, 426).

Впечатления от Востока, от ориентальной поэзии А.Ширяевца через несколько лет отзовутся в знаменитых есенинских «Персидских мотивах».

И в России, и за рубежом незатухающий интерес к есенинскому «Пугачеву» возникает еще в период его работы над поэмой, начиная с февраля 1921 г. Уже в апреле 1921 года рижская, берлинская и парижская газеты «Новый путь», «Руль» и «Общее дело» (соответственно) сообщают о работе Есенина «над стихотворной пьесой „Пугачев“». 14 августа того же года берлинская газета «Новый мир» публикует обстоятельную статью о есенинском произведении. Поток рецензий на «Пугачева» не схлынет в течение многих лет. Автор поэмы еще до ее выхода из печати неоднократно читает главы из «Пугачева» друзьям и широкой публике в Доме печати, в клубе «Литературного особняка», в 1-м Театре РСФСР, в кафе «Стойло Пегаса» и других местах.

Драматическая поэма «Пугачев» является не только вершинным достижением «имажинистского» периода, но и одним из важнейших произведений всего творчества Есенина. В ней поэт пытается осмыслить «русский бунт, бессмысленный и беспощадный» (А.С.Пушкин), причины его возникновения и поражения, суть крестьянской психологии, особенности крестьянской души.

Однако современные поэту критики больше писали о широком использовании в ней имажинистской образности: «Есенинский герой не просто Емельян Пугачев <...>, а имажинист Пугачев» (Б.А.Масаинов; журнал «Вестник литературы»); «К чему такая имажинизация речи Пугачева? <...> „Имажинизированы“ и испорчены не только Пугачев, но и другие действующие лица» (Е.И.Шамурин; журнал «Культура и жизнь»); «Есенин <...> закрывается от нас вымышленной неразберихой имажинизма» (Н.М.П.; пражский журнал «Воля России»). Вместе с тем высказывалась мысль, что это последнее увлечение поэта имажинизмом: «Есенин <...> выберется из имажинистской трясины, засасывающей многих, – а в частности, и Пугачева» (Я.В.Апушкин; еженедельник «Экран»). И, наконец, еще одна оценка «Пугачева»: «Есть в „Пугачеве“ <...> нечто, еще не бывшее в книгах Есенина. Это широта дыхания, начало высокого эпоса» (И.Г.Эренбург; берлинский журнал «Новая русская книга»). И действительно, это было начало есенинского эпоса.

Читатель встретит в тексте Летописи широкий спектр мнений и о поэзии Есенина в целом, включая такие полярные оценки: «Есенина можно назвать первоклассным европейским поэтом» (Г.Ф.Устинов; журнал «Вестник работников искусств»); «Сергей Есенин – для меня последний большой поэт, появившийся на рубеже золотого и серебряного века нашей поэзии» (Иванов-Разумник; журнал «Летопись Дома литераторов»); «<Есенин> – одна из самых видных фигур в современной русской поэзии» (А.Р.Ланэ; казанская «Литературная газета»), а с другой стороны –

характеристика Есенина как поэта, «не вышедшего из-под десятка влияний: и Блока, и Маяковского, и Хлебникова, и др.» (Н.Н.Асеев; газ. «Дальневосточная трибуна»), или причисление Есенина к пациентам «Палаты № 6» (псевд. Незнакомец; харбинская газ. «Свет»).

Зачастую противоположные отклики встречали одни и те же есенинские произведения. Вот две оценки его «маленьких поэм»: «„Триптих“ Есенина – трепет человеческой души, с болью сердца и благословением, с страданием и надеждами принимающий революцию» (Р.Гуль; берлинская газ. «Время») и «Напыщенный бред сумасшедшего» (Рене Санс; белградская газ. «Новое время»;). Противоречивые оценки давались и есенинскому «Пугачеву».

Неоднозначно оценивалась литературной критикой и имажинистская поэзия. Поэтому составители при освещении в Летописи критических статей старались по возможности передать весь спектр мнений и оценок. «Ни одно из литературных направлений в революционную эпоху так ярко не выявило себя, как имажинисты» (Н.И.Григорьев; воронежская газ. «Огни»); «<Имажинисты> все же являются, может быть, единственным жизненным элементом современного русского творчества» (А.Готвилль; ревельская газета «Свободное слово»). И в то же время: «Имажинисты – плоть от плоти мещанства. <…> Их слава – сестра скандала» (П.С.Коган; парижский журн. «Смена вех»); «<Они> яркие, но ядовитые цветы, вынесенные накипью революции» (Ф.В.Иванов; берлинская газ. «Голос России»); «<Имажинисты> – выкидыши буржуазного строя, прыщи на светлом лике революции» (Г.А.Плетнев; воронежская газ. «Огни»).

Как видим, критика не всегда учитывала принципиальную разницу между есенинским имажинизмом, основанным на органической образности, и имажинизмом В.Шершеневича и А.Мариенгофа.

Вместе с тем, как бы ни разнились оценки творчества Есенина, в том числе и как участника Ордена имажинистов, за очень редким исключением все критики, независимо от того, к какому лагерю они принадлежали, признавали его мощный талант. Эту мысль в письме к А.С.Ященко в Берлин выразил И.Г.Эренбург: «Есенина ценят в России все писатели различных направлений».

Итак, 10 мая 1922 года в зарубежное путешествие с Айседорой Дункан отправился «знаменитый русский поэт» (стихотворение «Разбуди меня завтра рано…») Сергей Есенин.

* * *

Приложение к книге 1 Третьего тома составили и подготовили к печати В.А.Дроздков, Гордон Маквей и Ю.А.Паркаев.

В работе над Третьим томом (Книга 1) Летописи активное участие принимали члены Есенинской группы ИМЛИ РАН Т.К.Савченко, М.В.Скороходов, Н.М.Солобай, С.И.Субботин, Н.И.Шубникова-Гусева, Н.Г.Юсов.

Большую помощь составителям оказали:

– С.И.Субботин, предоставивший редкие материалы из ГАРФ и РГАЛИ, много сделавший для уточнения датировок ряда летописных событий, проведший унификацию разнородного материала Тома;

– Н.И.Шубникова-Гусева, консультировавшая по вопросу творческой истории поэмы Есенина «Пугачев» и предоставившая дополнительные материалы по другим разделам;

– А.Ю.Галушкин, ознакомивший составителей с рукописью только что вышедшей книги «Литературная жизнь России 1920-х годов», ответственным редактором которой он является, и многократно консультировавший по вопросам литературной жизни Москвы 1921–1922 гг.;

– Гордон Маквей (Англия), приславший ряд материалов о жизни А.Дункан и их совместной с Есениным поездке за рубеж; предоставивший составителям для работы над Летописью свою книгу «Isadora and Esenin. Ann Arbor and London, 1980», рукопись статьи «Есенин и Н.Д.Вольпин»;

– Мишель Никё (Франция), ознакомивший с труднодоступными для отечественных исследователей материалами о Есенине на французском языке;

– Л.Г.Григорьева, предоставившая рукопись своей книги «Статьи о Есенине и переводы его произведений на иностранные языки»;

– Ю.А.Паркаев, познакомивший с ранее не известными материалами из своего личного архива.

Составители выражают признательность А.М.Ушакову за ценные замечания, высказанные по работе над томом, и всему коллективу научных сотрудников Отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья ИМЛИ. Составители благодарны хранителям есенинских материалов: сотрудникам ГМЗЕ – О.Л.Аникиной, Н.Н.Бердяновой, К.П.Воронцову, А.В.Девятайкиной, З.М.Дикун; Т.Я.Зотовой, В.И.Панкратовой; РО ИМЛИ – М.А.Айвазяну, Е.Ю.Литвин; ИРЛИ – Л.Н.Ивановой, М.М.Павловой, Т.С.Царьковой; сотруднице Орловского краеведческого музея А.В.Гольцевой, работникам других государственных архивов (ГЛМ, РГАЛИ, РНБ, ГАРФ, ЦАЛИМ), а также Н.В.Есениной, С.П.Есениной, О.Е.Вороновой, Н.В.Котрелеву, О.К.Переверзеву, Л.Ф.Карохину, А.Ф.Маркову, Л.М.Турчинскому, А.А.Федюхину, А.Е.Парнису, В.П.Нечаеву, Я.В.Леонтьеву, Ю.В.Васильеву, Е.Ю.Чичковой.

Составители

Рязанская областная универсальная научная библиотека имени Горького

ЛЕТОПИСЬ

Б - 1451404

РЯЗАНСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА им.ГОРЬКОГО

ДЕТОПИСЬ

Б - 463404

ВЕЛИКОЛЕПНАЯ ВАЛЕНСИЯ
ПРОЧНОСТЬ ОБЕСПЕЧЕНА

1921

Январь, до 3. Выходит книга: Авраамов А. Воплощение: Есенин — Мариенгоф. М.: Имажинисты, 1921.

Граница события определяется по упоминанию книги в дневнике И.Н.Розанова (см. след. запись).

Книгу предваряют три эпиграфа:

«В вас веру мою исповедую» (Арсений Авраамов); «Говорят, что я скоро стану / Знаменитый русский поэт» (Есенин); «Как табуны, пройдут покорно строфы / По золотым следам Мариенгофа» (Мариенгоф).

В первой главе «К черту!» автор утверждает, что эта книга — «о Есенине-Мариенгофе, русского и м а ж и н и з м а Янусе, о творческом ими воплощении моих заветных мечт», а в следующей главе «Путь истины» разъясняет:

«...сколько уж лет подряд ношу бесплодную мечту о р и т м и ч е с к о й поэзии — писал статьи („Современник", 1915: „О путях заезженных и тропах заказанных"), агитировал поэтов по одиночке — тщетно. <...> И вдруг — случайно зайдя в кафе „Союз поэтов", только что вернувшись из полуторагодовых скитаний по провинции — впервые услыхал, как ч и т а ю т свои стихи Есенин и Мариенгоф: это было откровением — так вот он, п р е о д о л е н н ы й (не первозданный) х а о с верлибра; вот он — воочию, наяву сбывшийся сон, некогда бледная бесплотная мысль — скелет теоретика, — облеченная всем богатством, изобилием цветущей кровяной плоти... наконец-то!».

А.Авраамов называет Есенина «гениальным имажинистом», особо выделяя его образы:

«Хотите целую книгу — in folio — напишу о „месяце" Сергея Есенина? Еще книгу о его „корове"? Еще и еще по книге — о его солнце, звездах, дереве, Боге, лошади? <...> Не только „шаблонных" нет у него — свои собственные, новые образы он никогда не повторяет. Сам он — рог изобилия, образ его — сказочный оборотень».

В заключительной главе «Строй и лад» автор приводит отрывки из произведения А.Мариенгофа «Слепые ноги», стихотворение Есенина «Душа грустит о небесах...» и два четверостишия из его же стихотворения «О пашни, пашни, пашни...» в «неофутуристическом наряде», сожалея, что нельзя использовать многоцветную печать:

СЛЕПЫЕ НОГИ

ЧеловеЧеСКиХ ТемныХ СТраД
в ЩеляХ ВеК НеЖиВые БелКи
ПоруБленныХ Дней Кора
и ЗолоТые оПилКи
КТо однаЖДы СкаЗал ПоЩаДи
ТоТ не ЗнаеТ ПоБеДы ЖелеЗной
ЖелТиЗною оСенниХ ЩеТин
ЧеловеЧья ШКура оБлеЗла
. . . . . .
Мне наД Кем Же наД Теми ль наД эТими
РаССыПаТь ГорСТями ДуШу

или КолПаК наДеТь
КолеБлюЩиХСя воЗДуШий
..... <...>

(МАРИЕНГОФ)

ДуШа ГруСТиТ о неБеСаХ
она не ЗДеШниХ нив ЖилиЦа
люБлю КоГДа на ДереваХ
оГонь Зеленый ШеВелиТСя
То СуЧья ЗолоТыХ СТволов
КаК СвеЧи ТеПляТСя ПреД Тайной
и раСЦвеТаюТ ЗвеЗДы Слов
на иХ лиСТве ПервонаЧальной
ПоняТен мне Земли ГлаГол
но не СТряХну я муКу эТу
КаК оТразивШий в воДаХ Дол
вДруГ в неБе СТавШую КомеТу
ТаК Кони не СТряХнуТ ХвоСТами
в ХреБТы иХ ПьюЩую луну...
о еСли Б ПрораСти ГлаЗами
КаК эТи лиСТья в ГлуБину!
.....
КаК ПТиЦы СвиЩуТ верСТы
иЗ ПоД КоПыТ Коня
и БрыЗЖеТ СолнЦе ГорСТью
Свой ДоЖДиК на меня
о Край раЗливов гроЗныХ
и ТиХиХ веШниХ Сил
ЗДеСь По Заре и ЗвеЗДам
Я ШКолу ПроХоДил
.....

(ЕСЕНИН)

Автор делает заключение:

«Сравните внимательно эти две странички <т. е. стихи А.Мариенгофа и Есенина> — и если вы музыкант, вспомните Баха и Генделя: у одного самодовлеющая красота архитектоники и глубокий захватывающий лиризм — у другого суровый эпос, холодный до жгучести и полное подчинение архитектоники — выразительности. Но оба — недосягаемые колоссы, с величавой простотою повествующие о делах мира сего и о своем духовном мире — равно величественно, равно гениально.

Таковы колоссы имажинизма — Есенин = Мариенгоф, пророки величайшей Революции, творящие на грани двух миров, но устремленные — в великое Будущее».

См.: 14 июня 1919; 30 дек. 1921.

Книга была подготовлена к печати не позднее ноября 1919 г., но попытка договориться с Госиздатом об ее издании не увенчалась успехом. Об этом свидетельствует выписка из протокола заседания коллегии литературно-художественного отдела Госиздата от 20 нояб. 1919:

«Слушали: 4) Отзыв В.Я.Брюсова о рукописи А.Авраамова „Воплощение“. Книга может интересовать очень ограниченный круг по вопросам о разных тонкостях русского стихосложения. Написана в духе „имажинистов“.

Постановили: 4) Разрешить печатать в 5 очередь».

Субботин-2001, 159, 168.

Здесь же — объявление издательства «Имажинисты» с анонсом книг с участием Есенина или книг о нем, которые впоследствии не выходили:

«...**Лапта Звезды.** С.Есенин, А.Мариенгоф.<...>
Есенин и Мариенгоф. Монография о Г.Якулове (готов).
Есенин и Мариенгоф. Монография о С.Конёнкове (гот.)<...>
Арсений Авраамов. Книга об Есенине (печат.)<...>
Рюрик Ивнев. С.Есенин и слово о полку Игореве (гот.)».

См.: 30 дек. 1921.

Январь, 3. И.Н.Розанов записывает:

«...Я прочел о месяце у Есенина из только что купленной мною книги Авраамова „Воплощение“».

Дневник Розанова, ед. хр. 5, л. 11.

Речь идет о главе «Оборотень» этой книги:

«Привыкли мы: есть луна — есть месяц.

Месяц — ясный, синий, золотой; обыкновенно — сияет. Луна — печальная, бледная, мертвая (у футуристов — дохлая); плывет, льет серебро <...>. И так ведется из века в век <...>. И вот пришел Есенин, и не успев напечатать трех сотен страниц, шутя, между „делом“, дал русской поэзии свыше полусотни незабываемых образов месяца-луны, н и р а з у не обмолвившись не только ни одним из перечисленных „эпитетов“, но вообще н и о д н и м эпитетом: образ чистый, глубокий, динамический образ — стихия гениального имажиниста...».

Январь, после 3. Есенин делает дарственную надпись на книге А.Авраамова «Воплощение: Есенин – Мариенгоф» (1921) работнику «Центропечати» И.С.Козлову:

«Милому и доброму, нежно расположенному к имажинистам Ивану Семеновичу Козлов<у>. Вождь Имажинистов С.Есенин».

Датируется с учетом времени выхода книги.

Есенин, VII (1), 193.

Адресат инскрипта в 1919–1921 гг. был заведующим отделом приемки и распределения книг при книжной экспедиции агентства «Центропечать» (Есенин, VII (1), 467). Именно он являлся непосредственным исполнителем распоряжений руководства «Центропечати» о покупке и приемке у имажинистов их книжной продукции.

Январь, 4. Встретившись в магазине художников слова «Библиофил» с И.Н.Розановым, Есенин надписывает ему свою книгу «Исповедь хулигана»:

«Ивану Никаноровичу Розанову С. Есенин 1921».

Текст инскрипта: Есенин, VII (1), 136.

Место и дата события устанавливаются по дневниковой записи И.Н.Розанова того же дня:

«Днем (2–5 <часов>) на факультетском заседании <...>. На обратном пути зашел в лавку „Художников слова“. Там купил ряд книг. На двух расписались Есенин и Мариенгоф».

«Исповедь хулигана» с автографом Есенина и коллективный сборник «Имажинисты» с автографом А.Б.Мариенгофа ныне хранятся в Государственном музее А.С.Пушкина (Библиотека русской поэзии И.Н.Розанова).

О выходе «Исповеди хулигана» в свет см.: Летопись, 2, 442–443.

Происходит беседа Есенина с И.Н.Розановым.

Один из ее эпизодов фиксируется литературоведом:

«Днем *сказал Есенину, что он попадет у меня в 10 том».

Дневник Розанова, ед. хр. 5, л. 11 (звездочка поставлена автором).

В воспоминаниях И.Н.Розанова (1926) этот эпизод будет изложен иначе:

«...я работал над вторым томом своей „Русской лирики“. Первый вышел в конце 1913 года и посвящен был лирике двадцати пяти старших современников Пушкина. Во втором должны были быть поэты — ближайшее окружение Пушкина. Есенин меня спросил: „О ком вы пишете сейчас?“ Я отвечал, что пишу о забытых поэтах, Катенине и Плетневе, но когда-нибудь дойду и до современных поэтов. Есенин, смеясь, сказал: „Я войду, вероятно, только в ваш десятый том!“».

Восп.-95, 297.

См. также: 26 февр. 1921.

Журнал «Вестник театра» (№ 78–79) дает информацию, что драма В.Э.Мейерхольда, В.М.Бебутова и С.А.Есенина «Григорий и Димитрий» включена в репертуарный план Театра РСФСР (Первого).

На одной из репетиций (16 нояб. 1936) В.Э.Мейерхольд расскажет о зарождении замысла этой пьесы:

«... Изучая Григория, мне удалось легко создать в голове сценарий. Когда я сидел в тюрьме в Новороссийске, у меня в руках был томик Пушкина с примечаниями историка Поливанова, и я там сочинил этот сценарий, который потом предложил Есенину. Я сказал ему, что дам ему сценарий, и чтобы он на основании этого сценария написал драму в стихах».

Мейерхольд Вс. Статьи, письма, беседы. М., 1968, с. 383.

По замыслу Мейерхольда, в пьесе встречались два мальчика — царевич Димитрий и Григорий Отрепьев. Замысел не был осуществлен (там же, с. 573).

См. также: Шубникова-Гусева, 90.

Газета «Правда» (№ 2) публикует статью М.Кольцова «Москва-матушка»:

«Все стены заклеены пестрыми афишами: Диспут! Словопря! Оппоненты! „Поэзия и религия“! <...> Диспуты! Диспуты! Нажива бездельникам, трибуна болтунам, базар дуракам, тоска взыскующим... Конкурсы стихов, вечер поэтесс, вся шумная суетливая дребедень старой многоумственной матушки-Москвы. Раньше встречали Новый год с цыганами, с Балиевым, с румынским оркестром. А теперь — пожалуйте, тоже весело: „Встреча нового года с имажинистами. Билеты продаются!“».

Встречу Нового года организовали Есенин, А.Мариенгоф, В.Шершеневич (см.: 31 дек. 1920).

Январь, 5. Есенин надписывает книгу «Исповедь хулигана» библиофилу и библиографу Н.В.Скородумову:

«Уважаемому Николаю Владимировичу Скородумову. Сергей Есенин. 1921. 5 января. Москва».

Есенин, VII (1), 132, 452.

В газете «Коммунистический труд» (№ 240) печатается объявление о предстоящем в тот же день выступлении Есенина в клубе Всероссийского союза поэтов.

Сведений о выступлении поэта не обнаружено.

Январь, 6. И.Н.Розанов делает заготовку для одного из томов своей книги «Русская лирика» (не выходила):

«6 января 1921 г.

По поводу книжки „Имажинисты".

Есенина „Сорокоуст" заставил подумать: Заря ли Есенин утренняя или закат. [Основное] Е<сенин> не прославляет поступат<ельное> шествие механизма, как сделал бы футурист или пролетарский поэт, а скорбит об ушедшем...

В этом нет „передового", но зато не пахнет и „передовицей", как у многих пролетарских, а поэзия есть несомнен<н>а<я:>

(Ветер) как будто с коней скребницей
Очесывает листья с кленов.

Основное выражение в 4 <строках>

О, электрический восход,
Ремней и труб глухая хватка,
Се изб древенчатый живот
Трясет стальная лихорадка! *<нрзб.>*

Зачем „Се"?

В общем хорошо, цельно и ясно.

Мариенгоф в „Фонтанах седины", интересных по построению строк и ассонансов, чуть шелестящих — наоборот — говорит об индивидуальном.

За спиной у Есенина всегда Русь, [дерев]. За спиной Мариенгофа — его собств<енные> тени и мысли. Тем-то Есенин и силен. Надоевший образ об Антее к нему применим».

РГБ, ф. 653, карт. 25, ед. хр. 13, л. 9.

Затем И.Н.Розанов отмечает:

«Р<усская> Л<ирика>. Несколько строк о Есенине и Мариенгофе».

Дневник Розанова, ед. хр. 5, л. 11 об.

Свои мысли о «Сорокоусте» И.Н.Розанов подытожит в 1926 г.:

«В «Сорокоусте» <...> ему удалось дать образ необычайный и никому другому не удавшийся в такой степени по силе и широте обобщения: образ старой, уходящей деревянной Руси – красногривого жеребенка, бегущего за поездом».

Восп.-95, 297–298.

Январь, 7. Размышляя о Есенине и В.Маяковском, И.Н.Розанов записывает:

«7 янв. 1921.

Есенин и Маяковский

Есенин — лирик,
У первого — мотив,
У первого — удаль и простор родины.

Маяковский — эпик.
у второго — сюжет.
У второго — мощь
и мировой масштаб.

Есенин (самими корнями с деревней) поэт деревни.	Маяковский — поэт города.
Есенин называет себя разбойным, разбойником, озорником, хулиганом, хамом. Знаменитым поэтом. (я по крови своей конокрад).	М. — Голгофником, Гением
Е. [о себе] говорит [радостно с сдержанным сочувствием к людям, говорит и так] о горе других, а о себе радостно.	М. о своей собственной трагедии, а о страданиях других не без юмора („В.Маяковский“).
Оба реалисты, но фантастические.	
У Е. в отд. образах	У М. в основе многих сюжетов
простота и грубость выражений.	
У Е. от желания быть ближе к дерев<енской> жизни, мужицкому простор<у>.	У М. от желания не быть как другие лицемеры — быть ближе к правде физиологическ<ой>, правде природы.

Революцию оба принимают».

РГБ, ф. 653, карт. 25, ед. хр. 13, л. 10.

О проделанной работе И.Н.Розанов помечает:
«Р<усская> Л<ирика> 1 стран<ица> сравн<ения> Есенина с Маяковским».
Дневник Розанова, ед. хр. 5, л. 12.

Рижская газета «Сегодня» (№ 5) помещает статью Н.Г.Козырева «Шоколадные „Скифы “» (подпись: Ник. Бережанский).

Автор, в частности, пишет:

«Честные и устойчивые <стихотворцы> предпочли воблу шоколаду и писание „отношений“ и циркуляров — советской поэзии. А слабые и себялюбивые за паек с шоколадом нестройным, но громким хором запели *уру* и осанну. Так вот создался материал для издательства „Скифы“, тенденция которого выпирает во всех изданных книжках, особенно в двух капитальных вещах: Андрея Белого „Христос Воскресе“ и „Товарищ. Инония“ Сергея Есенина под общим заглавием „Россия и Инония“. <…>

Бронированным поэтическим пайком в Сов. России пользуются лишь всего две тысячи человек. Следовательно, если даже такой большой и оригинальный поэт, как Андрей Белый, без пяти минут академик, получает этот паек ценою обожествления совнаркома, то поэтам помельче, вроде Есенина, нужны особенные дерзания, чтобы попасть на казенный кошт.

Когда я читаю его „Товарища Инонию“ — диссертацию на получение привилегированного пайка, мне кажется, дело происходило так:

— Что, Сергей Есенин, хочешь получить паек с шоколадом? Ну, валяй, покажи, „что ты могишь?“

Я сегодня снесся, как курица,
Золотым словесным яйцом…
……
Под гармоники пьяной клики
Заставлю плясать я смерть…

— Слабо, Есенин, нельзя ли позабористее? Могишь?

До Египта раскорячу ноги...
Коленом придавлю экватор...

— Тоже слабо, Есенин, а как бы насчет Назарету?

Так говорит по Библии
Пророк Есенин Сергей...

— Старо, не ново, Игорь Северянин сказал это раньше. Нельзя ль поновей да позабористей?

Тело, Христово тело,
Выплевываю изо рта...

— Во-во, валяй, попал в самую точку. Жарь, братец, жарь!

Как овцу от поганой шерсти...
Даже Богу я выщиплю бороду...
Ухвачу его за гриву белую...
Проклинаю я дыхание Китежа...
Проклинаю тебя я, Радонеж...
Языком вылижу на иконах я... <...>

— Вот, вот, правильно, товарищ! Получай ордер на поэтический паек...
— Мерсите вам... Я и еще могу:

По-иному над нашей выгибью...
Радуйся, Сионе, проливай свой свет!
Новый в небосклоне вызрел Назарет. <...>

— Спасибо, товарищ, разуважил. Дать ему еще плитку щиколату... Потому, насчет Бога, он тово... Гы-гы-гы...

Так творится сейчас в России поэзия, которую обязывает нас читать книгоиздательство „Скифы“».

Автор (без сомнения, умышленно) умалчивает о том, что «Инония» была написана тремя годами ранее: ее замысел относится к концу 1917 г. (Летопись, 2, 79), а завершение – к январю 1918 г. (Летопись, 2, 88–89). О первых публикациях поэмы см.: 19 мая 1918; 15 июня 1918.

О других откликах в печати русского зарубежья на книги Есенина, выпущенные издательством «Скифы», см.: 23 дек. 1920; 16 янв. 1921; 17 янв. 1921; 3 февр. 1921; 27 февр. 1921; 31 марта и 1 апр. 1921; 20 июля 1921; 22 июля 1921.

Харьковская газета «Пролетарий» (№ 5) в анонимной статье «Устный литературный альманах» сообщает:

В его первом номере «будут прочитаны новые стихи <...>, а также последние новинки московской литературной жизни: стихи Есенина, Блока, поэма Маяковского „150 миллионов“ в исполнении лучших артистов».

Январь, 8. И.Н.Розанов размышляет об «Исповеди хулигана», «Сорокоусте» и других произведениях Есенина:

«8 янв. 1921.

Есенин

„Исповедь хулигана“

Ес<енин> певец уходящей Руси. Не давно прошедшей <...>, а исчезающей у нас на глазах крестьянской „деревянной Руси“:

Русь моя, деревянная Русь,
Я один твой певец и глашатай.

[Звеpинных с]
. . . . . .
Только мне, как псаломщику, петь
Над родимой страной „аллилуя".

[Отсюда его нежность] Он весь сказался в нежности к жеребенку, пытающемуся догнать поезд:

Милый, милый, смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница?

Сознание говорит одно — и сознанием Ес<енин> новый человек — а сердце другое...

И Ес<енин> охотно [обращается к Герасимову] отмечает страх деревни перед новым <цитируются четыре последние строчки второй главки „Сорокоуста">.

„И всё сильней тоскуют песни!" ... И сам он посылает такое приветствие поезду:

Черт бы взял тебя, скверный гость!
Наша песня с тобой не сживется.
Жаль, что в детстве тебя не пришлось
Утопить, как ведро в колодце.

Ес<енин> любит вспоминать прошлое: свое детство в деревне („Исповедь хулигана").

Есть ли у Е<сенина> эпатаж? Вряд ли это слово (иностранное к тому ж) применимо к нему.

Может казаться озорством, что он не знает деления слов и действий на приличные и неприличные, как не знает этого деления и 90% рус<ского> народа. В литературную речь он вводит эти слова впервые... Но от этого пахнет деревней, [здоровьем,] навозом... и здоровьем... А „эпатаж" предполагает ухищренность: пресытившиеся нервы от [утончен. буржу] искусственности поразить сильно действующим средством. Но всё же Ес<енин> идет в направлении, кажется, противоположном с Маяк<овским>. Он постепенно все более становится хулиганом (религ. отнош. и скромность Е<сенина> в Радунице (Маковые побаски)).

Ес<енин>, как и Сологуб, кухаркин сын! Но [тот декадентствовал довел] оба из недр! Как декадентство русское нужно изучать не на В.Брюсове первых годов или З.Гиппиус, а в Сологубе, где оно проявилось сильнее, так и поэзию революционных годов — не на [Маяков.] пролет<арских> поэтах, не на Маяковск<ом>, а на Есенине.

Есть поэты-счастливцы в том смысле, что они с самого начала вводят свою собст<венную> символику образов.

Блок — сим<волика> церковных обрядов <...> паперть, свечи, инок <...>.

У Клюева — то же выросло из его обстановки (?) (но слабее) и уже не ново, после Блока.

У Кусикова (инвентарь кавказского обихода).

У Есенина — (Домашние животные)

1. Корова.
2. Лошадь.
3. Пес...».

РГБ, ф. 653, карт. 25, ед. хр. 13, л. 11–13.

Затем литературовед записывает:

«Р<усская> Ли<рика>. Немного о Есенине».

Дневник Розанова, ед. хр. 5, л. 12.

Январь, 8 ... 17. В берлинском журнале «Русская книга» (№ 1; рубрика «Хроника») утверждается, что Есенин «присоединился к большевикам» и что в новую группу «имажинистов» кроме него входят «Маяковский, Шершеневич и др.».

Нижняя граница события определяется по информации берлинской газеты «Голос России» (1921, 7 янв., № 7): «На днях выйдет № 1 журнала „Русская книга“». Верхняя граница – по сообщениям газет «Рижский курьер» (1921, 18 янв., № 18) и «Новая русская жизнь» (Гельсингфорс, 1921, 18 янв., № 13) о выходе первого номера в свет.

Отклики и полемику см.: 22 мая 1921; до 19 июня 1921; 14 июля 1921.

Январь, 9. Продолжая анализировать поэзию Есенина, И.Н.Розанов формулирует этапы его творчества:

«9 янв. 1921 г.

Есенин

Есенин в последних изданиях „Радуницы“ выбросил ряд ст<ихотворен>ий, где есть местные слова, а иногда слова заменял — „убогий“ вм<есто> „улогий“...

Е<сенин> отрицает (в разговоре) периоды в своем развитии... Всё последовательно. Но можно установить:

Период близости к Клюеву.
Сближение с Клычковым.
Сближение с Мариенгофом.

Собств<енно>, только в третий период он становится во весь рост. Этот период характеризуется:

1. Новыми невыдерж<анными> размерами.
2. Усилением колич<ества> образов из мира домашних животных.
3. Хулиганством с неприлич<ностями>, например, в мужицких выражениях <...>.

Отрок ветер по самые плечи
Оголил на бер<езке> подол
Соседи — без порток...
Бог... — сняв портки

В „Плавильне слов“ есть *<нрзб.>* правильного размера и рифм. В „Исповеди хулигана“ порой строчки без рифм.

Но особый прием:

Я люблю родину.
Я очень люблю родину!

Так неск<олько> раз...».

РГБ, ф. 653, карт. 25, ед. хр. 13, л. 14.

Позже критик отмечает:

«Р<усская> Л<ирика>. Чуть-чуть о Есенине».

Дневник Розанова, ед. хр. 5, л. 12 об.

Январь, 9 и 13. Берлинская газета «Голос России» (№ 7 и 10) информирует о выходе в издательстве «Скифы» книг:

«Сергей Есенин. „Товарищ“. „Инония“ (поэма) <...>

Сергей Есенин. „Пришествие“. „Октоих“. „Преображение“ <„Триптих“>».

Январь, 10. В беседе И.Н.Розанова с Н.Д.Вольпин идет речь о Есенине.

Событие устанавливается по записи И.Н.Розанова того же дня:

«...Вечером в „Лит<ературном> Ос<обняке>“ и Д<оме> Печати <...> Вольпин просила достать книгу моего брата <...>. В зале беседовал с нею о Есенине и Асееве».

Дневник Розанова, ед. хр. 5, л. 13.

Январь, 11. По прочтении коллективного сборника «Явь» с участием Есенина И.Н.Розанов записывает:

«11 янв. 21

Книга „Явь“

(прочитано с пятого на десятое)

Это сборник не столько революц<ионных> стихов, [сколько] но и кощунственных: угрозы и грубые вскрики против солнца (начал еще давным-давно Сологуб), против неба, против Бога. Более подлаживающийся, чем откликающийся Шершеневич заставляет кричать поэта Богу: „Ну, чего раскорячил руки, как чучело“. „Мы боги, мы люди, а не консервы“, — восклицает В.Каменский. Всех ярче и всех кощунственнее Мариенгоф (не здесь ли впервые показал свое лицо). О Боге он говорит холодно, как никогда и не знавший его. Это не богоборчество, как у Маяковского. У Мариенгофа это торжество над трупом убитого врага, с коим он сам не боролся... но ликует, трубит победу: мы пахали! Это ослиное ляганье мертвого льва. <...> Некоторые, как Есенин или Оленин, и в рев<олюционных> стихах не могут обойтись без религ<иозной> символики...».

РГБ, ф. 653, карт. 25, ед. хр. 13, л. 16.

Затем он помечает:

«...Читал „Явь“. Кое-что из впечатлений записал».

Дневник Розанова, ед. хр. 5, л. 13 об.

Пражская газета «Воля России» (№ 99) помещает объявление издательства «Скифы» (Берлин):

«Поэзия и литературная критика:

Андрей Белый. Христос Воскресе;

Сергей Есенин. Товарищ. Инония (поэма);

Р.Иванов-Разумник. Россия и Инония. 6 м<арок>».

Январь, до 13. В издательстве «Имажинисты» выходит книга А.Б.Мариенгофа «Развратничаю с вдохновеньем: Поэма».

Граница события определяется по записи И.Н.Розанова от 13 янв. 1921:

«...Зашел в Лавку поэтов, а затем писателей. В последней встреча с <...> Апушкиным. С ним и вышли. Купил я Мариенгофа разврат <„Развратничаю с вдохновеньем“> <...>.

Р<усская> Л<ирика>. Писал кое-что о Мариенгофе».

Дневник Розанова, ед. хр. 5, л. 14.

О том, что книга А.Мариенгофа вместе с книгой Есенина «Исповедь хулигана» выпущены без официального разрешения, вскоре будет официально сообщено в ВЧК (см.: после 13 янв. 1921).

Январь, 13. И.Н.Розанов подытоживает результаты своего сравнительного анализа творчества поэтов-имажинистов, включая Есенина:

«13 янв. 21 <...>

Мариенгоф мог бы сказать: „Имажинизм — это я“, п<отому> ч<то> Шерш<еневич> — это маскарад. Экс-Надсон (Весенние проталинки), экс-символист (Carmina), экс-футурист (в ряде книг) носит имажинизм на себе как модный костюм, френч <...>.

Есенин больше, чем имажинист. Он не характерен для имажинизма, п<отому> ч<то> был Есениным до встречи с Мариенгофом. Другими словами, его привлекательность не в этом.

Остальные: Грузинов, Малахов и т. д. – просто не заслуживают внимания.

Один Мар<иенгоф> тесно связан с имажинизмом. На его хребте въехал он в литературу с шумом и скандалом. <...>

У М<ариенгофа> свои приемы:

1. Своя рифмовка — вернее ассонирование в окончаниях строк слов с подобными звуками, но с ударениями на разных слогах <даются примеры>.

2. Свои диссонансы <...>. Соединение диссонанса с переносом ударения <...>.

Хорошие иногда ассонансы: гардероб – серебро, – менее ориг<инальны>, чем у Ес<енина>...».

РГБ, ф. 653, карт. 25, ед. хр. 13, л.18–20.

Январь, 13 и **17.** Я.В.Апушкин и И.Н.Розанов в беседах друг с другом, говоря о Есенине, отмечают его легкую «зажигательность» и хорошую «наивность».

События и их даты зафиксированы И.Н.Розановым в отдельной ретроспективной записи 26 февр. 1921 (РГБ, ф. 653, карт. 25, ед. хр. 13, л. 43).

См. также: до 6 февр. 1921, вторая запись.

Январь, после 13. Госиздат доводит до сведения ВЧК, что книги Есенина «Исповедь хулигана» и А.Б.Мариенгофа «Развратничаю с вдохновеньем» вышли из печати без соответствующего разрешения.

Событие устанавливается по содержанию доклада сотрудников Наркомата рабоче-крестьянской инспекции (см.: 31 мая 1921), а его граница определяется с учетом времени выхода в свет книги А.Мариенгофа (см.: до 13 янв. 1921).

Январь, 14. Пражская газета «Воля России» (№ 102) публикует статью Б.Ф.Соколова «Литературные очерки: Статья об имажинистах»:

«Молодые и шумные, они на развалинах литературной Москвы хотят строить свою жизнь, жизнь по-своему <...>. Они – знамение своего времени, плоть от плоти, кровь от крови от жизни российской сегодняшнего дня.

Они не только владеют книжной лавкой – одной из трех уцелевших в Москве. Они – издают. Они хозяева положения в кафе поэтов.

„Кто мы“. (Этот „манифест“ был написан в Москве, август 1920 г., <Вадимом> Шершеневичем в ответ на просьбу объяснить сущность имажинизма).

„Нас – имажинистов – еще мало.

В поэзии: Сергей Есенин

Вадим Шершеневич

Анатолий Мариенгоф.

В живописи: <Я>кулов и Эрдман.

Но наши теории заразили столицы и провинции. Всюду у нас талантливые ученики <...>.

Наши лекции полны. Тираж книг – все растет. И кислая улыбка государственных деятелей искусства, и овации молодежи, признающих трех и только трех
апостолов современности –
апостолов имажинизма!"

Их поэзия?

У всех трех имажинистов – образ, форма стихов и даже слова схожие, близкие.

Вот, например, стихотворение Сергея Есенина из „Конницы бурь", II серия имажинистов <так!>, январь 1920 г.:

Славь, мой стих, кто ревет и бесится,
Кто хоронит тоску в плече –
Лошадиную морду месяца
Схватить за узду лучей, –

и дальше:

За седины твои кудрявые,
За копейки с златых осин
Я кричу тебе: „К черту старое!" –
Непокорный разбойный сын.

И за эти щедроты теплые,
Что сочишь ты дождями в муть,
О, какими, какими метлами
Это Солнце с небес стряхнуть?»

Далее автор статьи разбирает поэмы А.Б.Мариенгофа «Анатолеград» и «Магдалина»:

«Кончается эта поэма <„Магдалина"> следующими совершенно непонятными, во всяком случае для меня, строками:

Кричи, Магдалина!
Нет,
Лжешь! Пружины,
Как <тогда>, живота коленом,
Молчишь?.. Молчишь?.. Я выскребу слова с языка…
Кричи, Магдалина! Я буду сейчас по черепу стукать
Поленом…<…>

И в таком духе, в таком стиле и остальные, отнюдь не многочисленные произведения „апостолов" современной советской поэзии – имажинистов <…>.

Имажинисты, которые ныне установили диктатуру в Москве, диктатуру самую настоящую и чувствительную, – представляют собой своеобразное и показательное явление для современной литературы Москвы.

Приспособленные к советскому режиму, усвоив навыки и привычки последнего <…> – они являются отрыжкой большевизма, не будучи, впрочем, ни его политическими последователями, ни даже его сторонниками».

Эта статья легла в основание написанного Арк. Буховым фельетона «По черепу стукают» (см.: 22 янв. 1921).

Статья Б.Соколова будет впоследствии включена им в его книгу «Мятеж или искание» (см.: 1921, последняя запись).

Январь, 16. В «Книжной летописи» (№ 2) регистрируется журнал «Знамя» (1920, № 5 (7), за ноябрь) с упоминанием среди авторов Есенина (в разделе «Стихи»).

В берлинской газете «Руль» (№ 50; рубрика «Библиография») печатается заметка «Скифская поэзия (стихи А.Блока, А.Белого, Н.Клюева и С.Есенина)» (подпись: Апр.):

«В Берлине изданы одни из последних произведений современных поэтов России: „Скифы“ и „Двенадцать“ А.Блока, „Христос Воскресе“ А.Белого, „Песнь Солнценосца“ Н.Клюева, „Инония“ и „Триптих“ С.Есенина <...> Впервые печатаются за границей названные произведения А.Белого, Н.Клюева и С.Есенина. Эти три поэта (слабее С.Есенин) родственно связаны своим творчеством, ибо их тема одна — Россия — и один тембр внутренней напряженности <...>.

С.Есенин выступил как поэт совсем недавно. В его поэзии та же Русь и смиренная, и гордая, и покорная, и с вызовом самому небу. Но слишком дешево и даже неискренно „богоборчество“ Есенина, и отречение от основных путей народной души („проклятие“ Китежа и Радонежа) ненужно-кощунственно...».

Январь, 17. И.Н.Розанов встречается с Есениным в книжном магазине художников слова «Библиофил».

Событие устанавливается по записи И.Н.Розанова от того же числа:

«... Дорогой зашел к „Художникам слова“, но не было настроения разговаривать с Есениным и Мариенгофом».

Дневник Розанова, ед. хр. 5, л. 15.

Парижская газета «Общее дело» (№ 186) помещает статью В.Мацнева «Распутины советского Парнаса» о произведениях Есенина и Н.А.Клюева:

«Сейчас передо мной лежат изданные в Берлине издательством „Скифы“ две книжечки в два листа каждая, „Песнь Солнценосца“ Н.Клюева и „Триптих“ Сергея Есенина. Царство Антихриста, как и царство Христа, не может создаваться без апостолов, а эти — апостолы. Песни их — послания, пророчества. <...>

В России больше всего борются с Богом; поэты изощряются там в таких ассонансах:

О пальцы Ирода,
Нежные, как девушка на заре,
Зачем не убили вы выродка,
Рожденного в Назарете? <А.Мариенгоф>

Доходя до пределов гнусного кощунства, они упрекают Богоматерь за то, что она не сделала аборта, и тут же Клюев и Есенин „в смирной одежде“ трезвонят в колокола.

„Триптих“ Есенина делится на „Пришествие“, посвященное Андрею Белому, „Октоих“ и „Преображение“, посв<ященное> Иванову-Разумнику. „Гласом моим пожру Тя, Господи“, — стоит эпиграфом ко второй части <„Триптиха“>, и хочется сказать: Воистину!

Облаки лают,
Зовет <так!> златозубая высь...
Пою и взываю:
Господи, отелись!
.....
Небесного молока
Даждь мне днесь.

После того, как отелился Господь, Есенин ждет, что —

Над рощею ощенится
Златым щенком луна;
Над тучами, как корова,
Хвост задрала заря.

Но задача этой заметки — не вылавливать внешне смешные места. И Клюев, и Есенин очень талантливы; много у них интересного. Их интересно знать как певцов новой „прозревшей России". В песнях Есенина много не только любопытного, но и значительного, но всё это с огромной долей бесстыжества, лукавства, распутиновщины. Как и Есенин, мы верим в „Преображение", но придет оно тогда, когда такие вожди и певцы народа, как он с Клюевым, и те, кому они служат, исчезнут как болотные огни, когда Россия действительно прозреет, а пока скажем словами Есенина:

Опять его вои
Стегают плетьми
И бьют головою
О выступы тьмы».

Есенин позднее обыграет заголовок статьи своего парижского критика в дарственной надписи А.М.Кожебаткину на книге «Пугачев» (см.: дек. 1921).

Этот заголовок, по-видимому, восходит к эпизоду, описанному в первой главке («Бродячая собака») мемуарного очерка Ф.В.Иванова «Старому Петербургу: (Что вспомнилось)»:

«Еще пара. Оба в русских поддёвках. Намаслены мужицкие головы. Один — Клюев с лицом волжского начетчика, другой – румяный паренек, в опереточно-русском стиле — Есенин. Их старательно вывозит что-то вроде их импресарио — С.Городецкий. „Литературные Распутины", – острит кто-то. Может быть, Б.Садовский».

Журн. «Жизнь», Берлин, 1920, № 9, с. 13.

«Ассоциация вольнодумцев» проводит лекцию А.Таирова «Сумерки зорь» в помещении Камерного театра.

Газ. «Правда», 1921, 15 янв., № 9; 16 янв., № 10; газ. «Известия ВЦИК», 1921, 16 янв., № 10.

Высока вероятность участия Есенина как председателя «Ассоциации вольнодумцев» в организации этой лекции (об активной работе «Ассоциации вольнодумцев» по организации лекций и вечеров см.: 31 дек. 1920).

Январь, до 18. Выходит № 1 петроградского журнала «Дом искусств» со статьей Е.И.Замятина «Я боюсь».

Галушкин-2005, 2, 10.

«Я боюсь, что настоящей литературы у нас не будет, – пишет Е.И.Замятин, – пока не перестанут смотреть на демос российский, как на ребенка, невинность которого надо оберегать. Я боюсь, что настоящей литературы у нас не будет, пока мы не излечимся от какого-то нового католицизма, который не меньше старого опасается всякого еретического слова».

Автор отмечает, что в литературе могут в настоящее время существовать только «юркие авторы». «Наиюрчайшими» оказались футуристы. К «юрким авторам» Е.Замятин отнес и имажинистов, указав при этом на вторичность их творчества:

«Имажинистская Америка, к сожалению, давненько открыта. И еще в эпоху Серафино <поэта итальянского Возрождения> один считавший себя величайшим поэт писал: „Если бы я не боялся смутить воздух вашей скромности золотым облаком почестей, я не мог бы удержаться от того, чтобы не убрать окна здания славы теми светлыми одеждами, которыми руки похвалы украшают спины имен, даруемых созданиям пре-

восходным…“ <…>. „Руки похвалы“ и „спина имен“ — это ли не имажинизм? Отличное и острое средство — image — стало целью, телега потащила коня».

И далее:

«Лошадизм московских имажинистов — слишком явно придавлен чугунной тенью Маяковского. Но как бы они ни старались дурно пахнуть и вопить — им не перепахнуть и не перевопить Маяковского».

Есенин не согласится с оценкой Е.И.Замятиным творчества В.Маяковского, квалифицировав последнего как «лишенного всяческого чутья слова» (Есенин, VI, 126; см. также: май 1921).

Перепечатку статьи см.: газ. «Новый путь», Рига, 1921, 13 марта, № 35.

Январь, до 19. Издательство «Мысль» (Берлин) выпускает сборник «Поэзия большевистских дней» с поэмами и стихотворениями Есенина «Преображение», «О, Русь, взмахни крылами...», «Октоих», «Я снова здесь, в семье родной...», «Запели тесаные дроги...», «Нощь и поле, и крик петухов...», «Закружилась листва золотая…» (строки 1–12), «Голубень», «Табун», «Там, где вечно дремлет тайна...».

О границе события см.: 19, 20, 22 и 26 янв. 1921.

См. также: 31 окт. 1920; 9 нояб. 1920; 15 ... 30 нояб. 1920; июль 1921.

Январь, 19. Завершая набросок об акмеизме для книги «Русская лирика», И.Н.Розанов приходит к следующим сопоставлениям:

«...Сергей Городецкий — это Шершеневич акмеизма
(оба талантливы и интересны, но не вызывают уважения).
Мандельштам — Мариенгоф акмеизма.
Анна Ахматова? — Сергей Есенин.
Гумилев?».

РГБ, ф. 653, карт. 25, ед. хр. 13, л. 25.

Январь, 19, 20, 22, 26 и 28. Берлинская газета «Голос России» (№ 15, 16, 18, 21 и 23) дает объявление:

«Издательство „Мысль“. Общедоступная библиотека „Книга для всех“. Вышли в свет и поступили в продажу: <...> вып. 2–3. „Поэзия большевистских дней“ (Блок, Белый, Эренбург, Есенин, Каменский и др.)».

Серия „Книги для всех“ начала выходить в 1921 г. Первым ее выпуском стал альманах „Из русских поэтов“, включивший большие подборки стихотворений К.Бальмонта, В.Брюсова и А.Блока, а также несколько стихотворений Ф.Сологуба и Д.Мережковского. Программное значение второй-третьей книги определялось публикацией поэмы А.Блока „Двенадцать“, открывающей сборник. Вслед за стихами А.Белого и И.Эренбурга опубликованы произведения Есенина. В сборник были также включены стихи В.Каменского, В.Шершеневича, А.Мариенгофа, Р.Ивнева, Г.Владычиной, Г.Сидорова, А.Оленина, А.Случановского, П.Орешина, Б.Пастернака, И.Грузинова, С.Зарова, Н.Агнивцева.

Из отклика:

«Нельзя не приветствовать появление в свет действительно общедоступной библиотеки русских писателей. Подбор первой серии сделан очень удачно. Две антологии современной поэзии: одна – умелый, с большим вкусом сделанный подбор стихов Бальмонта, Блока, Брюсова, Мережковского и Сологуба, другая – новейшая русская поэзия от Блока (в последней фазе его творчества) и Эренбурга до Шершеневича и Каменского. Помимо громадного интереса, представляемого этой книжкой в целях ознакомления

с таким близким, но, увы, столь далеким русским современным искусством, нужно отметить высокую художественную ценность отдельных авторов. <...>

Радует и внешний вид издания. При сравнительно ничтожной по нынешним условиям цене издательство дает и хорошую бумагу, и изящную обложку. Заметно любовное отношение к делу.

Можно только пожелать успеха хорошему, действительно культурному начинанию».

Газ. «Голос России», Берлин, 1921, 25 янв., № 20 (подпись: Б. С.).

Январь, 20 . В клубе Всероссийского союза поэтов происходит дружеская встреча поэтов разных направлений с участием Есенина.

Событие и его дата устанавливается по дневниковой записи Т.Г.Мачтета (см.: 21 янв. 1921).

Январь, 20 ... 27. В книжный магазин «Москва» (Берлин) поступает в продажу выпуск № 2–3 «Поэзия большевистских дней (Блок, Эренбург, Есенин, Каменский и др.».

Газ. «Голос России», 1921, 30 янв., № 25.

Январь, до 21. Выходит коллективный сборник «Золотой кипяток» (М.: Имажинисты, 1921) со стихотворением Есенина «Исповедь хулигана».

Есенин, VII (3), 406.

Кроме стихотворения Есенина, в книгу включены поэма А.Мариенгофа «Развратничаю с вдохновеньем» и стихотворение В.Шершеневича «Перемирье с машинами».

Рекламное объявление издательства «Имажинисты», помещенное в сборнике, не отличается от напечатанного в книге А.Авраамова «Воплощение: Есенин — Мариенгоф» (см.: до 3 янв. 1921).

Январь, 21. Т.Г.Мачтет описывает атмосферу произошедшей накануне с участием Есенина встречи в клубе Всероссийского союза поэтов:

«Вот вошли в кафе имажинисты Есенин, Мариенгоф, вон у столика в членской <комнате> беседуют Рок и Полонский, а под аркой столпились герои вчерашние — ничевоки. Шумные дружеские и братские похлопывания по плечу, свободные непроизвольные шутки, остроты, дебаты и соглашения относительно дальнейших выступлений с эстрады».

Дневник Мачтета, карт. 6, ед. хр. 7, л. 156, 158–158 об.

Январь, после 21. Есенин делает дарственную надпись на сборнике «Золотой кипяток» (1921) М.Д.Ройзману:

«Милый Мотя люблю и ценю
твой С.».

Есенин, VII (1), 199, 469.

Датируется с учетом времени выхода сборника и тогдашних частых контактов Есенина и М.Ройзмана.

Январь, 22. Есенин пишет в Самару С.Д.Балухатому:

«Уважаемый Сергей Дмитриевич! В ответ на Ваше письмо <неизвестно> спешу сообщить Вам, что мы готовы издать все Ваши работы, касающиеся образной поэтики <не издавались в издательстве „Имажинисты“>. Усло-

вия оплаты и срок издания мы сообщим Вам, как только Вы пришлете материал, но приблизительно оплата в нашем Изд<ательст>ве равняется в три раза увеличенной советской ставке. Причем половина выплачивается, как только книга сдается в набор, а остальное после выхода.

С приветом к Вам. Сергей Есенин.

Б<ольшая> Никитская, 15, Магаз<ин> худ<ожников> слова».

Есенин, VI, 118, 485.

В № 16 газеты «Эхо» (Ковно; ныне Каунас) ее редактор Арк. Бухов публикует литературный фельетон «По черепу стукают», используя строки Есенина и А.Б.Мариенгофа:

«Да, теперь случается и это. Старое выражение „бесится с жиру“ должно быть заменено более современным „бесится без жиров“. Ибо чем же, как не хулиганским бешенством, можно назвать то, о чем я хочу рассказать <...>.

Футуристы в последнее время переименовали себя имажинистами, заняли положение в Москве первенствующей литературной группы, так как за право хулиганства признают любой строй, чтобы в свое время на него плюнуть, – и распоясались вовсю.

Прежде всего, как это полагается для всякой литературно-хулиганской группы, выпустили свой „манифест“ <...>. Без этого нельзя, как без брюк, показаться на балу.

Чем же хвалятся сегодняшние господа литературного положения?

А вот чем: (приводим строки из их „манифеста“ <ср.: 14 янв. 1921>):

„Первым шагом нашим, после опубликования имажинистской декларации в газетах и журналах, было действие, была роспись нашими строками стены Страстного монастыря:

Господи Отелитеся <так!>

Этим мы бросили вызов и государству советов, и обывателю, и церкви“ <...>.

Эти шуты богохульствуют, прекрасно зная, кто потом будет расплачиваться за их хулиганство. Почему они осыпаны милостями? <...>

Что же они творят? А вот что.

Вот места из их сборников <цитируются стихи из „Конницы бурь“ (из „Пантократора“ Есенина)>. Первый поэт и запевала сборника <Есенин> задается такой задачей:

Славь, мой стих, кто ревет и бесится,
Кто хоронит тоску в плече –
Лошадиную морду месяца
Схватить за узду лучей.

Но схватить лошадиную морду месяца не так легко <...>».

Далее приводятся стихи из поэмы Мариенгофа «Анатолеград» и его же книги „Магдалина“, выражение из которой («Я буду сейчас по черепу стукать / Поленом...») использовано в заглавии фельетона. В заключение делается вывод:

«Если прибавить, что все это творчество издается на казенные средства и в противовес „буржуазной“ литературе называется литературой классовой и пролетарской – больше говорить не о чем <...> и Россию жалко, и литературу жалко...».

См.: 14 янв. 1921.

Январь, 23. Есенин присутствует в Камерном театре на мероприятии «Утро о символизме» (начало в 13 часов) с докладом В.Г.Шершеневича и чтением стихов артистами театра.

Событие устанавливается по ретроспективной записи И.Н.Розанова о датах и местах встреч с Есениным (подробнее см.: 26 февр. 1921).

Январь, 24. Берлинская газета «Время» (№ 29) в рубрике «Библиография» помещает информацию:

«Изд. „Скифы“, Берлин:

<...> Сергей Есенин: Товарищ. Япония <т. е. Инония>.

<...> Сергей Есенин: Триптих (поэмы)».

Январь, 25. В рукописном журнале «Пустослов», который ведут поэты и литераторы, близкие редакции газеты «Рабочий край» (Иваново-Вознесенск), появляется шарж на группу имажинистов.

Под рисунком датированная надпись:

«Поэт А.Тимонин популярит изыски имажинистов».

Литературный музей Ивановского государственного университета, № 2178 (сообщено О.К.Переверзевым).

Кроме Есенина, А.Мариенгофа, А.Кусикова и В.Шершеневича, в лагерь имажинистов зачисляются Ип. Соколов, А.Ганин, И.Жижин и даже В.Маяковский.

См. Приложение.

Январь, 26. В кафе «Стойло Пегаса» Есенин дарит одну из своих книг Я.Г.Блюмкину с надписью:

«Тов. Блюмкину с приязнью на веселый вспомин рязанского озорника. Сергей Есенин. Москва. Стойло. 26 янв. 21 г.»

Есенин, VII (1), 133, 452.

Автограф сохранился на отдельном листе, вырванном из неизвестного сборника (возможно, из книги «Радуница», 1921, исходя из формата листа).

Газета «Известия ВЦИК» (№ 16) дает объявление:

«Сегодня, 26 января, в „Доме печати“ 3<-я> литературная среда, посвященная имажинистам. Выступят: Сергей Есенин, Рюрик Ивнев, Анатолий Мариенгоф и Вадим Шершеневич. В дискуссии приглашаются к участию представители всех литературных течений».

Материалов, свидетельствующих об участии Есенина в вечере, не обнаружено, хотя вероятность такого участия высока.

Январь, 29. Гельсингфорсская газета «Новая русская жизнь» (№ 23) помещает обзор «Литература в Советской России: ...III. Новые течения» (подпись: С.) с упоминанием Есенина:

«...претензии на выражение духа времени предъявляют в настоящее время и представители новейших или „крайних левых“ течений в поэзии. Названий у них много; наиболее известные — это „футуристы“ и „имажинисты“ <...>

Поэты и художники крайних направлений „примазались“ к большевизму, но между ними в сущности нет духовной связи. Большевизм с его нивелировкой, с крайней материалистичностью своей фантазии совершенно чужд всякого индивидуального своеобразия. Он не ищет; его путь — прямой, связанный лет ядра, а не свободный полет птицы. Он использует всяких попутчиков, но потом отметает их в сторону.

Такими случайными попутчиками являются и футуристы, имажинисты и tutti quanti, как бы они ни воспевали Красную Армию.

Новшества главным образом касаются формы, <в т. ч. имеет место> замена точного размера гибким меняющимся ритмом <...>.

...почти все стихи новейших поэтов нужно научиться читать. Они предназначены гл<авным> обр<азом> для чтения вслух, а в том виде, как они печатаются, их легко принять за рубленую прозу – если не поймать ритма и не найти ассонансов. Поэтому, не прослушав чтения тех, кто умеет разбираться в этом, трудно себе составить представление о новых поэтах.

<...> Из „имажинистов" более известны С.Есенин (писавший стихи большей частью старыми размерами), А.Мариенгоф, Рюрик Рок (последний, впрочем, причислил себя к „ничевокам").

<...> Резкий и заносчивый тон, братанье с Советской властью, приверженность к ругательным и непристойным выражениям, вклеенным ни с того, ни с сего в стихи, непонятность отдельных фраз и целых образов – все это не способствует популярности „новых поэтов" среди широкой публики»».

Январь, 31. Берлинская газета «Время» печатает статью Р. Гуля «О „Скифах"»:

«Русская революция, давно выйдя из рамок государственно-национальных, стала явлением мировым. Ее поэты и писатели: А.Блок, А.Белый, Н.Клюев, С.Есенин и другие – интересны сейчас как первые звонари в мировой колокол. <...>

„Триптих" Есенина – трепет человеческой души, с болью сердца и благословением, с страданием и надеждами принимающей революцию.

Как взойду, как поднимусь <по ней>
С кровью на отцах и братьях?
.....
..... Упал <твой>Христос!
Опять его вои
Стегают плетьми
И бьют головою
О выступы тьмы...

Но, как Блок и Белый, Есенин видит интуитивным оком:

Новый в небосклоне
Вызрел Назарет...

И поет ему:

Осанна в вышних!»

Автор заключает свой разбор так:

«Поэзия „Скифов" приятна как долетающее родное – из родной страны.

Издательство же „Скифы" в Берлине делает большое и нужное дело, знакомя Европу с новой русской литературой современной революционной эпохи».

Январь, конец ... Февраль, до 9. В издательстве «Имажинисты» выходит книга А.Б.Мариенгофа «Тучелет: Книга поэм» (1921) с упоминанием Есенина.

Границы события определяются временем окончания поэмы «Застольная беседа», входящей в книгу (янв. 1921), с учетом записи И.Н.Розанова от 9 февр. 1921 г. о ее покупке (Дневник Розанова, ед. хр. 5, л. 26 об.).

Книга включает стихотворение «Утихни, друг. Прохладен чай в стакане...» с посвящением Есенину и поэму «Анатолеград», где Есенин упоминается.

См. также: нояб. 1920; окт. 1919.

Январь. Есенин делает дарственную надпись на книге «Исповедь хулигана» члену коллегии «Центропечати» Д.С.Пигиту:

«Дорогому Давиду Савельевичу Пигиту с любовью многопризнательный Сергей Есенин. 1921. январь».

Есенин, VII (1), 134, 452.

Факсимиле надписи – в кн. «Автографы поэтов серебряного века: Дарственные надписи на книгах». М.: Книга, 1995, с. 291.

Фамилия Есенина включается в список членов-сотрудников Литературного отдела Дворца искусств.

«Литературный отдел Дворца искусств (на 1921 январь)». — РГАЛИ, ф. 589, оп. 3, ед. хр. 4.

Январь, не позднее. Есенин дарит Н.Г.Полетаеву книгу «Исповедь хулигана» с надписью:

«Н.Полетаеву с любовью С. Есенин».

Есенин, VII (1), 198, 468–469.

Датируется по воспоминаниям адресата инскрипта, отметившего, что он получил от Есенина «только что вышедшую книжку» (Восп., 1, 298).

Подробнее см.: Летопись, 2, 443.

Январь ... Февраль, середина. Есенин пишет стихотворение «Песнь о хлебе».

Есенин, I, 151, 566.

Верхняя граница события устанавливается с учетом даты инскрипта Есенина И.Н.Розанову на экземпляре сборника «Звездный бык» с первопечатным текстом стихотворения (см.: 26 февр. 1921).

Январь ... Февраль. Есенин при встрече с Г.А.Бениславской и Я.М.Козловской проявляет интерес к статьям о литературе в зарубежных газетах.

Получает от них заверения относительно последующей доставки ему этих газет.

Событие и его границы устанавливаются по воспоминаниям Г.А.Бениславской.

Г.А.Бениславская вспомнит:

«Я и Яна идем мимо лавки на Никитской. Прошли. Яна, заглянув в окно, увидела, что там Е<сенин>, без шапки, в костюме. Нечаянно я оглядываюсь на улице: за нами Е., в шубе, без шапки, со связкой книг. Мы несколько дней его не видели. Яну он не узнал. Пришлось знакомить вторично <...>. Заговорили о критике. С. А. очень интересовался статьями о литературе в зарубежных газетах. Яна обещала ему доставать. Больше всего интересовался статьями и заметками о нем самом и об имажинистах вообще. Поэтому я и Яна доставали ему много газет. Я добывала в Информбюро ВЧК, а для этого приходилось просматривать целые комплекты „Последних новостей“, „Дня“ и „Руля“».

Материалы, 25.

Январь — Февраль. По просьбе Есенина опытный букинист Д.С.Айзенштат разыскивает для него «старинные книги о Пугачеве».

Событие устанавливается по воспоминаниям М.Д.Ройзмана, принимая во внимание текстологические исследования, демонстрирующие использование Есениным подобных источников при работе над «Пугачевым». Датируется в предположении, что слова М.Д.Ройзмана «зима 1920» в его воспоминаниях относятся к зиме 1920–1921 гг.:

«По Кузнецкому мосту быстро шагал Айзенштадт <так!> — была зима 1920 года, на улице гололедица. Давид Самойлович плохо видел, попадал ногой на лед, скользил, поругивался.

— Что вы так спешите? — спросил я, пожимая ему руку.

— Иду смотреть библиотеку. Есть старинные книги о Пугачеве. Сергей Александрович просил купить их все, если можно.

Так я впервые узнал, что Есенин начал работать над „Пугачевым“».

Ройзман, 111–112.

Вслед за Е.А.Самоделовой (Есенин, III, 469) Н.И.Шубникова-Гусева отмечает:

«...почти исчерпывающие биографические сведения о Хлопуше (А.Т.Соколове) Есенин мог почерпнуть только из <...> труда военного историка, академика Н.Ф.Дубровина „Пугачев и его сообщники. Эпизод из истории царствования императрицы Екатерины II. 1773–1774. По неизданным источникам“. В 3 тт. (СПб., 1884), где наиболее подробно изложены Пугачевские события».

Шубникова-Гусева, 122.

Январь ... Апрель, до 14. Есенин делает дарственную надпись на книге «Исповедь хулигана» А.В.Луначарскому:

«Анатолию Васильевичу Луначарскому с глубоким уважением к нему. С. Есенин».

Есенин, VII (1), 196, 468.

Границы события определяются по времени выхода книги с учетом охлаждения отношений А.В.Луначарского и имажинистов (см.: 14 апр. 1921).

См. также: 9 февр. 1921, вторая запись.

Январь ... Апрель, до 16. Журнал «Знамя» (№ 7, за январь) в рубрике «Новости литературы и искусства за границей» помещает информацию:

«Издательство „Скифы“ в Берлине ставит — согласно проспекту — своей основной целью ознакомление русских и иностранных читателей с русской литературой переходной эпохи и с предвестниками ее <...>. Помимо упомянутых в № 6 „Знамени“ книг, уже вышли еще книги: <...> Блока (Двенадцать, Россия и интеллигенция, Скифы), Есенина, А.Белого...».

Верхняя граница события дана с учетом регистрации журнала в «Книжной летописи» (1921, 16 апр., № 8).

Январь ... Апрель, до 16 или до 17; Июнь, после 11 ... Декабрь. Есенин регулярно бывает в кафе имажинистов «Стойло Пегаса».

Рамки событий определяются с учетом сроков поездки Есенина в Туркестан.

Близкий к имажинистам художник В.П.Комардёнков напишет о роли кафе «Стойло Пегаса» в их жизни:

«„Стойло Пегаса“ было своеобразной штаб-квартирой имажинистов, там они выступали со своими стихами, правили гранки, готовились к очередным выступлениям, а вечерами по очереди дежурили».

Комардёнков В.П. Дни минувшие. М.: Сов. художник, 1972, с. 80.

Н.Д.Вольпин по просьбе профессора Г.Маквея нарисовала план внутреннего помещения кафе «Стойло Пегаса» и поделилась воспоминаниями:

«Предлагаю „план“ „Стойла Пегаса“; а насчет атмосферы... она очень многогранна. Публика приходила „пожрать, поглазеть, послушать“; но тут же и как бы артистический клуб.

Передовые художники, актеры, поэты, прозаики... Всегда интересные разговоры об искусстве. Многое запомнилось мне навсегда. Для молодежи это был своего рода университет. В программе выступали не одни лишь имажинисты. Часто читали, например, Сергей Буданцев, Ковалевский, Крученых... Здесь по мере написания прочитан был „Пугачев". Здесь я познакомилась с Утесовым, с Натаном Альтманом... ».

Письмо Н.Д.Вольпин Г.Маквею от 30 сент. 1984 (архив адресата).

«О „Ложе имажинистов". Я Вам прислала раз *план* „Стойла Пегаса". Ложей имажинистов называлось вот что: в дальнем левом углу зала стояли под прямым углом один к другому два диванчика, между ними столик; сидеть тут могли сразу 5–6 человек. К столику еще приставляли кресла, тогда могли пристроиться еще 2–3 человека. Посторонние там сидеть не могли: сидели члены „Ассоциации Вольнодумцев" (т. е. „Ордена Имажинистов") <...> и их гости, друзья, добрые знакомые. Художники, актеры и, понятно, поэты...».

Письмо Н.Д.Вольпин Г.Маквею от 18 нояб. 1984 (архив адресата).

См. Приложение.

Январь (?) ... Апрель, середина (?). На одном из заседаний пролетарских писателей в ЛИТО Наркомпроса Есенин выступает с резкой критикой марксистского подхода к литературе.

Событие устанавливается по воспоминаниям Скитальца (см. ниже), а его рамки определяются временем совместного пребывания мемуариста и поэта в Москве в 1921 г. (об отъезде Есенина в Туркестан см.: 16 или 17 апр. 1921, а о командировке Скитальца в Дальневосточную Республику см.: Галушкин-2005, 2, 84).

В 1926 году Скиталец напишет:

«В двадцать первом году я встретился с ним на заседании „пролетарских писателей" в „Лито" (литературный отдел).

Он по обыкновению был одет франтом, но выглядел мрачно. Долго молча слушал „пролетарские" речи и, наконец, попросил слова. Все насторожились: к этому времени за Есениным уже упрочилась слава профессионального скандалиста.

— Здесь говорили о литературе с марксистским подходом! — начал он своим звенящим голосом. — Никакой другой литературы не допускается!.. Это уже три года! Три года вы пишете вашу марксистскую ерунду! Три года мы молчали! Сколько же еще лет вы будете затыкать нам глотку? И на кой черт и кому нужен марксистский подход? Может быть, завтра же ваш Маркс сдохнет!..

Кругом засветились улыбки: чего же и было ждать от Есенина...».

РЗЕ, 1, 169, 297.

Не исключено, впрочем, что воспоминание Скитальца — это реминисценция диспута о пролетарской поэзии в Политехническом музее 26 янв. 1920 (см.: Летопись, 2, 327–328), где Есенин выступил с протестом против превращения поэтов в «служителей Маркса».

Январь ... Апрель, до 16 или **до 17.** Есенин надписывает книгу «Исповедь хулигана» В.Л.Львову-Рогачевскому:

«Дорогому Василию Львовичу с любовью крепкою. С.Есенин».

Есенин, VII (1), 197, 468.

Рамки события определяются в предположении, что критик получил книгу от Есенина до его отъезда в Среднюю Азию в период работы над своей книгой «Имажинизм и его образоносцы» (см.: до 29 мая 1921), где обсуждается «Исповедь хулигана».

Февраль, 1. М.М.Пришвин в своем дневнике называет Есенина среди встреченных им известных людей:

«Имена <...>:

Розанов, Мережковский, Ремизов, Гиппиус, А.Белый, Сологуб, Бальмонт, Брюсов, Ал. Толстой, Куприн, Б.Зайцев, Клюев, Есенин, Иванов Вячеслав, Иванов-Разумник, Горнфельд, П.Струве, Т<уган->Барановский, Философов, Карташев, К.Чуковский, Милюков, В.Чернов, Керенский, Мирославский <Мстиславский>, М.Горький, Л.Андреев, С.А.Венгеров, И.Игнатов, М.Гершензон, Н.Бердяев, А.Коновалов, Бабушка Брешко-Брешковская, Л.Троцкий, Савинков, Мечников, Бонч-Бруевич, Н.Семашко, С.Маслов, Мария Спиридонова, А.Блок, графиня С.А.Толстая, Ф.Шаляпин, худ. Петров-Водкин, И. Билибин... <и др.>».

Пришвин М.М. Дневники. 1920–1922 гг. / Подгот. текста Л.А.Рязановой; коммент. Я.З.Гришиной, В.Ю.Гришина. М.: Моск. рабочий, 1995, с. 133–134.

Февраль, 3. «Ассоциация вольнодумцев» с разрешения Административного отдела Моссовета проводит в Политехническом музее (Лубянский пр., 4) «Вечер поэзии» с участием Ф.Сологуба и Б.Пастернака.

Возможно, Есенин участвует в организации вечера и присутствует на нем.

Событие и его датировка устанавливаются в соответствии с документом, подготовленным в Политехническом музее (в то время: Центральный институт политехнических знаний) за № 454 от 19 марта 1921 (ЦАЛИМ, ф. 59, оп. 1, ед. хр. 6, л. 140–142) и отправленным начальнику 39-го отделения М.С.Р.К. милиции на его запрос относительно «всех бывших и имеющих быть в Центральном институте политехнических знаний лекций в течение февраля и марта месяцев». Компетентные органы интересовались, в чью пользу шел сбор с этих лекций, поэтому в приложенном к документу списке лекций значились фамилии выступавших и названия учреждений и организаций, устраивавших эти мероприятия:

«1) 3 февр. Ассоциация Вольнодумцев; „Вечер поэзии“. Лекторы Сологуб, Пастернак. Разр. Адм. Отд.

<...>.

3) 5 февр. Союз Поэтов; „Литературный вечер“. А.Белый. Разр. Адм. Отд.

<...>.

6) 7 февр. Вольн. Акад. Дух. Культ.; Маяковский и др. Разр. Адм. Отд.

7) 8 февр. Союз Писателей; Лекция по литературе. А.Белый. Разр. Адм. Отд.

8) 10 февр. Ассоциация Вольнодумцев; Есенин и др. Разр. Адм. Отд.

9) 11 февр. Полит. Красный Крест; „Вечер литературы“. Ивнев, Маяковский. Разр. Адм. Отд.

10) 12 февр. Союз Поэтов; „Вечер поэзии“. А.Белый, Маяковский. Разр. Адм. Отд.

<...>.

13) 14 февр. Вольн. Акад. Дух. Культ; „Литер. вечер“. Есенин и др. Разр. Адм. Отд.

14) 15 февр. Союз Писателей; А.Белый и др. Разр. Адм. Отд.

15) 16 февр. Политич. Красный Крест. „Вечер литературы“. Ивнев, Маяковский. Разр. Адм. Отд.

16) 17 февр. Ассоциация Вольнодумцев; „Вечер поэзии“. Есенин, Сологуб, Пастернак и др. Разр. Адм. Отд.

17) 18 февр. Дворец Искусств; „О театре“. Лектор неизвестен. Разр. Адм. Отд.

18) 19 февр. Союз Поэтов; „Вечер поэзии“. А.Белый и др. Разр. Адм. Отд.

<...>.

28) 8 марта. Ассоциация Вольнодумцев; „Вечер поэзии“. Пастернак, Есенин и др. Раз. Адм. Отд.

<...>.

32) 13 марта. Ассоциация Вольнодумцев; „О театре“. В.Шершеневич. Разр. Адм. Отд.

<...>.

34) 16 марта. Ассоциация Вольнодумцев; Доклад Ф.Жица „Этапы русской поэзии". Разр. Адм. Отд.

<...>.

36) 18 марта. Филаретова; Лекция по географии „Иерусалим". Корсини. Разр. Адм. Отд.».

Дроздков-2002, 119–222.

Рижская газета «Новый путь» (№ 3; раздел «Книжный угол: Библиография») сообщает:

«В редакцию поступили следующие издания: <...> Имажинисты. Сергей Есенин, Анатолий Мариенгоф, Вадим Шершеневич; Плавильня слов. Кн-во „Имажинисты" при Всероссийском союзе поэтов. Москва. 1920 г.».

Ревельская эсеровская газета «Народное дело» (№ 26) помещает статью «Переходный период: „Свое лицо". „Испытание в грозе и буре". „Россия и Инония". „Триптих". „Песнь Солнценосца". Изд. „Скифы". Берлин. 1920 г.» (подпись: Л. П.):

«...вся плеяда изданных „Скифами" поэтов, во главе со своим комментатором и идеологом Ивановым-Разумником, стоит на позиции признания октябрьского переворота актом революционным, прогрессивным и обновляющим.

Такова была их оценка в 17 и 18 гг. Изменилась ли она с тех пор, мы, к сожалению, не знаем, ибо более поздние произведения их в зарубежной печати до сих пор не появлялись <...>.

Его <Есенина> поэмы — определенное и глубокое отрицание всего старого мира, вплоть до изгнания христианских символов и замены их какими-то полуязыческими полуиндуистскими символами — вплоть до порицания национального прошлого „святой Руси":

Время мое приспело,
Не страшен мне лязг кнута.
Тело, Христово тело,
Выплевываю изо рта.
.....
Языком вылижу на иконах я
Лики мучеников и святых.
Обешаю вам град Инонию,
Где живет Божество живых!

И в этом ином граде будет всё по-иному. „У нас всё наоборот", — говорил когда-то Иоанн Златоуст о христианстве и язычестве; эти же слова повторяет теперь вселенская идея социализма в отношении к историческому христианству.

В христианстве страданиями одного человека спасался мир — в социализме — страданием всего мира спасен будет каждый человек.

В этих резких противоположениях старой окаменелой религиозной системы — новым религиозным формам социалистического вероучения — основное содержание и смысл последних произведений Есенина. <...>

А.Блок, А.Белый, С.Есенин и Н.Клюев принадлежат к одареннейшим поэтам современной России. Русская литература и русская поэзия, в частности, испокон десятилетий отражала „гражданские" и „социальные" верования своей эпохи. Это наша специфическая особенность и, пожалуй, достоинство.

<...> четыре поэта из „Скифов“ не отступили в данном случае ни от освященных временем традиций, ни от правды-истины.

Теперь и „национальная гордость“, и острое ощущение „вселенской идеи“ давно сменились в массах чувством апатии и политического индифференцизма, но это не делает сборники „Скифов“ ни на йоту менее показательными и интересными с идейной стороны — не говоря уже об их литературных достоинствах.

Как-никак, а ведь эти голоса, хотя и с запозданием на три года, но всё же донеслись к нам из глубины России».

Пражская газета «Воля России» (№ 119) публикует статью М.Л.Слонима «Стихи о России» (подпись: М. Сл.), посвященную творчеству Есенина, Андрея Белого и Н.Клюева:

«После прекрасной поэмы Ал.Блока „Двенадцать“ уподобление революционной России воскресающему Христу стало излюбленной темой той „мессианской“ поэзии, которая пышно расцвела сейчас в Советской России <...>.

Сергей Есенин в своем „Триптихе“ <...> называет „Русь – приснодевой – осенившей дол“. Он верит, что новый спаситель родится на полях России:

О верю, верю – будет
Телиться твой восток!

А в поэме „Инония“, называя себя пророком, он в хлыстовском экстазе восклицает:

Радуйся, Сионе,
Проливай свой свет!
Новый в небосклоне
Вызрел Назарет.
Новый на кобыле
Едет к миру Спас.
Наша вера – в силе.
Наша правда – в нас!

Иногда стремление во что бы то ни стало освятить мистическим преображением кровь и грязь свершающегося, желание под грубой корой событий увидать божественный смысл доводит даже такого талантливого поэта, как Есенин, до безвкусных и вымученных произведений, вроде поэмы о „товарище“. Вот образец этих „революционных виршей“: отец рабочего Мартина убит полицейской пулей — и Мартин взывает:

Исус, Исус, ты слышишь?
Ты видишь? Я один.
Тебя зовет и кличет
Товарищ твой Мартин!

<...> Поэты, полные веры в богоносность русского народа, хотят выдать российскую голгофу за всемирное воскресение и покрыть туманно-мистическими пророчествами ужасы и безумие коммунистической действительности. Поистине вера их превыше жизни и вне жизни, если до сих пор не могут увидать они, что не воскресенье, а убиение духа совершается сейчас на „земле русской“ и что трубные радости совершенно не пристали нам сейчас. <...>

Всё поэтическое искание Есенина, напр<имер>, сводится к сомнительным словообразованиям или к нарочито-грубоватому стилю „под народ“. Непонятно, почему его так соблазняют такие образы: „Над тучами, как корова, хвост задрала заря“; „Пою и взываю — Господи, отелись!“»

Рассмотрев творчество двух других поэтов, Андрея Белого и Н.Клюева, автор говорит в заключение:

«Надуманные образы, вымученные сравнения — как они соответствуют тому искусственному, иконному лику России, за которым советские поэты не видят истинного, искаженного в муке и страдании лица нашей Родины».

Ср. с отзывами 1917–1918 гг. об этих произведениях: Летопись, 2, 72–73, 107, 111–112, 147, 153, 166–167 и др.

Февраль, 3 и **4.** Газета «Правда» (№ 23 и 24) извещает о назначенном на 4 февраля в помещении Всероссийского союза писателей (Тверской бульв., 25) очередном исполнительном собрании с участием Есенина:

«Программа: чтение стихов поэтами: Ю.Балтрушайтис, Иван Новиков, К.Липскеров, Сергей Есенин, Мариэтта Шагинян, И.Эренбург, Марина Цветаева, Б.Пастернак».

Однако бывший на этом собрании И.Н.Розанов отметил в своем дневнике как выступивших лишь К.Липскерова, М.Цветаеву, И.Эренбурга, а также Н.Ашукина, в газетном анонсе не упомянутого (Галушкин-2005, 2, 22). Сведения об участии Есенина в этом мероприятии не обнаружены.

Февраль, 3, 15 и **16.** Парижская газета «Последние новости» (№ 242, 252 и 253) сообщает о поступлении в продажу выпуска № 2–3 «Поэзия большевистских дней (Блок, Эренбург, Есенин, Каменский и др.)».

Февраль, 5. Пражская газета «Воля России» (№ 121) печатает объявление издательства «Мысль» (Берлин) о вышедших книгах серии «Общедоступная библиотека „Книга для всех“», включая выпуск № 2–3 «Поэзия большевистских дней (Блок, Эренбург, Есенин, Каменский и др.)».

Февраль, до 6. Есенин беседует с П.Н.Сакулиным о поэме «Исповедь хулигана».

Событие и его граница устанавливаются по ретроспективной записи И.Н.Розанова (6 февр. 1921):

«По поводу одного такого места в „Исп<оведи> хулигана“ Сакулин спросил:

— Зачем Вы это?

— Так скушно бывает, так скушно, что вдруг и захочется чего-нибудь такого… — отвечал Ес<енин> (передавал Корст)».

РГБ, ф. 653, карт. 25, ед. хр. 13, л. 35–36.

Имя Есенина возникает в беседе И.Н.Розанова с Я.В.Апушкиным.

О границе события см. предыд. запись.

«Апушкин о Ес<енин>е говорит, что в детстве он отличался резкими перепадами: то полоса молитвенная, то озорства. У него (Ес<енина>) (Апушкин) много непосредств<енной> и хорошей наивности... Глаза у него постоянно вспыхивают и загораются».

РГБ, ф. 653, карт. 25, ед. хр. 13, л. 35–36.

В 1926 году И.Н.Розанов напишет:

«Постоянно приходилось слышать прилагаемый к нему эпитет „голубоглазый“. Мне кажется, что это слишком мало передает: надо было видеть, как иногда загорались эти глаза. В такие минуты он становился поистине прекрасным».

Восп.-95, 296.

Февраль, 6. Сопоставляя два периода творчества Есенина, И.Н.Розанов записывает:

«6 февраля <1921.>

О Есенине

У Есенина вижу два периода (если не считать переходного, переливного в первые годы революции). „Преображение“: влияние Маяковского.

В первый — Ес<енин> фольклорен. Если иногда это непонятно, то потому, что он употребляет рязанские слова и т. д. Религиозность — его основное настроение. Деревня — его тема. При переиздании своей первой книги Ес<енин> выбросил или изменил все, что было непонятно по фольклоризму. Он стер местный колорит.

Во втором периоде Ес<енин> „имажинист“ (сначала „аггелист“). Малопонятность его для толпы в новом хитроумном для неподготовл<енных> сочетании образов.

Здесь же и является озорничество, хулиганство, что в сущности не хулиганство, а мужицкая непосредственность. Сказывается это в употреблении непринятых в хорошем общ<ест>ве слов и <*нрзб.*> там действий. <...>

„Истинный поэт“ и т. д. — слова Ес<енина> о себе. Это звучит иначе, чем у Маяк<овского>, без надрыва, без достоевщины».

РГБ, ф. 653, карт. 25, ед. хр. 13, л. 35–36.

В 1926 году И.Н.Розанов напишет об этом уже от лица самого Есенина:

«— С детства, — говорил Есенин, — болел я „мукой слова“. Хотелось высказать свое и по-своему. Но было, конечно, много влияний и были ошибочные пути. Вот, например, знаете вы мою „Радуницу“? <...> В первом издании у меня много местных, рязанских слов. Слушатели часто недоумевали, а мне это сначала нравилось. „Что это такое значит, — спрашивали меня, —

Я странник *улогий*
В *кубетке* сырой?“

Потом я решил, что это ни к чему. Надо писать так, чтобы тебя понимали. Вот и Гоголь: в „Вечерах“ у него много украинских слов; целый словарь понадобилось приложить, а в дальнейших своих малороссийских повестях он от этого отказался. <...>

Рано посетили меня религиозные сомнения. В детстве у меня были очень резкие переходы: то полоса молитвенная, то необычайного озорства, вплоть до желания кощунствовать и богохульствовать <...>. Меня спрашивают, зачем я в стихах своих употребляю иногда непринятые в обществе слова — так скучно иногда бывает, так скучно, что вдруг и захочется что-нибудь такое выкинуть. А впрочем, что такое „неприличные слова“? Их употребляет вся Россия, почему не дать им права гражданства и в литературе».

Восп.-95, 302–303.

На «Вечере современной поэзии» в Политехническом музее читаются стихи ряда поэтов, в том числе Есенина.

Датируется в соответствии с: Галушкин-2005, 2, 23.

Г.И.Поршнев вспомнит об этом событии через несколько дней (14 февр. 1921):

«Алексеева-Месхиева <актриса> устраивает вечер современной поэзии, Брюсов говорит вступительное слово. Большой удобный зал Политехнического музея полон молодежи <...>. Вступительное слово Брюсова затянулось дольше часу. Он длинно говорил о символистах двух поколений, о футуристах (тоже двух призывов), акмеистах и, наконец, имажинистах. Смысл „слова“ — всем сестрам по серьгам. Всех погладил по головке, как заботливый папаша, и сказал: как бы ни озоровали футуристы, как бы ни шумели имажинисты, в них, безусловно, есть что-то здоровое <...>.

Затем вышла брюнеточка — армянка или еврейка — и без конца, до хрипоты читала Маяковского, Ахматову, Пастернака, Есенина и проч.».

Поршнев Г.И. Книжная Москва в 1921 году (Из дневника). — Сб. «Книга: Исследования и материалы», М.: ТЕРРА, 1995, вып. 71, с. 242–252.

Берлинская газета «Голос России» (№ 578) дает информацию о выходе в свет и поступлении в продажу выпусков «Общедоступной библиотеки „Книга для всех“» издательства «Мысль» (Берлин), в том числе:

Вып. 2–3. «Поэзия большевистских дней (Блок, Эренбург, Есенин, Каменский, Шершеневич и др.)».

Начиная с февр. 1921 в газете возобновлена прежняя сквозная нумерация.

Февраль, до 8. В издательстве «Имажинисты» выходит книга Есенина «Трерядница» (второе издание).

Есенин, VII (3), 370.

Время выхода книги определяется по дарственной надписи Есенина Г.П.Юдину (см.: 8 февр. 1921, вторая запись).

Содержание сборника идентично изданию 1920 г. (см.: до 12 июня 1920).

См. Приложение.

На последней странице книги — объявление «Книги Есенина», среди которых названы: Inonion. 1921. Berlin; Triptih. 1921, – и указано, как готовящееся, издание «Ржаные кони: Книга первая и книга вторая».

О немецком переводе «Инонии» Есенина (1921) см.: не ранее июля 1921; о французском переводе «Преображения» см.: авг. 1921. Двухтомник «Ржаные кони» не выходил.

Февраль, 8. В кафе «Стойло Пегаса» проходит вечер Есенина с участием артиста Г.П.Юдина.

Событие устанавливается и датируется по дневниковой записи Г.И.Поршнева (см. ниже) в сопоставлении с дарственной надписью Есенина Г.П.Юдину (см. след. запись).

14 февр. 1921 Г.И.Поршнев записывает:

«...жажда видеть живых носителей современного поэтического шума потянула меня в „Стойло Пегаса“ на вечер имажинистов, посвященный Есенину. В программе сказано: „Поэт о самом себе и стихи его прочтет артист Юдин“.

Поэзия продукт ненормированный. Поэтому за вход в „Стойло“ пришлось заплатить 4000 р. „Стойло“ занимает помещение б<ывшего> магазина, расписанное художниками-футуристами нелепыми фигурами и эксцентричными надписями. Слушателей человек 40. В центре у печки — группа молодежи, ведущей непринужденную беседу; заметно, что они и есть хозяева этого „стойла“.

Минут через 15 от группы отделяется юноша и вприпрыжку взбегает на эстраду. Это — Есенин. С русским открытым лицом, небольшой хитрецой, скрытой в улыбке, льняного цвета волосами, убранными франтоватой городской прической, в смокинге, с

руками, упорно втиснутыми в карманы брюк, он похож на усвоившего „культуру" приказчика-мануфактуриста. Хотя начинает свою речь как бы конфузясь, не находя нужных слов, но чувствуется, что уже есть привычка к вниманию слушателей и публичным выступлениям. От биографии уклонился. Начал туманно выяснять мотивы творчества, перешел на защиту имажинизма и задор по адресу противников или не признающих его. Брюсова, Бальмонта, даже Пушкина назвал „не мастерами слова", „не знающими русского языка". „Пушкин — это паршивый продолжатель своих предшественников". Вообще вся речь носила характер озорства молодого, зараженного поэтическим ухарством парня.

Стихи читали сам Есенин и Юдин. Тот и другой ужасно выли, кричали, ворочали зрачками, злобно сжимали кулаки, кривили все мускулы лица, неистово мотались по маленькой эстраде и свирепым голосом произносили слова грубые, как куски кровавого мяса. Поэтические нотки, удачные ритмические выражения были большой редкостью.

Общее впечатление — буйство молодых парней. Оно и грубо, нелепо, но полно подлинного кипения крови, поэтому занимательно. Может быть, так юноши заглушают свою трагедию, отдыхают от голода и ужаса окружающей действительности. Есть, конечно, и поэзия, хотя весьма слабые крупинки, но она обильно перемешана с юношеским литературным хулиганством. Чувствуется, что у Есенина и у многих юношей поэтов кипит кровь (хотя в глазах и ужас действительности), вот они и буйствуют. Юность играет в них, она борется с кошмаром жизни, поэзия только слабо украшает это буйство, неистовство, а то вышло бы заурядное русское хулиганство. Но вместе с тем, Есенин — поэт. Приходить в ужас от неуместности в стихе слова „хворостина" может только поэт.

А юноши внемлют этому поэтическому шуму, как будто какие-то отклики находят у себя в душе, и сочувственно аплодируют и кричат „еще"».

Поршнев Г.И. Книжная Москва в 1921 году. (Из дневника). — Сб. «Книга: Исследования и материалы», М.: ТЕРРА, 1995, вып. 71, с. 242–252.

Есенин надписывает книгу «Трерядница» (1921) актеру и коллекционеру Г.П.Юдину:

«Григорию Петровичу Юдину. В знак приязни. С. Есенин. 1921. 8 февр».

Есенин, VII (1), 135, 452–453.

Факсимиле инскрипта см.: Юсов-96, 315.

Февраль, до 9. В № 1 петроградского журнала «Вестник литературы» публикуется статья его редактора А.Е.Кауфмана «Литературное производство и сырье: (Новогодние размышления и итоги)» с выпадами против имажинистов:

«Расточительно тратят бумагу, не считаясь с оскудением ее, поэты-имажинисты. В истекшем году типографский станок выбросил большую имажинистскую литературу, поглотившую бумажную выработку, по крайней мере, одной бумагоделательной фабрики за год. Между тем уродливые произведения Анатолия Мариенгофа, Вадима Шершеневича, Велимира Хлебникова, Григория Шмерельсона и других могли бы подождать наступления более благоприятного времени, когда продуктивность бумажных фабрик поднимется. На потраченной имажинистами бумаге можно было бы печатать буквари и учебники, которых ныне не хватает, почему они стали распространяться в рукописном виде. Прибавьте к тому, что свои ерундовые стихи Мариенгоф печатает размашисто, по 6 строк на странице.

Среди имажинистов выгодно выделялся Сергей Есенин, когда он не кривлялся и не паясничал».

О границе события см.: Галушкин-2005, 2, 25.

В издательстве «Имажинисты» выходит книга И.В.Грузинова «Имажинизма основное» (1921), где не раз упоминается Есенин.

Граница события определяется по записи И.Н.Розанова (9 февр. 1921):

«Домой шел и заходил в книжные магазины 1) Деят<елей> иск<усств> 2) Лавку писателей <...>. Опять в <магазин> Деят<елей> иск<усств> за книжкой Грузинова „Имажинизма основное“ и не купил, беседовал с Шихманом об акмеизме 4) Худ<ожников> слова. Купил Грузинова, „Тучелет“ Мариенгофа и „Серенаду“ Ив. Аксенова».

Дневник Розанова, ед. хр. 5, л. 26 об.

Критикуя все современные школы (символизм, футуризм, акмеизм, центрифугизм, пролетарскую и народническую поэзию), И.В.Грузинов говорит об имажинизме как о новой школе, которой будет принадлежать будущее:

«Мы, имажинисты, — зачинатели новой эпохи в искусстве и жизни, мы вестники духовной революции, вестники небывалого цветения душевно-духовных сил человека, человека как цельной личности. Мы такие же вольные и великолепные, истонченные и разбойные, как деятели эпохи Возрождения <...>.

Наиболее характерными произведениями имажинистов, построенными по принципу композиции образов, считаю:

„Кобыльи корабли“ С.Есенина.
„Аль-Кадр“ А.Кусикова.
„Анатолеград“ А.Мариенгофа.
„Перемирье <с> машинами“ В.Шершеневича.
„Кремля боярский воротник“ И.Грузинова».

На обвинения Маяковского, что „имажинисты — эпигоны футуризма“, И.Грузинов отвечает:

«...имажинизм есть безусловный протест на тот злейший натурализм, который мы видим в творчестве футуристов. Футуризм лежит за гранью подлинного искусства, как и всякий натуралистический лубок и фельетон.

Вспомните драму „Стенька Разин“ В.Каменского, а также „Мистерию Буфф“ и поэму „Сто пятьдесят миллионов“ В.Маяковского. Чем эти произведения отличаются от плаката и фельетона?»

Осуждая натурализм футуристов, автор книги также не в полной мере разделяет тезис Есенина о неотделимости быта и искусства:

«Быт, нечто мертвое и внешнее по существу, не является причиной возникновения искусства. То же самое можно сказать и о так называемом развитии производительных сил. Быт только ларец, в котором хранятся жемчужины, созданные художником.

Рассказывать об отдаленном прошлом предоставим историкам. Но если в прошлом было обратное явление, если в прошлом быт являлся причиной возникновения искусства, то теперь, когда мы переросли условные рамки быта, наступило время эмансипации искусства, наступило время, когда быт должен подчиниться творческой воле художника и преображаться гением его».

Выдвигаемые теоретические положения И.В.Грузинов иллюстрирует примерами из произведений всех поэтов-имажинистов. Однако в обосновании утверждения, что имажинизм — поэзия космическая, он опирается на стихи Есенина:

«Ощущение космического нудит и повелительно требует установить отношение к самой отдаленнейшей из звезд, установить отношение к самому отдаленнейшему болиду, блуждающему в небесных полях.

Космическое в некоторых произведениях С.Есенина выявляется с особой торжественностью, с торжественностью народного праздника:

О, пусть они, те, кто во мгле
Нас пьют лампадой в небе,
Увидят со своих полей,
Что мы к ним в гости едем».

Сохранился экземпляр книги И.Грузинова с владельческой надписью Есенина (Есенин, VII (2), 171).

Февраль, 9. Есенин и А.Б. Мариенгоф встречаются с И.Н.Розановым и В.Л.Львовым-Рогачевским.

Событие и его дата зафиксированы И.Н.Розановым (запись от того же числа):

«Встреча с Львов<ым>-Рогач<евским>. <...> По дороге остановил<ись>: Есенин и Мариенгоф...

— Я вас разведу, — сказал Л<ьвов>-Рог<ачевский> Есенину, дам новую жену — Кусикова („Какой ужас! *<нрзб.>*“ – откликнулся Есен<ин>), а Мариенгофа венчаю с Шершеневичем».

Дневник Розанова, ед. хр. 5, л. 26 об.

В 1926 году И.Н.Розанов опишет этот эпизод так:

«Однажды я шел по Никитской с одним критиком, писавшим в то время статью об имажинистах. Навстречу — Есенин с Мариенгофом. Остановка.

— Я вас разведу, — сказал критик встретившимся. — Мариенгофа обвенчаю с Шершеневичем, а вам, Есенин, дам новую жену — Кусикова.

— Какой ужас! — засмеялся Есенин. — Нельзя ли кого другого, только не Кусикова».

Восп.-95, 299.

О продолжении разговора см.: 10 февр. 1921 (третья запись).

В.И.Ленин выступает в «Правде» (№ 28) со статьей «О работе Наркомпроса» (датирована 7 февраля), в которой критически оценивает некоторые стороны возглавляемого А.В.Луначарским наркомата.

Критика А.Луначарского сказалась впоследствии на его отношении к имажинистам, прежде всего к Есенину, А.Мариенгофу, В.Шершеневичу.

Февраль, 10. Есенин выступает на вечере, устроенном Ассоциацией вольнодумцев в Политехническом музее.

Дроздков-2002, 202.

Есенин и И.Н.Розанов возвращаются к разговору об имажинизме.

В 1926 году И.Н.Розанов так передаст высказывания Есенина:

«На следующий день <см.: 9 февр. 1921, первая запись> Есенин сказал мне:

— Не знаю, зачем нужно меня с кем-нибудь спаривать: я сам по себе. Достаточно того, что я принадлежу к имажинистам. Многие думают, что я совсем не имажинист, но это неправда: с самых первых шагов самостоятельности я чутьем стремился к тому, что нашел более или менее осознанным в имажинизме. Но беда в том, что приятели мои слишком уверовали в имажинизм, а я никогда не забываю, что это только одна сторона дела, что это внешность. Гораздо важнее поэтическое мироощущение».

Восп.-95, 299.

Февраль, 11. На вечере Всероссийского профессионального союза писателей В.Л.Львов-Рогачевский выступает с докладом об имажинизме, а А.Б.Кусиков — с чтением стихов.

Событие устанавливается и датируется по записи И.Н.Розанова (Дневник Розанова, ед. хр. 5, л. 28 об.).

В своем докладе критик не мог обойтись без обращения к творчеству Есенина. О личном присутствии поэта на вечере сведений нет.

В № 33 газеты «Эхо» (Ковно; ныне Каунас) Аркадий Бухов публикует фельетон «Жруще-Ржущие», высмеивающий поэтов, стихи которых напечатаны в коллективном сборнике «Поэзия большевистских дней».

Автор обыгрывает в фельетоне есенинскую строку из «Инонии»: «Даже Богу я выщиплю бороду» — и строчки А.Б.Мариенгофа из стихотворения «России»: «Скоро / К сосцам твоим присосутся, / Как братья, / Новые своры / Народов», — сообщая читателям о разговоре, якобы происходившем между Лениным и А.В.Луначарским:

«Нехорошо они пишут, Анатолий Васильевич. Присмотрели бы за ними <...>. И потом насчет этой самой бороды... У кого она выдрана? Может, по ведомству Бухарина, так это оговорить надо, а по моему ведомству этого не случалось <...>. Опять же Зиновьев насчет сосцов обидеться может».

Резюме А.С.Бухова:

«Неужели же только для того, чтобы узаконить такую поэзию, большевикам понадобилось выгнать всех русских поэтов из России?..».

Февраль, 12. Во владивостокской газете «Дальневосточная трибуна» (№ 16) печатается статья Н.Н.Асеева «„Еще один“» — развернутый разбор книги Есенина «Трерядница» (1920):

«Вместе с дошедшей сюда из России партийной и агитационной литературой приплыло несколько книжечек не устающего гореть и искать искусства.

Среди них книжка стихов Сергея Есенина „Трерядница“. Всего полтора десятка стихов, но по ним можно смело судить о негасимом духе, накаляющем плавильные тигли преображения трагических будней сегодняшнего дня России до апокалипсического видения.

Есенин в нашем представлении был тем псевдорусским поэтом, что вместе с Клюевым выступали в косоворотках, поддевках и сапогах бутылочками, специализируясь на стилизации народных словечек, поместных словечек и <...> довольно неряшливого, псевдославянофильского окаменелого самолюбования <...>.

Поэтому с особым интересом следишь за тем сдвигом, который произошел за время революции в Сергее Есенине.

Поэт стал четким, скупым на слова; увлечение бутафорией непережитых образов-слов народного словаря уступило место самостоятельному творчеству этих образов. Реализм (не натурализм) ощущений сменил символику архаических ощущений, дурно понимаемых не только читателем, но и автором. Точно великий искус революции и связанной с ней ломки древнего полумещанского-полупатриархального быта души освежил, ояснил и утончил эту немудрую технику „поэта деревни“. Голос плоти, покоривший голос „логики“ и „разума“, приобщил поэта ко всему живому, и ему стало понятно очарование приникнувшего к земле уха <приведены две последние строфы стихотворения „Закружилась листва золотая...“ и первая строфа стихотворения „Хорошо под осеннюю свежесть...“>.

Близкими и ясными стали поэту голоса природы:

Я сегодня влюблен в этот вечер,
Близок сердцу желтеющий дол.
Отрок-ветер по самые плечи
Заголил на березке подол.

И в душе и в долине прохлада,
Синий сумрак как стадо овец.
За калиткою смолкшего сада
Прозвенит и замрет бубенец.

Этот великий знак равенства, поставленный Есениным между тем, что зовется душой личности и душой всего, этот реализм невидимого („и в душе и в долине прохлада“) выводит его из временного реализма понятий, того „смыслового реализма“, который характеризует суетность и преходящую временность обычных „понятных“ стихов натуралистов и символистов.

И вдвойне ценно совершившееся с Есениным чудо прозрения, что как раз в эти дни никогда не был так усилен соблазн популярностью „народности“, на который пошло большинство поэтов, не чувствующих или не имеющих силы предотвратить опасность именно в снижении и „опрощении“ своего творчества, опасности измены искусству своего народа, всегда бывшему алогичным и асимметричным, как черты гения. <...>

Поэт был там. Ему виднее. В правдивости попыток отобразить искаженные гневом и болью черты мученического лика народа мы не сомневаемся, хотя бы по вышеизложенным выводам о поэте, прошедшем большой путь.

Его лицо искажено также страданием. Его сердце сжимается от ужаса. Он подавлен разгневанной стихией. И нет слов, чтобы выразить муку и боль, страх и радость обновления вылезающего из старой кожи мира.

Порой кажется, что уже кончено. Вот окончится этот день, сегодняшний день страстной веры, страстного отчаяния и...

Догорит золотистым пламенем
Из телесного воска свеча,
И луны часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час <...>.

Что же делать среди этого кошмара реальности поэту? Удалиться ли в мнимые романтические сады <с мечтой> о более „гуманных временах“? Или опроститься до рычания звериного, выжимаемого из горла, перехваченного рукою жизни? Если нет песни — пусть будет хрип; нет молитвы — пусть будет лай:

Тысячи лет те же звезды славятся,
Тем же медом струится плоть.
Не молиться тебе, а лаяться
Научил ты меня, Господь.

Но и этот хрип, и этот лай, обвеянный внутренне-певучей верой в жизнь и ее радуги, в жизнь, к которой ближе и ближе нас тащит „красный конь“ зари — одно из лучших стихотворений сборника, которое мы приводим целиком:

Сойди, явись нам, красный конь!
Впрягись в земли оглобли.
Нам горьким стало молоко
Под этой ветхой кровлей.

Пролей, пролей нам над водой
Твое глухое ржанье
И колокольчиком-звездой
Холодное сиянье.

Мы радугу тебе – дугой,
Полярный круг – на сбрую.
О, вывези наш шар земной
На колею иную.

Хвостом земле ты прицепись,
С зари отчалься гривой.
За эти тучи, эту высь
Скачи к стране счастливой.

И пусть они, те, кто во мгле
Нас пьют лампадой в небе,
Увидят со своих полей,
Что мы к ним в гости едем.

Со стороны технических достижений „Трерядница“ весьма показательна в смысле полной победы приемов нового творчества даже у таких мирных поэтов, как Есенин. Новое течение „имажинизма“, народившееся в Москве в 1920 году, устами своего вождя В.Шершеневича причисляет Есенина к своим. Но не только по методам, а и по темам Есенин, конечно, приемлет футуристические лозунги.

Мы не станем, конечно, подобно бабушкам от литературной революции, зачислять Есенина в разряд того или иного партийного или кружкового монастыря. Довольно сказать, что Есенин откидывает часто предлоги по Бурлюку (напр<имер>, как в вышеприведенном стих. – „хвостом земле ты прицепись“, вместо „хвостом к земле“); часто звучит у него фразировка Маяковского: („Я последний поэт деревни“, у Маяковского: „и, быть может, последний в мире поэт!“ <...>); часто встречается асимметрия предложения по Хлебникову; самые лучшие строки построены по принципу того сложного примитива — сближения логически несоизмеримых понятий, которые озаряют внезапным огнем свежести и нового угла зрения мир. Это способ футуристов, недоступный эклектикам в силу их формального примирения с необходимостью „новшеств“. <...>

Поэтому, как бы ни были устрашающи сами по себе стихи Есенина по своей странной мрачности, по своему почти апокалипсическому пафосу, боли, мы не боимся, а радуемся за поэта, сумевшего „неожиданно громко“ запеть среди подавленности и тишины великого искушения страны, взведенной на гору и соблазняемой после великого голода искушениями лукавых „друзей“.

Запеть хотя бы хриплым голосом, голосом, сведенным судорогой муки и страха, но сумевшим и в этом страхе, и в этой муке выпеть самому себе существенный приговор истинного поэта:

Если можно о чем скорбеть,
Значит, можно чему улыбаться».

Февраль, 13. Газета «Правда» (№ 32) публикует статью Н.К.Крупской «Главполитпросвет и искусство».

В ней, в частности, говорится:

«Задача Наркомпроса была из искусства создать своего рода резонатор, усиливающий всё коммунистическое, всё коллективистическое, бодрое, всё прекрасное. <...> Наркомпрос не сумел сделать из искусства могучего орудия воспитания коммунистических чувств.

<...> Сейчас происходит реорганизация Наркомпроса. Значительная часть искусства переходит в Главполитпросвет <...>. Он должен пристально следить за тем, чтобы содержание работы в области искусства было коммунистично».

Самому наркому А.В.Луначарскому в статье предъявляется обвинение в поддержке искусства молодых «левых» художников.

См.: 9 февр. 1921, вторая запись; 11 февр. 1922, вторая запись.

Февраль, 14. Есенин выступает на «Литературном вечере», устроенном Вольной академией духовной культуры в Политехническом музее.

Дроздков-2002, 221.

Нельзя исключать возможности контактов Есенина с выдающимся философом Н.Бердяевым — основателем и руководителем Вольной академии духовной культуры.

Февраль, середина (кроме **10, 14** и **17).** Есенин приглашает В.И.Вольпина на вечеринку в квартиру по Богословскому пер., 3.

Рассказывает о работе над произведением о Е.И.Пугачеве и о том, что собирается побывать в Туркестане.

Время события определяется на основании утверждения В.Вольпина о следующей встрече с Есениным через три месяца уже в Ташкенте, т. е. после 12–13 мая (Восп., 1, 424), с учетом невозможности проведения вечеринки в дни выступлений Есенина.

В 1926 году В.Вольпин вспомнит:

«Когда я пришел, гости были уже в сборе. Помимо хозяев (Есенина и Мариенгофа), были Г.Р.Колобов, какая-то нарядная женщина — кажется, актриса — и не то родственник, не то земляк Есенина, приехавший из деревни, человек уже пожилой, исправно евший и пивший, но упорно молчавший.

<...> Есенин много ел, пил, в промежутках между едой курил, не забывал подгонять гостей и много говорил, говорил... Рассказывал, что пишет „Пугачева“, что собирается поехать в киргизские степи и на Волгу, хочет проехать по тому историческому пути, который проделал Пугачев, двигаясь на Москву, а затем побывать в Туркестане, который, по его словам, давно уже его к себе манит.

— Там у меня друг большой живет. Шурка Ширяевец, которого я никогда не видел, — говорил он оживленно. После обеда актриса пела песни, затем Есенин вместе с ней пел частушки, читал стихи и рассказывал анекдоты, над которыми все много и долго хохотали.

В то посещение я увидел на столике в комнате Есенина несколько книг о Пугачеве: очевидно, материалы к его трагедии...».

Восп., 1, 423.

Февраль, середина (кроме **10, 14** и **17**), или **Май, после 13 ... 29,** или **Июнь, 3.** Есенин надписывает В.И.Вольпину:

— сборник «Трерядница» (1921):

«Милому Валентину Ивановичу Вольпину приязненно. С. Есенин. 1921».

Есенин, VII (1) , 162, 459. Факсимиле надписи см.: Юсов-96, 320.

— сборник «Исповедь хулигана» (1921):

«Валентину Ивановичу Вольпину. На добрую память С. Есенин».

Есенин, VII (1), 182, 464.

Датируется с учетом времени встреч Есенина с адресатом надписей в Москве и Ташкенте (см. предыд. запись, а также: 12 … 13–29 мая 1921; 3 июня 1921).

Февраль, 16. А.В.Луначарский обращается в Центральный институт политехнических знаний (Политехнический музей) с просьбой поддержать инициативу Ассоциации вольнодумцев по устройству литературных вечеров:

«Прошу удовлетворить просьбу „Ассоциации Вольнодумцев“ и предоставить помещение аудитории № 1 Политехнического музея на все просимые в заявлении ассоциации дни <см.: 31 дек. 1920> при отсутствии к тому каких-либо особо важных препятствий».

Дроздков-2002, 224.

В «Известиях ВЦИК» (№ 34) объявляется вечер поэзии А.Мариенгофа в кафе имажинистов «Стойло Пегаса».

Есенин, скорее всего, присутствует на вечере.

См.: январь … до 16 или до 17 апр.; после 11 июня … дек. 1921.

Февраль, до 17. Ассоциацией вольнодумцев подается заявка в Политехнический музей об устройстве вечера поэзии с участием Есенина, Ф.Сологуба, Б.Пастернака и др.

Дроздков-2002, 221.

Об этом (?) вечере помещается объявление в «Известиях ВЦИК» (17 февр. 1921; № 35):

«В политехническом музее. Сегодня ассоциация вольнодумцев устраивает поэтический бой имажинистов Есенина, Мариенгофа и Шершеневича против всех литературных школ, течений и направлений. Вызываются: символист Брюсов, футуристы, пролетарские поэты и акмеисты (если таковые еще имеются). Начало в 9 ч. веч.».

Февраль, 17. Есенин выступает на вечере, устроенном Ассоциацией вольнодумцев в Политехническом музее.

Дроздков-2002, 221.

Февраль, 18. В № 36 «Известий ВЦИК» объявляется о вечере В.Шершеневича в кафе имажинистов «Стойло Пегаса».

Есенин в этот день, скорее всего, посещал кафе и мог присутствовать на вечере.

Февраль, 19. Есенин пишет заявление в отдел бракорасторжений с просьбой оформить развод с женой З.Н.Есениной-Райх:

«Отдел расторжений
Сергея Александровича Есенина,
гр. Рязанской губ. и уезда, села Константиново

Заявление

Прошу не отказать в Вашем распоряжении об оформлении моего развода с моей женой Зинаидой Николаевной Есениной-Райх. Наших детей — Татьяну трех лет и Константина одного года — оставляю для воспитания

у моей бывшей жены Зинаиды Николаевны Райх, беря на себя материальное обеспечение их, в чем и подписываюсь. *Сергей Есенин.*
Москва, 19 февр. 1921 г.».

Есенин, VII (2), 207, 311–312.

Сохранилась копия этого заявления, сделанная с подлинника и заверенная в Народном суде г. Орла 17 сент. 1921.

Брак был расторгнут по заявлению З.Н.Райх (см.: 5 окт. 1921).

В литературном объединении при Губполитпросвете (г. Барнаул) читается «доклад „с пристрастием“ об имажинистах Шершеневиче, Мариенгофе, Есенине и Кусикове» (автор А.Квятковский).

Событие устанавливается и датируется по статье «В ЛИТО» (газ. «Красный Алтай», Барнаул, 1921, 22 февр., № 40; подп.: С.Л-ий <Лепский>).

«Решено прения продолжить на следующем заседании».

Это обсуждение состоялось 26 февр. 1921 (отчет см.: газ. «Красный Алтай», Барнаул, 1921, 2 марта, № 47).

Февраль, 20. Составляется программа «вечеров и чтений», которые планируется провести у племянницы И.Н.Розанова — Н.Розановой. Среди них — вечер о творчестве Есенина.

И.Н.Розанов дает Б.Осколкову книги о Есенине для подготовки того к «ближ<айшему> оппонированию» на предстоящем вечере, посвященном поэту.

Дневник Розанова, ед. хр. 5, л. 31 об. – 32.

См. также: 27 февр. 1921; 2 марта 1921; 9 марта 1921; 15 марта 1921.

Владивостокская газета «Дальневосточная трибуна» (№ 21) в рубрике «Местная жизнь» помещает анонс „Диспут об имажинизме“:

«В воскресенье 20 сего февраля, в Л.-Х.О. <Литературно-художественном обществе> состоится диспут на тему о последнем литературном течении в России, т. н. «имажинизме». Диспут откроется докладом Н.Н.Асеева, затем будут зачитаны произведения имажинистов: В.Шершеневича, С.Есенина, Мариенгофа и др. К диспуту приглашены: А.А.Богданов, Л.Е.Ещин, В.А.Силлов, П.Далецкий и А.Несмелов».

Отчет о мероприятии не выявлен.

Февраль, до 24. Есенин обращается в домовой комитет дома № 3 по Богословскому пер. для удостоверения своей подписи на заявлении с просьбой оформить развод с женой З.Н.Есениной-Райх.

Граница события устанавливается по заверительной надписи на документе с датой: 24 февр. 1921 (Есенин, VII (2), 321).

См.: 19 февр. 1921.

Выходит № 2 берлинского журнала «Русская книга» с информацией о русских книгах, вышедших за границей:

«Отдел VI: Книжная летопись.

А. Русские книги, появившиеся в 1918–1921 гг. вне Советской России.

Книга для всех. Изд. „Мысль“, Берлин, 1921. Ц<ена> каждого ном<ера> 3 м. <…>. № 2 и 3. Поэзия большевистских дней. А.Блок, А.Белый, И.Эренбург, С.Есенин, В.Каменский, В.Шершеневич, А.Мариенгоф, Р.Ивнев и др.

Издательство „Скифы“:

1. Основанное в сентябре 1920 г. в Берлине издательство „Скифы“ поставило себе совершенно новую задачу: ознакомление русского и иностранного читателя с Россией переходной эпохи в областях поэзии, литературной критики и политики.

Издательство „Скифы“ выпустило уже ряд книг на русском языке. В области поэзии: Александр Блок (Двенадцать. Скифы) <...> Сергей Есенин (Товарищ. Инония. Пришествие. Октоих. Преображение); Андрей Белый (Христос воскресе); Клюев (Песнь солнценосца. Избяные песни) <...>

2. Для западноевропейского читателя подготавливаются переводы означенных книг на немецкий, французский и английский языки, из коих в ближайшее время в немецком переводе выйдут названные книги Ал. Блока, Андрея Белого, Н.Клюева, С.Есенина, Иванова-Разумника и др.».

Граница события устанавливается по сообщению пражской газеты «Воля России» (1921, 24 февр., № 137).

Намерение о выпуске издательством «Скифы» книг русских авторов в переводе на иностранные языки, вероятнее всего, не осуществилось.

Февраль, 24. Владивостокская газета «Дальневосточная трибуна» (№ 24) печатает статью Н.Н.Асеева «Не выдержавшие искуса (По поводу новейших течений литературы и поэзии)»:

«...В самой Москве – центре большой и кипучей жизни искусства – появились некоторые симптомы усталости, пресыщенности революционным горением в среде тех творческих сил, которые вели непримиримую борьбу за революционизирование искусства изнутри его самого.

Мы говорим о новом течении поэзии, известном под именем имажинизма.

Выросший под могучим крылом революционного искусства и персонально, и идеологически, имажинизм внезапно ополчился на орла, в чьем гнезде он увидел свет. Сын кукушки, не знающий иного „куку“, кроме тех березок, по которым ему суждено летать, он и в самом деле возомнил себя вещуном, в чьей власти предсказывать годы жизни поэтов. Но комичные сами по себе заявления этого маленького литературного мятежа симптоматичны по своим устремлениям от „современности“ и „жизни“ опять в леса „образов“, которые сильно напоминают недавний „лес символов“ Малларме <...>.

Перед нами книжка теоретика „имажинизма“ и его основателя В.Шершеневича, незаурядного диалектика, очень работоспособного поэта, еще недавно бывшего в рядах футуристов <...>».

Процитировав В.Г.Шершеневича («существовал классицизм, символизм, футуризм, пока не было имажинизма, превзошедшего все прошлое точностью материала и мастерством формы»), автор продолжает:

«В самом деле: „точность материала и мастерство формы“! Это у Есенина-то, еще не вышедшего из-под десятка влияний: и Блока, и Маяковского, и Хлебникова, и др.? Или у самого В.Шершеневича, тщательно собирающего и применяющего к своим натруженным строчкам все проделанное в смысле обновления формы другими? <...>.

Посмотрим, однако, какой же „прыжок методов“ сделал имажинизм, если он не является реставрацией в искусстве <...>.

Во-первых, самоценность образа. Но образ, так пышно звучащий в названии новой школы, в определении В.Шершеневича – понятие неясное и автором не определяемое: то ли это символ, то ли метафора, то ли эпитет, а вернее, все вместе. Но где же искать новых образов? У Есенина и Мариенгофа? Прочитайте их книги, и станет непререкаемым их эпигонство. У Третьякова? Но Третьяков приплетен к имажинизму без его согласия <...>. Кто же еще? Да нет никого <...>. Объявил Шершеневич течение последователей чистого образа, а выходит, что у фирмы даже образчиков нет».

Февраль, до 26. Выходит коллективный сборник «Звездный бык» (М.: Имажинисты, 1921) со стихотворением Есенина «Песнь о хлебе».

Здесь же печатается произведение А.Б.Кусикова «Аль-Кадр: Поэма прозрения».

Есенин, VII (3), 406–407.

Граница события определяется по датированному автографу Есенина на сборнике (см.: 26 февр. 1921).

В разделе объявлений этого сборника анонсируется книга С.Есенина и А.Мариенгофа «Лапта звезды» и сообщается о том, что С.Есениным и А.Мариенгофом готовятся к печати монографии о Г.Якулове и С.Конёнкове (ни одна из книг не выходила).

Февраль, 26. В книжной лавке «Художников слова» Есенин беседует с И.Н.Розановым, после чего тот записывает:

«...В лавке „Худ<ожников> слова“ долгая беседа с Есениным. Рассказ его о себе».

Дневник Розанова, ед. хр. 5, л. 33.

Эта запись опровергает сведения, содержащиеся в письме заместителя главного редактора газеты «Литературная Россия» Н.В. Банникова к М.Д.Ройзману:

«Уважаемый Матвей Давидович!

Подтверждаю, что Екатерина Александровна Есенина-Наседкина в беседе со мной летом 1965 года, когда я готовил с ней отрывок ее воспоминаний о поэте для публикации в еженедельнике „Литературная Россия“, говорила мне, что Сергей Александрович с большой неохотой пошел беседовать с И.Н.Розановым, что тот неоднократно зазывал его к себе и что в беседе с Розановым Есенин, от скуки и раздражения, нарочно наговорил ему о себе много неверного. По словам Екатерины Александровны, она сопровождала Есенина на квартиру Розанова.

Н. Банников. 31 августа, 1966 г.».

Ройзман, 117.

Есенин надписывает И.Н.Розанову сборник «Звездный бык»: «Ивану Никаноровичу. С приязнью. С. Есенин. 26 фев. 1921г.».

Есенин, VII (1), 136, 453.

Факсимиле инскрипта см.: Карпов Е. Русский Парнас. — Журн. «В мире книг», М., 1968, янв., № 1, с. 44.

Сразу после беседы с Есениным И.Н.Розанов записывает его рассказ: «26 февр. 1921 г.

Интервью с Есениным <первый вариант названия: „Есенин о себе самом“>

[Прежде] Больше всего я обязан деду... Он „библеец“, старообрядский начетчик... Умер в 1918 году 82 лет <ср.: Летопись, 1, 78–79> крепким стариком, все зубы были целы. О нем говорил я в стихотворении „Пантократор“. Дед знал наизусть множество духовных стихов и народных песен <два последних слова вписаны позднее>, и я с детства тоже сочинял духовные стихи.

Учился я в старообрядческой школе <ср.: Летопись, 1, 109–113> в одном заштатном городе Ряз<анской> губ<ернии> <поздняя вставка: Спас-Клепики>. Там товарищи стали убеждать меня попробовать <исправление: испробовать> себя в стихах другого рода. [Тогда я написал „Миколу“] И я — мне было тогда 14 лет — написал „Маковые побаски“, вошедшие в мою книгу „Радуница“ и около того же времени — „Миколу“ <ср.: Летопись, 1, 247, 248>.

С детства болел „мукой слова“, хотелось высказать свое и по-своему… и теперь во всех своих произведениях я отлично сознаю, что мое и что не мое…

[Колоссальное] Громадное влияние оказало на меня „Сл<ово> о п<олку> Иг<ореве>“.

Из поэтов рано узнал Пушкина и Фета… Когда позднее познакомился со стихами Бальмонта, нашел, что Фет гораздо лучше, и продолжаю это думать и теперь. В 1914 г. <неточно; <см.: Летопись, 1, 252> слушал лекции в универс<итете> Шанявского. В конце 1914 г. напечатано было первое стихотворение „Черемуха сыплется снегом…“ в „Журнале для всех“ Миролюбова.

В 1915–1917 гг. жил в СПб. Здесь [под влиянием Иванова] смог многое для себя уяснить. Помощь и влияние оказывали в поэзии Ник. Клюев и Сергей Городецкий, принявшие в нем большое участие… В общем развитии более всего обязан был за это время Иванову-Разумнику. Громадное личное влияние имел для меня Андрей Белый… С Городецким и Клюевым впоследствии разошелся. Одна существенная разница между мной и ими заметна стала в отношении к войне…Они [все] увлекались воинствующим патриотизмом и подбивали все меня на это… А это мне всегда было совершенно чуждо. Но чувство родины — основное в моем творчестве. Обратите внимание, что у меня совсем почти нет любовных мотивов. Я люблю Блока и одно время был близок к нему, но его отношение к России меня не удовлетворяет. Он много говорит о родине, но настоящего ощущения родины у него нет… Недаром он и сам признаётся, что в его жилах ¾ крови немецкая. Клюева я считаю большим поэтом, но он не нашел чего-то самого нужного, и его творчество становится бесплодным. Последняя книга его стихов „Песнослов“, т. II, говорит об упадке. Да и возраст поэтический для него прошел: ему уже за 40 <Клюеву шел тогда тридцать седьмой год>.

Одно время (в 1917 г.) я сблизился с Сергеем Клычковым, поэтом, близким мне по духу… Тогда <ср.: сент. – нояб. 1918> я писал „Ключи Марии“ и собирался вместе с ним объявить себя приверженцем нового течения „Аггелизм“, но он испугался, что это название привлечет преследование со стороны большевиков…

В следующем году я [примкнул] познакомился в Харькове <ср.: авг. – сент. 1918> с Мариенгофом и примкнул к имажинистам. Думают, что я совсем не имажинист, но это не правда: с самых [раннего] первых шагов самостоятельности я чутьем стремился к тому, что нашел более или менее осознанным в имажинизме… Но это только одна сторона дела… Это внешность, это прием, а я в основу кладу содержание, поэтическое мироощущение… Этого нутра, этого поэтического содержания долго не было у Мариенгофа и до сих пор нет у Шершеневича… Одна только внешность имажинизма. Маяковского считаю очень ярким поэтом, но лишенным духа новаторства <позднее вставлено: „Он весь идет от Уитмена“>. У него тоже нет поэтического мироощущения.

Недавно в „Союзе поэтов“ были перевыборы… Забаллотирован Брюсов… В правление выбраны Андрей Белый, я и другие. Андрей Белый отказался, п<отому> ч<то> уезжает в Петербург, я отговорился тем, что мне некогда, а в действительности я совершенно чужд этому союзу… Бог с ними! Поэты „преотвратительный народ“.

Сейчас я заканчиваю трагедию в стихах „Пугачев“ <ср., однако: не позднее февр. 1921; начало … до 15 (?) апр. 1921; до 16 или до 17 апр. 1921; после 16 или после 17 апр. – до 11 июня 1921; до 24 июля 1921; после 24 июля – 30 авг. 1921; после 30 авг. 1921; окт. (?) – до 19 нояб. 1921; после 19 (?) нояб. – начало (?) дек. 1921>. Я несколько лет изучал материал и убедился, что Пушкин во многом неправ… Пугачев был [на редкость умный] почти гениальным человеком. Это второе мое драматургическое произведение. Первое, „Крестьянский пир“, должно было появиться в сборнике „Сокол“ (1911)

<так! ср.: Летопись, 2, 52 >, но я раздумался... потребовал его в гранках и уничтожил. Андрей Белый до сих пор не может мне этого простить: эта пьеса ему очень нравилась. Да я и сам иногда теперь жалею...

В первой моей книжке „Радуница“ — в 1-ом издании было много местных, рязанских слов. Потом я решил, что это ни к чему, и весь этот местный колорит выбросил.

Вы спрашиваете, целен ли был мой поэтический и житейский путь.

Такие были ломки и [препятствия] вывихи, что я удивляюсь, как это я остался цел... Об этом когда-нибудь расскажу Вам подробно».

Далее И.Н.Розанов записывает здесь же отдельные мысли поэта и перечисляет даты своих встреч с ним:

«Е<сенин> не любит книг у себя держать, даже своих.

Периодов <творчества> не было.

„Исповедь хулигана“ — 4 янв. 1921 г.

В этот же день я сказал Ес<ени>ну, что он поп<адет> у меня в 10-й том моей рус. лирики.

13 янв. <и> 17 янв. с Апушк<иным> о его легкой „зажигаемости“ и хорошей „наивности“. <...>

Воск. 23 янв. на лекции Шерш<еневича> о символизме в Камерном театре. <...>

9 февр. Встреча: Львов-Рогачевский В. Есенин + Мариенгоф о разводе. <...>

Я странник улогий — Я странник убогий
В кубетке сырой — С вечерней звездой

20 сент. 1920 Вечер в Консерв<атории> <...>

11 окт. 1920 <...>

Заходил к Худ<ожникам> сл<ова> <*нрзб.*> Нашел Есенина».

РГБ, ф. 653, карт. 25, ед. хр.13, л. 39–43.

Этот текст значительно полнее, чем приведенная в воспоминаниях критика 1926 года «Автобиография С.А.Есенина, записанная И.Н.Розановым (1921)» (Есенин, VII (1), 343–345). Имеют место и разночтения.

Февраль, 27. Парижский журнал «Современные записки» (вып. III) публикует статью М.О.Цетлина «„Истинно народные поэты“ и их комментатор», в которой он высказывает свое несогласие с трактовкой Ивановым-Разумником революционности Есенина:

«Читатель, может быть, этого еще не знает – в русской литературе произошло великое событие: „в грохоте громов революции громко прозвучал голос нескольких истинно народных поэтов“. Такую благую весть принес еще 3 года тому назад г. Иванов-Разумник в предисловии к сборнику стихов Н.Клюева, С.Есенина и Орешина <„Красный звон“>. Теперь стихи тех же поэтов перепечатаны в Берлине <...> „Поэт из народа“ Сергей Есенин бесхитростнее и милее, в нем нет лукавства Клюева. Народность его в традиции разных коньков и расшитых полотенцев, расшитых ярко и талантливо. И „переплетающие в вихре“ целых две революции, его стихи совершенно нереволюционны. В них, правда, иногда употребляются слова „Акатуй“, „Марсово Поле“, „железное слово Рре-ес-пуу-блика“. Но все же это не „красный“, а просто „малиновый звон“, звон бубенцов под дугой.

Но ведь Есенин не просто поэт, он пророк. И пророчество его – поэма „Инония“. Он пророк, как всякий истинный поэт, говорит г. Иванов-Разумник <...>.

Есть высокая поэзия в пророках, много пророческого и у великих поэтов на *высотах* их творчества. Средние же, хотя и истинные поэты, до этих высот достигают редко и менее всего — русские поэты нашего времени. Можно пророчествовать и в пещере львиной, труднее в

„кафе поэтов“. Русское искусство, правда, предчувствовало революцию, оно томилось, металось, как мечутся животные, предчувствуя грозу. Но предчувствие еще не пророчество:

Не устрашуся гибели,
Ни копий, ни стрел дождей,
Так говорит по библии
Пророк Есенин Сергей.

В этих словах самолюбивая и вместе ироническая усмешка над собой, и звучат они не пророчески, а так, как другие строки того же поэта:

Говорят, что я скоро буду
Знаменитый русский поэт.

Поэма „Инония“ очень талантлива, очень ритмична и образна. Напрасно осмеяно в газетах столь нашумевшее мистическое „божье теление“. Те, кто знали по прежним стихам Есенина про его страстную, истинно крестьянскую любовь к коровам, – не удивятся, что именно этот образ явился у поэта для символа таинственного рождения в мире нового, в данном случае – страны Инонии. Поэт, видно, искренне вспыхнул радостным ожиданием нового мира. Увы, мы теперь знаем, во что преобразилась эта крестьянская „Инония“ и что стало с ее „хатами и нивами“. Но ведь тогда этого еще не было видно. Эта поэма вдохновенных гипербол — всё же, главным образом, стилизация под пророка. <…> Как мог г. Иванов-Разумник не увидеть „стилизации“, принять картон за металл <…>. И это страстное желание возвеличить, украсить октябрьскую революцию заставляет критика, в противоположность портным из сказки Андерсена, само<го> видеть „платье короля“ – те пышные одежды поэзии, в которые он рядит „ее величество революцию“».

Ср.: 17 апр. 1918; 19 апр. 1918; 20 апр. 1918; 21 апр. 1918; 13 мая 1918; 26 мая 1918, вторая запись; 9 июня 1918, третья запись; 8 июля 1918, вторая запись.

См. также: РЗЕ, 2, 156–157.

На квартире племянницы И.Н.Розанова Натальи Розановой происходит первое собрание с обсуждением творчества Есенина.

«Вечером собрание у Наташи. Корст о Есенине. Я <И.Н.Розанов> о нем же».

Дневник Розанова, ед. хр. 5, л. 33 об.

См.: 20 февр. 1921; 2 марта 1921; 9 марта 1921, 15 марта 1921.

Февраль, 28. В № 228 парижской газеты «Общее дело» публикуется статья-памфлет Е.Н.Чирикова «„Инония“», где поэма Есенина служит материалом для демонстрации антисоветской позиции ее автора:

«Неверно говорят, что никто не бывает пророком в отечестве своем. В „Праведной земле — Инонии“, где три года люди уже блаженствуют и праведнику <так!> упокояются, — появились, наконец, свои доморощенные, так сказать, пророки и св. великомученики. Великомучеников открыл Максим Горький.

— Террор стоит невыносимых мук и страданий… Тем, кто осужден историей убивать одних для свободы других <…> эти люди — мученики, и совесть моя никогда не позволит мне осудить их.

Вот они, св. великомученики „Инонии“, но а как же счастливые жители блаженной страны, которых убивать приходится? <…> Про них „уверовавший ученый Максим“ говорит:

— Народ мне не жалко. Этот народ, по логике бездарной истории своей, очевидно, должен пережить все драмы и трагедии, обязательные для существа пассивного!

Что поделаешь, если „планетарные дураки“ упираются и добровольно идти в земной рай-Инонию не соглашаются? Приходится их, дураков, террором загонять, а ведь это — иссушающая душу мука, невыносимые страдания для Ленина, Троцкого, Дзержинского и пр. св. великомучеников Инонии <...>

Если Горький открыл „великомучеников“, то другой уверовавший ученый, по имени Разумник, а по фамилии – Иванов, в послушании же „Иванов-Разумник“, открыл пророков „Инонии“, от них же суть: Блок, Белый и Есенин. Пророческое сияние от поименованных осенило и самого Разумника-Иванова, который превознесся над действительностью, временем и пространством, над историей и географией, громит неуверовавших в „Праведную землю Инонию“ <...>.

„Пусть плачут те, которым дорога Россия, как географическое единство, — вещает он. – Родина для нас имеет смысл не географический, а духовный <...>“

Тут, как говорится, „пофилософствуй, ум вскружится“, будь ты самый умник-разумник <...>. Их Россия подлинно погибла, наша Россия (без географических границ) подлинно народилась! – радостно вещает Разумник-Иванов. – И тут нет никакого снисхождения к нежелающим приять „Инонию“ <...>.

Старый мир кончился, они чувствуют себя уже в новом мире, в блаженной стране „Инонии“ и по-свойски разделываются со старой верой, с христианством, с его Христом и Богом Саваофом! Сейчас же все по-новому! Чтобы и духу никакого от него не осталось!

...И хилое тело Христа <на дыбе>
Вздыбливаем в Чрезвычайке<...>.

Так расправляется с Христом поэт из „Инонии“ Мариенгоф.

Вы скажете, какой же это русский человек на „гоф“. Тогда вот вам из „пророка Есенина Сергея“, как тот именует сам себя в своей поэме „Инония“:

Время мое приспело,
Не страшен мне лязг кнута.
Тело, Христово тело,
Выплевываю изо рта.

Что же заставляет так кощунствовать „пророка Есенина Сергея“?

Не хочу восприять спасение
Через муки его и крест:
Я иное постиг учение
Прободающих вечность звезд.

А с Богом Отцом расправа еще короче у „пророка Есенина Сергея“:

Протянусь до незримого города,
Млечный прокушу покров.
Даже Богу я выщиплю бороду
Оскалом моих зубов.
Ухвачу его за гриву белую
И скажу ему голосом вьюг:
Я иным тебя, Господи, сделаю,
Чтобы зрел мой словесный луг!

Далее пророк проклинает град „Китеж“, град „Радонеж“ и проч. и проч. Пророк обещает „языком вылизать на иконах лики мучеников и святых“ (старых, конечно) и обещает нам „град „Инонию“, где живет Божество живых“.

Новый на кобыле
Едет к миру Спас.
Наша вера – в силе.
Наша правда – в нас!

Сейчас град „Инония“ в совдепии, и там живет „Божество живых“. Поэт Каменский открывает тайну: он называет Ленина „Мужицким Христом“. Нет нужды, что Ленин называет мужика „мелким буржуем“, и нет нужды, что мужицкое стадо приходится загонять в „Инонию“ бичами. Так говорят пророки!

И всё это, впрочем, не ново. Французская революция в свое время Бога тоже упразднила, воздвигая алтари разуму, а кончила тоже религиозной истерикой...».

Перепечатки см.: газ. «Русский голос», Харбин, 1921, 5 мая, № 240 и газ. «Владиво-Ниппо», Владивосток, 1921, 12 мая, № 262.

Февраль (?) ... Март, до 22 или **до 23.** Есенин делает дарственную надпись на книге «Трерядница» (1921) И.Г.Эренбургу:

«Илье Эренбургу на добрую память. С. Есенин. 1921.

Вы знаете запах нашей земли и рисуночность нашего климата, передайте Парижу, что я не боюсь его, [ибо] на снегах нашей родины мы снова сумеем закрутить мятелью одинаково страшной для них и этих.

С. Есенин».

Есенин, VII (1), 177, 463.

Верхняя граница события устанавливается с учетом времени отъезда И.Эренбурга за границу (см.: 22 или 23 марта 1921).

Факсимиле надписи – в кн.: Эренбург И. Люди, годы, жизнь: Воспоминания. В 3 т./ Изд. испр. и доп. М.: Сов. писатель, 1990, т. 1, с. 354.

Февраль (?) ... Апрель, до 14 (?). Есенин надписывает А.В.Луначарскому книгу «Трерядница» (1921):

«Анатолию Васильевичу Луначарскому с признанием и уважением. Вождь имажинизма С. Есенин. 1921».

Есенин, VII (1), 166, 460–461.

Верхняя граница события устанавливается с учетом наступления охлаждения в отношениях А.В.Луначарского с имажинистами (см.: 14 апр. 1921).

Книга с надписью была в собрании дочери адресата — И.А.Луначарской. Местонахождение ее в настоящее время неизвестно.

Февраль (?) ... Декабрь. Есенин делает дарственные надписи на экземплярах книги «Трерядница» (1921):

— А.В.Лентулову:

«Аристарху Васильевичу Лентулову. В знак приязни. С. Есенин. 1921».

Есенин,VII (1), 164, 460;

— А.И.Тинякову:

«Ал. Тинякову С.Есенин. 1921».

Есенин, VII (1), 172, 462.

Факсимиле надписи: Юсов-96, 323.

Февраль, не позднее. Есенин делает наброски отдельных строк и фрагментов начала поэмы «Пугачев».

Есенин, VII (2), 18–19, 41.

Событие и его граница устанавливаются в соответствии с выводом о том, что наброски сделаны Есениным до систематической работы по записи текста «Пугачева» (Есенин, VII (2), 41), т. е. до марта 1921 г., и с учетом сообщениий поэта о работе над поэмой И.Н.Розанову (см.: 26 февр. 1921) и В.И.Вольпину (см.: середина февр. 1921).

Наброски сохранились на листе, на котором Есенин позднее писал письмо Р.В.Иванову-Разумнику и не отправил его (см.: 13 … 29 или 14 … 29 мая 1921, третья запись).

Февраль, не позднее (?). Есенин надписывает экземпляры книги «Исповедь хулигана»:

— Д.С.Айзенштату:

«Дорогому Давиду Самойловичу. Доброй няненьке с любовью. С. Есенин».

Есенин, VII (1), 181, 464.

Датируется предположительно с учетом времени выхода книги в свет, принимая во внимание частые контакты Есенина и Айзенштата в рамках совместной работы в книжной лавке «Художников слова»;

— А.Б.Кусикову:

«Сандро милому с любовью и верою. С. Есенин».

Есенин, VII (1), 195, 468.

Датируется по аналогии с предыд. записью, учитывая также время совместной работы Есенина и А.Б.Кусикова по изданию коллективного сборника «Звездный бык» (см.: до 26 февр. 1921).

Март, 1. Газета «Шанхайская жизнь» (№ 406; рубрика «Библиография»; подпись: Н. Н-цкий) помещает отклик Н.К.Новицкого на книги, выпущенные берлинским книгоиздательством «Скифы», включая книгу Есенина «Триптих» и сборник «Россия и Инония» с поэмами Есенина:

«Как видно по именам авторов критико-публицистических произведений и из подбора имен в художественном творчестве, общий характер издательства – выявление миропонимания того течения народничества, которое, преломившись в стихии революции, сформировалось в группу левых социалистов-революционеров.

Поэтические произведения представляют большой интерес как ценное художественное отображение той неизмеримого значения эры, которую мы переживаем».

Март, 2. Беседа о Есенине, намеченная на этот день у Н.Розановой, отменяется.

«Утром к Наташе <Розановой>. Отбой от сегод<няшнего> собрания о Есенине. Затем занес записку Корсту о том же».

Дневник Розанова, ед. хр. 5, л. 34.

Собрание было перенесено; см. о нем: 9 марта 1921 и 15 марта 1921.

Март, после 2 ... Декабрь. В Вологде выходит литографированное издание десяти книг А.А.Ганина (10 брошюр в общей папке) под названием «Мешок алмазов: Стихи».

Одна из них, «Красный час», имеет посвящение Есенину.

Нижняя граница события устанавливается по цензурному разрешению, указанному в издании (Р.В.Ц. 2 / III 1921 г.).

См. также: Летопись, 2, 445.

Март, 2–4. Петроградская газета «Жизнь искусства» (№ 682–684; рубрика «Москва: (Хроника театральной жизни)») сообщает о предполагаемой постановке драматического произведения «Григорий и Димитрий», создаваемого с участием Есенина:

«Выяснился ближайший репертуар первого театра РСФСР: — „Мистерия Буфф“ Владимира Маяковского; „Нора“ Ибсена; „Гамлет“ по Шекспиру в переделке Вс. Мейерхольда, Вал. Бебутова и М.Цветаевой; „Григорий и Димитрий“ Вс. Мейерхольда, Бебутова и Сергея Есенина (сюжет заимствован)».

См.: 4 янв. 1921.

См. также: Шубникова-Гусева, 90.

Март, после 4 ... Апрель, до 8. Н.А.Клюев в Вытегре пишет стихотворение «В степи чумацкая зола...», обращенное к Есенину, а затем и посвященное ему, — ответ на есенинское «Теперь любовь моя не та...»:

В степи чумацкая зола —
Твой стих, гордынею остужен!
Из мыловарного котла
Тебе не выловить жемчужин.

И груз «Кобыльих кораблей» —
Обломки рифм, хромые стопы.
Не с коловратовых полей
В твоем венке гелиотропы.

Их поливал Мариенгоф
Кофейной гущей с никотином...
От оклеветанных голгоф —
Тропа к иудиным осинам.
.....
Имажинистские цветы
Претят очам многоболезным...

Клюев-1999, 498–499, с датой: март–апрель 1921. Сужение рамок датировки выполнено здесь на основе даты, имеющейся перед этим текстом в черновой тетради, где он записан, и даты под следующим стихотворением.

Март, начало. Е.Р.Эйгес сообщает Есенину о приезде в Москву своего давнего знакомого математика П.С.Александрова.

«Этой весной в Москву на несколько дней для сдачи магистерских экзаменов приезжал человек, мой будущий муж, с которым я не виделась три года. Мы много гуляли по улицам Москвы <...>. Я рассказала об этом Есенину, который знал его по моим рассказам и стихам. „Ты его одного любишь!“ — сказал мне Есенин».

Восп.-95, 286.

Датируется в соответствии со след. записью.

Март, начало или **середина.** Е.Эйгес знакомит Есенина с П.С.Александровым.

Поэт проводит с ним вечер.

П.С.Александров в 1979 году напишет:

«В московском доме младших Эйгесов и я сделался постоянным гостем и это продолжалось до самого моего отъезда из Москвы в Новгород-Северск (летом 1918 г.). Особенно хорошо за это время я познакомился с Екатериной Романовной. Когда я осенью 1920 г. вернулся в Москву, это знакомство возобновилось с прежней теплотой. Но за 1918-1919 гг. в жизнь Екатерины Романовны вошло новое лицо, и им был Сергей Есенин. Екатерина Романовна мне показала толстую тетрадь своих стихов, испещренную пометками, собственноручно сделанными характерным почерком Есенина. Тут были и отдельные критические замечания, но были и целые строчки, прочеркнутые рукой Есенина с им же предложенными измененными вариантами. К сожалению, эта тетрадь, которая, несомненно, представляла бы интерес для литературоведов-специалистов по Есенину, безвозвратно погибла.

В начале или в середине марта 1921 г. Екатерина Романовна познакомила меня с Есениным, и мы провели часть вечера вместе. Сколько времени продолжалось это свидание, я сейчас не помню. Но оно мне запало в душу: я почувствовал Есенина как человека, мне кажется, я почувствовал его мягкость, нежность и какую-то незащищенность».

Александров П.С., <акад.> Страницы автобиографии. — Журн. «Успехи математических наук», 1979. Т. 34. Вып. 6. Нояб. – дек., с. 212.

См. также: *Дядичев В.Н.* Сергей Есенин в академических комментариях. — Новое о Есенине, 4, 41–58.

Март, до 6. Выходит № 2 журнала «Художественное слово» (за 1920, на обл.: 1921) с рецензией С.Ф.Буданцева на первый и второй сборники «Конница бурь» с участием Есенина.

Граница события дается в соответствии с: Галушкин-2005, 2, 39–40.

Первый сборник «Конница бурь» рецензент называет неудачной попыткой шести поэтов (М.Герасимов, С.Есенин, Рюрик Ивнев, Н.Клюев, А.Мариенгоф, П.Орешин) объединиться для «видимой революционной демонстрации». Даже участие Есенина, которого автор называет поэтом «с сильным лирическим дарованием», не спасает положения:

«Только очень наивные критики могут всерьез принимать наигранный пафос, переходящий в крик его поэм <„Небесный барабанщик“>».

Второй сборник с участием Есенина, А.Ганина и А.Мариенгофа рецензент считает «несколько значительнее», особо выделяя произведения Есенина:

«Поэма „Пантократор“ Сергея Есенина несравненно лучше „Небесного барабанщика“, не от того ли, что лиричнее? <...> Два последних стихотворения Есенина в этом сборнике <„Хорошо под осеннюю свежесть...“ и „Я покинул родимый дом...“> подтверждают высказанное нами мнение о нем как о крупном современном лирике».

Там же — редакционная заметка:

«В журнале приняли участие и обещали свое деятельное сотрудничество:

I. Отдел стихов: пролетарские поэты — В.Александровский, М.Герасимов, В.Князев, Пимен Карпов, В.Кириллов, С.Обрадович; символисты — К.Бальмонт, Андрей Белый, Валерий Брюсов, Вячеслав Иванов, Ф.Сологуб и др.; неоакмеисты — Адалис,

П.Антокольский; футуристы — И.Аксенов, К.Большаков, С.Буданцев, В.Маяковский, Б.Пастернак; имажинисты — С.Есенин, А.Кусиков; неоклассики — Олег Леонидов и др.».

На № 2 издание было прекращено.

Март, 6. Газета «Воронежская коммуна» (№ 49) в разделе «Литературный день» публикует статью Ал. Григоровича «Новое в искусстве. Имажинизм» (подпись: А.Г.):

«...Из наиболее видных поэтов к нему <имажинизму> примкнул неонародник, деревенский поэт С.Есенин, беспокойный футурист Рюрик Ивнев, затем из „молодых“ — Анатолий Мариенгоф, и В.Шершеневич, ставший теоретиком и пророком русского имажинизма.

Всё эт<о> люди, которым нельзя отказать в даровании, но которые упорно не хотят удовлетвориться своим местом „третьего и четвертого сорта“, а мечтают о славе вождей и вдохновителей могучего творческого течения. Отсюда — и всё манерничанье, и все внешние чудачества их творчества, которое то откровенно припахивает преданным анафеме смыслом — и тогда получаются вещи приемлемые и даже хорошие, — то начинает нести грубо имитируемым сумасшедшим домом (Р.Ивнев) или просто уборной (В.Шершеневич) — и тогда получается претенциозная чушь, над которой не стоит даже смеяться — чушь, бессмыслица, в лучшем случае — набор грубых образов».

Далее автор достаточно подробно разбирает Декларацию имажинистов, приводит цитаты из их произведений:

«Вот они, прекрасные достижения помешанного на „филигранном“ самодовлеющем образе русского имажинизма:

Небу, небу я сделаю выкидыш
(А.Мариенгоф);

Червь твоего механизма
В атоме ада шуршит.
Вот она, черная призма
Углем тканной души
(Рюрик Ивнев);

или:

Сам себе напоминаю бумажку я, брошенную в клозет.

Видно, судьба мне: у каждой тумбы
Остановиться на миг, чтобы ногу поднять
(В.Шершеневич);

Тучи с ожереба
Ржут, как сто кобыл.

Отелившееся небо
Лижет красного телка
(С.Есенин).

<...> Есть ли у имажинистов последователи? К несчастью, есть, иначе мы не стали бы писать об этом течении. Имажинизм — заражает нашу творческую молодежь, иногда подлинно пролетарскую по своей идеологии, заражает и уводит ее в творческие тупики. Конечно, кому есть *что* сказать, в ком есть большое содержание, тот не поддастся сладкому пению однобокой имажинистской сирены, а расхохочется ей прямо в лицо — и пойдет дальше.

Но многие и многие слишком не окрепли еще и слишком падки на быструю „славу“».

Гельсингфорсская газета «Новая русская жизнь» (№ 54) публикует статью редактора-издателя Ю.А.Григоркова «Русская книга»:

«Недорого выпускает книги большевистское издательство „Скифы“ <...>.

Вышли: поэмы и статьи Блока, Андрея Белого, Клюева, Иванова-Разумника и Сергея Есенина. Лучше всего из этого, конечно, знаменитая поэма Блока „Двенадцать“, о которой у нас уже писалось. Хуже всего – произведения Есенина <„Пришествие“, „Октоих“, „Преображение“, „Инония“>. Это нестерпимая чушь с примесью возмутительного богохульства не может быть названа литературным произведением. Иванов-Разумник в своем комментарии к этим, с позволения сказать, „поэмам“ пытается найти смысл в бессмысленности Есенина. По его мнению, Есенин не кощунствует, а только разрывает с „историческими формами христианства“. Соображения эти совершенно неубедительны, а некоторые утверждения Иванова-Разумника так же нелепы, как и стихи Есенина».

См. также: 20 мая 1921.

Март, 7. Есенин делает дарственные надписи заведующему отделом Госиздата РСФСР И.Н.Бороздину:

– на книге «Трерядница» (1921):

«Илье Николаевичу Бороздину. На защиту верных искусству. С. Есенин.

Не было бы Есенина, не было бы и имажинизма. Гонители хотят съесть имажинизм, но разве можно вобрать меня в рот? С. Есенин. 7 марта 1921».

Есенин, VII (1), 137, 453.

Факсимиле надписи: Ласунский Ол. Власть книги: Рассказы о книгах и книжниках. Воронеж, 1966, с. 272;

– на книге «Исповедь хулигана»:

«Илье Николаевичу Бороздину в знак искреннего расположения. С. Есенин, 1921. <М>арт 7».

Есенин, VII (1), 138, 453.

Март, 8. Есенин выступает совместно с Б.Пастернаком и другими поэтами на «Вечере поэзии», устроенном Ассоциацией вольнодумцев в Политехническом музее.

Дроздков-2002, 221.

Март, 8–16. Работа X съезда РКП (б). Принимается решение о переходе к новой экономической политике.

Съезд также «поручает всем агитпропагандистским органам партии и Главполитпросвета развить самую усиленную агитацию в связи с новой полосой революции и задачами борьбы с мелкобуржуазной контрреволюцией».

Газ. «Правда», 1921, 12 марта, № 55.

Введение в стране нэпа и подвижки в отношении власти к широчайшим слоям крестьянства, по мнению исследователя, повлияют на перемены в мировоззрении Есенина и отразятся на художественном мышлении поэта (Захаров А.Н. Художественно-философский мир Сергея Есенина. Автореф. дисс. на соискание ученой степени доктора филологических наук. М.: ИМЛИ РАН, 2002, с. 39).

Март, до 9. В издательстве «Имажинисты» выходит книга стихов Рюрика Ивнева «Солнце во гробе», которая готовилась при участии Есенина.

Граница события определяется по записи И.Н.Розанова (9 марта 1921):

«...Зашли <с В.Мониной> к „Имажинистам". Я купил ей Р.Ивнева „Солнце во гробе"».

Дневник Розанова, ед. хр. 5, л. 36.

Р.Ивнев позднее вспомнит:

«Есенин рьяно взялся за подбор стихов. И „родилась" моя книга „Солнце во гробе" (название взято из древнерусской молитвы, о существовании которой знал Есенин). Фактически он был единственным редактором книги, причем, в отличие от многих редакторов, он только выбирал стихи, но ни разу не предлагал что-нибудь в них изменить — ни одной строчки, ни одного слова. Мариенгоф установил последовательность».

Восп., 1, 337.

В рекламном объявлении, имеющемся в этой книге, анонсируется сборник «Трикирий (Есенин — Ивнев — Мариенгоф)». М.: Имажинисты, 1921 (Опыт параллельной биографии).

Сборник не выходил (см.: Есенин, VIII (3), 108).

Март, 9. Есенин выступает с чтением стихов на авторском вечере в Доме печати.

В обсуждении, возможно, участвует Б.Л.Пастернак.

См. отклики: 10 марта 1921; 13 марта 1921.

И.Н.Розанов получает от Н.О.Корста его доклад о Есенине, а затем записывает:

«Вечером у Наташи <Розановой> Корст принес свой доклад о Есенине».

Дневник Розанова, ед. хр. 5, л. 36.

См. также: 2 марта 1921. О чтении доклада см.: 15 марта 1921.

Газета «Коммунистический труд» (№ 289) помещает объявление:

«9 марта в Доме печати состоится очередная литературная среда. Выступит с чтением своих стихов поэт Сергей Есенин. После чтения обмен мнений».

Март, 9 и 31. Берлинская газета «Голос России» (№ 604 и 621) информирует о выходе в свет и поступлении в продажу выпусков «Общедоступной библиотеки „Книга для всех"» издательства «Мысль» (Берлин), в том числе:

Вып. 2–3. «Поэзия большевистских дней (Блок, Эренбург, Есенин, Каменский, Шершеневич и др.)».

Март, после 9 ... Ноябрь, до 13. В издательстве «Сегодня» выходит книга Н.Я.Абрамовича «Современная лирика: Клюев, Кусиков, Ивнев, Шершеневич».

Нижняя граница события определяется по упоминанию в книге Н.Абрамовича сборника стихов Рюрика Ивнева «Солнце во гробе» (см.: до 9 марта 1921), а верхняя – критическими статьями, помещенными в № 9 и 10 журнала «Вестник литературы» (см.: до 13 нояб. 1921).

При разборе творчества имажинистов в книге имя Есенина лишь эпизодически упоминается в гл. IV «Вадим Шершеневич»:

«„Один он <Шершеневич> только в поэзии, в литературе потому, что даже его товарищи по школе, передовые имажинисты, как Кусиков, Есенин, Ивнев, восстают против слишком человеческого и тянут каждый в свою идеологию. Потому-то я и поставил эпиграфом к главе о Вадиме Шершеневиче его признание

Никого нет,
Кому было бы со мной по дороге.

<...> Шершеневич представляет собою центростремительную силу, сосредоточенную в себе и обнаруживающую современную хищническую и хулиганствующую сущность. И он в сегодняшнем силится быть победителем-венценосцем, как и Есенин, с его честолюбивой, горящей страстью к популярности и известности».

Март, 10. И.Н.Розанов узнаёт от В.А.Мониной подробности о вечере Есенина:

«Вместе <с В.Мониной> до Тверской ул<ицы>. Рассказала про вчерашний вечер в Доме печати. Пастернак о Есенине».

Дневник Розанова, ед. хр. 5, л. 36.

Март, 11. Есенин делает дарственную надпись И.Г.Эренбургу на книге «Исповедь хулигана»:

«Илье Эренбургу. С любовью и расположением С. Есенин. 1921. Март 11. Москва».

Есенин, VII (1), 139, 453–454.

Март, 12. В.Г.Шершеневич заканчивает поэму «Завещание» с посвящением: «Сергею Есенину».

Произведение, в частности, затрагивает больную для Есенина тему – антагонизм деревни и города:

О проклятая! С цветами, с лучиной, с корою
И с котомкой мужицких дум!
Лучше с городом вместе умру я,
Чем деревне ключи от поэм передам.

Сб. «Кооперативы веселья», М.: Имажинисты, 1921, с. 31.
См.: не позднее окт. 1921.

В № 56 варшавской газеты «Свобода» публикуется корреспонденция Е.Л.Кумминга «Заметки о Совдепии. Литературная жизнь Москвы», где, в частности, сообщается:

«К-во имажинистов „Чихи-пихи“, с необычной изворотливостью достававшее до сих пор ордера на печатанье, вынужден<о> уйти в подполье. Последние книги имажинистов: „Лошадь как лошадь“ В.Шершеневич, „Руки галстуком“ Анатолий Мариенгоф, „Кобыльи корабли“ Сергей Есенин, „Коевангелиеран“ А.Кусиков».

Март, 12 — Апрель, до 16 или **до 17.** Есенин знакомится с поэмой В.Шершеневича «Завещание», целиком написанной с использованием диссонансных рифм.

Рамки события устанавливаются, исходя из времени завершения работы В.Г.Шершеневича над поэмой (12 марта 1921) и предполагаемых сроков отъезда Есенина в Туркестан.

Из воспоминаний В.Г.Шершеневича:

«Есенин всегда очень внимательно всматривался в каждое техническое нововведение и, если даже был с ним не согласен, то обижался: почему не он, Есенин, это придумал?!

Помню, что я как-то написал небольшую поэму на диссонансах. Есенин зло указал мне какие-то две строчки, „стащенные у меня“, но Кусикову вечером значительно говорил:

— Ишь, подлец! Мы от рифмы ушли к ассонансам. А он прямо на диссонансы, сукин сын, скакнул! Хитрый он, Вадим-то! <...>

И, придя на другой день ко мне, долго и по-дружески расспрашивал, где еще встречаются диссонансы, каков их принцип, почему это нужно. Потом через несколько дней показал мне опыт своих диссонансов; они у него не вытанцовывались, потому что были органически чужды его творчеству. Сергей тут же после читки отбросил стихи и сказал:

— Всё это ерунда, штучки. Главное, чтоб душа была.

Поэтический темперамент, или, как он его называл, „голос“, Есенин любил больше всего...».

Мой век, 577–578.

Март, 13. Т.Г.Мачтет записывает свои впечатления о выступлении Есенина в Доме печати:

«На вечере Есенина <см.: 9 марта 1921> слушал Есенина. Поэт с подъемом декламировал свои стихи. Ярко светило электричество. Воодушевленный переполненной залой, мой земляк вошел в настоящий раж и, размахивая руками, тряс головой и чувствовал себя героем. Ему везет. Он одну за другой под флагом имажинизма выпускает книги своих стихов, устраивает свои вечера, открыл кафе „Стойло Пегаса“ и пожинает там обильные лавры. Ему прощают за его талант все поэтические эксцессы, грубости и скабрезности стиха, слушают с удовольствием и критикуют изрядно. Я смотрю на высокую <*нрзб.*> фигуру <Мачтет был небольшого роста> земляка, <*нрзб.*> выкрикивающего что-то из „Исповеди хулигана“. Смотрю, как он то и дело ерошит волосы и, отступая то взад, то вперед, готов словно соскочить вниз к публике и заразиться общим настроением. Будем ли мы, его все современники, гордиться, что видели и слышали живого Есенина, вместе почти что выступали в кафе поэтов».

Дневник Мачтета, карт. 7, ед. хр. 2, л. 9–9 об.

Ассоциация вольнодумцев проводит в Политехническом музее вечер «О театре» с докладом В.Шершеневича.

Дроздков-2002, 222.

Не исключено присутствие на вечере Есенина.

Март, 15. У Н.Розановой проходит собрание, посвященное творчеству Есенина.

Событие устанавливается по записи И.Н.Розанова того же дня:

«Вечером у Наташи <Розановой>. Доклад Корста о поэзии Есенина <...>. Вечер удался».

Дневник Розанова, ед. хр. 5, л. 36.

Март, после 15 ... Апрель, до 16. Журнал «Универсал» (№ 1–2; за февраль-март), орган Всероссийской секции анархистов-универсалов, печатает статью А.Святогора (А.Ф.Агиенко) «Лавочка поэтов: Вместо отзыва о поступивших в ред. „Универсала“ книжках имажинистов».

Нижняя граница события определяется с учетом помещенного в журнале отчета ВСАУ по хозяйственному отделу за время с 15 / III 20 г. по 15 / III 21 г., верхняя – по информации «Книжной летописи» (№ 8, 16 апр. 1921).

После критики известных теоретических положений имажинизма автор переходит к характеристике поэтов-имажинистов и их творчества:

«В смысле склада характеров и мироотношения имажинисты люди разные. У Шершеневича „душа обнищала, душа босиком“. Для него весь мировой вопрос разрешается покупкой нескольких десятков папирос <...>. Ему не нужно „никаких бессмертий“. Идеология самая скромная, маленькая, мещанская. Есенин помасштабнее. Раньше „босые ноги он в лужах осенних макал, а теперь он ходит в цилиндре и лакированных башмаках“. В нем силен деревенский озорник, „он готов нести хвост каждой лошади, как венчального платья шлейф“. Он – просто поэт, и если несет „хвост“ имажинизма, то, конечно, отнюдь не потому, что имажинист <...>. Имажинизм существует не как поэтическая школа, но как лавочка поэтов. Об этом свидетельствуют также факты объективного наблюдения, но другого порядка. Даже лучшие имажинисты только посредственные поэты (есть более талантливые поэты, но они не кричат о себе), зато имажинисты имеют много задора и коммерчески они не бездарны.

Официальные критики-марксисты не прочь отнести имажинистов к анархистам <...>. Обсасывание какой-нибудь Олечки, хотя бы с головы до ног, и разрешение мировой проблемы покупкой папирос <Шершеневич> — разве это анархизм? И что общего с анархизмом у „циника, прицепившего к заднице фонарь“? (Есенин). Тут ни нового, ни анархического нет. Новое идет <...>. Новое – это биокосмизм <напечатано: биокомсизм>».

Здесь же – рецензия А.Святогора на журнал «Знамя» (1920, № 6 (8), за декабрь).

В ней критикуется И.Ерошин за то, что стихотворение «Родине» «написано под Есенина, и написано слабо».

Март, 16. Ассоциация вольнодумцев проводит в Политехническом музее вечер «Этапы русской поэзии» с докладом Ф.Жица.

Дроздков-2002, 222.

Возможно присутствие на этом вечере Есенина.

Д.Н.Семёновский пишет П.А.Журову из Иванова о понравившихся ему стихотворениях Есенина «Закружилась листва золотая...» и «Я покинул родимый дом...».

РГАЛИ, ф. 2862, оп. 1, ед. хр. 48, л. 28–29.

Ранее в письмах к нему он осуждал Есенина за подражание «то Клюеву, то Клычкову» (там же, л. 18).

Март, 16 и 26. Ревельская газета «За народное дело» (№ 2) печатает объявление издательства «Мысль» (Берлин) о вышедших книгах серии «Общедоступная библиотека „Книга для всех“», включая выпуск № 2–3

«Поэзия большевистских дней (Блок, Эренбург, Есенин, Каменский, Шершеневич и др.)».

Март, 16–18. Петроградская газета «Жизнь искусства» (№ 694–696) в рубрике «Москва: (Хроника литературной жизни)» сообщает (без подписи):

«Интенсивно работает "Книгоиздательство Имажинистов", выпустившее с ноября прошлого года более десятка книг поэтов-имажинистов Александра Кусикова, Вадима Шершеневича, Сергея Есенина, Рюрика Ивнева, Анатолия Мариенгофа и Арсения Авраамова».

Март, 17. Парижская газета «Последние новости» (№ 278) сообщает о поступлении в продажу сборника «Поэзия большевистских дней (Блок, Эренбург, Есенин, Каменский, Шершеневич и др.)».

См.: 16 и 26 марта 1921.

Март, 18. Читинская газета «Наш голос» (№ 14) печатает объявление:

«„Знамя труда" № 1–2–3, временник общественности, политики, науки, литературы и искусства (изд. „Революционный социализм") Дальневосточной федерации и читинской организации партии лев. с.-р., поступил в редакцию. В номере статьи А.Трутовского, В.Карелина, А.Измайлова, В.Левина, И.Левина и стихи С.Есенина, Г.Семенова, А.Строкового и пр.».

Март, 19. Пражская газета «Воля России» (№ 157) печатает объявление издательства «Мысль» (Берлин) о вышедших книгах серии «Общедоступная библиотека „Книга для всех"», включая выпуск № 2–3 «Поэзия большевистских дней (Блок, Эренбург, Есенин, Каменский, Шершеневич и др.)».

Март, до 20. В Софии выходит журнал «Русская мысль» (кн. I–II, за январь–февраль) под редакцией П.Струве со статьей П.Н.Савицкого «Идея Родины в советской поэзии» (подпись: Петроник).

Граница события устанавливается по информации берлинской газеты «Руль» (1921, 20 марта, № 104).

Автор пишет:

«Многие русские поэты — в том числе крупнейшие — стали „советскими"; при этом, в известной степени, они не утратили плодовитости. И ныне брошюры под серой обложкой берлинского издательства „Скифы" сделали некоторую часть их произведений доступными зарубежной русской публике. Тут мы находим уже давно обошедшие весь русский мир поэмы Александра Блока „Скифы" и „Двенадцать", — сопровождаемые статьею Иванова-Разумника „Испытание в грозе и буре"; затем поэмы: Андрея Белого „Христос Воскресе" и Сергея Есенина „Товарищ" и „Инония" — комментарии к которым в „официозном" советском духе дает тот же Иванов-Разумник (статья „Россия и Инония"). Кроме того, имеются отдельные небольшие сборники стихов: „Песнь Солнценосца" Н.Клюева и „Триптих" С.Есенина <...>.

„Советская поэзия", которая раскрывается нам в брошюрах под серой обложкой, вся, до последнего изгиба, проникнута напряженной и острой идеей Отечества!..»

Автор цитирует и разбирает стихи А.Блока, Андрея Белого, Н.Клюева и Есенина:

«О родина, счастливый
И неисходный час!
Нет лучше, нет красивей
Твоих коровьих глаз.

Тебе, твоим туманам
И овцам на полях,
Несу, как сноп овсяный,
Я солнце на руках.

Святись преполовеньем
И рождеством святись,
Чтоб жаждущие бденья
Извечьем напились.

Плечьми трясем мы небо,
Руками зыбим мрак,
И в тощий колос хлеба
Вдыхаем звездный злак.

О Русь, о степь и ветры,
И ты, <м>о<й> отчий дом!
На золотой повети
Гнездится вешний гром.

Овсом мы кормим бурю,
Молитвой поим дол,
И пашню голубую
Нам пашет разум-вол...

<...> Свою идею России и Н.Клюев, и С.Есенин одинаково облекают (примечательный параллелизм!) в образ конного восшествия и шествия Руси-России к небесам и в небе:

К кручине по крыльям, пригожих лицом
Мы „соколом ясным“ и „павой“ зовем,
Узнайте же ныне: на кровле конек
Есть знак молчаливый, что путь наш далек.

Изба — колесница, колеса — углы,
Слетят серафимы из облачной мглы,
И Русь избяная — несметный обоз! –
Вспарит на распутьи взывающих гроз...
. . . . . .

(Н.Клюев)

Стихи же С.Есенина гласят так:

„Ей, Россияне! — Ловцы вселенной — Неводом зари зачерпнувшие небо — Трубите в трубы... — Светлый гость в колымаге к вам — Едет. — По тучам бежит — Кобылица. — Шлея на кобыле — Синь. — Бубенцы на шлее — Звезды“.

Приведенные строфы ни в коем случае не являются политическим рассуждением в стихах, каким можно признать, в известной степени, и „Клеветников России“ Пушкина и „Скифов“ Блока. И в то же время это есть несомненное „сказание о России“.

Прочтя эти и подобные им стихи, невольно приходишь к заключению, в котором, как кажется, мерцает сияние некой еще не раскрывшейся, но уже близкой Историче-

ской Истины: никогда, быть может, за всё существование российской поэзии, от „Слова о полку Игореве“ и до наших дней, — идея Родины, идея России не вплеталась так тесно в кружева и узоры созвучий и образов религиозно-лирических и символических вдохновений, — как в этих стихах „советских поэтов“, стихах служителей того режима, который, казалось, отменил самое понятие Родины и воздвиг гонение на всех, кто в политической области исповедовал „любовь к Отечеству“ и „народную гордость“ <...>.

„Ей, Россияне! — Ловцы вселенной — Неводом зари зачерпнувшие небо — Трубите в трубы...“ — Это ли не „народная гордость“?

„Народная гордость“ — это слово Карамзина. И на самом обращении: „Ей, Россияне!“ лежит печать карамзинского стиля, „Истории Государства Российского“<...>.

Иванов-Разумник утверждает, что „гибнет географическая родина“. <...> Замечательно, что <...> „советский поэт“, С.Есенин, даже в своей богоискательской и богоборческой, сектантски-хлыстовской „Инонии“ прибегает к языку географических форм:

И тебе говорю, Америка,
Отколотая половина земли, –
Страшись по морям безверия
Железные пускать корабли!
Не отягивай чугунной радугой
Нив и гранитом — рек.
Только водью свободной Ладоги
Просверлит бытие человек!...

Перед лицом этих и подобных им слов и образов беспомощным лепетом звучат „критические“ рассуждения Иванова-Разумника об уничтожении „географической родины“, о погибели „великодержавного отечества“. И для нашего сознания выясняется несколько существенных обстоятельств. Не может не быть горестной и грустной мысль о судьбе и поступках тех „советских поэтов“, о которых мы говорим. В своей душе они носят проникновенную идею Отечества, а служат тем, кто желает разрушить Родину. <...> Это не просто поражение большевизма, это стихийное его преодоление. Желали всеми средствами поэзии восславить отрицание Родины и Интернационал; а создали напряженную и страстную поэзию Отечества».

Март, 20. В клубе Всероссийского союза поэтов проходит вечер современной поэзии.

Анонс в «Известиях ВЦИК» (№ 60) и «Правде» (№ 60): «...Выступят ничевоки, презантисты, экспрессионисты. После чтения стихов и декламаций — диспут».

Есенин принимает участие в вечере.

Об этом И.В.Грузинов вспомнит в 1926 году:

«Ничевоки выступают в кафе Домино <кафе Всероссийского союза поэтов>.

Есенин и я присутствуем при их выступлении. Ничевоки предлагают нам высказаться об их стихах и теории.

С эстрады мы не хотим рассуждать о ничевоках. Ничевоки обступают нас во втором зале Домино и поневоле приходится высказываться.

Сначала теоретизирую я. Затем Есенин. Он развивает следующую мысль:

В поэзии нужно поступать так же, как поступает наш народ, создавая пословицы и поговорки.

Образ для него, как и для народа, конкретен.

Образ для него, как и для народа, утилитарен; утилитарен в особом, лучшем смысле этого слова. Образ для него — это гать, которую он прокладывает через болото. Без этой гати — нет пути через болото.

При этом Есенин становится в позу идущего человека, показывая руками на лежащую перед ним гать».

Грузинов, 10.

Март, 21. На основании решения X съезда РКП (б) ВЦИК принимает декрет «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом».

Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1983, с. 475.

Март, 21 или 22. И.Эренбург выезжает из Москвы в Ригу и увозит с собой для издания за рубежом рукописи Есенина, Б.Пастернака, М.Цветаевой и др.

Эренбург. Хроника, 203–204.

И.Г.Эренбург позднее вспомнит:

«Время тогда шло быстро, а поезда ходили медленно. До Риги мы ехали долго, можно было многое передумать.

В соседнем купе разместились наши дипкурьеры. Я поглядел на мешки с сургучными печатями и улыбнулся. У нас был только ободранный чемодан, а в нем журналы „Уновис", „Искусство Коммуны", „Художественное слово", книги Маяковского, Есенина, Пастернака».

Эренбург И. Люди, годы, жизнь. М.: Сов. писатель, 1961, кн. 1 и 2, с. 610.

Март, после 21. Есенин сочиняет частушку:

Ох, уж, ох большевики
Да у Москвы, да у реки,
Под кремлевской кровлею
Занялись торговлею.

Appendix II: А.Мариенгоф. Первый черновик «Романа без вранья» (1926). — В кн.: Mariengof A. Roman bez vranya/ Reprint of the 1928 Leningrad edition. / Introduction, annotation, appendixes by Gordon Mc Vay. Oxford: Willem A. Meeuws – Publisher, 1979, p. lxii.

Граница события определяется датой принятия декрета ВЦИК «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом» (см.: 21 марта 1921).

См. также: Есенин, IV, 496.

Март, 23. Ревельский журнал «Отклики» (№ 2) в подборке под названием «Перлы Совдеповской поэзии (Отрывки 1917–1919 гг.)» публикует шестую главку из поэмы А.Б.Мариенгофа «Слепые ноги», приписав ее Есенину.

Ошибка повторена: Есенин, IV, 276, 477. Исправлено: Есенин, VII (3), 412–413.

Март, 24. Есенин читает новые стихи в клубе Всероссийского союза поэтов.

Событие устанавливается по информации в рижской газете «Новый путь» (см.: 26 апр. 1921).

Анонс в «Известиях ВЦИК» (№ 63) и в «Правде» (№ 63) от 24 марта 1921:

«Концерты и лекции. Клуб союза поэтов (Тверская, 18). Сегодня Сергей Есенин прочтет свои новые стихи. Начало в 9 час. веч. Билеты при входе».

Март, 27. В берлинской газете «Руль» (№ 109) публикуется статья А.Дроздова «Похоть духа. Советская беллетристика» с упоминанием Есенина:

«...Попробую себя перехитрить: пусть большевизм не грязный смерд, а нагадивший красный Моисей, приведший народ в обетованную страну Инонию. Благоговейно, с простоволосой головой, вхожу в эту страну, куда, по слову Есенина, въехал на кобыле новый Спас, к людям, которые, по слову Мариенгофа, Христову кровь выплеснули из рукомойника. По следам на снегу охотники распознают пушного зверя, по деяниям современников распознается лицо эпохи — где сыскать лучший след, нежели в литературе?

Но в то время, как поэты пролетарские, пролеткультские и просто поэты сами по себе множатся, как опенки после добросовестного дождика, не только откликаясь на всякий психологический сдвиг в народе, но и на всякий комиссарский декрет, беллетристами Советская Россия бедна».

Март, 29. В «Списке писателей и поэтов для получения пайка по Москве», составленном ЛИТО Наркомпроса, под № 25 значится: «Есенин — поэт».

ГАРФ, ф. А2306, оп. 22, ед. хр. 40, л. 56–57 об.

В этом списке из 72 фамилий числятся также А.Мариенгоф и А.Кусиков.

В «Смете на паек и жалованье» (за № 625 от 29 марта 1921), подписанной заведующим ЛИТО А.Серафимовичем, дается, в частности, характеристика лиц, которые могут претендовать на получение пайка:

«Паек <...> предполагается выдавать:

а) писателям, работающим по агитлитературе, участвующим в агитационной компании своим непрестанным литературным трудом, согласно заданий Главполитпросвета и других центральных партийных и советских учреждений, в числе... 160 чел.

б) литераторам, выполняющим программу внешкольного литературно-художественного коммунистического образования, участвующим в собирании материалов на местах, выступающим на митингах, собраниях, концертах, вечерах, на заводах, в селах и т.п. в числе... 40 чел.

в) заведующим литературными бюро, техникой лито-агитации, секциями по агитлитературе и т.п. в числе... 20 чел.

г) секретарям, переписчикам и другому техническому персоналу, обслуживающему работы, упомянутые в пунктах а), б), в) в числе... 30 чел.».

ГАРФ, ф. А2306, оп. 22, ед. хр. 40, л. 55.

О фамилиях поэтов и писателей, оставшихся в списке после его прохождения в высших инстанциях, сведений обнаружить не удалось.

Март, 30. Сборник стихотворений Есенина, А.Мариенгофа и В.Шершеневича «Золотой кипяток» рассматривается на заседании Главного политико-просветительного комитета республики.

Из протокола № 28:

«<...> Слушали:

<...> 3. О сборнике порнографических стихотворений „Золотой кипяток“ Есенина, Мариенгофа и Шершеневича (Тов. Максимовский) <...>

Постановили:

<...> 3. Просить Госиздат произвести срочное расследование, с привлечением к строжайшей ответственности всех виновных в даче разрешения, печатания и распространения этого сборника».

ГАРФ, ф. 2313, оп. 1, ед. хр. 4.

И.Эренбург читает в Риге (помещение русской художественной выставки) доклад о состоянии искусства в Советской России и стихи ряда поэтов, в том числе Есенина.

Это происходит во время остановки И.Эренбурга в городе по пути из Москвы в Париж.

Докладчик отмечает, что «в области литературы и поэзии дело обстоит неважно. Печататься вообще трудно из-за недостатка бумаги, и многие произведения переписываются от руки». Затем он читает, кроме стихов Есенина, новые стихотворения В.Брюсова, Ф.Сологуба, М.Цветаевой, М.Шкапской, Андрея Белого, А.Ремизова и свои собственные.

Газ. «Сегодня», Рига, 1921, 31 марта, № 71.

Март, не позднее 30. Есенин и А.Б.Мариенгоф выпускают в издательстве «Имажинисты» книгу В.Хлебникова «Ночь в окопе».

Книга выпущена по рукописи, полученной ими от В.Хлебникова в Харькове (см.: Летопись, 2, 354).

Граница события определяется в соответствии с: Галушкин-2005, 2, 50–51.

Март, 30 и 31. Выступления В.Шершеневича с чтением стихов в клубе Всероссийского союза поэтов, на которых мог присутствовать Есенин.

События и их дата устанавливаются по записи Т.Г.Мачтета от 31 марта:

« Из „Звена“ я пошел в Союз. Там теперь в связи с новым правлением — переустройство. Новая программа. Масса публики. Вчера и сегодня там читает Шершеневич. На его вечерах по-прежнему негде упасть яблоку».

Дневник Мачтета, карт. 7, ед. хр. 2, л. 37.

Март, до 31. Выходит № 3 берлинского журнала «Русская книга» с обзором А.С.Ященко «Русская поэзия за последние три года».

Граница события определяется по информации пражской газеты «Воля России» (1921, 31 марта, № 166).

В четвертом разделе «Поэты мужицко-хлыстовской революции. Клюев, Есенин и др.» автор утверждает:

«Третье направление нашей революционной поэзии шло из деревни. По своим источникам оно — наше народное, в высшей степени национальное, мужицкое. Оперирует оно художественными образами, взятыми из крестьянской жизни и из христианской символики. Но только христианство у поэтов этого направления принимает извращенный, сектантский, мы сказали бы, хлыстовский характер. Кто-то <см.: 17 янв. 1921> назвал их „распутиными“ нашей революции. И в названии этом есть большая правда: они, как и недавней памяти Гришка Распутин, продукты нашей плодоносной почвы и того же самого духа люди.

Наиболее талантливыми из них надо признать Н.Клюева и Сергея Есенина. Важнейшие их произведения („Песнь солнценосца“ и „Избяные песни“ Н.Клюева и „Товарищ“, „Инония“, „Триптих“ С.Есенина) уже переизданы за границей, и о них уже достаточно было написано в нашей зарубежной прессе, а потому приводить здесь образцы их поэзии и давать им подробную характеристику не представляется особой надобности.

Мы хотели бы здесь обратить внимание на одну до сих пор, насколько нам известно, не принятую во внимание сторону их поэзии. Все эти образы „божественного отеления“, Бога, „вспухающего незримой коровой“, „Нового Спаса, едущего к миру на кобыле“ и т. д. — происхождения не только анимистического и деревенского, но и чисто хлыстовского. И когда Есенин заявляет:

Под гармоники пьяной клики
Заставлю плясать и смерть, –

то нам тотчас же приходят на память наши хлыстовские радения. Пляска смерти под пьяный аккомпанемент гармоники!

Революционно-„планетарное“ исступление этих новых „скифов“ есть только видоизменение оргиазма наших доморощенных „пляшущих дервишей“, на которых „накатило“.

Говорю вам — весь воздух выпью
И кометой вытяну язык.
До Египта раскорячу ноги,
Раскую с вас подковы мук...
В оба полюса снежнорогие
Вопьюся клещами рук.
Коленом придавлю экватор
И, под бури и вихря плач,
Пополам нашу землю-матерь
Разломлю, как златой калач.

Эти скифические поэты кощунствуют, как и имажинисты, но кощунство их носит тоже сектантский, хлыстовский характер:

Время мое приспело,
Не страшен мне лязг кнута.
Тело, Христово тело,
Выплевываю изо рта.
Не хочу восприять спасения
Через муки его и крест:
Я иное постиг учение...
Даже Богу я выщиплю бороду
Оскалом моих зубов.
Ухвачу его за гриву белую
И скажу ему голосом вьюг:
Я иным тебя, Господи, сделаю,
Чтобы зрел мой словесный луг!
Проклинаю я дыхание Китежа
И все лощины его дорог...
Языком вылижу на иконах я
Лики мучеников и святых.
Обещаю вам град Инонию,
Где живет Божество живых!
„Инония“

И для Есенина во рту его не мякоть хлебная, а именно Тело Христово, но только он кощунственно выплевывает его.

Это хлыстовско-распутинское „накатывание“ и этот земледельчески-мистический революционизм такого древнего, такого примитивного, дошедшего до нас из таких да-

леких веков и таких дремучих лесов духа, что поистине диву приходится даваться, когда некоторые „теоретики", вроде Иванова-Разумника, с глубокомысленной миной рассуждают о „новом вселенском слове", якобы звучащем в этом мычании еще не цивилизованных дикарей, хотя бы даже и изложенном по самым последним требованиям нашей модернистской версификации.

Крестьянская Русь — безграничный мир, и революционно-хлыстовское устремление есть только одно из ее течений, наиболее, быть может, подошедшее к первому периоду нашей революции, направленной на всеобщий коммунистический передел и против городской, усложненной и пришедшей с романо-германского Запада цивилизации».

В этом же номере журнала («Отдел VI. Книжная летопись») сообщается о книгах, появившихся в 1918–1920 гг. в Советской России, среди которых названы:

«Есенин Сергей. Голубень. Изд. Трудовая Артель Худ<ожников> Слов<а>. М., 1920.

— Преображение. 1918.

— Трерядница. (Сб. стихов) Изд. „Зл<а>к". М. 1920 (27 стр.) <...>

Имажинисты. Сергей Есенин. Анатолий Мариенгоф. Вадим Шершеневич. Плавильня слов. Изд. „Имажинисты" при Всерос<сийском> Союзе Поэтов. М. 1920. <...>

Конница бурь. Стихи. Михаил Герасимов, Сергей Есенин, Рюрик Ивнев, Николай Клюев, Анатолий Мариенгоф, Петр Орешин. М. 1920 (55 стр.).

Второй сборник имажинистов. Алексей Ганин, Сергей Есенин, Анатолий Мариенгоф. М. 1920 (31 стр.). <...>

Харчевня зорь. Сергей Есенин, Анатолий Мариенгоф, Ве<ли>мир Хлебников (Сборник стихов). М. 1920 (16 стр.)».

Там же — объявление издательства «Скифы», аналогичное напечатанному в № 2 журнала «Русская книга» (см.: до 24 февр. 1921).

Март, 31. В Первой Образцовой типографии заканчивается верстка книги Есенина «Ржаные кони» (не выходила).

В составе книги – следующие произведения: «Марфа Посадница», «Русь», «Ус», «Микола», «Отчарь», «Товарищ», «Певущий зов», «Октоих», «Пришествие», «Преображение», «Инония», «Пантократор», «Кобыльи корабли», «Сорокоуст», «Исповедь хулигана».

Есенин, II, 266; VII (3), 87.

См. также: 1 апр. или после 1 апр. 1921.

См. Приложение.

Пражская газета «Воля России» (№ 166) публикует анонимную рецензию на № 3 берлинского журнала «Русская книга»:

«Третий номер „Русской книги" также интересен <...>. Помимо критики, рецензий и хроники в этом номере помещена большая статья А.Ященко о „русской поэзии за последние три года" <...>.

В ней <...> наконец разбираются поэты „мужицко-хлыстовской революции" (Клюев, Есенин и др.). Присоединение Есенина, который называет себя имажинистом, к мужицким поэтам – мы оставляем на совести автора».

Март, 31 и **Апрель 1.** В № 32 и № 33 газеты «Путь», выходящей в Гельсингфорсе, печатается статья А.Киселева «Мессианство в новой русской поэзии: „Пророк Есенин Сергей“».

В тогдашней зарубежной печати — это наиболее развернутый отклик на поэму Есенина «Инония».

Автор, прежде чем начать изложение своих взглядов, приводит есенинские строки:

Не устрашуся гибели,
Ни копий, ни стрел дождей, –
Так говорит по Библии
П р о р о к Е с е н и н С е р г е й <...>
<разрядка автора статьи>.

«Так начинается поэма Сергея Есенина „Инония“. „Инония“ – это Новый Сион, град, „где живет Божество живых“ и куда поэт-пророк призывает человечество.

Я уверен, что большинству из читающих „Инонию“ в первый раз она не понравится. <...> Но <...> даже наиболее возмущенные, наиболее недоумевающие должны будут сделать некоторое усилие, чтобы стряхнуть с себя обаяние ее угловатой силы <...>.

Двойственное впечатление неизбежно производят на современного эстета пророческие откровения Есенина. Временами он „забавен“. Мы, которые имеем за плечами многолетние традиции вкуса, устойчивые (может быть, устаревшие?) мерила изящного, не можем удержаться от улыбки, когда поэт-пророк с трагическою серьезностью возвещает:

Не хочу, чтоб умело хмуриться
На озерах зари лицо.
Я сегодня с н е с с я , к а к к у р и ц а ,
З о л о т ы м с л о в е с н ы м я й ц о м
<разрядка автора статьи>.

Высоко комичны заявления автора, что он „до Египта раскорячит ноги“ или „колесами солнце и месяц наденет на земную ось“ <...>.

Всё это может быть смешно – „забавен выговор его“. Но Есенин недаром называет себя пророком <...>. Подлинный огонь, сила вдохновения, пафос – пусть дикий – вот что заражает, дает почувствовать наличность духа живого. Что из того, что необузданная фантазия иногда сорвется сомнительным зигзагом, жестом порывистым и неплавным?

Таково и творчество Есенина. Кто даст себе труд внимательно прочесть „Инонию“, тот поразится ее мрачным огнем. <...> Поэт, пришедший из темных низов, с периферии социального круга, чтобы перевернуть мир и оставить на нем следы „нового вознесения“, не мог втиснуть своей поэтической проповеди в старые, школьные, вылощенные формы. Они убили бы его вдохновение, стеснили бы его, как шнурованные башмаки стеснили бы Иеремию. <...> Пророк Есенин пришел со всей свежестью нового человека сокрушить мир и на его обломках поставить „град Инонию, где живет Божество живых“.

Новое идет, чтобы очистительным огнем спалить старое. И провозвестник социального урагана выступает с трагической угловатостью, полною пророческой мощи. Образы толпятся, нагромождаются в библейском изобилии. Они чудовищны, порою граничат с гротеском, как бред маньяка <...>.

Характерные рубящие перебои ритма и мрачные, глухие ассонансы, шипящие и свистящие аллитерации <...>, обилие рифм, построенных на отдаленных созвучиях (гибели — библии, иконах я — Инония), диссонансы (Радонеж — залежи, погибнете — выгибью), навязчивые представления, как „прободать“ или „проклевать“, постоянные „говорю вам“ — все это дает свой своеобразный стиль, свою поэтическую манеру, дикую художественность, потрясающую, как музыка бури. <... >

Мессианство, чаяние нового пришествия стало характерным настроением русской поэзии революционной эпохи. <...> Мессианство Блока, Белого и Есенина пытается осмыслить революцию светом религиозного мистицизма <...>. Важно то, что подлинные провидцы, „поэты и маги“, не усмотрели в длительной революционной ломке одно безобразие, гибель и хаос. Они увидели в революции то новое, что исторически оправдывает ее. <...> Русское мессианство принимает формы богоборчества. Борьба со старым миром переходит в борьбу с его Богом во имя „Божества живых“ <...>.

Есенин, как мы видели выше, отрекается от Христа, не желает „воспринять через муки его и крест“. Бог старой России, Московии, – его враг <...>.

Во имя освобождения ополчился пророк на Бога, на Китеж и на Радонеж. Во имя новой религии „Солнечной мощи“ человеческой личности он „проклевывает“ следы для светлого Исуса <...>.

Новую веру, нового Бога несет миру Россия. Через богоборчество к новому Исусу, через революцию к „новому вознесению“.

Обращаясь к старому миру, олицетворенному в виде Америки, технически мощной, но слабой своей бездушностью и безверием, поэт еще раз ставит старую русскую тему о примате религиозно-этических ценностей над ценностями материальной культуры. Эта культура носит в себе зародыши гибели, опустошения души, упирающейся в бессмысленное накопление <...>, ибо „проволочные лучи“, которыми культура опутала землю, „не осветят пришествия“ нового Бога. <...>

Таковы пророчества Есенина. Напрасно было бы, конечно, искать в его замечательной „Инонии“ предсказаний конкретных исторических событий. Она вся вращается в сфере религиозно-социальных идей, облеченных в тяжелые символы. Исторические события развиваются, не считаясь с пророчествами. Но что мы стоим на великом переломе, что в душе современного человека назревают новые ценности, без которых „нечем жить“, — в этой основной мысли „Инонии“ ее значение, переходящее за грани текущего дня».

Март. Есенин пишет С.Д.Головачеву:

«Милый Сережа! Я совсем расхворался и потому в магазине <„Художников слова“> быть не могу.

Мне очень и очень нужны деньги, будьте добры подательнице сей записки дать 150 000 р. (сто пятьдесят тыс. р.).

Привет Дав<иду> Сам<ойловичу> <Айзенштату>. Ваш С. Есенин. 1921, март».

Есенин, VI, 119, 486.

Есенин посещает мастерскую С.Т.Конёнкова с А.Б.Кусиковым и С.Т.Григорьевым.

Событие устанавливается по книге С.Григорьева «Образ Конёнкова: Корни, ствол, крона, цвет, зерно». М.: Саав, 1921 (см.: до 29 сент. 1921).

А.Б.Мариенгоф пишет цикл стихотворений «Друзья» об имажинистском братстве, заканчивающийся строками:

Вадим, Сергей
И легкие приятельницы возле.
На стеклах льдяные ковры
Мятущегося января
(Нам нравится персидский их узор),
В стаканах золотой апрель,
А в рюмках юльский зной.
Всё хорошо. Лишь ветер злей и злей
Бьет локтем в переплеты рам,
Шутливый прерывая разговор,
И кажется – один он верен той,
О ком заговорил
Развязно
Седой насмешник ямб.
. . . . . .

Опять вино
И нескончаемая лента
Немеркнущих стихов.

Есенин с навыком степного пастуха
Пасет столетья звонкой хворостиной.

Чуть опаляя кровь и мозг,
Жонглирует словами Шершеневич,
И чудится, что меркнут канделябровые свечи,
Когда взвивается ракетой парадокс.

Не глаз мерцание, а старой русской гривны:
В них Грозного Ивана грусть
И схимнической плоти буйство
(Не тридцать им, а триста лет), –
Стихи глаголет
Ивнев,
Как псалмы,
Псалмы поет, как богохульства...

Но кто красивой крупной птицей вдруг взметнулся
От кресла и до люстр?
Под Мариенгофским черным вымпелом
На северный безгласный полюс
Флот образов
Сурово держит курс.
И чопорен и строг словесный экипаж.

Мы знаем — любострастно внуки скажут:
В то время лиры пели,
Как гроза.

Март 1921.

Цикл стихов войдет в книгу А.Мариенгофа «Разочарование» (см.: до 29 нояб. 1921).

Март, не позднее. Есенин посылает Иванову-Разумнику:

— два письма (неизвестны).

Есенин, VII (3), 42;

— свои книги (возможно, «Исповедь хулигана» и сборник «Имажинисты» с поэмой «Сорокоуст»).

Есенин, VII (3), 60.

См. также: 4 дек. 1920.

В один из воскресных дней Есенин делится с А.Б.Мариенгофом мыслями о выпуске сборника под названием «Эпоха Есенина и Мариенгофа».

Граница события определяется по содержанию воспоминаний А.Б.Мариенгофа и С.И.Юткевича (см. ниже).

А.Б.Мариенгоф позднее напишет:

«На улице стояла самая беспорядочная погода: ветер, мокрый снег вперемешку с ледяным дождем <...>.

На березовых поленцах мы присели возле жаркой буржуйки <...>. Мы с Есениным размечтались о золотом веке поэзии.

– Теперь уж недалече, – тихо сказал Есенин <...>. – Давай-ка, Толя, выпустим сборник под названием «*Эпоха Есенина и Мариенгофа*».

– Давай.

– Это ведь сущая правда! Эпоха-то – наша <...>.

Есенин подбросил в огонь три коротких поленца, слегка пообсохших на горячем животе буржуйки.

При военном коммунизме дрова покупали на фунты, как селедку».

Мой век, 119–120.

См. также: 12 сент. 1921 – до 10 мая 1922.

В этот же день к Есенину и А.Б.Мариенгофу приходит В.Э.Мейерхольд.

А.Б.Мариенгоф вспомнит об этом:

«Тут неожиданно явился Мейерхольд. Он был в кожухе, подпоясанном красноармейским ремнем; в мокрых валенках, подбитых оранжевой резиной; в дворницких рукавицах и в буденовке с большой красной пятиконечной звездой. На ремне – полевая сумка через плечо. Только пулеметных лент крест-накрест и не хватало.

– Ты что, Всеволод, прямо с поля боя? – серьезно спросил Есенин.

– Да! – еще серьезней ответил Мейерхольд. – Прямо из Наркомпроса. С Луначарским воевал <...>.

Мейерхольд <...> вытащил из полевой сумки свои фотографии <...>.

– Прошу принять. Как знак дружбы.

И торжественно преподнес нам <...>.

Мейерхольд сказал:

– Сережа, Анатолий, завтра приходите ко мне в театр. Ровно в восемь. В репетиционный зал». <...> В понедельник у нас в театре читаю лекцию о биомеханике».

Мой век, 120–121.

См. Приложение.

На следующий день Есенин и А.Б.Мариенгоф присутствуют в Театре РСФСР Первом на лекции В.Э.Мейерхольда о биомеханике.

А.Мариенгоф позднее напишет:

«Ровно в восемь в понедельник мы с Есениным явились в репетиционный зал. На стенах висели рулоны, красиво исчерченные – кругами, спиралями, усеченными конусами и прочей „геометрией“ <...>.

Мейерхольд начал свою лекцию с академическим опозданием в пятнадцать минут.

Он был в глухом черном пиджаке. Вместо жилетки толстый ворсистый свитер из верблюжьей шерсти. На голове красная турецкая феска с озорной кисточкой. А в руке биллиардный кий, заменяющий педагогическую указку.

Я шепнул Есенину:

– Всё тот же Доктор Дапертутто.

Так называли мейерхольдовский журнал декадентской эпохи.

На превосходном портрете <В.Э.Мейерхольда работы> Бориса Григорьева сатана был написан во фраке, в белом жилете, белом галстуке, белых перчатках и в блестящем цилиндре, съехавшем на затылок.

– Конечно, тот же Дапертутт! – ответил Есенин.– Только переменил цилиндр на красную феску. Это нетрудно. А вот душу...

Слегка ссутулясь, Мейерхольд расхаживал по репетиционному залу <...> и с профессорским глубокомыслием второй час сдержанно нес какую-то наукообразную галиматью».

Мой век, 122.

С.И.Юткевич вспомнит об этом времени:

«Очутившись в Москве ранней весной 1921 года, <...> мы вошли в большой, показенному обставленный кабинет, и сейчас же навстречу нам вышел Мейерхольд. Запомнился мне его странный костюм, состоявший из порыжевшего свитера, солдатских штанов цвета хаки, обмоток и больших солдатских бутсов <...>.

Осенью 1921 года Мейерхольд объявил прием в Государственные высшие режиссерские мастерские <...>. Мейерхольд занимался с ними <учениками> страстно, увлеченно <...>. Давал свои первые уроки биомеханики».

Юткевич С. Доктор Дапертутто, или сорок лет спустя. – Встречи с Мейерхольдом: Сб. воспоминаний. М.: Всероссийское театральное общество, 1967, с. 207–218.

См. Приложение.

Март, не ранее. Творческая работа Есенина над текстом «Пугачева» переходит в стадию написания черновых вариантов глав поэмы.

Событие и его граница устанавливаются на основании анализа чернового автографа, датированного: «1921. ст. стиль – февраль–август. Новый – март–август» и других источников текста.

Рукопись с вариантами по объему в четыре раза превышает окончательный текст (Есенин, III, 197–337). В черновике зафиксировано промежуточное заглавие «Поэма о великом походе Емельяна Пугачева», но прочитывается и: «Пугачев».

Исследователь проблем творческой истории и судьбы есенинских поэм Н.И.Шубникова-Гусева писала об этой стадии работы Есенина над «Пугачевым»:

«Подзаголовок также варьировался. На одном из первоначальных этапов Есенин колебался в обозначении жанра своего нового произведения, сначала написал слово „Драматическая“, но зачеркнул его и определил жанр „Пугачева“ – „Трагедия“. Затем опять зачеркнул и вписал – „Драматическая поэма“. Этот подзаголовок также зачеркнул, хотя это последнее определение жанра позже чаще всего, наряду с определением „Поэма“, упоминалась в печати <...>.

В начале автор строил произведение как драматическую пьесу. Доказательством этому является зачеркнутая заключительная ремарка второй главы „Занавес“, а также зачеркнутые обозначения первой главы: „Действие первое“, „Сцена первая“, а также второй и третьей глав: „Действие второе“. На следующем этапе работы Есенин зачеркнул эти подзаголовки и обозначил восемь частей драматической поэмы цифрами. Затем две из восьми получили название: четвертая „Происшествие на Таловом умёте“ и шестая „В стане Зарубина“ (как в основном тексте). Остальные в черновике заглавия не имели».

Шубникова-Гусева, 130.

В № 1–3 самарского журнала «Понизовье» (за январь–март) публикуется статья С.Д.Спасского «О приемах современной поэзии»:

«Современная поэзия находится в периоде образования новых форм <...>.

Истекший год не был беден вновь выходящими книгами стихов. Технические затруднения не помешали имажинистам выпустить около 20 стихотворных тетрадей, пролетарским поэтам собраться вокруг журнала „Кузница“ <...>. Как бы разнообразными по выбору тем и заданий нам ни казались авторы отдельных брошюр, их настроение всегда ищет образного языка. Возьмем для примера хотя бы несколько описаний, выбранных наугад из различных произведений.

Зеленых облаков стоячие пруды,
И в них луны опавший желтый лист
(А.Мариенгоф – цикл „Слепые ноги“ – сборник „Плавильня слов“).

Закат запыхался. Загнанная лиса,
Луна выплывала воблой вяленой.
(В.Шершеневич <сб.> „Лошадь как лошадь“).

Рыжий месяц жеребенком
Запрягался в наши сани
(С.Есенин <сб.> „Преображение“).

Сгребем мы лунною лопатой
С мундира неба ордена.
(М.Герасимов. „Октябрь“ – поэма. „Художественное слово“ № 1).

<...> Несомненно, что каждый пример носит на себе индивидуальный отпечаток. Так, образ Есенина связан с той сельской обстановкой, которая насыщает его творчество, а образ Герасимова чем-то говорит нам о трудовом процессе и явственно революционен по настроению. Однако основной характер рисунка одинаков во всех 4-х примерах: поэты желают описывать отдельное понятие (луна, звезды, закат) через сопоставление его с другим, причем это второе обычно берется из числа знакомых обыденных картин, но значительно удаленных по своему смыслу (луна – вобла, луна – лопата). Эта удаленность <...> будит наше воображение, заставляя его пробегать воздушные расстояния между предметами и формировать их в одно целое».

Март – Апрель, до 16 или **до 17.** Н.Д.Вольпин встречает Е.И.Лившиц у Есенина на квартире в Богословском переулке.

Событие устанавливается и датируется по воспоминаниям Н.Д.Вольпин с учетом времени отъезда Есенина в Туркестан.

«Весна двадцать первого года. Богословский переулок. Дверь на мой звонок Есенин отворяет сам. Вводит в комнату. <...>.

Квадратная комната. Вдоль окна — с отступом для стула — большой прямоугольный стол (не письменный), на нем в углу сдвинутая работа и кучка книг. С торца налево сидит девица — знакомая прямая посадка, „как аршин проглотила“. <...> Глаза не выдают и тени недовольства моим несвоевременным вторжением.

На столе появляется чай — полутеплый. Сперва неловкое молчание, потом вялый общий разговор. Женя спрашивает вдруг Есенина, умеет ли он рисовать. <...> И тот в ответ, резко: „Нет. А ты?“ „Я умею рисовать уточку“. И Женя — Евгения Исааковна Лившиц — старательно выводит на листке бумаги лежачий овал — тело птицы; слева кружок с клювом — головка; справа палочки веером — хвост. <...>.

Женя спохватилась, что ей пора. Поднимаюсь и я. Меня Сергей не отпускает: „Вы же по делу! Поговорим“.

Как живо все это вспоминается мне, когда годы спустя Сергей раздраженно и явно в угоду Бениславской — скажет при мне в больнице на Полянке про Женю Лившиц:

— Она будет мужу любовь аршином отмерять».

Как жил Есенин, 275 (глава: «Непреклонная»).

Вечер «запоздалой победы» Есенина над Н.Вольпин.

Н.Д.Вольпин в главе «В ту первую ночь» своих мемуаров напишет:

«Весна двадцать первого. Богословский переулок. Я у Есенина.

Смущенное:

— Девушка!

И сразу на одном дыхании:

— Как же вы стихи писали?

Если первый возглас я приняла с недоверием (да неужто и впрямь весь год моего отчаянного сопротивления он считал меня опытной женщиной!), то вопрос о стихах показался мне столь же искренним, сколь неожиданным и... смешным <...>.

И еще сказал мне Есенин в тот вечер своей запоздалой победы:

— Только каждый сам за себя отвечает!

— Точно я позволю другому отвечать за меня! — был мой невеселый ответ. <...> А надо всем звенела радость полного сближения. Для него, как и для меня».

Как жил Есенин, 275–276.

Есенин знакомится с журналистом Н.К.Вержбицким.

Границы события устанавливаются по воспоминаниям Н.К.Вержбицкого (см. ниже) с учетом отъезда Есенина в Туркестан.

«Познакомился я с Есениным в Москве, ранней весной 1921 года.

В солнечное утро иду по Тверскому бульвару и вижу – на скамейке, небрежно развалясь, сидит молодой человек и рассеянной рукой крошит воробьям большой кусок белого хлеба».

Вержбицкий Н.К. Встречи с Есениным: Воспоминания. Тбилиси: Заря Востока, 1961, с. 5.

«Очень скоро выяснилось, что я имею дело с поэтом Сергеем Есениным, который в то время был уже довольно известен.<...> Впоследствии, вспоминая об этом, я понял, что здесь дело было не в случайности и что в этом проявилось свойственное Есенину стремление к общению с животными».

ЕиС, 393; Есенин, VI, 760.

Дружеские отношения установятся у Есенина с Н.К.Вержбицким после приезда поэта в Тифлис осенью 1924 г.

Н.К.Вержбицкий приводит Есенина к своему знакомому — знаменитому дрессировщику животных В.Л.Дурову, и они осматривают зверинец.

ЕиС, 394.

Апрель, 1 или **после 1.** Есенин правит верстку сборника «Ржаные кони», подготовленного к выпуску издательством «Альциона».

Обоснование даты и содержание сборника см.: 31 марта 1921.

См. Приложение.

Апрель, до 2. Есенин и Р.Ивнев обращаются к А.В.Луначарскому с просьбой о выезде за границу.

См. след. запись.

Апрель, 2. А.В.Луначарский обращается с письмом в Наркоминдел с просьбой оформить поездку Есенина и Р.Ивнева:

«Москва, 2 апреля 1921 г.

В Наркоминдел т. Карахану

Поэты Рюрик Ивнев и Есенин просят меня похлопотать перед Вами о разрешении им поехать за границу.

Со стороны Наркомпроса никаких препятствий в этой поездке нет.

Нарком по просвещению

А.Луначарский.

Секретарь *А.Флаксерман.*

Письма, 322.

Поездка не состоялась. Через много лет Р.Ивнев напишет:

«В начале февраля 1921 года мы с Есениным решили совершить небольшую поездку в Европу. Я рассказал о нашем плане Анатолию Васильевичу, причем я его ни о чем не просил. Он тут же написал записку в Наркоминдел Карахану. Прося его оформить нашу поездку за границу. Но 28 февраля в Грузии было свергнуто меньшевистское правительство и установлена советская власть, и мне захотелось поехать в Тифлис. Так что наша заграничная поездка с Есениным тогда не состоялась».

Журн. «Волга», 1968, № 11, нояб., с. 162.

Парижская газета «Последние новости» (№ 292) печатает статью Б.Мирского «„Скифы“»:

«В давний российский спор о национальном самосознании теперь влито новое содержание, дополненное войной, революцией и духовным бытом гражданской войны. <...>

Вслед за Блоком, гордо заявившим „Да, скифы – мы. Да, азиаты – мы, с раскосыми и жадными очами“; вслед за Клюевым и Есениным, этими „поэтами мужицко-хлыстовской революции“, объявившими – „мы – рать солнценосцев на пупе земном“, поющими – „о родина... нет лучше, нет красивей твоих коровьих глаз“, вслед за скифскими, хлыстовскими, избяными, черноземными и стихийно сильными строфами – поплелись убогие комментаторы, расхваливающие не столько литературную силу советских поэтов, сколько их историко-политический прогноз, и Иванов-Разумник в берлинских брошюрах утверждает, что русское скифство революционного максимализма „испепелит старый мир, сорвет маску с всесветного мещанина Атланта“.

С советским скифством спорить трудно. Маркс иронически назвал этот вид мессианства верой „в обновление Европы посредством кнута и насильственного смешения европейской и калмыцкой крови“».

Далее автор переходит к критике публицистов-эмигрантов (П.Б.Струве, В.В.Шульгина и др.) и резюмирует:

«Но если у советских поэтов хлыстовская тяга к „коровьим глазам“ – литературное течение, то поворот в сторону самобытности у писателей-эмигрантов <...> уже не литература, не поэзия, а политика, и притом скверная политика».

Организационная группа издательства «Ледокол» (среди ее членов — Б.Пастернак) направляет в Госиздат РСФСР ходатайство о разрешении издательской деятельности с упоминанием Есенина как одного из возможных авторов проектируемого одноименного журнала:

«Предполагается сейчас же привлечь: Андрея Белого, А.Блока, Сергея Боброва, Юргиса Балтрушайтиса, Рюрика Ивнева и Сергея Есенина».

ГАРФ, ф. Р395, оп. 1, ед. хр. 181, л. 12–12 об.

Журнал не был разрешен к выпуску (Галушкин-2005, 2, 55).

Апрель, до 3. Я.В.Браун пишет И.З.Штейнбергу из Харькова:

«Всякие Фомы неверующие и крысы трусливые сейчас бегут с левонароднического корабля <…>.

9 апреля читаю лекцию „Три революционные эпопеи“ („Бесы“ Достоевского, „Петербург“ Белого и „Дневник Сатаны“ Л.Андреева). А там еще и еще: Губполитпросвет расписал меня чуть ли не на пять лекций вперед: „Есенин и Маяковский“, „Искусство и НЭП“, „Быт революции и революционное творчество“ – всё для нас, хотя ничтожная, да отдушина».

Леонтьев, 114–116.

Граница события устанавливается по дате перлюстрации письма (Леонтьев Я.В., 105).

Апрель, 3. Костромская газета «Красный мир» (№ 73) публикует статью П.Новлянского «Вечер поэтов» (подпись: Пл. Новл.).

Подробно разбирая выступления поэтов на вечере, состоявшемся 1 апр. 1921, автор выделяет поэзию «наиболее даровитого из участников» Николая Соколова, в талантливых строках которого он чувствует влияние А.Блока, А.Мариенгофа и С.Есенина:

«…Соколов в своем неудержном стремлении чуть не докатился (верно, докатился) до „Исповеди хулигана“ Есенина».

В ревельской газете «За народное дело» (№ 14; подпись: Лейтенант Грис) помещается статья Г.Н.Сосунова «От славословия к проклятию: (Наброски о русской поэзии)».

Автор в противовес поэзии В.Каменского, Д.Бедного, воспевающих Советскую Россию («поэзии славословия»), рассматривает творчество А.Кусикова («видимо, наимоднейшего русского поэта») и участвовавшего с ним в коллективном сборнике «Звездный бык» Есенина:

«…Самое „В никуда“ <поэма Кусикова> даже сочувственно настроенного читателя с первой страницы огорашивает:

…В небе облак лохматой дворняжкой
По-собачьему звонко плачет…

Досадная скудность фантазии сказалось и тут. Облака лаяли уже давно у С.Есенина. А Кусиков заставил облако плакать, да еще дворняжкой <…>.

Книжка „Звездный бык“ – издана в 21 г. имажинистами – заслуживает полного внимания, благодаря „Песне о хлебе“ С.Есенина, того самого, чьи облака раньше кусиковских залаяли. В „Звездном быке“ С.Есенин прост, жутко правдив, он, видимо, пережил „лающий“ период и „режет“ правду.

„Песнь о хлебе“ звучит грозно и необычно: призывом к бунту, необычным для безотрадного „никудышества“:

Вот она, суровая жестокость,
Где весь смысл страдания людей.
Режет серп тяжелые колосья,
Как под горло режут лебедей.

Русская поэзия не умирала даже под сапогом комиссаровой опеки, даже под уродливым плакатом Совнаркомовых шутов – футуристов.

То время, когда славилась „чудо-республика", давным-давно минуло... Был тяжелый сон Совнаркомовой полуночи, когда слова истинных поэтов – еще тлели золой потухающего костра. В сказанных открыто словах Есенина:

... И свистят по всей стране, как осень,
Шарлатан, убийца и злодей ... –

видны снова бесстрашные языки не потухшего, а разгорающегося пламени того святого огня, который веками жег неправду, тьму, гнет и насилие страдной русской жизни...

<...> пламенные, жгучие, исступленные и правдивые вызывы Есенина – радуют и бодрят. Они дают нам веру в близость рассвета русской поэзии, когда она сможет снова заговорить языком своего родного народа о Господней красоте родины, о страданиях народа, о русской правде и русском счастье...».

Апрель, начало ... до 15 (?). Есенин завершает работу над первой главой «Пугачева» («Появление Пугачева в Яицком городке»).

Читает ее А.Б.Мариенгофу.

События и их границы устанавливаются по воспоминаниям А.Б.Мариенгофа (см. ниже) с учетом: 1) времени начала систематической работы Есенина над «Пугачевым» (см.: не ранее марта 1921) – нижняя граница; 2) времени отъезда Есенина в Туркестан (см.: 16 или 17 апр. 1921) и информации о том, что третья, четвертая и пятая главы были написаны уже вне Москвы (см.: после 16 или 17 апр. – до 11 июня 1921); 3) выяснения отношений Есенина и А.Б.Мариенгофа с органами правопорядка (см.: 15 апр. 1921) – верхняя граница.

В черновике первая глава не имела названия и получила его в окончательном тексте драматической поэмы.

А.Б.Мариенгоф напишет в «Романе без вранья»:

«Почем-Соль <Г.Р.Колобов> уезжал в Крым. <...> На мою долю выпадает поездка. Уславливаемся, что следующая отлучка за Есениным.

Возвращаюсь через месяц. Есенин читает первую главу "Пугачева":

Ох, как устал и как болит нога!
Ржет дорога в жуткое пространство...

С первых строк чувствую в слове кровь и мясо. Вдавив в землю ступни и пятки, крепко стоит стих.

Я привез первое действие „Заговора дураков" <...>.

Есенин уехал с „Почем-Солью" <Г.Р.Колобовым> в Бухару <Ташкент, Самарканд>».

Мариенгоф, 103.

Апрель, 4–8. Есенин и А.Кусиков становятся секундантами В.Шершеневича в его предстоящей дуэли с О.Мандельштамом (не состоялась).

События устанавливаются и датируются по «Протоколу о поведении В.Шершеневича и его секундантов после вызова О.Мандельштамом В.Шершеневича» (*Нерлер П.М.* Мандельштам и Шершеневич. — Сб. «Михаил Кузмин и русская культура XX века: Тезисы и материалы конференции. 15–17 мая 1990 г.», Л., 1990, с. 96–100).

4 апреля В.Шершеневич, поссорившись с О.Мандельштамом в присутствии актрис Камерного театра, нагнал его в фойе театра и ударил по лицу. О.Мандельштам ответил ему тем же, после чего В.Шершеневич повалил его на землю. На следующий день О.Мандельштам через своих секундантов В.Ковалевского и Р.Рока вызывает В.Шершеневича (переезжавшего с одной квартиры на другую) на дуэль, и тот принимает вызов. По свидетельству секундантов О.Мандельштама, дуэль расстроили секунданты В.Шершеневича А.Кусиков и Есенин. 5 и 6 апреля А.Кусиков уклонился от встречи с секундантами противной стороны.

О дальнейших событиях в «Протоколе о поведении В.Шершеневича...» говорится:

«В 10 ч. веч. 7 апр<еля> В.Ковалевский встретил в клубе поэтов С.Есенина, который сообщил ему, что он второй секундант Шершеневича и что он пришел поговорить с В.Ковалевским. В.Ковалевский выразил крайнее удивление, что его никто об этом не уведомил. И сказал, что по этому самому не может С.Есенина считать официальным секундантом. При этом В. Ковалевский сообщил ему о поведении Кусикова и о решении, принятом О.Мандельштамом. Есенин, в свою очередь, выразил удивление по поводу поведения Кусикова, и из его слов явствовало, что по сию пору он в контакте с Кусиковым не находится. Упрек по адресу Кусикова Есенин передал лично Шершеневичу, который в клуб пришел в 11-том часу для выступления.

Здесь же в присутствии Есенина и Рока В.Ковалевский сообщил Шершеневичу о выводах, которые принуждены были сделать О.Мандельштам и его секунданты на основании поведения Кусикова и Шершеневича. Причем В.Ковалевский добавил, что немедленно огласит уклонение Шершеневича.

Считая дальнейшую погоню за секундантом вызванной стороны нарушением элементарных правил и имея в виду непримиримый тон Шершеневича, его отказ от извинений и присылки новых секундантов, В.Ковалевский и Р.Рок пришли к заключению прекратить попытки к дальнейшим переговорам и всё вышеизложенное предать широкому оглашению по требованию О.Мандельштама».

Нерлер П.М. Мандельштам и Шершеневич, с. 99.

В 1926 г. Р.Ивнев так выскажется об этой дуэльной истории:

«Он <Есенин> ужасно любил всякие ритуалы: ему нравились переговоры, совещания, попросту говоря, его это забавляло, подобно тому, как забавляли приготовления двух поэтов к дуэли, которая так и не состоялась, потому что дуэлянты внезапно выехали из города — один в одну сторону, другой — в другую».

САЕ, 23.

Апрель, 5, 6, 8, 12, 16, 19, 26 и 28. Берлинская газета «Голос России» (№ 625, 626, 628, 631, 635, 637, 643 и 645) сообщает о выходе в свет и поступлении в продажу выпусков «Общедоступной библиотеки „Книга для всех“» издательства «Мысль» (Берлин), в том числе:

Вып. 2–3. «Поэзия большевистских дней (Блок, Эренбург, Есенин, Каменский, Шершеневич и др.)».

Апрель, до 7. Есенин и А.Б.Мариенгоф высказывают замечания по рукописи книги В.Г.Шершеневича «Кому я жму руку».

Событие и его граница устанавливаются по записи Т.Мачтета (7 апр 1921), зафиксировавшего после посещения вечера в клубе Всероссийского союза поэтов слова Н.Д.Вольпин:

«– Ни один мыльный пузырь так не лопался, как Шершеневич, – обрадованно и вместе с тем убивая, говорит Н.Д. – Его песенка спета. Знаете, ему велели Есенин и Мариенгоф свою книгу <в то время это могла быть только книга „Кому я жму руку“> переделать, и он всё изменил, не моргнув. Разве можно, – волнуется она».

Дневник Мачтета, карт. 7, ед. хр. 2, л. 53 об. – 54.

См.: до 16 или до 17 апр. 1921.

Апрель, 7. Есенин присутствует на вечере в клубе Всероссийского союза поэтов, где выступают Н.Вольпин, Н.Кугушева, О.Эрберг и В.Шершеневич.

Дневник Мачтета, карт. 7, ед. хр. 2, л. 51–55.

Присутствие Есенина устанавливается по участию его в дуэльной истории (см.: 4–8 апр. 1921).

Т.Мачтет записывает свои разговоры с коллегами по цеху, связанные с Есениным:

«...и точно подтверждая мои мысли, к нам <...> подходит Левит.

— И охота вам выступать с такой сволочью <имажинистами> <...>.

— Я им сочувствую, но чем я виноват, если не герой, если не могу им стать <...> сказал я Левиту <...>.

— Если Есенин тебе не кланяется, — на днях меня предупреждал Козырев, — значит, мы написали что-нибудь хорошее.

И верно. Есенин даже мне, земляку, соседу, с которым у нас нет конкуренции, как с Козыревым, и который ему уступит всегда, не кланяется и редко, редко когда кивнет головой».

Дневник Мачтета, карт. 7, ед. хр. 2, л. 53, 55 об.

Апрель, после 7 ... Апрель, до 16 или **до 17.** Есенин узнаёт о смерти А.А.Сардановской (в замужестве Олоновской), которой был увлечен в юности, и рассказывает о своей любви И.В.Грузинову.

Границы события определяются по воспоминаниям И.В.Грузинова с учетом даты смерти А.А.Сардановской и сроков отъезда Есенина в Туркестан.

И.В.Грузинов вспомнит в 1926 году:

«*1921 г.* Весна. Богословский пер., д. 3.

Есенин расстроен. Усталый, пожелтевший, растрепанный. Ходит по комнате взад и вперед. Переходит из одной комнаты в другую. Наконец садится за стол в углу комнаты:

— У меня была настоящая любовь. К простой женщине. В деревне. Я приезжал к ней. Приходил тайно. Всё рассказывал ей. Об этом никто не знает. Я давно люблю ее. Горько мне. Жалко. Она умерла. Никого я так не любил. Больше я никого не люблю».

Восп., 1, 352–353.

Подробнее см.: Прокушев Ю. Первая любовь Сергея Есенина. — Журн. «Слово», 1998, № 6, нояб. — дек., с. 52–65.

Об А.А.Сардановской как прототипе Анны Снегиной см.: Шубникова-Гусева, 442–448.

Апрель, после 8 ... до 15 или **Июнь, 12 ... 19.** Есенин, А.Б.Мариенгоф и Г.Р.Колобов отправляются на квартиру З.П.Шатовой (Тверской бульвар, д. 1), где их задерживают чекисты.

Задержанных друзей вместе с хозяйкой и другими посетителями квартиры отвозят ночью в тюрьму ВЧК для проведения расследования.

На вторые сутки Есенина и А.Б.Мариенгофа освобождают, предварительно сфотографировав поэтов во дворе тюрьмы вместе с другими задержанными.

См. Приложение.

Относительно датировки этого события на данный момент существуют две версии: версия С.И.Субботина, предполагающего, что происшествие на квартире З.П.Шатовой случилось в апреле, до отъезда Есенина и Г.Р.Колобова в Туркестан; версия С.В.Шумихина (Материалы, 398) и Э.А.Хлысталова (Хлысталов, 28, 30), согласно которой оно имело место после возвращения Есенина а Москву, а именно в июне (С.В.Шумихин) или в августе (Э.А.Хлысталов). Датировка Э.А.Хлысталова отпадает, так как из достоверных источников известно, что участник операции по задержанию поэтов начальник секретного отдела ВЧК Т.П.Самсонов с 29 июня находился в командировке за пределами Москвы. Датировку С.В.Шумихина можно уточнить, обращаясь к летописным статьям июня месяца. Наиболее вероятным периодом для датировки события можно назвать время с 12 (вечер) по 19 июня (день). На сегодняшний день достоверных данных о хронике жизни Есенина и А.Б.Мариенгофа в этот период не имеется. Менее вероятным для датировки является период 24–26 июня (не учитывается).

Первая версия основывается на:

– утверждении А.Б.Мариенгофа, что посещение квартиры З.П.Шатовой произошло сразу (или вскоре) после чтения Есениным первой главы «Пугачева» (см.: начало ... до 15 (?) апр. 1921);

– предположении, что сообщение об аресте на заседании правления Всероссийского союза писателей касалось инцидента в квартире З.П.Шатовой (см.: 15 апр. 1921);

– анализе опубликованной при статье Т.П.Самсонова в № 10 «Огонька» за 1929 г. (см. ниже) фотографии, где посетители квартиры З.П.Шатовой представлены одетыми в соответствии с погодными условиями (близкими к летним), установившимися к середине апреля 1921 г. (температурные данные см.: 16 апр. 1921).

Нижняя граница события в соответствии с этой версией определяется датой проведения заседания правления Всероссийского союза писателей (8 апр. 1921), на котором вопрос об аресте Есенина и А.Б.Мариенгофа не стоял. Верхняя – датой заседания правления Всероссийского союза писателей, где этот вопрос обсуждался (см.: 15 апр. 1921).

А.Б.Мариенгоф, на свидетельство которого опирается автор первой версии, так представит в «Романе без вранья» ход событий:

«Отправляемся распить бутылочку за возвращение <А.Б.Мариенгофа и Г.Р.Колобова> и за начало драматических поэм <„Пугачев“ и „Заговор дураков“>. С нами „Почем-Соль“.

На Никитском бульваре <...> у Зои Петровны Шатовой <правильно: Зоя Павловна> найдешь не только что николаевскую белую головку, „Перцовки“ и „Зубровки“ Петра Смирнова, но и старое бургундское, и черный английский ром.

<...> Звоним условленные три звонка. Отворяется дверь. Смотрю: Есенин пятится.

— Пожалуйста!.. Пожалуйста!.. Входите... входите... и вы... и вы... А теперь попрошу документы!.. — очень вежливо говорит человек при нагане. Везет нам последнее время на эти приятные встречи.

В коридоре сидят с винтовками красноармейцы. Агенты производят обыск.

— Я поэт Есенин!

— Я поэт Мариенгоф!

— Очень приятно.

— Разрешите уйти...

— К сожалению...

Делать нечего — остаемся. <...>

„Почем-Соль“ дергает скулами, теребит бородавочку и разворачивает один за другим мандаты, каждый величиной с полотняную наволочку.

На креслах, на диване, на стульях шатовские посетители, лишенные аппетита и разговорчивости.

В час ночи на двух грузовых автомобилях мы компанией человек в шестьдесят отправляемся на Лубянку.

Есенин деловито и строго нагрузил себя, меня и „Почем-Соль“ подушками Зои Петровны, одеялами, головками сыра, гусями, свиными корейками и телячьей ножкой.

В „предварилке“ та же деловитость и распорядительность. Наши нары, устланные бархатистыми одеялами, имеют уютный вид <...>.

Ордер на наше освобождение был подписан на третий день».

Мариенгоф, 103–104.

В пользу **второй версии** (датировка события: 12 ... 19 июня 1921) могут быть названы следующие сопутствующие обстоятельства:

– воспоминания М.Л.Свирской (Гершевич–Свирская), относящей задержание Есенина органами ВЧК к лету 1921 года, незадолго до ее этапирования в Омск (12 июля 1921 – Судебный процесс, 859), а затем в Новосибирск;

– интерпретация события Т.П.Самсоновым, руководителем операции ВЧК в квартире З.П.Шатовой. Откликаясь на выход повторного издания книги А.Б.Мариенгофа, Т.П.Самсонов в опубликованной в «Огоньке» (1929) статье «„Роман без вранья“ + „Зойкина квартира“» (Материалы, 183–192) задается це-

лью высветить завуалированные А.Б.Мариенгофом «скользкие места приключений героев» и дать истинную сущность произошедшего. В «салоне» З.П.Шатовой творились неблаговидные дела, среди которых автор называет спекуляцию. Он дает понять, что сюда друзья Мариенгофа доставляли привозимые из Туркестана кишмиш, муку и урюк, т. е. последовательность такая: сначала в «Зойкину квартиру» поступал туркестанстий товар, а потом распивалось «старое бургундское и черный английский ром». О спекуляции можно прочитать и в мемуарах М.Л.Свирской. Она приводит в них якобы слышанные Ф.Ф.Федоровичем слова Т.П.Самсонова об этой операции ВЧК: «Думали, открыли контрреволюционную организацию, а оказалась крупная спекуляция» (Минувшее, 7, 56);

– анализ упомянутой фотографии в «Огоньке», на которой посетители квартиры З.П.Шатовой представлены одетыми в соответствии с прохладной погодой, характерной для второй половины июня. Средняя температура воздуха с 12 по 26 июня в градусах изменялась следующим образом: 18,8; 19; 22; 21,1; **15,6; 16,2; 12,3; 13,4; 16,5;** 19; 20,2; 21,1; **17,4; 16,5; 16,8.** Прохладная для лета погода была с 16 по 20 и с 24 по 26 июня (Метеорологическое обозрение Европейской России. Главная физическая лаборатория. 1921 г., апрель).

В 1929 году Т.П.Самсонов в своей статье – отклике на «Роман без вранья» – напишет, расставляя иные, чем у Мариенгофа, акценты:

«Мемуарная литература, во множестве выходящая в свет в наши дни, может считаться полезной только при условии ее правдивости.

К сожалению, этим достоинством очень многие рассказы современников не отличаются. Немало умолчаний имеется, например, в книге А.Мариенгофа <...>. Для того, чтобы обелить быт литературной богемы, Анатолий Мариенгоф мастерски завуалировал скользкие места приключений героев <...>. Талантливому человеку будто бы „всё можно". „Роман без вранья" Анатолия Мариенгофа полон этих безнаказанных „шалостей". Он добродушно описывает их. Как бы ни были те или иные герои талантливы, но антисоциальные, антиобщественные поступки не могут не повлечь за собой общественного осуждения и преследования.

Ведь были же у нас и такие таланты, которые, не желая считаться с фактом существования советской власти и ее законами, вынуждены были покинуть нашу страну. Ни Есенин, ни Мариенгоф, разумеется, не имели за собой таких „подвигов", чтобы оказаться невольными заграничными жителями <...>. Однако и за ними числились иногда такие неприятные и скользкие „проделки и шалости", из-за которых им приходилось знакомиться с нашими ЧК и другими органами<...>.

А. Мариенгоф нарочито затушевывает и скрывает от читателя сущность описываемых событий, выставляя положение в смешном и комическом виде. Мне приходилось сталкиваться по роду своей работы с Есениным и Анатолием Мариенгофом в обстановке, при которой ни у Есенина, ни у Мариенгофа не было особенно смешного настроения. Наоборот, настроение и самочувствие их было довольно скверное, да оно и не могло быть иным, если иметь в виду, что им временно пришлось переселиться из квартиры Зойки Шатовой во внутреннюю тюрьму ВЧК <...>.

Квартиру Шатовой мог навестить не всякий. Она не для всех была открыта и доступна, а только для избранных. „Свои" попадали в Зойкину квартиру конспиративно: по рекомендации, по паролям и по условным звонкам. В „салон" Зои Шатовой писатель А.Мариенгоф ходил вдохновляться; некий „Левка-инженер" с другим проходимцем „Почем-Соль" привозили из Туркестана кишмиш, муку и урюк и распивали здесь „старое бургундское и черный английский ром" <...>. Здесь производились спекулянтские сделки, купля и продажа золота и высокоценных и редких изделий <...>. Здесь же, в Зойкиной квартире, темные силы контрреволюции творили более существенные дела. Враждебные советской власти элементы собирались сюда, как в свою штаб-квартиру, в свое информационное бюро, на свою черную биржу. <...>

Надо было прекратить это гнусное дело.

Для ликвидации этой волчьей берлоги в Зойкину квартиру у Никитских ворот и явились представители ВЧК. Была поставлена засада. В нее и попали Мариенгоф, Есенин и их собутыльники».

Самсонов Т.П. «Роман без вранья» + «Зойкина квартира» (Материалы, 184–186, 188–190).

«Когда Есенин, „Почем Соль“ и Анатолий Мариенгоф пришли к Шатовой, — продолжает Т.П.Самсонов, — обыск уже заканчивался. <...>. Поняв, в чем дело, передовые „бойцы“ литературной богемы пробовали отделаться шуточками и прибауточками. Но когда им вежливо и твердо заявили, что с ними шутить не будут, они оборвали свою напущенную веселость и, надвинув шляпы на глаза, успокоились. Более строптивым, насколько мне помнится, оказался „Почем Соль“. Для безошибочности будем называть „строптивого“ „Почем Кишмиш“. Располагая длинными мандатами от правительственных учреждений, он размахивал ими перед моими глазами и шумно кричал <...>, что он никак не может позволить, чтобы его задержали „какие-то агенты ВЧК“. <Далее следует диалог Г.Р.Колобова и Т.П.Самсонова, который заканчивается так:>

— <...> вам отсюда до ВЧК придется вместе с вашими друзьями отправиться уже в нашем чекистском грузовике.

— Тогда разрешите мне позвонить о себе на службу.

— Никакой нужды в этом нет, на службе уже знают о ваших подвигах.

„Почем Кишмиш“ молча опустился в удобное кресло Зойкиной квартиры <...>.

Внутренняя тюрьма ВЧК. Просторное и светлое помещение. На кроватях, рядом со спекулянтами, валютчиками и гостями Зойки Шатовой лежат – Есенин, Мариенгоф и другие герои его „Романа без вранья“. Настроение у всех подавленное <...>.

Надо было сфотографировать всю группу Зойкиной квартиры. Съемка проходила во дворе. Есенин и Анатолий Мариенгоф, не желая быть снятыми на одном снимке с „гостями“ Зойки Шатовой, пытались уклониться от заснятия <...>. Когда им было объяснено, что такого рода противодействие ни к чему не приведет, они согласились <...>.

Сообщенные нами детали, можно надеяться, помогут <...> „правильной оценке“».

Материалы, 188–190.

М.Л.Свирская, находившаяся после своего первого ареста (3 марта 1921; Судебный процесс, 837, 839) сначала в тюрьме МЧК, а затем во Внутренней тюрьме ВЧК (до 12 июля 1921), напишет о Есенине в своих тюремных воспоминаниях об этом периоде:

«Иногда к нам в камеру попадала какая-нибудь вновь арестованная сразу после ареста, и мы узнавали кое-что о воле. Так, однажды к нам попала шестнадцатилетняя девочка. Она жила у своей тетки, содержательницы нелегального ресторана, и рассказала, что вместе с ней и теткой было арестовано несколько посетителей ресторана из среды писателей и артистов. Она могла назвать только одного: Сергея Есенина».

Минувшее, 7, 29.

Сразу же за этим эпизодом следовал рассказ М.Л.Свирской об этапировании ее и других эсеров в Омск. Завершались мемуары записками, озаглавленными «Знакомство с Есениным». В них она опишет этот эпизод в ряду своих встреч с поэтом, начиная с 1917 года:

«Летом 1921 я сидела во внутренней тюрьме ВЧК на Лубянке. К нам привели шестнадцатилетнюю девушку, которая приехала к своей тетке из провинции. Тетка содержала нелегальный ресторан <...>. Органами ВЧК учреждение это было обнаружено. Устроена засада, всех приходивших задерживали. Задержаны были и Есенин, Мариенгоф и Шершеневич <на самом деле: Г.Р.Колобов>. Их привезли на Лубянку <...>. Я увидела Есенина. Он стоял с Мариенгофом и <Колобовым> довольно далеко от нашего окна. На следующий день их снова вывели на прогулку. Я крикнула громко: „Сережа!“ Он остановился, поднял голову, улыбнулся и слегка помахал рукой. Конвоир запретил им стоять <...>. На следующий день всю эту группу во дворе фотографировали. Хозяй-

ку, матрону очень неприятного вида, усадили в середине. Есенин стоял сбоку. Через некоторое время меня с группой товарищей увезли в Новосибирск».

Минувшее, 7, 56.

Апрель, 9. В газете «Известия» (№ 76) объявляется о проведении (10 апреля) в помещении клуба Всероссийского союза поэтов (Тверская, 18) общего собрания действительных членов Союза.

Как один из членов Союза, на собрании должен был присутствовать Есенин.

Сведения о его участии в мероприятии не выявлены.

Апрель, 10. Т.Мачтет записывает:

«...Мои же друзья прут на Парнас и платятся жестоко, как В.Г.<Шершеневич>.<...> Одни, как он, например, фрондируют, Есенин колотит Соколова, Адалис совершает в 40000 растрату, другие прямо открыто воруют и надувают кишащую в кафе публику».

Дневник Мачтета, карт. 7, ед. хр. 2, л. 59 об.

В Харькове (зал Общественной библиотеки) проводится вечер «Ассоциации вольнодумцев», где читается «Исповедь хулигана» Есенина.

Событие устанавливается по отклику:

«Вечер „Ассоциации вольнодумцев“ (10-го апреля) вызвал много шуму. В очень значительной по своим заданиям дискуссии Губсовпрофа о художественной политике Всеукраинского Худсектора одно мнимое сочувствие его руководителя этой страшной ассоциации вменялась ему чуть ли не в государственное преступление <...>.

Для публики, переполнившей небольшой зал Общественной библиотеки, так и осталось неясным, что такое эта ассоциация, какова ее платформа, почему в нее вошли имажинисты, почему по стилю и духу своей музыки с ней связаны яркий оригинальный композитор Прокофьев и наш харьковский Шиллингер.

Особенной пустотой и фельетонной развязностью отличался доклад тов. Гатова об имажинизме, также ничего не объяснивший публике, ибо нельзя же в „образе, поросшем ритмом“ и в „ведении“ поэта находи<ть> специфические особенности имажинизма, так как эти „особенности“ присущи всем поэтам мира от царя Соломона до... Есенина.

Читавшиеся стихи были в большинстве случаев интересны, а „Исповедь хулигана“, если отбросить в ней два неприличных стиха, местами очаровательна по искренности ее лиризма и интересна по замыслу <...>.

Нельзя же каждый маленький и очень сомнительный „изм“ возвеличивать до мирового события в жизни искусства. Но не следует и смешивать их с грязью».

Газ. «Пролетарий», Харьков, 1921, 23 апр., № 78; статья под названием «О вечере „вольнодумцев“» (подпись: Б.Х.С.).

Апрель, 12. Газета «Известия ТуркЦИК» (№ 78) публикует объявление:

«ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЮЗ ПОЭТОВ
12 апреля в зимней
«ХИВЕ»
КОРОБЕЙНИКИ СЧАСТЬЯ

Илеаусинизм <так!> — новое слово в искусстве, — скажет поэт Георгий Светлый.

В дискуте <так!> участвуют представители разных течений. Иллюстрация стихов российских имажинистов в исп<олнении> артистов».

Несомненно, вечер был организован при участии Г.Светлого, который знал о скором приезде в Ташкент имажиниста Есенина.

Появление в афише слова «илеаусинизм», по мнению С.И.Зинина, можно объяснить тем, что «организаторы решили пооригинальничать, чтобы привлечь внимание публики, а возможно, типографские работники не смогли разобрать новое слово „имажинизм“» (Зинин, 81–82).

Апрель, 14. В № 80 «Известий ВЦИК» публикуется письмо А.В.Луначарского, свидетельствующее об изменении его отношения к имажинистам:

«Довольно давно уже я согласился быть почетным председателем Всероссийского союза поэтов, но только совсем недавно смог познакомиться с некоторыми книгами, выпускаемыми членами этого союза. Между прочим, с „Золотым кипятком“ Есенина, Мариенгофа и Шершеневича.

Как эти книги, так и все другие, выпущенные за последнее время так называемыми имажинистами, при несомненной талантливости авторов, представляют собой злостное надругательство и над собственным дарованием, и над человечеством, и над современной Россией.

Книги эти выходят нелегально, т. е. бумага и типографии достаются помимо Гос<ударственного> издательства незаконным образом. Главполитпросвет <см.: 30 марта 1921> постановил расследовать и привлечь к ответственности людей, способствовавших появлению в свет и распространению этих позорных книг.

Так как союз поэтов не протестовал против этого проституирования таланта, вываляннного предварительно в зловонной грязи, то я настоящим публично заявляю, что звание председателя Всероссийского союза поэтов с себя слагаю. А. Луначарский».

Гельсингфорсская «Новая русская жизнь» (№ 84) печатает рецензию С.С.Ольденбурга на книги I–II журнала «Русская мысль»:

«В статье г. Петроника, посвященной „Идее родины в советской поэзии“, доказывается на ряде примеров, что наиболее выдающиеся из формально „приявших большевизм“ поэтов проникнуты на деле пламенной верой в Россию и пишут о ней, а не об „Интернационале“, „пролетариате“ и т. д.

Это верно, пожалуй, для цитируемых поэтов – Блока, Белого, Есенина, Клюева; но скорее относится к поэзии 1918 г., а не 1919–20 годов».

См.: до 20 марта 1921.

Апрель, 15. На очередном заседании правления Всероссийского союза писателей слушаются сообщения Г.Г.Шпета об аресте Есенина и А.Б.Мариенгофа и А.М.Эфроса об аресте К.А.Липскерова.

Правление поручает А.М.Эфросу «ходатайствовать» по существу дела.

Протокол заседания правления Всероссийского союза писателей от 15 апреля 1921 г. (ИМЛИ, ф. 157, оп. 1, ед. хр. 3, л. 18–18 об.; указано А.Ю.Галушкиным).

Скупая протокольная запись не дает никакой информации относительно того, когда, где, какими органами был осуществлен арест Есенина и А.Б.Мариенгофа. Заседание правления не носило чрезвычайного характера. На нем, помимо упомянутого вопроса, рассматривалось заявление общества «Литературный особняк» об «изгнании его из Дома печати», сообщение о несостоявшейся дуэли О.Мандельштама с В.Шершеневичем. Какие-либо другие сведения о происшествии с поэтами в материалах Всероссийского союза писателей не обнаружены. Из достоверных источников также известно, что в списках лиц, «арестованных и освобожденных по делам ЧК» за 1921 год, сведений об аресте С.А.Есенина и А.Б.Мариенгофа не имеется. В действительности это могло быть кратковременным задержанием.

Относительно сообщения Г.Г.Шпета об аресте Есенина и А.Б.Мариенгофа существуют три предположения:

– задержание органами ВЧК поэтов на квартире З.П.Шатовой для последующего выяснения мотивов их нахождения там – версия С.И.Субботина (см.: после 8 … до 15 апр. или 12 … 19 июня 1921);

– расследование органами ВЧК якобы противоправной деятельности Есенина и А.Б.Мариенгофа по печатанию книг без разрешения Госиздата (см.: до 16 или до 17 апр. 1921);

– неизвестный на сегодняшний день конфликт Есенина и А.Б.Мариенгофа с правоохранительными органами.

Сведения о том, как исполнял (и исполнял ли) А.М.Эфрос поручение правления Всероссийского союза писателей, не выявлены.

Во французском журнале «La Revue de France» (Париж, том 1) публикуется статья Е.Извольской (Hélène Iswolsky) «Мистическая литература в стране большевизма» («La littérature mystique au pays du bolshewisme <sic!>»), где говорится о Есенине.

Сообщено М.Никё (Франция).

См.: до 2 апр. 1922 (с. 299).

Апрель, до 16 или **до 17.** Есенин работает над второй главой («Бегство калмыков») драматической поэмы «Пугачев».

Граница события устанавливается по воспоминаниям А.Б.Мариенгофа (см. ниже) с учетом времени отъезда Есенина в Туркестан (см.: 16 или 17 апр. 1921) и информации о том, что последующие главы были написаны уже вне Москвы (см.: после 16 или 17 апр. – до 11 июня 1921).

В черновике глава не имела названия. Оно появилось во время работы поэта над окончательным текстом поэмы (см.: после 30 авг 1921).

Поскольку «вторая и третья глава первоначально были обозначены как „Второе действие“» (Шубникова-Гусева, 130), не исключено, что дописывание второй главы могло идти параллельно с работой над третьей главой.

Расследование органами ВЧК нарушений, допущенных Есениным и А.Б.Мариенгофом при издании своих книг.

Событие устанавливается по докладу сотрудников Наркомата рабоче-крестьянской инспекции о результатах обследования издательской и книготорговой деятельности имажинистов и Всероссийского союза поэтов (см.: 31 мая 1921). В нем говорится об информировании Госиздатом ВЧК о серьезных нарушениях, допущенных Есениным и А.Б.Мариенгофом, издавшими без разрешения два сборника – „Исповедь хулигана“ и „Развратничаю с вдохновением“ (см.: после 13 янв. 1921), – и последовавшем за этим разбирательством в ВЧК. Граница события определяется временем совместного пребывания Есенина и А.Б.Мариенгофа в Москве (после возвращения последнего из поездки в Крым и до отъезда Есенина в Туркестан).

Есенин пишет А.М.Сахарову:

«Москва, апрель 1921 г.

Милый Сакша!

Привет тебе и целование. Друг мой любезный, сделай все, что возможно, с моей книгой, только по другому плану. Издай только стихи, а поэмы выкинь. Потому что они выходят на днях здесь. Озаглавь „Ржаные кони“. Книга первая. Я еду в Ташкент, в мае вернусь. Что тебе нужно, накажи — я привезу.

Любящий тебя *С.Есенин*».

Есенин, VI, 119–120, 486–487.

Граница события определяется по времени отъезда Есенина в Туркестан.

Верстка невышедшего сборника «Ржаные кони», но составленного не из стихов, а из поэм, сохранилась (см. Приложение). Проект, изложенный в этом письме, не осуществился.

Издательство «Имажинисты» выпускает книгу В.Шершеневича «Кому я жму руку» (на обл.: «Шершеневич жмет руку кому»).

Датируется по объявлению о выходе книги в рижской газете «Новый путь» (1921, 16 апр., № 61); его перепечатку см.: газ. «Руль», Берлин, 1921, 24 апр., № 132.

Есенин, по всей вероятности, успел познакомиться с содержанием книги до отъезда в Туркестан.

В этой книге Шершеневич не пытается представить творчество Есенина, Кусикова, Мариенгофа и Ивнева как подчиненное единому, всеми ими признаваемому, канону. Имажинисты, по его мнению, индивидуальны в своем творчестве. Отстаивая свою правоту, в своем кругу они говорят друг другу и неприятные вещи: «...мы иногда указываем один другому ошибки и промахи». В книге раскрываются самые характерные отличительные черты творчества каждого из поэтов.

Ее раздел о Есенине выполнен в форме открытого письма, адресованного «в град ИНОНИЮ. Улица Индикоплова. Сергею Александровичу Есенину».

Прежде чем самому высказаться о Есенине, автор разбирает высказывания критиков:

«При всех твоих достоинствах всегда указывается на один недостаток — близость с имажинистами. Прямо какое-то бельмо на глазу у всех твой имажинизм. И талантливый, и гениальный, и необыкновенный, только имажинист! Словом: „Хороши наши ребята, только славушка дурна“.

Другим не нравится то, что Есенин — богоборец дурного стиля. Как дешево! Такой талантливый и уже богоборец!

Третьим <...> не нравится, что ты молишься Богу. Помилуйте, такой талантливый и уже богоискатель».

Далее Шершеневич разъясняет:

«Всё это происходит, конечно, потому, что все видят своего Есенина, а не есенинского Есенина. Самой твоей характерной чертой является строительство нового образа, поскольку он помогает строительству нового мира, хотя бы мира не существующего <...>. Замечательно, что даже глагол у тебя бывает только в будущем времени. Глагол настоящего времени и прошедшего ты употребляешь очень редко. Это твое заглядывание в будущее и объясняет как раз то, чего не понимают критики. Ты меньше всего поэт настоящего, а как поэт будущего столетия ты видишь то, чего они не видят.<...> А всем этим твоим друзьям Рогачевским, Разумникам и пр. пр. <...> объясни по-товарищески, что вовсе не испортился ты внезапно. Просто развиваешься, крепнешь, и все те черты, которые у тебя намечались в молодости, сейчас стали четче. А что они, эти самые критики, раньше не замечали, так это за счет их умственных способностей и устройства мозгового глазного яблока».

Весьма вероятно, что книга В.Шершеневича послужила Есенину толчком для раздумий о собственном пути к имажинизму и своей роли в нем. Косвенным подтверждением этого являются беседы Есенина с А.Ширяевцем (см.: 25 мая 1921) и письмо к Иванову-Разумнику (см.: 13 ... 29 или 14 ... 29 мая 1921).

Апрель, до 16 или **до 17,** или **Июнь, после 12 ... Октябрь, до 10.** Есенин знакомится с О.С.Смирновым, работником Мастерской коммунистической драматургии (Маскомдрамы).

Нижняя граница события определяется по воспоминаниям О.С.Смирнова (в изложении О.Л.Бишарева) временем начала работы мемуариста в Маскомдраме (апр. 1921) с учетом отъезда Есенина в Туркестан; верхняя граница – по дате зачисления О.С.Смирнова на работу в качестве порученца Г.Р.Колобова (см. ниже).

О.Л.Бишарев приведет в своей книге рассказ О.С.Смирнова:

«Работая в Маскомдраме, естественно, посещал кафе „Стойло Пегаса“, где с интересом слушал выступления Есенина <…>.

Мариенгоф пригласил меня к себе домой. Жили они с Есениным в небольшой комнатке в Богословском переулке. Там я познакомился с Сергеем Есениным, который играл со щенками. До сих пор перед глазами у меня эта сцена: Есенин осторожно брал щенков в руки, гладил их, чему-то улыбался, что-то нашептывал им на ухо».

Бишарев О.Л. Тайна Сергея Есенина. М.:ИНКОМ, 1993, с. 44.

Есенин и А.Б.Мариенгоф рекомендуют О.С.Смирнова Г.Р.Колобову в качестве порученца для поездок в его спецвагоне.

Позднее О.Бишарев воспроизведет воспоминания О.С.Смирнова:

«После нашего знакомства прошло не так много времени, и вот однажды вечером у Страстного монастыря смотрю – навстречу идет Есенин <…>:

– Олежа, не хотел бы ты поехать в Тифлис? Порученец Колобова, дурак, женился и не может больше ездить в длительные командировки. „Почем Соль“ просил нас рекомендовать ему „своего парня“ <…>.

На следующий день, в точно назначенный час, я появился на Богословском, где Есенин и познакомил меня с Колобовым <…>.»

После выполнения поручений Колобова О.С.Смирнов принимается на работу:

«Так я стал порученцем у Колобова. В трудовой книжке у меня появилась запись: „10 октября 1921 года принят на службу к Уполномоченному Высшего Совета перевозок при Совете труда и Обороны и назначен состоящим для поручений“».

Бишарев О.Л. Тайна Сергея Есенина. М.: ИНКОМ, 1993, с. 44–45.

Апрель, 16. Есенин вместе с Г.А.Бениславской и Я.М.Козловской посещает «Лавку поэтов» в Камергерском переулке.

Сообщает, что в этот день уедет в Туркестан.

Датировка события устанавливается по воспоминаниям Г.А.Бениславской и по их интерпретации П.И.Тартаковским (Тартаковский, 11). Анализируя метеорологические данные за апрель, он установил, что 16 апреля наблюдался аномальный скачок температуры, что согласуется с воспоминаниями Г.А.Бениславской (см. ниже). Действительно 15 апреля была зафиксирована температура минус 0,2 градуса. На следующий день она поднялась до плюс 20,9 градуса. 17 апреля была зафиксирована максимальная для этого месяца температура плюс 21,3 градуса. Других таких же внезапных переходов от мороза к жаре, отмечает П.И.Тартаковский, в апреле 1921 г. не наблюдалось. Это подтверждается данными измерений дневных температур а апреле. Средняя температура воздуха с 5 по 25 апреля в градусах изменялась следующим образом: 6,9; 6,8; 4,3; 6,3; 5,6; 6,0; 9,7; 9,8; 11,7; 10,2; **7,2; 12,9; 16,2;** 16,2; 16,2;14,2; 13,9; 15,3; 13,6; 14,5; 14,6. Здесь жирным шрифтом выделен аномальный скачок температур 15–17 апреля (Метеорологическое обозрение Европейской России. Главная физическая лаборатория. 1921 г., апрель).

Г.А.Бениславская вспомнит об этом дне:

«Как-то раз Яна достала какие-то газеты. Передали их Е. (Мы по-прежнему всегда ходили вместе – таким образом легче было скрыть правду наших отношений с С.А.). Заходим за этими газетами. Оказывается, Мариенгоф передал их Шершеневичу. Мы рассердились, т. к. газеты были нужны. Е. погнал Мариенгофа к Вадиму Габр<иэлевичу>. Потом оделся и вместе со мной и Яной пошел туда же. Это был первый ласковый день после зимы. Вдруг всюду побежали ручьи. Безудержное солнце. Лужи. Скользко. Яна всюду оступается, скользит и чего-то невероятно конфузится; я и С. А. всю дорогу хохочем. Весна – весело. Рассказывает, что он сегодня уезжает в Туркестан. „А Мариенгоф не верит, что я уеду“. Дошли до Камергерской лавки.

Пока Ш<ершеневич> куда-то ходил за газетами, мы стоим на улице у магазина. Я и Яна – на ступеньках, около меня С. А., подле Яны – А<натолий> Б<орисович>. Разговаривали о со-

ветской власти, о Туркестане. Неожиданно радостно и как будто с мистическим изумлением С. А., глядя в мои глаза, обращается к Анат<олию> Бор<исовичу>: „Толя, посмотри, – зеленые. Зеленые глаза“».

Материалы, 26.

Рижская газета «Новый путь» (№ 61) помещает информацию о работе Есенина над «Пугачевым»:

«Сергей Есенин работает над стихотворной пьесой „Пугачев“. Это, кажется, первая дань поэта драматургии».

Перепечатку заметки см.: газ. «Руль», Берлин, 1921, 24 апр., № 132.

Апрель, 16 или **17.** Есенин выезжает из Москвы в Туркестан.

Нижняя граница события определяется по воспоминаниям Г.А.Бениславской о последней перед отъездом Есенина встрече с ним (см. предыд. запись); верхняя – с учетом ее замечания:

«Но в Туркестан все-таки уехал – подумала я через день <т. е. 18 апреля>, узнав, что его уже нет в Москве».

Материалы, 26.

Таким образом, днем отъезда могло быть и 17 апреля. А.Б.Мариенгоф, как вспоминала Г.А.Бениславская, полагал, что 16 апреля Есенин не уедет.

Есенин выехал из Москвы в «специальном» вагоне Г.Р.Колобова, уполномоченного Трамота (Транспортно-материального отдела) ВСНХ и эвакуационной комиссии Совета обороны, старшего инспектора Центрального управления материально-технического отдела Наркомата путей сообщения. Кроме Г.Р.Колобова и Есенина, в вагоне ехал некий «инженер Лева».

Апрель, после 16 или **после 17 – Июнь, до 11.** Есенин в течение всей поездки в Туркестан работает над драматической поэмой «Пугачев».

Шубникова-Гусева, 131.

Завершает третью («Осенней ночью») и четвертую («Происшествие на Таловом умёте») главы «Пугачева».

Название третьей главы будет дано позднее (см.: после 30 авг. 1921). Возможно, параллельно с работой над этой главой Есенин дописал вторую главу (см.: до 16 или до 17 апр. 1921).

Во время написания третьей и четвертой глав Есенин, путешествуя по пугачевским местам, мог быть свидетелем не только страшного голода, но и происходивших там карательных экспедиций против восставших крестьян. В это время наблюдался всплеск крестьянского повстанческого движения в Самарской губернии.

Известно, что летом 1921 года там действовало 22 отряда с общим количеством сабель 5685, в том числе и так называемая Первая народная революционная армия Охранюка-Черского (Сб. «Крестьянская революция в России. 1902–1922. Документы и материалы. Под ред. В.Данилова и Т.Шанина». М.: РОССПЭН, 2002, с. 710–711, 726).

«Живые впечатления определили тяжелую трагическую атмосферу написанных во время поездки по пугачевским местам глав. Получилось так, что текст поэта вольно или невольно передавал чувства автора, вызванные крестьянскими восстаниями 20-х годов» (Шубникова-Гусева, 131).

Приступает к работе над пятой главой «Уральский каторжник» и, возможно, ее заканчивает.

Глава получила название в окончательном тексте (см.: после 30 авг. 1921).

А.Б.Мариенгоф в «Романе без вранья» расскажет о перебранке Г.Р.Колобова с Есениным, где упоминается пятая глава «Пугачева»:

«Вечером „Почем-Соль“ сетовал:

— Не поеду, вот тебе слово, в жизни больше не поеду с Сергеем... Весь вагон забил мукой и кишмишем. <...> Из вагона уполномоченного гомельскую лавочку устроил...

— Скажи пожалуйста <...> А то, что я в твоем вагоне четвертую и пятую главу „Пугачева" написал, это что?.. Я тебя, сукина сына, обессмерчиваю, в вечность ввожу... а он — „урюк! урюк!"».

Мариенгоф, 111.

Апрель, 18. Коллегия Народного комиссариата по просвещению утверждает Положение о Главном художественном комитете (Глахком) Наркомпроса, учреждаемого «в целях объединения и руководства всей художественной жизнью Республики, согласно требованиям марксистской коммунистической идеологии».

ГАРФ, ф. А2306, оп. 1, ед. хр. 634. л. 51.

Председателем Глахкома 26 мая 1921 года назначается П.С.Коган.

Во время обсуждения во Всероссийском союзе писателей прозаического произведения В.Г.Шершеневича «Электрический Арлекин» автор от лица имажинистов критикует существующий режим:

«То, что сейчас у нас происходит, оценивается мною как торжество мирового обывателя. Обывательщина и в нашей „диктатуре пролетариата", которая по существу ничем не отличается от тирании 30-и в Афинах <...>

Что касается до „трехфазного тока" <термин, использованный одним из выступавших>, то нам, имажинистам, а мне в особенности, это очень хорошо знакомо: с одной стороны Госиздат, с другой Народный суд, с третьей — Луначарский. Отсюда мне прямая дорога — на Лубянку!».

РГБ, ф. 653, карт. 4, ед. хр. 3, л. 10 об. — 11 (в изложении И.Н.Розанова).

См. также: 24 марта 1922.

Апрель, 21. Калужская газета «Коммуна» (№ 84) публикует анонимную рецензию на книгу В.Л.Львова-Рогачевского «Поэзия новой России» (1919):

«В книжке Львова-Рогачевского мы имеем интересную попытку подвести итоги тому, что уже создано новыми русскими поэтами, поэтами из рабочих и крестьян, поэтами сегодняшнего дня <...>

Дается анализ творчества поэтов-крестьян Клычкова, Клюева, Орешина, Есенина, затем более подробно автор останавливается на творчестве поэтов-рабочих, — Гастева, В.Кириллова, Самобытника и др. <...>

Наконец, автор предостерегает молодых поэтов от увлечения имажинизмом и тому подобн<ыми> современ<ными> течениями, ничего общего с пролетарск<ой> поэзией не имеющими, но которые уже успели соблазнить некоторых молодых поэтов, в том числе такого многообещающего, как С.Есенин».

Апрель, 24. На заседании Общества любителей художественного слова Н.Н.Фатов предлагает избрать членами общества Есенина и В.В.Маяковского.

Событие устанавливается по записи И.Н.Розанова от того же числа:

«После обеда <...> прямо на заседание О<бщества> л<юбителей> х<удожественного> сл<ова>. <...> Закрытое заседание. Фатов заговорил о желании выбрать членами Есенина и Маяковского. „Громовая“ отповедь Бродского по поводу Маяковского».

Дневник Розанова, ед. хр. 5, л. 53.

Сведения о решении поставленного вопроса не выявлены.

Берлинская газета «Руль» (№ 132) в рубрике «Новости советской литературы» дублирует сообщение рижской газеты «Новый путь» о работе Есенина «над стихотворной пьесой „Пугачев“».

См.: 16 апр. 1921.

Харбинская газета «Вперед» (№ 337) в рубрике «Хроника культуры», сообщая об изданиях в России, в частности, пишет:

«Совсем плохо издан В.В.Маяковский. Его сборник «Всё <сочиненное Владимиром Маяковским>» отличается всеми недостатками плохого издания. Такова и книга Сергея Есенина “Трерядица <так!>”».

Апрель, 24, 27 и 29. Берлинская газета «Новый мир» (№ 70, 72 и 74) печатает объявление о выходе и поступлении в продажу № 3 журнала «Русская книга» с полной характеристикой содержания всех его семи отделов:

«1. Общие статьи.

Русская поэзия за последние три года. – А.С.Ященко. „Пролетарские“ поэты – Михаил Герасимов и др. Поэты разложившегося символизма. – Маяковский, Мариенгоф, Шершеневич и др. Поэты мужицко-хлыстовской революции: Клюев, Есенин и др.

А.Блок, Андрей Белый, Ю.Балтрушайтис, В.Брюсов, В.Иванов, М.Волошин»

См.: до 31 марта 1921.

См. Приложение.

Апрель, до 25 (?). На пути в Самару служебный вагон, в котором ехал Есенин, отцепляется от поезда, и поэт почти весь день проводит на станции Рузаевка.

Зинин, 29.

«Было это <...> в конце апреля 1921 г. Из Москвы прибыл поезд со служебным вагоном наркомата путей сообщения. Прибывший поезд дальше должен был следовать на Пензу. Но пензенская ветка с сильным подъемом. Поэтому, видимо, служебный вагон отцепили и поставили в тупик у товарной конторы, а поезд проследовал своим путем с помощью толкача на Пензу. Служащий товарной конторы Сергей Федорович Обухов, часто бывавший перед этим в Москве, узнал среди вышедших из вагона Сергея Есенина. Он-то и сообщил на вокзале, что в Рузаевке известный поэт... Рассказывали, что поэт побывал в депо, на вокзале, в телеграфе отправил в Москву телеграмму <неизвестна>, охотно вступал в разговоры с местными жителями <...>, интересовался <...> местами, где бывал Пугачев... Вечером того же дня вагон Есенина был прицеплен к поезду, который следовал по сызранской дороге на Самару».

Котлов А.А. Есенин и Мордовия. Саранск, 1977, с. 11; Зинин, 29–30.

Апрель, 26. Самарская газета «Коммунист» (№ 706) публикует рецензию на журнал «Понизовье» (№ 1–3, за январь – март; подпись: Каллимах), где, в частности, утверждается:

«М.Герасимов вдруг обратился к той самой „разнеженной природе“, от которой он отрекся в „Железных цветах“ и здесь не нашел <ни> собственных слов, ни ритмов, а перепевает Есенина, упражняясь одновременно в имажинизме».

Рижская газета «Новый путь» (№ 69) в заметке «Литературная жизнь Москвы (от нашего московского корреспондента <Э.Германа?>)», в частности, сообщает:

«Литературные среды московского Дома печати привлекают много публики <...>. Шумными диспутами закончились вечера Сергея Есенина <см.: 9 марта 1921> и В.Каменского <6 апр. 1921>.

Оживился за последнее время Клуб Всероссийского союза поэтов <...>. Состоялись вечера С.Есенина <см.: 24 марта 1921>, М.Цветаевой <15 марта 1921> и др. Открывшееся недавно <возможно, после ремонта> кафе поэтов-имажинистов „Стойло Пегаса“ <...> пока бездействует».

Перепечатки см.: газ. «Новый мир», Берлин, 1921, 5 мая, № 79; газ. «Свободное слово», Ревель, 1921, 11 мая, № 19.

Апрель, 26 или **27.** Есенин прибывает в Самару.

Датируется путем сопоставления информации, содержащейся в письме Есенина А.Б.Мариенгофу (см.: 28 или 29 апр. – 5 мая 1921): 1) «Сейчас сижу в вагоне и ровно третий день смотрю из окна на проклятую Самару»; 2) «Прошло еще 4 дня с тех пор, как я написал тебе письмо <основной текст письма>, а мы еще в Самаре»; 3) «Еще через день. Был Балухатый» с учетом того, что в день прихода к Есенину С.Д.Балухатый получил от поэта книги с датированными дарственными надписями (см.: 5 мая 1921).

Расширение границ события (до двух дней) вызвано тем, что неизвестно, входил ли день приезда в число тех дней, о которых Есенин написал: «...третий день смотрю из окна...».

Апрель, 27. Т.Мачтет получает письмо от Д.Самсона (Д.А.Самсонова) из Петровска (Саратовская губ.) с просьбой посодействовать в получении стихов от Есенина для издающегося там коллективного сборника «Плетень».

Дневник Мачтета, карт. 7, ед. хр. 3, л. 23.

Из-за отъезда Есенина из Москвы Т.Мачтет вряд ли мог тогда выполнить просьбу Д.Самсона. Сборник вышел без стихов Есенина, но с информацией о деятельности имажинистов (см.: после 12 июня ... до 4 августа 1921).

Апрель, 28 или **29 — Май, 5.** Есенин пишет письмо в Москву А.Мариенгофу:

«...Сейчас сижу в вагоне и ровно третий день смотрю из окна на проклятую Самару <...> Еду я, конечно, ничего, не без настроения все-таки, даже рад, что плюнул на эту проклятую Москву. Я сейчас собираю себя и гляжу внутрь. Последнее происшествие меня-таки сильно ошеломило. Больше, конечно, так пить я уже не буду, а сегодня, например, даже совсем отказался, чтоб посмотреть на пьяного Гришку. Боже мой, какая это гадость, а я, вероятно, еще хуже бывал. <...> В общем, поездка очень славная! Я и всегда говорил себе, что проехаться не мешает, особенно в такое время, когда масло в Москве 16–17, а здесь 25–30. <...> ...с Гришкой ездить очень весело. <... >

P. S. Прошло еще 4 дня с тех пор, как я написал тебе письмо, а мы еще в Самаре.

Сегодня с тоски, то есть с радости, вышел на платформу, подхожу к стенной газете и зрю, как самарское лито кроет имажинистов. Я даже не думал, что мы здесь в такой моде. От неожиданности у меня в руках даже палка выросла, но за это, мой друг, тебя надо бить по морде.

Еще через день.

Был Балухатый <см.: 5 мая 1921>, рассказал очень много интересного. Он собирается в Петербург. Я просил его зайти к тебе. Приюти его, возьми рукописи и дай денег».

Есенин, VI, 120, 487–489.

Рамки события уточняются с учетом записей от 26 или 27 апр. 1921 (см.) и 5 мая 1921 (см.).

Н.Г.Юсов считает возможной задержку Есенина в Самаре до 7–8 мая («Есенинский вестник: Издание Государственного музея-заповедника С.А.Есенина. Выпуск третий», [Рязань, 1994,] с. 27).

Апрель, 30. Парижская газета «Общее дело» (№ 289) в разделе «Литературные вести из Совдепии» публикует информацию о работе Есенина над «Пугачевым».

Апрель. В разговоре А.А.Блока с А.И.Тиняковым заходит речь об «Исповеди хулигана» Есенина:

«...мы сразу заговорили о современной поэзии и ее упадке. Ал<ексанр> Ал<ександрович> был настроен мрачно, смотрел на меня безнадежно, и когда я попытался указать как на некое все же выделяющееся явление на „Исповедь хулигана“ Есенина и кое-что процитировал оттуда, Ал<ександр> Ал<ександрович> встретил мои цитаты ироническим смешком».

ЛН, т. 92, М., 1982, кн. 3, с. 133.

Апрель, не ранее. Левоэсеровский общественно-политический и литературно-художественный двухнедельный журнал «Грядущее» (Владивосток, № 1, за апрель) печатает стихотворение Есенина «Дождик мокрыми метлами чистит...» <«Хулиган»>.

Скорее всего, журнал вышел 5 или 20 апреля. Именно по этим числам и планировалось его выпускать (газ. «Дальневосточная трибуна», 1921, 17 марта, № 39).

Возможно, инициатором публикации есенинского стихотворения выступил А.С.Залужный, бывший редактор киевской газеты «Борьба», который планировал выпускать в Киеве журнал «Грядущее» (см.: Летопись, 2, 265). Прибыв по командировке Наркомпроса во Владивосток, он, по-видимому, активно включился в подготовку издания нового левоэсеровского журнала, реализуя свой неосуществленный проект.

См. вступительную статью Я.В.Леонтьева к публикации текстов Н.Н.Асеева и Иванова-Разумника (журн. «Литературное обозрение», 1996, № 5–6, с. 7).

Там же – статья Н.Н.Асеева «Третья смена: Обзор русской литературы 1917–1921 гг.» (подпись: Н. А.):

«...Третья смена идет на тяжелый пост служения русской речи. Их пароль „Жизнь“, их лозунг „Будущее“.

В противовес им <пролетарским писателям и поэтам>, менее выявляющийся, но многочисленнейший и экономически сильнейший класс крестьянского быта стимулировал появление в литературе иных имен, в числе которых — Клюев, Есенин, Клычков, Н.Эрдман, А.Ганин, А.Кушков <Кусиков>, Мариенгоф и др.

Третья же смена поколения эпохи несет иные методы и приемы творчества. Ярче других они выражены в творчестве Маяковского, создавшего за время революции немало вещей огромной силы и яркости <...>

За ним идет выдвинувшийся в первые ряды поэт С.Есенин, выпустивший поэмы: „Товарищ", „Инония", книги стихов „Голубень", „Трерядница" и др.».

В Латвии критик К.Йокумс (K.Jokums) публикует в № 4 журнала «Красная Звезда» («Sarkana Zvaigzne») статью «Молодое искусство „левого направления"» («Jaunas mākslas „kreisais" virziens»), где много внимания уделяется поэзии Есенина.

Автор подробно цитирует книгу И.В.Грузинова «Имажинизма основное» (см.: до 9 февр. 1921), разбирает коллективный сборник стихов Есенина, А.Мариенгофа, В.Шершеневича «Плавильня слов». Из есенинских произведений в этом сборнике критика привлекли стихотворения «О Боже, Боже, эта глубь...» и «Душа грустит о небесах...», которые оцениваются как безыдейные и бессодержательные. Цитируя эпатажные строки Есенина из «Исповеди хулигана», Йокумс говорит о трансформации крестьянского поэта в скандального имажиниста.

Сообщено Э.Б.Мекшем.

Май, 3. Есенин на платформе вокзала читает газету (скорее всего, выпуск Самарского РОСТА) с материалом, содержащим резко негативную оценку имажинистов местным Лито.

Событие и его дата устанавливаются по письму Есенина А.Б.Мариенгофу (см.: 28 или 29 апр. – 5 мая 1921) с учетом того, что после этого чтения «Еще через день» наступило 5 мая 1921 (см.).

Возможно, Есенин познакомился с текстом выступления П.Ярового (Ф.Е.Комарова) на собрании самарского Лито. Этот текст, по-видимому, сначала был помещен в газете РОСТА, а затем в № 1–3 петроградского журнала «Грядущее» (см.: после 28 мая 1921) под названием «Через содержание к технике, через технику к массам» с пометой о предварительном чтении доклада в самарском Лито:

«Я это говорю по адресу футуро-имажинистов, которые прикрывают свою сущность, свое ковырянье в собственном бездушье фиговым листом исканий формы, чем и хотят поразить мир. Что они индивидуалисты до мозга костей, что между мастером футуро-имажинистом и массой непроходимая пропасть, что поэзия мастеров школы „новых течений" не жизненна <...> этого доказывать почти не нужно – стать впереди авангарда трудящихся масс они не могут никогда <...>.

И я прав, если скажу <...>, что футуро-имажинисты – словоблудники, пишут с потолка, справляют праздник галлюцинаций <...>.

Футуро-имажинистов читает и слушает осколок интеллигентской группы, часть из любопытства, часть сочувствуя, но не совсем-таки понимая. И то, что они пишут почти только для самих себя, говорит о их крайнем индивидуализме».

Есенин делает дарственную надпись на книге «Исповедь хулигана» устроителю литературного вечера поэта в Самаре С.Н.Любимову:

«Сереже Любимову. В знак приятного знакомства Сережа Есенин. 1921. Самара май 3».

Есенин, VII (1), 140, 454.

См. также: Юсов-96, с. 317 (факсимиле надписи).

Берлинская газета «Новый мир» (№ 77) печатает объявление о выходе и поступлении в продажу № 3 журнала «Русская книга» с упоминанием Есенина.

Текст см.: 24, 27 и 29 апр. 1921.

Май, 3 (?), или Май, после 3 (?) ... до 6 или до 7. Авторский вечер Есенина в клубе железнодорожников, устроенный С.Любимовым.

Событие устанавливается из записанной А.Л.Казаковым беседы с родственниками С.Н.Любимова, от которых он получил фотокопию инскрипта поэта (см.: 3 мая 1921, первая запись), а его рамки – в соответствии с указанной записью и записью от 6 ... 7 мая 1921.

С.И.Зинин считает, что выступление Есенина было 3 мая (Зинин, 36).

Май, 5. Есенин надписывает литературоведу С.Д.Балухатому книги:

— «Исповедь хулигана»: «Дорогому Сергею Дмитриевичу Балухатому С.Есенин. 1921. май 5»;

— «Трерядница» (1921): «Сергею Дмитриевичу на добрую память. С.Есенин 1921. май 5. Самара».

Есенин, VII (1), 141–142, 454.

См. также: Юсов-96, 318 (факсимиле второй надписи).

Май, 5, 7, 11, 14, 20 и 27. Берлинская газета «Голос России» (№ 651, 652, 655, 658, 662 и 668) сообщает о выходе в свет и о поступлении в продажу выпусков «Общедоступной библиотеки „Книга для всех“» издательства «Мысль» (Берлин), в том числе:

Вып. 2–3. «Поэзия большевистских дней (Блок, Эренбург, Есенин, Каменский, Шершеневич и др.)».

Май, до 6. В издательстве «Скифы» на Дальнем Востоке (Чита) выходит книга Есенина «Исус Младенец: Поэма».

Граница события определяется по объявлению (газ. «Дальневосточная республика», Чита, 1921, 6 мая, № 83).

Обложка книги – иная, нежели в первом (петроградском) издании (см.: 24 ... 26 февр. 1918): название дано по современной орфографии, а рисунок исполнен не по оригиналу художницы Е.Туровой, а по его «зеркальному» отображению.

См. также: 10 мая 1921.

Через несколько месяцев харбинская газета «Русский голос» (1922, 25 янв.; № 451; без подписи) даст такую оценку детским книгам, изданным в Чите:

«Небольшие книжечки содержанием очень бедны, бездарны, но зато иллюстрированы раскрашенными от руки рисунками местных художников футуристического толка. В общем, сказочки – сплошная бездарность и образец убожества местных „компедагогов“».

Май, 6. Читинская газета «Дальневосточная республика» (№ 83, рубрика «Наука, литература и искусство») дает объявление:

«Спор об имажинизме

В воскресенье 8 мая во втором высшем начальном училище в помещении выставки Наробраза устраивается „спор об имажинизме“. Доклады об этом новом течении в поэзии прочтут П.Дрягин и П.Незнамов. Доклады будут иллюстрированы стихами имажинистов В.Шершеневича, С.Есенина, А.Мариенгофа, А.Кусикова, Н.Эрдмана и др.

В качестве оппонентов приглашаются Н.Чужак, А.Ярославский, Ин. Жуков <и др.>».

См.: 8 мая 1921.

Май, 6 ... 7. Есенин выезжает из Самары в Ташкент через Оренбург — Челкар — Казалинск — Кзыл-Орду — Арысь.

Принята датировка, установленная в: Тартаковский, 66. Отъезд Есенина из Самары определяется с учетом лимита времени, необходимого на дорогу до Ташкента (см.: 12 ... 13 мая 1921). Из этих же соображений другой исследователь предлагает дату отъезда: 7 или 8 мая (Зинин, 41).

Май, до 8. Берлинский журнал «Русская книга» (№ 4) помещает объявление о выходе в издательстве «Мысль» (Берлин) сборника: «Книга для всех. № 2–3. Поэзия большевистских дней А.Блока, Андрея Белого, Н.Клюева, С.Есенина и др.».

Граница события определяется по информации берлинской газеты «Голос России» (1921, 8 мая, № 653). См.: 31 окт. 1920; 9 нояб. 1920; 15 ... 30 нояб. 1920; 8, 10, 16 дек. 1920.

Май, 8. В Чите (выставка Наробраза во втором высшем начальном училище) проходит «Спор об имажинизме».

Из отчета:

«Организованный президиумом литературно-художественного общества <...> „спор об имажинизме“ собрал много интересующихся этим новым течением.

После заслушивания стихов находившихся на собрании поэтов П.Незнамов и П.Дрягин сделали доклады об имажинизме. <...>

По мнению первого докладчика, <...> тот, кто интересовался вопросами научной поэтики и несколько знаком хотя бы с трудами Потебни, найдет в последних много общего с теорией имажинистов, — так что эта идеология образа не только не нова, но и в достаточной степени спорна <...>.

П.Дрягин в своем содокладе <...> приходит к выводу, что основное свойство образной речи поэта-имажиниста есть сжатость, краткость и нередко прямая лапидарность. Этой сжатостью и политематичностью образа стих имажинистов напоминает футуристический стих».

Газ. «Дальневосточная республика», Чита, 1921, 10 мая, № 86 (подпись: Р-анс).

Анонсированное в программе вечера (см.: 6 мая 1921) чтение стихов Есенина и других поэтов-имажинистов в отчете не упомянуто.

В № 18 ревельской газеты «Свободное слово» публикуется заметка (без подписи) о работе Есенина над «Пугачевым».

См.: 6 апр. 1921 и 30 апр. 1921.

Май, до 9. Поезд, в котором едет Есенин, делает вынужденную остановку в Бузулуке (Самарская губ.).

Событие и его граница устанавливаются в соответствии с: Зинин, 44.

Начальник связи железнодорожного вокзала Бузулук П.А.Касютин позднее вспомнит:

«Весной 1921 года станция была забита поездами. К нам на телеграф, на второй этаж, пришел мужчина и потребовал отбить телеграмму в Москву, в Наркомпуть, показывая свои бумаги, что они едут в командировку в Среднюю Азию, а их почти на каждой станции, в том числе и у нас в Бузулуке, держат по несколько суток. А пришел он, наверное, от начальника станции. Я им (а он приходил еще с одним своим спутником) пояснил, что не могу предоставить права отправить телеграмму с ведомственного телеграфа, а пусть идут в город. Ходили они или нет, не знаю, но фамилию я запомнил хорошо. Еще он сообщил, что он поэт, говорили о многом, но одно врезалось в мою память. Есенин спросил: „А где Чаган и можно ли туда доехать?“ Мы ему показали из окна второго этажа на идущий от Бузулука до Уральска большак. А вот зачем он спрашивал о Чагане, я до сих пор не знаю».

Цит. по: Зинин, 44–45.

Бузулук мог интересовать Есенина в связи с работой над «Пугачевым» (во времена пугачевского движения часть повстанческих сил находилась в Бузулукской крепости для сбора продовольствия и фуража). Не раз упоминается в поэме и река Чаган.

Май, до 10. Есенин прибывает в Оренбург.

Знакомится с местным художником-краеведом В.И.Максимовым и художником Н.В.Кудашевым и уточняет с собеседниками некоторые исторические сведения о восстании Пугачева.

Совершает прогулку по городу, не уходя далеко от железнодорожной станции.

Заходит в гости к Н.В.Кудашеву, оставляет ему автограф своего стихотворения, написав его на куске ватмана, на котором хозяин дома рисовал акварели (не сохранился).

События и их граница устанавливаются в соответствии с: Зинин, 47.

См. также: *Бураков Л.* Есенин в Оренбурге. — Сб. «Мир Есенина: Спец. вып. по заказу Совета Музея С.Есенина в Ташкенте», 1992, № 4, с. 4.

Май, 10. Читинская газета «Дальневосточная республика» (№ 86) в анонимной заметке «Новые издания» сообщает:

«Дальневосточное издательство „Скифы“ в Чите на днях выпускает еще две детские книжки с иллюстрациями: „Товарищ“ — С.Есенина и „Заяшные сказки“ — А.Ремезова <так!>».

О выходе «Заяшных тибетских сказок» А.М.Ремизова та же газета сообщит 15 июня 1921 г. (№ 302). О книге Есенина «Товарищ» аналогичных сообщений отыскать не удалось; книга неизвестна.

Май, после 10 ... до 12 или **до 13.** На пути в Ташкент через Казалинск Есенин наблюдает жизнь степных кочевников.

Граница события определяется по времени приезда Есенина в Ташкент (см.: 12 или 13 мая 1921).

Этнографические наблюдения Есенина найдут отражение в «Пугачеве» в речи русских казаков, рассказывающих о степи, о кочевниках, их быте и обычаях (Есенин, III, 465, 501–533).

Май, 11. Ревельская газета «Свободное слово» (№ 20) в заметке без подписи «Литературная жизнь Москвы» сообщает о вечерах Есенина в кафе «Домино» и в Доме печати.

Май, 12 ... 13. Есенин прибывает в Ташкент, где его встречает А.В.Ширяевец со своей невестой М.П.Костёловой.

Датируется в соответствии с: Тартаковский, 66.

М.П.Костёлова впоследствии расскажет о своем впечатлении от встречи:

«... помню, как я обомлела перед красавцем в новеньком сером костюме, в шляпе, вся замерла, и очень хотелось потрогать его, дотронуться до живого Есенина. Я ведь работала тогда в <...> библиотеке, много читала и хорошо знала стихи Есенина».

Цит. по: Тартаковский, 96.

О настроении Есенина в те дни В.И.Вольпин напишет в 1926 г.:

«Приехал радостный, взволнованный, жадно на всё глядел, как бы впивая в себя и пышную туркестанскую природу, необычайно синее небо, утренний вопль ишака, крик верблюда и весь тот необычный для европейца вид туземного города с его узкими улочками и безглазыми домами, с пестрой толпой и пряными запахами».

Восп., 1, 424.

Май, 12 ... 18 или **13 ... 18.** Есенин встречает в Ташкенте своего односельчанина К.В.Цыбина.

Верхняя граница события определяется в соответствии с: Зинин, 66.

К.В.Цыбин позднее расскажет:

«Вспоминаю, как он был обрадован, когда мы с ним случайно повстречались в 1921 году на вокзале в Ташкенте. Я в то время уже около двух лет находился в рядах Красной Армии. В момент встречи я направлялся в распоряжение штаба одной из среднеазиатских бригад. Есенин, как он мне объяснил, приехал в Ташкент для выступления на литературных вечерах. Однако побеседовать нам в этот раз долго не пришлось. Когда мы с ним случайно увиделись на платформе вокзала, поезд мой уже отходил».

Цыбин К. Слово школьного товарища. – Сб. «Сергей Есенин: исследования. Мемуары. Выступления». М.: Просвещение, 1967, с. 228.

Происходит встреча Есенина с возвращающимся в Москву из командировки в Ташкент и Самарканд поэтом И.С.Рукавишниковым.

Верхняя граница события дается по: Зинин, 66.

Встреча Есенина с И.С.Рукавишниковым, скорее всего, произошла после возвращения последнего из поездки в Самарканд, где он вместе с секретарем Московского Дворца искусств описывал исторические памятники Востока (Зинин, 68–69).

Беседа с И. Рукавишниковым, возможно, подвигла Есенина на поездку в Самарканд (см.: 30 мая 1921). Были у них и общие темы: Есенин работал над драматической поэмой «Пугачев», а И.С.Рукавишников собирал материал для своих будущих художественных произведений «Степан Разин» и «Пугачевщина» (Зинин, 69).

Май, 13. Б.Ф.Малкин, постоянно помогавший Есенину и другим имажинистам в реализации их книг, освобождается от должности заведующего агентством «Центропечать».

ГАРФ, ф. А2306, оп. 1, ед. хр. 3384, л. 45 об., 60.

Май, 13 ... 20 или 14 ... 20. Есенин и Г.Р.Колобов посещают семью Г.М. и Ю.А.Михайловых (Первомайская, 4), глава которой был другом Г.Р.Колобова.

Верхняя граница события дается по: Зинин, 69.

Сын Г.М.Михайлова В.Г.Михайлов, которому в год приезда Есенина было 22 года, вспомнит позднее:

«Почему Есенин попал в дом моих родителей? Он дружил в Москве с Григорием Колобовым, который тогда по-модному длинно назывался председателем контрольной транспортной фронтово-разгрузочной комиссии. А отец, Гавриил Михайлович, работал начальником транспортного отдела Наркомата Рабоче-крестьянской инспекции Туркреспублики, имел непосредственное отношение к работе транспорта.

Колобов захватил в Среднюю Азию Есенина и еще одного товарища. Фамилии его я не помню. Высокий брюнет с волосами, зачесанными на косой пробор. Он тоже декламировал стихи. (Сестра уверяла, что это Мариенгоф, но я в этом не был уверен).

Придя домой к обеду, я застал всю компанию за столом. Есенин сидел в сером костюме и, как мне казалось, застенчиво поправлял свисавшие на лоб золотистые кудри.

В первую встречу разговор с ним был очень короткий. Он спросил:

— Нравятся Вам мои стихи?

Мой отрицательный ответ его несколько озадачил. Я пошел в свою комнату и вынес ему только что изданную в <Петрограде> книжку стихов Константина Липскерова „Песок и розы“.

И удивительно то, что Есенин сразу обратил внимание на самое мое любимое четверостишие. Он медленно прочел:

Чтоб отчизну любить, надо в далях грустить по отчизне.
Чтоб уста полюбить, прикасаться не надо к ним мочь.
Чтоб в шатре бытия полюбить все сокровища жизни,
Надо шатер приподнять и взглянуть на мгновение в ночь.

— Да, это хорошо, — задумчиво произнес он. — Представляете: темнущая ночь. Шатер в степи. Полог распахнут. Оттуда яркий свет. В проходе стоит человек в шлеме, кольчуге, с копьем и, заслоняя ладонью глаза, всматривается в тьму...

То, что он сказал, было мне близко и понятно».

Цит. по: Тартаковский, 80–81.

Май, 13–24 или **14–24.** Есенин знакомится с узбекской частью Ташкента (Старый город), бытом и обычаями узбеков, мусульманскими обрядами, памятниками древней мусульманской культуры и современным узбекским искусством.

Верхняя граница событий дается по: Зинин, 86.

В.Г.Михайлов вспомнит:

«Старый город Есенину и его друзьям показывала моя сестра Елена (Е.Г.Михайлова <в замужестве Макеева>)».

Тартаковский, 82.

О том, как происходило знакомство Есенина с «живым Востоком», позднее расскажет В.И.Вольпин:

«Он приехал в праздник уразы, когда мусульмане до заката солнца постятся, изнемогая от голода и жары, а с сумерек, когда солнце уйдет за горы, нагромождают на стойках под навесами у лавок целые горы „дастархана“ для себя и для гостей: арбузы, дыни, виноград, персики, абрикосы, гранаты, финики, рахат-лукум, изюм, фисташки, халва... Цветы в это время одуряюще пахнут, а дикие туземные оркестры, в которых преобладают трубы и барабаны, неистово гремят.

В узких запутанных закоулках тысячи людей в пестрых, слепящих, ярких тонов халатах разгуливают, толкаются и обжираются жирным пилавом, сочным шашлыком, запивая зеленым ароматным кок-чаем из низеньких пиал, переходящих от одного к другому.

Чайханы, убранные пестрыми коврами и сюзане, залиты светом керосиновых ламп, а улички, словно вынырнувшие из столетий, ибо такими они были века назад, освещены тысячесвечными электрическими лампионами, свет которых как бы усиливает пышность этого незабываемого зрелища. Толпа разношерстная: здесь и местные узбеки, и приезжие таджики, и чарджуйские туркмены в страшных высоких шапках, и преклонных лет муллы в белоснежных чалмах, и смуглые юноши в золотых тюбетейках, и приезжие „из русского города“, и разносчики с мороженым, мишалдой и прохладительными напитками. Всё это неумолчно шевелится, толкается, течет, теряя основные цвета и вновь находя их, чтобы через секунду снова расколоться на тысячу оттенков.

И в такую обстановку попал Есенин — молодой рязанец, попал из голодной Москвы. Он сначала теряется, а затем начинает во всё вглядываться, чтобы запомнить».

Восп., 1, 424–425.

Ф.В.Лихолетов, сопровождавший Есенина при посещении Старого города, вспомнит:

«Чаще всего ехали на Шейхантаур — там была отличная чайхана недалеко от мечети и мавзолея Шир-Дор. Усаживались на помосте — Есенину никак не удавалось сесть по-восточному, скрестив ноги, и он спускал их вниз, по-мальчишески болтая блестящими, всегда свежевычищенными коричневыми туфлями, которые он протирал тряпочкой: он был, что называется, франтом. Несмотря на жару, он почти всегда был в костюме и галстуке, а сорочек у него с собой было — не счесть. Стирала и гладила их

какая-либо из поклонниц поэта, которые в нашей компании тоже изредка бывали. Иногда это делала мать Ширяевца, Мария Ермолаевна, но ее Есенин не хотел затруднять, стеснялся.

Что меня поразило — пил Есенин в Ташкенте мало. Разговоров о его разгулах московских я наслышался, а когда встретились, счел все это враньем: Сергей Александрович вел себя очень сдержанно и спокойно, утром к вину не прикасался, а вечерами у Ширяевца или даже в „Регине“ <ресторан> никогда границ не переходил».

Цит. по: Тартаковский, 76.

О контактах Есенина с представителями узбекской культуры позднее расскажет Е.Г.Макеева:

«Есенин очень хотел встретиться с „живым Востоком“, с его людьми, искусством, поэзией. У меня были знакомые в каком-то учреждении, ведавшем культурой, у них я выяснила, что никаких возможностей сделать это, так сказать, в официальном порядке нет: национальное искусство находилось еще в состоянии становления, не было ни узбекского театра, ни творческого союза, послушать стихи и музыку можно было лишь у кого-либо дома, пригласив артистов, обычно выступавших в основном на свадьбах и тоях.

В Старом городе у отца были знакомые, устраивавшие такой той, фамилия их была Нарбековы. Мы с сестрой Ксаной, отцом, Колобовым и Есениным (был еще кто-то, но я не запомнила больше никого) отправились туда. Не знаю, по какому поводу был праздник, но помню, что ревели карнаи и дробно гремела дойра, выступали певцы, которым аккомпанировали на дутарах молодые, похожие друг на друга музыканты, все в одинаковых тюбетейках и халатах. Есенин был, мне кажется, несколько оглушен этим шумом, но не подавал виду, был, как всегда, внимателен и галантен, шутил и смеялся, однако чувствовалось в нем какое-то напряжение, он пытался вслушаться в чужие напевы, ощутить их мелодию, но, видимо, это ему не удавалось: он быстро устал, музыка и пение, казалось, превратились для него в общий ровный гул, и он молча жевал какие-то сладости. На вопрос, понравилось ли ему на узбекском празднике, Есенин неопределенно пожал плечами и ответил в том смысле, что об этом трудно судить с первого впечатления, но во всем виденном чувствуется какая-то своя жизнь и своя очень живая и естественная радость.

Этот разговор произошел между отцом и Есениным уже у вагона, в котором жили они с Колобовым и куда мы их проводили».

Цит. по: Тартаковский, 83–84.

На воскресном базаре в русской части Ташкента происходит встреча Есенина с революционером и героем Гражданской войны Ф.Ф.Раскольниковым.

Верхняя граница события дается по: Зинин, 91.

Ф.Ф.Раскольников вспомнит об этой встрече:

«Я познакомился с Есениным в мае 1921 года, в Ташкенте на базарной площади в знойный солнечный день. Прислонясь к выбеленной известкой глинобитной стене, Есенин в новеньком сером костюме скромно сидел в базарной чайхане и с огромным аппетитом ел дымящийся плов с бараниной, запивая зеленым чаем из широкой, как маленькая миска, пиалы. В его глазах сияла безоблачная лазурь знойного ташкентского неба. Здороваясь, он привстал с вежливостью благовоспитанного пай-мальчика, очень приветливо улыбнулся и с интересом стал расспрашивать об Афганистане, куда я ехал. Мне сразу понравились ясные, голубые лучистые глаза Есенина, желтые волосы цвета спелой соломы, скромная сдержанность и пытливая любознательность ко всем проявлениям жизни».

Раскольников Ф. Сергей Есенин. — Журн. «Журналист», 1993, № 2, с. 48–49.

Между Есениным и ташкентским художником А.Н.Волковым устанавливаются товарищеские отношения.

Поэт неоднократно бывает на квартире художника по улице Садовой.

Верхняя граница события дается по: Зинин, 95.

Позднее А.Н.Волков вспомнит:

«В мае 1920 <ошибка памяти; следует: 1921> года в открытые двери моей квартиры в Ташкенте на Садовой улице вошло три человека. „Я привез вам Сергея Есенина“, — с восторгом кричал первый… Входил Есенин, за ним ташкентский поэт, волжанин Ширяевец.

Это было так неожиданно и так просто. Я был удивлен, увидев впервые С.Есенина. Совсем юный, прекрасный, радостно сверкающий. Мы встретились, будто давно знакомые… Через несколько минут вчетвером сидели прямо на полу и рассматривали мои картины. „Да, несомненно наш, наш — имажинист — принимаем в свои, — Шершеневич, Мариенгоф и художник Якулов против не будут“. Не забуду чудесных восторженно-ласковых глаз Есенина.

Часа три сидели мы все так на полу… Я был несказанно рад этой чудесной встрече…

Вдруг Есенин нервно вскочил, прислонился к стене и стал читать прекрасным звонким голосом свои стихи. Незабываемый и трудно описуемый момент, точно в сказке. (Я вспоминаю по рассказу отца, что Есенин тогда читал свою знаменитую „Песнь о собаке“, а к раскрытому окну сбежались соседи).

После этого вдвоем пошли в Старый город. Несколько дней позднее я спросил: „Что же понравилось вам в наших степях и городах?“

— Верблюд, — сказал, как-то захлебнувшись, Есенин».

Художники Волковы. Три поколения: А.Н.Волков, В.А.Волков, Ал. А.Волков, Анд. Алек. Волков. Материалы к выставке. Выст. зал Тимирязевского района г. Москвы, 1993, с. 15–16 (источник любезно предоставлен А.Е.Парнисом).

С.И.Зинин отмечает, что во время пребывания Есенина в Ташкенте А.Н.Волков преподавал на педагогическом факультете Туркестанского государственного университета и в Центральных художественных мастерских:

«Весной 1921 года отмечали первую годовщину открытия в Ташкенте Среднеазиатского Государственного Университета (САГУ), разместившегося в учебных зданиях на Куйлюкской улице. К этой дате была приурочена и выставка художественных работ А.Волкова, на которой художник выставил свои новые картины и эскизы, сильно отличающиеся от традиционных реалистических полотен. Есть упоминания очевидцев, что на этой выставке побывал и Есенин. Художник показывал ему картины „Караван“, „Солнце“, „Женщина на верблюде“, „Старый мавзолей“, „Арба с собачкой“, „В чайхане“, серию картин цикла „Восточный примитив“. Картины „Беседа под веткой граната“, „Беседа под сенью шатра“ написаны в отличной от реализма манере, напоминающей живопись Ван Гога, рисунки Матисса, полотна Гогена, творчеством которых А.Волков в то время интересовался» (Зинин, 98).

Есенин знакомится и встречается с Н.Н.Кулинским, первым директором Туркестанской публичной библиотеки после революции.

По его просьбе Есенин выступает на вечере перед слушателями «Студии искусств».

Зинин, 100–101.

Одна из студиек Е.Э.Ромонат потом вспомнит:

«Есенина привел сюда Ширяевец, которого мы все хорошо знали. Он представил своего друга, и тот без предисловий и уговоров стал читать свои стихи. Читал очень просто, без рисовки и завывания, как иные поэты. Каждое его слово будто в душу ложилось <…>.

Не могу забыть, как он читал „Песнь о собаке“ — удивительно тонко и человечно, так что слезы появились у многих на глазах, да и сам поэт, кажется, был растроган, и

голос его дрожал. Чувствовалось, что он не декламирует, а переживает то, что запечатлено в слове. <...>

А вот когда Есенин читал „Исповедь хулигана", он очень смущался: кругом были почти одни девушки, в большинстве лет шестнадцати-восемнадцати, а в стихотворении есть некоторые вольности. И Есенин их опустил, не стал читать полностью.

Мы долго не отпускали его, очень просили прочитать что-нибудь из „Пугачева" (о поэме рассказал Ширяевец), но Есенин не стал читать, сказав, что его работа еще не закончена».

Цит. по: Тартаковский, 93.

Май, 13–29 или **14–29.** Есенин живет в вагоне Г.Р.Колобова.

Здесь принимает своих гостей. Отсюда совершает прогулки по городу, его окрестностям.

Границы этих и следующих событий определяются сроками приезда Есенина в Ташкент и его отъезда в Самарканд.

Художник Ф.В.Лихолетов вспомнит:

«Жил Есенин в своем вагоне, стоявшем где-то на дальних путях ташкентского железнодорожного вокзала. Утром, переступая через многочисленные рельсы, вместе с Колобовым и их спутником шли на привокзальную площадь, брали извозчика и ехали в город — либо к Ширяевцу, который, по-моему, в эти дни не ходил на службу, либо сразу в какую-нибудь чайхану в Старом городе – завтракать. Иногда по дороге прихватывали и меня <...>. Из наших встреч с Есениным мне запомнилась поездка в предгорья Чимгана <...>. Вокруг, казалось, совсем близко, высились покрытые снегом вершины Чимгана. Есенину не верилось, что до них около ста верст, и он уговаривал извозчиков поехать дальше вверх по дороге, но они решительно отказались».

Цит. по: Тартаковский, 75–77.

В 1965 году Е.Г.Макеева (Михайлова) расскажет об обстановке в купе Есенина:

«В вагоне мне приходилось бывать. Есенинское купе всегда было в порядке, на столике лежали местные газеты и стопка бумаги, полка была застелена одеялом, на котором тоже были бумага и книги. Помню, там лежала большая кипа сборников Есенина, которые он привез с собой и дарил потом, перед отъездом».

Цит. по: Тартаковский, 84.

Есенин постепенно знакомится с литературной элитой Ташкента.

В.И.Вольпин в 1926 году напишет:

«Литературная колония в Ташкенте встретила Есенина очень тепло и, пожалуй, с подчеркнутым уважением и предупредительностью как большого, признанного поэта, как метра. И это при враждебном к нему отношении как к вождю имажинизма — течению, которое было чуждо почти всей пишущей братии Ташкента.

Особенно часто и остро нападал на Есенина за его имажинизм Ширяевец, видевший в имажинисте Есенине поэта, отколовшегося от их мужицкого стана. Есенин долго и терпеливо объяснял своему другу основы имажинизма и тогда же начал писать письмо Р.В.Иванову-Разумнику с изложением этих основ, но так и не докончил его, оставив черновик письма Ширяевцу на память.

С Ширяевцем Есенин встречался чаще, чем с другими».

Восп, 1, 425.

Среди других поэтов и прозаиков, с которыми общался Есенин, были Валентин Вольпин, Павел Дружинин, Семен Оков (С.Овсянников), Борис Лавренев, Александр Зонин, Анна Алматинская, Джура (Ю.Пославский), Георгий Светлый (Г.Павлюченко), Алексей Плотников, Аполлон Норман, Александр Балагин (Тартаковский, 87).

Есенин бывает частым гостем на квартире А.В.Ширяевца (Новая ул., д. 54–56).

С приездом Есенина А.Ширяевец, как утверждал Ф.В.Лихолетов (см. предыд. запись), не ходил на службу, чтобы больше времени уделять другу:

«В небольшой и бедно обставленной комнате А.Ширяевец жил со своей матерью Марией Ермолаевной, очень радушно встречавшей московского поэта. В становлении Ширяевца как поэта Мария Ермолаевна сыграла большую роль. Она с детства знакомила сына с народными русскими песнями, прививала любовь к самобытному миру деревенской России. Любила петь народные песни, о чем А.Ширяевец с благодарностью вспомнит в одном из своих стихотворений: „Мамин голос надо мной звенит, / Что золотые самогуды-гусли“. Всю свою жизнь прожила она ради сына, никогда не сомневаясь в его поэтическом даре.

Теплые материнские чувства она проявляла и к Сергею Есенину, которого всегда ожидал радушный прием. Мария Ермолаевна старалась каждый раз приготовить к обеду или к ужину какое-нибудь новое блюдо, в том числе предлагала и узбекские национальные кушанья. Маргарита Петровна Костёлова вспоминала, как ей Есенин жаловался, что его в Ташкенте приучили есть помногу, что за ним никогда не водилось, а постоянное ощущение сытости даже как-то мешает ему. Он особенно пристрастился к зеленому узбекскому чаю, который Мария Ермолаевна заваривала по-особенному вкусно, смешивая различные сорта.

Мария Ермолаевна не вмешивалась в разговоры сына с другом. Вечерами, поужинав, когда майское солнце медленно уходило в ночь, она пела любимые русские песни, которые внимательно слушал Есенин, порой стараясь ей подпевать».

Зинин, 69–70.

Май, 13 ... 29 или **14 ... 29.** Есенин надписывает свою книгу «Радуница» (1918) А.В.Ширяевцу:

«Ширяевцу Есенин. 1921».

Есенин, VII (1), 175, 462–463.

Граница события устанавливается с учетом времени встреч Есенина и А.Ширяевца в Ташкенте.

Есенин делает дарственную надпись на книге «Исповедь хулигана»:

«Александру Васильевичу Ширяевцу с любовью и расположением С. Есенин.

Я никогда не любил Китежа и не боялся его, нет его и не было так же, как и тебя и Клюева.

Жив только русский ум, его я люблю, его кормлю в себе, поэтому ничто мне не страшно, и не город меня съест, а я его проглочу (по поводу некоторых замечаний о моей гибели)».

Есенин, VII (1), 201, 470.

Как считает П.И.Тартаковский, смысл этой записи проясняется при обращении к письму Есенина А.Ширяевцу (см.: 26 июня 1920) и своеобразному ответу А.Ширяевца на это письмо — трактату-исследованию «Каменно-Железное чудище. О городе. Город, Горожанин и Поселянин в поэзии последнего времени» (ИМЛИ, ф. 29, оп. 1, ед. хр. 280).

В своем трактате Ширяевец пишет:

«Блудным сыном, или падшим ангелом, можно назвать С е р г е я Е с е н и н а, „Рязанского Леля“, златокудрого полевого юношу, загубленного Городом. <...> Много хороших песен спел Есенин, пока припадал на родную траву, заливалась свирель — не

наслушаешься — радовал всех! Но дошел златокудрый юноша до „гулких улиц столиц", натолкнулся на хороших людей — много их в Городе... Увидел Мариенгофа — цилиндр тот примеривает, — в „Анатолеград" хочет отплывать; Шершеневича многодумного — к Соломону приглядывался зорко Вадим Габриэлевич, и, готовясь быть апостолом имажинизма, галстук на двенадцать номеров завязывает, и еще много коекого и кое-чего увидел Есенин и... и началось „преображение" Сергея Есенина».

Есенин, несомненно, познакомился с трактатом и в ответ на обвинения и опасения друга сделал дарственную надпись на «Исповеди хулигана». Да и запись фрагмента из «Пугачева» в альбом А.Ширяевца (см.: 25 мая 1921) — это тоже ответ на «Каменно-Железное чудище...».

Тартаковский, 109–110.

Есенин пишет Иванову-Разумнику (письмо не было отправлено):

«Я очень много думал, Разумник Васильевич, за эти годы, очень много работал над собой, и то, что я говорю, у меня достаточно выстрадано. <...> по-моему, Клюев совсем стал плохой поэт, так же как и Блок. Я не хочу этим Вам сказать, что они очень малы по своему внутреннему содержанию. Как раз нет. Блок, конечно, не гениальная фигура, а Клюев, как некогда пришибленный им, не сумел отойти от его голландского романтизма. Но все-таки они, конечно, значат много. Пусть Блок по недоразумению русский, а Клюев поет Россию по книжным летописям и ложной ее зарисовки всех приходимцев, в этом они, конечно, кое-что сделали. Сделали до некоторой степени даже оригинально. Я не люблю их главным образом как мастеров в нашем языке.

Блок — поэт бесформенный, Клюев тоже. У них нет почти никакой фигуральности нашего языка. У Клюева они очень мелкие. <...> Дорогой Разумник Васильевич, 500, 600 корней – хозяйство очень бедное, а ответвления словесных образов — дело довольно скучное. Чтобы быть стихотворным мастером, их нужно знать дьявольски. Ни Блок, ни Клюев этого не знают, так же как и вся братия многочисленных поэтов.

Я очень много болел за эти годы, очень много изучал язык и к ужасу своему увидел, что ни Пушкин, ни все мы, в том числе и я, не умели писать стихов.

Ведь стихи есть определенный вид словесной формы, где при лирическом, эпическом или изобретательном выявлении себя художник делает некоторое звуковое притяжение одного слова к другому, т<о> е<сть> слова входят в одну и ту же произносительную орбиту или более или менее близкую. <...>

Я не хочу этим развивать или доказывать перед Вами мою теорию поэтических напечатлений. Нет! Я единственно Вам хочу указать на то, что я на поэта, помимо его внутренних импульсов, имею особый взгляд, по которому отказался от всяких четких рифм и рифмую теперь слова только обрывочно, коряво, легкокасательно, но разносмысленно. Вроде:

почва — ворочается,
куда — дал и т. д.

Так написан был отчасти „Октоих" и полностью „Кобыльи корабли".

Вот с этой, единственно только с этой точки зрения я писал Вам о Блоке и Клюеве во втором своем письме <неизвестно>.

<...> Простите еще раз, Разумник Васильевич, если как-нибудь приношу Вам огорчение. Не люблю я скифов, не умеющих владеть луком и загадками их языка. Когда они посылали своим врагам птиц, мышей, лягушек и стрелы, Дарию нужен был целый синедрион толкователей. Искусство должно быть в некоторой степени тоже таким. Я его хорошо изучил, обломал и потому так спокойно и радостно называю себя и моих товарищей „имажинистами". <...> Дело в моем осознании, преображении мира посредством этих образов <двойного зрения>. Вспомните:

Как яйцо, нам сбросит слово
С проклевавшимся птенцом...

Тогда это была тоска „Господи, отелись", желание той зари, которая задирает хвост коровой, а теперь... <текст обрывается>».

Есенин, VI, 122–127, 489–504.

Есенин с художником Ф.В.Лихолетовым совершает поездку в предгорья Чимгана.

Ф.В.Лихолетов вспомнит:

«Из наших встреч с Есениным мне запомнилась поездка в предгорья Чимгана, „ на природу". Я захватил с собой холст и краски, пытался воспроизвести какой-то пейзаж с буйной зеленью и бурной речушкой, клокотавшей между камнями. Есенин долго смотрел на неглубокий, но злой поток воды, сказал, что она похожа на верблюжью шерсть, и, вздохнув, вспомнил чистую голубую воду речушки своего детства.

Вокруг, казалось, совсем близко, высились покрытые снегом вершины Чимгана. Есенину не верилось, что до них около ста верст, и он уговаривал извозчиков поехать дальше вверх по дороге, но они решительно отказались.

Свой холст я хотел потом подарить Есенину, да раздумал: картина показалась мне неудачной».

Цит. по: Тартаковский, 77.

Исследователь добавляет: «...когда я перечитывал „Пугачева", возникла ассоциация: слова Есенина о воде, похожей на верблюжью шерсть, – и строки из поэмы: „...бурливо и гордо скачут там шерстожелтые горные реки" <Есенин, III, 46>» (там же).

Есенин передает в фонды Туркестанской публичной библиотеки по одному экземпляру своих книг, привезенных в Ташкент.

Киткович Е. Книги Сергея Есенина в Ташкенте. – Газ. «Вечерний Ташкент», 1970, 10 окт.

В отделе редких книг Государственной публичной библиотеки имени Алишера Навои с 1921 года хранятся книги Есенина, изданные в 1918–1921 годах: «Сельский часослов» (М., 1918), «Трерядница» (М., 1920), «Звездный бык» (М., 1921) и «Радуница» (М., 1921).

Зинин, 107.

Май, 14. А.В.Ширяевец знакомит Есенина с поэтом П.Д.Дружининым.

Датируется с учетом того, что в день знакомства П.Дружинин и Есенин присутствовали на вечере С.Окова (см. след. запись).

В 1960-е годы П.Д.Дружинин вспомнит:

«С Сергеем Александровичем Есениным я познакомился в Ташкенте. Произошло это знакомство, если мне не изменяет память, в 1921 году.

Работал я в то время в управлении продовольственного снабжения армий Туркестанского фронта. В один из жарких ташкентских дней, сидя спиной к раскрытому окну за служебными делами, я почувствовал какое-то странное беспокойство. Такое беспокойство обычно бывает с людьми, когда на них кто-нибудь незаметно, но пристально смотрит. Оглянувшись, я увидел на тротуаре перед окном поэта Александра Ширяевца и рядом с ним незнакомого мне молодого человека в элегантном сером костюме и серой шляпе. Оба они, Ширяевец и незнакомый молодой человек, глядели на меня и улыбались, а Ширяевец делал знаки, чтобы я вышел на улицу.

Любимым выражением Ширяевца, когда он встречал меня, было: „Эй, Русь!".

— Эй, Русь, знакомься: Сергей Есенин, — сказал он, и его широкое круглое лицо расплылось в улыбке еще шире.

От неожиданности я даже растерялся. Сергей Есенин входил в то время в большую славу, она докатилась уже и до Ташкента. Стихи Есенина декламировали не только поэты, но и артисты, студенты, молодежь. Попутно с этой славой за Есениным тянулась и другая — дурная слава. Однако передо мной стоял очень приятный на вид, простой, скромный паренек и с застенчивой улыбкой протягивал мне руку».

Восп.-75, 299–300.

Есенин, П.Д.Дружинин и А.В.Ширяевец присутствуют на литературном вечере С.Окова (Овсянникова).

Событие устанавливается и датируется по воспоминаниям П.Д.Дружинина (см. ниже) и объявлению в «Известиях ТуркЦИК» (13 и 14 мая 1921, № 103 и 104):

«ДОМ им. ЛУНАЧАРСКОГО
В субботу 14 мая
Литературный вечер произведений
пролетарского писателя Семена Окова
с участием автора и артистов драмы.
Вступительное слово
скажет поэт Александр Ширяевец».

П.Д.Дружинин вспомнит:

«Он <Есенин> был как-то вдумчиво невозмутим. Только однажды, на вечере местного поэта Семена Окова в театре <так!> имени Луначарского, я увидел Есенина несколько другим.

Выйдя на сцену, Оков начал рассказывать свою биографию. Мы с Есениным наблюдали из-за кулис за публикой, среди которой, нам показалось, было немало так называемых бывших людей. Когда Оков начал перечислять свою родословную и разъяснять, что он родился от бездомной нищенки, чуть ли не в хлеве, в зале послышался злой смех. Есенин вдруг потемнел, сжал кулаки и полушепотом заговорил: „Зачем, зачем он это делает, унижается, да еще перед кем унижается, чудак!"»

Восп.-75, 300.

Пражская газета «Воля России» (№ 157) печатает объявление издательства «Мысль» (Берлин) о вышедших книгах серии «Общедоступная библиотека „Книга для всех"», включая выпуск № 2–3 «Поэзия большевистских дней (Блок, Эренбург, Есенин, Каменский, Шершеневич и др.)».

Май, 14 (?) ... 24. Есенин вместе с Е.Г.Макеевой присутствует на спектакле в ташкентском театре «Колизей».

Верхняя граница этого и трех последующих событий определяется с учетом того, что спектакль проходил до вечера в Туркестанской публичной библиотеке (см.: 25 мая 1921, первая запись).

Е.Г.Макеева вспомнит:

«Однажды мы с Есениным отправились в театр „Колизей“ на какой-то спектакль (или концерт). Неожиданно кто-то встал с кресла и объявил: „Товарищи, среди нас находится известный поэт Сергей Есенин!“ Реакция публики была восторженной — отовсюду неслись приветственные крики, аплодисменты, кто-то бросил к нашим местам цветы. Есенин был весьма смущен. Начало спектакля задержалось на несколько минут».

Цит. по: Тартаковский, 90.

Есенин выступает с лекцией «Бунт нас!» и чтением стихов в клубе Красной Армии.

По воспоминаниям Е.Г.Макеевой, Есенин говорил главным образом об имажинизме.

«Стремясь объяснить свою позицию, поэт приводил примеры из произведений, наполненных неожиданными и колоритными образами; публика, однако, оживилась лишь во втором отделении, когда Есенин стал просто читать собственные стихи, не акцентируя внимания на их форме и образности. Особенно тепло были приняты, по словам Елены Гавриловны <Макеевой>, „По-осеннему кычет сова...“, „Песнь о хлебе“, „О пашни, пашни, пашни...“, а „Исповедь хулигана“ многих смутила и шокировала, поскольку Есенин произносил все малопоэтичные слова, словно нарочно, грубо и обнаженно; видимо, его раздражала собравшаяся разношерстная толпа».

Тартаковский, 92.

Тема лекции была большими буквами выведена на рукописной афише, висевшей на стене клуба. Следует напомнить, что с лекцией «Бунт нас (Нота имажинистов миру)» выступал А.Мариенгоф в Политехническом музее вместе с Есениным, В.Шершеневичем и Г.Якуловым (см.: 9 апр. 1919).

Есенин читает стихи перед началом сеанса в кинотеатре «Туран» после представления его публике А.Ширяевцем.

Событие устанавливается по воспоминаниям М.П.Новиковой (Тартаковский, 96–97).

Вместе с другими поэтами Есенин читает стихи перед началом сеанса в кинотеатре «Хива».

Н.М.Саввич будет вспоминать:

«Перед началом сеанса в „Хиве“ вместо оркестра выступали поэты; среди них прочел одно стихотворение и Есенин; делал он это непринужденно и весело, а потом пригласил собравшихся познакомиться со стихами имажинистов, покупать их книги <...> в помещении Ташкентского союза поэтов».

Цит. по: Тартаковский, 100.

Май, 15. В приложении к № 84 владивостокской газеты «Дальневосточная трибуна» (рубрика «Литература и искусство») публикуются два четверостишия из стихотворения Есенина «Голубень»:

Манит ночлег, недалеко до хаты,
Укропом вялым пахнет огород.
На грядки серые капусты волноватой
Рожок луны по капле масло льет.
.....

Тянусь к теплу, вдыхаю мягкость хлеба
И с хруптом мысленно кусаю огурцы,
За ровной гладью вздрогнувшее небо
Выводит облако из стойла под уздцы.

Май, 17–31. Наркомат рабоче-крестьянской инспекции проверяет в Москве издательскую и книготорговую деятельность имажинистов и Всероссийского союза поэтов, а также деятельность Госиздата по изданию поэтических книг.

В ходе обследования 18, 20 и 25 мая составляются акты проверок (не выявлены), в которых, судя по специальному докладу (см.: 31 мая 1921), составленному по этим актам, фигурирует имя Есенина.

Границы события определяются по дате выдачи мандата на проверку и дате написания доклада о результатах обследования (ГАРФ, ф. А2306, оп. 1, ед. хр. 607, л. 3–5).

Май, 20. Харбинская газета «Русский голос» (№ 253) в обзоре зарубежной издательской деятельности по выпуску русских книг (рубрика «Русская книга»; без подписи) дает в извлечении статью Ю.А.Григоркова с упоминанием Есенина.

Текст см.: 6 марта 1921.

В Петрограде выходит журнал «Книга и революция» (№ 8–9, за февраль–март) с продолжением статьи Иванова-Разумника «„Футуризм“ и „Вещь“», где идет речь о Есенине.

О дате события см.: Галушкин-2005, 2, 86.

В работе, главным образом посвященной творчеству В.В.Маяковского, автор, в частности, пишет:

«Ведьма современной культуры, машинная „Вещь“, покорила его <футуризм>, поработила его, оседлала его, – и он, подпрыгивая, как верховой конь, понес ее на плечах своих <…>.

Правда, „богоборчество“ футуризма – наивнейшее, мелкое, детское, плоское: после глубин Кириллова и Ивана Карамазова – бледно и бедно звучат все эти вопли и проклятия криком кричащего футуриста; сильные внешне, слабы и нищи они внутренне <…>.

И не то, что богоборчество Ивана Карамазова, куда там! – но и богоборчество „Инонии“ Есенина еще не по плечу Владимиру Маяковскому».

Май, до 22. Выходит № 7 читинского журнала коммунистической культуры «Творчество» (за апрель–июнь) со стихотворениями Есенина «Я последний поэт деревни…», «Я покинул родимый дом…», «По-осеннему кычет сова…» и статьями об имажинизме и имажинистах, в том числе о Есенине.

Граница события определяется по объявлению в газ. «Дальневосточная республика», Чита, 1921, 22 мая, № 97.

Кроме стихов Есенина, в журнале помещены также подборки стихотворений А.Кусикова, В.Шершеневича, А.Мариенгофа, Н.Эрдмана и три статьи А.Близкого: «Что такое имажинизм (на правах информации)»; «Из трактата В.Шершеневича „2х2=5“»; «Из главы „Ломать грамматику“» (две последние — за подписью: А. Б.).

В первой статье автор утверждает:

«В то время как футуризм в своем неуемном устремлении к жизни договорился до „комфутуризма“, — имажинизм в лице виднейших его представителей совсем „аполитичен“. Случайно или нет, но за эту именно черту его, как выяснилось в ряде печатных

и публичных выступлений, тут и там цепляются уже и наши, дальневосточные, салонные поэты и критики. Имажинизм (как некогда и салонный северянинский футуризм) начинает явно пользоваться их симпатиями».

Вместе с тем отмечается, что причисление к лику имажинизма таких поэтов, как Есенин, А.Ганин, А.Кусиков и др. делается, «мягко говоря, без достаточных оснований».

Там же (рубрика «Издания для отзыва») — информация:

«Следующие дальневосточные издания поступили, кроме того, в редакцию для отзыва: <...> 11. Сергей Есенин. — Исус Младенец. Поэма. Изд. „Скифы“ в Чите, 1921, с иллюстрациями».

Май, 22. И.Г.Эренбург пишет из Парижа А.С.Ященко:

«...Мне хочется еще обратить Ваше внимание на следующее: в России мы знали уже, что в отдельных органах эмиграции ведется травля против некоторых русских писателей, безусловно уважаемых в России людьми различных направлений, как-то: А.Белый, Блок, Кони, Чуковский, Есенин и др. К сожалению, известные выпады против некоторых из перечисленных поэтов, основанные, б<ыть> м<ожет>, на ложной информации, а б<ыть> м<ожет>, на непонимании особенности современной русской психологии и быта, закрались в Ваш орган, дорогой нам как преданный русской литературе. Мне хочется верить, что Вы исправите неточности (в частности, об Серг<ее> А.Есенине) и поймете, как болезненно отражаются доходящие в Россию неосторожные обвинения.

Укажите мне, какой материал Вас интересует особенно. Мне удалось вывезти довольно много книг, журналов, рукописей».

Русский Берлин-2003, 125–126.

См. также: 14 июля 1921.

Май, 24. Газета «Воронежская коммуна» (№ 111) публикует открытое письмо «Невиданный балаган» группы пролетарских поэтов и писателей во главе с А.П.Платоновым:

«...Слишком велики — наглость, ничем не прикрытое шарлатанство и вырождение, проявленные воронежскими имажинистами <Каланыч, Жендзян, Ирисов, Дерптский>, чтобы можно было не обратить внимания наших культурно-просветительных органов на скорейшую ликвидацию хулиганствующих рыцарей. Нам, пролетарским поэтам и писателям, невыразимо больно и стыдно за то, что дегенераты поэзии кривляются и шарлатанят в театре, лозунгом которого является: „Озарим алое поле русской революции светом пролетарской культуры“».

Письмо, подписанное А.Платоновым, А.Кировым, Ф.Михайловым, И.Бережным, Б.Бобылевым, было направлено против группы воронежских поэтов, которые в своих выступлениях на вечерах и в печати (см.: 4 июля 1921) разъясняли суть имажинизма, знакомя при этом слушателей со стихами московских имажинистов.

Май, 25. Творческий вечер Есенина в Туркестанской публичной библиотеке.

Дата вечера устанавливается по воспоминаниям М.П.Новиковой (см. ниже) и по датированным дарственным надписям, сделанным Есениным после выступления в библиотеке (см. след. записи).

В.И.Вольпин напишет об этом мероприятии:

«Ташкентский Союз поэтов предложил Есенину устроить его вечер. Он согласился, но просил организовать его возможно скромнее, в более или менее интимной обстановке. Мы наметили помещение Туркестанской публичной библиотеки.

Вечер вскоре состоялся. Небольшая зала библиотеки была полна. Преобладала молодежь. Лица у всех были напряжены.

Читал Есенин с обычным своим мастерством. На аплодисменты он отвечал всё новыми и новыми стихами и умолк, совершенно обессиленный. Публика не хотела расходиться, а в перерыве раскупила все книги Есенина, выставленные Союзом для продажи. На все просьбы присутствовавших прочитать хотя бы отрывки из „Пугачева", к тому времени уже вчерне законченного, Есенин отвечал отказом».

Восп., 1, 426.

М.П.Новикова (Костёлова) более подробно расскажет об этом вечере:

«Туркестанская публичная библиотека, где выступал Есенин, представляла тогда небольшое одноэтажное здание, в котором была прихожая, затем маленькая комната с картотеками и читальный зал, тоже не очень большой, рассчитанный человек на тридцать. Находилась библиотека на углу улиц Романовской и Воронцовской, впоследствии многократно переименованных. <...>.

В тот день, 25 мая 1921 г., меня сюда привел Александр Васильевич Ширяевец <...>. Ширяевец принарядился для этого есенинского вечера <...> — он воспринимал всё, связанное с Есениным, как свое кровное и как праздник русской поэзии, в которую был влюблен <...>.

Потом толпа повалила в зал, народу было страшно много. Я замешкалась и в зал не попала, стояла где-то в дверях, но Есенина видела и слышала хорошо. <...> поскольку вечер был организован, так сказать, официально Туркестанским Отделением Всероссийского союза поэтов, вступительное слово сказал председатель Отделения Георгий Светлый (Павлюченко).

Есенин снял шляпу, положил ее на стул, на который опирался, когда читал стихи. <...>

Весь зал и комната перед ним были заполнены народом, окна — они в полуметре от земли — тоже были облеплены, так что в зале стало темно и очень жарко. Есенин стоял весь мокрый, но пиджака не снял; мокрый чуб свисал на вспотевший лоб. Однако он всё читал и читал; помню его интонации, когда звучала „Песнь о хлебе", „Песнь о собаке"...»

Цит. по: Тартаковский, 95–97.

Некоторые важные подробности, касающиеся вечера, сообщит Н.А.Селуянова:

«Большим событием для ташкентцев был приезд Сергея Есенина. Мама устроила вечер у себя в детской библиотеке. Работа по подготовке вечера была очень большой, так как в читальный зал пришлось впустить очень много народу, для чего надо было получить специальное разрешение. А.В.Ширяевец уже не работал в библиотеке, но приходил ежедневно, так как был с мамой в товарищеской дружбе и помогал ей в организации этого вечера. В первой комнате продавались сборники стихов Есенина. На вечере присутствовало много поэтов: Джура, Ширяевец, Светлый, Вольпин, Дружинин и др. Народу собралось очень много, было душно, окна не пропускали воздуха, так как на них висели желавшие слушать Есенина и не попавшие в зал. Читал Есенин очень выразительно, и его чтение оставляло глубокое впечатление. Овации были бесконечны. Впоследствии я слышала много чтецов в Ленинграде и Москве, но даже превосходные чтецы не производили такого впечатления. Только бесстыдство некоторых фраз заставляло опускать глаза и краснеть. Дамы, особенно пожилые, глаз не сводили с Есенина, так как он и внешне был великолепен. В нищем, по тому времени, Ташкенте, когда на службу ходили в сшитых дома тапочках и даже босые, он был в серо-зеленом костюме и лакированных туфлях. Я не смела попросить у него автограф, как другие, так как была еще очень застенчива».

Селуянова Н. Вспоминая 20-е годы в Ташкенте. — «Мир Есенина: Спец. (восьмой) вып. совета Музея Сергея Есенина в Ташкенте», 1993, дек., с. 4–5.

Есенин надписывает М.П.Костёловой книги:
— «Исповедь хулигана»:
«Маргоше с лучшими пожеланиями С. Есенин 1921. 25 мая Ташкент»;
— «Трерядница» (1921):
«Маргоше С. Есенин 1921 май 25 Ташкент».
Есенин VII (1), 143, 144, 454, 455.
С.И.Зинин излагает рассказ М.П.Костёловой об этом эпизоде:
«С.Есенин покидал зал, получив в награду цветы. Некоторые поклонники его поэзии, купив книги, просили надписать их. Хотела получить автограф и Маргарита Костёлова, но в суете не удалось этого осуществить. Тем не менее, она стала одной из обладательниц двух книг С.Есенина, на которых поэт оставил свой автограф. Помог ей в этом Александр Ширяевец. Когда на квартире во время ужина С.Есенин дарил „Трерядницу“ <Ширяевцу>, <...> Ширяевец передал другу просьбу своей невесты».
Зинин, 107.

Есенин делает дарственную надпись на книге «Исповедь хулигана» В.Ф.Наседкину:
«т. Наседкину. В знак приязни С. Есенин. 1921. 25 мая Ташкент».
Есенин VII (1), 146, 455.
В.Ф.Наседкин оказался тогда в Ташкенте случайно, приехав из Самарканда, где он служил в действующей армии (Зинин, 108).

Есенин надписывает А.В.Ширяевцу сборник «Трерядница» (1921):
«Шурке милому С. Есенин. Ташкент. 25 май 1921».
Есенин, VII (1), 145, 455.
По-видимому, в Ташкенте Есенин сделал целый ряд надписей на своих книгах, но сохранились немногие.
Художник Ф.В.Лихолетов вспомнит в 1965 г.:
«...у меня самого долго хранилась есенинская „Трерядница“, купленная при следующих обстоятельствах. Есенин привез с собой много своих сборников, изданных незадолго перед его приездом. Книги эти распродавались им самим перед выступлениями — то ли для привлечения публики, то ли для пропаганды имажинизма: их выпустило, по-моему, издательство „Имажинисты“. Есенинские сборники шли нарасхват, один из них достался и мне (потом он куда-то пропал). Попросить Есенина надписать книгу — такая мысль у меня не возникала, мне кажется, тогда это не было в ходу, как сейчас, когда собирание автографов стало модой. Помнится, почитатели и покупатели есенинских книг его об этом тоже не просили, а жаль, осталась бы память о пребывании Есенина в Ташкенте».
Цит. по: Тартаковский, 77–78.

Есенин заносит в альбом А.В.Ширяевца фрагмент третьей главы поэмы «Пугачев»:

Знаешь, ведь я из простого рода
И сердцем такой же степной дикарь.
Я умею, на сутки и версты не трогаясь,
Слушать бег ветра и твари шаг,
Оттого, что в груди у меня, как в берлоге,
Ворочается зверенышем теплым душа.
Мне нравится запах травы, холодом подожженной,
И сентябрьского листолета протяжный свист,

Знаешь ли ты, что осенью медвежонок
Смотрит на луну, как на вьющийся в ветре лист.
По луне его учит мать
Мудрости своей звериной,
Чтобы смог он, дурашливый, знать
И призванье свое, и имя.
.....
Я значенье свое разгадал...

Азия,
1921, 25 мая.

Тартаковский, 112–113 (с неточностями); дается по автографу: ИМЛИ, ф. 29, оп. 2, ед. хр. 59, л. 2–2 об., с пометой после даты: «из поэмы „Пугачов“ <так!>».

Выбор отрывка не случаен. В своей книге П.Тартаковский писал:

«Внимательному взору не может не открыться внутренняя связь между дарственной надписью на сборнике <„Исповедь хулигана“; см.: 13 ... 29 или 14 ... 29 мая 1921> — ее оптимистическим, уверенным тоном — и смыслом поэтического отрывка, избранного Есениным для записи в альбом Ширяевца: к этому времени Есенин (конечно же, не в меньшей степени, чем Ширяевец, ощущавший в себе Русь, живую душу ее природы, „бег ветра и твари шаг“, свой „русский ум“) — уже „значенье свое разгадал“, во многом постиг глубокое различие между собой и имажинистами и хотя еще выступал от имени группы (в частности, и в Ташкенте), но уже отделял свои поиски новой образности от их „шутовского кривлянья ради самого кривлянья“» (Тартаковский, 113).

См. также: Есенин, III, 461–462; *Благой Д.* Материалы к характеристике Сергея Есенина (Из архива поэта Ширяевца). — Журн. «Красная новь», 1926, № 2, с. 200; *Земсков В., Хомчук Н.* Есенин и Ширяевец. — РЛ, 1962, № 3, с. 169–187.

С.Д.Фомин напишет позднее:

«Ширяевец зазвал меня к себе. <...> Вынул из корзины — единственного своего богатства — небольшой альбом и кивнул: „Настрочи-ка на память! Да загляни: ведь здесь имеется запись Есенина и Клюева“. И рассказал, как к нему в Ташкент приезжал Есенин».

Журн. «Красная нива», 1926, № 22, 30 мая, с. 21.

Газета «Нижегородская коммуна» (№ 114; рубрика «Библиография») печатает рецензию Г.Б.Шмерельсона на коллективный сборник А.Ланэ, М.Меркушева, С.Полоцкого «Тараном слов» с упоминанием Есенина:

«Лучшими стихами сборника являются стихи Семена Полоцкого – хорошо технически выполненные, строки которых пропитаны искренностью чувства, хотя и написаны под влиянием Есенина».

Май, 26. В детском читальном зале Туркестанской публичной библиотеки проходит встреча с молодыми читателями, посвященная творчеству Есенина.

Докладчик – заведующая читальным залом А.Е.Николаева.

Дочь А.Е.Николаевой, Н.Е.Селуянова, позднее вспомнит:

«На следующий день после выступления С.Есенина на вечере в библиотеке состоялось обсуждение. Мама сделала доклад для детей о творчестве Есенина и читала доступные им стихи о хлебе, о собаке и др., а мне больше всего понравилось о поезде („на лапах чугунных поезд“)».

Цит. по: Зинин, 110.

Май, 26 (?) ... 27. Есенин выезжает из Ташкента в город Келес и возвращается обратно.

Верхняя граница события дается по: Зинин, 117.

Е.Г.Макеева в 1965 г. вспомнит:

«...когда Есенин пришел к нам (мы жили в доме Приходько на Первомайской улице), мы пригласили его после обеда поехать в Келес к знакомому отца Азимбаю. Это был человек интересный, неплохо знавший русский язык и свою, узбекскую поэзию; Есенина ему представили как большого „русского хафиза". <...> у арыка, текущего рядом с его двухэтажным красивым домом, мы сидели довольно долго, ели сладости, а потом плов; затем Азимбай начал нараспев читать стихи, по-моему, не только по-узбекски, но и, видимо, на фарси <...>. Есенин как бы в ответ прочел что-то свое, тоже очень напевное и музыкальное. Азимбай и его гости одобрительно кивали головами, цокали языками, но мне трудно было понять, действительно ли нравятся им стихи Есенина, или это обычная дань восточной вежливости и гостеприимству.

Но что я ясно ощутила — это то, что сам Есенин слушал стихи поэтов Востока очень внимательно и напряженно, он весь подался вперед и вслушивался в чужую гортанную речь, силясь словно воспринять ее внутренний ритм, смысл, музыку. Он расслабил галстук, распустил ворот сорочки, пот стекал по его лицу (было жарко, и мы выпили много чая), но он как будто не замечал этого, слушал, ничего не комментировал и не хвалил, был задумчив и молчалив. Казалось, он сопоставляет услышанное с чем-то и в нем идет невидимая работа; но, может быть, это только представилось мне?»

Цит. по: Тартаковский, 84–85.

Май, 28. Есенин читает драматическую поэму «Пугачев» на квартире В.И.Вольпина.

Датируется по воспоминаниям последнего:

«...он почти целиком прочитал свою трагедию через два дня <после выступления в библиотеке> у меня на квартире. Долго тянулся обед, затем чай, и, только когда уже начало темнеть, Есенин стал читать. Помнил он всю трагедию на память и читал, видимо, с большим наслаждением для себя, еще не успев привыкнуть к вещи, только что законченной.

Читал он громко, и большой комнаты не хватало для его голоса. Я не знаю, сколько длилось чтение, но знаю, что, сколько бы оно ни продолжалось, мы, все присутствовавшие, не заметили бы времени. Вещь производила огромное впечатление. Когда он, устав, кончил чтение, произнеся заключительные строки трагедии, почувствовалось, что и сам поэт переживает трагедию, может быть, не менее большую по масштабу, чем его герой.

Боже мой!
Неужели пришла пора?
Неужель под душой так же падаешь, как под ношей?
А казалось... казалось еще вчера...
Дорогие мои... дорогие... хор-рошие...

Он кончил... И вдруг раздались оглушительные аплодисменты. Аплодировали не мы, нам это в голову не пришло. Хлопки и крики неслись из-за открытых окон (моя квартира была в первом этаже), под которыми собралось несколько десятков человек, привлеченных громким голосом Есенина.

Эти приветствия незримых слушателей растрогали Есенина. Он сконфузился и заторопился уходить».

Восп., 1, 426–427.

«В.И.Вольпин проживал в доме на Иржарской улице в центре Нового города Ташкента <...>. Устроить отдельный прием дорогому гостю считал своим долгом, так как в Москве был радушно

принят С.Есениным <см.: середина (кроме 10, 14 и 17) февр. 1921>. Вместе с Миной Соломоновной <женой В.И.Вольпина> подготовили для гостей богато убранный стол, украсив его ягодами и фруктами, о которых в Москве можно было только мечтать. Были приглашены близкие друзья С.Есенина» (Зинин, 122).

Май, не ранее 28. Петроградский журнал «Грядущее» (№ 1–3) публикует статью П.В.Пятницкого «В сферах имажинизма» (подп.: Кий), где идет речь и о Есенине.

Граница события дается в соответствии с: Галушкин-2005, 2, 89.

Цитируя четвертую часть «Пантократора» Есенина («Сойди, явись нам, красный конь! <и далее>», автор пишет:

«Не есть ли это ожидание какой-то народнической революции? В этом нет правильности даже и исторических перспектив».

Здесь же – статья П.Ярового (Ф.Е.Комарова) «Через содержание к технике, через технику к массам» с резкой оценкой творчества имажинистов.

До передачи статьи в журнал автор огласил ее содержание в самарском Лито (см.: 3 мая 1921).

Май, до 29. В Москве выходит книга В.Л.Львова-Рогачевского «Имажинизм и его образоносцы: Есенин. Кусиков. Мариенгоф. Шершеневич» (Ревель <так!>: Орднас, 1921).

О границе события см. след. запись.

В выходных данных книги указано фиктивное место ее выхода.

Автор, рассматривая имажинизм как школу, основное внимание уделяет критике теоретических построений В.Шершеневича. Есенину он посвящает отдельную главу «Символизм под маской имажинизма. Сергей Есенин», которую начинает словами:

«Вадим Шершеневич и Анатолий Мариенгоф, а рядом Сергей Есенин и Александр Кусиков — что может быть нелепее, безобразнее этого сочетания? Вот уж подлинно „пара нечистых“ и „пара чистых“. С одной стороны — урбанисты, футуристы, последователи Маринетти и Маяковского, ненавистники природы, превращающие небо со звездами в голубой стакан с гонококками, готовые в солнце кулаком бацнуть, чтобы превратить его в „разбитую клизму“, с другой стороны — поэты космоса, прошедшие школу символистов, идущие от коллективного творчества, от народной легенды, от мифа, от поэзии Кольцова, Тютчева, Фета, поэты-жизнелюбы, впитавшие весеннюю радость бытия. <...> Сергей Есенин раньше Мариенгофа отозвался на революцию. Но у него весенняя революция, согретая солнцем, Мариенгоф революцию подменил городскими бойнями. В поэмах „Марфа Посадница“, „Ус“, „Товарищ“, „Певущий зов“, „Отчарь“, написанных от 14 по 18 годы, поэт является тем же светлым вестником радостной любви. <...> Каждая строка революционных песен юного поэта светилась, горела огнем восторга, ликованием пасхального канона. <...> Радость первых книг Есенина уступает место его „Преображению“, „Инонии“, „Исповеди хулигана“, „Сорокоусту“, где слышатся нотки тревожной тоски и боли, порой даже отчаяния... В эти песни порой врываются „нечистые“ словечки из лексикона Мариенгофа и Шершеневича, словечки ненужные, безобразящие светлый лик поэзии, как язвы дурной болезни. Но и здесь основной тон — голубой, основное содержание — голубиная нежность, чистая религия лучезарной любви. <...> Форма Есенина, ведущая свое начало от символизма, ничего не имеет общего <...> с футуризмом Маринетти, Маяковского, Шершеневича, Мариенгофа, которым Сергей Есенин объявляет смертельную борьбу в своей книге „Ключи Марии“. <...> И если на этой новой основе будет построено здание нового реализма, это можно будет только приветствовать. <...> А пока поэт стоит на пороге как бы

двойного бытия, всё больше отрывается от почвы, всё больше отдается литературщине, подчеркиванию приемов и заострению занозы образа. <...> Он готов сбиться с пути...».

Май, 29. Рижская газета «Новый путь» (№ 95; рубрика «Книжный угол», раздел «Библиография») информирует о поступлении в редакцию книг:

— Есенин С., Кусиков А. «Звездный бык»;

— Есенин С., Мариенгоф А., Шершеневич В. «Золотой кипяток»;

— Львов-Рогачевский В. «Имажинизм и его образоносцы: Есенин, Кусиков, Мариенгоф, Шершеневич».

Есенин выезжает из Ташкента в Самарканд в вагоне Г.Колобова, прицепленном к поезду № 4, в сопровождении Е.Г.Макеевой.

Дата отъезда установлена по «Расписанию хода пассажирских поездов № 3 и № 4 через станцию Самарканд с 1 мая 1921 года» (Тартаковский, 119).

Калужское отделение Всероссийского союза поэтов проводит литературный вечер, посвященный творчеству Есенина.

Газ. «Коммуна», Калуга, 1921, 29 мая, № 114 (анонс вечера с программой).

Из отклика на вечер:

«29 мая Союзом Поэтов был устроен интересный литературный вечер, начавшийся докладом тов. Фридберга: — „О творчестве поэта Сергея Есенина“. Талантливый и очень интересный как оратор, докладчик умело подошел к творчеству рассматриваемого поэта, доказывая, что Есенин является одним из даровитейших представителей современной русской деревенской поэзии, и творчество его в целом представляет глубокий интерес <...>.

В заключительном слове, возражая своим оппонентам, т. Фридберг с редким умением вскрыл глубокое внутреннее содержание поэзии С.Есенина, логично и доказательно разрушив представление о мнимой „дикости“ образов этого поэта».

Вечер затянулся до трех часов ночи.

Рок Рюрик. Вечер в Союзе поэтов. — Газ. «Коммуна», Калуга, 1921, 4 июня, № 115 (рубрика «По городу»).

См. также: 22 июня 1921.

Май, 30. Утром Есенин прибывает в Самарканд.

Датируется с учетом времени нахождения в пути: часть дня и ночь (Тартаковский, 120).

В течение дня знакомится с историческими памятниками Самарканда.

«В Самарканде, как уверенно утверждала Е.Г.Макеева, Есенин с чтением стихов не выступал и никого не извещал здесь о своем приезде. Он хотел лишь осмотреть старинные архитектурные ансамбли, ступить на древнюю землю Согдианы, познавшей многих завоевателей и властителей, ушедших в небытие, но сохранившей одну лишь власть — нетленную и вечную власть Красоты.

Красота эта покорила Есенина, он оторваться не мог от знаменитых башен и мавзолеев, от древнего Гур-эмира и плит Регистана; конечно же, кто-то рассказал легенду о Биби-ханым и еще какие-то предания, связанные с зодчими и мастерами старого Самарканда. Бродили по улочкам старого города, любовались старыми карагачами, которые именно здесь, в Самарканде, поразили Есенина своей формой и густой зеленью» (Тартаковский, 121–122).

Май, до 31. Совнарсудом открывается производство по делу имажинистов, скорее всего, начатое в связи с нарушениями, вскрытыми в области их издательской деятельности.

Событие и его граница устанавливаются по упоминанию этого дела в официальном докладе сотрудников Наркомата рабоче-крестьянской инспекции (см.: 31 мая 1921).

Дело ведет следователь по важнейшим делам Пестрак (возможно, Г.М.Пистрак; см. след. запись).

Другие данные об этом деле не выявлены.

Возможно, именно следователю Пестраку адресуется дарственная надпись рукой Есенина на нумерованном экземпляре книги А.М.Ремизова «Заветные сказы» (Пб.: Алконост, 1920; экз. № 122), имеющем коллекционную ценность:

«Г.М.Пистрак. В знак приязни. С. Есенин. В. Шершеневич. 1921. А. Кусиков».

Есенин, VII (1), 168, 461.

В.Шершеневич и А.Кусиков, оставившие под инскриптом свои подписи, были также привлечены к ответственности по делу Совнарсуда.

Факсимиле надписи см.: Юсов-96, 322.

В Москве выходит книга И.Соколова «Имажинистика» (М.: Орднас, 1921).

Граница события устанавливается по дате составления сотрудником Наркомата РКИ доклада, в котором эта книга фигурирует как поступившая в продажу (ГАРФ, ф. А2306, оп. 1, ед. хр. 607, л. 1; см. также след. запись).

Автор книги предстает настоящим апологетом имажинизма:

«Имажинизм, как и всякое новое, подлинно оригинальное достижение в искусстве, вытекает из всего предыдущего развития русской поэзии <...>.

Ныне имажинизм вызван к жизни исторической необходимостью закончить агрессивное и победоносное шествие троп<ов>. Сухие цифры диаграмм тропов объективно говорят за то, что этап символизма и футуризма нами окончательно пройден и что движением всей истории русской литературы место приготовлено имажинизму. Имажинизм должен довести количество троп<ов> до maximum'a. Сущность имажинизма и заключается в провозглашении канона: „Не должно быть ни одной строчки, ни одной фразы, вернее, ни одного слова, где не был бы скрыт троп". Тропы должны достигнуть предела — 100 %. Имажинизм есть культ троп<ов>. <...> Старые и новые стихи Александра Кусикова и Вадима Шершеневича отяжелены от образов, как виноградные лозы от плодов».

Приводя исторические примеры, называя имена поэтов прошлого и настоящего, в том числе и имажинистов, автор вместе с тем не упоминает имени Есенина, осуществляя бойкот Есенина как поэта, к чему он призывал в своем заявлении в литературный отдел Дворца искусств (см.: 11 июля 1920).

Май, 31. Сотрудники Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции завершают работу над докладом о результатах обследования издательской и книготорговой деятельности имажинистов и Всероссийского союза поэтов, а также эффективности контроля за выходом их изданий со стороны Госиздата.

В нем отмечаются различные нарушения, в том числе допущенные Есениным, Мариенгофом и Шершеневичем при издании их авторских книг и коллективных сборников и в книготорговой деятельности.

Выдержки из доклада:

«Издательская деятельность.

<...> Новых книг по поэтической литературе вообще мало, а из напечатанных — большинство мелкие стихотворения маленькими брошюрами; доминирующее количество новых изданий имажинистские <...>.

Союза имажинистов не существует; они составляют неофициальную группу поэтов, частью входя, а частью даже и не входя в члены Всероссийского Союза Писателей <...>.

Имажинисты <...> получали разрешение на напечатание своих сборников довольно щедро. Как выяснилось:

1) все напечатанные ими книги в Москве имеют соответствующие разрешения; 2) внемосковские издания имажинистов напечатаны хотя и без разрешения, но не московскими издательствами и не в Москве; 3) однако из 6 провинциальных изданий имажинисты имеют неиспользованные разрешения на пять таких изданий; 4) печатание всех книг разрешалось имажинистам „на бумаге издательства", на что в общем итоге разрешено употребить 152 ст<опы> бумаги, из коих использовано лишь 33 стопы, и 5) на некоторых сборниках, разрешенных к печати, было изменено во время печатания одно только заглавие, как напр<имер>, разрешенный сборник „Втроем" был назван „Золотой кипяток" <Есенин, Мариенгоф, Шершеневич>; „Телячья радость" получил название „Исповедь хулигана" <Есенин>; кроме того, из разрешенного к печати сборника издавались оттиски, как, например, из „Золотого кипятка" напечатано два оттиска: а) „Мариенгоф развратничает с вдохновением" и „Исповедь хулигана" <...>

Книготорговая деятельность.

<...> книги получаются от авторов путем покупки или на комиссию, а старые книги составлены из библиотек членов артели каждой лавки. Они контролируются Отделом печати Московского совета Р.Д. раза два в месяц, находясь в полной зависимости от периодического контроля. Однако этот контроль не оставляет никаких следов своих посещений и, очевидно, не следит за исполнением существующих правил и узаконений.

Так, совершенно открыто, на витринах, прилавках и столах лавки разложены продаваемые книги, среди которых при самом беглом обозрении обнаруживаются книги, частью напечатанные без указания издательства, типографии и цены <...>.Есть иногородние издания, по виду не соответствующие правилам напечатания, есть даже напечатанные в частных типографиях <...>

Книжные лавки никакой связи ни с издательствами, ни с профсоюзами поэтов или писателей не имеют; каждая принадлежит артели из небольшого числа лиц <...>

Денежные отчетности Издательства имажинистов Отделом печати не рассматриваются <...> калькуляция книг не производится; наблюдения за тем, чтобы продаваемые книги хотя бы по виду удовлетворяли существующим правилам <...> не производится. <...>

Контроль Госиздата.

<...> Госиздат вовсе не руководствовался затруднениями текущего момента, так как разрешал, например, имажинистские издания печатать на бумаге издателей <...> в результате <это> привело к возможности для имажинистов употребить на свои издания 152 стопы бумаги. При бедности Республики в смысле бумаги возможность изъять из рынка такое количество бумаги, данная Гизом, является необъяснимой и неправильной. <...> Наконец, мы посетили камеру следователя по важнейшим делам Совнарсуда тов. Пестрака <возможно, Пистрак> и ознакомились с имеющимся производством по делу имажинистов, но никаких новых данных для ревизии в этом деле не усмотрено <...>.

Нами обследована также и деятельность Госиздата в пределах данного нам задания, т. е. по вопросу наблюдения и руководства выходом из печати произведений поэтической литературы <...>. За изданиями не Гиза последний никакого контроля осуществлять не в состоянии <...>

По словам заместителя заведующего Гиза, тов. Вейса, в замеченных случаях нарушения правил доводится до сведения ВЧК, что и сделано по поводу двух имажинист-

ских изданий „Исповедь хулигана“ и „Развратничаю с вдохновением“. Однако ревизия убедилась, что оба эти издания являются простыми оттисками из сборника „Золотой кипяток“, разрешенного к изданию под заглавием „Втроем“».

Доклад на имя Управляющего отделом летучих ревизий и центрального бюро жалоб НК РКИ составлен старшим инспектором отдела П.К.Мысовским и штатским инспектором С.Я.Белкиным.

Машинопись (копия документа), ГАРФ, ф. А2306, оп. 1, ед. хр. 607, л. 3–5.

См. также: ГАРФ, ф. Р395, оп. 1, ед. хр. 201, л. 96–98; 24 сент. 1921, вторая запись.

Газета «Коммунистический труд» (№ 352) в заметке «М.П.М.» (подпись: В.Б.) обвиняет книжную лавку «Художников слова» (А.Б.Мариенгоф и Есенин) в торговле краденой антикварной книгой:

«В витрине „Книжной лавки художников слова“, рядом с публичным изложением того, как „Мариенгоф развратничает с вдохновением“, выставлено для продажи Архангельское евангелие 1692 года — оригинал, по-видимому. На раскрытой странице — печать: „Отд. Старинных рукописей М.П.М.“ Что значит М.П.М.? Едва ли не — Московский публичный музей. Во всяком случае, им, хотя и имажинистам, но библиофилам, установить учреждение-владельца книги нетрудно. Почему же они не возвращают книгу учреждению, откуда она, очевидно, выкрадена».

Ответ имажинистов см.: 5 июня 1921.

Май, 31 — Июнь, 1. Есенин завершает осмотр старых кварталов Самарканда и переходит к ознакомлению с европейской (русской) частью города.

«Здесь он обязательно обратил внимание на оригинальные строения для военного губернатора, административные здания, простирающийся на сотни метров широкий Абрамовский бульвар и другие достопримечательности» (Зинин, 132–133).

Май. Во время беседы Н.А.Клюева с А.А.Ахматовой (возможно, в Фонтанном доме: Петроград, Фонтанка, 18) заходит речь о Есенине.

Событие устанавливается по воспоминаниям В.В.Иванова (см. ниже), а его время определяется по данным о тогдашнем пребывании Н.А.Клюева в Петрограде — свое стихотворение «Григорий Новых цветистей Бессалько...» он записывает в альбом С.М.Алянского в мае 1921 г. (Клюев-1999, 936).

А.А.Ахматовой запомнились клюевские слова о Есенине:

«Ему бы хоть в тюрьму попасть. Он понял бы луч солнечный и слово человеческое».

Иванов Вяч. Вс. Беседы с Анной Ахматовой. — В кн. «Воспоминания об Анне Ахматовой», М.: Сов. писатель, 1991, с. 487.

Весна ... Лето, не ранее. В.Хлебников отмечает в записной книжке несколько лиц, в том числе Есенина, которым он передавал свои рукописи:

«У Петн<икова> статья. Чикаго. Косое и третье.

У Ес<енина> Ночь в окопах. Труд. Мулла <поэма „Ночь в окопе“, стихотворение „Труднеделя“, поэма „Труба Гуль-муллы“>.

Повицкий. Статья о Есенине.

У Ерм<илова?> <...> 3 стих<отворения> на заумном языке».

РГАЛИ, ф. 527, б/н (по копии А.Е.Парниса).

Аналогичная информация (в сокращении) повторена в другом месте этой же записной книжки.

В третьей строке записи, как предполагает А.Е.Парнис, речь идет о статье В.Хлебникова о Есенине (она неизвестна).

Время события определяется по датировке поэмы В.Хлебникова «Труба Гуль-муллы» (весна–лето 1921).

Июнь, 1. Есенин посещает самаркандский театр «Теревсат» (театр революционной сатиры).

О событии см.: Тартаковский, 122–123. Его дата устанавливается с учетом того, что 30 и 31 мая спектаклей в «Теревсате» не было (Тартаковский, 123).

В «Книжной летописи» (№ 11) регистрируется книга Есенина «Радуница» (1921).

См.: Летопись, 2, 437.

Июнь, 1, 8, 15, 24 и **29.** Берлинская газета «Голос России» (№ 672, 678, 684, 692 и 696) сообщает о выходе в свет и поступлении в продажу выпусков «Общедоступной библиотеки „Книга для всех“» издательства «Мысль» (Берлин), в том числе:

Вып. 2–3. «Поэзия большевистских дней (Блок, Эренбург, Есенин, Каменский, Шершеневич и др.)».

Июнь, 1 ... 26. В Берлине выходит в свет временник литературы и политики «Знамя» (№ 1) с материалами Есенина и о Есенине.

Нижняя граница события устанавливается по объявлению в берлинских газетах «Руль» (см.: 17 июня 1921), «Время» (см.: 20 июня 1921), «Новый мир» (см.: 21 июня 1921; 24 и 31 июля 1921; 13 и 14 авг. 1921), верхняя – по информации берлинской газеты «Голос России» (1921, 26 июня, № 694) о поступлении журнала в продажу и в статье Бор. Мирского «Оппозиция „Скифов“» в парижской газете «Последние новости» (1921, 26 июня, № 365): «...в Берлине на днях вышел первый номер органа левых эсеров „Знамя“».

В журнале напечатаны:

— стихотворение Есенина «Нивы сжаты, рощи голы...»;

— статья Иванова-Разумника «Изысканный жираф» со строками:

«<...> Старый мир рушится, новый рождается в муках десятилетий; А.Блок, Андрей Белый, Клюев, Есенин откликаются потрясенной душой на глухие подземные раскаты»;

— перечень книг издательства «Скифы» (Берлин) в рубрике «Книги, полученные редакцией для отзыва»:

«<...> Сергей Есенин „Товарищ. Инония“, 80 стр., цена 6 м. <...>

Сергей Есенин „Триптих“, 32 стр., цена 3 м.»;

— информация о новых издательских проектах на немецком, русском и итальянском языках:

«Ab Juni 1921 erscheint die Zeitschrift fur Literatur, Politik und Kunst: „Standarte“ („Znamia“ — „IL VESSILLO“) in deutscher und russischer Sprache in Berlin — in italienischer in Rom, herausgegeben von Alexander Schreider.

Mitarbeiter sind: Alexander Block, Andrej Bjelyj <...> Konstantin Erberg, S.Esenin, R.W.Iwanow-Rasumnik <...> N.Klujew <...>

Inhalt des 1. Heft — Juni 1921 — russische Gedichte: A.Block, N.Klujew, S.Esenin...».

См. также: 9 июня 1921; 17 июня 1921, вторая запись и др.

Июнь, 2 — Ночь со 2 на 3. Есенин выезжает из Самарканда и прибывает в Ташкент.

В четверг 2 июня вагон был прицеплен к поезду № 4 «Самарканд — Ташкент», который в 10 часов 33 минуты отбыл в Ташкент. Поезд, ехавший из Самарканда в Ташкент меньше суток, прибыл туда ночью 3 июня (Тартаковский, 119–120).

Поездка в Бухару и Ашхабад не состоялась. Возможно, что это не входило в задачу служебной командировки Г.Колобова, но могли быть и иные причины, например, продолжающаяся борьба с отдельными отрядами басмачей.

Июнь, 3. Есенин с друзьями присутствует на прощальном обеде в семье Михайловых.

Датируется в соответствии с: Зинин, 135.

Сын главы семьи В.Г.Михайлов вспомнит:

«...И, наконец, последняя встреча во время прощального обеда там же, на Первомайской. Они пришли, и у каждого в руках был букет. Колобов подарил моей матери ирисы, брюнет преподнес младшей сестре Ксаночке <...> букет алых роз, а Есенин вручил старшей сестре Леле <Елене Гавриловне Макеевой — *С.З.*> розы белого и нежно-розоватого цвета».

Цит. по: Зинин, 135–136.

Ф.В.Лихолетов вспомнит:

«Мне показалось, что Есенину очень понравилось в Туркестане. Иногда он говорил о той свободе от мелочных дел и ненужных затей, которую испытывал здесь, о счастье жить, как хочется, рядом с милыми и добрыми людьми, под этим вечно голубым жарким небом, среди зеленых садов и журчащих арыков (он называл их ручьями). Но когда я однажды спросил его, мог бы он написать о Востоке, о туркестанской природе, которая вдохновляет нас, русских художников, он отрицательно закачал головой и сказал, что не представляет себе этого, что восточные стихи Ширяевца, хоть они и хороши, всё же слабее, как ему кажется, тех, где русская душа поэта рвется из каждого слова. Когда позже, через несколько лет, я прочел „Персидские мотивы“ — прочел не сразу, а отдельными стихами, — я решил, что Есенину удалось побывать в Иране и именно это изменило его мнение о Востоке как возможном источнике поэтического вдохновения. Во всяком случае, так воспринимал я, помню, первое же прочитанное стихотворение:

Улеглась моя былая рана,
Пьяный бред не гложет сердце мне,
Синими цветами Тегерана
Я лечу их нынче в чайхане.

Они показались мне написанными где-то здесь, в Средней Азии, в Персии, в Тегеране. Но потом я узнал, что Персия у Есенина выдумана, и подумал: „Видимо, всё же взял что-то русский поэт у неба и земли Туркестана, подметил на ташкентской улице, в чайхане, в узбекском дворике — во всем, что так легко проглядывается сквозь „персидские“ пейзажи и детали его восточного цикла“».

Цит. по: Тартаковский, 78–79.

В этот же день Есенин отбывает в Москву.

Тартаковский, 120.

И.Н.Розанов получает от А.Б.Мариенгофа предложение написать книгу об имажинистах.

Событие и его дата устанавливается по записи И.Н.Розанова.

«...Днем ходил в книжные магазины <...> У „Имажинистов“ <...> Мариенгоф предлагал мне написать о них: издадут...»

Дневник Розанова, ед. хр. 5, л. 60.

Июнь, после 3. В журнале «Универсал» (№ 3–4, за апрель–май) помещается «Письмо в редакцию: Ответ на „Лавочку поэтов“ А.Святогора» (подпись: В. А. И.).

Граница события устанавливается по дате напечатанного в журнале письма заключенных анархистов из Таганской тюрьмы.

Автор отклика пишет:

«Святогор очень недоволен, что у имажинистов нет общего миросозерцания. Ведь „без идеологии – как своего миропонимания – школы нет“. И старательно доказав, что „в смысле склада характеров и мироотношения имажинисты – люди разные“, он с негодованием <обрушивается> на школу, представители которой позволяют себе иметь не только разные миросозерцания, но даже не подчиняться партийным правилам (Кусиков: „какой же он имажинист. Ведь он не заменяет спряжения неопределенным наклонением“), с негодованием уважающего порядок и дисциплину изрекает, что „имажинизма как поэтической школы нет“. И затем, как деловой человек, унизив конкурента, переходит к саморекламированию: „Новое – это биокосмизм“ (победа над пространством, реализация личного бессмертия, воскрешение мертвых) – приятный вкус, хороший запах, полезно для здоровья! Кушайте!

Понятно теперь, почему Святогор недоволен, что имажинисты „коммерчески не бездарны“! <...>.

В наше время, когда существует столько школ, представители которых так похожи друг на друга, что и не различишь их <...>, особенно радостно видеть поэтов, хоть и объединившихся, но только в силу одного общего им признания образа – главным для поэтов.

Изысканно-спокойный Шершеневич <...>, вычурно-застывший на вечных исканиях любви. Мечущийся, больной и изломанный Мариенгоф <...>. И озорник Есенин, деланная наивность голубых глаз которого будто бы только что сошла с картины Буше. Это – с одной стороны. А с другой – Святогор с десятком Святогорчиков, которых и не различишь от него».

См.: после 15 марта ... до 16 апр. 1921.

Июнь, 4. На железнодорожной станции Челкар (или Актюбинск) Есенин встречается с С.Оковым, также направляющимся в Москву.

Они беседуют на литературные темы.

Тартаковский, 124.

См. также: 27 июня 1921, первая запись.

Июнь, 5. Газета «Коммунистический труд» (№ 357) публикует опровержение:

«Ассоциация имажинистов разъясняет, что подлинник Архангельского Евангелия находится в Румянцевском музее, никуда он не пропадал; в витрине же книжной лавки стоит книга, изданная Румянцевским музеем в типографии Левенсона в 1912 г., трех-

цветной фотоцинкографией, причем издание это весьма художественно воспроизводит все пометки и надписи оригинала, в том числе и штемпель музея».

См.: 31 мая 1921.

Июнь, до 8. В петроградском издательстве «Алконост» выходит сборник «Искусство старое и новое» (редактор – К.Эрберг) со статьей Иванова-Разумника «„Мистерия“ или „Буфф“?», где идет речь о Есенине.

Галушкин-2005, 2, 97.

Фрагменты статьи критика см.: 20 мая 1921.

См. также: после 11 февр. ... март (?) 1922.

Июнь, 8 ... 10. В разговоре Б.Л.Пастернака с Т.Г.Мачтетом заходит речь об имажинизме, в том числе о Есенине.

Границы события устанавливаются по записям Т.Г.Мачтета от 7 и 11 июня 1921, между которыми других записей не было.

Из записи от 11 июня:

«На днях встретил Бориса Пастернака <...> дружно поговорили с ним. О чем? О вечере Кусикова 31 мая в союзе <кафе Всероссийского союза поэтов>, о подражанье его мне.

— Вы знаете, он и у меня в последней поэме *<нрзб.>* захватил несколько строк, — сказал поэт. Мы рассмеялись.

— Вообще имажинизм разве поэзия, — воодушевился мой собеседник. — Вот дайте только срок, и года через два мы ему такую панихиду устроим, всем этим Шершеневичам и Мариенгофам, разве Кусиков останется, да еще Есенин».

Дневник Мачтета, карт. 7, ед. хр. 4, л. 42 об. – 43.

Июнь, 9. Берлинская газета «Голос России» (№ 679) печатает объявление:

«С июня 1921 г. выходит на русском и немецком языках – в Берлине и на итальянском– в Риме –

временник литературы и политики:

„ЗНАМЯ“

(„STANDARTE“ „IL VESSILLO“)

под редакцией Александра Шрейдера

и при участии:

Александра Блока, Андрея Белого, Р.Ф.Вальтера, В.Грёгера, С.Есенина, Р.В.Иванова-Разумника, Б.Камкова, В.Карелина, Н.Клюева <...> и многих других <...>

Содержание № 1 (Июнь 1921 г.) русского издания: Стихи: А.Блока, Н.Клюева, С.Есенина. Статьи <...>».

Далее в объявлении перечисляются статьи, которые составят содержание следующих номеров русского издания. Среди авторов Есенин не значится.

Затем на немецком языке дается содержание № 1 немецкого издания „STANDARTE“. Кроме А.Блока с поэмой „Skythen“, другие поэты среди современных авторов не значатся.

Полностью см. Приложение.

См. также: 17 июня 1921; 20 июня 1921; 21 июня, 24 и 31 июля, 13 и 14 авг. 1921.

Июнь, до 11. Есенин прибывает в Москву.

Датируется с учетом участия Есенина в акции имажинистов «Всеобщая мобилизация...» (см. след. запись).

Июнь, в ночь с 11 на 12. Есенин участвует в расклеивании на улицах Москвы листовок, призывающих сторонников действующего искусства выйти на демонстрацию.

Мой век, 594, 595, 597; Восп., 1, 354.

Текст листовки:

«Имажинисты всех стран, соединяйтесь!

ВСЕОБЩАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ

Поэтов, Живописцев, Актеров, Композиторов, Режиссеров и Друзей Действующего Искусства

№ 1

На воскресенье, 12 июня с. г., назначается демонстрация искателей и зачинателей нового искусства.

Место сбора: Театральная площадь (сквер), время: 9 час. вечера

Маршрут: Тверская, Памятник А.С.Пушкина.

ПРОГРАММА.

Парад сил, речи, оркестр, стихи и летучая выставка картин.

Явка обязательна для всех друзей и сторонников действующего искусства:

1) имажинистов,

2) футуристов,

3) и других групп.

Причина мобилизации: война, объявленная действующему искусству. Кто не с нами, тот против нас!

Вождь действующего искусства, Центральный Комитет Ордена Имажинистов.

Поэты: Сергей Есенин, Александр Кусиков, Анатолий Мариенгоф, Вадим Шершеневич, Николай Эрдман.

Художники: Георгий Якулов, Борис Эрдман.

Композиторы: Арсений Авраамов, Павлов.

Секретариат: Поэты-имажинисты Иван Грузинов, Матвей Ройзман».

Есенин, VII (2), 555, 600–602.

О том, как проходила акция имажинистов, подробно расскажет В.Г.Шершеневич:

«Осторожно крадучись по улицам, под покровом темноты, ибо фонари в те годы на улицах горели только в воображении (керосина тоже не было), мы расклеивали афиши о мобилизации <...> Утро превзошло все ожидания <...> и мы наблюдали толпы теснившихся около объявлений».

Мой век, 594, 595.

В мероприятиях имажинистов активное участие принимали Г.А.Бениславская и А.Г.Назарова. В.Г.Шершеневич вспомнит:

«В эпоху имажинизма к нам однажды подошли две девушки. Одна была тонкой брюнеткой с немного злым лицом, другая курносая, русопятая. Первую звали Галей Бениславской, вторую Аней Назаровой.

Весь путь имажинизма они проделали рука об руку с нами. Они помогали нам в наших проделках, они волновались нашими волнениями. Когда кого-нибудь из нас преследовали неприятности, жертва была спокойнее, чем Аня и Галя.

Ане ничего не стоило сбегать к себе на Таганку пешком только для того, чтоб принести оттуда нужную книгу. Аня с подругами клеила ночью манифесты имажинистов на улицах, рискуя службой и многим другим.

Если нас критиковали на вечерах, Анин голос раздавался из зрительного зала громче других, и она кричала критику: „Долой!“

Они не пропускали ни одного из наших выступлений, стихи наши знали, конечно, лучше нас самих.

Много позже, когда я работал на Таганке как режиссер, и без трамваев мне было тяжело ходить к себе в конец Арбата, Аня устраивала мне ночлег у себя.

Я не знаю, где теперь Аня. Вероятно, она вышла замуж и забыла свои годы „спутника имажинизма", именно имажинизма, а не кого-либо из имажинистов».

Мой век, 635.

Афиша-листовка была выпущена от имени так называемого Центрального Комитета Ордена Имажинистов.

Об организационной структуре Ордена Имажинистов сообщал в 1922 г. В.Шершеневич:

«Верховный Совет Ордена Имажинистов: Есенин, Мариенгоф, Кусиков, Якулов, Шершеневич. ЦК: Те же плюс Борис и Николай Эрдманы, Авраамов, Павлов. Московское отделение: Верховные советчики плюс цекисты плюс: Златый, Земенков, Краевский, Мар, Вольпин, Грузинов, Ройзман, Масленников, Ивнев, Эрберг, Рок, Светлый, Шмерельсон, Спасский, Тренин...».

РГАЛИ, ф. 1068, оп.1, ед. хр.183.

См. также: Есенин, VII (2), 601.

Как утверждала И.Яжембиньска, пользуясь метафорой и перенося буквальное значение духовно-рыцарских орденов на свою деятельность, имажинисты выступали в роли рыцарей, защищавших «Святую землю», «Иерусалим», каким была для них поэзия, от «неверных» (Яжембиньска И. Русский имажинизм как литературное явление: Дисс. ... канд. филол. наук / ЛГУ им. А.А.Жданова. Л., 1986, с. 46).

Однако, как отмечала Н.И.Шубникова-Гусева, действия имажинистов носили пародийный характер (Шубникова-Гусева, 574–576).

Июнь, 12. Есенин, А.Мариенгоф, В.Шершеневич и А.Кусиков допрашиваются следователем МЧК в связи с их ночной акцией.

В.Шершеневич даст такое описание этого эпизода:

«Через час по особым пригласительным билетам мы все четверо <Есенин, Кусиков, Мариенгоф, Шершеневич>, чьи подписи отчетливо красовались под манифестом, сидели в кабинете следователя МЧК <...> Осознав серьезность содеянного, мы оставили гаерство и шуточки и рассказали все откровенно. Нам задали головомойку, разъяснили всю политическую бестактность нашей листовки и отпустили, предложив самим ликвидировать затеянную демонстрацию».

Мой век, 597.

Грузинов в своих воспоминаниях сообщает о попытке Есенина на допросе у следователя МЧК взять вину на себя, показав, что «прокламацию напечатал он в Ташкенте и оттуда привез в Москву».

Восп., 1, 354.

Имажинисты приходят на Театральную площадь, чтобы отменить намеченную на этот день демонстрацию.

М.Д.Ройзман напишет в своих мемуарах:

«Нам посоветовали <в МЧК> самим отменить демонстрацию. Это мы и сделали, явившись 12 июня в 9 часов вечера на Театральную площадь. Народу собралось много, некоторые кричали: „Есенин! Есенин!" Но мы молча ушли».

Ройзман, 142.

Июнь, после 12. Есенин записывает фрагменты текста и рифмы из «Пугачева» под общим названием «Орнамент».

Граница события устанавливается по времени написания глав «Пугачева», фрагменты из которых использовались поэтом.

Скорее всего, эти листы были началом рукописи, о продолжении которой сведений нет. Публикуется по негативу (фототека ГЛМ, выявлен Н.Г.Юсовым).

Записи представляют собой композицию отрывков из второй – четвертой глав поэм с последующими заметками Есенина «о мастерстве развития <...> рифм как характере архитектурного стиля» поэтического произведения.

Считается, что записи Есенин собирался использовать в работе над книгой «Словесные орнаменты» (см.: после 5 июля 1921).

Есенин, VII (2), 88–91. Полное факсимиле см.: Шубникова-Гусева, 136–137.

См. Приложение.

Есенин пишет раннюю редакцию шестой главы, не вошедшую в окончательный текст.

Есенин, III, 333–335, 463.

Ранняя редакция шестой главы «Лунный парус над саратовской крепостной стеной» написана, скорее всего, по приезде Есенина из Ташкента.

И.И.Старцев вспомнит в 1926 г.:

«Есенин, между прочим, не один раз говорил мне, что им выкинута из „Пугачева“ глава о Суворове. На мои просьбы прочитать эту главу он по-разному отнекивался, ссылаясь каждый раз на то, что он запамятовал ее, или просто на то, что она его не удовлетворяет и он не хочет портить общее впечатление. Рукопись этой главы, по его словам, должна находиться у Г.А.Бениславской, которой он ее якобы подарил».

Восп., 1, 414.

См. также: 8 мая 1922.

Есенин завершает работу над окончательной редакцией шестой главы поэмы «Пугачёв» («В стане Зарубина»).

В процессе сочинения этой главы поэт неоднократно перерабатывает ее текст и заглавие.

Первоначальные названия «На Саратовской городской стене» и «Осада Казани» отбрасываются. Окончательным становится название: «В стане Зарубина».

Июнь, после 12 ... 30. Есенин читает в кафе имажинистов «Стойло Пегаса» поэму «Пугачев».

Затем рассказывает о своих взглядах на театральное искусство.

Рамки события устанавливаются с учетом времени возвращения Есенина из Туркестана и того факта, что это чтение, по свидетельству мемуаристов, предшествовало чтению в Доме печати 1 июля 1921 (см.).

В 1926 году И.В.Грузинов напишет:

«После первого чтения „Пугачева“ в Стойле Пегаса присутствующим режиссерам, артистам и публике Есенин излагал свою точку зрения на театральное искусство.

Сначала, как почти всегда в таких случаях, речь его была путаной и бессвязной, затем он овладел собой и более или менее отчетливо сформулировал свои теоретические положения. <...> Он расходится со своими друзьями-имажинистами во взглядах на театральное искусство: в то время как имажинисты главную роль в театре отводят действию, в ущерб слову, он полагает, что слову должна быть отведена в театре главная роль.

Он не желает унижать словесное искусство в угоду искусству театральному. Ему, как поэту, работающему преимущественно над словом, неприятна подчиненная роль слова в театре.

Вот почему его новая пьеса, в том виде, как она есть, является произведением лирическим.

И если режиссеры считают „Пугачева“ не совсем сценичным, то автор заявляет, что переделывать его не намерен: пусть театр, если он желает ставить „Пугачева“, перестроится так, чтобы его пьеса могла увидеть сцену в том виде, как она есть».

Грузинов, 10–11.

Июнь, после 12 (?) ... 30 (?). Есенин читает поэму «Пугачев» на квартире Э.Я.Германа:

«Читал у меня поздно ночью „Пугачева“, – вспомнит позднее Э.Герман. – Слова звенели как звенит кровь в ушах. Буйным пафосом захлестывала мои тесные комнаты. Я с опаской поглядывал на дверь: вот-вот придут соседи жаловаться! Не разбудил бы соседей!»

Материалы, 176.

М.А.Мальцева, жена Э.Германа, дополнит эту заметку (там же):

«Рассказ об этом эпизоде не закончен. Эмиль рассказывал, что в конце концов дверь распахнулась и ввалились соседи по квартире – булочник, проститутка и др. – и остались слушать (они долго слушали за дверью)».

Июнь, после 12 ... Июль, до 21. Есенина знакомят с еврейским поэтом Хаимом Бяликом.

Границы события устанавливаются с учетом сроков нахождения Есенина в Туркестане и времени пребывания Х.Бялика в Москве. Бялик приехал в Москву в мае 1921 года для издания произведений Ибн-Эзры и других представителей еврейской культуры (газ. «Время», Берлин, 16 мая 1921 (№151); до 21 июля 1921 года он отбывает из Москвы (газ. «Голос России», Берлин, 21 июля 1921, № 715).

Н.Д.Вольпин расскажет об этом в своих мемуарах:

«Бялик в Москве!

Лика Стырская подает его, как именинный пирог. Знакомит со мной, усаживает меня за их стол в СОПО в первом зале. <...> И тут Стырской удалось залучить к нашему столику Есенина. Церемонно представляет их – мол, знакомьтесь и оцените друг друга. Но... блин вышел комом.

Не приподнявшись со стула, Бялик через стол протягивает руку стоящему перед ним Есенину и произносит медленно, как будто на чужом полузнакомом языке:

– Приятно видеть молодого человека.

Сергей учтиво и холодно, с полупоклоном, скрывая, как мне показалось, усмешку:

– Приятно видеть пожилого человека <Бялику шел 48 год>.

И сразу же отвернулся, отошел во второй зал, взглядом приглашая и меня последовать за ним. В обиде за Бялика я остаюсь с ним и Стырской...».

Как жил Есенин, 299–300.

Этот же эпизод кратко опишет Э.Герман, муж Е.Я.Стырской:

«Познакомил <так!> его с Бяликом. Бялик:

– Мне очень приятно видеть *такого молодого* человека.

Есенин обиженно:

– Мне тоже очень приятно видеть *такого старого* человека!»

Материалы, 156.

Июнь, после 12 — Июль. Есенин нередко бывает в обществе младшего брата А.Б.Кусикова Рубена.

Событие и их рамки устанавливаются с учетом времени возвращения Есенина из поездки в Среднюю Азию и по воспоминаниям А.Б.Кусикова:

«В июне или июле 1921 года, в то самое время, когда Есенин дописывал последние две главы „Пугачева“, по целому ряду причин он находился в крайне нервном и беспокойном состоянии. Некоторое время ему пришлось провести вместе с моим младшим братом.

Брат мой <...> на тревожные вопросы Есенина напевал „ростовские песенки“. Одна из них очень нравилась Есенину. И не раз его подавленность расползалась в сияющую улыбку, когда брат ему утешительно баритонил:

Ах, в жизни живем мы только раз,
Когда монета есть у нас,
Думать не годится, завтра что случится,
В жизни живем мы только раз, аз, аз.

Железное спокойствие брата всегда подбодряло Есенина <...>. А „ростовские песенки“ в гениальной обработке Есенина озарили две лучшие главы „Пугачева“».

Восп.-95, 321.

Июнь, после 12 ... Август, до 4. В Петровске (Саратовская губ.) издательством «Плетень» выпускается одноименный альманах (1921) с упоминанием имени Есенина:

– в рекламном объявлении «Новые книги. Книгоиздательство „Имажинисты“»:

«С.Есенин – „Пугачев“, стихи <так!>»;

– в информационной заметке «Орден имажинистов»:

«В состав Центрального Комитета Действующего Искусства вошли: Есенин, А.Мариенгоф, А.Кусиков, В.Шершеневич, Н.Эрдман, Б.Эрдман, Г.Якулов и др.».

Кроме того, в рубрике «Литературная хроника» помещается заметка «Объявление войны»:

«12 июня группой московских имажинистов объявлена мобилизация поэтов, актеров, художников и всех друзей действующего искусства – причина: война, объявленная действующему искусству».

Нижняя граница события устанавливается по дате, упомянутой в этой заметке, а его верхняя граница – по записи Т.Г.Мачтета (5 авг. 1921): «Как раз вчера получил из Петровска давно жданный сборник „Плетень“» (Дневник Мачтета, карт. 7, ед. хр. 5, л. 20 об.).

Июнь, после 12 — Осень, начало. Есенин продолжает встречаться с Н.Вольпин; между ними случаются размолвки.

Все больше времени поэт уделяет Г.Бениславской.

Событие и его границы устанавливаются по воспоминаниям Н.Д.Вольпин и Г.А.Бениславской с учетом времени возвращения Есенина из Туркестана.

Н.Вольпин напишет об этом:

«Так оно шло у нас всегда: повод к ссоре выискиваю я, первый шаг к миру делает Сергей (ему проще, знает: сколько бы я ни ерепенилась, а люблю неизбывно...) <...> Август двадцать первого. У меня свои причины сторониться Есенина. Но видимся чуть не ежедневно — в „Стойле Пегаса“. А с некоторых пор почти каждый вечер в „Стойло Пегаса“ приходит Галина Бениславская с какой-либо подругой, чаще всего с Яной Козловской.<...> На переломе осени имажинисты затеяли провести у себя в кафе фестиваль — что-то вроде костюмированного бала. <...> Весь вечер праздника Сергей просидел за столиком с Галиной Бениславской».

Как жил Есенин, 280, 283–284.

Н.Вольпин подметила:

«Сейчас здесь празднуется <...> желанная победа. Ею, не им!»

Об этом же периоде своих отношений позднее напишет Г.Бениславская:

«Пошли длинной вереницей бесконечно радостные встречи <...> Я жила этими встречами — от одной до другой»; «Да, март — август 1921-го — какое хорошее время».

Материалы, 26, 104.

Примерно через полгода Есенин скажет Н.Вольпин:

«— Да что вы — к Гале ревнуете? Между нами нет ничего, только дружба! Было, всё было, но теперь только дружба!»

Как жил Есенин, 285.

Июнь, до 16. Выходит № 4–6 петроградского журнала «Грядущее», публикующий материалы, содержащие выпады против имажинистов:

— в поэме Ильи Садофьева «Индустриальная свирель» есть строки:

Дарю Коммуны машинистам
Индустриальную свирель!
Пускай грызут имажинисты
Бескровный образ — самоцель.

Им, заблудившимся в тумане,
Увы, отведать не дано, –
Пьяно ли в пушкинском стакане
Индустриальное вино...

— в «Письмах о литературной критике» П.И.Лебедев-Полянский (подпись: Валерьян Полянский) вслед за критикой заумной поэзии футуристов переходит к имажинистам:

«Прибавь к этому бреду всякого рода имажинистов <...> и скажи по совести: титаны они, потрясающие горы векового зла, или же ничтожные паразиты.

Конечно, на эту публику мы мало обращаем внимание, а если иногда и показываем ее, то на манер медицинских выставок со страшными картинами, чтобы предостеречь молодежь от увлечений».

Граница события определяется в соответствии с: Галушкин-2005, 2, 100.

Июнь, середина. В Петровске (Саратовская губ.) группой местных имажинистов и экспрессионистов проводится первый вечер поэзии, где читаются стихи Есенина.

Из программы вечера:

«Ник. Спасский выступал с докладом „об имажинизме“, после которого оппонентом выступил экспрессионист Д.Самсон. <...> После диспута <...> в третьем отделении с декламацией выступали Петр Самсонов (Игоря Северянина, С.Есенина), П.Полубояринов (С.Есенина и Т.Мачтета) и Виталий Козлов (А.Мариенгофа и С.Есенина)...».

Газ. «Петровская коммуна», Петровск, 1921, 29 июня, № 50 (заметка без подписи «Вечер поэзии в Петровске»).

Июнь, 17. Как почетного гостя принимают в кафе «Стойло Пегаса» приехавшего из Петрограда К.С.Петрова-Водкина.

Художник входит в состав экспедиции, направляемой в Самарканд для обследования состояния архитектурных и исторических памятников.

Событие устанавливается и датируется по письму К.С.Петрова-Водкина жене от 18 июня 1921 г.:

«Здешняя жизнь ничем не напоминает петербургскую, вчера, например, я был в кабаре молодых писателей, так называемых „имажинистов“ — меня шикарно приняли: с кофе, пирожками и речами. Они блещут варваризмами и талантами. Это придает жиз-

ни. Мы на берегах Невы слишком тяжеловесны, слишком серьезные и слишком дохлые. Здесь же даже при тяжелых переживаниях умеют смеяться и шутить».

Петров-Водкин К.С. Письма. Статьи. Выступления. Документы / Сост., вступ. ст. и коммент. Е.Н.Селизаровой. — М.: Сов. художник, 1991, с. 213.

В кафе не было Есенина, иначе художник о нем написал бы.

Берлинская газета «Руль» (№ 175) печатает объявление о выходе с июня 1921 г. на русском и немецком языках в Берлине и на итальянском в Риме временника литературы и политики «Знамя», аналогичное помещенному в берлинской газете «Голос России».

Есенин упоминается при перечислении потенциальных участников и как один из авторов отдела «Стихи» в № 1 русского издания.

См.: 9 июня 1921.

См. также: 20 июня 1921; 21 июня, 24 и 31 июля, 13 и 14 авг. 1921.

Июнь, 18. Уездный политико-просветительный отдел при Можайском наробразе (Московская губ.) обращается в Госиздат РСФСР с письмом, где идет речь о книгах имажинистов и упоминается Есенин.

Заведующий отделом пишет:

«За последние 2 раза в п/о <т. е. подотдел> печати поступает по распределению из Московского отдела печати имажинистическая литература в десятках экземпляров (до сотни): знаменитый сборник В.Шершеневича „Лошадь как лошадь“, Марленгофа <так!>, „Буян-остров“ Есенина <на самом деле Мариенгофа>, „Стихами чванствую“ и т. д. На этих сборниках нет визы государственного издательства, а вместо нее имеется: „Имажинисты“. Без визы Госиздательства вся литература считается незаконной и не подлежит распространению. Может быть, у Московского отдела печати имеются какие-либо веские мотивы? Уездполитпросвет просит срочно сообщить, подлежит ли эта литература распространению или нет».

ГАРФ, ф. Р395, оп. 1, ед. хр. 199, л. 106 (рукописный подлинник).

Ответа в этот конкретный адрес издательским делопроизводством не зафиксировано. Однако спустя пять недель (25 июля 1921) Госиздат РСФСР разошлет под грифом «Секретно» предписание всем своим губернским отделениям:

«На основании распоряжения Распорядительной комиссии Госиздата предлагаем вам не давать разрешения и не отпускать бумаги на издание имажинистов».

Галушкин-2005, 2, 125.

Июнь, до 19. А.Мариенгоф читает в кафе «Стойло Пегаса» драму «Заговор дураков».

Дневник Мачтета, карт. 7, ед. хр. 4. л. 66 об.

Есенин, скорее всего, слушает это чтение.

Берлинский журнал «Русская книга» (№ 5):

— пишет о Есенине (отдел IV: Писатели):

«Сергей Есенин выпустил ряд новых книг, из коих наиболее значительны „Трерядница“ и „Исповедь хулигана“. Пишет стихотворную пьесу „Пугачев“. Работает в „Союзе поэтов“ и книгоиздательстве „Имажинисты“ (Вопреки ошибочно сказанному у нас в первом номере <см.: 8 янв. ... 17 янв. 1921>, большевиком не является)».

См. также: 22 мая 1921;

— помещает объявление, где среди русских книг издательства «Скифы» значатся:

«Сергей Есенин „Товарищ. — Инония“. 80 стр. Цена 6 мар.

Сергей Есенин „Триптих“. 32 стр. Цена 3,5 мар.;

— сообщает о выходе с июня 1921 г. на русском и немецком языках в Берлине и на итальянском в Риме временника литературы и политики «Знамя», «Standarte», «IL VESSILLO» под ред. Ал. Шрейдера и при участии А.Блока <...> С.Есенина, Р.В.Иванова-Разумника <...> Н.Клюева и мн. др.

См.: 1 ... 26 июня 1921; 17 июня 1921, 20 июня 1921, 21 июня 1921;

— извещает о выходе из печати сб. «Книга для всех. № 2–3. Поэзия большевистских дней (Блок, Эренбург, Есенин, Каменский, Шершеневич и др.)».

Граница события устанавливается по информации в газ. «Голос России», 1921, 19 июня, № 688.

Июнь, 19. Есенин и А.Мариенгоф присутствуют на вечере в кафе Всероссийского союза поэтов, где выступают Н.Бенар, Н.Кугушева, В.Федоров, Н.Захаров-Мэнский, М.Ройзман и Арго.

См.: 20 июня 1921; Дневник Мачтета, карт. 7, ед. хр. 4, л. 64 об.

Пражская газета «Воля России» (№ 233) печатает объявление издательства «Скифы» (Берлин):

«...Иванов-Разумник: „Россия и Инония“. – Андрей Белый: „Христос Воскресе“. – Сергей Есенин: „Товарищ“. „Инония“. 80 стр. Цена 6. <...>.

Сергей Есенин: „Триптих“. 32 стр. Цена 3.50».

Июнь, 19 ... 23. Есенин встречается с К.С.Петровым-Водкиным.

Делится впечатлениями о путешествии в Туркестан.

Рамки события определяются по содержанию писем художника жене и датам их написания (см.: 17 июня 1921 и ниже).

Из письма К.С.Петрова-Водкина жене от 24–26 июня 1921 г.:

«Несколько дней тому назад я видел Есенина, ты его знаешь. Он вернулся <из Туркестана> в полном восторге от Самарканда и очень посвежел...».

Петров-Водкин К.С. Письма. Статьи. Выступления. Документы / Сост., вступ. ст. и коммент. Е.Н.Селизаровой. М.: Сов. художник, 1991, с. 216.

Июнь, до 20. Т. Мачтет получает из Рязани письмо от поэта Я.Ф.Сименса с упоминанием Есенина:

«Посылаю вам афишу о нашем вечере стихов, где читали и вас вместе с Есениным».

Дневник Мачтета, карт. 7, ед. хр. 4, л. 63.

Другие сведения об этом мероприятии рязанских поэтов не выявлены.

Июнь, 20. Т.Мачтет записывает о ведущихся среди поэтов спорах об имажинистах и их драматических произведениях:

«О чем мы спорим, говорим в столовке под липами между 4 и 6 часами вечера? О стихах, о Союзе, о „Стойле Пегаса“.

— Вы знаете, — с удивлением говорит не доверяющий имажинистам Абрамович, — Мариенгоф там чудесную пьесу прочел про дураков.

— Смешное заглавие, — говорит кто-то, — из времен Бирона и Анны Иоанновны, и очень интересно.

— Мариенгоф и история, — удивляются все.

— Он хочет создать имажинистский театр, — острит Н.Я.<Абрамович>.

Мариенгоф, Есенин и Шершеневич.

Как-то плохо знаю первого, и не лежит душа к нему, хоть и встречаю часто и много его и Есенина. Они ходят франтоватые, все в белых жилетах, шикарно одетые.

— Хорошо иметь свое кафе, — завистливо глядя на Мариенгофа в белом пикейном костюме, фланирующего по Союзу, говорит Мирра Щетинина.

— Откуда у них такие деньги, — удивляется Кисин.

Да, своей манерой держаться, своим „Стойлом" имажинисты, как и костюмами, так и фривольными фразами своих стихов, вроде „Исповеди хулигана", бросают пыль в глаза своим менее удачливым товарищам.

Шум о них в городе, шум в провинции, но этот шум нездоровый, пошлый, вроде их же шума, поднятого объявлением войны действующему искусству и шествием к памятнику Пушкин<у>, запрещен<ным> правительством. Что же я, однако, медлю с ответом им <о вступлении в группу имажинистов>.

Вчера и Есенина и Мариенгофа видел, и, несмотря на шум, треск и бум, медлю и не завидую <...> выправке Мариенгофа, барственности Есенина, молодцеватости Шершеневича и моего друга Кусикова. <...> Почему медлю? Неужели испугался угроз Пастернака: „Вот погодите, мы через год такую панихиду отслужим имажинизму" <см.: 8 ... 10 июня 1921>».

Дневник Мачтета, карт. 7, ед. хр. 4, л. 67 об.

Берлинская газета «Время» (№ 155) печатает объявление о выходе с июня 1921 года временника литературы и политики «Знамя», аналогичное помещенному в берлинской газете «Руль».

См.: 17 июня 1921.

Июнь, 20 – 30. Есенин выезжает из Москвы в Рязань (?) и возвращается в столицу.

Об этой поездке свидетельствует разговор Т.Г.Мачтета с Есениным, когда на приглашение приехать в Рязань 2 июля 1921 г. поэт отвечает:

«Да, впрочем, я недели полторы, как из Рязани».

См.: 2 июля 1921.

Однако прямые свидетельства о такой поездке и ее продолжительности не выявлены.

Июнь, 20 – Июль, 26. Заключительная фаза подавления антисоветского крестьянского восстания под руководством А.С.Антонова.

Восстание шло в 1920–1921 годах (Тамбовская и частично Воронежская губ.).

Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1983, с. 39–40.

Есенин близко к сердцу принимал поражение этого крестьянского восстания. По словам В.Эрлиха (Материалы, 263–264), любимой песней Есенина в последние годы его жизни были «жуткие по своей обнаженной тоске» 16 строк, сложенные крестьянами-антоновцами, певшими их в предчувствии своей неизбежной гибели («Что-то солнышко не светит...»).

Как утверждает Л.В.Занковская, последняя строка последнего монолога главного героя поэмы Есенина «Пугачев» («Дорогие мои… дорогие… хор-рошие») навеяны словами, которые укоряюще, с горечью повторял атаман Антонов перед своей смертью (Занковская Л.В. Новый Есенин: Жизнь и творчество поэта без купюр и идеологии. М.: Флинта, 1997, с. 207).

Июнь, 21. Берлинская газета «Новый мир» (№ 117) печатает объявление о выходе с июня 1921 года временника литературы и политики «Знамя», аналогичное помещенному в берлинской газете «Руль».

См.: 9 июня 1921.

Июнь, 21 … Июль, 5. Петроградское издательство «Стрелец» выпускает книгу А.Э.Беленсона «Искусственная жизнь», где перепечатана статья «Банда воображающих» с упоминанием Есенина.

Рамки события устанавливаются по анонсу книги и по информации о ее выходе в газ. «Жизнь искусства» (18–20 июня, № 755–757 и 6–8 июля, № 770–772).

О первой публикации статьи и о ее содержании см.: 14 мая 1920.

Июнь, 22. В разговоре Т.Мачтета с Н.Рудиным заходит речь об имажинистском окружении Есенина.

На следующий день Т.Г.Мачтет запишет:

«Как нарочно вчера снова беседовал о Шершеневиче и его друзьях, но уже не с Пастернаком, с ними как будто конкурирующим, а со своим другом поэтом Рудиным:

— Вы думаете, надолго они, — засмеялся он, когда разговор у нас с ним коснулся имажинизма. — Разве вы не знаете, что с осени открываются многие в Москве типографии, и мы с ними тотчас войну начнем. <…>.

Слушая своего друга, я удивлялся, как все озлоблены против этого течения, захватившего в свои руки Парнас, и думают о нем, и решают бороться так же, как и Пастернак.

— Что же вы думаете, — смело ораторствовал мой друг, — разве это таланты, поэты, новаторы, да благодаря кризису бумажному взяли власть в свои руки, вот и кричат, да разве это на известность патент, теперь всё яркое, талантливое скрывается по кабинетам».

Дневник Мачтета, карт. 7, ед. хр. 4, л. 70 об.–71.

Калужская газета «Коммунист» (№ 132) помещает анонимную статью «В Калужском союзе поэтов», где в числе мероприятий, имевших успех у слушателей, отмечается доклад Я.Фридберга «О творчестве Есенина».

См.: 29 мая 1921.

Июнь, 23. Есенин приглашает И.Н.Розанова на свое чтение поэмы «Пугачев» в Дом печати.

Событие и его дата устанавливаются по записи И.Н.Розанова:

«…Заходил к имажинистам и узнал от одного Сергея (Есенина), что завтра в Доме печати он читает своего „Пугачева“ — приглашал прийти…».

Дневник Розанова, ед. хр. 5, л. 71.

Это чтение не состоялось (см.: 24 июня 1921).

Пражская газета «Воля России» (№ 236) печатает объявление о выходе с июня 1921 года временника литературы и политики «Знамя», аналогичное помещенному в берлинской газете «Руль».

См.: 9 июня 1921.

Июнь, ночь с 23 на 24. Выборы нового президиума Всероссийского союза поэтов, в которых, возможно, участвует Есенин.

Перевесом в шесть голосов побеждают сторонники платформы «Литературного особняка». Имажинисты, блокировавшиеся с В.Брюсовым, терпят поражение.

Событие устанавливается по записи Т.Г.Мачтета (25 июня 1921):

«Имажинисты, пользуясь разрухой нашей и спорами, пробуют сорвать собрание, видя, что партия особняка всё же верх одерживает. Но когда приступают к выборам, и они видят, что их дело плохо, все силы мобилизуют вовсю.

— За Есениным и Мариенгофом послали, — сообщает кто-то тихо.

Да, бой разыгрывается. Объявляется перерыв для подачи записок.

<...> Вдруг Ройзман <на собрании он выступал против имажинистов>, всё время прислушивавшийся к подсчету, срывается с места, радостно подбегает к Минаеву.

— Наши большинством 6-ти, – радостно восклицает он. <...>

И сразу всё в зале меняется. Все забегали, зашумели. Группа Адуева, Минаева, Ройзмана и Федорова подняла голову. <...> Имажинисты явно и с треском провалились, и смущенный Брюсов уже скрывается с эстрады. <...>

— Позвольте, — выступает вперед Адуев, — ведь же имажинисты заявили, что если их не выберут, то они уйдут из Союза, однако мы этого не видим.

— Заявляю, — кричит из окружавшей его толпы товарищей Мариенгоф, — имажинисты все уходят и отказываются от званья членов Союза!»

Дневник Мачтета, карт. 7, ед. хр. 4, л. 79 об. — 88 об.

Июнь, 24. В газете «Правда» (№ 135) объявляется вечер Есенина с чтением «имажиниады» «Пугачев» в Доме печати, но вместо Есенина там выступает Е.И.Замятин.

Устанавливается по записи И.Н.Розанова:

«24 июня (пятница) <…> в Доме печати, где вместо Есенина Замятин читал „Ловца человек<ов>“ и „Пещеру“».

Дневник Розанова, ед. хр. 5, л. 71.

Июнь, до 26. Есенин и А.Б.Мариенгоф читают друзьям главы своих поэм.

Событие устанавливается по воспоминаниям А.Б.Мариенгофа (см. ниже) и датируется с учетом, что эти чтения проходили до выступлений поэтов в Театре РСФСР 1-м (см. след. запись).

А.Б.Мариенгоф напишет:

«Свои поэмы по главам мы читали друзьям. Как-то собрались у нас: Конёнков, Мейерхольд, Густав Шпет, Якулов. После чтения Мейерхольд стал говорить о постановке „Пугачева“ и „Заговора дураков“ у себя в театре.

— А вот художником пригласим Сергея Тимофеевича, — обратился Мейерхольд к Конёнкову, — он нам здоровеннейших этаких деревянных болванов вытешет...

У Конёнкова вкось пошли глаза:

— Кого?.. <…> Болванов?..

И Конёнков так стукнул о стол стаканом, что во все стороны брызнуло стекло мельчайшими брызгами. <…>.

Конёнков встал:

— Ну, прости, Серега... прости, Анатолий... Я пойду... пойду от „болванов“ подальше.

Обиделся он смертельно».

Мариенгоф, 114.

В Театре РСФСР 1-м Есенин читает драматическую поэму «Пугачев» (первые две главы), а А.Мариенгоф — пьесу «Заговор дураков».

Событие и его граница устанавливаются по отклику (см.: след. запись).

Июнь, 26. Рижская газета «Новый путь» (№ 117; рубрика «Жизнь искусства»; подпись: Москвич) публикует информацию Э.Германа (?):

«В 1-м театре Р.С.Ф.С.Р. поэт Сергей Есенин читал перед труппой первые два акта своей новой пьесы „Пугачев“. Там же поэт Анатолий Мариенгоф читал пьесу свою „Заговор дураков“.

В кафе „имажинистов“ „Стойло Пегаса“ критик Н.Абрамович читал доклад об имажинистской поэзии».

См. перепечатки: газ. «Новый мир», Берлин,1921, 3 июля, № 128; 10 июля, № 134.

Чтение Есенина оставляет глубокое впечатление у слушателей и В.Э.Мейерхольда, почувствовавшего близость этой пьесы с пушкинскими драматическими произведениями (см.: Шубникова-Гусева, 141).

Июнь, 27. С.Оков пишет А.Ширяевцу из Киева:

«В дороге, не то в Челкаре, не то в Актюбинске <см.: 4 июня 1921>, забыл точно то, встретились мы с Есениным и около часа проболтали на литературные темы. Приглашал меня зайти к нему, продолжить разговор в Москве, но <...> зайти ни к кому в Москве мне не удалось».

Тартаковский, 124.

И.Г.Эренбург из Бельгии обращается к А.С.Ященко (Берлин) с просьбой помочь «снестись с издательствами» для публикации своих произведений, среди которых обозначает:

«1. Портреты русских поэтов (Бальмонт, Брюсов, В.Иванов, Сологуб, Блок, Белый, Волошин, Ахматова, Маяковский, Пастернак, Балтрушайтис, Цветаева, Есенин, Мандельштам). Краткие (в 100–150 газетных строк каждый) абрисы поэтов — лицо, человек и творчество. После каждого портрета несколько стихотворений, как бы портрет подтверждающих, из них часто новые (1919–21 гг.), за границей неизвестные...».

Русский Берлин-2003, 126–127.

Июнь, 29. Газета «Петровская коммуна» (Петровск Саратовской губ.; № 50) начинает «в дискуссионном порядке» публикацию статьи И.Овчинникова «Имажинизм: Левое течение в искусстве» с упоминанием Есенина.

Статья открывается эпиграфом из книги В.Шершеневича «2х2=5»:

«Так подбираю я вожжи растрепавшихся мыслей и мчу в никуда свой шарлатанский шарабан».

Автор пишет:

«...об этом модном течении заговорили и у нас в Петровске. <...> имажинизм, перебросившись из Англии в Россию, нашел у нас своих последователей в лице нескольких видных поэтов нашего времени, которые и составили группу русских имажинистов.

Группа эта была счетом человек в 6–7; сюда причисляются и деревенский поэт Сергей Есенин, и Анатолий Мариенгоф; перебежчик из лагеря футуристов — Рюрик Ивнев, художник Сергей <так!> Якулов (тоже бывший футурист); Вадим Шершеневич, ставший теоретиком русского имажинизма, и художник Борис Эрдман.

Впоследствии эта группа подобрала к себе Александра Кусикова, Авраамова, Ганина и других бездарностей в литературе и живописи. <...>

Группа имажинистов, получив начальное оформление, но не находя основы для своего существования как школы, долгое время витала в воздухе. В пустоте, получившейся после революции, вырвавшей все корни дореволюционного быта и заставившей замолчать всю русскую литературу, имажинисты наталкивались на своих родственников, шумных и требовательных, — не идущих ни на какие соглашательства футуристов. Чтобы получить патент на свое словотворчество, имажинисты стали искать случая расплаты с футуристами.

В 1918 году русские имажинисты <...> сели на пароход современности и с распущенными парусами пошли искать той почвы, где бы они могли прославить свою ритмику и образность, свой „верлюбр <так!> образов".

И вот, еще издали завидев берег материка, имажинисты устраивают час расплаты с футуристами, провозгласив их умершими на 10-м году их жизни <...>.

И когда имажинисты сошли на берег и почувствовали под собой материк (это дело было уже в начале 1919 года), то они торжественно опубликовывают свою официальную декларацию и в „шарлатанском шарабане", подбирая вожжи растрепавшихся мыслей, помчали в никуда. <...>

Имажинисты хотят владеть только одной ритмикой образов, и то ритмикой современной, но вместе с тем заявляют и о том, что „у них нет политики, а будет только искусство". Здесь они уже беспощадно фиглярствуют и забывают о том, что „великая форма возможна только при большом содержании". Сущность формы при отсутствии определенного содержания не имеет никакого значения в произведении. <...>

В своей декларации имажинисты говорят: „О, вы слышите в наших произведениях верлюбр <так!> образов".

В „Листах имажиниста", на стр. 10, В.Шершеневич пишет, что „имажинизм это претворение разговорной воды в вино поэзии, потому что в нем раскрытие псевдонимов вещей".

Но попробуйте раскройте „псевдоним вещей" имажиниста С.Есенина:

Тучи с ожереба
Ржут, как сто кобыл...

...Отелившееся небо
Лижет красного тельца <так!>

<...> Вряд ли вы сделаете из этой разговорной воды вино поэзии».

Окончание статьи см.: газ. «Петровская коммуна» (Петровск Саратовской губ.), 1921, 2 июля, № 51.

В № 310 читинской газеты «Дальневосточная республика» публикуется статья «Искусство и литература в Сов. России (Интервью московских писателей)» (подпись: Р-анс), где идет речь о Есенине:

«Сотрудник нашей газеты имел беседу с приехавшими из Москвы писателями: Скитальцем, Новиковым-Прибоем и Сивачевым. <...>

Из молодых очень популярен В.Маяковский. Он добился в конце концов постановки своей „Мистерии Буфф". Прочное положение в поэзии начинает завоевывать Борис Пастернак, тоже футурист. Поэты-имажинисты в последнее время очень много скандалят, в том числе и Есенин. Вад. Шершеневич, один из лидеров имажинизма, производит скорее впечатление адвоката, чем поэта».

Июнь, 30. В беседе поэта Д.Л.Майзельса с Т.Г.Мачтетом возникает имя Есенина:

«– Вам надо еще много подумать, прежде чем к ним перейти.<…> Разве вы не знаете, – заволновался мой друг, – вы недавно имя себе приобрели, стали величиной определенной, а они уже выдыхаются! <…>. Вы теперь можете совсем самостоятельно печататься и себя проявлять <…>. Эта группа <имажинистов> не про вас, она не напечатает вас, разве не видите, что печатаются только три из них, а остальные что?

Он говорил правду, печатаются только Есенин, Мариенгоф и Шершеневич. Остальные во главе с Грузиновым пробавляются крохами.

– Они вас запятнают только своими безобразиями».

Дневник Мачтета, карт.7, ед. хр. 4, л. 113, 113 об.

Июнь – Август. Есенин совершает (?) путешествие по Новгородской губернии.

Событие и его рамки устанавливаются ориентировочно на основании версии А.З.Жаворонкова, Э.Ф.Тихоновой, В.В.Тюрина (А.З.Жаворонков, Э.Ф.Тихонова, В.В.Тюрин. Писатели на новгородской земле. Новгород: Книжная редакция газеты «Новгородская правда», 1961, с. 81–82).

Существует версия, что летом 1921 г. Есенин побывал на новгородской земле. Документальным подтверждением считается надпись Есенина на фотографии, подаренной В.Я.Смелову, председателю Новгородской ассоциации пролетарских писателей, и сделанной якобы в 1921 году (фотография и архив В.Смелова сгорели во время Великой Отечественной войны — Юсов-96, 283). Поскольку Смелов в 1921 году ездил в Москву на семинар пролетарских поэтов, то он мог получить эту фотографию и в столице. Вообще трудно объяснить, почему в период интенсивной работы над «Пугачевым» Есенин «совершил путешествие пешком „по градам и весям“ Новгородской губернии, записывая песни, сказки, предания, знакомясь с жизнью крестьян и рабочих».

Июль, 1. В «Известиях ВЦИК» (№ 141) и в «Правде» (№ 141) публикуется объявление:

«Дом Печати. Сегодня очередной литературный вечер. Выступает Сергей Есенин с чтением „Пугачева“. По окончании — обмен мнениями. Начало в 9 час. вечера».

Есенин читает поэму «Пугачев» на литературном вечере в Доме печати.

Материалы, 200–201; Восп, 1, 272.

Присутствовавший на вечере С.Д.Спасский впоследствии напишет:

«Чтение происходило не поздно, позади меня из не затянутых шторами окон вливался еще не погасший свет долгого летнего вечера. Вдали на пустой широкой сцене виднелась легкая фигура Есенина. Он одет был с тем щегольством, какое было присуще ему в имажинистский период. Широкая, свободно сшитая темная блуза, что-то среднее между пиджаком и смокингом. Белая рубашка с галстухом-бабочкой, лакированные туфли. Полы его блузы развевались, когда он перебегал с места на место. Иногда Есенин замирал и останавливался и обрушивался всем телом вперед. Все время вспыхивали в воздухе его руки, взлетая, делая круговые движения. Голос то громыхал и накатывался, то замирал, становясь мягким и проникновенным. И нельзя было оторваться от чтеца, с такой выразительностью он не только произносил, но разыгрывал в лицах весь текст.

Вот пробивается вперед охрипший Хлопуша, расталкивая невидимую толпу. Вот бурлит Пугачев, приказывает, требует, убеждает, шлет проклятья царице. Не нужно ни декораций, ни грима, всё определяется силой ритмизованных фраз и яркостью непрерывно льющихся жестов, не менее необходимых, чем слова. Одним человеком на пустой сцене разыгрывалась трагедия, подлинно русская, лишенная малейшей стилизации.

И когда пронеслись последние слова Пугачева, задыхающиеся, с трудом выскользающие из стиснутого отчаяньем горла: „А казалось... казалось еще вчера... Дорогие мои... Дор-рогие, хор-рошие..." – зал замер, захваченный силой этого поэтического и актерского мастерства, и потом всё рухнуло от аплодисментов. „Да это же здорово!" — выкрикнул Пастернак, стоявший поблизости и бешено хлопавший. И все кинулись на сцену к Есенину.

А он стоял, слабо улыбаясь, пожимал протянутые к нему руки, сам взволнованный поднятой им бурей».

Материалы, 200–201.

По окончании чтения состоялся обмен мнениями.

Все выступившие, по словам В.Т.Кириллова, который был председателем собрания, «отметили художественные достоинства поэмы и указывали на ее революционность». Сам Кириллов высказал особое мнение о поэме: «...Пугачев говорит на имажинистском наречии и <...> Пугачев — это сам Есенин». Есенин обиделся и сказал в ответ: «Ты ничего не понимаешь, это действительно революционная вещь».

Восп., 1, 272.

Т.Г.Мачтет запишет:

«Да, у нас сейчас и есть из крупных Есенин, да Маяковский, на кого валит публика! Наши потомки, не знаю только, удивятся ли этой помпезности, позавидуют ли нам, современникам моего земляка великого, нам, присутствующим на почти первом публичном чтении „Пугачева" и превозносившим его до небес».

Дневник Мачтета, карт.7, ед. хр. 4.

Главный политико-просветительный комитет Наркомпроса РСФСР утверждает Положение о Художественном отделе Главполитпросвета.

ГАРФ, ф. 2313, оп. 1, ед. хр. 4, л. 188.

Положение возлагало на отдел задачу воспитания широких масс в коммунистическом духе, используя «наличные художественные силы республики и всемерно способствуя развитию творческой самодеятельности самой массы». При Художественном отделе создавался совещательный орган — Высший художественный совет, в круг задач которого входила «разработка общих вопросов художественной политики во всех видах искусства». В составе Художественного отдела предусматривалось образование литературного (ЛИТО), театрального (ТЕО), музыкального (МУЗО), изобразительного (ИЗО), фото-кинематографического, организационно-инструкторского подотделов, управления делами и редакции Художественного журнала.

Июль, 2. Есенин присутствует в кафе «Стойло Пегаса» при выступлениях поэтесс С.Мар и Н.Вольпин.

Здесь же Д.Л.Майзельс приглашает поэта в Рязань для публичного выступления. Есенин соглашается.

События устанавливаются и датируются по записи Т.Г.Мачтета (4 июля 1921):

«Третьего дня <т. е. 2 июля> наконец попали с Д.Л.<Майзельсом> в „Стойло Пегаса". <...> Нас пропустили в „Стойло" бесплатно как членов союза <ВСП>, и мы тотчас же принялись за поиски Есенина.<...> На эстраде же читала ушедшая из союза Сусанна Мар <...> Мы направились к своему земляку, восседавшему в уголке с какими-то двумя дамами <...>.

— Мы хотели пригласить вас в Рязань, — начал прямо с места в карьер Д. Л. — Мы вам там отдельный вечер устроим и гарантируем свободный проезд. Нам очень понравился ваш „Пугачев".

— К вам? — видимо, заинтересовавшись предложением, спросил поэт. — Что ж, а когда? Да, впрочем, я недели полторы как из Рязани.

— Так что же не зашли ни к кому из наших, — попенял я. <...>

— Да я ведь там никого не знаю, — засмеялся поэт. — К кому же заходить.

— А вас все знают! — сказал я, — и очень просят вас приехать.

В зале стоял шум, на эстраде читала уже Вольпин. Ярко горели огни, и со всех стен глядели на нас всевозможные лозунги имажинистские, шел 12-й час ночи, программа заканчивалась, зал пустел, но за разговорами и декламированием поэтессы я мог расслышать, о чем говорили между собой Д. Л. и Есенин.<...>.

— Мне здесь очень нравится, — добавил я в заключение, обращаясь к Есенину.

Мой панегирик „Стойлу", видимо, пришелся по душе Есенину. Стороною наблюдая его, мне бросилась в глаза какая-то детскость, сквозившая во всем облике умудренного уже опытом жизни нашего большого и самого боевого современника. Меня поразила его детская улыбка и, видя, как порой она озаряет все лицо поэта, как-то не верится, что он автор целого ряда неприличных строф, хотя бы из „Исповеди хулигана". <...> После переговоров <Есенина> с Д. Л. мы вышли на улицу.

— Согласен! — радостно воскликнул мой друг, едва мы очутились на Тверской. — Поедет к нам числа 15-го».

Дневник Мачтета, карт. 7, ед. хр. 4, л.129 об.–133 об.

Поездка Есенина в Рязань не состоялась.

Т.Г.Мачтет и Н.Г.Полетаев делятся с А.Б.Кусиковым впечатлениями о чтении Есениным «Пугачева»:

«— Ты что же не был на вечере <см.: 1 июля 1921>? — спросил я <Т.Мачтет> Кусикова.

— Представьте себе, опоздал, — заговорил он. — Вот теперь стыдно будет перед Есениным, ну, а что там было?

Мы начали ему рассказывать об успехе „Пугачева".

— Почти все хвалили, — сказал Полетаев.

— А кто именно!

— Мариенгоф выступил. Очень удачно, — вполне искренне сказал я, — и вообще вас даже не очень ругали.

— Ну что они могут против имажинизма поделать, — забравировал поэт.

— Действительно, — жёлчно заволновался Полетаев, — стоит одну вещь хорошую написать, как за всё остальное, не разбирая, прославят».

Дневник Мачтета, карт. 7, ед. хр. 4, л. 128.

Июль, до 3. В издательстве «Имажинисты» выходит книга И.В.Грузинова «Западня снов. Лирика» (1921).

Она открывается посвященным Есенину стихотворением «Серебряный и синий по утру...», написанным в этом году.

Датируется по дарственной надписи И.Грузинова В.А.Апушкину (ГЛМ. Библиотечный фонд).

Июль, 3. Приехавший в Москву Д.А.Фурманов посещает «Стойло Пегаса».

В тот же день делает две дневниковые записи об имажинистах, в том числе о Есенине:

«Сегодня Мариенгоф в „Стойле Пегаса" читал „Заговор дураков". Он эту вещицу назвал, кажется, трагедией, а по-моему, имя ей – чушь, хотя чушь еще и не закончилась (нет конца 3-го „акта", совсем нет 4-го, а м. б. еще и последующих за 4-м (!)).

Он ломался, кривлялся, строил мину, претендовавшую одновременно и на глубину, и на презрительность ко всему сущему. „Стойло Пегаса“ является, в сущности, стойлом буржуазных сынков – и не больше. Сюда стекаются люди, совершенно не принимающие никакого участия в общественном движении, раскрашенные, визгливые и глупые барышни, которым кавалеры-поэты целуют по-старому ручки; здесь выбрасывают за „легкий завтрак“ десятки тысяч рублей – как одну копеечку: значит, не чужда публике и спекуляция; здесь вы увидите лощеных буржуазных деток – отлично одетых, гладко выбритых, прилизанных, модных, пшютоватых – словом, все та же сволочь, которая прежде упивалась салонами, похабными анекдотами и песенками, да и теперь, впрочем, упивается ими же! В „Стойле Пегаса“ – сброд и бездарности, старающиеся перекричать всех и с помощью нахальства дать знать о себе возможно широко и далеко.

Сам Мариенгоф – типичный лощеный франт. Впечатление производит преотвратительное – т. е. своей откровенной буржуазной сущностью.

„Трагедия“ его – пуста, глупа, нехудожественна, просто бряцание слов. Пустота. Совершенная пустота.

3 июля»;

«Пишу, читаю по искусству, посещаю Дом печати, „Стойло Пегаса“, м<ожет> б<ыть>, Союз писателей в Доме Герцена, куда только еще собираюсь сходить, как собираюсь и в Кафе поэтов <...>. Кстати, я забыл в предыдущей заметке оговориться относит<ельно> Есенина: он с Мариенгофом по недоразумению. Из Есенина будет отличный бытовик – я это в нем *чувствую*. Самому мне быт – тоже альфа и омега.

3 июля».

ИМЛИ, ф. 30, оп. 2, ед. хр. 66, л. 16 об. – 17 об. (под заголовком «У имажинистов»); л. 18 об. (под заголовком «На распутьи»; выделено автором).

По мнению П.В.Куприяновского, Д.А.Фурманов впервые увидел Есенина именно 3 июля 1921 г. (*Куприяновский П.* Фурманов и Есенин – «Верхняя Волга: Лит.-худож. сб.» Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд-во, 1964, с. 43; указано Н.И.Шубниковой-Гусевой).

Рижская газета «Новый путь» (№ 123) публикует статью В.Перцова «Новое в современной русской поэзии».

В ней (впервые для русского читателя-эмигранта) дается анализ теории и практики имажинизма, в том числе на примерах из Есенина:

«...Уже в период революции (18–19 гг.) формирует свои силы новая поэтическая < в газетном тексте опечатка: политическая> группа — имажинисты — и, несмотря на подавляющее несходство прежних своих литературных формуляров (Есенин, Шершеневич — быв<ший> футурист), закрепляет свой союз не только как условие литературного быта, но и выдвигает эстетическую теорию.

Поэтика имажинизма стремится утвердить безраздельно господство метода мышления по аналогии. Образ — основной литературный принцип течения, — сближая на почве неполного сходства как угодно удаленные и разнородные представления, должен явиться тем универсальным средством нового художественного воздействия, для которого слово в узком смысле оказывается недостаточным. Ценность образа как метода не может быть измерена ни его абсолютной, ни относительной новизной для современности. Дело вовсе не в том, что метод стар, как мир, но в условиях сегодняшнего дня образ может стать его художественным нервом. Объективно он означает переход от эмоционально-словесной стихии, созданной поэтическим языком Хлебникова, Асеева, Петникова, — к рациональной художественной конструктивности, отличающей работу таких имажинистов, как Шершеневич, отчасти Мариенгоф.

Твердость методологических очертаний имажинизма стала базой для явлений различных художественных порядков. Выше было указано, что Есенин, известный в России как поэт революционного крестьянства, имажинист ныне — пересекается с Петниковым в той точке, где оба эти поэта, творящие в современном городе, открыты прямому действию сил природы. Но если в творчестве Петникова природа дана как неорганическое целое, пантеистически, — у Есенина она предстает как органический космос, возрождающий первобытный культ животного мира, тотемизм. Вот его отчетливое выражение:

Звери, звери, придите ко мне,
В чашки рук моих злобу выплакать.
.....
Сестры-суки и братья-кобели,
Я, как вы, у людей в загоне.
.....
Никуда не пойду с людьми,
Лучше вместе издохнуть с вами

и т. д. („Кобыльи корабли“).

Есенин мыслит животными, во всяком случае, домашними животными. Образ, впрочем, ничуть не обязателен для Есенина, и он легко его покидает, пользуясь рассказом, повествованием. (Шедевр — „Песнь о собаке“) <...>.

Теоретическая схема имажинизма, при всей своей слишком легкой обозримости, всё же по своим возможностям головой выше его художественной практики».

Авторская дата под статьей: 20 июня 1921 г.

Статья вскоре выйдет отдельной брошюрой (Рига, 1921).

Июль, 3, 6, 10, 12 и 17. Берлинская газета «Новый мир» (№ 128, 130, 134, 135 и 140) помещает рекламу берлинского издания «Скифы», где в разделе «Русские издания» названы:

«<...>Есенин: Товарищ. Инония. 80 стр. Цена 6. –
<...> Сергей Есенин: Триптих. 32 стр. Цена 3.50 –».

Июль, 4. Воронежская газета «Огни» (№ 1, издание Воронежского коммунистического союза журналистов) публикует статью Н.И.Григорьева «Сущность имажинизма» (подпись: Каланыч):

«Ни одно из литературных направлений в революционную эпоху так ярко не выявило себя, как имажинизм. Под гомерический хохот жаждущих зрелищ с одной стороны и злобное шипение так называемых „пролетарских“ новаторов с другой — имажинистская школа завоевывает себе права гражданства...

Смысл, идея, отражение жизни и т. п. чепуха не должны путаться под ногами творца. Образ, чистота и прозрачность образа, как путеводная звезда, стоят перед начинающим и великим поэтом и только при условии победы образа над содержанием возможно выявление и смысла, и содержания».

Июль, после 5. Выходит № 9 (11) московского журнала «Знамя» (за май) со стихотворением Есенина «Песнь о хлебе» и его статьей «Быт и искусство (отрывок из книги „Словесные орнаменты“)».

Граница события устанавливается по дате (5 июля) разрешения на издание журнала («Бюллетень Государственного издательства», 1921, 30 июля, № 1, с. 2–3).

О стихотворении «Песнь о хлебе» см.: янв. … середина февр. 1921.

В статье «Быт и искусство» Есенин подвергает критике некоторые положения книг В.Шершеневича «2х2=5: Листы имажиниста» и А.Мариенгофа «Буян-остров», в частности, по вопросам влияния жизни и ее уклада на искусство. Оценивая творчество Шершеневича и Мариенгофа, он заключает:

«У собратьев моих нет чувства родины во всем широком смысле этого слова, поэтому у них так и не согласовано всё. Поэтому они так и любят тот диссонанс, который впитали в себя с удушливыми парами шутовского кривляния ради самого кривляния».

Эта статья проводила четкое размежевание между поэзией Есенина и его собратьев по имажинизму, декларировала присущие только ему, основанные на идеях книги «Ключи Марии», принципы образотворчества:

«Слова — это образы всей предметности и всех явлений вокруг человека; ими он защищается, ими же и наступает. Нет слова беспредметного и бестелесного, и оно так же неотъемлемо от бытия, как и все многорукое и многоглазое хозяйство искусства. <…>

Нет, быт и искусство неотделимы <…>

Жизнь образа огромна и разливчата. У него есть свои возрасты, которые отмечаются эпохами. Сначала был образ *словесный*, который давал имена предметам, за ним идет образ *заставочный, мифический*, после мифического идет образ *типический*, или *собирательный*, за типическим идет образ *корабельный*, или *образ двойного зрения*, и, наконец, *ангелический*, или *изобретательный*, о которых нам отчасти пришлось говорить в нашей книге „Ключи Марии“».

См.: Летопись, 2, 444.

См. также: Есенин, V, 214–220, 500–505.

Как показали дальнейшие события, критика не поколебала тесных дружеских и деловых отношений собратьев по имажинизму. Это была критика, обращенная не только и не столько к В.Г.Шершеневичу и А.Б.Мариенгофу, а ко всем, кто писал и будет писать о поэзии Есенина, о его неповторимом самобытном «голосе». Статья показала ополчившимся против Есенина критикам неправомерность рассмотрения его творчества в рамках общих оценок имажинистской группы в целом (Дроздков В.А. Статья С.А.Есенина «Быт и искусство»: За или против имажинизма? — Есенин и поэзия России XX–XXI веков: Традиции и новаторство. Материалы международной научной конференции. Москва — Рязань — Константиново, 2004, с. 90–98.

В этом же номере:

— объявление о выходе № 1 журнала «Знамя» (Берлин) с упоминанием Есенина.

На самом деле № 1 журнала «Знамя» вышел позднее (см.: 1 … 26 июня). Приведенное в объявлении содержание номера не совпадает с его реальным содержанием. Например, вместо стихотворений А.Блока, Есенина, Б.Пастернака, обозначенных в объявлении, в номере опубликованы стихотворения А.Блока, Н.Клюева и Есенина; статья А.Шрейдера называется не «Система советов как новая форма организации социалистического государства», а «Догма ненависти и философия гнева» и т. п. (см. также Приложение);

— статья Л.Р.Дунаевского «Культура, школа и власть трудящихся», в которой высказываются взгляды на диктатуру марксизма, разделяемые Есениным:

«…Свобода идеологического самоопределения — первое условие культурного роста — немыслимо в условиях диктатуры марксизма, неприемлемого крестьянским нутром. <РКП преследует цель> искусственного всаждения в головы марксистской системы как единственной социальной философии».

См.: 26 янв. 1920.

Июль, 7. Калужская газета «Коммунист» (№ 145; рубрика «Литературный уголок») информирует о новых книгах, среди которых названы:

«В.Львов-Рогачевский — Имажинизм и его образоносцы (Шершеневич, Мариенгоф, Кусиков, Есенин <в таком порядке>) <...>

С.Есенин — Преображение (стихи)».

Берлинская газета «Голос России» (№ 703) помещает объявление издательства «Скифы»:

«Русские издания: <...> Иванов-Разумник: Россия и Инония – Андрей Белый: Христос Воскресе – Сергей Есенин: Товарищ. Инония <...>. Сергей Есенин: Триптих».

Июль, 7, 13, 14, 20, 21 и 27. Берлинская газета «Голос России» (№ 703, 708, 709, 714, 715 и 721) информирует о выходе в свет и поступлении в продажу выпусков «Общедоступной библиотеки „Книга для всех“» издательства «Мысль» (Берлин), в том числе:

Вып. 2–3. «Поэзия большевистских дней (Блок, Эренбург, Есенин, Каменский, Шершеневич и др.)».

Июль, 14. И.Г.Эренбург пишет А.С.Ященко из Бельгии:

«...не согласились бы вы предоставить в „Книге“ <„Русской книге“> место для небольшой моей статьи, отнюдь не полемической, затрагивающей очень больной вопрос: отношение большей части заграничной прессы и эмигрантской среды к русским писателям, к<о>т<о>р<ые> не смогли или не хотели покинуть Россию. Еще когда я был в Москве зимой, мы часто в своем писательском кругу судили об этом тяжелом явлении по случайным и смутным вестям. Переехав границу, я убедился в наличности этого и многократно читал и слышал незаслуженные и обидные вещи о таких людях, как А.А.Блок, Б.Н.Белый, Ф.К.Сологуб, С.А.Есенин и др. Я помню, с какой радостью в Москве мы передавали друг другу первый номер „Книги“ <...> Как это ни чудно, Ваш скромный библиографический журнал является ныне единственным обслуживающим русскую литературу, как таковую, вне гражданской войны. Естественно, что мне он представляется и единственным местом, где я мог бы выступить с этой, увы, ставшей необходимой защитой».

Русский Берлин-2003, 128–129.

Эта статья вскоре будет опубликована (см.: до 25 авг. 1921).

См. также: 8 ... 17 янв. 1921; 17 янв. 1921, вторая запись; 22 мая 1921; май 1921.

Июль, до 17. Берлинский журнал «Русская книга» (№ 6) объявляет о поступлении в продажу «Книги для всех. №2–3. Поэзия большевистских дней» с участием Есенина.

Граница события определяется по информации берлинской газеты «Голос России» (1921, 17 июля, № 712).

См. также: 31 окт. 1920; 9 нояб. 1920; 15 ... 30 нояб. 1920; до 19 янв. 1921; 19, 20, 22, 26 и 28 янв. 1921.

Июль, 18. Выходит № 3 воронежской газеты «Огни» со статьей Г.А.Плетнева «Рассуждения о дыре (несколько строк об имажинизме)» (подпись: Г.Наумов).

Автор прежде всего обрушивается на «вознесенного бога» имажинистов — В.Шершеневича, но не оставляет без внимания и Есенина:

«Жалкий человечишко! Жалкий божик! Гаденький буржуйчик! А по Шершеневичу равняются все имажинисты.

Посмотрите, у женщины третий
Вылупляется глаз из пупа!

— плотоядно кричит Сергей Есенин. <...>

Выкидыши буржуазного строя, прыщи на светлом лике революции стремятся роднуть <так!> что-нибудь помилее своему барскому сердцу <...>. Пролетарии косо посматривают, бьют молотком и, работая, поют песни великого труда».

Июль, 19. Омская газета «Рабочий путь» (№ 29) печатает статью «Поэтическая яма» (подпись: Ю. Б.) с критикой поэзии имажинистов, в том числе Есенина:

«Несколько лет неистово шумели футуристы. <...> Теперь столь же неистово, если не больше, шумят имажинисты во главе с Шершеневичем, Мариенгофом и Есениным. В каждой их книжке есть свой скандальный гвоздь, своя „сенсация“, очередной поэтический „трюк“. Сергей Есенин, не смущаясь, пишет о том, что

солнце стынет, как лужа,
которую напрудил мерин.

До каких пределов доходят подобные „творческие достижения“ современных литературных искателей, показывает недавний скандал с имажинистской книжкой „Золотой кипяток“, вышедшей два месяца назад. В этой книжке черным по белому напечатано в одном стихотворении <речь идет об „Исповеди хулигана“ Есенина> такое слово, которое обычно вслух не произносится...

В результате в „Известиях Вцика <так!>“ появляется <...> письмо народного комиссара по просвещению тов. Луначарского <следует цитата; см.: 14 апр. 1921>.

После этого позволительно спросить господ имажинистов: кто же они в самом деле — нелицемерные искатели новых путей или литературные авантюристы, спекулирующие на издании „сенсационных“ книжек по вольным ценам для услаждения скучающих буржуа...

<...> мы должны категорически заявить представителям этих „измов“: поменьше скандальных сенсаций и спекулятивных трюков и побольше искренности и вдумчивости, побольше уважения вечно алчущей человеческой душе, которой столько раз давали камень вместо хлеба <...> будьте какими угодно „истами“, но не будьте похожи на тех оголтелых людей, о которых Тургенев сказал, что они не только шапку свою, но и мозги-то свои носят набекрень».

См. также: Есенин, II, 380.

Рязанские «Известия» (№ 158; рубрика «Библиография») помещают рецензию В.А.Сушицкого на коллективный сборник «Коралловый корабль» (Рязань, 1921):

«По прочтении становится безысходно слякотно на душе, тоскливо и нудно <...>. Но вот еще „перл“:

Граммофон захрипел по роликам:
„Сдай внаймы червям висок“.
В трактире за липким столиком
С пьяной девкой Бог.

Сам, плевавший в бога Мариенгоф пришел бы в умиление, а Есенин, наверное, посвятил бы ему <автору стихов> какую-нибудь поэму вроде: „А<г>раф<е>нина пустынь“, „Инония“ или „Архимандрит Виталий“».

Июль, 20. Берлинская газета «Голос России» (№ 714) публикует статью Ф.В.Иванова «Мужицкая Русь: (Н.Клюев, Сергей Ясенин <так!>)»:

«Не устрашуся погибели,
Ни копий, ни стрел дождей, –
Так говорит по Библии
Пророк Есенин Сергей.

В пророчестве — всегда что-то обжигающее, суровое и действенное. Пророки — разрушители и фанатики. Единоспасающая правда — их кормчий. Они не жалостливы. Не знают сомнения. Тихая вера чужда им, как и грустное раздумье, столь присущее Есенину, претендующему на роль Иезагудиила <так!> наших дней.

Мягкий, женственный, весь в ладанности церковной, в мерцании вечерних свечей, тихой поступью монашки <так!> идет он по дороге русской литературы. Говорит часто о резвости сам, но не к лицу ему она. Пейзаж его любимый — тихий вечер, настроение — грустное раздумье. Он так чужд бега нашей жизни. <…>

Неудачливость „Инонии“ в свойстве дарования самого Есенина. От послушания — к богоборчеству. Это не его тема. И потому выкрики Есенина в „Инонии“ не действуют. В старину это звалось кликушеством, ныне зовут это истерией. Поэмы блещут преувеличенностью образов. Постоянное форсирование таланта. Крикнуть посильнее, чтобы скрыть свою собственную немощность. Напряженность в каждой строфе, каждом слове:

До Египта раскорячу ноги,
Раскую с вас подковы мук...
В оба полюса снежнорогие
Вопьюся клещами рук.

И рядом маленький оазис в пустыне безнадежной революционной риторики, типичный в устах прежнего Есенина, творца „Триптиха“ и „Голубен<и>“:

В синих отражаюсь затонах
Далеких моих озер.
Вижу тебя, Инония,
С золотыми шапками гор.
Вижу нивы твои и хаты,
На крылечке старушку-мать;
Пальцами луч заката
Старается она поймать.

От действенности — к мечте. Усладность Есенина именно в этой мечте о светлорожденном Китеже. <…> И как приятно уйти от „Инонии“, увы, последне<го> детищ<а> есенинской музы, в иные его стихи, от которых действительно пахнет крестьянской Русью <…>.

От Руси — к Инонии, от тихой веры к пафосу разрушения, от Китежа мечты родной к Китежу суровой действительности. Таков крестный путь Есенина. Опалит ли он крылья в разрушительном огне его или это новый искус таланта — покажет будущее».

См. также: РЗЕ, 2, 10–14, 153; 30 апр. 1922 (вторая запись).

Рижская газета «Новый путь» (№ 137; рубрика «Жизнь искусства») помещает информацию:

«...1-м театром Советской России (бывший Зон) намечены к постановке в осеннем сезоне новые пьесы: „Пугачев“ Сергея Есенина, „Заговор дураков“ А.Мариенгофа и „Трагедия“ В.Маяковского. Ставить пьесы будет В.Мейерхольд».

Июль, 21. Ревельская газета «Свободное слово» (№ 78) публикует статью А.Готвилля «Литература и революция. II» с анализом поэзии имажинистов.

Автор, в частности, пишет:

«„Черный вечер“ победил. Вместо восторженных гимнов поэтов духовной революции стали звучать иные песни – тоскливые, порой рыдающие, порой глумящиеся над бессилием своих же собственных слов <...>.

Крик „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“ заглушил собой все другие крики – крики человечности, стоны страдания, лепет светлых надежд <...>.

„Христа“ революции <...> распяли октябрем, надругались хохотом останавливающихся машин, заплевали свинцовыми плевками пулеметов <...>.

Кощунство — крест, что несут теперь поэты заплеванной страны, тяжелый крест реализации своих мучительных безумных воплей об умирающем на Голгофе Христе.

Что днесь
Вопль любви, раздавленной танками?..
.....
Что убиенные!..
Мимо идем мы, мимо –
Красной пылая медью
Близятся стены
Нового Иерусалима.

Того Иерусалима, подступая к которому Есенин говорит:

Время мое приспело,
Не страшен мне лязг кнута.
Тело, Христово тело,
Выплевываю изо рта.
Не хочу восприять спасения
Через муки его и крест:
Я иное постиг учение...

Художественное творчество – тайна, где внутренняя боль переплетается с чеканкой внешнего воплощения <...>.

Мы должны <...> понять стихийную боль тех, которые <...> всё же являются, может быть, единственным жизненным элементом современного русского творчества, такими же выразителями сущности совершающегося процесса, какими когда-то были певцы духовной революции.

„Имажинисты“ — так называют себя эти поэты, взяв на себя крест глубинного страдания распада революционных идей, — с полным правом могут говорить нам словами своего вождя Мариенгофа:

Мы! Мы! Мы всюду
У самой рампы, на авансцене,
Не тихие лирики,
А пламенные паяцы».

Июль, 22. Есенин делает запись в альбом Э.Ф.Голлербаха (перефразированные ст. 758–759 из седьмой главы «Пугачева»):

«Плевать мне на всю Вселенную,
Если завтра здесь не будет меня!
С.Есенин. („Из Пугачева“)».

Шубникова-Гусева, 134 (датировка события принадлежит Р.Б.Заборовой).

См. также: 22 (?) июля 1921.

Проходит заседание Оргбюро по выработке программы и плана составления нового русского словаря.

Обсуждается вопрос «об установлении твердого первоочередного списка авторов», чьи художественные произведения предполагается использовать как источники словаря. В списке, принятом Оргбюро, 35 авторов, среди которых — Есенин.

Из протокола заседания:

«Примерно в 90-х годах обозначился новый весьма заметный сдвиг в русской художественной литературе, сказавшийся в очень большой степени и на ее языке. Начиная с этого времени, последовательно, а в некоторых случаях одновременно выступает ряд литературных течений, из которых особого внимания заслуживают реалисты, символисты, футуристы, имажинисты, пролетарские и крестьянские писатели. По каждому из этих течений П.Н.<Сакулин> указывает наиболее стоящих внимания представителей».

После обсуждения этот перечень принимается в следующем виде:

«1. Гаршин. 2. Бунин. 3. Зайцев. 4. Короленко. 5. Л.Андреев. 6. Горький. 7. Куприн. 8. Чехов. 9. Шмелев. 10. А.Н.Толстой (реалисты). 11. Брюсов. 12. Бальмонт. 13. Белый. 14. Блок. 15. В.Иванов. 16. Ф.Сологуб. 17. Ремизов (символисты). 18. Северянин. 19. Хлебников. 20. Маяковский. 21. Пастернак <(футуристы)>. 22. Есенин. 23. Шершеневич (имажинисты). 24. Александровский. 25. Герасимов. 26. Казин. 27. Самобытник. 28. Ляшко. 29. Бессалько. 30. Сивачев. 31. Филипченко (пролетарские). 32. Клюев. 33. Орешин. 34. Ширяевец. 35. Клычков (крестьянские)».

Архив РАН, ф. 502, оп. 3, ед. хр. 96, л. 15–15 об., 16 об.; цит. по интернет-версии статьи: Никитин О.В. Словарь. — «Московский журнал», 2003, № 2.

См.: 10 нояб. 1921.

Харбинская газета «Свет» (№ 657) помещает статью З.Г.Ашкинази «Красный Христос» о «новой идеологии» в творчестве современных поэтов, в том числе Есенина:

«В грубых хлыстовских образах рисует Есенин („Инония“) <...>, иным богом телится Россия, иной идет в мир Спаситель:

Радуйся, Сионе,
Проливай свой свет!
Новый в небосклоне
Вызрел Назарет.

Воистину, „во имя отца – социализма, сына – коммунизма и святого Духа – марксизма – пролетарии всех стран, соединяйтесь!“»

Сообщено В.И.Николаевым.

Июль, 22 (?). Есенин надписывает Э.Ф.Голлербаху книгу «Трерядница» (1921):

«Глубокоуважаемому Эриху Федоровичу Голлербаху. С.Есенин.

1921. Москва июль».

Есенин, VII (1), 147, 455.

Факсимиле надписи: Юсов-96, 319.

Скорее всего, событие произошло в тот же день, когда Есенин вписал в альбом Э.Ф.Голлербаха двустишие из «Пугачева» (см.: 22 июля 1921).

Июль, 23. Белградская газета «Новое время» (№ 73; подпись: Рене Санс) печатает отклик на книгу «Поэзия большевистских дней» — статью К.Я.Шумлевича «Поэзия наших дней»:

«Всё проза, скучная жалкая проза!

И не на чем отдохнуть погасшему духу. Но от поры до времени он вступает в свои права, и тогда рука невольно протягивается к книге стихов, и душа ищет целительного бальзама в музыкальных страницах. Но, Боже мой, во что превратили современные поэты прекрасный „язык богов"!

Всё провалилось в тартарары – спасибо Ленину и Троцкому! Погибла и поэзия.

<...> теперь я беру в Берлине книжонку в обложке не существующего в природе цвета. Называется „Книга для всех. Поэзия большевистских дней". Почему не „всех, всех, всех"? В книжонке „творения" 17 поэтов с Александром Блоком во главе. Его „Двенадцать" – настольный катехизис для каждого сознательного большевика. <...>

Сергей Есенин пишет стихотворение „Преображение", которое начинается так:

Облаки лают,
Ревет златозубая высь.
Пою и взываю:
„Господи, отелись!"

Он же сочиняет „Октоих":

О, Боже, Боже,
Ты ль
Качаешь землю в снах?
.....
Где пляшет, сняв порты,
Златоколенный дождь.

Оно, в сущности говоря, и довольно. Комментарии также излишни. Напыщенный бред сумасшедшего можно облечь, конечно, в любую тогу, но от этого дело не изменится. <...>

Шуты гороховые, именующие себя поэтами, вы недостойны критики! Но самое худшее для вас – это цитировать ваши „рубленые калоши", которые вы называете стихами».

Июль, до 24. Есенин пишет седьмую главу поэмы «Пугачев» («Ветер качает рожь»).

Событие и его граница устанавливаются по сведениям из письма Г.А.Бениславской к А.Г.Назаровой (24 июля 1921; сообщено Н.И.Шубниковой-Гусевой), подтверждающимся датой есенинской записи в альбоме Э.Ф.Голлербаха (см.: 22 июля 1921).

У седьмой главы поэмы в черновике названия нет. Оно появится в ее окончательном тексте (см.: после 30 авг. 1921).

Есенин делает три рисунка на полях чернового автографа седьмой главы «Пугачева».

Обращает на себя особое внимание рисунок с подрисуночной надписью «Колосья»: несколько растущих стеблей ржи с верхушками, выгнутыми от тяжести колоса, но вместо колосьев нарисованы головки лебедей. Н.И.Шубникова-Гусева считает, что этот рисунок «выявляет скрытый метафорический смысл монологов действующих лиц главы, которая носит название „Ветер качает рожь"».

Два других рисунка на полях черновика седьмой главы полустерты. Первый располагается рядом с текстом вариантов второго монолога Бурнова («Нет-нет-нет! Я совсем не хочу умереть!..»); на нем можно рассмотреть фигуру человека, который смотрит на луну. Второй, тоже еле различимый рисунок с подписью «Окно», изображает окно и сделан около текста монолога Творогова, завершающего главу (см.: Шубникова-Гусева, 130–132).

Июль, 24. Харбинская газета «Заря» (№ 10) на первой странице печатает стихотворение Есенина «Запели тесаные дроги...» под заглавием «Новая Россия».

См. Приложение.

В столицу России по приглашению Советского правительства приезжает американская танцовщица А.Дункан.

Дункан И., Макдугалл А.Р. Русские дни Айседоры Дункан и ее последние годы во Франции / Пер. с англ., вступ. ст., коммент. Г.Лахути. М.: Моск. рабочий, 1995, с. 33.

Июль, 24 и 31. Берлинская газета «Новый мир» (№ 146 и 152) печатает объявление о выходе с июня 1921 года временника литературы и политики «Знамя» с упоминанием Есенина.

Оно аналогично объявлению, помещенному в берлинской газете «Руль» (см.: 9 июня 1921).

Июль, после 24 – Август, 30. Есенин пишет восьмую главу поэмы «Пугачев» («Конец Пугачева»).

При определении границ события принимались во внимание время завершения седьмой главы (см.: до 24 июля 1921) и дата окончания работы над поэмой (30 авг. 1921).

Глава под порядковым номером «8» в черновике заглавия не имела, получив его лишь в окончательном тексте (см.: после 30 авг. 1921).

Работа Есенина над поэмой шла параллельно с работой А.Б.Мариенгофа над своей пьесой.

А.Б.Мариенгоф вспомнит:

«На лето остались в Москве. Есенин работал над „Пугачевым“, я – над „Заговором дураков“. Чтоб моркотно не было от безалаберi, до обеда закрыли наши двери и для друзей, и для есенинских подруг. У входа даже соответствующую вывесили записку.

А на тех, для кого записка наша была не указом, спустили Эмилию. Она хоть за ляжки и не хватала, но Цербером была знаменитым <...>.

Я люблю „Пугачева“. Есенин умудрился написать с чудесной наивностью лирического искусства суровые характеры.

Поэма Есенина вроде тех старинных православных икон, на которых образописцы изображали бога отдыхающим после сотворения мира на полатях под лоскутным одеялом.

А на полу рисовали снятые валенки. Сам же бог – рыжебородый новгородский мужик с желтыми мозолистыми пятками.

Петр I предавал такие иконы сожжению, как противные вере. Римские папы и кардиналы лучше него чувствовали искусство. На иконах в соборах Италии – святые щеголяют модами эпохи Возрождения».

Мой век, 383.

Возможно, в этот период каждодневного творческого общения у поэтов рождается идея посвятить свои произведения друг другу.

Июль, 25. А.Дункан поселяют в квартире балерины Е.В.Гельцер, отсутствующей в Москве.

Маквей-2004, 457.

См.: 23 авг. 1921.

Июль, 27. Берлинская газета «Голос России» (№ 720) помещает статью Ф.В.Иванова «Без дороги: (Поэзия имажинистов. — Вл. Маяковский)» с упоминанием Есенина:

«В то время как писатели старые, принявшие революцию, стремятся к оправданию ее, к идеологическому обоснованию переворота Октября, в Голгофе настоящего видят тяжелый, но светлый путь к Воскресению, когда поэты вроде Клюева и Есенина принимают ее как религию Нового Спаса, имажинисты — разрушители только потому, что ругательство — их стихия, ибо они настоящие дети вскормившего их века, атеисты, неверующие, яркие, но ядовитые цветы, вынесенные накипью революции, и только».

Июль, 28. Рижская газета «Новый путь» (№ 144; рубрика «Библиография») отмечает сборник «Плавильня слов» с участием Есенина.

Июль, 31. Берлинская газета «Руль» (№ 213) печатает объявление о выходе на немецком и русском языках временника литературы и политики «Знамя» («Standarte») с анонсом содержания второго номера журнала:

«Первый русский и немецкий выпуски со стихами и статьями Александра Блока, Андрея Белого, В.Грёгера, С.Есенина, Р.В.Иванова-Разумника, Н.Клюева, Ганса Кнудзена, Л.Кроника <...> <о содержании русского и немецкого выпусков см.: 17 июня 1921>.

Во втором номере будет, между проч<им>, напечатано: Новая поэма Андрея Белого: „Первое свидание". Стихи: С.Есенина, Р.Ивнева, И.Эренбурга. Статьи: А.Белого „Прыжок в царство свободы", А.Блока „Крушение гуманизма" <...>».

Полный текст см. Приложение.

Перепечатки см.: газ. «Последние новости», Париж, 1921, 2 авг., № 396; газ. «Голос России», Берлин, 1921, 4 авг., № 727.

Июль, не ранее. Немецкий журнал «Menschen: Zeitschrift neuer Kunst» (Дрезден, тетрадь III, за июль) помещает поэму Есенина «Инония» в переводе Ивана Голля (Ivan Goll).

Сообщено Л.Г.Григорьевой.

См.: до 2 апр. 1922 (с. 299).

Август, 1. Парижская газета «Общее дело» (№ 380; рубрика «Искусство в Совдепии») дает информацию, что пьесы «Пугачев» Есенина, «Заговор дураков» А.Мариенгофа и «Трагедия» В.Маяковского намечены к постановке в осеннем сезоне Театром РСФСР Первым.

См. также: 20 июля 1921.

Август, 2. В Харькове объявляется «Суд над имажинистами»:

«Сегодня во вторник 2-го августа в Драматическом театре состоится суд над имажинистами. Обвиняют тт. Вал. Рожицын и Евг. Ланн; защищают тт. Карл Грасис и А.Гатов. Вещественные доказательства в исполнении артистов. Начало в 7 ½ веч.».

Газ. «Коммунист», Харьков, 1921, 2 авг., № 169.

Отклики на событие не выявлены.

Об аналогичном мероприятии в Москве см.: Летопись, 2, 418–419, а о подобном «суде» в Омске см.: 16 янв. 1922, вторая запись. О «Диспуте об имажинизме» во Владивостоке см.: 20 февр. 1921, вторая запись.

Август, до 3. Выходит журнал «Печать и революция» (кн. 1).

Граница события дается в соответствии с: Галушкин-2005, 2, 131.

В номере помещены:

– статья А.В.Луначарского «Свобода печати и революция», где имажинисты названы «шарлотанами, желающими морочить публику».

О реакции Есенина и его соратников на эту оценку см.: до 15 сент.1921; 15 сент. 1921; до 13 нояб. 1921; до 29 нояб. 192;

– анонимная заметка «Дом печати», где упоминается Есенин:

«С начала 1921 года один день в неделю посвящается исключительно художественной литературе <...>. В литературных вечерах принимали участие: А.Белый, В.Брюсов, М.Герасимов, В.Маяковский, Б.Зайцев, Б.Пастернак, А.Блок, Ф.Сологуб, Н.Полетаев, В.Александровский, В.Казин, В.Кириллов, Н.Ляшко, М.Волков, В.Шершеневич, С.Есенин и др.».

Август, 4. Есенин присутствует вечером в кафе «Стойло Пегаса». Знакомится с начинающим поэтом В.А.Мануйловым.

Позднее В.А.Мануйлов вспомнит:

«Сергея Есенина я увидел впервые 4 августа 1921 года в Москве, в кафе имажинистов „Стойло Пегаса“, на Тверской улице <...>. В Москву я приехал с путевкой Новочеркасского отдела народного образования, чтобы поступить на факультет общественных наук Московского университета, но опоздал. Зачисление уже было закончено, и я усердно посещал всевозможные литературные вечера <...>. В шумном, дымном „Стойле Пегаса“, на небольшой эстраде, сменяя друг друга, появлялись молодые, никому не известные поэты, иногда выступали актеры с чтением стихов и певицы, а к концу программы — такие разные, такие не похожие один на другого поэты-имажинисты: Вадим Шершеневич, Анатолий Мариенгоф, Александр Кусиков и Сергей Есенин <...>.

Молодежь легко знакомилась, обсуждая только что прозвучавшие стихи. Не помню, как завязался разговор с сидевшими по соседству Рюриком Роком, Сусанной Мар и Наталией Бенар – молодыми, но в литературных кругах тогда уже известными поэтами. В перерыве к их столику своей удивительной крылатой походкой подошел Есенин. Подвижный, ладно сложенный, Есенин производил впечатление здорового, уверенного в своей силе человека, очень красивого русского человека, в живом светлом взгляде которого было много доброжелательности, но вместе с тем иногда загорались огоньки веселого озорства <...>.

Беседуя с моими новыми знакомыми, Есенин с любопытством поглядывал на меня. Потом первый заговорил: „А ты, братик, откуда?“ Я отвечал. Есенин присел рядом на красный диванчик и спросил, пишу ли я стихи и нет ли у меня их с собой. Так мне посчастливилось не только познакомиться с Есениным, но и в тот же вечер дать ему посмотреть бывшую со мной тетрадочку моих стихов <...>.

Он прочел, нет, просмотрел бегло и зорко несколько стихотворений и заговорил не о мелочах, а о самом главном, о том, что составляет поэзию. Доброжелательно, никак не подчеркивая своего превосходства, сказал, что стихи пока еще такие, как пишут многие, но продолжать стоит, может быть, что-нибудь получится, главное же – овладеть своим голосом, ничего не выдумывать, а писать свое и о себе, чтобы ни на кого не было похоже <...>.

Я спросил, над чем он работает сейчас. Есенин отвечал, что только недавно закончил драматическую поэму „Пугачев“, на днях будет впервые читать ее на публике в литературном особняке на Арбате».

Восп., 2, 165–166.

Возвращая В.А.Мануйлову его тетрадь со стихами, Есенин оставляет на ней запись с просьбой пропустить молодого поэта на чтение «Пугачева» в «Литературном особняке».

В.А.Мануйлов напишет:

«Эта тетрадь с его запиской была через год украдена по дороге из Тифлиса в Баку — помню только, что текст записки приятный».

Цит. по: Есенин, VII (3), 42.

Август, 4, 11, 18, 20 и 25. Берлинская газета «Голос России» (№ 727, 733, 739, 741 и 745) информирует о выходе в свет и поступлении в продажу выпусков «Общедоступной библиотеки „Книга для всех“» издательства «Мысль» (Берлин), в том числе:

Вып. 2–3. «Поэзия большевистских дней (Блок, Эренбург, Есенин, Каменский, Шершеневич и др.)».

Август, до 6. В объявлении издательства «Мысль», помещенном в берлинском журнале «Голос эмигранта» (№ 4, за июль) названа «Книга для всех (общедоступная библиотека, № 2–3): Поэзия большевистских дней. Блок, Эренбург, Есенин, Каменский, Шершеневич и др.».

Граница события определяется по информации берлинской газеты «Голос России» (1921, 6 авг., № 729).

См. также:. 31 окт. 1920; 9 нояб. 1920; 15 ... 30 нояб. 1920; до 19 янв. 1921; 19, 20, 22, 26 и 28 янв. 1921.

Август, 6. Есенин выступает с чтением поэмы «Пугачев» в клубе Литературного особняка (Арбат, 7).

Галушкин-2005, 2, 135.

В.А.Мануйлов вспомнит позднее:

«Есенин читал „Пугачева“ с редким воодушевлением и мастерством, слегка задыхаясь, но звонко и буйно – так через два года, когда я снова его услышал, он уже не читал. <...> в тот вечер <...> Есенин читал горячо, темпераментно жестикулируя, скакал на эстраде, но это не выглядело смешным, и было что-то звериное, воедино слитое с образами поэмы в этом невысоком и странном человеке, сразу захватившем внимание всех присутствовавших в зале. И была в его чтении какая-то исступленность, сплошной нажим на каждое слово, почти без понижения голоса, и это било по нервам и постепенно начинало притуплять восприятие. <...> Многие находили, что это лучшая вещь Есенина, большое литературное событие...».

Восп., 2, 169–170.

Далее В.А.Мануйлов описывает продолжение вечера, упоминая среди выступавших А.Б.Кусикова, В.Я.Брюсова и др. (Восп., 2, 170–171). Однако это – аберрация памяти: автор совместил здесь свои впечатления о двух вечерах в клубе «Литературного особняка» – 6 авг., где выступал Есенин, и 9 авг. (Галушкин-2005, 2, 138), где читал стихи В.Я.Брюсов.

Киевская газета «Коммунист» (№ 169) помещает анонс:

«Во вторник 9 августа в театре имени Шевченко состоится большой литературный диспут о творчестве имажинистов. С обширным докладом по данному вопросу <где, без сомнения, упоминается Есенин> выступает Л.Н.Войтоловский. Для иллюстрации имажинизма приглашены московские гастролеры тт. Никритина и Даревский. Содок-

ладчиками будут А.Леваков и Осип Блиц (Ем. Пиляй), оппонентами по существу — поэты Сергей Глаголин (пародия), Павел Герман, Михаил Глушков. Допускается к прениям местная группа имажинистов. Руководитель прений О.Айзенштейн».

Отклики на это мероприятие не выявлены.

См. также: 20 февр. 1921 (вторая запись); 2 авг. 1921; 17 сент. 1921; 19 сент. 1921.

Август, после 6. Есенин рекомендует В.А.Мануйлова в члены Всероссийского союза поэтов.

Граница события определяется с учетом того, что 6 августа В.А.Мануйлов еще не имел членского билета ВСП и на вечер в «Литературный особняк» прошел по записке Есенина.

В.А.Мануйлов позднее напишет в своих мемуарах:

«По рекомендации Есенина тогда же, в августе 1921 года, в Москве я был записан в Союз поэтов и получил членский билет».

Мануйлов, 110–111.

«Сохранилось у меня и „Удостоверение“, в котором сказано: „Выдано действительному члену Всероссийского Союза поэтов (билет № 18) Виктору Андрониковичу Мануйлову в том, что он согласно <параграфам> 11 и 12 Устава Союза <…> пользуется: 1) Правом беспрепятственного входа в театры и концерты во всех городах Республики…“».

Мануйлов, 76.

Август, 7. В Петрограде умирает А.А.Блок.

Берлинская газета «Новый мир» (№ 158) публикует статью «Новое слово: Львов-Рогачевский. Имажинизм и его образоносцы. 1921 г.» (подпись: Е. В.):

«Основная мысль, развиваемая критиком, та, что имажинизма, как школы, как цельного литературного течения нет, и объединение ряда молодых поэтов под этим знаменем в конце концов основано на недоразумении, ибо по внутренней сущности своей они весьма различны, собраны с бору да с сосенки, что называется <…>.

Русские имажинисты в лице наиболее ярких представителей своих Шершеневича и Мариенгофа – упадочники, стоящие обеими ногами в прошлом, обломки старого.

С другой стороны, в их среде мы находим таких поэтов, как Есенин, Кусиков и др., ничего общего по существу с первыми не имеющих.

Сергей Есенин — поэт-пейзажист, влюбленный в своего ласкового, синеглазого „коровьего бога“, черпающий свои образы из народных мифов, апокрифов и сектантских псалмов. Творчество милое, полное искренней любви к природе, деревенской хате, искреннего чувства и искренней, не кривляющейся манеры письма.

Кусиков тоже поэт природы, тоскующий о своем родном Кавказе, где „туман свисает бородой пророка“. В этом, в сущности, всё содержание его скромного дарования.

И вот поэты подобного мирного и даже „елейного“ уклада — в одном лагере с кровожадным Мариенгофом и смердяковствующим Шершеневичем. Это абсурд и недоразумение.

Но Львов-Рогачевский старается показать — и не без убедительности, — как это могло случиться.

Он высказывает следующую мысль (навеянную А.Веселовским).

В период огромных общественных потрясений, в переходные эпохи, когда рушится старое, когда кругом всё спуталось, как вихрь, этот вихрь врывается в сферу искусства <…>.

Эти эпохи неизменно родят тысячи поэтов (и поэтиков) с неопределенными переживаниями, с преклонением перед формой, перед мелодией стиха, без особой заботы о содержании. Лозунги, подобные лозунгу имажинистов „победа образа над смыслом и освобождение

слова от содержания", находят широкий отклик в душах, утративших прошлое и не могущих еще охватить, впитать и кристаллизовать новое содержание жизни. Это явление Рогачевский вслед за А.Веселовским именует синкретизмом».

Август, после 7 ... 31. В кафе «Стойло Пегаса» с участием Есенина проходит собрание, на котором из рядов имажинистов исключается несколько молодых поэтов.

Событие и его рамки устанавливаются по воспоминаниям Н.Д.Вольпин:

«Однажды, кажется, уже в августе, после смерти Блока, произошло нечто, как мы решили, непристойное. Не помню, кто именно, Шершеневич или Мариенгоф, прочитал с эстрады заявление... об изгнании из рядов имажинистов недавно принятых молодых сателлитов. Молодежь, видите ли, не оправдала надежд старших поэтов <...>. Раздавались презрительные возгласы осуждения. Есенин сидел смущенный и пытался уверить нас (т. е. меня и Мар), что он тут ни при чем, он против этой выходки, с ним она не согласована. <...>

На эстраду „Стойла Пегаса" и меня, и Сусанну Мар продолжали выпускать, именуя „поэтессами-имажинистками"».

Как жил Есенин, 288–290.

Август, после 7 ... 1922, январь, до 20. Есенин встречается в кафе «Стойло Пегаса» со своим земляком поэтом Ю.П.Трубецким и надписывает ему книгу «Голубень».

Нижняя граница события определяется по дате смерти А.А.Блока, упоминающегося в воспоминаниях Ю.П.Трубецкого (см. ниже), верхняя – по дате приезда в Эстонию фигурирующего в этих воспоминаниях А.Б.Кусикова, покидавшего Россию (Русский имажинизм, 192, 475).

В 1951 году Ю.П.Трубецкой напишет:

«Обстановка „Стойла Пегаса" – резиденции имажинистов – лидером коих и, так сказать, козырным тузом был Есенин, не производила приятного впечатления. Что-то уж много делячества, дурного тона, воробьиной фанаберии, скандальной саморекламы. И их „теоретик" Анатолий Мариенгоф – циркулеподобно шагающий по эстраде, и Кусиков, что-то бормочущий с сильным акцентом, и какие-то сомнительные девицы <...>.

Оказывается, стихи Мариенгофа были как бы программно-пропагандными воззваниями направления, к которому принадлежал и Есенин. Образ (имаго, имаж) как самоцель. Потом читал Есенин, уже значительно „подвеселившийся" сомнительной водкой.

За темной прядью перелесиц,
В неколебимой синеве,
Ягненочек кудрявый – месяц
Гуляет в голубой траве.

<...> Его выпирало из рамок, склеенных Мариенгофом. Это был певун, соловей, от его стихов пахло ветром и осенними просторами, как стихи – они были нарушением привычных канонов, но они были *настоящими*. Сглаживались рискованные ассонансы, цезуры, стоявшие не на месте, не резали уха. Словом, то был настоящий поэт <...>.

Есенин читал охотно <...>. Отчитав свои стихи, он сошел с эстрады и сумрачно пошел к столику.

– Земляк, рязанский парень, скажи им, что Сергей Есенин сегодня читал не для них, а для тебя! – дыша на меня перегаром, пробормотал Есенин. Потом, видно, забыл – потерял нить мысли. Перебросился на другое:

– Блок! Замечательный! Вот поэт, не то, что эта сволочь! – он обвел рукой „Стойло Пегаса“ – Умер! Довели! А эти, петербургские, ехидничают. Ты же не ехидничаешь, ты рязанский парень.

– Вот! – вырвал у кого-то из соседей голубую тетрадочку „Голубень“ и карандашом, размашисто написал:

„Дорогому, из Рязани, от Сережки. Помни“ и еще что-то неразборчивое <не сохранилась>. Я понял, что на Есенина „нашел стих“. Он опять взобрался на эстраду и, уходя, я слышал, как он читал, запинаясь и выкрикивая, свою „Исповедь хулигана“».

РЗЕ, 1, 153–154, 293–296.

Август, 8. Берлинская газета «Огни» (№ 1) публикует статью И.А.Бунина «Страна неограниченных возможностей»:

«И всё-то мы <...> пересаливаем, всё карикатурим до последней возможности <...>. Первый русский „декадент“ Емельянов-Коханский привязывал себе собачьи когти к пальцам, надевал прямо на белье бурку, на голову папаху, а на глаза черные очки и гулял в таком виде по Тверскому бульвару. Однако же это было, и ведь это Емельянов родоначальник всех этих Брюсовых, Маяковских, Есениных, Шершеневичей, Луначарских...».

В письме к А.С.Ященко Д.Д.Бурлюк отмечает:

«...Я не люблю Мариенгофа, Шершеневича, Есенина, Клюева и К° (псевдофутуристы). Мне: + = нравятся Гуро, Хлебников, В.Иванов (*отчасти*), так же к<а>к Блок (отчасти), Белый».

Русский Берлин-2003, 149.

Август, после 8 ... Сентябрь, конец (?). Есенин знакомится с дочерью Ф.И.Шаляпина Ириной.

Событие датируется на основании воспоминаний А.Мариенгофа (см. ниже) и хронографа жизни и творчества Ф.И.Шаляпина (Федор Иванович Шаляпин. Литературное наследство: В 3 т., М.: Искусство, 1979, т. 3 , с. 316) с учетом того, что эта встреча, скорее всего, состоялась до увлечения Есенина А.Дункан (см.: 3 окт. 1921 и др.). Мариенгоф отнес это событие ко времени после отъезда Шаляпина на гастроли за границу, т. е. после 8 авг. 1921 (Ф.И.Шаляпин пробудет в Латвии, Финляндии, Англии и США до марта 1922 года).

А.Мариенгоф напишет:

«...мы катались на автомобиле — Есенин, скульптор Сергей Конёнков, я.

Конёнков предложил заехать за молодыми Шаляпиными (Федор Иванович тогда уже был за границей). Есенин обрадовался предложению.

Заехали. Есенин усадил на автомобиле рядом с собой некрасивую веснушчатую девочку. Всю дорогу говорил ей ласковые слова и смотрел нежно.

Вернулись мы усталые и измученные — часов пять летали по ужасным дорогам Подмосковья. Есенин сел ко мне на кровать, обнял за шею и прошептал на ухо:

— Слушай, Толя, а ведь как бы здорово получилось: Есенин и Шаляпина... А?.. Жениться, что ли?..»

Мой век, 315.

И.Ф.Шаляпина подтвердит факт знакомства с Есениным в рассказе о своей последней встрече с отцом (Париж, 1932):

«...он <Ф.И.Шаляпин> вдруг спросил:

— А ты Есенина знаешь?

— Да, была немного знакома.

— Нет, не то, — стихи его знаешь?

— Знаю.

— Можешь прочесть? <...>

Я начала читать: „Отговорила роща золотая..." <...> Когда я взглянула на отца, его глаза были полны слез».

Федор Иванович Шаляпин. Литературное наследство: В 3 т., М.: Искусство, 1976, т. 1, с. 80.

Август, до 10. Выходит книга С.Т.Григорьева «Пророки и предтечи последнего завета: Имажинисты Есенин, Кусиков, Мариенгоф» (М.: САВ, 1921).

О границе события см.: Галушкин-2005, 2, 139.

Автор дает свое видение поэзии имажинистов, разбирая творчество трех ее представителей: Есенина, Кусикова и Мариенгофа. Поэтов-имажинистов он сравнивает с запряженной тройкой лошадей, несущих сани в непроглядной пурге:

«Поэтов надо писать *в ритмическом порядке*. Если уж запрячь, то *как* запрячь. Раз мы избрали эту тройку для путешествия в русские „нельзя" и „никуда", кого же — в корень, кто — левой пристяжной, кто — правой? Нет, мы поедем *гусем*, снега пали глубокие, метели веют. Кто пойдет головным: самый зрячий и чуткий. Кто вторым выносным: самый умный, слухмяный. Кто в оглоблях: самый жилистый, горячий (выдернуть сани при случае из ухаба). Есть шесть способов запрячь наших поэтов гусем. Три явно не ритмичны. Три ритмичны. Из них вернее всех порядок: Есенин, Кусиков, Мариенгоф. Т. е. Есенину (он все дороги знает, у него нюх: „суховатой липой пахнет от колес"), и если заблудимся, он дым соломенной деревни учует за семь верст. Кусикову с его слышким ухом горного скакуна — следить за передовым и звонким ржанием сказать, заслышав дальний лай собак. Мариенгофу идти в оглоблях (попался, голубчик!). Длинный стелется за санями по следу кнут, такой длинный, чтобы Есенина достать до причинного места. Ну, а Мариенгофу ино попадет по заду и кнутовищем. Поехали, что ли? Есенин вышагивает, подобно кобылице юной. Кусиков — что твой Аль-Баррак (погоди, шлея нагреет холку), а Мариенгоф — ну-ка, ну-ка вывози, миляга! „Кто там кучер, какая узда и какие вожжи? И узда есть (мой порыв), и вожжи (строки ваших же стихов, поэты) и кнут (мой стиль), а кто ямщик? — Седое Время. Оттуда — в никуда, оттоле — в ту пору. Мятель! Пурга!! Бесы!!!" Сбились мы, что делать нам. Страшно... Отпускаю вожжи. Есенин раздувает ноздри. Кусиков прядет ушами. Мариенгоф беспечно помахивает хвостом. Есенин тронул. Свернул. Куда? Доверимся его чутью. Он скажет верную дорогу.

<...> Всё, пробужденное во мне поэзией последнего русского завета и недосказанное в моих словах, может стать свидетельством о моем, общем нашему времени, душевном недуге. Еще не скоро мы вкусим хлеба со спокойной совестью! Мы только еще ведем „посевную кампанию". Но уже:

Новый сеятель
Бредет по полям,
Новые зерна
Бросает в борозды».

См. след. запись.

Август, 10. Журнал «Народное просвещение» (№ 84) помещает рецензию И.Р.Эйгеса на книгу С.Т.Григорьева «Пророки и предтечи последнего завета: Имажинисты Есенин, Кусиков, Мариенгоф»:

«Менее всего следует приниматься за чтение этой книжки с намерением ближе познакомиться с творчеством наших имажинистов. <...> Три представителя имажинизма оказываются у Григорьева выразителями трех потоков, создавших море русской культуры, собственно: русского, татарского и иудейского. Это – стихии Великого Новгорода, Орды и Хазарского царства. <...> Автору нельзя отказать в смелости и оригинальности исторических обобщений. <...> Излагает свои идеи Григорьев в весьма своеобразной форме: я сказал бы, что это как бы длинная непринужденно-пространная речь среди друзей в домашней обстановке. <...> Немногие, всегда как-то неожиданно брошенные штрихи, характеризующие поэзию трех избранных имажинистов, достаточно метки и оригинальны. Вся вообще книжка написана весело, утонченно-хлестко и бесспорно талантливо, хотя все утверждения Григорьева представлены в этой книжке совершенно произвольно и бездоказательно».

Август, до 11. В № 2 (за август) берлинского журнала «Знамя» печатаются первые три строфы стихотворения Есенина «Я покинул родимый дом...».

Граница события устанавливается по информации: «Новая поэма Андрея Белого „Первое свидание“ напечатана в только что вышедшем в свет втором выпуске временника литературы и политики „Знамя“ („Standarte“)» (газ. «Голос России», Берлин, 1921, 11 авг., № 733).

Там же:

– статья Иванова-Разумника «Пролетарская культура и пролетарская цивилизация», в которой он высказывает идеи, созвучные есенинским:

«...В „пролетарскую культуру“ я не верю и таковой не знаю, так же как не знаю и „культуры буржуазной“ <...>. Творчество <...> будет и не пролетарским, и не буржуазным, оно будет народным <...>. Идеологи пролетариата — те лягушки из басни Крылова, которые хотят раздуться до буржуазного вола»;

— объявления на немецком языке с упоминанием Есенина, аналогичные помещенным в № 1 этого журнала.

См.: 1 ... 26 июня 1921.

Вскоре в заметке о журнале «Знамя» будет отмечено (газ. «Руль», Берлин, 1921, 21 авг., № 231; подпись: П. Ш.):

«Выходит он <журнал> через неопределенные промежутки времени: русское издание до сих пор выпущено два раза, в немецком издании вышел лишь один номер.

Оба издания не вполне тождественны: в каждом из них имеются статьи, отсутствующие в в другом <...>. Сверх того в Риме выходит итальянское издание того же органа. Судя по объявлению о содержании вышедших до сих пор трех номеров, итальянское издание значительно отличается от русско-немецкого <кроме редактора журнала, все авторы иностранцы>».

О выходе № 1 журнала «Знамя» на итальянском языке сообщала берлинская газета «Новый мир» (1921, 9 февр., № 9).

Август, 13 и 14. Берлинская газета «Новый мир» (№ 163 и 164) печатает объявление (с упоминанием Есенина) о выходе с июня 1921 года временника литературы и политики «Знамя».

Оно аналогично помещенному в берлинской газете «Руль» (см.: 9 июня 1921).

Август, 14. Есенин приходит на вечер ВАПП памяти А.Блока в клубе «Кузница» на Тверской.

Дата события устанавливается по объявлениям 14 авг. 1921 в «Правде» (№ 179) и «Известиях» (№ 179), а появление Есенина на вечере — по воспоминаниям В.Т.Кириллова (1926):

«Вспоминается смерть А.Блока. Я ездил на его похороны в Петроград. Возвратившись обратно в Москву, я вместе с моими друзьями — пролетарскими поэтами — устроил вечер памяти Блока в только что открытом тогда клубе „Кузница“ на Тверской. Народу было очень много. В конце вечера в зале появился Есенин. Он был очень возбужден и почему-то закричал:

— Это вы, пролетарские поэты, виноваты в смерти Блока!

С большим трудом мне удалось его успокоить. Насколько я помню, к Блоку он относился с большой любовью, особенно ценя его „Двенадцать“ и „Скифы“».

Восп., 1, 273.

Берлинская газета «Новый мир» (№ 164) публикует статью Э.Германа (?) «Пугачев (Письмо из Москвы)» (подпись: Москвич):

«Написал ее <поэму> Сергей Есенин — поэт, с которым долгое время был неразлучен эпитет „крестьянский“ <...>. Он с большим основанием мог бы окрестить ее поэмой о мужике. <...> Ему, собственно, нет и дела до реального, исторического Пугачева. Разве ж это исторический Пугачев <...>:

...Завтра ж к утру будет ясная погода,
Сивым табуном проскачет хмарь,
Слушай, ведь я из простого рода
И сердцем такой же степной бунтарь.

Разве ж это исторический Хлопуша, сочетая разбойничью удаль с принципами есенинского образотворчества, заявляет:

Каплет гноем смола прогорклая
Из разодранных ребер изб.
Завтра ж ночью я выбегу волком
Человеческое мясо грызть.

<...> Всё это, конечно же, не от исторической пугачевщины <...>. Для Есенина Пугачев — только мужик, как пугачевщина — мужицкий бунт <...>. Именно мужицкий бунт как таковой, протест мудрой звериной мудростью мужицкой души против бездушной мудрости государства.

Это больше бунт есенинский, чем бунт пугачевский <...>.

В близости к физиологическому, растительному бытию и кроется „звериная“ „мужичья правда“, тот „разум зверя“, о котором говорит Пугачев:

Долгие, долгие тяжкие годы
Я учил в себе разуму зверя.
Знаешь? Люди ведь все со звериной душой, –
Тот медведь, тот лиса, та волчица...

„Мудрый мужик“, фактический герой поэмы Есенина, для него — как я уже отметил — не социальная категория.

Его Пугачев не то, что было, а то, что было, есть, будет. Не об этом ли говорят строки:

Не устанут в степях голосить
Красные колокольчики тюльпанов.
Много будет еще на Руси
Вот таких же, как я, Емельянов.

<...> До чего, однако, Есенин, связывающий себя и до известной степени связанный с революцией в области художественных форм, традиционен идеологически. Он весь от старого русла русской литературы.

<...> Свищут кони, как вихри, по полю,
Только взглянешь — и след простыл.
Месяц, желтыми крыльями хлопая,
Раздирает, как ястреб, кусты.
Загляжусь я по ровной голи
В синью стынущие луга,
Не березовая ль то Монголия?
Не кибитки ль киргиз — стога?

Разве не гоголевскую, мужиком выдуманную, тройку, перепряженную Блоком, подхлестывает кнут есенинского стиха?

Знакомый бег, знакомый посвист. „Последний поэт деревни", как величает себя сам Есенин, поэт последнего дня мужицкой Руси, не может не быть вне революции».

Отклик написан до публикации поэмы Есенина.

Под другим названием эта статья будет опубликована 10 сент. 1921 (см.).

Берлинская газета «Руль» (№ 225) в рубрике «Новые книги» информирует:

«Григорьев Сергей. Пророки и предтечи последнего завета: Имажинисты Есенин, Кусиков, Мариенгоф. Саав, 45 стр.

Ивнев Рюрик. Четыре выстрела в Есенина, Кусикова, Мариенгофа, Шершеневича. Имажинисты, 27 стр.».

Август, 15 ... 18. На вечере имажинистов в клубе «Литературного особняка» (Арбат, 7) Есенин читает поэму «Сорокоуст».

Выступают также А.Кусиков, А.Мариенгоф, В.Шершеневич (со стихотворением «Завещание»).

Событие и его рамки устанавливаются по записи Т.Г.Мачтета (см.: 19 авг. 1921).

Август, 15 ... 28. Есенин выступает на вечере памяти А.А.Блока, организованном Московским оргбюро партии левых эсеров.

Нижняя граница события определяется по письму И.З.Штейнберга С.Д.Мстиславскому (14 авг. 1921) с просьбой к адресату — «возглавить устраиваемый левым народничеством вечер памяти Блока» (Лица, 7, 466; публ. Я.В.Леонтьева), а его верхняя граница — по письму И.З.Штейнберга и А.А.Шрейдера Иванову-Разумнику, где об этом вечере говорится как об уже состоявшемся (см.: 29 авг. 1921).

Я.В.Леонтьев обнаружил в РГАСПИ машинописный Бюллетень Центрального оргбюро партии левых эсеров объединенных (интернационалистов и синдикалистов) от 1 окт. 1921 с сообщением, что на этом вечере «с речами, освещающими личность Блока, главным образом, с общественно-революционной стороны, выступили: Шрейдер, Штейнберг, Дунаевский, Есенин, Буревой, Вольский, Зунделович...» (цит. по: Лица, 7, 453). По мнению Я.В.Леонтьева, вечер проводился в партийном клубе левых эсеров по адресу: Петровка, 23.

К.Буревой (Буровий) вспомнит в 1927 г.:

«Умер Блок... И.З.Штейнберг устроил на Петровке вечер, посвященный памяти поэта. Должны были выступать: Штейнберг, В.К.Вольский и я. Наши выступления были больше политическими, чем литературными, ибо нас тогда интересовало, главным образом, отношение Блока к революции.

Под конец концертной части пришел Есенин и взял слово.

Оратор он был плохой. Но на этот раз он, взволнованный, говорил с вдохновением, с любовью, с большой сердечностью.

Вспомнить что-либо из этого выступления невозможно, ибо никакой логики, никакой связи в выступлении не было. Это был целый каскад образов, образов могучих, крылатых. Чувствовалось лишь, что так говорить не сможет обыкновенный человек, не сможет так говорить даже талантливый человек, когда он не есть поэт — творец именно таких образов. Впечатление у присутствующих необыкновенное; а спроси, о чем он говорил, — никто не скажет, какая-то сказочная речь! Как будто восстало множество образов из нерассказанных еще сказок русского народа, как будто шелест ржи и пьянящий запах лесов залетели в столичную залу из дебрей будущей „новой Америки".

И говорил Есенин:

— Есть два поэта на Руси: Пушкин и Блок. Но счастье нашей эпохи, счастье нашей красы открывается блоковскими ключами».

Буровий К. Незащищенное дитя (Воспоминания о Есенине). — Радуница, 2, 96–97 (пер. с укр. В.А.Божко).

Август, 18. Коллегия Наркомпроса принимает «Положение о частных издательствах».

Из документа:

«Издательский план каждого издательства утверждается Госиздатом, причем Госиздату предоставляется право требовать предоставление самих рукописей для просмотра».

Галушкин-2005, 2, 151.

См.: 26 авг. 1921.

Август, до 19. Есенин выступает инициатором приема С.Д.Спасского в состав имажинистской группы.

Граница события устанавливается по записи Т.Г.Мачтета (19 авг. 1921):

«Помню, как я еще недавно Спасскому завидовал.

— Правда, вы вступили к имажинистам? — спросил я однажды поэта.

— Да, — замялся он, — из чувства товарищества, Есенин меня попросил.

— Что же, и условия подписали, всё как следует? — допрашивал я поэта.

— Условие — нет, а так, устное соглашение.

Вступила с ним и его жена Г.Владычина <...>.

Несмотря на сулящие златые горы, поэт порвал с имажинистами <...>.

— Много теперь работаете? — спросил я недавно друга, встретив его в „Звене".

— Где там, с голодом всё время борюсь, не до того, — признался он».

Дневник Мачтета, карт. 7., ед. хр. 5, л. 54–54 об.

Август, 19. Т.Г.Мачтет фиксирует свои впечатления от выступления Есенина и других имажинистов в клубе «Литературного особняка»:

«Вместе с В.Г. <Шершеневичем> читал в клубе в тот вечер <см.: 15 ... 18 авг. 1921> Есенин и все четверо, еще Кусиков и Мариенгоф. Они представили незабвенное большое содружество, которому прощаешь и рекламу, и шумиху. Потом артистка Кам<и>нская читала стихи каждого из них. Под впечатлением чтения как ее, так и их мы долго не расходились. Из уст Кам<и>нской я впервые слышал и нашумевшую Есенина „Исповедь хулигана". Сам же он читал свою поэму „Сорокоуст". Они все четверо в тот вечер казались очень в ударе, особенно Есенин и Шершеневич. Молодые, ловкие, смелые, сильные, безусловно, фигуры исторические. Своей силой, волей, беспринципной удалью, талантом они к себе так притягивают и, несмотря на поздний час, усталость, сонливость, сидишь в кабацкой атмосфере до 3 часов <ночи> и без конца готов

слушать этих исключительных добрых молодцев, с таким искусством и такой артистичностью подвизавшихся на эстраде. Во всяком случае, история еще много будет говорить о них».

Дневник Мачтета, карт. 7, ед. хр. 5, л. 53–55.

Пражская газета «Воля России» (№ 283) печатает заметку «Литературные вести из сов. России» (без подписи):

«... *С.Есенин* написал драматическую поэму *„Пугачев“* <см.: 30 авг. 1921>, извлечения из которой приводят советские газеты. Поэма написана в обычном для Есенина „имажинистском стиле“, но критика отмечает, что есенинское „образотворчество“ подчинено основному лирическому заданию поэмы».

Август, 21. Берлинская газета «Новый мир» (№ 170; подпись: М-ич) помещает рецензию Э.Германа (?) на сборник «Звездный бык» со стихотворением Есенина «Песнь о хлебе»:

«„Песнь о хлебе“ — значительное, веское стихотворение Есенина — едва ли должно называть песнью. Оно больше для глаз, я сказал бы, для глаз ума, чем для слуха. Это образное философское повествование о крестном пути хлеба.

Вот она, суровая жестокость,
Где весь смысл страдания людей.
Режет серп тяжелые колосья,
Как под горло режут лебедей.
...А потом их бережно, без злости,
Головами стелют по земле,
И цепами маленькие кости
Выбивают из худых телес.

Стихотворение — не в пример некоторым другим вещам Есенина — не перегружено образами. Образ играет в нем скромную служебную роль. В этом отношении „Песнь о хлебе“ — последнее по счету стихотворение Есенина — как бы возвращает автора к его ранним стихам доимажинистского периода. То же, впрочем, можно сказать о некоторых других новых вещах его. Есенин ищет некого синтеза самодовлеющей образности с лирическим заданием. В ненапечатанной драматической поэме (о ней в другой раз <см.: 14 авг. 1921; 10 сент. 1921>) он в меньшей мере отказывается от диктатуры образа, подчиненного, впрочем, единству лирического замысла. В поэме этой манера его письма характерней, чем в „Песни о хлебе“, где поэт не только показывает, но и рассказывает:

Никому и в голову не встанет,
Что солома — это тоже плоть.

В приведенном двухстрочии — лейтмотив „Песни о хлебе“, ее философский смысл. Характерным для Есенина очеловечиванием всего сущего звучит рассказ о тихой мести хлеба, белесого хлебного яда ненасытной утробе человеческой.

Все побои ржи в припек окрасив,
Грубость жнущих сжав в духмяный сок,
Он вкушающим соломенное мясо
Отравляет жернова кишок.
И свистят по всей стране, как осень,
Шарлатан, убийца и злодей,
Оттого, что режет серп колосья,
Как под горло режут лебедей.

Незамутненным глазом метерлинковского ребенка видит Есенин скорбящую „душу хлеба".

В „Песни о хлебе" заинтересует теоретика ущемление самодовлеющей образности идей содержанием стихотворения, вынужденное последним упрощение формы, требуемое теорией имажинизма».

См.: янв. ... середина февр. 1921.

Август, 22. В кафе имажинистов «Стойло Пегаса» проходит литературный вечер, посвященный памяти Александра Блока.

Среди участников — В.Шершеневич, А.Мариенгоф, А.Топорков.

Судя по словам, услышанным Т.Г.Мачтетом от Есенина 18 сент. 1921, Есенин на вечере не выступал. Из записи Т.Г.Мачтета (19 сент.):

«Вчера же в Союзе <поэтов> встретился с Есениным. <...>

— Что это у вас с Блоком вышло, — спрашивает, между прочим, Самсон, памятуя выходку имажинистов с его памятью.

— Да это всё Вадим и Толя, — улыбается поэт, — я не участвовал, — сказал он, — бойкотировал их <...>.

Да, и здесь он целен. Остался самим собой, и не идет на дешевую рекламу, и не порывает с друзьями, держится в стороне, и таким ценным вдруг кажется это объяснение, так случайно вырвавшееся, так веришь поэту, как строчке каждой его исповеди...».

Дневник Мачтета, карт.7, ед. хр. 5, л. 141 об.

Скандальный характер этому мероприятию имажинистов придала речь А.Топоркова, который, по слова Я.Я.Гутмана, «выставил поэзию Блока как умершее нечто, как нечто самое вредное, ненужное, тягучее больное: один из тезисов его доклада о Блоке гласил: „Бордельная мистика" (см.: 31 авг. 1921, вторая запись).

Из откликов:

«В погоне за рекламой и в потугах на оригинальность имажинисты глубоко возмутительно безобразят над свежей могилой Александра Блока. Они „посвящают" ему 22 августа в кафе вечер под названием „бардельная <так!> мистика"... Пошло! Отвратительно... Стыдно!»

Х. <Херсонский Х.> Стыдно! — Газ. «Известия ВЦИК», 1921, 23 авг., № 185;

«... „лошади как лошади", из „стойла" <...>, дождались они поэта смерти. И тут, на свежей могиле, по-лошадиному и затопали. Они, видите ли, выше человеческих предрассудков; вечер закатывать, так вечер. И закатили: „Чистосердечно о Блоке. Б.....я мистика. Не человек, не поэт и не мыслитель".

Положим, в устах мертвых животных часть этого, наверно, звучит как высшая похвала. Если б кто-нибудь *их* самих по ошибке, скажем, назвал „людьми" или „мыслителями", в стойле обида была бы, наверно, немалая. Чучела, вероятно, гордятся собой и тем, что мозги из них кем-то вынуты. С другой стороны, для памяти А.А.Блока было бы обидно, если бы назвали его поэтом те, кто *сами себя* так величают. Уж если Вад. Шершеневич или Анат. Мариенгоф – „поэты", то, конечно, А.А.Блок – не поэт. Для нас это аксиома!.. <...>

Поэтому мы никак не подписались бы обеими руками под заметкой московской газеты об этом вечере. Она имеет заголовок: „Стыдно!"... Кому? Давно известно, что „мертвые сраму не имеют"».

Пяст В. Кунсткамера. – Газ. «Жизнь искусства», Пг., 1921, 18 окт., № 813.

26 августа на заседании правления Всероссийского союза писателей было постановлено «послать членам Союза Шершеневичу, Мариенгофу и Топоркову извещение о несоответствии их выступления на вечере памяти Блока с добрыми литературными нравами».

ИМЛИ, ф. 157, оп. 1, ед. хр. 3, л. 10.

28 августа Т.Г.Мачтет запишет в дневнике:

«Да, Блок. Кончилось чествование его памяти в „Стойле“ <…>.

— Надо эту сволочь прямо бойкотировать, — волнуется И.С.Рукавишников, ко всему привыкший.

— В сущности, отзывались они о Блоке недурно, — сказал кто-то о вечере имажинистов…».

Дневник Мачтета, карт. 7, ед. хр. 5, л. 71.

30 августа на заседании президиума правления Дома Печати (председатель — П.С.Коган) после рассмотрения заявления ВАПП «об организации обсуждения выступления группы имажинистов в „Стойле Пегаса“ на вечере в память Блока» постановлено:

«Игнорировать поведение группы имажинистов».

ГАРФ, ф. А2306, оп. 1, ед. хр. 456, л. 6.

А.Е.Кауфман выскажется в статье без подписи «У свежей могилы» (журн. «Вестник литературы», 1921, № 9; о выходе номера см.: до 30 окт. 1921):

«Всякому безобразию и хулиганству есть предел <…>. Мы говорим о так называемых имажинистах, подвизавшихся в Москве в шато-кабаках и чуть ли не на площади. Когда эти зачинатели новой поэтической школы юродствуют в „стойлах Пегаса“ и „Домино“, украшенных кощунственными плакатами с надписями вроде „Господи, отелись“, „штанишки Магдалины“ или в этом роде, то это глубоко возмутительно <…>.

Когда же имажинисты в погоне за саморекламой и оригинальностью чинят неприличие над свежею могилою только что скончавшегося выдающегося нашего поэта, то оставаться равнодушным нам нельзя, нельзя потому, что к этому позорищу привлекаются широкие массы.

Широковещательными афишами имажинисты оповестили недавно московскую публику о посвященном ими Блоку поминальном вечере 22 августа <см.> в имажинистском кафе <…>.

Большее хулиганство и пошлость трудно себе представить»

В книге В.Л.Львова-Рогачевского «Поэт-пророк: Памяти А.А.Блока», вышедшей до 28 дек. 1921 (Галушкин-2005, 2, 269), по поводу этого вечера говорится:

«Да мы убили его, мы все убили его, чуткого, убили своей нечуткостью <…>. Уже после смерти Блока над рыцарем Прекрасной Дамы совершено последнее глумление.

В Москве в „Стойле Пегаса“ некий развязный философ <А.К.Топорков> читал доклад о „б<ордельно>й мистике Блока“ (пропускаю гнусное кафешантанное слово), а поэты из кафе-шантана говорили „правду“ о Блоке. Тень поэта конюхи Пегаса пытались посечь на конюшне.

Все это похоже на легенду и все это полно глубокого символического и трагического смысла.

Несть пророка в стране своей».

Август, после 22. Выходит «Вестник работников искусств» (№ 10–11, за июль–август) со статьей Г.Ф.Устинова «Литература и революция».

Граница события устанавливается с учетом публикации в журнале постановления Цекрабиса (22 авг. 1921) о помощи голодающим.

Автор дает характеристику поэзии Есенина в трех разделах статьи.

Раздел III. «Крушение идеализма»:

«От левых с.-р. отошли С.Есенин, С.Клычков, П.Орешин и другие, фактически порвав с народничеством. И хотя они уже не продолжали писать военно-революционные марши, всё же их деятельность, в особенности деятельность Есенина, произведшего колоссальную революцию в форме стиха, заслуживает и внимания, и изучения».

Раздел V. «Имажинизм»:

«Имажинистов немного: едва ли наберется всего два десятка. Но и в этом десятке необходимо произвести серьезный отбор. Можно было бы даже поставить вопрос так:

или действительный, настоящий имажинист только один Есенин, или же все остальные девять — имажинисты, а Есенин попал в эту компанию по недоразумению.

Имажинисты — это секта поэтов, поставивших себе целью вычерпывание образа. И хотя Есенин утверждает, что у него образ лишь как средство выражения, у других имажинистов образ является самоцелью. <...> На деле именно только у одного Есенина образ служит как средство. У других он — самоцель. И поэтому стихи имажинистов так убоги, так безнадежно убоги по содержанию <...>. Гоняясь за выявлением подсознательных творческих процессов, они стали вне всяких процессов, тем более творческих <...>.

Имажинисты — это изломы обывательского анархо-мещанского индивидуализма. <...> В последнее же время имажинисты перешли к серьезному, я бы сказал, — организованному, — творчеству. Все они пишут серьезные большие вещи: один — драматическую поэму, другой — трагедию и т. д.

Началось это с Есенина. Сын анархо-мужика из Рязанской губернии, всосавший в себя экстракт анархо-самоедского хозяйства, возлюбивший его, как кулик болото, Есенин пришел в город с своими деревенскими песнями, с своими деревенскими образами, божьей матерью, херувимчиками, младенцем Иисусом, святым Николой и проч., и проч.<...> Он почувствовал, что этот бездушный город оказался сильнее его души — души полной и вполне организованной <...>. Эта битва продолжалась долго — несколько лет <...>. И кончилась или начинает кончаться — победой города, которую признаёт и сам Есенин и которую он блестяще выразил в своей поэме „Сорокоуст". Сорокоуст — это отходная по всей старой жизни <...>. Жестокость борьбы, конечно, не привлекает Есенина, но он признаёт ее неизбежность и ищет причинности. По Есенину, вся причина жестокости кроется в том, что объективно такова вся жизнь.

Вот она, суровая жестокость,
Где весь смысл страдания людей.
Режет серп тяжелые колосья,
Как под горло режут лебедей.

<...> Но всё же эта жестокость не мешает Есенину признать и принять победу организации над хаосом, хотя бы и поэтическим <...>.

Новое городское бытие победило деревенского Есенина. Ему удаются новые индустриальные образы не хуже его старых — деревенских. И то, что еще для многих является загадкой, вызывающей сомнения, — для Есенина свершившийся факт. Для него революция победила, она победила в нем самом деревенского анархо-самоеда и начинает побеждать городского анархо-мещанина. И тут же, почти вслед за Сорокоустом всей старой побежденной жизни, вслед за тем, как он пропел ей отходную, Есенин начал брать широко общественные мотивы, и брать по-новому, не так, как брали до него писатели, у которых герой, личность, неизбежно приводился к крушению. Есенин пишет драматическую поэму „Пугачев", в которой сознательно ставит на первый план не личность, не героя, а массы...

— Победила стальная конница...

И если Мариенгоф только несколько лет назад был будущее Маяковского, а потом волочился за ним уже как прошлое, то Есенин — это завтрашний день Маяковского, творец-созидатель, пришедший на смену творцу-разрушителю, революционеру. По тому, как Есенин усовершенствовал стих, как расширил рамки ритма, рифмы, ассонанса, приблизил поэтическую форму к высшей художественной форме прозы, как путем образа достиг наивысшей степени четкой и художественной выразительности, — уже по одному этому даже сейчас, когда его творчество еще не развернулось во всю ширь и

мощь, — Есенина можно назвать первоклассным европейским поэтом. В форме он достиг многого, содержание придет к нему вместе с новой культурой, которая уже захватила его и сделала его даже сейчас уже едва ли не одним из самых просвещенных русских писателей».

Раздел VI. «Революционная поэзия»:

«...Пролетарская поэзия имеет до десятка имен, одаренных в той или иной степени поэтическим талантом <...>

Пролетарские поэты дали ряд блестящих произведений, в которых преобладает усовершенствованная Есениным и Маяковским форма. Они, как и Есенин, ставили образ как средство наибольшей силы выразительности, сгущенности содержания, и многие достигли в этом блестящих результатов».

См. также: Есенин, II, 389–390.

В разделе «За границей» – анонс о выходе журнала «Знамя» с участием Есенина:

«С июня 1921 г. выходит на русском и немецком языках в Берлине и на итальянском языке в Риме временник литературы и политики „Знамя“. Редактирует А.Шрейдер, в списке участников указаны: Блок, Белый, Есенин, Иванов-Разумник и ряд левых эсеров».

См. также: 1 ... 26 июня 1921.

Август, 23. А. и И.Дункан переселяются в особняк на Пречистенке, 20.

Маквей-2004, 457.

См.: 25 июля 1921.

В 1980 г. ученица А.Дункан Е.Д.Белова так опишет внутренние покои особняка:

«Это был особняк бывшей балерины Большого театра, Александры Балашовой. Это было двухэтажное здание с большими комнатами. Много картин с изображением Наполеона, на всех дверях бронзовые вензеля с буквой „N“. Была комната охотничья, комната розовая с белыми голубями, шелковая, комната китайская, вся мебель и убранство были в китайском стиле. По стенам были развешены красочные гобелены с изображением красивых женщин в разноцветных одеждах. Мраморная белая лестница вела наверх из вестибюля. Короче говоря, это был богатый особняк, данный Айседоре под школу...».

Цит. по: Маквей-2004, 339.

См. Приложение.

Август, 24. Ревельская газета «Свободное слово» (№ 107; рубрика «Литературные беседы») печатает статью Г.Тарасова «Имажинизм»:

«...Неудержимое увеличение образности поэзии стоит в безусловной связи с непрерывно повышающейся интенсивностью переживаний современного поэта, вытекает из нервного ритма скачущей жизни <...>.

Однако не одно только увеличение в количественном значении преследуется имажинистами, – имажинизм стремится также к качественному изменению троп<ов> <...>. Он культивирует краткое яркое сравнение, наиболее интенсивно вызывающее соответствующий образ. И чем сильнее, оригинальнее и неожиданнее сравнения, тем отчетливее возникает представление в нашем сознании.

За темной прядью перелесиц,
В неколебимой синеве,
Ягненочек кудрявый – месяц
Гуляет в голубой траве.
(Есенин)

или

Губами твоими, как гребенкой,
Мне расчесать мою грусть.
(Шершеневич)

или

Люльку дум моих звездный бык,
По ночам усыпляя, бодал.
(Кусиков)

И чем сгущеннее становятся образы, тем больше очищаются они от посторонних случайных слов, тем меньше поэт нуждается в глаголе <...>

Он Медведицей с лазури,
Как из бочки черпаком.
(Есенин)

или

В небе осень треугольником –
Журавлиный клич тоски.
Сердце – куст без листьев голенький.
Молоточками – виски.
(Кусиков)

Имажинизм наиболее жизненное явление искусства нашего времени, так как является единственно возможным способом отразить в творчестве современного человека осложненный темп грохочущей жизни. В имажинизме стиль нашей эпохи...».

Август, до 25. В № 4 издающегося в Бельгии журнала «Signaux de France et de Belgique» публикуется статья И.Эренбурга «Русская поэзия и революция», где идет речь о Есенине.

Русский Берлин-2003, 131.

Август, 26. Постановлением президиума Московского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов отменяются его прежние постановления от 23 октября 1918 г. и 18 ноября 1919 г. о контроле над частными, кооперативными и другими издательствами.

Издательствам разрешается свободно продавать по рыночным ценам те книги, которые они издают без субсидий от государства.

ГАРФ, ф. А2306, оп. 1, ед. хр. 456, л. 47.

Для поэтов-имажинистов, находившихся в сложных отношениях с Госиздатом, это было положительным моментом.

См.: 18 авг. 1921.

Август, до 27. Художник М.З.Шагал, слушая в литературных кафе выступления московских поэтов, особо выделяет Есенина.

Граница события определяется по информации о выезде художника из России и прибытии его в Рим (газ. «Голос России», Берлин, 1921, 27 авг., № 747).

В своих мемуарах он позднее напишет:

«Мне больше нравился Есенин, с его неотразимой белозубой улыбкой. Он тоже кричал, опьяненный не вином, а божественным наитием. Со слезами на глазах он тоже бил кулаком, но не по столу, а себе в грудь и оплевывал сам себя, а не других. Есенин

приветственно помахал мне рукой. Возможно, поэзия его несовершенна, но это после Блока единственный крик души в России».

Шагал М. Моя жизнь. СПб.: Моя Азбука, 2000, с. 314–315.

См. подробнее: Кузнецова В.Е. Марк Шагал и Сергей Есенин // Новое о Есенине-2002, 152–160.

Август, 27. Рижская газета «Новый путь» (№ 170; раздел «Литературная хроника») дает анонс:

«В „Стойле Пегаса“ состоятся литературные поминки Ал. Блока. Со словом и стихами о Блоке выступят поэты Эммануил Герман и Сергей Есенин».

Другие сведения об этом мероприятии не выявлены.

См. также: 4 сент. 1921.

Август, 29. В письме И.З.Штейнберга и А.А.Шрейдера Иванову-Разумнику идет речь о Есенине.

И.З.Штейнберг, сообщая некоторые подробности вечера памяти А.А.Блока, проведенного Оргбюро партии левых эсеров (см.: 15 ... 28 авг. 1921), упоминает (как выступавшего) Есенина, «который среди своих <далее текст утрачен>», а затем приглашает адресата к участию в организуемом им новом вечере памяти поэта в Москве (см.: 26 сент. 1921).

Присоединяясь к этому приглашению, А.А.Шрейдер здесь же пишет:

«Квартира (совсем отдельная и хорошая комната), стол и всё прочее Вам уже здесь устроено — устроил Есенин. Он ждет Вас с нетерпением».

Лица, 7, 466–467 (публ. Я.В.Леонтьева).

Иванов-Разумник приедет в Москву к 26 сент. 1921 (см.).

Одесская однодневная газета «На хлеб» помещает отклик А.М.Мурова «Подождем» на книгу Есенина «Исповедь хулигана».

Сведения об источнике: Галушкин-2005, 2, 6.

В газете «Рижский курьер» (№ 200) печатается написанный Боженой Витвицкой некролог «Сергей Городецкий» (подпись: Бинокль), где упоминается Есенин:

«Умер в Азербайджане поэт Сергей Городецкий <известие оказалось ложным>, яркое и своеобразное дарование <...>.

Его неизменно влекло к сокам и буйным побегам земли русской. И когда появились в Петрограде, в 1916 г., деревенские поэты – Есенин и Клюев, Сергей Городецкий и Ремизов первые позаботились, чтобы представить их столичной публике. На вечере „Краса“, устроенном Городецким в зале Тенишевского училища, мы впервые услышали беспритязательные тогда, прочувствованные стихи Есенина и между ними:

Ах ты, Русь, моя Родина кроткая,
Я любовь лишь к тебе берегу,
Хороша твоя радость короткая
С громкой песней весной на лугу...».

Цитата приводится по памяти.

Август, 30. По словам Есенина, он завершает работу над поэмой «Пугачев».

Событие устанавливается и датируется по записи Т.Г.Мачтета от 9 сент. 1921:

«Прощаясь с поэтом в прошлый раз <31 августа>, я всё же спросил его о судьбе славного „Пугачева".

— Только вчера кончил, — сказал он».

Дневник Мачтета, карт. 7, ед. хр. 5, л. 114.

Август, после 30. Есенин готовит поэму «Пугачев» к изданию.

Дает шести главам (первой, второй, третьей, пятой, седьмой и восьмой) названия, отсутствовавшие в черновике.

Бракует и вычеркивает отдельные фрагменты текста и ремарки, изменяет принадлежность некоторых реплик.

Полностью заменяет отдельные строки, производит в строках замену и перестановку слов или добавляет новые слова (правка распространяется на 61 строку).

При необходимости прибегает к изменению грамматической формы отдельных слов.

Подробнее см.: Шубникова-Гусева, 138–139.

Август, после 30 ... Октябрь, до 13. Есенин и А.Б.Мариенгоф в одном из литературных кафе сообщают английскому журналисту, переводчику и прозаику К.-Э.Беххоферу о гибели Н.С.Гумилева.

Событие и его верхняя граница устанавливаются по дате под письмом Беххофера к издателю лондонской газеты «Times Literary Supplement» (Письма Н.С.Гумилева / Публ. Р.Д.Тименчика. – Книги и рукописи в собрании М.С.Лесмана: Аннотированный каталог. Публикации. М.: Книга, 1989, с. 371), а его нижняя граница – по газетному сообщению о расстреле поэта.

Август, 31. Есенин присутствует в кафе «Стойло Пегаса» на вечере А.Кручёных.

Беседует с Т.Г.Мачтетом.

События устанавливаются и датируются по записи Т.Г.Мачтета (9 сент. 1921):

«...31 августа <...> Есенин отрезал мне путь не только к ним в группу, но и к ним на эстраду „Стойла", хотя там читают и не имажинисты. Я вошел <...> и увидел на эстраде Кручёных, довольно вертлявого и изящного юношу, которого совсем другим представлял себе. Публики в Стойле мало, как-то по-будничному просто за столиками и на диванчиках. Среди одиноких фигур кафейных гостей только Есенин и Кручёных вдруг ни с того ни с сего <один> с эстрады, другой с места что-то крикнут друг другу, перемигнутся. Есенин приложит пальцы ко рту и, засвистав на всё кафе, рассмеется. Вот и всё. Увидев меня, мой земляк подошел ко мне, и мы с ним дружески поздоровались.

— Что же, и мне можно у вас выступать? — спросил я поэта, любуясь его стройной фигурой, на которой весьма изящно маячил белый костюм, весьма к нему шедший.

Весь белый, в белых туфлях поэт элегантничал и видимо грассировал.

— У нас же только имажинисты выступают, — напомнил он, даже не намекнув, знает ли он о приглашении меня в Стойло Кусиковым. <...>

— Впрочем, группами с известным подбором товарищей можно, — не давая прямого ответа, промолвил поэт. — Пригласите читать вместе кого-нибудь из своих!

Я ясно увидел таким образом, что в имажинисты мне не попасть, но всё же продолжал беседу с талантливым земляком. <...>

— Почему в Рязань не едете? — спросил я, помятуя согласие его на поездку.

— Да мне негде там остановиться.

— Как так, рязанскому поэту да негде!

Мы рассмеялись, и он как будто поколебался в своих взглядах на Рязань...».

Дневник Мачтета, карт. 7, ед. хр. 5, л. 112–114.

Андрей Белый со слов Я.Я.Гутмана записывает в дневнике:

«Бывший у меня студиец из Лито говорил о двух вечерах памяти Блока, устроенных имажинистами в Москве. На одном Сергей Есенин говорил, что говорить о смерти Блока нельзя: раз, в беседе с Блоком по поводу слухов о разрушенном Кремле <см.: 3 янв. 1918>, Блок сказал Есенину: „Кремль разрушить нельзя: он – во мне и в вас; он – вечен; а о бренных формах я не горюю". То же применил Есенин о Блоке: он – наш, он – не умирает; он – вечен, а о бренном „Блоке" горевать нечего.

На другом вечере был позор: Топорков выставил поэзию Блока, как умершее нечто, как нечто самое вредное, ненужное, тягучее, больное: один из тезисов его доклада о Блоке гласил: „Бордельная мистика"...Шершеневич ругал публику, что она, когда Блока можно было читать, его не читала, а когда он выдохся, то считает долгом его „почтить" <...>.

Так московские „поэты" „почтили" Блока!!!...».

ЛН, т. 92, М.: Наука, 1982, кн. 3, с. 810–811.

Первый фрагмент записи, возможно, относится к вечеру памяти А.А.Блока, организованному Московским оргбюро партии левых эсеров (см.: 15 ... 28 авг. 1921). Есенин мог прийти на вечер в сопровождении своих друзей-имажинистов. Во втором фрагменте записи однозначно говорится о скандальном вечере в «Стойле Пегаса» 22 авг. 1921 (см.). Еще один вечер памяти А.А.Блока имажинисты, пытаясь себя реабилитировать за вечер в «Стойле Пегаса», проведут в кафе Всероссийского союза поэтов (см.: 18 сент. 1921).

Август. В кафе «Стойло Пегаса» Есенин беседует с Н.Д.Вольпин:

«Август двадцать первого. „Стойло Пегаса". Ложа имажинистов. Кто-то указывает:

— Смотрите, какая вошла красивая пара!

Есенин:

— А я не знаю, что это значит „красивый человек", „некрасивый". Лица для меня бывают „умные", „острые", „тупые", „добрые", „выразительные"... Маяковский прекрасен».

Как жил Есенин, 285–286.

Есенин неоднократно встречается с В.А.Мануйловым, дарит ему одну из своих книг, возможно — «Радуницу» (1921).

В.А.Мануйлов позднее вспомнит:

«Я был в „Стойле Пегаса" еще несколько раз. Иногда Есенин подсаживался ко мне и приветливо расспрашивал о моих делах <...>. Еще в 1921 году я замечал, что Есенина раздражало снисходительно-покровительственное отношение к нему имажинистов. И, конечно, уже тогда Шершеневич и Мариенгоф понимали, насколько Есенин талантливее их <...>.

Иногда я заходил в книжную лавку имажинистов, которая находилась одно время на Кузнецком мосту, а затем на Лубянской площади. Есенин не любил торговать книгами <торговал Есенин в другой книжной лавке>, но охотно их надписывал и, как мне вспоминается, порою вызывал недовольство своих компаньонов, когда брал с прилавка книжку стихов и дарил ее посетителю. „Этак ты нас совсем разоришь", – сказал ему как-то при мне Шершеневич. Впрочем, понятно, что именно Шершеневич не мог быть доволен тем, что в его присутствии Есенин подарил мне свои стихи».

Мануйлов, 111, 113.

В более ранней публикации воспоминаний В.А.Мануйлов дает другую концовку фразы о дарении книги:

«Впрочем, именно Шершеневич не мог быть доволен тем, что в его присутствии Есенин дарил мне свою „Радуницу"».

Мануйлов В. О Сергее Есенине. – Журн. «Звезда». Л., 1972, № 2, с. 179.

Во французском журнале «Promenoir» (Лион, № 4) публикуется в переводе Е.Извольской (Hélène Iswolsky) поэма Есенина «Преображение».

Сообщено М.Никё (Франция).

См.: до 2 апр. 1922 (с. 299).

См. Приложение.

В Риге выходит № 2 общественно-литературного и кооперативного журнала «Продуктс» («Produkts»).

Время события устанавливается по рецензии на журнал (газ. «Новый путь», Рига, 1921, 6 сент., № 178).

В номере публикуются:

— третья часть поэмы Есенина «Преображение» («Parvertiba») в переводе Я.Райниса.

«Перевод Райниса очень точен. Он стремился сохранить лексическое содержание слов без ущерба для их художественного смысла. Сравнительно простая, свободная от славянизмов и архаизмов лексика, а также неусложненный синтаксис предложений третьей части „Преображения“ дали возможность Райнису перевести ее максимально близко к оригиналу».

Мекш Э., Прейс К. Ян Райнис — переводчик Есенина. — «Сергей Есенин: Проблемы творчества. Сб. статей» / Сост. П.Ф.Юшин. М.: Современник, 1978, с. 343–349;

— статья поэта А.Курция «О направлениях искусства будущего» с характеристикой поэзии Есенина.

В статье идет речь также о поэзии Н.Клюева, В.Маяковского, А.Белого и А.Блока (сведения взяты из рецензии: газ. «Новый путь», Рига, 1921, 6 сент., № 178).

А.Б.Мариенгоф завершает работу над циклом стихотворений «Разочарование», посвященным Есенину.

Автор констатирует, что против разочарования есть одно лекарство — творчество:

Итак, отныне <...>
Зеленый лоб рабочего стола,
Я в верности
Тебе
Клянусь.
Клянусь:
Лишь в хриплый голос
Острого пера влюбляться
И тусклые глаза чернильниц
Целовать.

Август 1921.

И.Эренбург пишет вступительную статью к коллективному сборнику стихов «Поэзия революционной Москвы».

«Цель этой книги показать, что, несмотря на трудные, а подчас и трагические условия, русские поэты продолжают свою ответственную работу <...>.

Творчество целого ряда поэтов иного поколения окрепло и с разительной яркостью выявилось в течение последних лет. <...> Недавние дебютанты: Маяковский, Есенин, Цветаева, Пастернак стали мастерами».

См. также: Эренбург И.Г. Портреты русских поэтов. СПб.: Наука, 2002, с. 210–211.

О выходе сб. см.: до 16 апр. 1922.

Август, не позднее. Есенин сочиняет частушки.

Ох, и песней хлестану,
Аж засвищет задница,
Коль возьмешь мою жену,
Буду низко кланяться.

Пей, закусывай изволь!
Вот перцовка под леща!
Мейерхольд, ах, Мейерхольд,
Выручай товарища!

Уж коль в суку ты влюблен,
В загс да и в кроваточку.
Мой за то тебе поклон
Будет низкий в пяточку.

Appendix II: А.Мариенгоф. Первый черновик «Романа без вранья» (1926). – Anatoly Mariengof. Roman bez vranya/ Reprint of the 1928 Leningrad edition. Introduction, annotation, appendices by Gordon McVay. Oxford: Willem A. Meeuws – Publisher, 1979, p. lx–lxi.

Граница события определяется по времени женитьбы В.Э.Мейерхольда на З.Н.Райх (Т.С.Есенина о В.Э.Мейерхольде и З.Н.Райх: Письма к К.Л.Рудницкому. М., 2003, с. 150).

См. также: Есенин, IV, 495.

Август, не ранее. Петроградский журнал «Грядущее» (№ 7–8) помещает рецензию на № 1–3 самарского журнала «Понизовье» (подпись: И.) с упоминанием имени Есенина:

«...Интересна хроника, любопытна статья „Самарские писатели и революция“, немного портит отдел статей заметка „о современной поэзии“, где автор высказывает наивное и необоснованное положение, что поэтический образ есть „собирающее вокруг себя, м<ожет> б<ыть> и вопреки собственным устремлениям, всё молодое и свежее в полях поэзии“. К „молодому и свежему“ автор относит и Мариенгофа, и Шершеневича, и Есенина, и тут же М.Герасимова».

Август ... Ноябрь. П.В.Орешин пишет «антиимажинистское» стихотворение «Пегасу на Тверской» с упоминанием Есенина и с аллюзией на его поэму «Кобыльи корабли»:

Поэты, подставляйте полы
И вашей смекалки ковши.
Много у вас образов веселых,
Но нет и не будет души.

С Богом! Валяйте тройкой:
Шершеневич, Есенин, Мариенгоф!
Если Мир стал простой помойкой,
То у вас нет стихов!

Вы думаете: поэт — разбойник?
Но у вас ведь засучены рукава? –
Оттого, что давно вы — покойники
И мертвы в вашем сердце слова!

Ну, скажите, кого вы любите,
Если женой вам овца?
Клянусь, в ненависти погубите
Вы даже родного отца!
.....
Вы воплощенное мастерство строчек?
Вы месите стих втроем?
А в лесу каждый живой листочек
Высоким и чистым горит мастерством!

Бедные школяры! Сорванцы вы!
Вам Кусиков — и то величина!
Суждены вам благие порывы,
Но душевная ширь не дана!

Нет, нет, не хочу обидеть,
Это слишком для вас хорошо.
Лишь от модной, заносчивой челяди
Уйти б навсегда душой!

Орешин П. Радуга. Пг.: Госиздат, 1922, с. 169–171.

Нижняя граница события определяется по сообщению о возвращении «в Москву с Поволжья „крестьянского поэта“ П.Орешина» (газ. «Новый путь», Рига, 1921, 28 июля, № 144). Верхняя его граница устанавливается в соответствии с тем, что рукопись книги «Радуга», куда вошло рассматриваемое стихотворение, была окончательно утверждена Госиздатом к печати 8 дек. 1921 г.: ГАРФ, ф. Р395, оп. 1, ед. хр. 147, л. 31).

Сентябрь, 1. «Литературная газета» (Казань, № 1) в рубрике «В мире литературы и искусства» среди авторов книг, выпущенных в издательстве «Скифы», называет Есенина.

В этом же номере газеты (рубрика «Письмо из Москвы») печатается анонимная статья «В „писательских портфелях“»:

«...Недавно Всероссийский Союз Писателей устроил подсчет – разительный по своим результатам: оказалось, что у русских писателей <...> лежит в их портфелях рукописей в общей сложности на двадцать (20) тыс. печ. листов <затем уточнено: 2 тыс. печ. листов>.

Перечислим кое-что из наиболее примечательного на этом кладбище еще не родившихся литературных созданий <...>.

Из того, что есть в „портфелях“ драматургов, назовем новую трагедию Вл. Маяковского, историческую драму С.Есенина „Пугачев“ и пьесы Луначарского».

Сентябрь, 1, 8, 16, 22 и 30. Берлинская газета «Голос России» (№ 751, 757, 764, 769 и 776) информирует о выходе в свет и поступлении в продажу выпусков «Общедоступной библиотеки „Книга для всех“» издательства «Мысль» (Берлин), в том числе:

Вып. 2–3. «Поэзия большевистских дней (Блок, Эренбург, Есенин, Каменский, Шершеневич и др.)».

Сентябрь, 3. Есенин надписывает сборник «Имажинисты» (1921) поэту и критику Я.З.Черняку:

«Черняку. Дружественно. С. Есенин. 1921 3 сент.»

Есенин, VII (1), 148, 456.

Отвечая на предложение М.Талова сотрудничать в русском литературном журнале, планирующемся к изданию в Париже, И.Г.Эренбург сообщает адресату:

«Посылаю при сем стихи поэтов: Марины Цветаевой, Веры Ильиной, Бориса Пастернака, Рюрика Ивнева, Сергея Буданцева...<...> Стихов Есенина свободных у меня не осталось».

Эренбург. Хроника, 219.

Сентябрь, 4. Есенин в беседе с Т.Г.Мачтетом обещает ему приехать в Рязань для «чтения стихов со всеми имажинистами».

Дневник Мачтета, карт. 7, ед. хр. 5, л. 112–114.; запись от 5 сент. 1921.

Берлинская газета «Голос России» (№ 754) в рубрике «Литературная хроника Сов. России» публикует информацию о вечере с участием Есенина:

«В „Стойле Пегаса“ состоятся литературные поминки Ал. Блока. Со словами и стихами о Блоке выступят поэты Эммануил Герман и Сергей Есенин».

Парижская газета «Последние новости» (1921, 17 сент., № 436) в рубрике «Советская литература» также информирует о том, что в «Стойле Пегаса» состоятся литературные поминки Александра Блока.

См.: 27 авг. 1921.

Сентябрь, 9. Есенин записывает на отдельном листе начало (девять строк) финального монолога Пугачева из одноименной поэмы и делает помету:

«9 сент. 1921. Москва <...>».

Есенин, III, 462.

Автограф находится в альбоме М.А.Стакле (ГЛМ); факсимиле – Шубникова-Гусева, 134. В нижней части альбомного листа – другая помета рукой неустановленного лица: «Sergei Jessenin 1925» (Шубникова-Гусева, 135).

Сентябрь, 10. Рижская газета «Новый путь» (№ 182) публикует статью Э.Германа (?) «Поэма о мужике» (подпись: Москвич) о есенинском «Пугачеве».

Текст статьи идентичен опубликованному в берлинской газ. «Новый мир» под заглавием «Пугачев (Письмо из Москвы)» (см.: 14 авг. 1921).

Сентябрь, до 11. В издательстве «Имажинисты» выходит книга Рюрика Ивнева «Четыре выстрела в Есенина, Кусикова, Мариенгофа, Шершеневича».

Граница события определяется по упоминанию и цитированию этой книги в статье «Имажинизм» (см. след. запись). Ср.: Галушкин-2005, 2, 199.

Появление этой книги не было неожиданным. Незадолго до этого В.Шершеневич написал: «Что же касается нас — имажинистов, то мы отныне дали клятву, что все свои <полемические> беседы мы будем вести только печатным словом, к глубокому прискорбию Есенина <по-видимому, тот один был против>» («Кому я жму руку»).

Автор объясняет, почему четыре свои письма к имажинистам он называет четырьмя выстрелами:

«И ты, Есенин, бархатная лапка с железными коготками, как тебя, по-моему, очень удачно окрестила одна умная женщина, — и ты, великолепный и выхоленный Мариенгоф, и ты, остроглазый, умный Кусиков, — и ты, хулиганствующий Шершеневич — все вы заслуживаете воображаемых пуль, которыми я пронзаю из своего бумажного револьвера ваши бумажные сердца».

В главе «Выстрел первый в Есенина» автор пишет:

«Я часто думаю о тебе. До чего ты связан с Россией. Кровью, на жизнь и смерть.

У меня вырвалось в стихах, посвященных тебе:

Кто не прочтет иероглиф России,
Тот не поймет есенинских стихов.

Ты это знаешь. В этом твое счастье и в этом же твое несчастье.

Мариенгоф — это Балтика. Кусиков — одним глазом посматривает на вершины дагестанских гор. Шершеневич — „безродный“. Куда его ни брось, он всюду найдет свою родину и ему всюду будет хорошо.

Один ты кровью связан с Россией, и за это я люблю тебя особенно <...>.

Тебя нельзя не любить. Было бы дико отрицать твой талант. Но из бархата твоих „лапок“ часто высовывается этот убийственный железный коготок. Под славянскою маской, даже не маской, а кожей — „душное черное мясо“ татарского всадника.

Недаром тебе так хочется с чисто-татарской жестокостью

Лошадиную морду месяца
Схватить за узду лучей.

И хотя ты божишься, что твоя „душа грустит о небесах“, и хочешь внушить нам, что она „не здешних нив жилица“, — мы не верим тебе.

Буду петь, буду петь, буду петь,
Не обижу ни козы, ни зайца, –

говоришь ты, но мы знаем, что ты можешь и хочешь и по своей натуре должен (вполне естественно) обидеть и „козу“, и „зайца“, человека и даже Бога. Недаром ты сознаёшься:

Не молиться тебе, а лаяться
Научил ты меня, Господь.

Вот это твое нутро, твоя жизнь, твоя правда.

Кстати, этим двустишием ты мне до жуткости близок, может быть, потому я и люблю тебя так сильно <...>

Мы оба любим Россию и оба неравнодушны к заре.

Мы оба видим Россию одними и теми же глазами.

Я про Россию:

Так же будет Россия,
Как и теперь, стоять,
Будут песни глухие
В монастырях звучать.
(Весна 1914 г.).

Ты про Россию:

И Русь всё так же будет жить,
Плясать и плакать у забора.

Я мечтал о ласке зари, говоря всё в той же книге:

Шалью своею кутая,
Заря поцелует меня.

Ты, как более молодой и более шаловливый, мечтаешь:

С разбега по ровному полю
Заре на закорки вскочить.

И я, и ты готовы срифмовать два слова: „Заря“ и „Россия“, потому что в нашей России мы видим Зарю, а в заре Россию.

В тебе не только

Плывет кораблем золотая Рязань. (Ивнев).

Но и

Татарская кровь, татарский всадник. (Ивнев).

Вот почему я люблю тебя и ненавижу в одно и то же время.

Мы оба знаем одну тайну, и эта тайна нас связывает крепче дружбы и любви <...>.

Я опускаю оружие.

Выстрел отзвучал.

Дым рассеялся.

А ты стоишь передо мной крепкий, улыбающийся, кудрявый, как будущая Россия, загадочная Р.С.Ф.С.Р., полная огня и фосфора».

Сентябрь, 11. Берлинская газета «Руль» (№ 249; подпись: Са-на) публикует статью «Имажинизм» с анализом поэтического творчества Есенина, А.Кусикова, А.Мариенгофа и В.Шершеневича.

В статье большое место уделено Есенину:

«...Еще до имажинизма Есенин, этот рязанский „последний деревенский поэт“, „по звездам и заре он школу проходил“. Зарю и Русь, и синь ее просторов выходил петь Есенин. Так много синего у него: „в эту синь даже умереть не жаль“, он „тает в просини, как снежинка белая“, шепча: „светлой книгой голубиной напои свои уста“; „у него синь и песня в речах“, а „глаза синее дно“ и „васильками сердце светится“, ибо кругом был „голубень“ и родины „овсяной ветерок“.

Звени, звени, златая Русь!
Волнуйся, неуемный ветер!
Блажен, кто радостью отметил
Твою пастушескую грусть!
Звени, звени, златая Русь!

Жизнь родины дала ему много прекрасных образов: „В тихий час, когда заря на крыше, как котенок, моет лапкой рот“, „на грядки серые капусты волноватой, рожок луны по капле масло льет“, и „смешалась с думой ковыль-трава“ при вечернем обращении поэта к матери Божьей: „пролей, как масло, власа любви в мужичьи ясли моей страны, спусти как полог зарю на синь, окинь улыбкой мирскую весь, и солнце зыбкой к кустам привесь“.

Но наступившая революция рвет Есенинских „стихов золотые рогожи“ и его уводит с собой к „иным“ и „новым“ образам. Теперь почти в каждой строчке его стихов встречаются эти слова: „иной“ и „новый“, мутные и бедные. Отрыва от родимой жизни еще нет, хотя и он пытается говорить „по библии“, по ветхому завету, но в его образах „Голодного Спаса“, как и прежнего „Спаса Кроткого“, если и есть что от мистики, то — русской. И звучат еще алмазные слова иногда, но дальше уже срыв в „имажинизм“,

правда, в русском стиле еще, с желанием „в голубой степи где-нибудь с кистенем стоять“, и с мучительным уверением: „буду петь, буду петь, буду петь. Не обижу ни козы, ни зайца“. Он пишет поэму „Исповедь хулигана“ и втягивается в круг желаний: „но и я кого-нибудь зарежу под осенний свист“, так как у него „нож за голенищем“, и он полюбил грустные взоры воров и убийц, у которых „кривятся в почернелых лицах голубые рты“, да и сам он теперь „деревенский озорник, хулиган“, „разбойник и хам и по крови степной конокрад“. Но и здесь у Есенина остается какое-то знаменательное отчаяние говорящего про себя: „Скучно мне с тобой, Сергей Есенин, поднимать глаза“».

Охарактеризовав творчество главных представителей имажинизма, автор статьи делает вывод:

«Таковы имажинисты, стремящиеся преодолеть три старых завета — Моисея, Магомета и Иисуса, — и поставить на их место не больше и не меньше как „новый и последний завет Разума и Силы...“».

Статья вклеена в Тетр. ГЛМ.

См. также: Есенин, I, 486.

Берлинская газета «Новый мир» (№ 188; подпись: Москвич) публикует статью Э.Германа (?) «Заговор дураков (Письмо из Москвы)», в которой пьеса Мариенгофа оценивается в сопоставлении с «Пугачевым» Есенина:

«„Заговор дураков“ Мариенгофа, как и „Пугачев“ Есенина, — опыт приложения принципов имажинизма к драматургии. Есенинского „Пугачева“ (я уже о нем писал <см.: 14 авг. 1921>) связывает с театром только диалогическая форма этой лирической поэмы, „Заговор дураков“ — сценичен. Его декоративность, не в пример декоративному моменту „Пугачева“, театральна. Динамика „Пугачева“ — внутренняя. В „Заговоре дураков“ есть внешнее движение...».

Отклик написан до публикации пьес.

Сентябрь, 11 и **12.** Газета «Латвийский вестник» («Latvijas Vestnesis») публикует вторую и третьи главки «Сорокоуста» Есенина в переводе Я.Судрабкална.

В отличие от переводов Я.Райниса <см.: авг. 1921, первая запись>, эти переводы более свободны. Они являются своеобразными интерпретациями на заданную Есениным тему гибели деревенского мира (сообщено Э.Б.Мекшем).

Сентябрь, 12. Есенин совместно с А.Мариенгофом от имени «верховных мастеров ордена имажинистов» пишут «Манифест».

Есенин, VII (1), 309, 521–524.

Манифестом планировалось открыть совместный сборник «Эпоха Есенина и Мариенгофа» (не выходил; см.: Есенин, VII (3), 108).

См. Приложение.

Сентябрь, 12 — 1922, до 10 мая. Есенин и Мариенгоф работают над коллективным сборником «Эпоха Есенина и Мариенгофа» (не выходил).

Нижняя граница события определяется датой написания «Манифеста» (см. предыд. запись), который должен был предварять их совместный сборник, а верхняя — временем отъезда Есенина за границу.

Сохранилась неполная верстка сборника, открывающаяся посвящением:

«Верховному мастеру Ордена имажинистов, создателю декоративной эпохи Георгию Якулову посвящают поэтическую эпоху Есенин и Мариенгоф».

Приоритет в составлении этого посвящения принадлежит, скорее всего, Есенину.

Содержание сохранившейся части сборника: Манифест («Мы, верховные мастера Ордена имажинистов...»); С.Есенин. Пугачев. Поэма.

Есенин, VII (3), 108; Есенин VII (1), 521.

О зарождении замысла книги см.: не позднее марта 1921, вторая запись.

Сентябрь, 13. Президиум правления Дома печати принимает постановление организовать ряд диспутов на литературные темы с приглашением известных писателей, поэтов и критиков, включая Есенина:

1. «О литературных перспективах в РСФСР», пригласить тт. Маяковского, Брюсова, Шершеневича, Зайцева, Херсонскую, Когана П.С. Докладчиком наметить т. Кубикова.

2. «Писатели и критики» с докладом т. Шершеневича и содокладчиком Полонским. В дискуссию пригласить тт. Когана, Маяковского, Брюсова, Есенина, Фриче, Айхенвальда, Львова-Рогачевского, Арватова и Рейснер.

ГАРФ, ф. А2306, оп. 1, ед. хр. 605, л. 157.

Газета «Красный Алтай» (№ 204) объявляет о проведении в Барнауле (1-й Рабочий театр) литературного вечера в пользу голодающих с «декламацией стихов В.Маяковского, Есенина, В.Каменского, М.Артамонова, А.Гастева и др.».

Через день в той же газете (№ 206) будет объявлено о переносе мероприятия на 21 сент. 1921. Сведения о том, состоялся ли этот вечер, не выявлены.

Сентябрь, до 15. Есенин и А.Мариенгоф пишут И.И.Ионову:

«Дорогой Ионов!

Ты обещал нам поместить в своей „Книге и революции“ наше корректное письмо — заранее признательны, за что и лобызаем.

Есенин, Мариенгоф».

Датируется по содержанию и в сопоставлении с аналогичной просьбой, направленной имажинистами в редакцию журнала «Печать и революция» (см. след. запись). Просьба не была выполнена.

Есенин, VII (2), 242, 418–419.

Есенин, А.Б.Мариенгоф и В.Г.Шершеневич пишут в редакцию журнала «Печать и революция»:

«В № 1 „Печать и революция“ А.В.Луначарский в своей статье <„Свобода книги и революция“; см.: до 3 авг. 1921> назвал имажинистов — „шарлатанами, желающими морочить публику“. Ввиду того, что вышеназванный критик и народный комиссар уже неоднократно бросает в нас подобными голословными фразами, центр<альный> ком<итет> имаж<инистского> ордена считает нужным предложить:

1. Наркому Луначарскому — или прекратить эту легкомысленную травлю целой группы поэтов-новаторов, или, если его фраза не только фраза, а прочное убеждение, — выслать нас за пределы Советской России, ибо наше присутствие здесь в качестве шарлатанов и оскорбительно для нас, и не нужно, а может быть, и вредно для государства.

2. Критику же Луначарскому — публичную дискуссию по имажинизму, где в качестве компетентных судей будут приглашены проф. Шпет, проф. Сакулин и др. представители науки и искусства.

Мастера ЦК ордена имажинистов

Есенин. Мариенгоф. Шершеневич».

Есенин, VII (2), 242–243, 419–422.

Сентябрь, 15. Редактор журнала «Печать и революция» В.П.Полонский направляет А.В.Луначарскому письмо имажинистов, сопровождая его запиской:

«Анатолий Васильевич. Посылаю вам письмо имажинистов, которое они просят напечатать в журнале, задетые вашим отзывом. Полагаю, что отказать им в этом оснований больших нет, — весь вопрос в том, чтобы редакция дала ответ достойный. Подарите им десяток теплых строк — их письмо этого заслуживает. Неполучение вашего ответа буду считать вашим нежеланием письмо печатать — и оно останется в таком случае ненапечатанным. С приветом В.Полонский».

Есенин, VII (2), 419–420.

А.В.Луначарский ответит имажинистам (см.: до 13 нояб. 1921, первая запись).

Сентябрь, 17. Харьковская газета «Коммунист» (№ 208) публикует анонимный анонс «Спор об имажинизме»:

«При русской секции Всеукраинского Литературного Комитета организована открытая эстрада и арена диспутов и выступлений на животрепещущие темы современной литературы и искусства.

Первый вечер „Вольной Трибуны“ будет посвящен спорам об имажинизме и состоится в понедельник 19-го сентября в Драматическом театре. В качестве обвинителя выступит тов. Рожицын с докладом „Мелкая буржуазия и разрушение искусства“, защитительное слово: „О прекрасных мерзавцах“ скажет тов. Лейтес <Председатель Всеукраинского союза писателей>. В прениях примут участие видные литературные и партийные силы Харькова. После спора „выставка имажинизма“ и разговоры в публике. Начало в 8 часов вечера».

О диспуте см.: 19 сент. 1921.

Сентябрь, 18. Во Всероссийском союзе поэтов проходит вечер памяти А.Блока. Среди присутствующих — Есенин.

Т.Мачтет, фиксируя впечатления об этом событии, не упоминает Есенина среди выступавших на вечере, отмечая лишь «филиппики» В.Шершеневича (Дневник Мачтета, карт.7, ед.хр.5, л. 141 об.).

Там же Есенин встречается и беседует с Т.Мачтетом.

Из его записи (19 сент. 1921):

«Вчера же в Союзе встретился с Есениным. Он вошел с Мариенгофом и Шершеневичем и, увидев меня, восседающего с вернувшимся из Петровского Самсон<ом>, подсел прямо к нам.

— Ну, Тарас Мачтет, еду в Рязань, — обратился он прямо ко мне, здороваясь со мной и знакомясь с Самсоном.

Он был в хорошем настроении, весел, улыбался и шутил и с охотой с нами разговорился.

— Когда едете? — спросил я радостно.

— Да вот через два дня еду к матери, — пояснил он Самсону, — и заеду в Рязань!

Поэт совсем недавно отказался от нее <однако ср.: 4 сент. 1921> в разговоре со мной и вот вдруг неожиданно переменил гнев на милость.

— Надо, надо вам ее посетить. Давно вы не были на родине, нехорошо, — укорял моего земляка Самсон.

— Это ничего не значит, я всё равно ее помню, знаю, что где лежит, дух ее впитал, — улыбаясь, тихо склонившись к нам, говорил великий наш современник. — Знаю, где соха, где борона лежит, — пояснял он. <...>

Долго говорим, и мне Есенин кажется всё ближе и роднее. <...>

— Где же я там остановлюсь, — <спрашивает> он, однако, переходя на Рязань. — Никто ведь меня не знает!

— Вас же Майзельс приглашал в Рязань к <А.Л.>Малкесу, а у него дом — полная чаша, — рекомендую я своих друзей, и поэт спешит записать адрес и радуется возможности прожить в Рязани лишний день...».

Дневник Мачтета, карт. 7, ед. хр. 5, л. 139–141 об.

«Литературная газета» (Казань, № 2) публикует статью А.Р.Ланэ «Сергей Есенин» (подпись: А. Л.):

«С.Есенин – одна из самых видных фигур в современной русской поэзии.

Сын крестьянина Рязанской губернии, „последний поэт деревни“, как он себя называет, он принес в русскую поэзию орнаментную символику русского быта и мистическое восприятие родной деревни. В своей книге „Ключи Марии“ С.Есенин почти одновременно с А.Мариенгофом, выпустившим книгу „Буян-Остров“, приходит к необходимости возрождения настоящего русского искусства через древнерусский стиль византийских храмов, русской архитектоники Василия Блаженного.

С.Есенин в своем творчестве, черпая силы в образах родного села, при постоянном динамическом нарастании дает „Сорокоуста“ и „Исповедь хулигана“. Я намеренно не касаюсь других вещей, как „Голубень“, „Радуница“, „Трерядница“ и „Преображение“, так как они являются переходными этапами в достижениях С.Есенина.

Цитируя из „Сорокоуста“ ставшие классическими строки, удивляешься его творческой силе:

Видели ли вы,
Как бежит по степям,
В туманах озерных кроясь,
Железной ноздрей храпя,
На лапах чугунных поезд?
А за ним
По большой траве,
Как на празднике отчаянных гонок,
Тонкие ноги закидывая к голове,
Скачет красногривый жеребенок?

За „Сорокоустом“ следует „Исповедь хулигана“, где еще больше чувствуется экспрессивность творческого восприятия.

И, наконец, после поездки весной 1921 г. в Оренбургские степи, в Ташкент и Азию, С.Есенин создает глубоко революционную по содержанию пьесу, „Пугачев“, которая после „Скифов“ и „Двенадцати“ Блока является одним из замечательнейших поэтических произведений, появившихся за последние три года.

Здесь уже отбрасываются те „грязные образы“, которыми пользовался С.Есенин до сих пор ради различных причин молодого гаерства или искренней приемлемости их. В „Пугачеве“ Есенин уже большой мастер-поэт, в строго выдержанных и поразительно ярких образах дающий огромную фигуру Пугачева.

Образы пьесы, прочитанные хоть раз, моментально запечатлеваются в мозгу, а Есенин ими бросается, как червонцами:

Около Самары с пробитой башкой ольха,
Капая желтым мозгом,

Прихрамывает при дороге.
Словно слепец, от ватаги своей отстав,
С гнусавой и хриплой дрожью
В рваную шапку вороньего гнезда
Просит она на пропитанье
У проезжих и у прохожих.

Или:

Выйдешь в поле, зовешь, зовешь,
Кличешь старую рать, что легла под Сарептой,
И глядишь и не видишь – то ли зыбится рожь,
То ли желтые полчища пляшущих скелетов.
Нет, это не август, когда осыпаются овсы,
Когда ветер по полям их колотит дубинкой грубой.
Мертвые, мертвые, посмотрите, кругом мертвецы,
Вон они хохочут, выплевывая сгнившие зубы.

Или:

О Азия, Азия! Голубая страна,
Осыпанная солью, песком и известкой.
Там так медленно по небу едет луна,
Поскрипывая колесами, как киргиз с повозкой.

Или:

Послушайте, послушайте, послушайте,
Вам не снился тележный свист?
Нынче ночью на заре жидкой
Тридцать тысяч калмыцких кибиток
От Самары проползло на Иргис.
От российской чиновничьей неволи
Оттого, что, как куропаток, их щипали
На наших лугах,
Потянулись они в свою Монголию
Стадом деревянных черепах.

<...> Или:

...Ах, это осень!
Это осень вытряхивает из мешка
Чеканенные сентябрем червонцы.

Можно и далее выбрать огромнейшее количество образов, дающих представление, каким большим мастером в современной русской поэзии является Есенин».

Сентябрь, 19. В харьковском Государственном драматическом театре проходит диспут «Об имажинизме».

Из отклика:

«Посвящение имажинизму целого вечера в условиях переживаемого момента явилось, безусловно, широкой роскошью не только для участвовавших товарищей, но и для посетившей вечер публики. Судя по результатам понедельника в Госдраме, имажинизм умер, интерес к нему погребен и, пожалуй, устроенный вечер можно назвать осиновым колом, забитым в могилу этого недавнего властителя умов и сердец изрядного процента интеллигенции и даже части рабочих <...>.

На устроенном в Госдраме вечере эта смерть имажинизма была продемонстрирована самым наглядным образом: обвинитель обвинял вяло, защитник напоминал „казенного“ защитника, публика просыпалась только тогда, когда слышала со сцены непечат-

ные „имажинистические“ слова <вероятно, имеется в виду „Исповедь хулигана“ Есенина>. С точки зрения политического просвещения широких масс, ценность вечера, конечно, равна нулю — и несвоевременно, и скучно, и просто ненужно разговаривать об имажинизме сейчас, когда и отдельный человек, и весь пролетариат, и все крестьянство, и даже весь коллективный обыватель занят чем угодно, но только не имажинизмом».

Госдрама: «Об имажинистах». — Газ. «Коммунист», Харьков, 1921, 21 сент., № 211 (подпись: В. И.).

См. также: 20 февр. 1921 (вторая запись); 2 авг. 1921; 6 авг. 1921.

Сентябрь, 21. Объявляется литературный диспут «Критики и писатели» в Доме печати. Среди приглашенных участников — Есенин.

Основным докладчиком намечен В.Шершеневич, содокладчиком В.Полонский. В прениях приглашены участвовать также: П.Коган, В.Маяковский, В.Брюсов, В.Фриче, Ю.Айхенвальд, А.Мариенгоф и др.

Газ. «Известия ВЦИК», 1921, 21 сент., № 210.

См.: 13 сент. 1921.

Диспут был отменен (см. объявление: газ. «Известия ВЦИК», 1921, 22 сент., № 211).

Сентябрь, 24. Харбинская газета «Свет» (№ 710; подпись: Незнакомец) печатает статью «Поэты из палаты № 6», которая заканчивается так:

«Все эти Маяковские, Есенины, Мариенгофы и etc. — зачем они пришли, откуда они пришли? Нормальные ли это люди или безумцы, которыми их сделала жуткая правда жизни?»

Сообщено В.И.Николаевым.

Журнал «Известия Рабоче-крестьянской инспекции» (№ 7) помещает заключение сотрудников Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции, проверявших издательскую и книготорговую деятельность имажинистов, о недостаточном контроле со стороны Отдела печати Моссовета и Госиздата.

Об исходном тексте заключения см.: 31 мая 1921.

Сентябрь, 26. В Политехническом музее проводится вечер «Скифы о Блоке». Среди присутствующих — Есенин.

Возможно, поэт выступает на вечере.

Из отклика:

«...„Скифы“ о Блоке. На днях в Политехническом музее состоялся еще один вечер, посвященный А.Блоку. В вечере приняли участие писатели и поэты, объединявшиеся вокруг издательства „Скифы“: Андрей Белый, Р.В.Иванов-Разумник, С.Есенин, С.Д.Мстиславский, А.З.Штейнберг, И.З.Штейнберг, А.Шрейдер и др.».

Газ. «Новый путь», Рига, 1921, 9 окт., № 207 (рубрика «Литературный календарь»).

Скорее всего, именно об этом вечере идет речь в записи Т.Г.Мачтета (30 сент. 1921):

«...юбилею <В.Шершеневича в Политехническом музее> помешал вечер друзей Блока во главе с не уехавшим-таки в Рязань <см.: 4 сент. 1921 и 18 сент. 1921> Есениным и устроенный там в вечер юбилея В.Г. Он <Шершеневич>, видимо, желая скрасить свой поступок по отношению к Блоку <см.: 22 авг. 1921>, уступил им без боя залу, предназначенную им самому себе...».

Дневник Мачтета, карт. 7, ед. хр. 5, л. 176.

Непериодический бюллетень Заграничной делегации партии левых социалистов-революционеров «Знамя труда» (1922, 15 марта) в отчете об этом вечере среди выступавших Есенина не называет (см. подробнее: Лица, 7, 453–454).

Обстановка, сложившаяся на вечере, могла помешать Есенину выступить. А.Штейнберг вспомнит об угрожающей оппозиции со стороны аудитории:

«Речи председательствовавшего Белого, Иванова-Разумника и мой рассказ о ночной беседе с Александром Александровичем Блоком в Чека произвели впечатление какого-то скандала <...>. И если в Петербурге мы предполагали, что после собрания, посвященного памяти Блока, кое-кого из нас могут арестовать за выражение свободной мысли, то в Москве была настоящая угроза погрома – набросятся на нас с кулаками!»

Штейнберг А. Друзья моих ранних лет (1911–1928). Париж, 1991, с. 96.

Сентябрь, после 26 — Октябрь, до 3. Есенин совершает (?) поездку в Петроград и возвращается в Москву.

Событие предположительно устанавливается по факту выдачи Петроградским отделением Вольной философской ассоциации командировочного удостоверения на имя Есенина (см.: 30 сент. 1921).

Рамки предполагаемого события определяются в соответствии с записями: 26 сент. 1921 и 3 окт. 1921.

Сентябрь, до 28. Выходит берлинский журнал «Русская книга» (№ 7–8, за июль-август) со статьей И.Эренбурга «Au-dessus de la melée».

Граница события устанавливается по информации газеты «Рижский курьер» (1921, 28 сент., № 226).

Автор пишет:

«...Я выбираю страницы „Русской книги“ для выяснения сложного и мучительного вопроса об отношении некоторых зарубежных кругов к писателям, оставшимся в России. К этому вопросу я подхожу без всяких пристрастий, без тщательно культивируемой в наши дни ненависти, au-dessus de la melée <над схваткой>. <...>

А между тем, как это ни больно признать, отношение значительной части русских зарубежников к писателям, находящимся в России, определяется именно слепотой политической борьбы. <...> Гораздо более волнует меня предвзятое отношение к писателям, как к таковым, к их работе.

Я уже упомянул о „горькой молве“, дошедшей до Москвы <...>. Один из наиболее талантливых поэтов современности Сергей Есенин именовался „советским Распутиным“ <см.: 17 янв. 1921>, критик Чуковский „прихвостнем“ и прочее <...>.

Пробыв за границей несколько месяцев, я <...> мог заметить <...>, что у ряда писателей, которыми была бы вправе гордиться литература любой страны в эпохи расцвета <...>, „плохая пресса“. Андрей Белый, А.А.Блок, Ф.К.Сологуб, В.Я.Брюсов, С.А.Есенин, А.М.Ремизов, К.И.Чуковский, В.В.Маяковский и многие другие подвергались различным злостным нападкам <...>.

От гимна коммуне, к которой пришел Брюсов, давний любовник математики, до темного отчаяния „последнего поэта деревни“ Есенина весьма далеко. О разном говорят и Исус Блока, и пророк из мистерии „вещи“ Маяковского. Но все они являются не политиками и социологами, а поэтами».

Здесь же публикуются:

— объявления с упоминанием Есенина, аналогичные напечатанным в предыдущих номерах журнала;

— статья «Советская цензура, частно-издательская инициатива и судьбы русской литературы».

В ней утверждается, что «некоторые отделы печати, а в особенности Московский Госиздат, с усердием, во многом превышающим цензуру николаевских времен», «запрещали» и «не допускали» целый ряд изданий. Острой критике подверглась деятельность П.И.Лебедева-Полянского.

Сентябрь, 28. Рижская газета «Новый путь» (№ 197; рубрика «Литературный календарь»; подпись: М.) сообщает:

«Поэты-имажинисты С.Есенин и А.Мариенгоф выпускают отдельной книгой свои пьесы: „Пугачев“ и „Заговор дураков“».

Сентябрь, до 29. Выходит книга С.Т.Григорьева «Образ Конёнкова: Корни, ствол, крона, цвет, зерно» (М.: САВ, 1921).

Галушкин-2005, 2, 174.

Сохранился экземпляр книги с авторской пометой: «Печаталась „нелегально“ в типографии ВЧК на Лубянке» (РГАЛИ, ф. 2194, оп. 1, ед. хр. 92). Поскольку аналогичным образом действовали имажинисты, не исключено, что именно они помогли С.Т.Григорьеву выпустить книгу в указанной типографии.

Автор приводит высказывания Есенина:

«Есенин же: на то нам и ноги даны, чтобы подняться над грешною (поганою) землею. Иначе мы бы пресмыкались. Это мало что „я пришел на эту землю, чтоб скорей ее покинуть“. Нет — ты поживи, вот тут, в подвале, ниже грязной мостовой, и не сделайся ползучим, а летай. <...>

Есенин: ...дед мне говорил: что наверху, то и внизу. Значится, хочешь знать, что — там, — смотри себе под ноги... В землю. <...>

...у Конёнкова в руках чудная гармошка с предлинным круглым мехом, вроде животика драконов из бумаги, что продают на улицах китайцы. Расширилась, вздохнула и запела: „Сгубят меня твои очи! Сгубит твоя красота!“ Высказываю предположительное замечанье, — что *красота* сгубить не может. „Еще как!“ — бросает на кругу Есенин, ходя по грани очерченного светом пятна, и не в лад тоскливой песне притоптывает и приплясывает».

Берлинское издательство «Мысль» выпускает в серии «Общедоступная библиотека „Книга для всех“» за № 50–51 «Антологию современной поэзии» с объявлением о выходе сборника «Поэзия большевистских дней» (№ 2–3 той же серии) с участием Есенина.

Граница события устанавливается по информации парижской газеты «Последние новости», 1921, 29 сент., № 446.

См.: до 19 янв. 1921.

Сентябрь, 29. На первом заседании совета Московского отделения Вольной философской ассоциации принимается решение принять Есенина кандидатом в действительные члены организации.

Из протокола заседания:

«Присутствовали Б.Н.Бугаев <А.Белый>, Г.Г.Шпетт <так!>, М.П.Столяров, С.Д.Мстиславский, Я.И.Новомирский, Н.А.Брызгалов.

Председательствовал: Б.Н.Бугаев.

Слушали:	Постановили:
<...>	<...>
4. О кандидатах в действительные члены.	4. Зачислить кандидатами проф. Бачинского, проф. Борового, проф. Вышеславцева, проф. Кузнецова, Кандинского, Голосовкера, Степуна и Есенина».

РГАЛИ, ф. 306, оп. 8, ед. хр. 497, л. 13, 14.

Московское отделение Вольной Философской Ассоциации (Вольфилы) было учреждено на его первом заседании под председательством Андрея Белого при участии Н.А.Бердяева, Р.В.Иванова, М.И.Кагана, С.Д.Мстиславского, В.О.Нилендера, Я.И.Новомирского, С.М.Соловьева, М.П.Столярова, Г.Г.Шпета, А.А.Шрейдера, А.З. и И.З.Штейнбергов.

Протокол заседания — РГАЛИ, ф. 306, оп. 8, ед. хр. 497, л. 3 (черновик рукой Р.В.Иванова, с датой другой рукой: 25 сент.) и л. 12 (недатированная беловая копия рукой неустановленного лица). Отправленный в Главнауку подлинный протокол за подписями А.Белого и А.З.Штейнберга датирован 27 сент. 1921 (эта дата принята в: Галушкин-2005, 2, 173).

Зачисление Есенина в Вольфилу было осуществлено, скорее всего, по его желанию, которое он мог высказать, например, таким из ведущих деятелей ассоциации, как Иванов-Разумник, Андрей Белый или С.Д.Мстиславский.

В парижской газете «Последние новости» (№ 446) печатается статья А.Койранского «Поэтический иммунитет».

Автор полемизирует с И.Г.Эренбургом о Есенине:

«И.Эренбург явно стремится забронировать и „дорогого им всем Есенина“ и, может быть, не менее дорогого В.Маяковского и прочих, иже с ними от всяких нападок вообще, в силу того, что они-де не политики, а поэты <...>. Я не знаю, чем заслужил „дорогой нам“ Есенин прозвище „советского Распутина“, но думаю, что не стихами, не в качестве писателя „как такового“.

Я не считаю Есенина „одним из наиболее талантливых поэтов современности“. Есть у него недурные, поэтические стихи, не свободные от властного влияния Блока (...„Холодной скорби не измерить, ты на туманном берегу“ и т. д.), есть и шарлатанские выкрики, удары в рекламный бубен, вроде: „Господи, отелись!“ или „Над тучами, как корова, хвост задрала заря“. И иное, в том же зоотехническом стиле. Его „русские“ мотивы не более подлинны, чем талашкинское кустарничество, Билибин или Малютин. За „крылатой мельницей“ у него „шумит вода“. Это – на ветряном-то! Во всяком случае, хороши ли, или плохи его стихи, не за них он прозван Распутиным <...>.

И.Эренбург создает таким образом новый вид иммунитета, новые индульгенции. Отныне достаточно написать несколько рифмованных или нерифмованных строк, и автор неприкосновенен, чего бы он ни натворил, его нельзя называть ни в печати, ни в частной беседе „прихвостнем“, „советским Распутиным“ <см.: 17 янв. 1921>, ни иными бранными словами».

Е.Г.Лундберг вспомнит:

«Журналы ввели критический жанр – своего рода подведение шахт под писателя; работники этого жанра тачками вывозят на поверхность земли писательские прегрешения. Блок – пустой, Белый – предатель, Есенин – „советский Распутин“, Маяковский – „ломовой извозчик революции“ <...> и т. д. И.Эренбург не выдержал и вступился за писателей».

Лундберг Е. Записки писателя. [Л.:] Изд-во писателей в Ленинграде, 1930, т. II, с. 197.

В том же номере газеты — информация о выходе в свет сборника «Поэзия большевистских дней» с участием Есенина.

См. также: 31 окт. 1920; 9 нояб. 1920; 15 ... 30 нояб. 1920; до 19 янв. 1921; 19, 20, 22, 26 и 28 янв. 1921; июль 1921.

Сентябрь, 30. В Петроградском отделении Вольной философской ассоциации на имя Есенина выписывается документ:

«Командировочное удостоверение № 112.

Настоящее удостоверение выдано Советом Вольно-Философской Ассоциации члену-сотруднику поэту Сергею Александровичу Есенину в том, что он, согласно пункту Г параграф<а> 4 устава Ассоциации, утвержденного Наркомпросом 10 октября 1919 года, командируется на трехмесячный срок за границу с целью организации при учрежденном в Берлине Отделе Ассоциации Русско-Германского союза поэтов, родственного по направлению деятельности Вольфиле».

Цит. по: Гаген-Торн Н.И. Вольфила: Вольно-Философская Ассоциация в Ленинграде в 1920–1922 гг. / Предисл. и публ. Г.Ю.Гаген-Торн. — Журн. «Вопросы философии», 1990, № 4, с. 103.

И.Г.Эренбург в письме к А.С.Ященко отвечает критикам своей статьи «Au-dessus de la melée»:

«...Оценка дело личное, но в ней замалчиваются и кривотолкуются факты. Напомню некоторые:

1. Есенин был неоднократно назван „Сов<етским> Распутиным“ *за стихи.* За что другое могло быть дано ему подобное прозвище. Он даже нигде не служил и в прошлом году сидел в „чеке“.

2. Блока травили за „Двенадцать“.

3. Чуковского за лекцию-статью „Ахматова — Маяковский“, в к<о>т<о>р<ой> он отнесся к Маяковскому как к поэту, а не как...к канализ<ационной> трубе.

4. Сологуба ругали в прислужничестве за роман „Заклинательница Змей“, напечатанный до 17 г. <...>

7. „Совр<еменные> Зап<иски>“ просили у меня весной стихи новых русских поэтов; когда я назвал среди других Есенина, секретарь редакции Койранский возразил: „Нет, у него слишком плохое реномэ“.

Добавлю лишь еще, что Есенина ценят в России все писатели различных направлений, его вечера устраивает Союз Писателей, и он тов<арищ> председателя Союза Поэтов, и что, увы! враждебное отношение писателей в России к эмиграции вполне обоснованно...».

Русский Берлин-2003, 133.

См. также: до 28 сент. 1921; 29 сент. 1921.

Т.Мачтет делает запись о готовящемся к печати коллективном сборнике стихов с участием Есенина:

«Что касается нас с Самсоном, то мы завели переговоры о новых сборниках и, между прочим, через И.Логинова, председателя союза суриковцев, выпускаем нашу книжку со стихами Есенина, Карпова и Орешина <не выходила>».

Дневник Мачтета, карт. 7, ед. хр. 5, л. 183.

Сентябрь. Есенин надписывает книгу «Преображение» (1921) поэту и переводчику А.Б.Гатову:

«Гатову дружеский Есенин. 1921. сент. Москва».

Есенин, VII (1), 149, 456.

Сентябрь ... Ноябрь, до 19. Есенин интересуется учебным курсом психологии.

Событие и его границы устанавливаются по воспоминаниям Н.Д.Вольпин с учетом времени переезда Есенина в особняк на Пречистенке (см. ниже).

Н.Д.Вольпин напишет:

«Осень, год 1921. Богословский переулок <...> Есенин сидел на узеньком диванчике справа. Моим приходом он явно обрадован – но и смущен. Поспешно вскакивает, срывая с глаз очки. Простенькие, в круглой оправе.

– Не снимайте. Я вас в очках еще никогда не видела!

На минутку надевает их снова. <...>

Перед диванчиком стол, на столе раскрытая книга. Большого формата, но не толстая. В темно-синем коленкоровом переплете. Вундт, университетский учебник психологии.

– Интересно?

– Очень. Замечательная книга. Просто захватывает.

Но разговор наш тут же свернул сам собой на другое. А часа через два, когда я собралась уходить, Есенин на прощанье протягивает мне своего Вундта».

Как жил Есенин, 293.

Известно, что в личной библиотеке Есенина была книга «Философия в систематическом изложении В.Дильтея, А.Риля, В.Оствальда, В.Вундта, Г.Эббинггауза, Р.Эйкена, Ф.Паульсена, В.Мюнха, Т.Липса / Пер. со 2-го нем. изд. И.В.Постмана и И.В.Яшунского». СПб.: тип. Т-ва «Общественная польза», 1909 (Есенин, VII (2), 170).

Сентябрь ... Ноябрь. Есенин пишет стихотворение «Сторона ль ты моя, сторона!..»

Есенин, I, 159, 579.

В черновом автографе – заглавие «Уезд» (Есенин, I, 336).

З.Н.Райх поступает на режиссерский факультет Государственных высших режиссерских мастерских (ГВЫРМ), руководимых В.Э.Мейерхольдом.

Варшавский и Хомчук, 169.

Октябрь, 1. В «Книжной летописи» (№ 19) регистрируется коллективный сборник Есенина и А.Б.Кусикова «Звездный бык» с раскрытием содержания:

«Песнь о хлебе. Сергей Есенин.

Аль-Кадр. Поэма прозрения. Александр Кусиков».

Газета «Коммунистический труд» (№ 452) помещает статью Д.Угрюмова «Под маской поэзии» об обстановке в литературных кафе, в том числе в «Стойле Пегаса»:

«...Всякой бесшабашной наглости и вызывающему цинизму есть предел. Очевидно, господа имажинисты и их „пролетарские“ подражатели <имеется в виду кафе Ассоциации пролетарских писателей „Кузница“> не потрудились еще усвоить себе эту азбучную истину и с прежним упорством продолжают играть на нашей мягкотелости <...>

Стоит заглянуть в эту имажинистскую обитель <„Стойло Пегаса“>, как вас тотчас же обдаст гнетущей атмосферой дешевенького шантана самого мелкого пошиба <...>. Кабаки, скрывающиеся под поэтической вывеской, необходимо закрыть».

Члены ВАПП откликнутся письмом, в котором выразят решительный протест против отождествления их кафе со «Стойлом Пегаса» (газ. «Правда», 1921, 7 окт., № 225).

Октябрь, 1–15. Информационный бюллетень Отдела народного образования публикует «Примерный учебный план и программы школ II ступени г. Москвы и Московской губернии».

В программе по литературе среди авторов, рекомендованных к изучению, назван Есенин.

Как утверждается в Бюллетене, «значительная часть программ выработана в согласии с теми выводами, к которым пришло московское учительство на ряде конференций, устроенных в прошлом году по родному языку и литературе, математике, естествознанию и географии».

Приводим фрагменты программы «Исторический обзор русской литературы», где изучение творчества Пушкина вынесено в отдельный раздел:

«… Лермонтов. Лирика. Поэмы: „Мцыри“, „Демон“. Роман: „Герой нашего времени“.

Боратынский. Лирика.

Кольцов. Главнейшие стихотворения.

<…>.

Некрасов. Лирика. „Рыцарь на час“. „Размышления у парадного подъезда“. „Коробейники“. „Кому живется весело“ <„Кому на Руси жить хорошо“>. „Мороз – Красный нос“. „Русские женщины“.

Фет. Основные мотивы лирики.

Тютчев. Основные мотивы лирики.

<…>.

Надсон. Основные мотивы лирики.

<…>.

Бальмонт, Брюсов, Вяч. Иванов, Белый, Блок. Основные мотивы лирики.

Акмеисты: Ахматова, Гумилев.

Эгофутуристы: Игорь Северянин.

Футуристы. Имажинисты. Ознакомление с характерными особенностями этих литературных направлений.

Крестьянские поэты: Клюев, Есенин, С.Клычков, Орешин.

Пролетарские поэты: Александровский, Казин и др.»

Полный список поэтов и писателей см. в Приложении.

Октябрь, 1, 13, 25 и 28. Берлинская газета «Голос России» (№ 777, 787, 797 и 800) информирует о выходе в свет и поступлении в продажу выпусков «Общедоступной библиотеки „Книга для всех“» издательства «Мысль» (Берлин), в том числе:

Вып. 2–3. «Поэзия большевистских дней (Блок, Эренбург, Есенин, Каменский, Шершеневич и др.)».

Октябрь, 3. Есенин знакомится с А.Дункан в студии Г.Б.Якулова (Б. Садовая, 10, кв. 38).

Датируется в соответствии с дневниковой записью Г.Бениславской: «3.X <1922> Сегодня год, как он <Есенин> увидел А<йседору>» (Материалы, 110).

Исследователь жизни и творчества А.Дункан Г.Маквей о дате знакомства Есенина с танцовщицей высказывается более осторожно:

«Кажется, 3 октября 1921 г. состоялась встреча поэта Сергея Есенина и танцовщицы Айседоры Дункан»

Маквей-2004, 337.

А.Мариенгоф напишет позднее:

«Якулов устроил пирушку у себя в студии. В первом часу ночи приехала Дункан. Красный, мягкими складками льющийся хитон, красные, с отблеском меди, волосы, большое тело, ступающее легко и мягко. Она обвела комнату глазами, похожими на

блюдца из синего фаянса, и остановила их на Есенине. Маленький нежный рот ему улыбнулся. Изадора легла на диван, а Есенин у ее ног. Она окунула руку в его кудри и сказала:

— Solotaia golova!

Было неожидано, что она, знающая не больше десятка русских слов, знала именно эти два. Потом поцеловала его в губы. И вторично её рот, маленький и красный, как ранка от пули, приятно изломал русские буквы:

— Anguel!

Поцеловала еще раз и сказала:

— Tschort!

В четвертом часу утра Изадора Дункан и Есенин уехали».

Мариенгоф, 121–122.

Сопровождавший А.Дункан в тот вечер И.Шнейдер прокомментирует рассказ А.Мариенгофа так:

«Это единственный верно описанный Анатолием Мариенгофом эпизод из эпопеи Дункан — Есенин в его нашумевшем „Романе без вранья“. Трудно было поверить, что эта первая их встреча, казалось, они знают друг друга давным-давно, так непосредственно вели они себя в тот вечер».

Шнейдер, 39.

Подробное описание первой встречи Есенина и Айседоры Дункан даст Е.Я.Стырская в своих воспоминаниях, печатавшихся на немецком языке в журнале «Die Welt am Abend» (с 13 дек. 1928 по 2 янв. 1929):

«Он <Якулов> первым узнал, что Айседора Дункан приезжает в Москву, и обещал Есенину познакомить его с ней.

Была осень 1921 года. Холодным, дождливым, осенним утром к нам в комнату вбежали Георгий Якулов и Анатолий Мариенгоф, мокрые и возбужденные. „Господа, приходите ко мне сегодня праздновать! Будут Айседора Дункан, Таиров, Мейерхольд, все, все будут. Придет куча людей. Вы непременно должны явиться“, — просил Якулов. <...>

Те времена мало годились для праздников. <...>.

„Праздник“ Георгия Якулова был также отмечен нашей бедностью и нашим энтузиазмом. Каждый принес сюда, что мог. На длинном, похожем на верстак столе кучей лежали фисташковые орехи, дыни, колбаса, конфеты, карамель, яблоки и хлеб. Белый хлеб добыл почетный гость. Было и вино. Кто принес — я не знаю. Законом было запрещено его продавать. Вместительная студия художника выглядела празднично <...>.

Было 12 часов ночи. Внезапно дверь отворилась и появилась группа людей, отряхивающихся от дождя, удивившая нас своей непривычной нерусской одеждой и нерусской речью. Это были Айседора Дункан, Ирма Дункан, секретарь Айседоры Дункан — Илья Ильич Шнейдер. <...>

На ней <А.Дункан> был короткий расстегнутый жакет из соболей, вокруг шеи необыкновенно прозрачный длинный шарф. Сняв жакет, она осталась в строгой греческой тунике красного цвета. Коротко остриженные волосы <...> были медно-красного цвета. <...>

Айседора Дункан рассматривала присутствующих любопытными, внимательными глазами, она всматривалась в лица, как будто бы хотела их запомнить. Ее окружили, засыпали вопросами. Она живо отвечала одновременно на трех языках: по-французски, английски и немецки. <...>

Из другого угла комнаты на Айседору смотрел Есенин. Его глаза улыбались, а голова была легко наклонена в сторону. Она почувствовала его взгляд прежде, чем осознала это, ответив ему долгой, откровенной улыбкой. И поманила его к себе.

Есенин сел у ног Айседоры, он молчал. Он не знал иностранных языков. На все вопросы он только качал головой и улыбался. Она не знала, как с ним говорить, и провела пальцами по золоту его волос. Восхищенный взгляд следовал за ее жестом. Она засмеялась и вдруг обняла его голову и поцеловала его в губы. С закрытыми глазами она повторила этот поцелуй. Есенин вырвался, двумя шагами пересек комнату и вспрыгнул на стол. Он начал читать стихи. В этот вечер он читал особенно хорошо. Айседора Дункан прошептала по-немецки: „Он, он — ангел, он — Сатана, он — гений!" Когда он во второй раз подошел к Айседоре, она бурно зааплодировала ему и сказала на ломаном русском языке: „Оччень хоорошо!" Они смотрели друг на друга, обнявшись, и долго молчали. Под утро она увела его с собой. Этот вечер, эту встречу Есенин позднее описал в Берлине стихами, горькими, как водка.

Есенин влюбился. Друзья его были бессильны. Дружба так же ревнива, как и любовь. Друзья Есенина — Мариенгоф, Сахаров, Колобов интриговали против похитительницы. Началось тайное единоборство. Мягко, естественно привлекла Айседора Дункан своих врагов в свое жилище. Через месяц друзья Есенина стали постоянными посетителями бывшего особняка Балашовой на Пречистенке».

Стырская Е. Поэт и танцовщица: Воспоминания о Сергее Есенине и Айседоре Дункан / Пер. с нем. Л.Г.Григорьевой; подгот. текста и коммент. Л.Г.Григорьевой и Н.И.Шубниковой-Гусевой; предисл. Н.И.Шубниковой-Гусевой. — Журн. «Знамя», 1999, № 12, дек., с. 121–122.

О знакомстве Есенина и Айседоры Дункан ходило много легенд. Они попадали и в серьезную литературу. Так, в предисловии Г.В.Иванова к парижскому изданию книги Есенина «Стихотворения» (1951) можно прочитать:

«В конце 1921 года в Москву в погоне за убывающей славой приехала Айседора Дункан. <...>

После первого спектакля на банкете, устроенном в ее честь, знаменитая танцовщица увидела Есенина. Взвинченная успехом, она чувствовала себя по-прежнему прекрасной. И, по своему обыкновению, оглядывала участников банкета, ища среди присутствующих достойного „разделить" с ней сегодняшний триумф...

Дункан подошла к Есенину своей „скользящей" походкой и, не долго думая, обняла его и поцеловала в губы. Она не сомневалась, что ее поцелуй осчастливит этого „скромного простачка". Но Есенина, уже успевшего напиться, поцелуй Айседоры привел в ярость. Он оттолкнул ее – „Отстань, стерва!" Не понимая, она поцеловала Есенина еще крепче. Тогда он, размахнувшись, дал мировой знаменитости звонкую пощечину. Айседора ахнула и в голос, как деревенская баба, зарыдала.

Сразу протрезвевший Есенин бросился целовать ей руки, утешать, просить прощения. Так началась их любовь. Айседора простила».

РЗЕ, 1, 39–40, 261–265.

Октябрь, 4. Есенин встречается с Н.Д.Вольпин в «Книжной лавке художников слова „Библиофил"» (Б. Никитская, 15).

Она вспомнит:

«Итак — четвертое октября. День по-летнему жаркий. В белом кисейном платье без рукавов я захожу в книжную лавку имажинистов поздравить Сергея. <...> Но вечером я не пошла на его шумное празднество».

Как жил Есенин, 286.

Друзья Есенина отмечают его день рождения (Богословский пер., д. 3).

А.Б.Никритина позднее отметит:

«Мне вспоминается вечер — его рождение или именины. Был и Мейерхольд, и Якулов — словом, много гостей, а он до их прихода и выпил со всеми жильцами, и в карты на кухне с ними наигрался <...>, и так притомился, что заснул. И именины праздновались без именинника. Но никто не рассердился, не обиделся, все смеялись, шутили, пили за его здоровье и объяснялись ему в любви заочно».

ЕиС, 381.

И.Е.Ерошин пишет Андрею Белому из Новониколаевска (ныне Новосибирск), упоминая Есенина:

«С тех пор, как я выехал из Петрограда, до настоящего времени скитаюсь по Сибири и хороню здесь мою тоску, скликаю на тайную вечерю Русь <...>. И только о ней, моей любимой, несказанной Руси думушка <...>.

Кому же я расскажу эту думку, как не Вам? Есенину боюсь я рассказать, давно не видел его, и как в туман отошел он, тенью смутной проходит мимо меня. А больше я никого так близко не знаю, и как об этом говорить, многие это считают ересью <...>. В Чите в литературных кругах увлекаются футуризмом <...>. Есть и здоровое начало, жур<нал> „Дом Искусств“ <Пг.> произвел хорошее впечатление. С моим приездом у В.Левина явилась мысль открыть Вольфилу, что и было сделано. На открытии были прочитаны две статьи из жур<нала> „Дом искусств“: Алекс<ея> Ремизова и Замятина, читали стихи Клюева и Есенина <...>. Издательством „Скифы“ изданы здесь след<ующие> книги: „Заяшные сказки“ Ремизова, Есенина „Исус Младенец“».

Леонтьев, 107–109.

Октябрь, 5. Есенин пишет Г.А.Бениславской:

«Я очень и очень бы хотел, чтоб Вы пришли сегодня ко мне на Богословский к 11 часам.

Буду ждать Вас!

За д... Спасибо.

Без <так!>

С.Есенин. 1921. 5 окт.».

Есенин, VI, 127.

Племянница поэта Т.П.Флор-Есенина писала, что Есенин благодарит Г.А.Бениславскую за данные ему, по-видимому, в долг деньги, и предложила читать: «За д<еньги> Спасибо» (газ. «Ветеран», М., 1990, 3 окт., № 40; см. также: Письма, 103).

Действительно, незапечатанную записку могли прочитать посторонние люди, и факт благодарности за деньги, данные в долг к тому времени уже знаменитому поэту, Есенин вряд ли хотел делать достоянием кого-либо, кроме Г.А.Бениславской. В пользу этого предположения говорит и незаконченность записки. Возможно, Есенин хотел продолжить ее словами «Без них» и далее что-то вроде: «трудно было бы решить какие-либо проблемы». Но, написав «Без» спохватился, ведь следующее слово «них» сразу приводило к однозначному прочтению: «без денег». Возможно, поэтому записка оказалась незаконченной.

Существует и другое мнение: Н.И.Шубникова-Гусева полагает, что под сокращением «д...» подразумевается слово «девственность» (подробнее см.: Есенин, VI, 504–505).

На основании заявления З.Н.Райх народный суд г. Орла заочно выносит решение о расторжении ее брака с Есениным.

Материалы, 361.

Из решения суда:

«Народный судья 14 участка Орловского судебного округа в открытом судебном заседании в составе: настоящего судьи Б.Я.Либединского, рассмотрев бракоразводное

дело по ходатайству гр. Зинаиды Николаевны Есениной о расторжении брака с мужем Сергеем Александровичем Есениным и принимая во внимание заявление просительницей ходатайства представленным документам, заочно определил: брак гр. Зинаиды Николаевны Райх с гр. Сергеем Александровичем Есениным, совершенный причтом Кирико-Иулитовской <так!> церкви Вологодского уезда 4 августа <так!> 1917 года, расторгнуть. З.Н.Есениной впредь носить фамилию „Райх". Малолетних детей Татьяну трех лет и сына Константина 1 года оставить на попечение матери. Предоставить право Есениной обратиться в соответствующий Нарсуд с ходатайством о взыскании с Есенина расходов на содержание детей, оставив в настоящем заседании ходатайство ее о сем без рассмотрений. Копию сего определения сообщить ответчику Есенину...».

Есенин, VII (2), 312–313.

Заявление З.Н.Райх, упомянутое в решении суда, обнаружить не удалось.

Октябрь, 6. Письмо библиофила и библиографа Я.П.Гребенщикова из Петрограда к издателю А.М.Кожебаткину заканчивается словами:

«Всего крепче целую я Есенина».

Архив Ю.А.Паркаева.

См.: 10 окт. 1920.

См. Приложение.

Октябрь, 7. «Литературная газета» (Казань, № 3) публикует статью В.Н.Клюевой «Образ в поэзии» (подпись: В. К.):

«Новейшие литературные течения много спорили и спорят о сущности этого термина – образ. Так, имажинизм (image – образ) придает ему главенствующую роль во всей поэзии, с фанатической нетерпимостью отметая все, что „не имажинизм". И все же понятие образа для имажинистов не выяснено в его целом, ибо, говоря об „образе", они говорят только о *части образа.*

Что же на самом деле можем мы назвать образом? <...>.

Можно наметить четыре основных типа образа в поэзии – 1) *зрительно-внешний,* 2) *образ внутренней настроенности,* 3) *звуковой* и 4) *ритмический.*

Если с этой точки зрения подойти к оценке теории образа имажинистов, то мы определенно скажем, что их образ – зрительно-внешний.

Французская поэзия, где ютятся корни творчества лучшего теоретика имажинизма Шершеневича, может подтвердить это <...>. Звуковой и ритмический образы не столь важны для имажинистов, поэтому наряду с высоким совершенствованием зрительного образа, мы находим у них старую шаблонность формы (Есенин) или просто ее неряшливость (Мариенгоф) <...>».

Автор заключает:

«...имажинизм поглотил всю современную поэзию, установив превалированье зрительного и только зрительного образа».

Октябрь, 8. Есенин дарит Г.А.Бениславской Библию.

Событие и его дата устанавливаются по надписи адресата:

«Эта Библия С.А.Есенина; дал мне на Богословском пер. <...> 8 октября 1921 г.».

Материалы, 382.

В день своих именин Есенин получает в подарок шуточный рисунок.

Событие устанавливается и датируется по воспоминаниям И.И.Старцева:

«В эту зиму ему на именины был подарен плакатный рисунок (художника не помню) — сельский пейзаж. На рисунке была изображена церковная колокольня с вьющимися над ней стрижами, проселочная дорога и трактир с надписью „Стойло“. По дороге из церкви в „Стойло“ шел Есенин в цилиндре, под руку с овцой. „Картинка“ много радовала Есенина. Показывая ее, он говорил:

— Смотри, вот дурной, с овцой нарисовал!

Уезжая за границу, он бережно передал ее на сохранение в числе других архивных мелочей, записок и писем А.М.Сахарову».

Восп., 1, 412.

Ныне рисунок неизвестен.

Октябрь, 9. Гельсингфорсская газета «Новая русская жизнь» (№ 232; подпись: В.Воути) в рубрике «Библиография» помещает рецензию В.И.Воутилайнена на № 2 берлинского журнала «Знамя»:

«...Гораздо интереснее, чем политическая часть, литературная часть ежемесячника. В нем имеются стихи Р.Ивнева, С.Есенина и И.Эренбурга и большая поэма А.Белого „Первое свидание“, в котором он, описывая свои студенческие годы и семью Соловьевых, местами не уступает в дерзости имажинистам. „Оскорбленная ледынь, лазуритовая лень, златокаряя зга, курносый бабень“ <...> бросают в людное царство Шершеневича».

Октябрь, не позднее 9. Есенин и А.Б.Мариенгоф присутствуют на обсуждении одного из докладов Ю.И.Айхенвальда с участием В.В.Маяковского.

Событие устанавливается по свидетельству А.Б.Мариенгофа (см. ниже), а его граница — по упоминанию В.В.Шкловским эпизода этого обсуждения на заседании Вольной философской ассоциации 10 окт. 1921:

«Замечательная вещь между Маяковским и Айхенвальдом. Айхенвальд говорит: я – Айхенвальд, а он говорит: вы все коганы».

Белоус В. ВОЛЬФИЛА [Петроградская Вольная Философская Ассоциация]. 1919–1924. М.: Модест Колеров и «Три Квадрата», 2005, кн. 1, с. 625.

Ср. также:

«Он <Маяковский> раз обижал Айхенвальда, тот читал доклад. Отвечая ему, Маяковский говорил:

– Вот Коган говорит...

Айхенвальд возразил:

– Я не Коган.

– Нет, вы все коганы, – сказал Маяковский».

Шкловский В. О Маяковском. М., 1940, с. 160–161 (цит. по: Катанян, 186).

А.Б.Мариенгоф напишет:

«А вот и другой диспут. <...> На трибуне Маяковский. За пурпуровым столом три маститых критика — Ю.Айхенвальд, Петр Семенович Коган и профессор Сакулин <...>.

Маяковский взошел на трибуну после Петра Семеновича. Первым выступал профессор Сакулин, вторым — Ю.Айхенвальд.

— Товарищи, — начал Маяковский, — этот Коган сказал... – И, не оборачиваясь, поэт ткнул внушительным пальцем в сторону Ю.Айхенвальда.

Хорошо воспитанный, интеллигентный человек еще больше сощурился и поправил галстук.

Минуты через три Маяковский, вторично ткнув пальцем в сторону Ю.Айхенвальда, повторил:

— Так вот... этот Коган сказал...

Тот, который не был Коганом и меньше всего мечтал им быть, как-то мучительно повел длинной худой шеей <...>.

Мы все как один блаженно заулыбались. Критики не были для нас самыми дорогими существами на свете.

— Интересно! — сказал Есенин.

— Тс-с-с.

Маяковский снова ткнул пальцем в знакомом направлении:

— Этот Коган... <...>.

— Уважаемый Владимир Владимирович, я не Коган, я Айхенвальд <...>.

А Владимир Владимирович, слегка скосив на него холодный тяжелый взгляд, раздавливающий человека, ответил с презрением:

— Все вы... Коганы!».

Мой век, 127–129.

Октябрь, 14. Есенин, схематически изобразив могильную плиту с крестом, делает на ее рисунке надпись:

«Под сим крестом
С. Есенин».

Эту надпись продолжает (словами «фамильный склеп») и расписывается под ними А.Мариенгоф. Вслед за этой подписью идут и другие: неустановленного лица, Г.Якулова, А.Никритиной, Л.Эрн, И.Старцева, И.Грузинова, Н.Вольпин.

Справа от рисунка — есенинская приписка:

«Успе
921г. 14
окт.».

После подписей имажинистов и лиц из их окружения — есенинская запись: «момент. фотография».

Над крестом — надпись рукой А.Мариенгофа «М'ОРДЕН ИМАЖОРОВ» с припиской В.Шершеневича (слева от рисунка) «— Лошадь к<а>к лошадь» и его подписью.

Есенин, II, 114–117.

См. Приложение.

Эти записи находились в альбоме А.Кручёных. В настоящее время расположены на двух отдельных листках (возможно, лист, разорванный надвое): первый наклеен на рисунок или аппликацию синего цвета, изображающую фигуру не то человека, не то стилизованного рыцаря в латах, второй — на фотографии 1921г., где сняты В.Г.Шершеневич, С.А.Есенин, Ф.А.Шерешевская (?), А.Б.Мариенгоф и И.В.Грузинов (Есенин, VII (2), 114–116).

В исследовательской литературе есть мнение, что созданная имажинистами композиция, скорее всего, пародирует одновременно обряд посвящения в масоны и закрытия масонской ложи (см.: Шубникова-Гусева Н.И. «Черный человек» Есенина, или Диалог с масонством. — «Российский литературоведческий журнал». М., 1997, № 11, с. 92–93; Есенин, III, 688). В своей работе «Московский имажинизм в „зеркале" одного документа» («Русский имажинизм, 96–102) Е.А.Самоделова проанализировала изображение с надписями, отдавая приоритет в его создании А.Б.Мариенгофу и не вырывая его из многосоставной разнородной альбомной композиции. В результате исследовательница пришла к выводу о наличии у создателей композиции общего замысла, характерного для деятельности имажинистов.

Есенин записывает две строки из «Исповеди хулигана» для А.Кручёных на отдельном листе:

Мне сегодня хочется очень
Из окошка луну обоссать
1921 Москва.

Есенин, VII (2), 112–113.

Лист с автографом наклеен на другой лист (большего формата), на обороте которого рукой Есенина: «14 октяб.». Это число здесь принято за дату записи.

Здесь же — пометы А.Е.Кручёных, а также запись В.Хлебникова:

«Полетевший из Рязанских полей (по) в Питер ангелочек делается типом Ломброзо и говорит себе „Я хулиган“».

Парижская газета «Последние новости» (№ 459) помещает отклик Е.А.Зноско-Боровского «Литературные заметки» на статью И.Эренбурга «Русская поэзия и революция» (журнал «Signaux de France et de Belgique»):

«...Эренбург разделяет их на четыре группы: отрицающих революцию (Цветаева, Бальмонт); тех, которые стараются ее понять, осмыслить, как Вячеслав Иванов, Мандельштам, Волошин, Анна Ахматова, Пастернак, сам И.Эренбург; близкие им — Александр Блок, Андрей Белый, Сергей Есенин, готовые принять революцию, покуда она отвечает их собственным религиозным или иным чаяниям, и, наконец, последняя группа — принявшая революцию безусловно: Валерий Брюсов, Маяковский и так называемые пролетарские поэты, лишь за немногими из которых (Герасимов, Казин) автор признает право называться поэтами».

См.: до 25 авг. 1921.

Октябрь, не ранее 15 ... Ноябрь, до 29. В Петрограде выходит № 7 журнала «Книжный угол», где:

– в рубрике «Библиография» под № 550 назван литературно-художественный альманах «Образы» (Пг.: Колос, 1919) с указанием среди авторов Есенина.

Об истории выпуска альманаха см.: Летопись, 2, 322;

– публикуется рецензия Б.М.Эйхенбаума на сборники стихов В.Рождественского и Е.Полонской, в которой, в частности, отмечается:

«Знаменательна сейчас разница между Москвой и Петербургом. В Москве, хмельной и циничной, царят шумные имажинисты, которых Маяковский, на одном диспуте, совершенно точно и правильно назвал „эпигонами футуризма“.

Оставшийся верным себе „строгий“ Петербург не подходит для бактерий имажинизма — никакой такой эпидемии, несмотря на усиленный ввоз литературы, у нас не заводится. Петербургу суждено, по-видимому, стать той кельей, в тишине которой будет подготовляться грядущий поворот к новой „высокой“ лирике».

Границы события устанавливаются в соответствии с: Галушкин-2005, 2, 185.

Октябрь, середина. Есенин участвует в устроенном в кафе «Стойло Пегаса» костюмированном бале.

Событие и его рамки определяются по воспоминаниям Н.Д.Вольпин:

«На переломе осени имажинисты затеяли провести у себя в кафе фестиваль – что-то вроде костюмированного бала. <...>

В чем пришел на фестиваль Есенин, не помню. Кажется, в матросской бескозырке. Да и другие нацепили лишь ту или иную деталь маскарадного наряда. И никаких масок.

Весь вечер праздника Сергей просидел за столиком с Галей Бениславской и с кем-то из ее подруг (из сотрудниц газеты „Беднота“). <...>

Подруга была явно только для декорации – потому и не запомнилась...».

Как жил Есенин, 284.

Октябрь, середина — Ноябрь, середина. Есенин часто встречается с А.Дункан (Пречистенка, 20).

Во время этих встреч Есенин читает стихи, Дункан танцует.

Вместе с Есениным у А.Дункан бывают: А.Мариенгоф, С.Конёнков, С.Городецкий, Ю.Анненков, Г.Колобов, В.Шершеневич, Р.Ивнев и др.

Н.Вольпин отметит «чуть не ежевечерние банкеты на Пречистенке для всей театрально-литературной братии... море разливанное вина».

Как жил Есенин, 309.

Об отношениях Есенина и Дункан выскажутся многие их современники.

«В страстную искреннюю любовь Изадоры я поверила безоглядно. А в чувство к ней Есенина? Сильное сексуальное влечение? — Да, возможно. Но любовью его не назовешь <...> Если и был он влюблен, то не так в нее, как во весь антураж <...> Не последним было здесь и то, что Есенин ценил в Изадоре Дункан яркую, сильную личность».

Н.Вольпин — Как жил Есенин, 309–310.

«Думается, Есенин своим горячим молодым чувством пробудил в Айседоре вторую молодость».

Ройзман, 168.

«Дункан любила Есенина сантиментальной и недоброй любовью увядающей женщины».

Э.Герман — Материалы, 167.

А.Тарасов-Родионов передает слова, сказанные Есениным:

«Дункан я любил, горячо любил. Только двух женщин любил я в жизни. Это Зинаиду Райх и Дункан. А остальные... Ну что ж, нужно было удовлетворять потребность, и удовлетворял».

Материалы, 245.

О встречах с Есениным и А.Дункан вспомнит в 1954 г. Ю.П.Анненков:

«С Есениным, Мариенгофом, Шершеневичем и Кусиковым я часто проводил оргийные ночи в особняке Дункан, ставшем штаб-квартирой имажинизма. Снабжение продовольствием и вином шло непосредственно из Кремля».

Анненков, с. 169.

Октябрь, до 17. Вывешивается афиша, анонсирующая вечер всех поэтических школ и групп с участием Есенина.

«ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
(Лубянский проезд, 4)
В понедельник, 17-го октября, в 7 ½ час. веч.
под председательством
ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА
состоится ВЕЧЕР всех
ПОЭТИЧЕСКИХ
ШКОЛ И ГРУПП.

С ДЕКЛАРАЦИЯМИ и СО СТИХАМИ выступят:
НЕОКЛАССИКИ: М.Гальперин, О.Леонидов.
НЕОРОМАНТИКИ: Арго, А.Мареев.
СИМВОЛИСТЫ: А.Белый, В.Брюсов, И.Рукавишников.
НЕОАКМЕИСТЫ: Адалис.
ФУТУРИСТЫ: И.Аксенов, С.Буданцев, В.Каменский, А.Крученых, В.Маяковский.
ИМАЖИНИСТЫ: И.Грузинов, С.Есенин, А.Кусиков, А.Мариенгоф, М.Ройзман, В.Шершеневич, Н.Эрдман.
ЭКСПРЕССИОНИСТЫ: С.Спасский, И.Соколов.
ПРЕЗАНТИСТЫ: А.Наврозов, Д.Туманный.
НИЧЕВОКИ: Б.Земенков, Р.Рок, С.Садиков.
ЭКЛЕКТИКИ: А.Апухтин, Н.Бенар.
ПОДРОБНОСТИ В ПРОГРАММАХ

Билеты продаются ежедневно в кассе Политехнического музея (Лубянский пр., 4) с 4 до 11 час. вечера».

Есенин,VII (2), 556, 602–603.

В запоздавшем отклике на этот вечер (газ. «Новый путь», Рига, 1921, 3 дек., № 252) среди выступивших там назван Есенин.

Есенин в вечере не участвовал (см. след. запись).

Октябрь, 17. После вечера всех поэтических школ и групп Т.Г.Мачтет записывает:

«„Есенина! Есенина!“ — требуют наиболее настойчивые. „Есенин читает стихи на Таганке“ <вероятнее всего, в Центральном рабочем клубе (Таганская площадь, д. 6)>, — громогласно вещает Ройзман, и Брюсов тут же спешит сообщить, что вместо отсутствующих Есенина и Мариенгофа стихи прочтет Сусанна Мар».

Дневник Мачтета, карт. 7, ед. хр. 5, л. 218–220.

Октябрь, 18. Петроградская газета «Жизнь искусства» (№ 813) печатает статью В.Пяста «Кунсткамера»:

«При посещении кунсткамеры изучается прежде всего явление, общее самым разнородным классам животного мира: *мимикрия* – подражание окраской и манерами другим более сильным животным либо окружающей среде.

Разбитые на семейства и группы имажинистов, центр<и>фугистов, экспрессионистов, ничевоков, фуистов и другие, московские „поэты“ <…> прежде всего бросаются в глаза со стороны явной своей мимикрией. <…>

Что они – животные, несомненно явствует из их собственных поэтических признаний. Помните философа <…>, который утверждал, что, имей быки или львы свою теогонию и мифологию, Юпитер был бы у них непременно львом или быком. Но ведь именно так у москвичей и происходит. Мифологические книги они то и дело выпускают: „Ко евагелиерам <так!>“, „От Рюрика Рока чтения <так!>“. И не один, а два из них повторяют одну и ту же к своему Юпитеру молитву:

Господи, отелись!

Сочинил ее С.Есенин, а повторил старый знакомый Велимир Хлебников (теперь, по закону мимикрии, тоже в имажинисты переписавшийся), от себя высидев к этому чудесную рифму:

В шубе из лис, –

рифму тоже животного происхождения».

См. также: 22 авг. 1921.

В клубе пролетарских писателей «Кузница» объявлен доклад Я.П.Гамзы «Имажинизм „Стойла“ и образничество „Кузницы“».

Газ. «Правда», 1921, 18 окт., № 234.

Есенин, в то время общавшийся с Я.П.Гамзой, мог прийти на его доклад.

Октябрь, 27. В берлинской газете «Новый мир» (№ 227) публикуется статья К.Спасского (А.Меньшого) «У Маяковского» с упоминанием Есенина:

«Имажинисты сами хорошо не знают, кто они такие. Они знают, что они не реалисты, не символисты, не футуристы <…>

Есть нечто американское в имажинизме, как было – в 1912 г. и 1913 г. – нечто американское в футуризме. Реклама. Крик. Натиск. Буйность. Сегодня по городу расклеены гигантские афиши, саженные буквы, красные и желтые. „Штурм Москвы имажинистами. Будут провозглашены творения Членов Верховного Совета Есенина, Мариенгофа, Шершеневича и Кусикова“.

Имажинизм утопает в густом, непроницаемом тумане криков, слов, <…> самохвальства, похабщины, площадной брани, барабанного боя и звериного рева… Разглядеть настоящую физиономию имажинизма нельзя».

Октябрь, 29. Есенин получает ордер на складское помещение для Книжной лавки художников слова «Библиофил» на 1921 год.

Восп., 1, 504 (выявлено А.А.Козловским).

Конкретное содержание документа в источнике сведений не приводится. Теперешнее его местонахождение неизвестно.

В № 1 журнала «Экран: Вестник Театра – Искусства – Кино» (за 29–30 октября) помещается заметка «Тема дня» (подпись: ЕРШ), высмеивающая появление Есенина (или Мариенгофа) в цилиндре:

«На Тверской появился первый после революции цилиндр. Очень высокий и очень блестит. Оказалось: один из имажинистов.

Встречные кепки, шапки и картузы оборачиваются, благодушно улыбаясь:

— Такой большой цилиндр и такой маленький поэт!

Если бы говорили наоборот, было бы, конечно, лучше для обоих».

Э.Л.Миндлин позднее вспомнит:

«В 1921 году 29 октября немногочисленные газетные киоски в Москве выставили только что поступивший в продажу первый номер первого после возвещения новой экономической политики частновладельческого журнала „Экран“ <…>. Он был совершенно такой же новинкой <…> как взблеснувший однажды на одной из центральных московских улиц среди примятых кепок и шапок-ушанок демонстративно высокий цилиндр поэта-имажиниста! Об этом цилиндре в первом номере журнала „Экран“ фельетонист острил: „Цилиндр такой большой, а поэт такой маленький!“».

Миндлин Эм. Необыкновенные собеседники: Книга воспоминаний. М.: Сов. писатель, 1968, с. 174–175.

Октябрь, до 30. Выходит № 9 петроградского журнала «Вестник литературы» со статьей Э.Ф.Голлербаха «Русский Парнас: Заметки о современных стихослагателях» (подпись: Ego).

Граница события устанавливается по информации газеты «Голос России» (см.: 30 окт. 1921, первая запись).

В статье обсуждается творчество Есенина и Рюрика Ивнева:

«Передо мной целый ворох брошюр, присланных со всех концов России в редакцию „В.Л.“: девять десятых этого вороха составляют стихи <...>. Стихослагателей гораздо больше, чем поэтов <...>. Имажинистов – легион. Назовем только двоих, бесспорно талантливых, поэтов – Сергея Есенина („Радуница“, 1915–1921; „Голубень“, 1917, 1920; „Исус младенец“, 1918; „Сельский часослов“, 1919; „Преображение“, 1919, 1921; „Ключи Марии“, 1919; „Трерядница“, 1920, 1921; „Исповедь хулигана“, 1921; „Триптих“, 1921) и Рюрика Ивнева („Самосожжение“, 1913–1916; „Солнце во гробе“, 1921). В творчестве Есенина и Ивнева не мало озорства и всяческой „маяковщины“, тем не менее, это – подлинные служители Парнаса. Что же касается остальных версификаторов, идущих под флагом имажинизма, то их Парнас явно помещается на Лысой Горе или в Желтом доме».

В этом же номере:

– заметка без подписи «У свежей могилы» (автор – А.Е.Кауфман).

Текст см.: 22 авг. 1921;

– сообщение в рубрике «Литературная хроника»:

«Издательство „Имажинисты“ в Москве готовит к печати сборник стихов „Пламя язв“ (Ивнев) и „Трикирий“ (Есенин – Ивнев – Мариенгоф), опыт параллельной биографии»;

– заметка «Среди московских писателей» (подпись: К-отин), в которой рассказывается о распространении книжной торговли как источника средств к существованию писателей:

«В книжных магазинах можно увидеть за прилавками Сакулина, Мякотина, Айхенвальда, Бердяева, Есенина, М.Осоргина, Бор. Зайцева, Кизеветтера, Шпета и др.».

Октябрь, 30. Берлинская газета «Голос России» (№ 802; рубрика «Писатели в Москве») информирует о только что вышедшем в Петрограде № 9 «Вестника литературы» с упоминанием Есенина.

Рижская газета «Новый путь» (№ 225) публикует работу О.М.Брика (?) «О новейшей русской литературе: Заметки» (подпись: Л. Б.):

«Наличный капитал новейшей русской литературы пока что невелик, идет массовая черновая работа. Четыре человека нам кажутся достойными того, чтобы о каждом поговорить в отдельности и поименно: Владимир Маяковский, Сергей Есенин, Всеволод Иванов и Александровский».

А.В.Валюженич считает:

«Эта статья по ряду признаков написана, по-видимому, О.М.Бриком, а передана в печать Л.Ю.Брик за своей подписью (в целях упрощения вопросов авторского права, связанных с ее публикацией) во время ее поездки в Ригу в 1921 г.»

Валюженич А.В. Осип Максимович Брик: Материалы к биографии. Акмола: Нива, 1993, с. 274.

Октябрь, не позднее. Выходит книга В.Г.Шершеневича «Кооперативы веселья» (1921) с поэмой «Завещание», посвященной Сергею Есенину.

Время выхода сборника определяется по дарственной надписи автора М.Д.Ройзману: «1921. Окт.» (копия из собрания Н.Г.Юсова).

См.: 12 марта 1921.

Октябрь, не ранее. Выходит № 3 саратовского журнала литературы, критики, музыки и театра «Саррабис» со статьей В.Н.Архангельского «Имажинисты».

Автор рассматривает имажинизм как результат эволюции футуризма. Он считает имажинистов талантливее своих «отцов»-футуристов, усматривая главное отличие в том, что «футуристы — эпики, <...> имажинисты — лирики». У таких разных поэтов, как Есенин, Кусиков, Мариенгоф, Шершеневич, автор статьи пытается найти общее на примере исполнения ими «четырех заповедей» итальянских футуристов:

«1. Нужно уничтожить эпитет-прилагательное, чтобы нагое существительное сохранило свой естественный колорит. Этим достигается выпуклость и большая динамичность. 2. Каждое существительное должно иметь своего двойника, т. е. за существительным должно следовать без всякой соединительной части речи существительное, с которым оно связано аналогией. <...> Результаты те же: большая экспрессивность во фразе. 3. Непосредственную аналогию заменить развернутой. Другими словами: революционировать традиционную аналогию. 4. Уничтожить категорию образов с подразделением на изящные и низкие и т. п. <...> Последняя заповедь, четвертая, самая трудная: оставаться искренним, быть с читателем, как с самим собой <...>. Но не забудьте, что имажинисты – большие озорники в употреблении образов „низких“, и тут надо им отдать долг – они великолепно исполняют эту трудную заповедь: они сначала только шутят, кокетничают: „перебинтован твой голос тоской“, „канава тоски“, „аппендицит стихов“ (Шершеневич), кончают бессмысленными неистовствами, разгулом воображения, хулиганством словоупотребления. – „Рваные животы кобыл“. – „Даже солнце мерзнет, как лужа, которую напрудил мерин“. – „На дорогах голодным ртом сосут край зари собаки“. – „Спокойной ночи! Всем вам спокойной ночи! Отзвенела по траве сумерек зари коса, мне сегодня хочется очень из окошка луну об...ать“ (Есенин). <...> Прекрасное и низкое, деликатное и хулиганствующее уживаются вместе свободно.

Из имажинистов выделяется триада: Анатолий Мариенгоф, Вадим Шершеневич и прозелит Есенин. <...>.

Спросите: какие поэты имажинисты: революционные по духу или же нет? Ясно: нет. Воспитанные распадающейся культурой, утомленные войной, они явили открыто свою душу-мумию <...> „Мы последние в нашей касте и жить нам недолгий срок“ (Шершеневич). „Ужасно тоскливо последнему Величеству на белом свете“ (Мариенгоф <...>). А Есенин грустно обращается к другу: „Клюеву. Тебе, о, <так!> солнце, не пропеть, в окошко не увидеть рая, так мельница, крылом махая, с земли не может улететь“ („Трерядница“).

Конечно, они не великие и не будет среди них выдающихся. Они завершают эпоху теоретических изысканий: стиха, ритма, рифмы; они последние поэты из школы формальных поэтов».

Октябрь (?) – Ноябрь, до 19. Есенин завершает подготовку поэмы «Пугачев» к изданию в рукописи (неизвестна).

Рукопись отдается в перепечатку. Машинопись поэмы поступает в издательство «Имажинисты».

Верхняя граница события устанавливается по сведениям из письма Есенина (см.: 19 нояб. 1921).

Ноябрь, 1 … до 19. Н.Д.Вольпин посещает заболевшего Есенина.

Событие и его границы устанавливаются по воспоминаниям Н.Д.Вольпин с учетом времени переезда Есенина в особняк на Пречистенке (см.: до 19 нояб. 1921).

Н.Д.Вольпин напишет в мемуарах:

«Поздняя осень двадцать первого. Снова мы вдвоем в большой комнате на Богословском. Стол отодвинут от диванчика – Сергей простужен – к началу комнаты, подальше от окна. За столом и сидим, попивая стынущий чай.

Не помню сейчас, чем был подсказан мой вопрос:

– А сами вы считаете себя гением?

Сергей обдумывает ответ <…>.

– Вы что же, меня вовсе за круглого дурака почитаете? „Гений ли“ – ведь это только время может показать!»

Как жил Есенин, 298.

Ноябрь, 2, 5, 10 и 26. Берлинская газета «Голос России» (№ 804, 807, 811 и 824) сообщает информацию о выходе в свет и поступлении в продажу выпусков «Общедоступной библиотеки „Книга для всех“» издательства «Мысль» (Берлин), в том числе:

Вып. 2–3. «Поэзия большевистских дней (Блок, Эренбург, Есенин, Каменский, Шершеневич и др.)».

Ноябрь, до 3. В Петрограде выходит журнал «Дом искусств» (№ 2) со статьей Е.И.Замятина «Рай» (подпись: Мих. Платонов).

О границе события см.: Галушкин-2005, 2, 206–207.

Называя «райской» поэзию пролетарских поэтов, поющих гимны революционной действительности, Е.И.Замятин делает отступление:

«Новорожденные москвичи из „Горна“ и „Кузницы“ идут опасным путем тех ангелов, которые любили прекрасных земных дочерей Сифа: они любят Белого, Маяковского, Есенина. Им уже приходится оправдываться <…>. Но любовь к прекрасному – неизлечима, и есть риск, что некоторые из москвичей (Александровский, Герасимов, Казин, Родов, Обрадович) забудут райскую грамматику, признающую только восклицательные знаки, и превратятся в настоящих поэтов…».

Ноябрь, 3. Берлинская газета «Руль» (№ 292) печатает статью «Два литературных вечера (московские воспоминания)» (подпись: М.Треплов) с упоминанием Есенина.

Соответствующий фрагмент статьи, где автор вспоминает о вечере Всероссийского союза поэтов «О современной поэзии» (Политехнический музей, 20 сент. 1920), см.: Летопись, 2, 397. В.А.Катанян (Катанян, 217) и вслед за ним А.В.Крусанов (Крусанов, 1, 440–442) ошибочно посчитали, что этот отклик относится к вечеру 17 окт. 1921 (см.), где ни Маяковский, ни Есенин не выступали.

Перепечатку см.: газ. «Русский голос», Харбин, 1922, 14 янв., № 445.

Ноябрь, 6. Берлинская газета «Руль» (№ 296) в рубрике «Новые книги» информирует о выходе:

«Есенин, Кусиков – „Звездный бык“, изд. „Имажинисты“, 15 стр. <…>

Львов-Рогачевский – „Имажинисты и его образоносцы“, изд. „Орднас“, 68 стр.».

Берлинская газета «Новый мир» (№ 236) публикует статью К.Спасского (А.Меньшого) «Литературная Москва»:

«Я уже обжился тут и пишу: „у нас в Москве“ <...> Что же такое – литературная Москва? Хаос? Калейдоскоп? Бедлам? <...>

С тех пор, как однажды в пасмурное воскресное утро – четыре года тому назад – в левоэсеровской газете появилась поэма Александра Блока „Двенадцать“, не было в русской поэзии ничего значительного. <...>

Есть в Москве только четыре имени: Маяковский, Каменский, Есенин, Шершеневич. Остальное – хаос и Бедлам...

Но в то же время – оживление необычное. Сколько пишут и читают стихов! Сколько говорят о стихах! И как говорят!».

На втором собрании читинского отделения Вольной философской ассоциации В.М.Левин делает доклад на тему «В борьбе за слово (крушение футуризма)», в котором рассматривает поэзию имажинистов, включая Есенина.

Леонтьев, 111.

О публикации текста доклада см.: до 7 марта 1922 (вторая запись).

Ноябрь, 6, 9, 17 и 30. Варшавская газета «За свободу!» (№ 3, 5, 12 и 23) дает объявление польско-русского издательства «Rossica»:

«Поступили в продажу новые книги:

.....

С.Есенин. Товарищ. Инония	250 мар.
С.Есенин. Триптих	150 мар.».

Ноябрь, 7. Есенин присутствует при первом появлении А.Дункан перед советской публикой в Большом театре на праздничном мероприятии, посвященном четвертой годовщине Октябрьской революции.

Событие устанавливается по свидетельству И.И.Шнейдера:

«...на тот первый спектакль <7 нояб.> Есенин привел с собой массу друзей».

Шнейдер, 66.

Выступление танцовщицы прошло с небывалым успехом:

«Это был гармонический праздник освобожденного человеческого тела. Айседора Дункан — танцовщица, но здесь не было танца в его обычном техническом смысле. Это было полное красоты пластическое и мимическое толкование музыкальных шедевров, притом толкование революционное. <...> Пластическая ритмика Дункан дополняла, разъясняла, иллюстрировала трагические ритмы Шестой симфонии Чайковского. <...> Совершенно особливо хочется остановиться на „Славянском марше“ Чайковского. <...> В исполнении Дункан царский гимн прозвучал, как это ни парадоксально, революционно».

Газ. «Известия ВЦИК», 1921, 9 нояб., № 251.

Из отклика Н.Овсянникова:

«12 лет тому назад, когда я видел Дункан перед толпой парижских рантье и праздных иностранцев, — она дальше воскрешения Эллады и оживления застывшего на античных вазах танца Ифигении или мистического истолкования Бетховена не шла. Те-

перь она выросла в 10–20 раз. Ее воплощение патетической симфонии Чайковского в Большом театре <7 нояб.> было пластической философией жизни».

Газ. «Коммунистический труд», 1921, 11 нояб., № 486.

Из статьи М.Долинова «Танцы Айседоры Дункан»:

«Вечер 7 ноября в Большом театре нам представляется вестником грядущей революции в балете».

Журн. «Экран», 1921, № 6, 11–13 нояб.

Из статьи «Разве танец умер? (А.Дункан в Большом театре)» (подпись: Геронский):

«...7 ноября у Дункан не было той силы, в ее поступи не чувствовалось того огня, которые нужны пророку».

Журн. «Экран», 1921, № 6, 11–13 нояб.

Всеукраинский литературный комитет Главполитпросвета выпускает в Харькове сборник «Октябрь: Революционный чтец-декламатор» (на обл.: 7 ноября 1921) с поэмой Есенина «Товарищ».

В послесловии к сборнику В.С.Рожицын пишет:

«В водовороте Октября берут свое начало разные истоки литературного творчества <...>. Я считаю пять художественных потоков, рожденных Октябрем.

Литература Пролеткульта, пролетарская и большевистская по своему социальному стилю, поэзия пролетарских писателей <...>.

„Скифское“ творчество, партийно близкое левым социалистам-революционерам, социально родное деревне, объединившее в себе разных писателей: Александра Блока, Андрея Белого, Н.Клюева и Сергея Есенина. Позже оно распалось и отлилось в мягкие формы имажинизма – образотворчества, как прежде, близкого народничеству, но сроднившегося с городской мелкой буржуазией.

Символизм, как целое, без различия в нем четких деталей и своеобразных индивидуальностей, символизм изысканной буржуазной аристократии <...>.

Футуризм, который ни на один момент не стал близким рабочему классу, хотя четыре года бился за его любовь <...>.

Белогвардейское искусство, определенное не столько по своему стилю, сколько по ярости политической ненависти к Октябрю <...>.

Только одним своим краем и поскольку ему предшествовали крестьянские поэты, имажинизм прикоснулся к Октябрю, но прикоснулся только к его огнезарной одежде, не проникая в сущность. А когда пронесся ураган, имажинисты забыли о нем, как дети, играющие на влажном солнце после вихря. Теперь их искусство можно определить как „антиоктябрьское“, стремящееся изжить и забыть всё, что связывает нас с героической эпохой российской революции...».

Ноябрь, до 8. Берлинский журнал «Сполохи» (№ 1, ноябрь) печатает объявление о вышедшем в свет выпуске № 2–3 «Поэзия большевистских дней (Блок, Эренбург, Есенин, Каменский, Шершеневич и др.)».

Граница события определяется по информации парижской газ. «Последние новости» (1921, 8 нояб., № 505).

Ноябрь, 9. В варшавской газете «За свободу!» (№ 5) дается информация о выпуске берлинским издательством «Скифы» книг Есенина:

«– Товарищ. Инония <сб. „Россия и Инония“> 250 марок;

– Триптих 150 марок».

Ноябрь, 10. Заканчивается составление «Отчета о ходе работ по составлению словаря русского живого литературного языка», где сообщается о картотечной росписи лексики ряда поэтов и прозаиков, в том числе Есенина.

Из отчета:

«III. Работа сотрудников:

...2. Количество сработанных карточек <...> всего с начала работ превысило 20 000 экз.

3. Закончены разработкой: Пастернак и Александровский. <...>

Продолжаются работы над: Шершеневичем, Сологубом, Зайцевым, Маяковским, Есениным, В.Ивановым».

ГАРФ, ф. А2307, оп. 2, ед. хр. 103, л. 39–40.

Этот отчет был отправлен В.И.Ленину — инициатору составления «Словаря» (см. машинописный отпуск сопроводительного письма от 16 нояб. 1921 г.: там же, л. 38).

О начальном этапе работы см.: 22 июля 1921.

Ноябрь, до 13. Журнал «Печать и революция» (№ 2, за август–сентябрь) помещает письмо поэтов-имажинистов и ответ им А.В.Луначарского:

«Критик Луначарский отвечает поэтам-имажинистам, что считает себя вправе высказывать какие угодно суждения о каких угодно поэтах или группах их, предоставляя таким поэтам или группам, или критикам и ученым, являющимся их сторонниками, защищать их в печати. Ни в какой публичной дискуссии критик Луначарский участвовать не желает, так как знает, что такую публичную дискуссию господа имажинисты обратят еще в одну неприличную рекламу для своей группы.

Нарком же Луначарский, во-первых, не имеет права высылать не нравящихся ему поэтов за пределы России, а во-вторых, если бы и имел это право, то не пользовался бы им. Публика сама скоро разберется в той огромной примеси клоунского крика и шарлатанства, которая губит имажинизм, по его мнению, и от которой, вероятно, вскоре отделаются действительно талантливые члены „банды“.

Нарком по просвещению А. Луначарский».

Выход журнала в свет определяется в соответствии с: Галушкин-2005, 2, 213.

О письме имажинистов см.: до 15 сент. 1921.

Выходит № 10 петроградского журнала «Вестник литературы» с началом статьи А.Е.Кауфмана «Перлы и адаманты имажинизма» (подпись: А.Евгеньев) с обзором творчества поэтов-имажинистов за три последние года:

«Перед нами целая литература произведений имажинистов и брошюр об имажинизме и имажинистах. <...> Имажинисты — это литературные анархисты-максим<а>листы. Они шумно выступили на литературной арене сравнительно недавно. В 1919 г. вышел их „манифест“, вслед за которым стали появляться имажинистские сборники („Явь“, „Мы“, „Конница Бурь“ и др.). В 1920 г. под фирмою „Имажинисты“ вышли второй сборник „Конница бурь“, „Коробейники счастья“, „Плавильня слов“, „Харчевня зорь“, „Золотой кипяток“, „Звездный бык“. Затем стали выходить отдельные книжки творцов имажинизма, к которым примкнули Хлебников, покинувший футуристов, и Рюрик Ивнев. Уже одни заглавия творений имажинистов были красноречивы и показательны. Одарены ли поэтическими талантами молодые люди, выступающие под знаменем имажинизма? На этот вопрос приходится ответить: может быть, да, а может

быть, нет, ибо разглядеть их дарования мешают часто те нарочитые, надуманные, неожиданные и порою дикие фразы и словечки, которыми имажинисты щеголяют и стараются поражать вас».

О границе события см.: Галушкин-2005, 2, 214.

Об окончании статьи см.: до 29 нояб. 1921, вторая запись.

Выходит № 9 берлинского журнала «Русская книга» с материалами о Есенине.

Граница события устанавливается по информации берлинской газеты «Новый мир» (1921, 13 нояб., № 242) о поступлении журнала в продажу.

В статье И.Г.Эренбурга «О некоторых признаках расцвета российской поэзии» говорится:

«Хаотичность и индивидуализм отразились в ряде произведений 1917–1918 годов (Есенин, В.Каменский и др.) <...>.

Первый признак эпохи расцвета — я с н о с т ь. Современные русские поэты все, от Вячеслава Иванова до Маяковского, прояснели <...>

<...> „Трерядница“ и „Исповедь хулигана“ Сергея Есенина. Трагическая лирика современной деревни во всей подлинности, т. е. высказанная не „мсье“ Верхарном в парижском кабинете, а рязанским подпаском. <...>

Наконец, путь Сергея Есенина от „скифских“ чревовещаний до человеческого трагизма:

...Тебе о солнце не пропеть,
В окошко не увидеть рая.
Так мельница, крылом махая,
С земли не может улететь.

Эта ясность нераздельно связана с человечностью современной поэзии».

Здесь же публикуется письмо И.Г.Эренбурга в редакцию:

«...Я указал <см.: до 28 сент. 1921>, что поэт С.А.Есенин был назван в ряде эмигрантских органов „советским Распутиным“. Г<осподин> Койранский этот недостойный поступок оправдывает тем, что он вызван не поэзией Есенина, а его „гражданскими или уголовными деяниями“ <см.: 29 сент. 1921>.

Сие — клевета, допустимая лишь вследствие изоляции русских писателей и вытекающей из этого безнаказанности. С.А.Есенин никакого участия в политической жизни не принимал. „Советским Распутиным“ назван он впервые г. Бурцевым <точнее, в газете „Общее дело“, редактируемой В.Л.Бурцевым, — см.: 17 янв. 1921> за его стихи. Эта оскорбительная кличка была радостно подобрана и повторена другими органами».

В этом же номере журнала в рубрике «Литература за рубежом» сообщается о выходе в серии «Общедоступная библиотека „Книга для всех“» выпуска № 2–3 «Поэты большевистских дней (Блок, Эренбург, Есенин, Каменский, Шершеневич и др.», а также дается информация о выходе в Риге нового журнала:

«В Риге стал выходить журнал „Produkts“ <см.: авг. 1921> – орган рабочей кооперации в Латвии. С выходом второго номера в августе журнал <...> превратился в общерабочий двухнедельный общественно-литературный журнал. Статья поэта А.Курция, кроме теоретических предпосылок, дает разбор рабочей и революционной поэзии в Советской России. Автор останавливается на поэзии Клюева, Есенина, Маяковского, А.Белого и А.Блока. Даны стихотворения Есенина, Мариенгофа, Каменского, Гастева в переводе Райниса...».

Ноябрь, 13. В органе Центрального бюро меньшинства партии социалистов-революционеров – журнале «Народ» (№ 8) – публикуется статья К.Буревого «Поэт белого знамени: Блок», где упоминается Есенин.

Анализируя поэму А.Блока «Двенадцать», автор вопрошает:

«…Кто же тогда тот, который всюду предшествует двенадцати блоковским героям и молча на все их благословляет? Блок – символист и большой конспиратор в своем творчестве, прямого ответа мы у него не найдем.

А в голову так и лезет, так и напрашивается один момент из есенинского „Пришествия“:

„Друг… Ты откуда?“
„Шел за тобой…“
„Кто ты?“ – „Иуда!“ –
Шамкнул прибой.

А может быть, это просто Великий Инквизитор, прошедший философскую школу Соловьева и Мережковского».

Ноябрь, после 13. Есенин с друзьями-имажинистами проводит рекламную акцию с переименованием московских улиц.

Среди ее участников — А.Б.Кусиков, А.Б.Мариенгоф, М.Д.Ройзман, В.Г.Шершеневич и Н.Р.Эрдман.

Граница события определяется по воспоминаниям М.Д.Ройзмана, который приурочил его к публикации письма А.В.Луначарского имажинистам (см.: до 13 нояб. 1921; первая запись):

«… <в „Печати и революции“> был помещен и ответ Анатолия Васильевича, который отказывался от публичной дискуссии, считая, что имажинисты „обратят ее еще в одну неприличную рекламу для своей группы“.

Есенин стукнул кулаком по столу:

— То мы шарлатаны, то мы рекламисты. А кто за нас стихи пишет?

В общем, выступления командоров свелись к тому, что раз имажинистов упрекают в саморекламе, то они и должны ее организовать. Широкую! Шумную! На всю Москву! <…>.

Мы вышли вшестером на улицу, моросил осенний дождь, было темно. На Большой Дмитровке приставили легкую лестницу к стене дома, сорвали дощечку с наименованием улицы, и она стала именоваться улицей имажиниста Кусикова. На Петровке со здания Большого театра Мариенгоф снял дощечку и прибил другую: „Улица имажиниста Мариенгофа“. Вскоре Кировская сделалась улицей имажиниста Н.Эрдмана, Кузнецкий мост Есенинским, а Б.Никитская — улицей имажиниста Шершеневича.

Кусиков нес дощечки в рюкзаке. Когда мы проходили через Советскую площадь (по пути на Б. Никитскую), Сандро остановился возле статуи Свободы, вынул из рюкзака дощечку размером побольше. Шершеневич осветил ее электрическим фонариком, и мы увидели: „Благодарная Россия — имажинистам“. Далее были перечислены все, входящие в орден. Эту дощечку Кусиков предлагал особыми шурупами привинтить к подножию статуи Свободы. Есенин возразил: мы переименовываем улицы, а не памятники. Спор закончился в пользу Сергея.

На следующее утро Кусиков нанял на целый день извозчика и возил знакомых показывать улицу, которой было присвоено его имя. К шести часам вечера дощечка с его фамилией была сорвана. Та же участь постигла и другие дощечки. Есенина провисела дня три-четыре. Нас, имажинистов, никуда не вызывали, в газетах и журналах об этом выступлении не было ни слова, никто о нем не говорил и на литературных вечерах».

Ройзман, 143–144.

Другие участники акции несколько расходятся в описании деталей. Так, А.Б.Мариенгоф вспомнит о том, что об акции имажинистов стало известно Л.Б.Каменеву:

«Доводилось темной осенней ночью даже московские улицы переименовывать. Отдирали дощечки „Кузнецкий мост“ и приколачивали „*Улица имажиниста Есенина*“, отдирали „Петровка“ и приколачивали „*Улица имажиниста Мариенгофа*“».

Председатель Московского Совета Л.Б.Каменев <...> потом журил меня:

— Зачем же Петровку обижать было? Нехорошо, нехорошо! Название историческое. Уж переименовали бы Камергерский переулок».

Мой век, 117.

В.Г.Шершеневич напишет, что имя Есенина было присвоено Тверской:

«Я получаю Никитскую, на которой живу. По тому же принципу Мариенгоф получает Петровку. Есенин и Кусиков обхаживают друг друга в отношении Тверской. Каждый приводит доводы. Есенин больше упирает на свою гениальность, Кусиков на то, что за дощечки платил он. Не помню, как именно, но Рязань и тут обошла Армавир. Кусиков удовлетворился Дмитровкой».

Мой век, 602.

Ноябрь, до 14. Вывешивается цветная рисованная афиша, анонсирующая литературные вечера в кафе имажинистов «Стойло Пегаса» (Тверская, 37), в том числе и вечер Есенина:

«СТОЙЛО
ПЕГАСА
Тверская, 37

14 понедельник	ВЕЧЕР ЛИРИКИ ИМАЖИНИЗМА
15 вторник	ЕСЕНИН
16 среда	КРУЧЕНЫХ
18 пятница:	Н.ЭРДМАН
19 суббота	С.ГРИГОРЬЕВ О КУСИКОВЕ

Начало выступлений в 11 ч. 30 м. веч.

В один из ближайших понедельников Ассоциация Вольнодумцев в Стойле Пегаса организует

МИТИНГ
ИСКУССТВ».

Есенин, VII (2), 557, 603.

Ноябрь, 14. В кафе «Стойло Пегаса» проходит вечер лирики имажинизма.

См. предыд. запись.

Высока вероятность присутствия и выступления Есенина на вечере с чтением стихов. Есенин посещал кафе имажинистов намного чаще, чем другие места проведения литературных мероприятий.

Ноябрь, 15. В «Стойле Пегаса» объявлен авторский вечер Есенина.

О событии см.: до 14 нояб. 1921.

Материалов, подтверждающих, что вечер состоялся, обнаружить не удалось.

Выходит петроградский журнал «Летопись дома литераторов» (№ 2) с материалами о Есенине:

– рецензией А.Г.Горнфельда на книгу В.Л.Львова-Рогачевского «Имажинизм и его образоносцы: Есенин. Кусиков. Мариенгоф. Шершеневич».

Рецензент рекомендует книгу всем, кто хочет познакомиться с поэзией имажинистов, которых автор книги называет «группой несомненно талантливых поэтов». Однако, по его мнению, автор, написавший «неплохую книжку», «не сказал того, что неизбежно тревожит всякого, читавшего футуристов, имажинистов, вортицистов (есть и такие) — и так далее: почему это литература, а не белиберда? Почему это поэзия, а не нахальство? Почему это стихи, а не шарлатанство?»;

– статьей Б.Харитона «Две точки зрения» (подпись: Б. Х.).

В ней обсуждается публикация И.Г.Эренбурга в № 7–8 «Русской книги» (см.: до 28 сент. 1921) и цитируется отрывок из нее с упоминанием Есенина;

– заметкой «Rossica» (без подписи) с упоминанием статьи И.Г.Эренбурга «Русская поэзия и революция».

Перечисляются те из поэтов, «кто старается ее <революцию> понять и осмыслить» и близких им Александра Блока, Андрея Белого и Сергея Есенина, готовых «принять революцию, пока она отвечает их собственным религиозным или иным чаяниям».

Ноябрь, до 16. Выходит № 3 журнала «Красная новь» (за сентябрь – октябрь) со статьей П.С.Когана «Русская литература в годы Октябрьской революции», где идет речь о Есенине.

Граница события дается по: Галушкин, 2, 221.

Автор подчеркивает, что почти все новые поэты «чужды революции и как-то остались в стороне от ее могучего потока». «Застрельщиками» этих поэтов, по его мнению, выступают имажинисты:

«В теориях имажинистов есть кое-что серьезное, но и это серьезное от гурманства профессионалов. „Для поэта, как и для всякого мастера, прагматически существуют только формы“, – повествует один из теоретиков имажинизма Иван Грузинов. Другой теоретик, Арсений Авраамов, рассказывает, как он много лет подряд носил бесплодную мечту о ритмической поэзии, агитировал тщетно поодиночке поэтов и однажды, забредши в кафе „Союза поэтов“, обрел воплощение своих замыслов, когда услыхал Есенина и Мариенгофа, читающих стихи. Несчастье имажинистов в том, что у них нет талантов, которые могли бы убедить нас, что их теории – действительно начало новой эры, что они действительно нанесли какой-то роковой удар всему прошлому. <…> Им удалось обратить на себя внимание скучающего мещанства. Слава имажинистов – сестра скандала. <…>. Больше всех шумят Мариенгоф и Шершеневич, крепче других цепляющиеся за свою ф<о>рму, наименее талантливые и потому наиболее крикливые. Действительно, одаренный поэт Есенин, о котором речь впереди, влечет нас к себе не теми выходками, на которых стараются построить свой успех его двое товарищей, а обаянием своего таланта и, еще более, богатством заложенных в нем возможностей».

Ноябрь, 17. Газета «Правда» (№ 258) помещает объявление о докладе Г.Д.Деева-Хомяковского в Доме печати на тему: «Революция и крестьянское творчество».

К обмену мнениями после доклада приглашаются Есенин, В.Брюсов, Ю.Айхенвальд, М.Герасимов и др.

Материалы, подтверждающие участие Есенина в этой дискуссии, не выявлены.

Ноябрь, 17 (?). На вечере в Доме печати с Есениным знакомится его земляк, поэт и художник П.А.Радимов.

Событие и его дата устанавливаются по воспоминаниям П.Радимова (см. ниже) с учетом мероприятий в Доме печати, на которых присутствовал В.Я.Брюсов.

В заметке, опубликованной в журнале «Огонек» (1965, № 40, октябрь) П.Радимов относит это событие к 1921 г. и связывает его с именем В.Я.Брюсова. В более поздней публикации (Радимов П. О родном и близком: Воспоминания. М.: Моск. рабочий, 1973) он указывает место встречи — Дом печати, где были и Есенин, и В.Я.Брюсов.

В.Я.Брюсов не состоял членом правления Дома печати и выступал там довольно редко. 17 нояб. 1921 г. В.Я.Брюсов и Есенин были приглашены туда для участия в одном мероприятии (см. предыд. запись), где и могло произойти знакомство Есенина и П.А.Радимова. Менее вероятно, что это произошло в другие дни выступлений В.Я.Брюсова в Доме печати (2 февр., 13 мая, 9 и 16 сент., 2 дек.), когда Есенин мог появиться там лишь случайно. Не исключено также, что знакомство могло произойти и на вечере имажинистов в Доме печати (см.: 26 янв. 1921), т. к. П.А.Радимов в воспоминаниях утверждает, что познакомился одновременно с Есениным, А.Кусиковым, В.Шершеневичем и А.Мариенгофом.

«На одном из вечеров в Доме печати на Арбате состоялась встреча Радимова с Сергеем Есениным. Потом эта встреча перешла в дружбу двух лириков с рязанской земли. Радимов подарил Есенину книгу стихов „Деревня“. Есенин знал этот сборник и, принимая подарок, сказал: „Мне эти стихи понравились, под ними и я бы подписался“».

Егоров А. Павел Радимов: Очерк жизни и творчества. — В кн.: Радимов П. О родном и близком: Воспоминания. М.: Моск. рабочий, 1973.

Ноябрь, до 19. Есенин переезжает к А.Дункан (Пречистенка, 20).

Граница события определяется по содержанию письма Есенина А.Мариенгофу и Г.Колобову (см. след. запись).

По свидетельству Р.Ивнева, А.Дункан и Есенин занимали в особняке две большие комнаты на втором этаже (Восп., 1, 341).

Как вспоминал А.Мариенгоф, Есенин не раз возвращался в покинутую им квартиру на Богословском:

«Иногда он прибегал на Богословский с маленьким сверточком. В такие дни лицо его было решительно и серьезно. Звучали каменные слова:

— Окончательно... так ей и сказал: Изадора, адьо! <...>

Заканчивалось всегда одним и тем же! Эмилия снова собирала сверточек с движимым имуществом».

Мариенгоф, 129.

Ноябрь, 19. Есенин пишет шутливое письмо своим друзьям А.Б.Мариенгофу и Г.Р.Колобову:

«Ура! Варшава наша!

Сегодня 19 ноября, пришло письмо от Лившица, три тысячи герм<анских> марок, 10 ф. сахару, 4 коробки консервов и оттиск наших переведенных стихов на еврейский язык с „Испов<едью> хулиг<ана>“ и „Разочарованием“ <не выявлены>. Америка делает нам предложение через Ригу. Вена выпускает к пасхе сборник на немецком <не выходил>, а Берлин в лице Верфеля бьет челом нашей гениальности <не выявлено>.

Ну что, сволочи?! Сукины дети?! Что, прохвосты?!

Я теперь после всего этого завожу себе пару кобелей и здороваться буду со всеми только хвостами или лапами моих приближенных».

Затем, посмеявшись над романом Г.Р.Колобова с кондукторшей, говорит о себе:

«Живу <...> отвратно. Дым все глаза сожрал, Дункан меня заездила до того, что я стал походить на изнасилованного. А книгу <„Пугачев“> всё печатают и печатают. Особенного, конечно, кроме этих немного обманывающих вестей от Лившица, ничего нет.

Итак, жду вина, с поцелуями. Сергей и Кузя».

Есенин, VI, 127, 505–510.

Подпись «Сергей и Кузя» носит, по-видимому, шуточный характер.

Ноябрь, после 19 (?) – Декабрь, начало (?). Есенин работает над корректурой «Пугачева».

Границы события ориентировочно определяются по содержанию письма Есенина (см. предыд. запись) и с учетом срока выхода книги в свет (см.: дек. 1921).

О работе Есенина над корректурой «Пугачева» и о связанном с ней происшествием вспомнит И.И.Старцев:

«Работал Есенин вообще уединенно и быстро. Бывало, возвращаешься домой и случайно застаешь его изогнувшимся за столом или забравшимся с ногами на подоконник за работой. <...>

Однажды он проработал около трех часов кряду над правкой корректуры к „Пугачеву“ и, уходя в „Стойло“, забыл корректуру на полу перед печкой, сидя около которой он работал. Возвратившись домой, он стал искать корректуру. Был поднят на ноги весь дом. Корректуры не было. Сыпались отборные ругательства по адресу приятелей, бесцеремонно, по обыкновению, приходивших к Есенину и рывшихся в его папке. И что же – в конце концов выяснилось, что прислуге нечем было разжигать печку, она подняла валявшуюся на полу бумагу (корректуру „Пугачева“) и сожгла ее. Корректура была выправлена на следующий день вновь».

Восп.-95, 272.

Н.Д.Вольпин также вспомнит об одном из эпизодов работы поэта над корректурой поэмы:

«Книжная лавка имажинистов на улице Герцена <т. е. на Б. Никитской>. Сгрудившись над прилавком, Есенин, Айзенштат, Мариенгоф, еще кто-то просматривают листы корректуры. Я в сторонке перебираю книги – старые и новинки. Есенин тихо, но весело посмеивается.

– Все-таки по-моему будет! Обхитрил цензуру.

Это „Пугачев“. Глава, озаглавленная „Осенней ночью“. Последний монолог „Пугачева“. Если заглянуть в шеститомник 1972 года, найдете в нем такую строку: „чтоб с престола какая-то“ – а дальше строчное „б“ и три точки. Но здесь, в корректуре, никаких точек, набрано полностью. Спор же с цензурой шел лишь о первой букве. Есенин настаивал, чтобы слово было пропечатано с прописного „Б“. Цензура не разрешила. Сергей пошел на хитрость: выправил в корректуре – словно бы устранил опечатку. И рад, как дитя».

Как жил Есенин, 308.

Ноябрь, после 19 ... 1922, начало января (?). Н.А.Клюев в Вытегре пишет стихотворение «Стариком, в лохмотья одетым...», где возникает фамилия Есенина:

Стариком, в лохмотья одетым,
Притащусь к домовой ограде...
Я был когда-то поэтом,
Подайте на хлеб Христа ради!..
.....

За дверью пустые сени,
Где бродит призрак костлявый,
Медяшка «Сергей Есенин» –
Лохмотья цыганской славы.

ИРЛИ, р. I, оп. 12, ед. хр. 496, л. 21 (сообщено С.И.Субботиным). Последние две строки в печать не попали — перед публикацией (в 1922 г.) автор дал им другую редакцию («Хозяин Сергей Есенин / Грустит под шарманку славы»).

Нижняя граница создания произведения определяется по его местоположению в черновой тетради поэта — после стихотворения «Дремлю с медведем в обнимку...» с датой: 19 нояб. 1921.

Ноябрь, 20. В варшавской газете «За свободу!» (№ 15) помещается объявление издательства «Rossica» (Хмельная ул., 5) о наличии книг, в том числе сборника «Поэзия большевистских дней (Блок, Эренбург, Есенин, Каменский, Шершеневич и др.)».

Ноябрь, 21. Есенин делает дарственную надпись на книге «Трерядница» (1921) американскому писателю, драматургу и педагогу Т.Г.Дикинсону (Dickinson Thomas Herbert):

«mr. T. Dickenson на воспоминание о России. С. Есенин. 1921. ноябрь 21».

Есенин, VII (1), 150, 456–457.

Факсимиле см.: *McVay G.* Sergey Esenin — new materials. — Журн. «Scottish Slavonic Review», Glasgow, 1986, № 6, p. [96].

Ноябрь, 22. В № 9 журнала «Экран» (за 22–24 ноября) печатается рецензия С.Д.Мстиславского на вторую книгу журнала «Печать и революция» с упоминанием Есенина:

«В заключенье, как курьез, письмо в редакцию „мастеров Ц.К. ордена имажинистов — Есенина, Мариенгофа и Шершеневича А.В.Луначарскому, как наркому и критику“ с предложением „наркому“ прекратить травлю...группы поэтов новаторов, или...выслать их из пределов России; „критику Луначарскому“ — группа предлагает литературный поединок в присутствии профессоров Сакулина, Шпета и иных».

Процитировав ответ Луначарского, в котором тот выражает надежду, что публика сама скоро разберется в той огромной примеси клоунского крика и шарлатанства, которая губит имажинизм и от которой, вероятно, вскоре отделаются действительно талантливые члены «банды», рецензент заключает:

«К этой надежде можно лишь присоединиться: действительно, слишком что-то загостился у имажинистов Сергей Есенин: пора ему опять на прямую дорогу».

Ноябрь, до 25. Есенин встречается с С.М.Городецким, вернувшимся в Москву с Кавказа.

На другой день С.М.Городецкий приходит к нему в книжную лавку «Художников слова».

Есенин везет его к С.Т.Конёнкову, а затем поздно ночью — к А.Дункан на Пречистенку.

Граница события определяется по дате проведения первого вечера С.М.Городецкого в Москве (Галушкин-2005, 2, 234) и дате публикации им своих впечатлений о Всероссийском союзе поэтов (Городецкий С. СОПО. — Газ. «Известия ВЦИК», 1921, 27 нояб., № 267).

С.М.Городецкий в 1926 г. расскажет об этих встречах:

«Лютой, ветреной и бесснежной зимой 1921 года<точнее — в середине (?) ноября> я приехал на постоянную работу в Москву. Две недели мы жили в уютном и теплом вагоне, но на дальних рельсах. В первый же день оттуда пешком через пустынную, заледенелую Москву я пришел на Тверскую. День прошел в явках по месту службы. Было уже темно, когда я добрел до „Кафе поэтов“. Одиночество сковывало меня. Блок и Верхоустинский умерли. Единственным близким человеком в Москве был Есенин.

Я вошел и, как был в шинели, сел на скамью. Какая-то поэтесса читала стихи. Вдруг на эстраду вышел Есенин. Комната небольшая, людей немного, костюм мой выделялся. Есенин что-то сказал, и я вижу, что он увидел меня. Удивление, проверка впечатления (только что <на самом деле, 21 авг. 1921 (Галушкин-2005, 2, 147)> была напечатана телеграмма о моей смерти), и невыразимая нежность залила его лицо. Он сорвался с эстрады, я ему навстречу — и мы обнялись, как в первые дни. Незабвенна заботливость, с какой он раскинул передо мной всю „роскошь“ своего кафе. Весь лед 16-го года <см.: Летопись, 1, 290> истаял. Сергей горел желанием согреть меня сердцем и едой <...>. Тут же, между глотков, торопился всё сразу рассказать про себя — что он уже знаменитый поэт, что написал теоретическую книгу, что он хозяин книжного магазина, что непременно нужно устроить вечер моих стихов, что я получу не менее восьми тысяч, что у него замечательный друг, Мариенгоф. <...>.

На другой же, вероятно, день я был у него в магазине на Никитской. Маленький стол был завален пачками бумажных денег. Торговал он недурно. <...> Вероятно, в этот же день состоялась большая эскапада. Он повез меня вместе с Клычковым и еще кем-то к Конёнкову. Там пили, пели и плясали в промерзлой мастерской; оттуда в пятом часу утра на Пречистенку к „Дуньке“...».

Восп.-95, 88–89.

Во время посещения С.М.Городецким «магазина на Никитской» (т. е. книжной лавки «Художников слова») Есенин делает ему дарственные надписи:

— на книге «Ключи Марии»:

«Милому Сереже с любовью крепкою и вечною. С. Есенин».

Есенин, VII (1), 187; факсимиле надписи — в кн.: «Автографы поэтов серебряного века: Дарственные надписи на книгах». М.: Книга, 1995, с. 287.

В 1926 г. С.М.Городецкий отметит:

«Из настойчивых напоминаний — Прочитай „Ключи Марии“ — у меня сложилось твердое мнение, что эту книгу он любил и считал для себя важной».

Восп.-95, 91–92;

— на книге «Трерядница» (1920):

«Милому Сергею Митрофановичу Городецкому. Наставнику моему и рачителю. С. Есенин».

Есенин, VII (1), 188.

Ноябрь, 25. Берлинская газета «Новый мир» (№ 251) публикует корреспонденцию К.Спасского (А.Меньшого) «Московские письма» о дискуссиях вокруг поэтического образа:

«Клуб пролетарских поэтов – „Кузница“ <...>.

Кто здесь?

Молоденькие стриженые барышни, одетые кое-как. Курсистки <…> Студенты из „рабфака“ (рабочий факультет). Рабочие. Какой-то худой и бледный, в пальто <…> объясняет, что теория Потебни и Овсянико-Куликовского давно устарела.

– Не слово-образ, – кричит он, волнуясь, – а слово-движение. Динамика – понимаете?

А кто-то возмущается имажинистами.

– „Облаки лают, кричит златозубая высь“. Что это за образ? Конечно, Есенин — талантливый поэт. Но образ не должен быть шарадой».

Ноябрь, 26. Берлинская газета «Руль» (№ 2) публикует статью Вл. Вальтера «Еще о „них“ и о „нас“»:

«В 7–8 и 9 номерах „Русской книги“ помещен ряд статей И.Эренбурга, посвященных вопросу о положении искусства, в частности, поэзии, здесь, за рубежом, и там, в далекой и близкой Совдепии, на родине. Не будем говорить о личных поэтических вкусах Эренбурга. Суть этих статей не в том, что Эренбург превозносит Маяковского и Есенина, творящих „новую“ поэзию, центр тяжести этих статей именно в противуположении „нас“ и „их“. Эренбург прежде всего упрекает „широкие круги русской эмиграции“ в том, что в ослеплении политической борьбы эмиграция на писателей, оставшихся там, переносит ту ненависть, то отречение, которые возбуждались в ней борьбой с большевизмом. <…> Вместе с Эренбургом мы верим и знаем, что русское искусство, несмотря ни на что, живо и мощно. Но в противовес Эренбургу не будем безоговорочно отрицать одну его сторону и превозносить другую».

Ноябрь, 27. Берлинские газеты «Голос России» (№ 825) и «Руль» (№ 3) печатают объявление книгоиздательства «Аргонавты» (Берлин):

«Печатается и 15 декабря выйдет в свет „Справочник-Альманах на 1922 г.“ <…>

Альманах содержит богатый литературный материал <включая стихотворение Есенина> <…>

Карты, иллюстрации и портреты: Герцена, Кропоткина, Блока, Скрябина, Эйнштейна, Тагора, Полевицкой, Карсавиной, Мариенгофа, Есенина».

О выходе книги см.: 24 … 28 янв. 1922.

См. Приложение.

Ноябрь, до 29. В издательстве «Имажинисты» (с датой выпуска 1922) выходит книга А.Б.Мариенгофа «Разочарование» (на обл. загл.: Разочарование Мариенгофа), посвященная Есенину.

Граница события дается по: Галушкин-2005, 2, 240.

См.: авг. 1921, пятая запись.

Выходит петроградский журнал «Вестник литературы» (№ 11) с окончанием статьи А.Е.Кауфмана «Перлы и адаманты имажинизма» (подпись: А. Евгеньев), где особое внимание уделяется творчеству Есенина и Кусикова.

Начало статьи – в № 10 (см.: до 13 нояб. 1921, вторая запись).

Граница события дается по: Галушкин-2005, 2, 244.

Автор, считая, что они «выгодно выделяются на фоне поэзии сегодняшнего дня», где «с болью в душе встречаешь „перлы и адаманты“ имажинизма в духе Мариенгофа и Шершеневича, сюжеты, отдающие запахом „выгребных ям“», — продолжает:

«Когда Есенин или Кусиков впадают в имажинизм, и в их произведения врывается „мариенгофщина“, вы чувствуете, что это наносное, навеянное извне. <...> Искренен Есенин в своей деревенской поэме „Сорокоуст“, где он противопоставляет живое, деревенское машинной культуре <далее цитируется фрагмент о „красногривом жеребенке“>. <...> Бог Есенина – „коровий бог“, „кроткий Спас“, „голодный Спас“. У любимой им родины „коровьи глаза“...

Нет лучше, нет красивей
Твоих коровьих глаз...

К родине Есенин обращается со следующими ласковыми словами:

Звени, звени, златая Русь!
Волнуйся, неуемный ветер!
Блажен, кто радостью отметил
Твою пастушескую грусть.
Звени, звени, златая Русь!

Солнечным теплом веет от есенинских произведений. Даже революционные песни поэта пропитаны любовью.

Не губить пришли мы в мире,
А любить и верить.

Песнь Есенина о хлебе, вошедшая в общий сборник его с Кусиковым <„Звездный бык“>, отражает неразрывную связь с землей, дедовские легенды, деревенские мифы».

Итоговое заключение статьи:

«Шершеневич находит, что в произведениях Кусикова и Есенина, куда просочился имажинизм, таланты их окрепли, а мы думаем как раз наоборот».

В этом же номере журнала — анонимная заметка «Имажинисты и А.В.Луначарский»:

«Имажинисты Есенин, Мариенгоф и Шерш<ене>вич „от лица имажинистского ордена“ предложили А.В.Луначарскому, обозвавшему их шарлатанами, выслать их из России, как вредных людей, и принять вызов на дискуссию по имажинизму. А.В.Луначарский ответил, что, если бы имел право высылать кого бы то ни было, то этим правом не воспользовался бы, ибо публика сама разберется в имажинизме. Что касается дискуссии, то она явится лишь неприличною рекламою для имажинистов.

Одновременно <см., однако: 14 апр. 1921> А.В.Луначарский сложил с себя звание почетного председателя Союза поэтов, члены коего (Есенин, Мариенгоф и Шершеневич) выпущенными ими произведениями позорят „человечность“ и Россию».

См. также: до 13 нояб. 1921; 1 дек. 1921, вторая запись.

Ноябрь, конец ... Декабрь, до 20. Журнал «Трудовая мысль», издаваемый при Тверском губернском организационном бюро партии левых социалистов-революционеров (№ 1), помещает за подписью «Левый» рецензию на журнал «Знамя» (№ 7, 8, 9, 10) с упоминанием Есенина.

Нижняя граница определяется по сообщению в этом номере «Трудовой мысли» о его выходе в свет в половине ноября, верхняя – по объявлению о выходе журнала и поступлении его в продажу (журн. «Народ», № 9, 20 дек. 1921).

Рецензент отмечает:

«...Приятно видеть, что журнал освободил свой художественный отдел от имажинистского засилья. Вместо мало говорящей уму и сердцу имажинистской „словоговорильни“ (их собственное выражение <на самом деле: словогранильня>), в упомянутых

нами выпусках мы читаем истинную поэзию Н.Клюева, Филарета Чернова, А.Святогора, Сергея Есенина и др.

Правда, Есенин так же тяготеет сильно к имажинизму, но хорош-то он не как имажинист (имаж — образ, имажинисты — как бы образники, но что же за поэт будет тот, кто не пишет образами, в то же время не кроясь под плащ какого-то имажинизма!) — Есенин ценен как селянский певец-картинник. Золото души народной ценит читатель в поэзии Есенина, а не то наносное, что поэт берет от „имажинизма", если вообще признавать какой-либо имажинизм».

Ноябрь, конец (?) – 1922, май, начало. После переезда к А.Дункан Есенин продолжает часто встречаться с А.Б.Мариенгофом и А.Б.Никритиной.

О времени переезда Есенина см.: до 19 нояб. 1921.

А.Б.Никритина позднее вспомнит:

«Есенин часто прибегал к нам один, приезжал и вместе с Изадорой, мы бывали у них. <...>

Однажды мы встретили их у храма Христа Спасителя. Шла чинная „буржуазная" пара — Есенин и Дункан. Сережа страшно обрадовался. Нас пригласили обязательно, непременно прийти вечером. Пришли. Кроме нас, никого не было. Но было торжественно. У каждого прибора стояла бутылка рейнвейна. Они стояли, как свечи. Изадора подняла первый бокал за Есенина и Мариенгофа, за их дружбу. Она понимала, как трудно Есенину. Она ведь была очень чуткой женщиной. А потом сказала мне: „Я енд ты чепуха, Эсенин енд Мариенгоф это все, это дружба". Я-то, конечно, была чепуха. Вскоре они уехали за границу».

ЕиС, 382–383.

В письме Г.Маквею (1 дек. 1976) А.Б.Никритина напишет:

«Дункан была чудесной, умной женщиной! Она прекрасно понимала, что Сережа <Есенин> просто был страстно ею увлечен, и ничего более, и что его настоящая жизнь заключалась в другом. Всякий раз, как они приходили к нам в гости, она садилась на нашу поломанную кровать и говорила: „Здесь есть что-то настоящее, здесь живет любовь". Она очень хотела подарить мне брачную фату и повторяла: „Для женщины важно быть последней <любовью>, а не первой". Очевидно, она чувствовала, что я и есть эта последняя <любовь Мариенгофа>. И, тем не менее, она в то же время полагала, что для них <Мариенгофа и Есенина> самым важным было их искусство, а не женщины».

IE, 57–58; пер. с англ. М.М.Савченко.

Ноябрь. Есенин делает дарственную надпись на книге «Радуница» (1921) поэту А.С.Балагину:

«Никогда не забывай! С. Есенин. Москва 1921 XI».

Есенин, VII (1), 151, 457.

Есенин получает письмо от А.Дункан, заключающееся следующими строками:

«...[Если] существует опьянение от вина, то существует еще и другое — я сегодня была пьяна от того, что ты подумал обо мне. Если Бахус окажется не сильнее Венеры, то приходи сегодня со всеми твоими друзьями ко мне на спектакль, а затем домой — ужинать. Мой сердечный привет Мариенгофу. Изадора»

Письма, 216.

На обороте листка с текстом — надпись:

«Подтверждаю, что отрывок этот (на обороте) действительно из письма А.Дункан к С.Есенину, написанному мною под диктовку А.Дункан (по-немецки) в ноябре 1921 г. 12/ III – 60 г. И.Шнейдер».

О судьбе письма сообщает А.Кручёных:

«Нижеприлагаемое <так!> письмо от Айседоры Дункан к С.Есенину (она всегда писала ему не собственноручно) получено мною от самого Есенина, оторвавшего и разорвавшего верхнюю часть письма (как особенно интимную?). Было это в конце 1921 г. (или в начале 1922), что подтверждаю. А. Крученых. 6/1 28 г.».

Письма, 216.

Получив от В.Хлебникова для опубликования его поэму «Разин», Есенин принимает решение не печатать это произведение.

Событие устанавливается и датируется на основании воспоминаний Н.Вольпин:

«Поздняя осень двадцать первого. <...>

— Вот, посмотрите, — сам себя перебил Есенин. — С письмом пришло от Хлебникова.

Стихи. От руки, но очень четко. Велимир Хлебников. О Стеньке Разине. Читаю.

— Ничего не замечаете? <...> А вы попробуйте прочесть строку справа налево. Каждую! Ого! То же самое получается! <...>

— Печатать не стану. Деньги пошлю — он там с голоду подыхает, а печатать не стану. Это уже не поэзия, а фокус».

Как жил Есенин, 294–295.

Поэма В.Хлебникова будет напечатана в 1928 г. (Хлебников В.. Собр. соч.. М.: ИМЛИ РАН, 2002, т. 3: Поэмы 1905–1922, с. 471–472).

Из-за стихов В.Хлебникова происходит «лютая ссора» между Есениным и Н.Вольпин.

Н.Д.Вольпин напишет в мемуарах:

«Спор набирает силу.

– Не обязан я печатать!

– А вот обязаны!

– Да почему?

– Потому, что он ВЕЛИМИР <...>. За свои стихи он отвечает сам.

Меня понесло. Я как с цепи сорвалась.

– Деньги голодному пошлем. В подачку! Как собаке кость. А стихи не принимаем! <...>. Хозяин издательства, хозяин лавки книжной, хозяин кафе, вообразил себя хозяином л-л-литературы!

– Однако, хорошенького вы обо мне мнения».

Как жил Есенин, 295–296.

С.Конёнков, через несколько дней встретившийся с Есениным и Н.Вольпин, мирит их.

Как жил Есенин, 301–303.

Н.А.Клюев в Вытегре пишет поэму «Четвертый Рим» — полемический отклик на «Исповедь хулигана» Есенина:

Не хочу быть знаменитым поэтом
В цилиндре и лаковых башмаках...
.....

Анафема, анафема вам,
Башмаки с безглазым цилиндром!

Клюев-1999, 635–640, 963.

Ноябрь, не позднее. В один из дней Есенин в кафе «Стойло Пегаса» правит и записывает набело свое стихотворение.

М.Д.Ройзман напишет в мемуарах:

«В конце осени 1921 года я пришел утром в „Стойло Пегаса“, чтобы просмотреть квартальный финансовый отчет, который надо было срочно отправить в Мосфинотдел. В кафе посетителей не было. В углу за столиком сидел Есенин, писал, по его правую руку лежали скомканные листы бумаги: он переписывал начисто свое стихотворение, а это всегда было связано с переделкой. Я молча прошел мимо него – он и головы не поднял, – спустился вниз».

Ройзман, 149.

Через несколько дней М.Д.Ройзман узнаёт, что Есенин работает в кафе «Стойло Пегаса» над стихотворением «Сторона ль ты моя, сторона!..», и становится свидетелем творческого процесса.

М.Д.Ройзман позднее вспомнит:

«А на прошлой неделе днем я столкнулся с Сергеем в дверях „Стойла“, он спросил, надолго ли я здесь застряну. Я объяснил, что только отдам удостоверение буфетчице, которое она просила, и уйду.

– Куда?

– На работу в клуб Реввоенсовета.

– Пойдем со мной бульварами. Третий день над строфой бьюсь, ни черта не выходит. Ты иди рядом, никого ко мне не подпускай!

– Почему ты не спустишься вниз в какую-нибудь комнату „Стойла“?

– Там полотеры, кругом баррикады мебели! А тут – завтраки! <…>.

Я отдал бумагу буфетчице, и мы пошли по Тверскому бульвару. Есенин шел, опустив голову, никого и ничего не видя <…>. Он что-то шептал, потом бормотал, иногда резко взмахивал правой рукой <…>. Сергей продолжал шагать, упорно глядя себе под ноги. Теперь он не взмахивал рукой, произносил строфу и вслушивался в нее. Его лицо стало светлеть, и, когда мы прошли мимо памятника Тимирязеву, ступив на Никитский (ныне Суворовский) бульвар, Сергей устремился к первой свободной скамейке. Он сел, стал шарить руками в карманах:

– Вот черт! Бумагу забыл!

Я подаю ему вчетверо сложенный лист писчей бумаги <…>. Он ложится ничком на скамейку и пишет округлыми, отделенными друг от друга буквами четыре строки – одна под другой…Строфа. Читает ее, вздыхает, садится:

– Вышло! <…>.

Конечно, я не мог не запомнить строки, которые он несколько раз произносил вслух. Это стихотворение начинается так:

Сторона <ль> ты моя, сторона!

Работал Есенин над шестой строфой. Две первые строки остались такими, какими я их слышал:

Ну, да что же! Ведь много прочих,
Не один я в миру живой!»

Ройзман, 149–150.

Есенин завершает работу над стихотворением «Сторона ль ты моя, сторона!..»

На листе с автографом стихотворения (РГАЛИ) – помета Г.А.Бениславской (?): «Осень 1921 г.» (Есенин, I, 159, 579).

О публикации стихотворения см.: 21 мая 1922.

Декабрь, 1. В театре б. Зимина проходит второй вечер А.Дункан в Советской России.

Есенин, возможно, присутствует на выступлении или заезжает в театр, чтобы проводить А.Дункан.

Из статьи «Второй вечер Дункан»:

«1-го декабря Изадора Дункан выступала в театре б. Зимина для участников грандиозного митинга, устроенного в этот день Красным Профинтерном.

Дункан танцевала в этот вечер под рояль: Листа, Шопена, Скрябина — и симфонический оркестр: „Славянский марш“ Чайковского и „Интернационал“ <...>. Дункан после исполнения обратилась к публике с кратким, полным энтузиазма словом. Танцы и речь ее имели большой успех».

Журн. «Экран», 1921, № 13, 9–11 дек. (подпись: N).

Петроградский журнал «Летопись Дома Литераторов» (№ 3) публикует заметку «А.В.Луначарский и имажинисты»:

«Между А.В.Луначарским и имажинистами полный разрыв. Об этом свидетельствуют следующие письма, появившиеся в журнале „Печать и революция“ (кн. 2) <далее следуют их полные тексты; см.: до 15 сент. 1921 и 17 сент. 1921>.

Так или иначе, имажинисты добились своего; получили еще одну „рекламу“».

Перепечатку этой заметки под заголовком «Любопытная полемика: Луначарский и имажинисты» см.: газ. «Новости жизни», Харбин, 1922, 17 марта, № 60.

См. также: 14 янв. 1922.

Декабрь, 3. Во владивостокской газете «Курьер» (№ 54; рубрика «Театр и искусство») дается информация:

«С.Есенин написал драматическую поэму „Пугачев“, извлечения из которой приводят советские газеты, поэма написана в „имажинистском“ стиле, но критика отмечает, что есенинское „образотворчество“ подчинено основному лирическому заданию поэмы».

Гельсингфорсская газета «Новая русская жизнь» (№ 279) публикует статью В.И.Воутилайнена «„Аппендицит стихов“: Кое-что о „банде“ имажинистов» (подпись: В. Воути):

«В то время, когда академики с мировыми именами не могут печатать своих научных трудов, когда русские литераторы и поэты не могут продолжать печатание своих произведений, группа недоучившихся юнцов имеет свое „Книгоиздательство Имажинисты“.

Чем заслужено такое исключительное положение в Советской России еще вчера совершенно неизвестными никому Шершеневичем, Есениным, Мариенгофом, Кусиковым, Эрдманом и др.?

Какой вклад в сокровищницу русской литературы или в „красную книгу“ истории „пролетарской революции“ вносят они своими сборниками?

Вот эти худенькие, неопрятно изданные книжечки тощего формата, с серыми обложками, серым содержанием, но непременно с громким названием. „Плавильня слов“, „Харчевня

зорь", „Лапта звезды" <не выходила>, „Имажинисты" — сборники прозы, стихов, статей, в которых участвует „вся банда", как спешит предупредить читателя издательство.

Вот отдельные книжки ее отдельных „бандитов": „Зга враздробь", „Тучелет", „Небесный хлев", „Копытами в небо", „Руки галстухом" <так!>. Передать их содержание довольно трудно, т. к. во многих из них в погоне за необыкновенными наборами „заковыристых" строк авторы потеряли содержание, если оно, вообще говоря, имелось в виду».

Далее оценка имажинистских сборников дается на примере творчества В.Г.Шершеневича, после чего автор заключает:

«Но „кому же в ум придет на желудок петь голодный", „прыгая сердцем в сирень"? Да еще при голодном советском пайке?

Поэтому „Кооперативы веселья" устроили при союзе <поэтов> кухмистерскую и столовую „с обедами и ужинами".

Завсегдатаи советского балагана между очередными инсценировками конгрессов и съездов Третьего Интернационала „Всероссийских", после сверхударных разрешений проклятых вопросов, которые им преподносит один за другим неумолимая действительность, бегут в столовую поэтов-кухмистеров попользоваться на награбленные у несчастной родины бумажки сомнительной трапезой под сомнительным соусом трескучих фраз.

Поэзия преподносится там дешевле блюд меню!..».

Рижская газета «Новый путь» (№ 252) в рубрике «Хроника» сообщает:

«В Москве состоялся интересный Вечер всех поэтических школ и групп под председательством Валерия Брюсова <см.: до 17 окт. 1921 и 17 окт. 1921>.

С декларациями и стихами выступили <...> Имажинисты: И.Грузинов, С.Есенин, А.Кусиков, С.Мар, М.Ройзман, В.Шершеневич, Н.Эрдман».

Официальное открытие Школы А.Дункан с двадцатью пятью воспитанницами, отобранными специально за их танцевальные способности.

Маквей-2004, 337.

Декабрь, 4. Берлинская газета «Руль» (№ 319) печатает объявление книгоиздательства «Аргонавты» (Берлин) с упоминанием Есенина.

Текст см.: 27 нояб. 1921.

Декабрь, 6. Газета «Красный Алтай» (Барнаул; № 275) анонсирует проведение в помещении Губполитпросвета обсуждения книги В.Л.Львова-Рогачевского «Имажинизм и его образоносцы: Есенин, Кусиков, Мариенгоф, Шершеневич».

Мероприятие назначается на 9 дек. 1921. Отклики на него не выявлены.

Декабрь, 7. Рижская газета «Сегодня» (№ 279) помещает объявление книгоиздательства «Аргонавты» (Берлин) с упоминанием Есенина.

Текст см.: 27 нояб. 1921.

Декабрь, 8. И.Г.Эренбург в Берлине в Союзе российских студентов читает фрагменты из своей книги «Портреты русских поэтов», среди которых – литературный портрет Есенина.

Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. Книги. М.: РОССПЭН, 2002, с. 649.

Декабрь, 10. Парижский журнал «Смена вех» (№ 7; отдел «Из России») публикует статью П.С.Когана «Поэзия эпохи Октябрьской революции», где идет речь о Есенине:

«Много шума производят у нас имажинисты, во главе которых идут несколько поэтов (Шершеневич, Мариенгоф, Кусиков и Сергей Есенин). Куда отнести их? К прошлому или будущему? Среди них есть поэты не лишенные дарования, а один, Есенин, – поэт с необычайно яркой и резко оригинальной индивидуальностью. Но имажинисты – плоть от плоти мещанства. Их слава – сестра скандала. Если они борются с мещанством, то это – спор своих со своими. Если они „эпатируют буржуа", то проделывают это в той форме, в какой разошедшийся пьяный купец в свое время отчасти шокировал, отчасти забавлял свою же купеческую братию. Имажинистская свобода граничит с разнузданностью <…>. Пролетариат организует новые формы жизни, подготовляя крушение буржуазного сознания, и пролетариату не по дороге с этими крикливо-рекламными поэтами <…>. В последнее время скандалы имажинистов приелись, они выдохлись и уже не возбуждают интереса даже среди девиц, ищущих приключений в ночных кафе.

Эстетическое учение имажинистов заключается в культе образа и в презрении к мысли. Имажинисты – гурманы формы, в их учении о ритме, в их организации традиционной метрики попадаются интересные мысли, но самое это гурманство – отрыжка буржуазного профессионализма, результат общественного индифферентизма, которым так кичилось „чистое искусство" дореволюционной эпохи. Нет никакого сомнения, что имажинизм скоро рассеется, а те из его представителей, которые одарены чутьем и талантом, станут просто поэтами. Сергей Есенин еще до того, как начал принимать участие в имажинистских скандалах, успел заявить себя выдающимся поэтом. В нем есть нечто от простора русской деревни. И в его последних стихотворениях немало созвучного нашей революции бунтарства, но бунтарства не пролетарского, а мужицкого и отчасти самодовольно-мещанского. Его стихи продолжают традицию нашей деревенской жизни, в них не слышно городского шума, говора гудков и колес, деловой торопливости. В поэзии Есенина – ширь полей и шум лесов, крестьянская молитва, и если не вера, то религиозное чувство, несмотря на все его кощунство. Его протест – бунт, именно бунт, а не революция, нечто разинское и пугачевское, и его последнее произведение – пиеса „Пугачев"».

См. также: Есенин, III, 486–487.

Рижская газета «Новый путь» (№ 258; отдел «Книжный угол») помещает рецензию на № 9 журнала «Русская книга» (подпись: Л. К.) с упоминанием Есенина.

Декабрь, 12. Совет Народных Комиссаров РСФСР принимает постановление «О частных издательствах».

Из постановления:

«Для возникновения издательства требуется разрешение Государственного Издательства или соответствующего местного органа. <...> Издательства могут иметь собственные типографии, конторы, редакторские и прочие кабинеты, склады, магазины и т. д. <...> Издательствам принадлежит право свободно сбывать по вольной цене произведения печати, изданные на собственные их средства без субсидий со стороны государства. <…> Выдача разрешений на возникновение издательств и на печатание рукописей возлагается на Государственное Издательство и его отделение на местах. <…> Каждая отдельная рукопись до сдачи в набор должна быть разрешена к печати. <…> Решения местных орга-

нов могут быть обжалованы в редакционную коллегию Государственного Издательства. <...> Книги, изданные без надлежащего разрешения, конфискуются и поступают в распоряжение Государственного Издательства, а издатели их привлекаются к судебной ответственности».

Галушкин-2005, 2, 257–258.

Декабрь, 13. В газете «Правда» (№ 281) объявляется о докладе Я.П.Гамзы «Четыре собаки (по материалам поэзии В.Маяковского, В.Шершеневича, С.Есенина и Г.Санникова)» в клубе «Кузницы».

Сведения о проведении мероприятия не выявлены.

Там же — статья Як. Окунева «Муть», направленная на дискредитацию имажинистского кафе «Стойло Пегаса»:

«В кафе „Стойло Пегаса“ визжат скрипки. Лысый скрипач на эстраде мажет смычком по струнам и, извиваясь всем телом, выводит „Сашу дорогого“. <...> В кафе тесно, сгрудились над столиками жрущие, чавкающие, пьющие, сосущие фигуры, а в двери прет поток нового зверья, чающего жертвы.

Много женщин. У них ищущие переменчивые глаза, и лица белы до синевы от пудры, и губы кроваво-алы от краски, и брови, и ресницы четко вычерчены тушью <...>.

— Тише! Сейчас будет доклад! — покрывая резким голосом звук ножей, звон стаканов, чавканье, чмоканье и говор, похожий на урчание собаки, грызущей кость, кричит разрисованный молодой человек. <...> О чем он читает?

— Я расскажу вам о втором пришествии Христа. Он опять пришел на землю, но не в яслях он, а здесь, среди вас.

И, вонзив палец в пространство, накрашенный поэт повторяет:

— Здесь он.

Женщина в серьгах и ожерелье закидывает назад голову и хохочет. <...> Хохот у женщины хриплый и больной, точно кашль дряхлой собаки, а лицо молодое и красивое.

— Да, Христос пришел, — возглашает поэт среди звона посуды и говора. — И не сын он человеческий и не сын божий, а...

Докладчик поднимается со стула, выдерживает паузу и бросает, точно ком жирной грязи из помойки:

— Он сукин сын!

Аудитория прерывает еду и орет. Откинулись назад сытые и распутные лица, раскрылись, ощерились хищные пасти.

И поэт „гвоздит“:

— Он родился не в яслях, а в доме терпимости и был там вышибалой, ваш Христос.

Ха-ха-ха! Вышибалой!

Ха-ха-ха!

Женщина с яркоцветными камнями на шее и в ушах высыпала на ноготь горку белого порошка, поднесла ноготь к носу и втянула понюшку кокаина. Глаза ее возбужденно загорелись, и кашляющий голос захохотал.

В толпе <...> я нечаянно подслушал такой разговор:

— У-ух, как я их ненавижу!

— Кого?

— Большевиков.

— За политику? <...>

— За то, что они нам <...> четыре года есть не давали».

Декабрь, 15. В № 9 «Бюллетеня Главного управления Государственного издательства» публикуется статья «Частные издательства: По данным Мосгубиздата» (без подписи).

В ней сообщается:

«С начала деятельности подотдела <контрольного подотдела Мосгубиздата> (сентябрь 1921 г.) и по 1 ноября Коллегией Мосгубиздата зарегистрированы следующие издательства:

Наименование	Ответственные лица
1. „Имажинисты“	Шершеневич, Есенин, Мариенгоф.
2. „Северные дни“	Городецкий, Лидин, Матусевич.
<...>	
11. „Литературное звено“	Львов-Рогачевский, Ютанов В., Ляшко Н.
12. „Задруга“	Правл<ение> кооператива: С.Мельгунов и др.
<...>	
21. Всеросс<ийский> Союз поэтов	Президиум> Союза.
22. „Земля“	Н.Эфрос и М.Алейников.
<...>	
25. Изд-во „Первина“	Ш.Коган, Я.Шихман.
26. „Творчество“	С.Абрамов.
<...>	
28. „Презантист“	Туманный, Наврозов, Виленский.
29. „Берендей“	В.Гиляровский и В.Лобанов.
<...>	
42. „Лит<э>-Муза“	А.Серафимович, <В.>И.Я<з>вицкий.
<...>	
45. „Узел“	Э.Д.Жуховицкий, А.И.Окулов, Г.Г.Шпет.
46. „Соцрабис“	В.Ю.Мусин-Пушкин, О.Ф.Разсоха.
<...>	
52. Книгоизд<-во> писателей	Б.Зайцев, Н.Озерецкий, В.Львов-Рогачевский.
<...>	
58. Бюллетень „Идо“ (на языке эсперанто)	Ф.И.Мильтер, Э.М.Барек».

Регистрация и перерегистрация производилась на основании постановления президиума Моссовета (26 авг. 1921), где в пункте „Г“ говорилось:

«Все существующие книгоиздательства перерегистрировать, для вновь возникающих издательств установить принцип разрешительный».

См.: 26 авг. 1921.

Декабрь, 18. Берлинская газета «Руль» (№ 331) печатает объявление с новыми ценами на книги:

«<...> Сергей Есенин. „Пришествие“, „Октоих“, „Преображение“ (поэмы) („Триптих“) ..... 4 <мар.>

<...> Андрей Белый „Христос Воскресе“ (поэма), Сергей Есенин „Товарищ“ „Инония“ (поэмы) со статьей Иванова-Разумника „Россия и Инония“..... ...9 <мар.> ».

Харбинская газета «Русский голос» (№ 425) помещает информацию «Наука, искусство, литература» с упоминанием Есенина.

Начало материала является дословной перепечаткой заметки «Писатели в Москве» из берлинской газеты «Голос России» (см. 30 окт. 1921).

Декабрь, 20. Петроградский журнал «Летопись дома литераторов» (№ 4) в рубрике «Литературная хроника» сообщает:

«...Издательство „Имажинисты“ готовит к печати книгу Сергея Есенина „Ржаные кони“».

Здесь же в рубрике «Сведения о новых книгах» в числе новых книг называется есенинский сборник «Трерядница» (1921).

Декабрь, 21. Я.В.Браун пишет С.Д.Мстиславскому из Харькова:

«Мы здесь, на Украине, затеваем книгоиздательство (беспартийное, левонародническое „Революционное творчество“, выпускаем лит<ературно>-художеств<енный> сборник при участии С.Есенина, Пастернака, А.Чапыгина, Н.Клюева, И.Штейнберга, В.Карелина <...>, Иванова-Разумника, моем и др. Мы были бы больше чем рады получить от Вас статью на тему „Революция и театр“. Общая тема <...> сборника „Революция Духа“. Предполагаемые статьи: „Скифство и мещанство в революции“ В.Карелина, „Футуризм и имажинизм как социальные явления“ (моя), „Роль личности в революции“ (И.Штейнберга), „Литература и революция“ (Иванова-Разумника) и др.».

Леонтьев, 112–113.

Сборник с участием Есенина не выходил.

Декабрь, 22. Переживая увлечение Есенина А.Дункан, Г.А.Бенислав-ская записывает в дневнике:

«Я не знаю, хорошо или плохо. Сначала стало спадать, проходить было дорогое нам милое воспоминание и одно из сердеч<ных> свиданий с ним, таким большим. А сейчас опять шквал. <...> Теперь он небрежен...».

Материалы, 102.

В Харбине проходит собрание кружка писателей и журналистов, где разгорается дискуссия о новом искусстве.

Событие устанавливается и датируется по отчету о нем (газ. «Свет», Харбин, 1921, 25 дек., № 785; подпись: Х, заглавие «В кружке литераторов и журналистов»):

«Н.В.Устрялов защищает новое искусство, говоря, что в настоящее время действительно идет борьба реализма с футуризмом и имажинизмом, но все же необходимо признать, что новая поэзия обладает довольно крупными талантами в лице Маяковского, Есенина, Клюева и в меньшей степени Шершеневича. Конечно, не все их произведения хороши, но есть среди них и выдающиеся, дурную же славу новой поэзии создали выступления хулиганского типа. Зато в произведениях новых поэтов ярко отразилась вся наша „сумасшедшая эпоха“.

Н.В.Устрялову возражает А.М.Житенев, который говорит, что Н.В.слишком снисходительно отнесся к футуристам и имажинистам, несмотря на их хулиганские выступления. Нельзя, разумеется, не согласиться, что новые поэты – продукт времени и что они довольно рельефно отображают собою переживаемую нами „сумасшедшую эпоху“, но из этого вовсе не следует, что мы должны признать их талантливыми. <...> Если же признать Маяковского и иных крупными талантами, то тогда нужно пожалеть русскую поэзию, которая может давать такие „таланты“.

Н.В.Устрялов вновь повторяет, что у новых поэтов есть выдающиеся произведения, хотя есть и мерзко-кощунственные, которые „читать противно“. Талант новых поэтов еще растет, но уже из выдающихся произведений многие, он думает, войдут даже в хрестоматии. Во всяком случае, имажинизм и футуризм – значительные явления, они

характеризуют нашу эпоху, которая со временем будет научаться по теперешней литературе».

Редакция дала к материалу следующее примечание: «Настоящий отчет редакция помещает в интересах будущего историка, обреченного изучать нашу эпоху „по ее литературе“.

„Да ведают потомки православных“, какой белибердой занималась русская эмиграция в самый, быть может, критический момент революции, „переливая из пустого в порожнее“».

Декабрь, 22 ... 23. Т.Мачтет уговаривает Есенина принять участие в коллективном сборнике, издающемся в Рязани:

«В этот же вечер встретился в кафе лицом к лицу с Сергеем Есениным. Недавно я просил у него стихов для Рязани. Он не дал и теперь отнекивается усиленно.

— Ну с кем там участвовать, ведь не с рязанцами, а москвичами, — волнуется поэт.

— Можно с рязанцами, — сразу соглашаюсь я.

— С кем?

— С вами, с Буданцевым.

— Я согласен.

Сережа в хорошем настроении духа, немного, кажется, подшофе. В черном наглухо застегнутом пальто пришел вместе с Гамзой, от которого тоже разит водкой и сивухой вовсю. <...> Однако я ловлю момент и, взяв поэта за пуговицу пальто, выговариваю как другу на глазах удивляющегося нашей близости Гамзы.

— Если не дадите, это просто саботажем покажется всем.

— Свой, рязанец, и так нас игнорирует, ведь земляки мы, — пояснил я Гамзе, — в 11 верстах друг от друга живем на горах, только он на Оке, а я на Воже, и его гора повыше моей, — льщу я другу незаметно и достигаю цели!

— Ну ладно, ладно! Приготовлю и принесу что-нибудь, только чтобы с одними рязанцами участвовать!»

Дневник Мачтета, карт. 8, ед. хр. 1, л. 176–177.

Декабрь, 22, 24 и 26. Есенин присутствует на выступлениях А.Дункан.

О том, что поэт посещал все российские выступления танцовщицы в 1921–1922, свидетельствует И.И.Шнейдер:

«Есенин не пропустил ни одного спектакля Айседоры ни в Москве, ни в Петрограде».

Шнейдер, 66.

А.Дункан выступала публично 22, 24 и 26 дек. 1921.

Из откликов:

«Вечера Айседоры Дункан, устроенные в пользу ее школы 22 и 24 декабря в театре Музыкальной Драмы, прошли с большим успехом. Исполнение „Славянского марша“ и Интернационала вызвало овации, носившие характер революционной демонстрации».

Газ. «Известия ВЦИК», 1921, 25 дек, № 291.

«26 декабря А.Дункан танцевала в Театре Зимина для рабочих Красной Пресни. <...> Вступительное слово об искусстве А.Дункан сказал А.В.Луначарский, объяснивший аудитории 6-ю симфонию и „Славянский марш“ в трактовке Дункан».

Газ. «Известия ВЦИК», 1921, 30 дек, № 295.

Декабрь, 22, или **24,** или **26.** По окончании одного из выступлений А.Дункан Есенин привозит танцовщицу в кафе «Стойло Пегаса», знакомит с каждым из приглашенных имажинистов.

Читает с эстрады монолог Хлопуши из поэмы «Пугачев» и стихи.

Событие устанавливается по воспоминаниям Н.Вольпин, относящей приезд Дункан в кафе «Стойло Пегаса» к декабрю (Как жил Есенин, 310–311), и датируется с учетом замечания М.Ройзмана, что Дункан с Есениным приехали туда после концертного выступления.

М.Ройзман вспомнит об этой встрече:

«Есенин созвал нас, имажинистов, в „Стойло“ поздно вечером. Он привез Дункан после ее выступления: она была одета в длинный красный хитон, а поверх него — в меховое манто. <...> Сергей каждого из имажинистов представил Айседоре и сказал о нем несколько слов. Чтоб ей было понятно, Шершеневич переводил это на французский язык. <...> Потом Вадим рассказал ей об основах имажинизма. Есенин пригласил всех нас заходить к нему в особняк на Пречистенке. В этот вечер в „Стойле“ Сергей читал монолог Хлопуши из драматической поэмы „Пугачев“. Как всегда, он имел огромный успех, и его не отпускали, пока он не выступил с лирическими стихами».

Ройзман, 167.

Декабрь, 22 и **31.** Берлинская газета «Голос России» (№ 846 и 853) информирует о выходе в свет и поступлении в продажу выпусков «Общедоступной библиотеки „Книга для всех“» издательства «Мысль» (Берлин), в том числе:

Вып. 2–3. «Поэзия большевистских дней (Блок, Эренбург, Есенин, Каменский, Шершеневич и др.)».

Декабрь, 23. Рижская газета «Новый путь» (№ 269) с большим запозданием сообщает о готовящихся к выпуску в издательстве «Имажинисты» книгах Есенина «Трерядница» и «Ржаные кони» (книги первая и вторая).

Первая из книг вышла еще в феврале (см.: до 8 февр. 1921), и на ее обложке было объявлено о выпуске второй (там же). Книга «Ржаные кони» так и не выйдет в свет.

Декабрь, 27. Петроградская газета «Жизнь искусства» (№ 823) печатает статью М.С.Шагинян «Литературный дневник: Пролетарская культура» с упоминанием Есенина:

«Изящная книжка Ильи Ионова, как я уже сказала, стоит особняком <...>. В манере письма он – старовер и не стыдится этого, по крайней мере не старается скрыть это под заимствованной новизной. Над языком он тоже не проделывает насилий, и этот „свой“ язык – свеж у него неподдельно, не „под Есенина“».

В кафе «Стойло Пегаса» выступают В.Казин и Г.Санников.

Журн. «Экран», 1921, 27–29 дек., № 16, с. 3.

Есенин является наиболее вероятным организатором приглашения в имажинистское кафе пролетарских поэтов, и не исключено его присутствие на этом вечере.

29 декабря на объединенном заседании Правления ВААП и издательского кооператива «Кузница» под председательством В.Кириллова был рассмотрен вопрос об этом выступлении. Постановлено: «Вынести т. Санникову и Казину порицание за организацию своих выступлений от имени группы „Кузница“ в „Стойле Пегаса“» (Галушкин-2005, 2, 269).

Декабрь, 29. Парижская газета «Последние новости» (№ 523) в рубрике «Книги в Сов<етской> России» печатает объявление:

«Издательство „Имажинисты“ в Москве выпустило новый сборник стихов Сергея Есенина под названием „Трерядница“.

Готовятся к печати книги первая и вторая сборников Сергея Есенина „Ржаные кони“».

Декабрь, до 30. Журнал «Красная новь» (№ 4, за ноябрь–декабрь) печатает статью С.М.Городецкого «Обзор областной поэзии».

Граница события устанавливается в соответствии с: Галушкин-2005, 2, 270.

Останавливаясь на поэзии А.А.Ганина, автор пишет:

«„Встаньте, живые, из тесных гробов“ – зовет вологодский поэт Алексей Ганин <...>. „Отныне алтарей, всех библий и скрижалей священней во сто крат упругая мозоль“ – в этих призывах уже явственно слышится голос нового владыки мира – труда. Правда, поэзия Ганина слишком еще подвластна Есенину раннего периода. Запах мессианства, религиозные образы, как у Клюева, можно найти в его стихах».

Декабрь, 30. Журнал «Народное просвещение» (№ 94; подпись: И. М.) помещает рецензию на книгу А.Авраамова «Воплощение: Есенин – Мариенгоф»:

«В этой рекламной брошюрке все же есть дельные мысли. <...>

Если мы отбросим излишества рекламы, столь присущие имажинизму, то несомненным останется, что отдельные достижения талантливых представителей этого течения, Есенина особенно, нисколько не связаны с имажинистской идеологией и часто совершаются вопреки им. Поэзия, по самому существу своему, — живое целое, в котором все части равно необходимы и неотделимы. Чрезмерное развитие одной из них за счет других приводит к тем словесным чудовищам, которых так немало у имажинистов».

См.: до 3 янв. 1921.

Декабрь, 31. Есенин и А.Мариенгоф встречают Новый год в Доме печати. Есенин исполняет литературные частушки.

Событие устанавливается по воспоминаниям А.Мариенгофа и Н.Полетаева и датируется с учетом объявления: «Правление Дома Печати организует товарищескую встречу Нового Года для членов Дома Печати и его гостей. <...> Съезд в 11 ½ ч.в.» (газ. «Правда», 1921, 30 дек., № 296).

А.Мариенгоф напишет об этом:

«Один новый год мы встречали в Доме Печати. <...> Есенина упросили спеть его литературные частушки. Василий Каменский взялся подыгрывать на тальянке».

Мариенгоф, 95–96.

Далее мемуарист приводит шесть частушек, касающихся Блока, Брюсова, Маяковского, Мариенгофа, Городецкого и Каменского (тексты см.: Есенин, IV, 250–251).

Популярной в среде имажинистов была исполненная тогда частушка:

Ах, сыпь! Ах, жарь!
Маяковский бездарь.
Рожа краской питана,
Обокрал Уитмана.

Из воспоминаний Н.Полетаева:

«Как-то на банкете в Доме печати, кажется, в Новый год, выпивши, он <Есенин> всё приставал к Маяковскому и чуть не плача кричал ему:

— Россия моя, ты понимаешь, — моя, а ты... ты американец! Моя Россия!

На что сдержанный Маяковский, кажется, отвечал иронически:

— Возьми, пожалуйста! Ешь ее с хлебом!»

Восп., 1, 299.

Декабрь. В книгоиздательстве «Имажинисты» выходит книга Есенина «Пугачев» с посвящением Анатолию Мариенгофу (на тит. листе: 1922).

Есенин, III, 457; Есенин, VII (3), 371.

Время выхода в свет устанавливается по дарственным надписям поэта на этой книге (см. ниже).

Есенин делает дарственные надписи на книге «Пугачев» (М., 1922):

— А.М.Кожебаткину:

«Содружнику по картам, по водке и по всей бесшабашной жизни Александру Мелентьевичу Кожебаткину.

Советский Распутин

С. Есенин

1921. декабрь».

Есенин, VII (1), 152, 457. Факсимиле см.: «Sergey Esenin. A Pictorial Essay / Сост. и аннот. Gordon McVay». — RLT, 1974, № 8, p. 418 (илл. № 10). См. также: 17 янв. 1921;

— Б.Пильняку:

«Б.Пильняку С. Есенин. 1921. декабрь».

Есенин, VII (1), 155, 457–458;

— В.Л.Львову-Рогачевскому:

«Дорогому Василию Львовичу с любовью старой и крепкою. С. Есенин. 1921. декабрь».

Есенин, VII (1), 154, 457;

— П.А.Кузько:

«Петру Авдеевичу С. Есенин. 1921. декабрь».

Есенин, VII (1), 153, 457;

— Г.Г.Шпету:

«Милому Густаву Густавовичу. С любовью лютой С. Есенин. 1921 декабрь».

Есенин, VII (1), 158, 458.

— Г.А.Санникову:

«Милому Санникову с веселой дружбой С. Есенин. 1921».

Есенин, VII (1), 157, 458. Факсимиле надписи см.: [Санников Д.Г.]. «Мы все — сыны эпохи вздыбленной...». — «Лит. газета»,. М., 1989, 8 нояб., № 45;

— В.Э.Мейерхольду <?>:

«Милому Всеволоду. С любовью и верой в его победу. С. Есенин. 1921».

На второй чистой странице этого же экземпляра книги:

«Милому Всеволоду. Всегда любящий Есенин».

Есенин, VII (1), 159, 458–459.

В.В.Базанов называет адресатом надписей Всеволода Иванова (журн. «Молодая гвардия», 1975, № 8, с. 210), а В.А.Вдовин — Всеволода Мейерхольда (газ. «Советская культура», М., 1990, 29 сент., № 39);

— Ю.И.Айхенвальду:

«Юлию Исаевичу Айхенвальду С. Есенин. 1921».

Есенин, VII (1), 160, 459. Факсимиле надписи см.: Глезер Л.А. Записки букиниста. М.: Книга, 1989, с. 193.

— С.М.Городецкому:

«Сергею милому с любовью нерушимой. Сергунька. 1921».

Есенин, VII (1), 161, 459. Факсимиле надписи см.: Городецкий С. Жизнь неукротимая: Статьи, очерки, воспоминания. М.: Современник, 1984, с. 50;

— Эмилю Кроткому (Э.Я.Герману) и его жене поэтессе Е.Я.Стырской:

«Милым Мишкам Сергей 1921».

Есенин, VII (1), 163, 460.

«...он <Есенин> любил давать прозвища и меня с женой окрестил, по моему домашнему имени, „Мишками“...».

Э.Я.Герман — Материалы, 169.

Есенин после длительного перерыва возобновляет переписку с Н.А.Клюевым:

«1921. Декабрь.

Мир тебе, друг мой! Прости, что не писал тебе эти годы, и то, что пишу так мало и сейчас. Душа моя устала и смущена от самого себя и происходящего. Нет тех знаков, которыми бы можно было передать все, чем мыслю и отчего болею. А о тебе я всегда помню, всегда во мне ты присутствуешь. Когда увидимся, будет легче и приятней выразить все это без письма.

Целую тебя и жму твою руку.

Сергей Есенин».

Есенин, VI, 129, 510

Ответ Клюева см.: 28 янв. 1922.

Есенин выступает в «Стойле Пегаса» с чтением драматической поэмы «Пугачев».

Ройзман, 112–113.

После выступления надписывает книгу «Пугачев»:

«Матвею Ройзману дружески С. Есенин. 1921».

Есенин, VII(1), 156, 458.

Берлинский журнал «Театр и жизнь» (№ 5–6) помещает объявление издательства «Аргонавты» о скором выходе в свет «Справочника-Альманаха на 1922 г.», где, наряду с другими портретами, будет представлена фотография Есенина.

Книга вышла в конце янв. 1922 (см.: 24 ... 28 янв. 1922).

А.Дункан появляется в кафе «Стойло Пегаса».

Событие и его рамки определяются по воспоминаниям Н.Д.Вольпин:

«Декабрь двадцать первого года. Как и все вокруг, я наслышана об этой бурной и мгновенно возникшей связи: стареющая всемирно прославленная танцовщица и молодой русский, советский поэт <...>

С такими представлениями, с такими думами вошла я в тот зимний вечер в „Стойло Пегаса“. Уже с порога увидела ее. Женщина красивая, величественная одиноко сидела в левом углу, в „ложе имажинистов“. <...> „Смотрите, смотрите! Дункан!“ <...>.

Неделю-другую спустя, снова встретившись в кафе с Дункан, я, возмущенная общими и не очень-то правомерными насмешками в адрес Есенина, подошла к Дункан...».

Как жил Есенин, 309–311.

См.: 22, или 24, или 26 дек. 1921.

Декабрь, не ранее. Есенин надписывает книгу «Пугачев» (М.: Имажинисты, 1922) П.Н.Сакулину.

Событие фиксируется по сообщению А.А.Козловского (копия надписи хранилась в его архиве; в настоящее время ее местонахождение неизвестно). Граница события определяется временем выхода книги.

Юсов-96, 281.

Есенин делает дарственную надпись на книге «Пугачев» (М.: Имажинисты, 1922) Г.Б.Якулову.

Событие фиксируется по сообщению библиофила В.И.Селиванова. Эта книга с надписью хранилась в частном собрании (Рязань). Граница события определяется временем выхода книги.

Юсов-96, 292.

Декабрь ... 1922, май, до 10. Есенин надписывает книгу «Пугачев» (М., 1922):

— приемной дочери А.Дункан — И.Дункан:

«Ирме от чорта. С. Есенин».

Есенин, VII (1), 212, 473

Датируется с учетом времени выхода в свет книги «Пугачев» и встреч Есенина и И.Дункан в Москве;

— директору школы Айседоры Дункан И.И.Шнейдеру:

«Дорогому Илье Ильичу на воспоминание о беспутном хулигане. С. Есенин».

Есенин, VII (1), 214.

Датируется по воспоминаниям И.И.Шнейдера, где тот отметит, что поэт сделал на одном из экземпляров книги «Пугачев» «коротенькую надпись и подарил мне. К сожалению, книга не сохранилась». Известна лишь копия надписи (Есенин, VII (1), 474).

1921, конец. С.Т.Конёнков завершает скульптурный портрет Есенина в дереве.

Датируется по воспоминаниям Н.Д.Вольпин:

«А какие губы у самого Есенина? Когда читает с эстрады, раскрытый рот его становится огромным — мощный репродуктор звука. <...> И этот вроде бы аккуратный, соразмерный с другими чертами рот, когда поэт его раскроет, превратится в тот мощный резервуар голоса. Эту особенность можно усмотреть на некоторых фотографиях Есенина. Не преминул передать ее и Сергей Коненков. Всмотритесь в бюст Есенина его работы (конец 1921 года)».

Как жил Есенин, 281–282.

И.И.Старцев в 1926 г. вспомнит:

«Конёнковым была выстругана из дерева голова Есенина. Схватившись рукой за волосы, с полуоткрытым ртом, был он похож, особенно в те моменты, когда читал стихи. В свое время она была выставлена в витрине книжного магазина „Артели художников слова“ на Никитской. Есенин не раз выходил там на улицу — проверять впечатление — и умилительно улыбался».

Восп., 1, 412.

Сам скульптор напишет:

«Есенинский бюст я переводил в дерево без натуры, корректируя сделанный с натуры портрет по сильному впечатлению, жившему во мне с весны восемнадцатого года. Тогда на моей Пресненской выставке перед толпой посетителей Есенин читал стихи. Возбужденный и радостный. Волосы взъерошены. Наморщен лоб. Глаза распахнуты».

Восп., 1, 290.

В № 4 латвийского журнала «Продуктс» («Produkts») публикуется перевод поэмы Есенина «Товарищ», выполненный А. Апситисом (подпись: Апсесделс).

Переводчик, сохранив ритмику оригинала, отказался от рифм, которые в катренах Есенина объединяли первые и третьи стихи (сообщено Э.Б.Мекшем).

Там же поэт и критик А.Курций характеризует в своей статье Есенина и Н.Клюева как хороших народных поэтов, оставшихся верными своей «тихой деревне» и в революционные годы.

Вместе с тем он отмечает, что последнее время Есенин связан с имажинистами (сообщено Э.Б.Мекшем).

1921. Есенин выписывает пропуск в кафе «Стойло Пегаса»:

«Вход оплачен на четыре лица. С. Е.».

На том же листе – помета С.А.Толстой-Есениной:

«В 1921 г. я была с друзьями в „Стойле Пегаса“. Там выступал Есенин. Меня поразило его чтение, и я очень хорошо его запомнила. Но мы не познакомились тогда. Уже после его смерти в своих старых бумагах я нашла этот пропуск на тот вечер и узнала почерк Есенина».

Есенин, VII (2), 208, 313–314.

Есенин пишет стихотворения «Мир таинственный, мир мой древний...» и «Не жалею, не зову, не плачу...».

Есенин, I, 157, 576; I, 163, 582.

Второе стихотворение в первой публикации будет посвящено С.А.Клычкову (см.: до 20 апр. 1922).

Н.А.Клюев включает в наборный экземпляр своего сборника «Львиный хлеб», подготовленного им для печати, стихотворение «Узорные шаровары...» со строками:

Мы борцы, Есенин и Клюев,
За ковригу возносим стяг.

РГАЛИ, ф. 1685, оп. 1, ед. хр. 4, л. 53 (сообщено С.И.Субботиным).

В Туле выходит книга В.Л.Львова-Рогачевского «Революционные мотивы в русской поэзии» (1921).

В этой хрестоматии революционных произведений, которая начинается стихами А.Н.Радищева и К.Ф.Рылеева и заканчивается стихами П.Орешина, в главе IX «Революция 1917–1919 гг.» печатаются поэма Есенина «Товарищ» и «Кантата», написанная Есениным (2 часть), М.Герасимовым и С.Клычковым.

Отмечено, что «Товарищ» — перепечатка из коллективного сборника «Красный звон» (1918), а «Кантата» — из самарского журнала «Зарево заводов» (1919).

Есенин делает дарственную надпись на книге «Исповедь хулигана» (1921):

— поэту и переводчику М.Я.Шику:

«М.Шику с расположением С. Есенин. 1921».

Есенин, VII (1), 174, 462;

— писателю и историку П.Е.Щёголеву:

«Дорогому Павлу Елисеевичу Щёголеву. С. Есенин. 1921».

Есенин, VII (1), 176, 463;

— искусствоведу, поэту и переводчику А.М.Эфросу:

«Дорогому Абраму Марковичу Эфросу. С. Есенин. 1921».

Есенин, VII (1), 178, 463;

— П.А.Кузько:

«Милому Петру Авдеевичу. Дружеский С. Есенин».

Есенин, VII (1), 194, 467–468;

— В.Г.Лидину:

«Владимиру Германовичу Лидину. В знак расположения С. Есенин. 1921».

Есенин, VII (1), 165, 460);

— Н.Я.Серпинской:

«Нине Яковлевне Серпинской. Как знак приязни С.Есенин». 1921».

Есенин, VII (1), 170, 462.

Есенин делает надпись поэту А.И.Тинякову на книге (возможно, на «Исповеди хулигана»):

«А.Тинякову С. Есенин. 1921».

Есенин, VII (1), 173, 462.

Сохранился лишь лист с надписью. По формату и качеству бумаги он может быть идентифицирован как лист из «Исповеди хулигана».

Есенин надписывает книгу «Трерядница» (1920):

«С любовью тебе госпожа хорошая. Сам я Сергей. 1921 г.».

Есенин, VII (1), 167, 461.

Возможно, надпись обращена к сестре Екатерине (ср. обращение к ней — «г<оспо>жа хорошая» — в письме от 10 августа 1922 г.: Есенин, VI, 147).

Есенин надписывает книгу «Преображение» (1921) поэту и прозаику Е.Г.Соколу:

«Соколу Евгению. С любовью С. Есенин. 1921».

Есенин, VII (1), 171, 462.

Есенин посещает дом № 33 по Староконюшенному переулку, в котором проходили заседания членов объединения пролетарских писателей и поэтов «Кузница» и где жили с семьями М.Герасимов, В.Кириллов, Н.Ляшко, А.Новиков-Прибой и др.

Событие датируется на основании бесед, проведенных теперешним жильцом этого дома Ю.А.Паркаевым с родственниками членов «Кузницы». Подробнее об истории дома см.: Шестаковский А.Ф. Староконюшенный переулок, 33. М.: Моск. рабочий, 1990.

Об организации общежития пролетарских писателей напишет омский журнал «Искусство»:

«Работающая более полугода незаметно, но интенсивно организация пролетарских писателей получила окончательное оформление как Всероссийская организация пролетарских писателей <…>. Ассоциацией организованы общежитие писателей (Арбат, Староконюшенный) и клуб „Кузница“ (Тверская, 33)».

Журн. «Искусство», Омск, 1921, № 1, с. 91–92.

В Нью-Йорке выходит антология русской поэзии под редакцией Авраама Ярмолинского (Modern Russian Poetry. An anthology, chosen and translated by Babette Deutsch and Avrahm Yarmolinsky. New York: Harcourt, Brace and Co., 1921).

В антологию включаются стихотворения Есенина «Табун» (стр. 1–8), «Голубень» (стр. 9–16, 1–8) и поэма «Преображение» (часть 3) в переводе Бабетты Дейч.

Данная антология была переиздана в Лондоне в 1923 году.

Маквей Г. С.А.Есенин в культурной жизни англоязычных стран // Новое о Есенине, 1, 203.

Как утверждает О.Юшина, переводы далеки от совершенства (В мире Есенина, 638).

В 1927 году А.Ярмолинский и Б.Дейч издают в Нью-Йорке расширенную антологию русской поэзии «Russian Poetry: An anthology, chosen and translated by Babette Deutsch and Avrahm Yarmolinsky» (New York: International Publishers Co., 1927), включив в нее как ранее публиковавшиеся переводы, так и новые: «Там, где капустные грядки...» и «Осень» (сообщено С.Е.Зенкевичем). Эта же антология через два года выходит в Лондоне.

Эстонский поэт Генрик Виснапу (Henrik Visnapuu) «приступает к написанию монографии о последнем литературном течении в России — „Имажинизм“».

Кусиков А. Вместо предисловия [датировано 1921 г.]. — В кн.: Виснапу Г. Amores / Пер. с эст. И.Северянина. М., MCMXXII.

Издательство «Наша речь» (Прага) выпускает книгу Б.Ф.Соколова «Мятеж или искания: Искусство, театр, поэзия и религиозная жизнь в Советской России».

Год устанавливается по: Алексеев А.Д. Литература русского Зарубежья. Книги 1917–1940: Материалы к библиографии. СПб.: Наука, 1993, с. 161.

В главе «О литературных исканиях» автор книги пытается объяснить сущность имажинизма со слов В.Шершеневича, с которым он общался в конце 1920 г. Он приводит слова поэта, что молодежь признает «трех и только трех апостолов современности — апостолов имажинизма» (имеются в виду Есенин, Мариенгоф и Шершеневич).

О первой публикации этого текста см.: 14 янв. 1921.

1921, не позднее. Есенин надписывает книгу «Сельский часослов» (1918) Д.С.Айзенштату:

«Давиду Самойловичу Айзенштату на добрую память. С. Есенин».

Датируется временем совместной работы в книжном магазине «Московской трудовой артели художников слова».

Есенин, VII (1), 180, 464.

А.В.Ширяевец пишет пародии на стихи Есенина и имажинистов:

* * *

Пою и взываю:
Господи, отелись!
До Египта раскорячу ноги...

О какими, какими метлами
Это солнце с небес стряхнуть...
С.Есенин

Не хочу со старьем канителиться,
Имажизма я соску сосу.

Я предсказываю: бог отелится!
Эх, торгуй, наша фирма, вовсю!

Зажимают носы даже дворники, –
Где понять такой мелюзге!
Выпускаю новые сборники,
Подпишусь: Хулиган Сергей.

Самородок я, очень храбрый я,
До Египта могу чихнуть.
О, скажите, какими швабрами
По кусту головы стегнуть!

Драма имажиниста

Лягнув меня глазами,
Ты проржала:
– Ну и кобель
Футурный! –
И стало дурно,
И в пятке сердце жало.
До трех недель
Вползало,
И слезами
Лилово щедрыми
Я истекал!
Звал
Снова,
Хотел блаженства!
Насилий над бедрами
Алкал!
Котом мяукал –
Ни звука!

Цитируется и датируется по: ВЛ, 1992, вып. II, март-апр., с. 368.

Есенин делает дарственную надпись на книге «Исповедь хулигана» (1921) Г.Г.Шпету.

Событие фиксируется по сообщению А.А.Козловского (копия надписи хранилась в его архиве). Граница события определяется по времени выхода книги с учетом того, что книгу «Пугачев», вышедшую позднее, Есенин подарил ему сразу после ее выпуска (дек. 1921).

Юсов-96, 281.

1921, не ранее. Е.С.Кругликова выполняет силуэтные портреты Есенина.

«Один силуэтный портрет заключен в круг из листьев, другой отличается тем, что в нем — только силуэт головы, нет ни четкого пятна белой рубашки, ни темного силуэта пиджака, как на первом силуэтном портрете» (Кузнецова В. Портреты Есенина. — «Наука и бизнес на Мурмане: Научн.-практич. журн.». Серия: Язык, сознание, общество. Мурманск, 2000, т. 4, № 6: Вокруг Есенина, с. 18–19).

1921 (?). Есенин делает дарственные надписи сотруднику «Центропечати» И.С.Козлову на книгах:

— «Преображение» (1921)

«Милому Ивану Семеновичу Козлову. На добрую память от многопризнательного С.Есенина».

Есенин, VII (1), 191, 467. Факсимиле надписи см. в кн.: Автографы поэтов серебряного века: Дарственные надписи на книгах. М.: Книга, 1995, с. 289.

— «Сельский часослов» (1918):

«Дорогому Ивану Семеновичу Козлову на добрую память за всё приветливое С.Есенин».

Есенин, VII (1), 190, 466–467;

— «Радуница» (1921):

«Ивану Семеновичу Козлову нежно. С. Есенин».

Есенин, VII (1), 192, 467. Факсимиле надписи в кн.: Автографы поэтов серебряного века: Дарственные надписи на книгах. М.: Книга, 1995, с. 290.

Датируется предположительно с учетом времени встреч Есенина с И.С.Козловым.

Делает надпись на обороте своей фотографии 1919 г. работы Н.И.Свищова-Паолы начинающему поэту С.Д.Головачеву:

«Сереже маленькому от Сережи большого».

Есенин, VII (1), 186, 465–466.

Датируется предположительно с учетом времени совместной работы Есенина с адресатом в книжном магазине Художников Слова.

Есенин адресует В.Г.Шершеневичу запись:

«Диме милому с любовью и дружбой С. Есенин.
Россия не забудет
Нас трех Великих
скандалистов».

Есенин, VII (1), 200, 469. Факсимиле надписи см.: Дроздков В. «...Спокойно и радостно называю себя и моих товарищей „имажинистами“». — Газ. «Домашнее чтение». М., 1995, дек., № 25.

Датируется предположительно по сопоставлению событий и фактов в отношениях С.Есенина и В.Шершеневича.

1921 ... 1922, май, до 10. Есенин делает дарственную надпись Б.Е.Гусману на книге «Ключи Марии»:

«Б.Гусману с приветом. С. Есенин».

Сочиняет экспромт:

Американским ароматом
Пропитан русский аромат.
Покрыть бы «АРУ» русским матом –
Поймет ли «АРА» русский мат?!

Есенин, IV, 491, 508–509.

1921–1922. Есенин сочиняет частушки:

Мой милой, что с образов,
Как святой, все кается.
Меня ... семь разов, –
Восемь полагается!

Ах, Мартышечка-душа
Собой не больно хороша.

Ах, Мартышечка-душа
Собою очень хороша.

Есенин, IV, 496, 515.

1922

Январь, 1. Г.А.Бениславская записывает в дневнике:

«Хотела бы я знать, какой лгун сказал, что можно быть не ревнивым! Ей-богу, хотела бы посмотреть на этого идиота! Вот ерунда! Можно великолепно владеть, управлять собой, можно не подать вида, больше того — можно разыграть счастливую, когда чувствуешь на самом деле, что ты — вторая; можно, наконец, даже себя обманывать, но все-таки, если любишь так по-настоящему — нельзя быть спокойной, когда любимый видит, чувствует другую. Иначе значит — мало любишь. Нельзя спокойно знать, что он <Есенин> кого-то предпочитает тебе, и не чувствовать боли от этого сознания. Как будто тонешь в этом чувстве. Я знаю одно — глупостей и выходок я не сделаю, а что тону и, захлебываясь, хочу выпутаться, — это для меня ясно совсем. И если бы кроме меня была еще, это ничего. Если на то — очень, очень хорошо. Но т. к. она <А.Дункан> передо мной

— и все же буду любить, буду кроткой и преданной, несмотря ни на какие страдания и унижения».

Материалы, 103.

Берлинская газета «Новый мир» (№ 1; подпись: Е. Л-рг) печатает рецензию Е.Г.Лундберга на книгу Есенина «Трерядница»:

«Связь Есенина с имажинистами случайна. Дарование поэта настолько своеобразно, что не умещается и никогда не уместится в рамках „школы“, „направления“. Для Сергея Есенина, как и для имажинистов, характерен острый реализм восприятий. Но реализм этот у него иной, чем у Мариенгофа или Шершеневича. У Есенина он служит стремительной страстности движения. Как мяч, отскакивает Есенин от стен событий, пролетает пространства и времена, смешивает прошлое и настоящее, загробное и живое — и в этом находит юношескую свою и художническую радость. Есенин радостен по преимуществу. Реализм же восприятия Мариенгофа и Шершеневича более себе довлеет, он более — покровленческим, формальным данным дарования свойственный, чем „существенный“.

„Трерядница“, небольшая тетрадка стихов, обнимает несколько не связанных между собой тем. Это разнообразие тем — при небольшом разнообразии напевов — вообще свойственно Есенину и должно было бы стать поводом для большой внутренней заботы. Темы поэта — ярки и своеобычны. Слова его — землею пахнущие настоящие

слова. Но они не отделены, не отстоены, хотя бы в той минимальной отстоенности, которая требуется в поэзии. Не во славу канонов и старых мастеров. А во славу самого слова, которое любит обдуманность и отбор.

Первая пьеса в книжке: „Я последний поэт деревни". Последний ли поэт деревни Есенин — судить трудно, но несомненно одно: связь с деревнею до сих пор сильна в нем и определяет выбор образов и самое мироощущение. Есенин — космичен по преимуществу. Он склонен к мифологии. Образы его далеки городу. Вихри осенние, зимние и весенние отразились на его ритмах. Тонкости деревенского „ландшафта", сами собою вросшие в мозг наблюдения, пестрят на каждом шагу.

Я последний поэт деревни.
Скромен в песнях дощатый мост.
За прощальной стою обеднею
Кадящих листвою берез.

„Телесного воска свеча", „тропа голубого поля", „копейки золотых осин", „молоко дымящий сад" (чудесный образ!);

Тебе, о солнце, <так!> не пропеть
В окошке не увидеть рая,
Так мельница, крылом махая,
С земли не может улететь –

всё это превосходно, и в этом будущий, крепкий, как крепко вино, Есенин. Терпкий, смелый, изменчивый — может быть, даже сильный. Но сила требует времени. И надо научиться мудро ждать.

Сочетание реализма восприятия с бурной страстностью делает Есенина скитальцем поэтического мира, ежечасно отрекающимся, уходящим, упорным в минутном своем утверждении и в длительном отрицании. Оттого-то он не удовлетворяется замкнутым образом, позитивным, ограниченным, и делает его живым, прорастающим, переходящим. Оттого-то он не выносит покоя предметов, всё у него стремится к изменениям, к росту, к одухотворению, к нарушению форм и границ».

Приведя полностью стихотворение «Душа грустит о небесах...», критик продолжает:

«В этой превосходной пьесе одни только кони с хвостами последней строфы возбуждают неясностью своею некоторые сомнения. В целом здесь закреплен полно и богато поэтический облик Есенина. Огонь зеленый дерев, и мало того, что он — огонь, он — шевелится, сучья — теплющиеся свечи, звезды слов, листва первоначальная (глубоко взятый тон — всё чаще встречающийся у Есенина), дол, в водах отразивший вдруг вставшую комету (прекрасно здесь движение) и, наконец, мечта — стать, мечта — миф ищущего космических сочетаний человека:

О, если б прорасти глазами,
Как эти листья, в глубину».

Рижская газета «Новый путь» (№ 275; рубрика «Книжный угол») помещает заметку Н.К.Лебедева «Поэтические школы (от собственного московского корреспондента)»:

«В Москве сейчас обилие поэтических школ, групп и группировочек.

Это явление свидетельствует о биении пульса поэтической жизни, о ее интенсивности. <...>

Делаю краткий обзор этих школ <даются характеристики неоклассиков, неосимволистов, неоромантиков, неоакмеистов, неофутуристов>.

Властителями дум сегодняшнего дня, кумирами и „академиками“ нынешнего поэтического центра являются футуристы и имажинисты. <...>

Имажинисты переживают пору упоения своей славой.

Есенин, Шершеневич, Мариенгоф и... кафе „Стойло Пегаса“ (цитадель имажинизма) — пожалуй, самые популярные из „лиц и учреждений“, известных широкой московской мало-мальски интересующейся поэзией публике. Популярность эта, мягко выражаясь, довольно „своеобразна“ и достигнута путями не исключительно поэтическими, но это нисколько не мешает имажинизму быть героем дня, а части его представителей — талантливыми поэтами, хотя и неодинаковой ценности.

Имажинисты — группа, по характеру входящих в нее дарований, довольно пестрая. Сухой „маяковист“ В.Шершеневич (метр и теоретик имажинизма), буйный, с остатком „крестьянства“ — С.Есенин; интеллигент-интимист — Рюрик Ивнев; влюбленный в Восток кавказец Кусиков; специализировавшийся на порнографии, „лезущий из кожи“, но бесцветный Мариенгоф и десяток начинающих юношей и девушек разного калибра и цвета, способностей — вот тот конгломерат, который склеивается единым общим устремлением — „образничеством“ (image — образ).

Дали ли они что-нибудь ценное? Да. „Пугачев“ Есенина, некоторые вещи Ивнева, Шершеневича, Кусикова вполне заслуживали того, чтобы их назвать ценными. От этой группы и впредь можно ждать больших произведений, особенно после того, как они, отказавшись от юношеского скандала, перейдут к более спокойной и вдумчивой работе.

За имажинистами следует уже совершеннейший молодняк с полнейшей таинственностью будущего. Экспрессионисты, презантисты, эклектики, ничевоки, фуисты, биокосмисты и т. д. и т. д. и т. д. ».

Автор также пишет, что намеренно не коснулся сознательной пролетарской поэзии.

Харбинская газета «Новости жизни» (№ 1) печатает заметку М.Г.Сивачева «Искусство в советской России» (подпись: М.С.), где идет речь о Есенине:

«Были в искусстве течения, быстро приспособившиеся к обстоятельствам: таковы, например, имажинисты, возглавляемые С.Есениным, А.Мариенгофом и В.Шершеневичем. Талантлив у них, как и раньше был, только Есенин. Но он ударился в своих стихах в литературное хулиганство, доходящее до полного неприличия.

Эта лихая тройка великолепно устроилась. Года за два с половиной они выпустили до 40 книг, – правда, тоненьких, в 10, в 15 страниц, по высокой цене. „Откровения“ Мариенгофа и Шершеневича – крикливы и бездарны.

И эти издания вследствие книжного голода в новинках шли бойко. Эта тройка ухитрилась доставать бумагу откуда-то, обходиться без разрешения на печатанье книг – и печатать их в тех же советских типографиях. Кроме того, они имели книжные лавки, дававшие им немалую прибыль.

Эта тройка была всегда одета прекрасно, сыта и довольна так, как едва ли бы были довольны при старой буржуазной литературе».

Варшавская газета «За свободу!» (№ 48) помещает статью Олега Воинова «Из литературных итогов»:

«Интенсивная издательская деятельность, проявленная русской эмиграцией в прошлом году, открытие границ Советской России и непрекращающийся прилив всё большего и большего числа русских беженцев за границу – дали нам возможность познакомиться, пусть неполно, с современным состоянием поэзии как в Сов<етской> России, так и за рубежом.

Как это ни странно, но у нас осталось впечатление, что всё, написанное в России, гораздо более заслуживает внимания и значительно превосходит написанное здесь, на чужбине. <…>

Любопытную картину представляют поэты, живущие в Сов<етской> России. Они резко размежевываются на три группы. Одна – маловажная, но которую всё же нельзя обойти молчанием, это – пролетарские поэты. <…>

Вторая группа, сосредоточием которой является Москва, – это принявшие „социальную революцию“, говорю „социальную революцию“, ибо многие из них не могут быть названы коммунистами, ни даже большевиками. Это те поэты, которые полны сознания, что они чувствуют поступь времени. В большинстве своем это всё отдельные личности, лишь изредка связывающие себя с каким-либо направлением. Например, Серг. Есенин зачастую выступает с „имажинистами“. Но думаю, что буду справедлив, если отделю этого безусловно талантливого поэта, страдающего, правда, „кликушеством“, от экстравагантного „направления“, или, как они сами себя называют, – „банды“. <…>

Наконец, третья группа – петербуржцы – <…> это чистые поэты, которые стараются блюсти традиции чистого искусства <…>. Следует указать, что произведения этих поэтов, в которых мы так или иначе можем видеть отражения современности, подчас выраженные в чисто лирической форме, гораздо более убедительнее и полнее рисуют переживания русского человека, чем весь бред московских поэтов-молодчиков».

Январь, после 1. Составляются: «Список действительных членов Дома Печати на 1 января 1922 г.» и «Список беспартийных действительных членов и кандидатов Дома Печати на 1 января 1922 г.».

В первом из них фамилия Есенина значится под № 92, во втором – под № 45.

ГАРФ, ф. А2306, оп. 1, ед. хр. 1498, л. 17–20.

Январь, 3. Есенин делает дарственную надпись на книге «Пугачев» (М.: Имажинисты, 1922) поэту Г.И.Светлому (Павлюченко):

«Милому Г.И.Светлому. Дружески С. Есенин. 1922, янв. 3. Москва».

Есенин, VII (1), 202.

О выходе книги см.: дек. 1921.

См. также: Вдовин В. Новое о Сергее Есенине. — ЛР, 1980, 11 апр., № 15, с. 16; Юсов-96, 325 (факсимиле надписи); Есенин, VII (1), 470.

Январь, 4. Рижская газета «Сегодня» (№ 3) печатает объявление берлинского книгоиздательства «Аргонавты»:

«15 декабря вышел в свет Справочник-Альманах на 1922 г. <…> Карты, иллюстрации и портреты Герцена, Кропоткина <…> Мариенгофа, Есенина».

Фактически книга вышла в конце янв. (см.: 24 … 28 янв. 1922).

Январь, 4 и 17. Берлинская газета «Голос России» (№ 856 и 867) информирует о выходе в свет и поступлении в продажу выпусков «Общедоступной библиотеки „Книга для всех“», подготовленных издательством «Мысль» (Берлин), в том числе:

Вып. 2–3. «Поэзия большевистских дней (Блок, Эренбург, Есенин, Каменский, Шершеневич и др.)».

Январь, 8. С.М.Городецкий рисует Есенина.

Под рисунком – дата: «8 I 22» (Городецкий С. Жизнь неукротимая. М.: Современник, 1984, с. 46, с ошибочным указанием года (1920) в издательской подписи под репродукцией).

В 1926 г. С.М.Городецкий вспомнит:

«Припоминаю еще одно посещение Айседорой Есенина при мне, когда он был болен. Она приехала в платке, встревоженная, со сверточком еды и апельсином, обмотала Есенина красным своим платком. Я его так зарисовал, он называл этот рисунок — „в Дунькином платке". В эту домашнюю будничную встречу их любовь как-то особенно стала мне ясна.

Это было в Богословском переулке, где Есенин жил вместе с Мариенгофом...».

Восп., 1,183.

См. Приложение.

Январь, 9. Берлинская газета «Голос России» (№ 860) сообщает о выходе в издательстве «Имажинисты» книги Есенина «Трерядница» и о готовящемся к выпуску двухтомнику «Ржаные кони» (книги первая и вторая).

Издание двухтомника не состоялось (см.: Есенин, VII (3), 88).

Январь, 11. Профессор Петроградского института живого слова С.И.Бернштейн записывает на фонограф чтение Есениным своих произведений.

Фиксируется чтение монолога Хлопуши из поэмы «Пугачев», стихотворений «Сорокоуст», «Исповедь хулигана», «Волчья гибель» <«Мир таинственный, мир мой древний...»>, «Я покинул родимый дом...», «Разбуди меня завтра рано...».

Фонотека ГЛМ. См. также: Шилов Л.А. «Я слышал по радио голос Толстого...»: Очерки звучащей литературы. М.: Искусство, 1989, с. 90.

В комментариях к поэме «Пугачев» (Есенин, III, 475) сказано, что запись происходила в Петрограде. На самом деле это было сделано в Москве, по месту жительства Есенина и А.Мариенгофа (Богословский пер., 3 (ныне 5), кв. 48). Исправление этой оговорки см.: Есенин, VII (3), 410.

Фотовалики-оригиналы (первичная запись) и перезапись, выполненная С.И.Бернштейном, а также сам фонограф системы Эдисона образца 1898 г. ныне хранятся в фонотеке ГЛМ вместе с формулярами, составленными С.И.Бернштейном По данным автобиографии ученого, список авторов, подвергнутых фонографированию (на 22 февр. 1922), составляет 30 поэтов, среди которых: А.А.Ахматова, Андрей Белый, А.А.Блок, В.Я.Брюсов, Н.С.Гумилев, Г.В.Иванов, М.А.Кузмин, О.Э.Мандельштам, В.В.Маяковский, Ф.К.Сологуб, В.Ф.Ходасевич и др. (РГАЛИ, ф. 941, оп. 4, ед. хр. 2, л. 43–45; сообщено Н.М.Солобай).

Институт живого слова (в дальнейшем Государственный институт истории искусств) осуществлял фонографирование как в мемориальных, так и в научных целях, что являлось главной задачей учреждения. Записи голосов подлежали исследованию по специальной методике. К сожалению, документы по изучению голоса Есенина выявить не удалось.

И.И.Шнейдер напишет:

«... <эта запись> не дает полного представления о потрясающем таланте Есенина-чтеца».

Восп., 2, 39.

По-другому считает В.А.Мануйлов:

«... <хотя запись> не совсем точно передает тембр есенинского голоса, но интонации его и манера чтения мне слышатся именно такими, как в тот вечер < см.: 6 авг. 1921 > в московском Доме литераторов на Арбате».

Восп., 2, 169.

Январь, 13. В выступлении А.Кусикова перед петроградскими писателями (Дом литераторов, ул. Бассейная, д. 11) характеризуются «правый» и «левый» уклоны имажинизма.

О Есенине и А.Кусикове говорится как о «правых уклонистах».

Подробнее см.: до 21 февр. 1922.

Январь, 14. В письме в коллегию Наркомпроса и в Главполитпросвет «Пугачев» Есенина назван В.Э.Мейерхольдом среди пьес, намеченных к постановке в театре:

«По соглашению с группой работников бывшего театра РСФСР Первого, образовавшей основное ядро труппы проектируемого мною театра, считая для себя неприемлемым прибегать к услугам частного капитала, настоящим заявляю свои права на организуемый на началах государственного снабжения театр Главполитпросвета в помещении бывшего Театра РСФСР Первого.

Составленная мною в настоящее время труппа предлагает осуществить на большой сцене репертуар следующих пьес:

1. „Риенци“ – трагедия на музыке Рихарда Вагнера.
2. „Псоглавцы“ – трагедия на музыке Алоиса Ирасека.
3. „Пугачев“ – сочинение Сергея Есенина.
4. „Жакерия“ Проспера Мериме.
5. „Освобожденный Дон Кихот“ А.В.Луначарского (при условии согласия автора).
6. „Тиара века“ Клоделя в переработке И.А.Аксенова.
7. „Великолепный рогоносец“ Кроммелинка, перевод И.А.Аксенова. Спектакль посвящен памяти Мольера <единственный спектакль из названных, который был поставлен на сцене>.
8. „Кот в сапогах“ по Людвигу Тику.
9. „Гамлет“ Шекспира.
10. „Король-Олень“ Карло Гоцци.
11. „Женщина в народном собрании“ Аристофана.

На сцене так называемого зеркального зала я предлагаю осуществить демонстрацию кинематографических фильм строго художественного подбора (в репертуаре: инсценировки известных романов, научные картины и видовые).

Имеется возможность получать фильмы из-за границы.

14 января 1922 года».

Мейерхольд В.Э. Переписка: 1896–1939. М.: Искусство, 1976, с. 213–214.

См. также: Есенин, III, 499–500.

С.М.Городецкий в письме В.П.Полонскому отмечает:

«Именно мои ученики: Клюев, Есенин, Радимов, Клычков, Ширяевец — положили начало всей революционной поэзии крестьян».

Цит. по: *Савченко Т.К.* Сергей Есенин и его окружение. М.: Прометей, 1989, с. 31.

Берлинская газета «Руль» (№ 353) перепечатывает из петроградской «Летописи Дома литераторов» (1921, № 3) заметку «Луначарский и имажинисты».

Текст см.: 1 (?) дек. 1921.

Январь, 16. О.Г.Савич заканчивает статью «Имажинисты: (Есенин, Мариенгоф, Шершеневич, Ивнев)»:

«Кризис поэзии – аксиома. Быстрота жизни подчеркивает ее. Услышанное в кафе испаряется в холоде уличной ночи. Случайно прочтенное скользит по льду восприятия, не оставляя следа. <...> Нужен трюк. Это поняли имажинисты. И трюк нашли – образ. Прием не новый – но на привычном легче работать и привлечь внимание. <...>

Содержание поэзии извечно. Отсюда парадокс – поэзия не имеет содержания. Приемы разнообразны, но различны по школам. Второй парадокс: новая поэзия есть новый прием. <...>

Живучесть имажинизма в том, что каждый из столпов его в идеологии противоречит другому (Шершеневич: 2x2=5 – разногласия между ним и Есениным), а своими стихами часто и самому себе. Идя под одним флагом, имажинисты, каждый в себе, несут живую душу. Эта душа любопытна вне школьной дисциплины.

Сергей Есенин. Символист – ученик Блока, пролетарский, вернее, крестьянский поэт, имажинист. Талант – признанный во всех лагерях. Сам себя называет лучшим поэтом в России. Оценка не из скромных, но, на мой взгляд, от истины недалекая. Последняя книга – „Пугачев". Автором не указано, какой формой мыслится им самим это произведение. Определяя по учебнику – это пьеса-поэма. Пьеса – ибо в ней только диалог, поэма – ибо диалог не действен, эпичен, а больше всего лиричен. Каждая картина-песня носит свое название. Их всех 8. В каждой около 150 строк. Ремарок – две на всю пьесу: под Шекспира. Пьеса мало что прибавляет к облику Есенина – все ее достижения в частностях свершены им ранее – в стихах и поэмах. Тем не менее, с моей точки зрения, „Пугачев" Есенина – литературно-историческое событие. Наша поэзия давно не знает крупных по размеру лирических вещей. Общее измельчание жизни и культуры заставляют и в искусстве создавать мелочи. Дать большую лирическую вещь, в которой лирика в результате не вызывала бы тошноту, не удавалось русским поэтам уже в течение полувека. Имажинисты – Есенин, Мариенгоф и Кусиков – возродили лирическую поэму, сначала как объединенное из нескольких мелких в большое стихотворение, где отдельные части были обособлены. Затем части пришли в непрерывную связь между собою (Мариенгоф – „Разочарование", Есенин – „Исповедь хулигана"). И как венец – лирическая пьеса Есенина *<2 сл. нрзб.>*. Доказательство лиричности, если только лиричность доказуема: вся пьеса состоит из ряда монологов, которые являются ударными местами; короткие диалоги служат лишь толчками для развития монолога. Каждый монолог – лирическое отступление: то распространенное сравнение, то метафора и т. д. на тему, которая была бы совершенно не связана с действием, если бы таковое имелось в пьесе. Его нет – пьеса состоит сплошь из лирических отступлений – и вся она – лирическое отступление от канона драмы как таковой. Вместе с тем она законна для сердца и рассудка, поскольку лирична. Пьеса без героя – Пугачев участвует в трех картинах из восьми; народ, толпа – в одной. Каждый участник – сам по себе, но язык у всех один – язык автора. Ритмические достижения: излюбленные Есениным переходы от 5- и 6-стопного хорея и ямба к трехударному свободно-дактилическому стиху поразительны по легкости, создавая впечатление единого напева».

Рассмотрев творчество остальных поэтов-имажинистов, автор завершает статью параллелью с героями романа Ф.М.Достоевского:

«...братьями Карамазовыми идут четыре магистра: Алеша – Есенин, с клейкими листочками – молоком берез, икон, который может какого-нибудь зарезать под разбойный свист; многодумный, многотрудный аристократ Иван – Мариенгоф; кровью кающийся Митя – Ивнев и Смердяков – Шершеневич, заглушающий реку, лирический идеолог цинизма...».

ГЛМ, ф. 357, оп. 1, ед. хр. 468 (датированный автограф).

Вариант статьи под заголовком «Имажинист» (с датой: 1922) см.: ВЛ, 1989, № 12, с. 272–275 (публ. Б.Я.Фрезинского).

В Омске (помещение рабфака) проходит «суд над футуризмом и имажинизмом». Выступающие на «суде» упоминают имя Есенина.

О датировке и о подробностях события см.: 21 янв. 1922.

Январь, до 17. Выходит № 3 журнала «Печать и революция» (за ноябрь – декабрь 1921) с рецензией В.Я.Брюсова на первый сборник стихов Всероссийского союза поэтов: «СОПО: 1-й сб. стихов», где отмечается:

«... <в книге> отсутствуют самые интересные из молодых московских поэтов (В.Маяковский, Б.Пастернак, К.Большаков, С.Есенин, А.Кусиков, Адалис)...».

Граница события дается по: Галушкин-2005, 2, 290.

Январь, 17. Журнал «Театральная Москва» (№ 23; за 17–22 января) в рубрике «Книга и пьеса» публикует рецензию В.И.Блюма на книгу Есенина «Пугачев» (М.: Имажинисты, 1922):

«Театру нечего делать с этой не то драматической поэмой, не то — лирической драмой.

„Пугачев“ написан в диалогической форме, разбит на несколько глав-сцен, глухо обозначенных цифрами и заголовками: „Появление Пугачева в Яицком городке“, „Бегство калмыков“, „Осенней ночью“, „Происшествие на Таловом умете“, „Уральский каторжник“, „В стане Зарубина“, „Ветер качает рожь“, „Конец Пугачева“. И всё-таки — это не более, как дивертисмент, где наряженные в нарочито лубочные исторические костюмы актеры декламируют есенинскую лирику.

Местами эти стихи превосходны <цитируются восемь строк: „...Вот всплывает, всплывает синь ночная над Доном...“>.

Впрочем, иногда Есенин не удерживается, чтобы не всучить тому или другому персонажу тот или другой свой — увы, наштампованный образ... <приводится пример из монолога Хлопуши: „...заря красношерстной верблюдицей...“>.

Сюжета ради есенинская лирика перемешана с ухо режущими „прозаизмами“ <„Будет ярче гореть теперь осени медь...“ и др.>.

В результате — драмы не вышло, лирика подпорчена.

Историзм „Пугачева“ — не выше общеиловайского уровня; Пугачев, между прочим, является в степь, если верить Есенину, „посмотреть на золото телесное, На родное золото славян“ (?)...

Революционность — довольно примитивная, в стиле есенинском».

См. также: 4 апр. 1922.

Январь, 17, 22, 26 и 29. Газета «Дальне-Восточный путь» (Чита, № 36, 40, 43 и 46) помещает заметки скульптора Ин. Жукова о поездке в столичные города Советской России под общим названием «Москва и Петроград»:

«Тяжелое время разрухи явно проходит. <...> На Кузнецком Мосту и на Невском проспекте, как прежде, можно увидеть мужчин и особенно женщин, для которых модный костюм важнее мировых вопросов. Нет только цилиндров и очень мало котелков... Впрочем, нет, на всю Москву имеется один цилиндр, да и тот носит не купец, а веселый молодой поэт Вадим Шершеневич <так!>.

<...> Что еще особенно останавливает – это количество афиш и плакатов, пестрящих на стенах <московских> домов. <...>

Трудно в тесных рамках газетных статей осветить достаточно полно эту богатую и многогранную жизнь столицы РСФСР. <...> Прежде всего скажу о том, что больше всего бросается в глаза. <...>

Мировая знаменитость Айседора Дункан в день 4-й годовщины <Октябрьской революции> танцевала 6-ю симфонию Чайковского, „Славянский марш“ и „Интернационал“. Она имеет в Москве школу из 200 детей. Недавно открытым письмом в английскую газету она декларировала свои симпатии к комстрою и свое презрение к буржуазной культуре, лишенной возвышенных идеалов. <...>

ЛИТЕРАТУРА. Кроме классиков и полуклассиков, произведения которых переизданы Госиздатом, на книжном рынке множество книжек новых и новейших литературных школ.

Вот приблизительный перечень поэтических группировок в Москве, как они парадировали на одном вечере:

1) пролеткультцы: Александровский, Герасимов, Кириллов, Обрадович;

2) неоклассики: Гальперин, Леонидов;

3) неоромантики: Арго, Мареев;

4) символисты: Белый, Брюсов, Рукавишников;

5) неоакмеисты: Адалис;

6) футуристы: Аксенов, Буданцев, Каменский, Крученых, Маяковский;

7) имажинисты: Грузинов, Есенин, Кусиков, Мариенгоф, Ройзман, Шершеневич, Эрдман;

8) экспрессионисты: Спасский и Соколов;

9) презантисты: Наврозов, Туманов <Туманный>;

10) ничевоки: Земенков, Рок, Садиков;

11) эклектики: Апухтин <Апушкин>, Бенар;

12) фуисты: Лепок, Перелешин.

Из числа этих группировок особенно энергично проявляют себя пролеткультцы и имажинисты, выпускающие сборник за сборником своих стихов и критических статей. Журнал „Кузница“ и того же названия кафе объединяет пролеткультцев; кафе „Стойло Пегаса“ собирает по вечерам имажинистов; кафе „Домино“ представляет собой эстраду поэтов разных направлений; <...> а Дом Печати обслуживает своим помещением широкие литературные интересы. <...>

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА. Кроме Госиздата, множество частных книгоиздательств обслуживает книжный рынок: „Наука и жизнь“, „Светозар“, „Задруга“, „Алконост“, „Право“, „Имажинисты“, „Костры“, „Кооператив литераторов и ученых“, „Северные дни“ и т. д.».

Январь, 20 или **21.** Парижское книгоиздательство «Франко-Русская Печать» выпускает книгу А.Ветлугина «Третья Россия».

Николаев Д.Д. Комментарии. – В кн.: Ветлугин А. Сочинения: «Записки мерзавца». М.: ЛАКОМ, 2000, с. 422.

В очерке «Последняя метель», вошедшем в книгу, идет речь о Есенине:

«С именами Шершеневича, Конст. Большакова, Николая Асеева, Боброва, Пастернака, совсем молодых Феодора Богородского и Сергея Предтеченского связана новейшая эпоха. Для этого поколения уже не существовало тихих зорь. Шершеневич еще кое-что сохранил по детской памяти, кое-что слышал от отца, от его друзей. Остальные – чистейшие скифы, мешочники от поэзии. Когда те, другие, настоящие мешочники, слезут с крыш вагонов и научатся читать – их любимым поэтом будет, конечно, не Блок (человек

для них явно ненужный), не Клюев, не Есенин, не Орешин (русаки какой-то умопомрачительной, чисто немецкой реконструкции), не Андрей Белый, не Валерий Брюсов, не Вяч. Иванов (плеяда, тщетно старающаяся подновиться). Мешочники для выбора короля поэтов придут в Политехнический музей в Москве, в Тенишевское училище в Петербурге. В Петербурге их встретит матерной бранью Маяковский, и они легко поймут друг друга, в Москве выбор будет труднее: все – мэтры, все искушены, все – подготовлены. <...>

Сравнительно редко мелькают в советской печати имена самых новейших людей – Федора Богородского и Сергея Предтеченского. <...> Сергей Предтеченский специализировался на поношении Богородицы. Задолго до Есенина и банды пролетарских поэтов на девятом этаже небоскреба Нирнзее в Гнездниковском переулке кудластый смуглый детина сообщал о своем презрении к Св. Деве».

Ветлугин А. Сочинения: «Записки мерзавца». М.: ЛАКОМ, 2000, с. 137, 138, 139.

Январь, 21. Омская газета «Рабочий путь» (№ 16) помещает статью К.Урманова «Суд над новыми течениями в литературе»:

«16 января в помещении омского рабфака состоялся инсценированный суд над новыми течениями в современной литературе: футуризмом и имажинизмом <...>. Обвинителем выступил тов. Войтов <...>. О футуризме и имажинизме обвинитель сказал следующее:

– <...> Российский футуризм – это шарлатанство, одурачивание публики, а его детище имажинизм – это образоблудие. Люди помешались на образах, абсолютно не считаясь ни с этикой, ни с общественным мнением, ни с теми высокими принципами, под флагом которых росла и крепла русская литература. Апологетами имажинизма являются В.Шершеневич и А.Мариенгоф, что касается С.Есенина, то он создал себе имя не имажинистическими произведениями, а как поэт-крестьянин, певец земли и природы <...>.

Обманув на мгновение читателей своими истерическими выкриками, порнографией и желтыми кофтами, они <футуристы и имажинисты> умирают, и наше дело вогнать в их могилу осиновый кол. На смену это<му> шарлатанств<у> идет здоровая пролетарская литература – литература коллектива и революционности. <...>

В качестве защитника выступает Ф.А.Васильев. Тов. Васильев останавливается на том, как трудно новые идеи входят в голову мещанина и обывателя <...>.

Затем был допрошен ряд свидетелей как со стороны обвинения (тов. Готлиб), так и со стороны защиты (Л.Мартынов, С.Орлов и др.). <...>

Вынесенный аудиторией приговор сводится к следующему: 1) футуризм и имажинизм антиколлективны и реакционны; 2) виноваты в извращении истины и в художественном шантаже и 3) провозглашая новую красоту, на деле проявляют недопустимую грубость и антихудожественность».

Январь, после 22. В Омске выходит журнал «Искусство» (№ 2) со статьей Л.Н.Мартынова «Несколько слов об имажинизме» (подпись: Л.М.)

Граница события устанавливается по информации: «Закончен печатанием и на днях поступит в продажу № 2 журнала „Искусство“, временника гублитосекции и Сибирского художественно-промышленного института» (газ. «Рабочий путь», Омск, 1922, 22 янв., № 17; рубрика «Хроника»).

В статье, в частности, говорится:

«У нас в России эта теория <имажинизма> была разработана поэтами Вадимом Шершеневичем, Сергеем Есениным, Анатолием Мариенгофом и некоторыми другими.

Начав свое литературное существование в период германской войны, воспитанные на футуризме, а в частности на Маяковском, эти поэты, усвоив теорию имажинизма, явились недурными *описателями революции.*

Сборник „Явь" (Москва, 1919), изданный при ближайшем участии имажинистов, поражает яркой революционностью последних и является своеобразным отображением Красного Октября.

Такое же впечатление производит и 1-й выпуск „Конницы бурь", где на первых страницах помещен „Марш революции" Мариенгофа <...>.

2-й сборник „Конницы бурь" уже не столь революционен, как первый. Заглавие ему мало соответствует. В этом сборнике совершается поворот к тому крайнему индивидуализму, которому суждено было вылиться в конце концов в порнографию – грубую и безвкусную.

После талантливой книги поэм „Тучелет" (Мариенгофа), после яркой и стильной „Трерядницы" (Есенина) вышли два сборника, которые заставляют призадуматься над судьбой имажинистов. Это брошюры: „Имажинисты 1921" <так!> и „Золотой кипяток".

В противоречие самим себе, имажинисты, провозглашая образ как самоцель, не забыли о содержании, особенно Шершеневич и Есенин. И это их спасало: писались произведения оригинальные и интересные всем.

Но затем революция, события внешнего мира, общественность – исчезли из поля зрения имажинистов, и осталось „только громоздкое и неуклюжее Я".

И что же? Вот результат:

Хорошо, когда сумерки дразнятся
И всыпают вам в толстые з...ы
Окровавленный веник зари.
(Есенин)

Или еще:

Мне сегодня хочется очень
Из окошка луну о...ть.
(Он же)

<...> Имажинисты зашли в тупик. Это было неизбежно и случилось потому, что содержание было ими отвергнуто, а запасы образов и сильных слов быстро израсходовались: „каталог образов" (определен<ие> Шершеневича) истощился <...>.

Поэты попали в тупик. А выйдут они из тупика тогда, когда перестанут быть „имажинистами" и сделаются просто поэтами, не нуждающимися ни в каких кличках».

Здесь же – информация о московском вечере всех современных поэтических школ и направлений 17 октября 1921 года с участием Есенина (рубрика «Хроника»).

Подробнее см.: до 17 окт. 1921 и 17 окт. 1921.

Январь, 24. Харбинская газета «Заря» (№ 17) перепечатывает статью В.Воути «„Аппендицит стихов": Кое-что о „банде" имажинистов» (см.: 3 дек. 1921) под названием «„Аппендицит стихов". Школа имажинистов» (без подписи) с редакторской правкой.

Январь, 24 ... 28. В берлинском издательстве «Аргонавты» выходит «Справочник-Альманах на 1922 г.» (редактор Г.В.Франк) со стихотворением

Есенина «Я последний поэт деревни...» и с групповой фотографией Есенина, В.Г.Шершеневича и А.Б.Мариенгофа.

Рамки события устанавливаются по анонсу книги (газ. «Время», Берлин, 1922, 23 янв., № 187) и по информации о ее выходе в свет (газ. «Руль», Париж, 1922, 29 янв., № 366).

Ср., однако: 27 нояб. 1921.

Январь, до 28. В петроградском издательстве «Эпоха» выходит отдельной книгой поэма Н.А. Клюева «Четвертый Рим», предваренная эпиграфом: «А теперь хожу в цилиндре / И в лаковых башмаках... / Сергей Есенин».

Галушкин-2005, 2, 298–299.

См.: нояб. 1921 (последняя запись); 1 февр. 1922; 20 февр. 1922.

Об отношении Есенина к этой поэме см.: 5 мая 1922.

Январь, 28. Н.А.Клюев пишет Есенину из Вытегры.

Письма, 216–219.

Благодаря Есенина за письмо (см. с. 237 наст. кн.), Клюев называет его «брат мой великий», выражая уверенность в восстановлении дружбы:

«Кожа гремучей змеи на тебе, но она, я верую, до весны, до Апреля урочного».

Не скрывая своей неприязни к А.Дункан и А.Мариенгофу, отдалившим от него Есенина, Н.Клюев говорит о великом предназначении поэта:

«Камень драгоценный душа твоя, выкуп за красоту и правду родимого народа, змеиный калым за Невесту-песню.

Страшная клятва на тебе, смертный зарок! Ты обреченный на заклание за Россию, за Иерусалим, сошедший с неба.

Молюсь лику твоему невещественному».

Всю вину за размолвку Н.Клюев возлагает на окружение Есенина:

«...шатия вокруг тебя — моллюски, прилипшие к килю корабля (в тропических морях они облепляют днище корабля в таком множестве, что топят самый корабль)».

Н.Клюев убеждает Есенина, что у них общая поэтическая судьба:

«Сереженька, душа моя у твоих ног. Не пинай ее! За твое доброе слово я готов пощадить даже Мариенгофа <...>. Поэзия народа, воплощенная в наших писаниях, при народовластии должна занимать самое почетное место <...> порывая с нами, Советская власть порывает с самым нежным, с самым глубоким в народе. Нам с тобой нужно принять это как знамение...».

Затем Клюев описывает свое тяжелое материальное положение:

«Конечно, я во многом человек конченый. Революция, сломав деревню, пожрала и мой избяной рай. Мамушка и отец в могиле, родня с сестрой во главе забрали себе всё. Мне досталась запечная Мекка – иконы, старые книги, – их благоухание – единственное мое утешение.

Но я очень страдаю без избы, это такое уродство, не идущее ко мне положение. Я несчастен без своего угла. Теперь я живу в Вытегре – городишке с кулачок, в две улицы с третьей поперек, в старом купеческом доме. <...>

Сестра и зять вдобавок обокрали меня <...> теперь я нищий, оборванный, изнемогающий от постоянного недоедания полустарик. Гражданского пайка лишен, средств для прожития никаких. Я целые месяцы сижу на хлебе с соломой, запивая его кипятком, бессчетные ночи плачу один-одинешенек и прошу Бога только о непостыдной и мирной смерти.

Не знаю, как переживу эту зиму. <...> Если я умру в этом году, то завещаю все свои сочинения в пожизненное издание Николаю Ильичу Архипову. Ты будь свидетелем».

В заключение Н.Клюев опять обращается к Есенину со словами любви и дружбы:

«Покрываю поцелуями твою „Трерядницу“ и „Пугачева“. В „Трерядице“ много печали, сжигающей скорлупы наружной жизни. „Пугачев“ – свист калмыцкой стрелы, без истории, без языка и быта, но нужней и желаннее „Бориса Годунова“, хотя там и золото, и стены Кремля, и сафьянно-упругий сытовый воздух 16–17 века. И последняя Византия.

Брат мой, пишу тебе самые чистые слова, на какие способно сердце мое. Скажу тебе на ушко: „Как поэт я уже давно, давно кончен“, ты в душе это твердо сам знаешь. Но вслух об этом пока говорить жестоко и *бесполезно*.

Радуйся, возлюбленный, красоте своей, радуйся, обретший жемчужину родимого слова, радуйся закланию своему за мать-ковригу. Будь спокоен и счастлив.

Твой брат и сопесенник <...>

Пришли новое стихотворение, посвященное мне, если есть».

Январь, 29. Берлинская газета «Голос России» (№ 878) – извещает:

«Издательство „Скифы“ – Берлин.

В феврале 1922 г. выйдет в свет в Берлине № 1 ежемесячного обозрения современного искусства под редакцией Е.Л.Лисицкого и Ильи Эренбурга.

Objet . Вещь

Gegenstand

<...> В журнале примут участие:

Литература: С.Есенин, В.Маяковский, Б.Пастернак, Шарль Вильдрак...»

Рижская газета «Сегодня» (№ 366) сообщает:

«Книгоиздательство „Аргонавты“, Берлин.

Вышел из печати и поступил в продажу Справочник-Альманах под редакцией Г.В.Франка. <...> Стихотворения: Н.Гумилева, С.Есенина, Н.Полетаева и др. <...>

Карты, иллюстрации и портреты: Герцена, Кропоткина <...> Мариенгофа, Есенина».

Январь, до 31. Есенин делает дарственные надписи на книге «Пугачев» (М.: Имажинисты, 1922):

– Г.А.Бениславской:

«Милой Гале, виновнице некоторых глав. С. Есенин. 1922, январь».

Есенин, VII (1), 203, 470;

– Я.М.Козловской, журналистке, подруге Г.А.Бениславской:

«Любезной Яне, исправительнице неровностей этой поэмы. С. Есенин. 1922, январь».

Есенин, VII (1), 204, где дано по тексту, сообщенному А.А.Козловским.

Местонахождение этого экземпляра «Пугачева» до настоящего времени не было известно (ср.: Есенин, VII (1), 470). Лишь недавно установлено, что он хранится в отделе редкой книги Музея истории г. Москвы (шифр: оф 28462; указано В.А.Дроздковым).

В инскрипте Есенина, выполненном карандашом, имя подлинного адресата стерто и вместо него вписаны (рукой неустановленного лица) слова: «ругательнице и». Выше есенинского автографа той же рукой вставлено – «Юной студийке Жене». На титульном листе книги – владельческая надпись: «Е.Черемных» (см. Приложение).

Граница событий устанавливается по дневниковой записи Г.А.Бениславской (31 янв. 1922):

«...на „Пугачеве“ – прощание и последнее „на память“. С этим он <Есенин> проводил нас <с Я.М.Козловской> (и поехал к Д<ункан>)».

Материалы, 104.

Январь, 31. Есенин отказывается от выступления в студии В.Э.Мейерхольда, запланированного на этот день.

Событие устанавливается и датируется по дневниковой записи Г.А.Бениславской (31 янв. 1922):

«Сегодня в ст<удию> Мейерх<ольда> опоздал. Старц<ев> ходил звать Е. выступать, а он лежит и ножками дрыгает – „не пойду". Понимаешь ли, „не пойду" теперь, и всё, хоть скучно, а не пойду».

Материалы, 105.

Г.А.Бениславская, вспоминая о своих отношениях с Есениным, записывает:

«И не вернуть никакой ценой того, что было. А была светлая, радостная юность. Ведь еще не всё кончено, еще буду жить и, знаю, буду любить, и еще не один раз загорится кровь, но так, так я никого не буду любить, всем существом, ничего не оставив для себя, а всё отдавая. И никогда не пожалею, что так было, хотя чаще было больно, чем хорошо, но „радость — страданье одно" <А.А.Блок>, и всё же было хорошо, было счастье; за него я благодарна, хоть невольно и хочется повторить:

Юность, юность! Как майская ночь,
Отзвенела ты черемухой в степной провинции<...>.

и когда я поборю всё в себе, всё же останется теплое и самое хорошее во мне – к нему. Ведь смешно, а когда Политехнический вызывает, гремит: „Есенин!" – у меня счастливая гордость, – как будто это меня.

Как он „провожал" тогда ночью, пауки ползали, тихо, нежно, тепло. Проводил, забыл, а я не хочу забывать. Ведь Есенин один».

Материалы, 104–105.

Январь. Есенин надписывает книгу «Пугачев» (М.: Имажинисты, 1922) Я.П. Гамзе, члену литературной группы «Кузница»:

«Милому Гамзе. С. Есенин. 1922, январь».

Есенин, VII (1), 205, 470–471.

Берлинский журнал «Новости литературы» (№ 1) публикует:

– обзор М.Слонима «Литература наших дней»:

«Имажинизм со свом лозунгом „победа образа над смыслом и освобождение слова от содержания" пытается создать ту анархию в слове, при которой исчезает и самое искусство. Его левая группа — Мариенгоф и Шершеневич — должны были дойти и дошли до механического нанизывания образов, не связанных никаким логическим, идейным единством, а потому похожих на дождь мелких костяшек или бусинок. В правой группе, наиболее талантливым представителем которой является Есенин, господствуют менее нелепые теоретические рассуждения. Но и в ней озорство, нарочитость, неискренняя поза убивают и творчество, и серьезную работу над ним».

– заметки (раздел «Книжное дело»):

– «Русское универсальное книгоиздательство» сообщает о выходе в ближайшее время поэмы Есенина «Пугачев»;

– из информации «Русская печать в Литве»: «...мало читают имажинистов (А.Кусиков, С.Есенин), почти не читают Цветаеву...».

Январь, конец ... Февраль, начало. Один день Есенин находится в Ростове-на-Дону и уезжает обратно в Москву.

Н.О.Александрова вспомнит:

«Второй приезд <после 1920 г.> Есенина в Ростов в феврале <в другом варианте воспоминаний (газ. „Молот“, 1965, 2 окт.): „в январе или в начале февраля“> 1922 года был очень коротким. Он провел в нашем городе всего один день в ожидании вагона, который должен был увезти его в Баку <в Тифлис>.

Настроение у него было неважное, ощущалось, что обстановка, сложившаяся в его личной жизни, тяготила его, что ему очень хотелось уехать куда-нибудь из Москвы.

Есенину не понравилась ростовская погода: подтаявший снег, туманный день.

Он с гордостью рассказывал, как работал над драматической поэмой „Пугачев“, как много материалов и книг прочел он тогда. Показал на ладонях рубцы:

— Когда читаю „Пугачева“, так сжимаю кулаки, что изранил ладони до крови...

Есенин прочел мне два отрывка из „Пугачева“, прочел несколько стихотворений, написанных после первого приезда в Ростов. Стихи были великолепными, по-новому сильными. Особенно глубокое впечатление произвело на меня стихотворение „Не жалею, не зову, не плачу... “. Я даже потеряла дар речи, ничего не смогла сказать.

Сергею Александровичу было приятно мое искреннее восхищение. Он сказал:

— А „Пугачев“ — это уже эпос, но волнует, волнует меня сильней всего...

„Пугачев“, бесспорно, одно из любимых творений Есенина, в которое он вложил всю свою творческую страсть...

Вагона не было, и намеченная Есениным поездка не состоялась».

Восп., 1, 420-421.

См. след. запись, а также: сб. «Литературный Ростов – памяти Сергея Есенина», Ростов-на-Дону, 1926, с. 58; Хроника, 2, 35, 248–249.

Есенин пишет из Ростова-на-Дону А.Б.Мариенгофу в Москву:

«Милый Толя! Черт бы тебя побрал за то, что ты вляпал меня во всю эту историю.

Во-первых, я в Ростове. Сижу у Нины <Н.О.Александровой> и ругаюсь на чем свет стоит. Вагон ваш, конечно, улетел. Лёва достал купе, но в таких купе ездить все равно, что у турок на колу висеть, да притом я совершенно разуверился во всех ваших возможностях. Это всё за счет твоей молодости и его глупости. В четверг еду в Тифлис и буду рад, если встречусь с Гришей, тогда конец этим мукам.

Ростов – дрянь невероятная, грязь, слякоть...».

Есенин, VI, 129–130.

Январь. А.Б.Мариенгоф пишет стихотворение «Есенину. На прощание» («Какая тяжесть в черепе...»).

Датируется по авторизованной машинописи, подаренной автором Г.А.Бениславской (сообщено Н.И.Шубниковой-Гусевой).

См.: 15 апр. 1922; до 7 мая 1922; 7 мая 1922.

Нью-йоркский журнал «The Dial» (том 72, № 1) помещает анонимную заметку «Russian Literature Since the Revolution», где идет речь о Есенине.

Сообщается, что в Америке осуществляется издание «неизвестных пока таких поэтов, как Есенин, Шершеневич, Клюев, Мариенгоф, Маяковский, и некоторых других».

Цит. по: В мире Есенина, 638.

Январь, не позднее. В петроградском издательстве «Эльзевир» выходит отдельной книгой поэма Есенина «Пугачев».

Время события устанавливается с учетом информации в рижской газете «Новый путь» (см.: 4 февр. 1922) и в журн. «Книга и революция» (см.: 17 февр. 1922).

См. также: Шубникова-Гусева, 146–161.

Январь — Февраль. Есенин начинает работать над драматической поэмой «Страна Негодяев».

Читает И.И.Старцеву «набросанное вчерне вступление к этой поэме».

Событие устанавливается и датируется по воспоминаниям И.И.Старцева:

«Есенин долго готовился к поэме „Страна негодяев“, всесторонне обдумывая сюжет и порядок событий в ней. Мысль о написании этой поэмы появилась у него тотчас же по выходе „Пугачева“. По первоначальному замыслу, поэма должна была широко охватить революционные события в России с героическими эпизодами гражданской войны. Главными действующими лицами в поэме должны были быть Ленин, Махно и бунтующие мужики на фоне хозяйственной разрухи, голода, холода и прочих „кризисов“ первых годов революции. Он мне читал тогда же набросанное вчерне вступление к этой поэме: приезд автора в глухую провинцию метельной ночью на постоялый двор, но аналогичное по схеме начало в „Пугачеве“ его смущало, и он этот отрывок вскоре уничтожил. От этого отрывка осталось у меня в памяти сравнение поэта с синицей, которая хвасталась, но моря не зажгла. Обдумывая поэму, он опасался впасть в отвлеченность, намереваясь подойти конкретно и вплотную к описываемым событиям. Ссылаясь на „Двенадцать“ Блока, он говорил о том, как легко надорваться над простой с первого взгляда и космической по существу темой. Поэму эту он так и не написал в ту зиму и только уже по возвращении из-за границы читал из нее один отрывок. Первоначальный замысел этой поэмы у него разбрелся по отдельным вещам: „Гуляй-поле“ и „Страна негодяев“ в существующем тексте».

Восп., 1, 414.

С.М.Городецкий, который часто встречался с Есениным зимой 1921–1922 г., также вспоминал о «Стране Негодяев» как об очередной работе после «Пугачева» (Восп., 1, 185).

Февраль, 1. Выходит № 3 (7) журнала «Летопись Дома литераторов» со статьей Иванова-Разумника «„Три богатыря“»:

«Только что прочел я и прослушал три новых больших поэмы „старших богатырей“ — и весь под впечатлением радостного чувства приобщения к ключам подлинного, неумирающего искусства. Подлинного и большого, всеоружие техники соединяющего с глубокими внутренними достижениями. <...>».

Охарактеризовав поэму В.Гиппиуса „Подвиг страстный“, Иванов-Разумник пишет о поэме Н.А.Клюева „Четвертый Рим“:

«... взяв эпиграфом строки Сергея Есенина „А теперь хожу в цилиндре и в лаковых башмаках“, он <Клюев> обрушивается на эти символические башмаки и цилиндр... Нет, не лаковые башмаки впору ему, говорящему о себе: „Это я плясал перед царским троном в крылатой поддёвке и злых сапогах“... И не хочет он „прикрывать цилиндром лесного черта рога“...

Не хочу быть знаменитым поэтом
В цилиндре и лаковых башмаках!
Предстану миру в песню одетым
С медвежьим солнцем в зрачках...».

Затем критик переходит к драматической поэме Есенина «Пугачев»:

«Сергей Есенин — для меня последний большой поэт, появившийся на рубеже золотого и серебряного века нашей поэзии. Одно время он шел рядом с Клюевым, потом оторвался, попал в „имажинизм“... Но неужели Клюев верит в „имажинизм“ Есенина, в его цилиндр и лаковые башмаки? „И хотелось бы сапожки вздеть Алешеньке, да на ём сапожки разлезаются“... И какой тут цилиндр? — скорее уж былинная „шапка в девяносто пуд“, которую легко носит подлинный богатырь. Ритмически легкие революционные его поэмы 1917–1918 годов, намеренно тяжеловесный „Емельян“ 1921 года — вот уж не лаковая поэзия! „Не будет лаковым Клюев!“ — не будет лаковым и Есенин, хотя пути его резко разошлись с клюевскими. В пути Клюева не верит теперь Есенин, не верит в мужицкий избяной рай с солодягой и „ржаным Синаем“.

Тебе о солнце не пропеть,
В окошко не увидеть рая;
Так мельница, крылом махая,
С земли не может улететь...

И хорошо, что Есенин ушел на свои еще не вскрытые до конца пути — довольно одного Клюева. А лаковые башмаки — вздор, обман: „на ём сапожки разлезаются“.

„Емельян“ Есенина — сильная, крепкая вещь; „драматическая поэма“ — но, конечно, не историческая. В разбойных героев середины XVIII века вложены чувства, мысли, слова „имажиниста“ нашего времени, который сам о себе говорит: „такой разбойный — я“... Эта модернизация, эта стилизация — прямая противоположность приему бесчисленных ауслендеров: у них современность жеманится под историчность, здесь же историческое переносится в современность. „Емельян“ Есенина — наш современник, и со всеми своими историческими соратниками живет он в наши дни, среди нас и в нас.

Есенин очень молод, но уже дал многое и обещает еще многое. „Имажинизм“ — вздор, мертвый груз, путы на ногах; они нужны разным Шершеневичам, — „Лошадь как лошадь“ всё равно не „певчая кобыла“ Клюева, а престарелая кляча, помесь символизма с футуризмом; „имажинизм“, как доппинг, дает ей подобие жизни. Есенин — особь статья; в его понимании — отцом „имажинизма“ был, может быть, Гоголь... Знаю одно: перед нами большой, не завершенный, подлинный поэт, путь его — в начале, и ему предстоят еще многие творческие подвиги».

Г.А.Бениславская пишет в дневнике о своей любви к Есенину:

«Вчера заснула, казалось, что физическая рана мучит, истекая кровью. Физическое ощущение кровотечения там, внутри. (Сейчас пришла Яна и всё испортила, было успокоение и ощущение своей молодости, задора, сознание, что если и люблю так, как никого, то всё же есть еще жизненные силы. А она из всяких „соображений“ грубо сказала, что я опять с С<ергеем> и т. д., и всё мне испортила. Успокоение, завоеванное таким усилием — даром это не дается, — нарушено. Она не понимает, что между нами самое ценное — искренность и непосредственность, то, чего нельзя с другими; а всякая политика между нами — всё губит.

Ну, да к черту всё это, к черту!)

Всю ночь было мучительно больно. Несмотря на усталость, на выпитое, не могла спать. Как зуб болит — мысль, что Е. любит эту старуху, и что здесь не на что надеяться. И то, что едет с ней. И сознание, несмотря на уверения Яны и Ани, что она интересна, может волновать, и что любит его не меньше, чем я. Казалось, что солнце — и то не светит больше, всё кончено. И все усилия направила, чтобы победить в себе это, чтобы снова полюбить жизнь, молодость, снова почувствовать задор. Вот Яна немного неприязненно относится <к тому>, когда я думаю или говорю о своей наружности, она

не понимает и не чувствует той разницы, о которой мы говорили с Бр-ским. И не понимает, что так же, как ей легче, когда она чувствует свой ум, мне — когда я спокойна за свою внешность. Я бы хотела, чтобы я могла забываться за книгой — не умею. А нужно, нужно не помнить.

Забвенье боли и забвенье нег —
За это жизнь отдать не мало.

А все-таки невольно опять возвращаюсь. Что же делать, если „мир — лишь луч от лика друга, всё иное — тень его". Но я справлюсь с этим. Любить Е. всегда, всегда быть готовой откликнуться на его зов — и всё, и больше ничего. Всё остальное во мне для себя сохраню и для себя израсходую. А за то, что было, — всегда буду его помнить и всегда буду хорошо вспоминать. И не прав Лермонтов — ведь я знала, что это на время, и всё же хорошо. Когда пройдет и уйдет Д<ункан>, тогда, может быть, может, вернется. А я, если даже и уйду физически, душой всегда буду его.

Как странно определять и измерять его отношение по отдельным движениям не его, а окружающих. И грустно, грустно.

О, жизнь без завтрашнего дня,
Ловлю измену в каждом слове,
И убывающей любови
Звезда восходит для меня.

Ты уж так не будешь больше биться, сердце, тронутое холодком.

О, глупое сердце,
Смеющийся мальчик,
Когда перестанешь ты биться?

Сегодня опять бирюзовое утро. Хочется, хочется, чтобы то, что там, во мне, осталось на бумаге, на после? Ведь не повторится никогда. Будет новое, иное, будет и до скучного похожее, но всегда не это. Сейчас мне даже не хочется, чтобы что-нибудь было похожим. Эту боль, эту тревожную тоску я люблю, и как будто не отделяю от причины. Из-за этого люблю не только Яну, но самое себя сейчас только за это люблю. Как ни страшно и ни странно, но сейчас во мне всё опустошено. Как будто ветер заполнил воздух листьями, казалось, много, всё полно сверкает ими, но он утих, и воздух чист и прозрачен. Всё, чем сумели до сих пор обманывать себя, потеряло цену. Фальшивые бумажки. Никому не нужные. Хорошо, что они были выпущены в мою жизнь, но теперь им не верю. Теперь знаю: всё для меня ценное — во мне и там, где есть отзвук мне. Всё остальное — погода. И нельзя ставить перед собой — чтобы всегда была хорошая погода — не будет. И особенно хотеть этого для других. Пусть сами поучатся хотеть. И только когда по дороге с кем-нибудь, тогда можно задумываться и считаться с ним! Смешно же, идя вместе и найдя дорогу, скрывать от них. Но только их, попутчиков, можно любить, Боже сохрани — кого другого».

Материалы, 105–106.

По ходу изложения здесь цитируются стихотворения:
– А.Ахматовой «Заплаканная осень, как вдова...» (1921);
– Н.Гумилева «Пьяный дервиш» (1920);
– А.Ахматовой «О, жизнь без завтрашнего дня...» (1921);
– Есенина «Не жалею, не зову, не плачу...» (1921);
– А.Блока «И вот уже ветром разбиты, убиты...» (1907).

Февраль, 1, 7 и 11. Берлинская газета «Голос России» (№ 880, 885 и 889) информирует о выходе в свет и поступлении в продажу выпусков «Общедоступной библиотеки „Книга для всех"», подготовленных издательством «Мысль» (Берлин), в том числе:

Вып. 2–3. «Поэзия большевистских дней (Блок, Эренбург, Есенин, Каменский, Шершеневич и др.)».

Февраль, 1 ... 19. Выходит берлинский журнал «Новая русская книга» (№ 1) с материалами о Есенине.

Рамки события устанавливаются по анонсу номера (газ. «Голос России», Берлин, 1922, 29 янв., № 878) и рецензии на него (газ. «Голос России», Берлин, 1922, 19 февр., № 896).

В номере публикуются:

– рецензия А.Н.Толстого на «Исповедь хулигана» и «Трерядницу» Есенина:

«Фамилия Есенин — русская — коренная, в ней звучат языческие корни — Овсень, Таусень, Осень, Ясень — связанные с плодородием, с дарами земли, с осенними праздниками. Сам Сергей Есенин, действительно, деревенский, русый, кудреватый, голубоглазый, с задорным носом. Ему бы холщовую рубашку с красными латками, перепояску с медным гребешком, — и в Семик — плясать с девками в березовой роще. Такие, должно быть, в давно минувшие времена девкам этим в саду слагали, пели от избытка, от радости таинственного рождения слов, от хитрости, от веселья, новые песни, слагали новые сказки.

Есенину присущ этот стародавний, порожденный на берегах туманных, тихих рек, в зеленом шуме лесов, в травяных просторах степей, этот певучий дар славянской души, мечтательной, беспечной, таинственно-взволнованной голосами природы...

Он пришел целовать коров,
Слушать сердцем овсяный хруст.
Глубже, глубже, серпы стихов!
Сыпь черемухой, сердца куст!..

Он весь растворен в природе, в живой, многоголосной прелести земли...

Я сегодня влюблен в этот вечер,
Близок сердцу желтеющий дол.
Отрок-ветер по самые плечи
Заголил на березке подол.

Живи Есенин триста лет тому назад, сложил бы он триста чудесных песен, выплакал бы радостные, как весенний сок, слезы умиленной души; народил бы сынов и дочерей, и у порога земных дней зажег бы вечерний огонь, — вкушал бы где-нибудь в лесном скиту в молчании кроткую и светлую печаль.

Но судьба сулила ему родиться в наши дни, живет он в Москве, в годы сатанинского искушения, метафизического престидижаторства, среди мерзлых луж крови и гниющих трупов, среди граммофонов, орущих на площадях проклятия, среди вшей, тухлой капусты и лихорадочного бреда о стеклянно-бетонных городах, вращающихся башнях Татлина и электрификации земного шара.

Единый от малых сих искушен. Обольщенный, обманутый, раздробленный душевно, Есенин ищет в себе этой новорожденной мировой правды, ищет в себе подхода, бунта, разинщины.

Только сам я разбойник и хам
И по крови степной конокрад...

Милый, талантливый Есенин, никогда, сроду не были вы конокрадом и не стаивали с кистенем в голубой степи, — ведь только что еще вы говорили:

Буду петь, буду петь, буду петь,
Не обижу ни козы, ни зайца...

И вдруг, ни с того ни с сего:

Я *нарочно* иду нечесаным
С головой, как керосиновая лампа, на плечах...

Но, ведь конечно, не приставив себе вместо головы керосиновую лампу, не скажешь:

О электрический восход,
Ремней и труб глухая хватка, —
Се изб бревенчатый <так!> живот
Трясет стальная лихорадка...

Кому нужно, чтобы вы изо всей мочи притворялись хулиганом? Я верю вам и люблю вас, когда вы говорите:

...Стеля стихов злаченые рогожи,
Мне хочется вам нежное сказать...

Но, когда вы через две строчки выражаете желание:

...Мне сегодня хочется очень
Из окошка луну об... ть...

Не верю, честное слово... Милый Есенин, не хвастайте... Вас обманули, что луна — контрреволюционна... А „хулиганы", скифы, вращающиеся башни и поэзобетоны превратились уже просто в уездный эстетизм. Станьте снова покрепче на землю, повторите:

...Я еще никогда бережливо
Так не слушал разумную плоть...».

См. также: РЗЕ, 2, 15–17;

– рецензия И.Г.Эренбурга на те же книги Есенина:

«При рождении большого поэта вслед за традиционными феями, несущими поэтовы дары, приходит одна, последняя, редкая гостья; она ничего не дает, а что-то уносит, не разверзает пелену, а завязывает глухо узел жизни — это дар трагедии. И странно и страшно думать, что кудрявый беленький паренек, которому жить да жить, добро наживать, — испытал это ночное посещение.

У других трагичность — ясновзорность или неудачная биография, чересчур крепкая стенка и чересчур нежный лоб. Истоки трагизма Есенина вне его, в годах и мечтах, в раскольническом огне, который пожирает его любимую животной, когтистой, отчаянной, щенячьей любовью — „деревянную Русь".

Там, где камень, там другое, там чужая Россия, фабрики, митинги, диспуты, может, и красноглазая электрификация. Горят дрова — движется локомотив, но ведь дерево нежное, мягкое, хрусткое — гибнет, гибнет навек. „Вечер имажинистов". Грохочет Шершеневич. Полный сбор. Читал Есенин. Но, выйдя на Лубянскую, где заколоченные ларцы, снег и моченые яблоки на лотке пахнут деревней, завопил:

Хорошо вам смеяться и петь,
Красить рот в жестяных поцелуях,
Только мне, как псаломщику, петь
Над родимой страной „Аллилуйя".

Всюду он слышит этот запах, и в столице Руси чужд и затерян, как чужда и затеряна столица среди дикой Руси.

Как в поэте-имажинисте не узнать „деревенского озорника"? И эти трагические обряды — глубокий поклон корове на вывеске мясной, и обтрепанный хвост клячи, проносимый „как венчального платья шлейф"!

Только в годы революции мог родиться поэт — Есенин. В ее пламенах немеют обыватели, и фениксом дивных словес восстают испепеленные поэты. Русская деревня, похерившая Бога и хранящая, как зеницу ока, храм, схватившая свободу и спрятавшая ее вместе с керенками в сундучок, ревет и стонет в этих книгах. Город, потеряв, — обрел; деревня, обретя, — потеряла. Дышит на нее „железный гость", и она трепещет:

Оттого-то вросла тужиль
В переборы тальянки звонкой,
И соломой пропахший мужик
Захлебнулся лихой самогонкой.

Когда же вы поймете, церемонные весталки российской словесности, что самогонкой разгула, раздора, любви и горя захлебнулся Есенин? Что „хулиган" — не „апаш" из костюмерной на ваших былых bal-masque <бал-маскарад (*фр.*)>, а огненное лицо, глядящее из калужских или рязанских рощиц? Страшное лицо, страшные книги. Об этом оскале говорил в трепете Горький, и о нем писал в предсмертном письме Блок: „гугнивая, чумазая и страшная Россия слопала меня, как чушка своего поросенка".

Но „любовь всё покрывает", и такие слова находит Есенин для этой „гугнивой", что, страшась, тянешься к ней, ненавидя — любишь. И здесь мы подходим к притину, к преображению поэта. Кончается быт, даты, деревня, даже Россия — остается только любовь и Глагол. Ведь Есенин не только деревенский или русский поэт, он еще поэт:

Засосал меня песенный плен,
Обречен я на каторге чувств
Вертеть жернова поэм.

И в этом „песенном плену" он понял — „зачем? " — зачем и самогонка, и железный гость, и грустный Есенин на вечере в Политехническом музее.

Еще прежде (в „Сельском часослове"):

Всё люблю и всё приемлю,
Рад и счастлив душу вынуть.
Я пришел на эту землю,
Чтоб скорей ее покинуть.

Теперь:

В сад зари лишь одна стезя —
Сгложет листья осенний ветр.
Всё понять, ничего не взять
Пришел в этот мир поэт.

Этим всё оправдано, и видно, далеко средь голодных и угрюмых, средь ругающихся матерью и ползающих перед богачевским окладом на брюхе, — идет Любовь, голая, пустая, которой ничего не надо. Любовь, ожидаемая тщетно разумными хозяевами и приходящая только к самосжигателям и блаженным погорельцам.

„Звериных стихов моих грусть", — говорит Есенин. Да, но есть мгновение, когда зверь возревновавший становится Богом».

См. также: РЗЕ, 2, 18–20.

Февраль, 4. Рижская газета «Новый путь» (№ 392; рубрика «Хроника») сообщает:

«В Москве вышла из печати драматическая поэма С.Есенина „Пугачев" и трагедия А.Мариенгофа „Заговор дураков" (изд<ательст>во „Имажинисты").

Готовится к печати сборник тех же авторов „Эпоха“. В сборник войдут поэмы: Есенина – „Волчья гибель“ и Мариенгофа – „Без шляпы“. „Волчья гибель“ – „последний прыжок“ затравленной городом деревни. „Без шляпы“ – поэма прощания с революцией.

„Пугачев“ вышел также в петроградском издании (изд<ательст>во „Эльзевир“)».

См.: не позднее янв. 1922; 17 февр. 1922.

О невышедшем сб. «Эпоха Есенина и Мариенгофа» см.: не позднее марта 1921 (вторая запись); 12 сент. 1921 – до 10 мая 1922.

Февраль, 5. Берлинская газета «Руль» (№ 372) помещает объявление:

«Книжный магазин „Слово“ Берлин.

В продаже имеются книги всех русских издательств за границей по разделам:

<...> Поэзия:

Сборники стихов Блока, Бальмонта, Ахматовой, Гумилева, Есенина, Клюева <...> и др.».

Февраль, 6. Берлинская газета «Время» (№ 188; рубрика «Библиография») помещает рецензию Г.В.Алексеева на книгу поэм А.Кусикова «Аль-Баррак» (Берлин: Скифы, 1922), где заходит речь о Есенине:

«Кусиков – не молодой поэт: „Аль-Баррак“ – девятая книга стихов, а писать о нем приходится как о поэте молодом. <...> Не зная, как сказать, частенько не знает он, ч т о сказать. И тогда от строк зашлифованных, от образов западающих несет худосочным бессилием, кражей мысли у Есенина, уже заседлавшего под путешествующего Спаса коней и кобыл всех мастей, подражательностью опередивше<го> Клюев<а> и даже Маяковско<го>».

Февраль, 7. М.М.Пришвин в письме к Иванову-Разумнику упоминает Есенина:

«Когда Вы пишете, что вот такой-то писатель написал замечательную книгу (Есенин, Белый и др.), то я не придаю этому, как раньше, большого значения...».

Пришвин М.М. Дневники: 1920–1922 гг. / Подг. текста Л.А.Рязановой; коммент. Я.З.Гришиной, В.Ю.Гришина. М.: Моск. рабочий, 1995, с. 236.

Февраль, ночь с 8 на 9. Есенин, А.Дункан и сопровождающие их лица ожидают на Николаевском вокзале поезда на Петроград.

Время события устанавливается по словам Есенина в письме Иванову-Разумнику (6 марта 1922): «От 9–12 <на самом деле 13> февраля я был в Питере...» (Есенин, VI, 130) с учетом сведений из воспоминаний И.И.Шнейдера:

«В начале февраля, оставив Ирму с школой, Айседора, я и Жанна поехали на Николаевский вокзал. Есенин провожал нас. Точного расписания отправления поездов не было. Билеты не продавались, а бронировались бесплатно по заявкам. У меня была бронь на два двухместных купе в международном вагоне.

Усадив Жанну в зале ожидания, мы втроем заняли столик в буфете. Поговаривали, что поезд отправится лишь в 12 часов ночи, а может, и в два. Айседора была счастлива: еще не сейчас расставаться с Есениным! Они радовались этому, казалось бы, томительному часу в холодном ресторанном зале. <...> Айседора, взяв у меня записную книжку, с увлечением чертила, объясняя Есенину роль хора в древнегреческом театре. Смелой линией, нарисовав полукруг амфитеатра, она замкнула „орхестру“ и, поставив в центре ее черный кружок,

написала под ним: „Поэт". Затем быстро провела от точки множество расходящихся лучей, направленных к зрителям.

— Мы будем выступать вместе! – говорила она Есенину. — Ты один заменишь древнегреческий хор. Слово поэта и танец создадут такое гармоническое зрелище, что мы... Wir werden die ganze Welt beherrschen! <Мы покорим весь мир! (*нем.*)> – рассмеялась Айседора. Потом вдруг наклонилась ко мне и умоляющим голосом тихо сказала:

– Уговорите Езенин ехать вместе с нами в Петроград...

– Да его и не надо уговаривать. Сергей Александрович, хотите в Петроград?

Он радостно закивал головой, обращаясь к Айседоре:

— Изадора! Ти... я... Изадора — Езенин — Петроград!

Настроение поднялось. Айседора принялась рисовать шаржи на себя и на Есенина. Эта книжка долго хранилась у меня. Двумя-тремя линиями Айседора набрасывала человечков, изображая себя и Есенина. Есенин весело смеялся».

Шнейдер, 72–73.

Февраль, 9. Есенин, А.Дункан и их спутники едут из Москвы в Петроград, куда, по его словам, поезд прибывает «в 10 ч. вечера».

Есенин, VI, 151. Здесь же добавлено: «в пятницу», но это – ошибка памяти Есенина. 9 февр. 1922 приходилось на четверг, а вечером следующего дня (пятницы) состоялось первое петроградское публичное выступление А.Дункан (см.: 10 февр. 1922).

Они поселяются в гостинице «Англетер».

И.И.Шнейдер вспомнит:

«В Петрограде мы остановились в гостинице „Англетер". Я взял для них большой номер. Приехали мы только к вечеру и, утомленные дорогой, легли спать.

В номерах было холодно. Несколько раз в день либо я, либо Есенин взбирались на письменный стол и щупали рукой верхушку трубы отопления (вернее, двух трубок, спускавшихся по стене). Внизу они были совершенно холодными, наверху еле теплились.

Наконец я пригласил директора гостиницы и попросил для Есенина и Дункан теплую комнату.

Дункан и Есенин покинули комнату номер „5" — ту самую комнату, где почти четыре года спустя Есенин покончил с жизнью...».

Шнейдер, 73.

В Харбине проходит очередное собрание кружка литераторов и журналистов, где обсуждается доклад Калашнова «Песни революции».

В докладе и в последующей дискуссии возникает имя Есенина.

Из анонимного отчета:

«Доклад посвящен разбору произведений поэтов Советской России: Клюева, Еленяна <следует: Есенина>, А.Белого, Кузмина, Городецкого, Мариенгофа, Маяковского и др. Все эти поэты, по мнению докладчика, дают возможность уяснить себе до некоторой степени загадочный лик революции, всё еще остающийся темным. В новой поэзии интересна идеология, отличающаяся от идеологии поэзии дореволюционного времени. <...>

В поэзии революции докладчик различает два периода. Сначала воспевалась сама революция, так как певцы хаоса революции не могли пройти мимо того, что совершалось, причем в отношении формы поэты потеряли мерку эстетического

чувствования. В поэзии же второго периода уже наблюдаются мотивы мессианства, того мессианства, которым когда-то бредили славянофилы. Кроме того, в новейшей поэзии опять воспевается святая Русь, что свидетельствует о пробуждении настоящего патриотизма и социализма. <...>

Наконец, новая поэзия демократизировала искусство, сделала его понятным для масс, совместив вместе с тем идею демократизма с импрессионизмом. Новые песни, заключает докладчик, равноценны старым.

Докладчику возражает А.М.Житенев, который говорит, что он вполне согласен с тем, что новая поэзия – поэзия революции. Но как революция выявилась в грубых формах, так и поэзия революции характеризуется такой же грубостью формы. Поэтому она уже не настоящая поэзия <...>.

Говорят о мотивах мессианства, которым когда-то бредили славянофилы, но там миссия России мыслилась в объединении всего славянства, которое должно было дать новую культуру, противопоставить ее культуре „гнилого запада", как тогда называли.

Теперь же воспевается миссия русского народа, явившегося самым передовым во всем мире, миссия разрушения по преимуществу, с обещанием создать что-то особенное. Но ведь это только упоение революцией и пустое бахвальство. <...>

Правда, новая поэзия демократизировалась, но, к сожалению, лишь в смысле низведения искусства до уровня улицы. Оно стало понятно массам – это верно, так как еще бы не понять того живописного образа, как Русь, как Богородица, у околицы кличет телят, или обращение Есенина к Богу с просьбой отелиться.

Всё это доступно пониманию даже феноменального кретина. В этом смысле новая поэзия действительно демократизировалась, но для искусства было бы лучше, если бы поэт не Богородицу заставлял пасти телят, а сам бы сделался пастухом, вместо того чтобы кропать стихи. <...>

...возгорелись прения <...> Н.В.Устрялов говорил об идейном пафосе революции и о силе пафоса новой поэзии. Содержание ее патриотическое, но это не прежний патриотизм, а „всечеловеческий". Она даже религиозна, хотя и кощунственна. Он говорил и еще много в этом роде, обвиняя в непонимании революции тех, кто ее не приемлет».

Газ. «Свет», Харбин, 1922, 14 февр., № 823.

Читинская газета «Дальне-Восточный путь» (№ 55) заканчивает публикацию статьи В.Корницкого «Москва в декабре 1921 года»:

«...бросается в глаза, когда бродишь по Москве, – множество объявлений театральных, концертных и извещений о лекциях на литературные, философские и даже религиозные темы. <...> Опять-таки внешне создается впечатление, что театральная и литературная жизнь бьет ключом. А побываешь на этих лекциях, диспутах и чтениях новых вещей в Доме Печати, в Политехническом музее или иных местах – становится скучно и досадно. Свежего, яркого, идущего в такт с революционной действительностью нутром, а не натасканно-внешне, там нет. <...>

Не удалось, по крайнему недостатку времени, приглядеться серьезно к различным современным течениям в так называемом пролетарском искусстве, поэзии. Общее впечатление таково, что и здесь значительных достижений за последнее время не замечается... <...>

Кабаре „Стойло Пегаса" на Тверской рекламирует (вернее, его рекламируют) несколько поэтов-имажинистов, отколовшихся от основной группы (Шершеневича,

Есенина и др.). Кабаре это превратилось, главным образом, в кабачок-биржу спекулянтов и потрепанных молодых людей и девиц, ищущих приключений. <...>

В театре музыкальной драмы (быв. Зимина) – опера второго разряда; изредка его оживляет Айседора Дункан. Но и она, несмотря на свои лучшие революционные движения, танцует по своей пластической старинке, на эллинский манер <...>. И репертуар у нее старый, кроме „Интернационала", созданного ею по приезде в Москву. Танцует она его в такт музыке и пению всего театра, с подъемом, изяществом, легко, выразительно, но легкость и выразительность не удовлетворяют, никак не отвечают мощи и значительности пролетарского гимна».

Начало статьи В.Корницкого см.: газ. «Дальне-Восточный путь», Чита, 1922, 5 февр., № 52.

Февраль, 10. Есенин присутствует на выступлении А.Дункан в Мариинском театре.

Событие устанавливается с учетом объявления о «вечере А.Дункан» («Красная газета», Пг., 1922, 10 февр., № 32) и по воспоминаниям И.И.Шнейдера:

«Петроград 1922 года ожидал первого выступления Айседоры Дункан с острым интересом. Балетный мир и русские последовательницы школы Дункан, так называемые „пластички", к которым Дункан относилась с нескрываемым раздражением, предпочитая им даже классическую школу танца, проявляли нетерпение.

Но не балетный мир, переполнивший ложи бывшего Мариинского театра на первом спектакле Дункан, волновал ее. Основная масса зрителей этого огромного театра состояла из моряков „Авроры" и петроградских рабочих.

Еще больше, чем Дункан, волновался я: Дункан требовала, чтобы во вступительном слове я рассказал и об идее ее школы, и о глубоких причинах неудач с ее школами в Европе, и о социальных корнях ее тяги к Советской России, и о перспективах ее работы здесь, и об ее творческих устремлениях.

— Но ведь на это надо полчаса! — встревоженно доказывал я Айседоре.

— Даже больше, если нужно, — отвечала она.

— Но меня и слушать не захотят. Они пришли смотреть ваш спектакль, а не слушать мои речи!

— Эти люди, — перебила меня Дункан, — хотят и имеют право знать многое. Когда я приезжала в Петербург в годы царизма, их не пускали в театры. Их боялись, их от страха перед грядущим убивали на улицах! Я приехала в Россию ради этих зрителей. Неужели они не захотят узнать, зачем я здесь? Я сама дрожу сейчас, как дебютантка!

В гримировальную вошел Есенин. Ему нужен был для кого-то пропуск. Айседора прильнула к нему. Он ободряюще похлопал ее по плечу, испачкав руку в пудре, улыбнулся и „благословил" меня на выход. Я выписал пропуск и вышел на просцениум.

Аудитория была очень внимательна, и это поддержало меня. Я представил Дункан.

Зал принимал Дункан громовым рукоплесканием. И восторженно гудел после каждой части 6-й симфонии. Вдруг, уже во второй половине, сцена внезапно погрузилась во мрак. Оркестр, медленно теряя звучание, остановился. В зале зачиркали спичками. Я вынес на сцену „летучую мышь" и, поставив фонарь у рампы, едва осветил Дункан, неподвижно стоявшую в центре огромной сцены. Потом попросил зрителей не зажигать огня и дождаться исправления повреждения электросети.

Наступила полная тишина. Не верилось, что в театре такое множество людей. Пламя в фонаре чуть-чуть потрескивало, бросая слабые отсветы на застывшую фигуру Дункан, в которой, по-видимому, продолжала мучительно звучать оборвавшаяся музыка симфонии.

Свет не зажигался. На сцене было прохладно. Я взял красный плащ Айседоры и набросил ей на плечи. Дункан поправила плащ, приблизилась к фонарю, горевшему красноватым светом, и подняла его высоко над головой. В красном плаще, с призывно поднятой головой и со светочем в руке она выглядела каким-то революционным символом. Зал ответил грохотом аплодисментов. Дункан выжидала, когда всё утихнет. Потом сделала шаг вперед и обернулась. Я понял и подошел.

— Товарищи, — сказала она, — прошу вас спеть ваши народные песни. И зал, огромный, переполненный зал, запел. Без дирижера, без аккомпанемента, в темноте, поразительно соблюдая темпы, нюансы и стройность, зал пел одну за другой русские народные песни.

Дункан так и стояла с высоко поднятым над головой огнем, и вытянутая рука ни на мгновение не дрогнула, хотя я видел, что это стоит ей огромного напряжения воли и великого физического усилия.

— Если бы я опустила тогда руку, — объяснила она потом, — прервалось бы и пение, и все невыразимое очарование его. Это было так прекрасно, что никакие самые знаменитые капеллы не выдержали бы сравнения с этим вдохновенным пением!

Так продолжалось около часа. Дункан не опускала руки, и зал пел снова и снова. Уже прозвучали „Варшавянка“, „Смело, товарищи, в ногу... “.

— Есть еще одна ваша песня, которую я один раз слышала, — сказала Дункан во время короткой паузы. — Это печальная песня, но она говорит о заре новой жизни. В финале заря занимается, и песня звучит грозной силой и верой в победу. Прошу вас спеть эту песню.

Едва я перевел эти слова, как, словно по взмаху руки невидимого дирижера, совсем пианиссимо возникли напев и слова:

Замучен тяжелой неволей,
Ты славною смертью почил.
В борьбе за народное дело
Ты голову честно сложил...

Песня нарастала, звучала все громче и громче, наливалась неслыханной мощью. По лицу Дункан катились слезы...

И вдруг, когда необычайный хор гремел заключительными словами:

Но знаем, как знал ты, родимый,
Что скоро из наших костей
Поднимется мститель суровый
И будет он нас посильней! –

в хрустальных бра и люстрах зала, в прожекторах и софитах стал теплеть, разжигаться свет. Красноватый, потом желтый, солнечный и, наконец, ослепительно белый затопил потоками громадный театр и гигантский хор, который вместе со светом медленно поднимался со своих мест, потрясая зал последним рефреном:

Бу-дет по-силь-ней!

Одновременно взметнулся красный плащ Дункан — и медленно пошел вниз занавес.

Ни один режиссер не мог бы так блестяще театрально поставить эту сцену...».

Шнейдер, 75–78.

В.А.Пяст, контрамарку для которого брал у И.И.Шнейдера Есенин, в середине 1920-х годов так опишет свою первую встречу с поэтом в очерке «Встречи с Есениным»:

«...я захотел и в 1921 или 1922 году <...> побывать на вечере революционной Дункан – в бывшем Мариинском театре. Войдя в вестибюль, я стал, как полагается,

обдумывать способ получения контрамарки. Вижу, мимо проходит к артистическим в „шикарной“ шубе белокурый кудрявый юноша с лицом и дерзким, и ласковым, банальным и значительным одновременно. Меня осеняет мысль, что это – Есенин, о славе которого за границей, где о нем выпускают целые книги (называя „советским Распутиным“), рассказывал мне его (в проекте – и мой) издатель, доброжелательнейший и бесшабашный А.<М.>Сахаров. Проще всего обратиться за пропуском к нему. Иду наперерез, называюсь... С величайшей готовностью и любезностью Сергей Есенин (это оказывается именно он) откликается тотчас на мою нужду и выносит требуемый пропуск.

До сих пор я никогда не видал его, ни вблизи, ни издали; должно быть, узнал по где-нибудь виденному и в закоулках памяти оставшемуся портрету».

Альм. «Поэзия», М.: Мол. гвардия, 1982, № 45, с. 119.

Февраль, 10 и 11. Харбинская газета «Свет» (№ 820 и 821) публикует статью В.Гора «Советский Парнас» – отклик на сборник «Поэзия большевистских дней» (Берлин, 1921) со стихами Есенина:

«Маленькая, в неяркой обложке книжка издательства „Мысль“ в Берлине „Поэзия большевистских дней“. Сборник стихов новых русских поэтов. <...>

<После „Двенадцати“ А.Блока и „Молитвы о России“ И.Эренбурга> в сборнике идет:

Облаки лают,
Ревет златозубая высь...
Пою и взываю:
Господи, отелись!

Это Сергей Есенин. Неприятное коверканье языка, искусственные образы „лающих облаков“ и т. п. отталкивающе действуют на читателя, так же как порой загадочный смысл его произведений.

Но, вчитываясь, мы не можем отказать в какой-то внутренней убедительности стихов, в том, что их тяжелый зов дает нам известное настроение. <...> Непонятный образ, образ грядущего мы как будто начинаем чувствовать вместе с поэтом. Стих местами становится легким, хотя всё же порой не мешает дать себе отчет, поэт ли Божьей милостью перед нами или, в конце концов, балаганный, но без блеска клоун, дурачащий публику... <...>

Его нескладный стих действительно похож со всеми его странностями на мужицкие вирши. Его стих — гимн творчеству и творцам, смелости и размаху — это ощущение народных сил, неумолимо выбивающихся наверх.

Есенин не интернационалист. Его любовь к Родине глубокая и искренняя <...> лучшими стихами являются у Есенина те, где он сбрасывает с себя мантию пророческого величия, где он чутким ухом поэта ловит красоту родной природы, – например, его описания вечера, конского табуна в степи, пробуждения после дорожного ночлега, когда

...мелкий дождь своей молитвой ранней
Еще стучит по мокрому стеклу.

Но родина здесь, в минуты задумчивости и размышления, является поэту иной, чем в его пророческих грезах. Он видит родину разрушающейся, скованную сном <...>.

Поэтом овладевает грусть; и какие прекрасные строчки выливаются из-под пера поэта <приводится полностью стихотворение „Я снова здесь, в семье родной...“>».

О выходе сб. см.: до 19 янв. 1921.

См. также: Есенин, I, 487, 498.

Февраль, 11. Парижский журнал «Смена вех» (№ 16) в рубрике «Из России» печатает статью Е.Северской «Венец из терний и роз»:

«Передо мною последние сборники стихов Анны Ахматовой, Федора Сологуба и Сергея Есенина, только что вышедшие в Петербурге и Москве. Мне хочется разобраться в том, чем живут сейчас лучшие русские поэты».

Охарактеризовав книги А.А.Ахматовой и Ф.К.Сологуба, критик переходит к есенинской „Треряднице“:

«А вот и третий поэт, стоящий совсем особняком. Он пришел с простых полей и поет их неуклюжим степным языком, часто похожим на крик ягненка или жалобный вой собаки. Он пришел в город из деревенской первобытности и тоскует по дикой яблоне лесной, сок которой он до сих пор еще чувствует на своих губах. Это — Сергей Есенин. Он беснуется, дерзит, грубит, оттого что больно ему видеть неизбежное разрушение старого простого быта деревни. Он видит грандиозную ломку, он чувствует, что разбушевавшийся ураган непременно снесет соломенные крыши, что *новое,* твердо шествующее вперед, разрушит последнюю, любимую им, девственную дикость. И он приемлет это. С горечью – но приемлет.

Вот его стихи 1919–1921 гг. из „Трерядницы“, только что выпущенной в Москве <полностью приводится стихотворение „Я последний поэт деревни…“>.

Есенин давно уже видит неизбежность прихода „Железного Гостя“, он пытается в продолжение нескольких лет сражаться с ним, отвоевать в жизни место „дощатому мосту“, но в конце концов чувствует неизбежность разрушения последнего и сдается окончательно:

По-осеннему кычет сова
Над раздольем дорожной рани.
Облетает моя голова,
Куст волос золотистый вянет.
……
Скоро мне без листвы холодеть,
Звоном звезд насыпая уши.
Без меня будут юноши петь,
Не меня будут старцы слушать.

И примирившись с грядущим падением старого деревенского быта, Сергей Есенин заканчивает свою последнюю книгу следующими строками:

В сад зари лишь одна стезя,
Сгложет рощи октябрьский ветр.
Всё познать, ничего не взять
Пришел в этот мир поэт.

Ощупью, в жестокости и страданиях, но упорно шел и идет к своей великой цели русский народ. С ним, сплетая ему венец из терний и из роз, идут и его поэты... ».

Февраль, после 11 … Март (?). Выходит № 11 (13) журнала «Знамя» с рецензией Я.Зунделовича на сборник «Искусство старое и новое» (Пг.: Алконост, 1921; редактор К.Эрберг).

О времени события см.: Галушкин-2005, 2, 316.

Автор, в частности, отмечает:

«… через правду обузданной вещи придет человек, как говорит Иванов-Разумник, к правде нерукотворенной земли. Смутно еще ищем мы эту правду и не нашими словами говорить о ней, но ясно одно — без сияния этой правды мы жить

сейчас не можем. И остается нам, как далеким нашим предкам, впервые взглянувшим на мир, складывать мифы о новой Земле. Такие мифы и пытаются складывать, например, в России поэты, как Клюев и Есенин».

См. также: 20 мая 1921; до 8 июня 1921.

Февраль, 13. Есенин пишет запродажную:

«Расписка. Дана сия в том, что я, поэт С. Есенин, запродал т. Ионову для Петроградского отд<еления> Госиздата поэму „Пугачев“ третьим изданием, получив единовременно десять миллионов рублей. С. Есенин. 1922 февраль 13».

По другому документу получает деньги за будущее издание:

«Расписка. Девять миллионов рублей за проданную Петроградск<ому> отд<елению> Госиздата поэму „Пугачев“ получил С. Есенин. 1922 февраль 13».

Есенин, VII (2), 208.

На первой расписке имеются резолюция И.Ионова («Редколлегии. И.») и две пометы — в левом верхнем углу («XXIV ред.») и в левом нижнем углу («Принять к изданию»). Они связаны с рассмотрением вопроса об издании поэмы Есенина на заседании редакционной коллегии издательства (см.: 10 марта 1922).

На второй расписке рукой неустановленного лица (возможно, бухгалтера) простым карандашом между словами «проданную» и «петроградск<ому>» вписано слово «рукопись», а после слова «Пугачев» написано: «в окон<чательный> расчет». Слова «девять миллионов» жирно подчеркнуты синим карандашом рукой И.И.Ионова. В нижнем левом углу листа стоит его резолюция: «В расход. И. Ионов».

Сумма во второй расписке на 1 млн. руб. меньше указанной в предыдущей расписке. Возможно, выплате Есенину 9 млн. руб. «в окон<чательный> расчет» предшествовала выдача одномиллионного аванса, документы о котором в архиве Петроградского отделения Госиздата (ЦГАЛИ СПб., ф. 35) не выявлены. Не исключено, впрочем, что это «разночтение» в сумме связано со взиманием подоходного налога.

Есенин, VII (2), 314–315.

Книга Есенина «Пугачев» в Госиздате не выходила.

Вечером Есенин присутствует на заключительном выступлении А.Дункан в Мариинском театре.

Событие устанавливается по свидетельству И.И.Шнейдера (см.: 22, 24 и 26 дек. 1921). Дата выступления танцовщицы значится в «Недельной программе театров»: «Понедельник. 13 февраля вторая гастроль босоножки Айседоры Дункан. Программа: Вагнер: 1) Тангейзер; 2) Тристан и Изольда; 3) Лоэнгрин; 4) Полет валькирий. Симфонический оркестр академической оперы под управлением Голованова. Начало в 7 ч. вечера» (газ. «Жизнь искусства», Пг., 1922, 31 янв., № 5).

В тот же вечер художник К.А.Сомов записывает в дневнике:

«Вечером на вечере Айседоры Дункан в ложе бенуара. Несмотря на сделавшееся безобразным тело, она была и интересна чем-то новым и значительным, многое было прекрасно и вдохновенно. Но старость не дает ей возможности танцевать легко и быстро, как бывало прежде, многое в ней безобразно: ноги, повисшие груди, толстое лицо с мешком под подбородком, который она скрывает тем, что держит голову вверх. В вакханалии „Тангейзера“ <Вагнера> она была прекрасной».

Сб. «Константин Андреевич Сомов». М.: Искусство, 1979, с. 207.

См. также: IE, 48–49; 265–266.

Ньюйоркская газета «Новое русское слово» (№ 3306) в разделе «На родине» печатает информацию без подписи «Имажинисты»:

«Издательство „Имажинисты“ в Москве выпустило новый сборник стихов Сергея Есенина под названием „Трерядница“. Готовятся к печати книги первая и вторая сборников С.Есенина „Ржаные кони“» (не выходили).

См.: 9 янв. 1922.

Февраль, 14. Есенин возвращается из Петрограда в Москву.

Есенин, VII (3), 325.

Февраль, 15. В Большой аудитории Политехнического музея проходит второй вечер В.В.Маяковского «Чистка современной поэзии». Среди подвергнутых «чистке» – Есенин.

Событие устанавливается по записи И.Н.Розанова, сделанной в тот же день:

«15 февр. Среда <...>. Вечером чистка поэтов Маяковским. (Есенин и имажинисты), символисты (Сологуб, Чулков, Ходасевич)».

Дневник Розанова, ед. хр. 6, л. 15 об.

В.В.Катанян (Катанян, 224) и А.Ю.Галушкин (Галушкин-2005, 2, 322) дают другую дату вечера – 17 февр. 1922.

Через три месяца Есенин перескажет оценки В.Маяковского, сделанные в ходе «чистки», берлинскому интервьюеру, который опубликует их уже в своем изложении:

«Анна Ахматова – дрянная, мыльная поэтесса, Брюсов – канцелярист, Бальмонт – „чирикало“, Городецкий – „серпом траву косит“, Мариенгоф – „годен для гужевого транспорта“, Белый – хороший прозаик, и только Кусиков – настоящий поэт, а Есенину принадлежит первое место в поэзии, хотя он „представитель другой стихии“».

Газ. «Накануне», Берлин, 1922, 16 мая, № 41, в материале «У С.А.Есенина: (Беседа)» (подпись: А. В.). Слова, взятые автором интервью в кавычки, скорее всего, принадлежат Есенину.

См. также: Есенин, VII (1), 345–348, 552–555.

Приведенный Есениным отзыв В.Маяковского находит подтверждение в воспоминаниях А.Е.Крученых «Наш выход»:

«...несколько сочувственных слов Маяковский сказал о Есенине, который присутствовал в зале, несмотря на решение имажинистов бойкотировать чистку».

Цит. по: Катанян, 223.

Февраль, 16. Рижская газета «Новый путь» (№ 312) публикует статью без подписи «Литературная Москва: (открытка)»:

«До самого последнего времени московская литература существовала, что называется, либо в изустном, либо в рукописном виде:

1-ый вид:

Несколько молодых людей, одаренных средней грамотностью и совершенно не способных к какому-либо труду, подыскивали подходящее (или даже неподходящее – всё равно!) помещение на бойком месте. После этого к ним присоединялся необыковенно трудоспособный „компаньон“, орудовавший у буфета.

Образовывалось – „кафе поэтов“.

„В двенадцать часов по ночам“ на эстраду перед столиками выскакивал молодой человек мужского или женского пола и в течение пятнадцати минут демонстрировал плоды своего вдохновения. Затем программа заканчивалась, и „аудитория“ могла беспрепятственно доедать пирожные и допивать кофе. Поэты делили выручку и расходились по домам.

Такова эмбриология „Стойла Пегаса“ (в котором действительно было стойло, но никогда не было Пегаса). Такова вообще эмбриология всей московской изустной литературы».

Февраль, 17. Петроградский журнал «Книга и революция» (№ 3) информирует:

«В издании „Эльзевир“ вышла поэма Есенина „Пугачев“».

О дате выхода журнала см.: Галушкин-2005, 2, 322.

См. также: не позднее янв. 1922; 4 февр. 1922.

Февраль, 19. В Доме печати Есенин читает стихи на «американском аукционе» в пользу голодающих Поволжья.

О событии и его дате см.: 21 февр. 1922.

Февраль, 20. Казанская «Литературная газета» (№ 6) публикует:

– информацию (без подписи):

«„Эльзевир“ заканчивает печатанием книгу Жирмунского „Валерий Брюсов и наследие Пушкина“, готовит книги Пяста, Эйхенбаума („Сквозь литературу“), Жирмунского („Байронизм Пушкина“), С.Клычкова, С.Есенина, Мариенгофа и Доливо-Добровольского“.

См. также: Юсов-94, 32;

– отклик (за подписью: М.) на книгу Н.А.Клюева «Четвертый Рим» (Пг.: Эпоха, 1922):

«Н.Клюев — настоящий, но всё же лишь будущий поэт; стих его кипит и бурлит, чем и можно оправдать накипь слов, часто ненужных, не удержанных на языке чувством художественной меры. Своей маленькой книжкой он, по-видимому, хочет воздвигнуть стену между творчеством своим, как прежде — непосредственным, и творчеством Сергея Есенина, отлакированного и оцилиндрованного в московском „Стойле Пегаса“. К литературе ведет путь Клюева; Есенин рискует оказаться за ее бортом, в неизменном обществе Мариенгофа и К°».

Выдвинуто предположение, что автор этих строк – М.А.Осоргин (Галушкин-2005, 2, 298).

См.: нояб. 1921 (последняя запись); до 28 янв. 1922; 1 февр. 1922; 8 мая 1922.

Берлинская газета «Время» (№ 190) печатает статью Г.В.Алексеева «На пустырях»:

«Каждый день выбрасываются на прожорливый читательский рынок Берлина, Праги, Вены и Парижа десятки новых изданий <…>

Нет <в них> творческого горения подлинного…

Нет силы бывалой. <…>

Звучности той, яркости, огнецвета пламенного…

А в смену пришло: – оттуда матерщина, увенчанная стихом; богохульство, продетое в догмат; заумное мяуканье имажинистов; свистопляска закусившего удила слова – Маяковские и Шершеневичи, молитву сотворяющие заборной надписи; Есенины и Клюевы – хлысты гармонии и мысли; Мариенгофы, Пастернаки, Кусиковы, воззревшие пуп собственный на солнце золотом и в пуп оный, как в пуп земли, уверовавшие… и дамы, дамы без конца…»

Февраль, до 21. Выходит петроградский журнал «Вестник литературы» (№ 2–3, за февраль-март).

О границе события см.: Галушкин-2005, 2, 325.

В номере публикуются:

– рецензия Б.А. Масаинова (подпись: Анибал Борис) на книгу Есенина «Пугачев» (М.: Имажинисты, 1922):

«Есенинский герой не просто Емельян Пугачев, каким его знает история, а имажинист Пугачев, и если бы автор снабдил свою поэму, вернее, лиро-драму, ремарками, то под героем значилось бы: „Пугачев — мечтательный молодой человек в цилиндре, красные бриджи, смокинг".

Это предположение оправдывают и словечки, разбрасываемые Емельяном, вроде „зенит", „флот", „Тамерлан", и целые фразы <...>.

Остальные персонажи также взяты неверно и производят комическое впечатление. Так сторож в 1 картине (и это тем более странно, что Есенин сам крестьянин и великолепно знает быт их) явлен деликатным пейзаном, хорошо знакомым с теорией шарообразности земли (его фраза — „Вертеть ногами сей шар земли"). <...>

Все действующие лица — отчаянные лирики и резонеры, их кукольные диалоги пестрят стереотипными фразами вроде: „Что это значит?", „Боже мой, что я слышу" и т. п.

Вся вещь необыкновенно статична и беспомощна, в ней нет центрального ядра, вследствие чего все восемь картин пьесы распадаются, как механически сцепленные.

В передаче эпохи автор ошибся на полтораста лет, и действие „Пугачева" безошибочно можно отнести к 1921 г.

Неприятно поражает убожество мысли поэмы, не идущей дальше таких замызганных истин: „Для помещика мужик Всё равно что овца, что курица" и „Не сожрешь — так сожрут тебя ж" <...>.

Стих „Пугачева" вял и неуклюж, образы громоздки и надуманны. В одних автор повторяет себя, в других заметно постороннее влияние Мариенгофа и Шершеневича. <...>

Влияние имажинистов сказывается и в общей структуре „Пугачева", и в образах, и в нецензурных словечках, одно из которых напечатано даже с большой буквы.

В этой вещи почти ничего нет от „голубоглазого" Есенина, автора „Радуницы" и „Преображенья". Сейчас его творчество под знаком чуждых ему по духу влияний вступило в какую-то темную полосу».

См. также: Есенин, III, 488;

– заметка без подписи «Александр Кусиков и Борис Пильняк в Доме литераторов»:

«13 января в Доме Литераторов читали петроградским писателям свои произведения поэт-имажинист Александр Кусиков и беллетрист Пильняк. <...> И самым интересным в выступлении Кусикова мы считаем его имеющий историко-литературное значение рассказ о том, что имажинисты, которых, как известно, всего лишь четверо, раскололись на два направления: на „правых" (Кусиков и Серг. Есенин) и на „левых" (Шершеневич, — он же, по выражению Кусикова, „Имажиневич", — и Мариенгоф). Камнем идейного раздора послужило, по словам Кусикова, отношение имажинистов к образу, составляющему, как известно, догму этого литературного течения. „Правые" — считают образ средством и, соответственно с этим, поэзию делят на нужную и ненужную, в то время как „левые" считают образ самоцелью и совсем не интересуются содержанием. Таким образом, „правым" важно, что написать, а „левым" — как написать, независимо от содержания».

См.: 13 янв. 1922.

Февраль, 21. Газета «Правда» (№ 41) в заметке «На голодном фронте: Аукцион книг» сообщает:

«Устроенный Домом печати в воскресенье, 19 февраля, во время спектакля американский аукцион книг и автографов с участием Владимира Маяковского прошел весьма успешно. Выручено в общей сложности с аукциона и права выхода из Дома печати около 40 000 000 р.

Книга Маяковского „Всё сочиненное Вл. Маяковским“ прошла за 18 900 000 р., автограф присутствовавшего в зале Литвинова за 5 250 000 р., за выступление с чтением стихов С.Есенина было собрано 5 100 000 р. Все деньги переданы в Губернскую комиссию помощи голодающим при Главполитпросвете».

См. также: 19 февр. 1922; 2 марта 1922.

Еженедельник «Экран» (№ 22; за 21–28 февраля) в рубрике «Библиография» помещает рецензию Я.В.Апушкина «Есенин — „Пугачев“»:

«Знаменателен тот факт, что современная поэзия, почти всецело находившаяся доселе в плоскости лирики, начинает тяготеть к эпически-монументальному. Этот процесс расширения круга тем идет медленно, но явственно.

„Пугачев“ Есенина является одной из первейших попыток несомненно крупного поэта вырваться из лирики и дать какую-то эпическую ширь и глубь; отрешиться от себя и потопить себя в героях, действии, обстановках. И не потому ли Есенин избрал драматическую форму для своего „Пугачева“ — форму, наиболее полно укрывающую автора?

Конечно, потенциально „Пугачев“ драматичен; конечно, — в нем есть драматическая форма — разделение на сцены, диалог и пр. Но всё это дается постольку, поскольку это может быть дано и в романе.

И мы не знаем, что перед нами: драматическая поэма, претендующая быть пьесой, или пьеса, претендующая на звание поэмы? Но и в том и в другом явственно, что нет очерченных и определенных героев. Все герои и даже сам Пугачев кажутся эпизодическими лицами, фантомами, возникающими из тьмы, уходящими в нее, но не бороздящими толщу сознания и бытия ни волею своею, ни действием. Они марионетки — и даже не в руках судьбы, — они марионетки автора, пожелавшего стать хозяином героического балагана.

Во всей вещи, на каждой строке, в каждой сцене мы ясно видим Есенина-лирика. Везде и во всем видим характерные есенинские приемы и образы.

Но Есенин большой и темпераментный поэт, и там, где есть возможность развернуться его лирическому темпераменту — он дает незабываемые строки. Такова речь Пугачева о мятежниках, о принятии им имени Петра и т. п. — по существу задерживающая действие, но и заставляющая просто забывать о нем своим размахом и силой.

И это искупает многое, и это дает уверенность, что Есенин преодолеет, когда захочет, свой „лиризм“ и выберется из имажинистической трясины, засасывающей многих, — а в частности, и Пугачева».

Февраль, 22. Рижская газета «Новый путь» (№ 317) печатает статью Э.Ф.Голлербаха «Еще о Конёнкове», где говорится о Есенине.

Являясь откликом на книгу С.Т.Григорьева «Образ Конёнкова: Корни, ствол, крона, цвет, зерно» (М.: Саав, 1921), статья содержит дополнительные штрихи к литературному портрету скульптора. Завершая свои зарисовки, Э.Ф.Голлербах замечает:

«Есть люди, умеющие подойти к Конёнкову, найти какой-то общий с ним язык и растрогать его темную, звериную, „мужицкую“ душу. Умеют это Шаляпин, Есенин, Кончаловский».

См.: до 29 сент. 1921.

Февраль, 25. Журнал «Летопись Дома литераторов» (№ 8/9) в «Сведениях о новых книгах» называет есенинский «Триптих: Поэмы» (Берлин: Скифы, 1920).

См.: до 21 нояб. 1920.

См. также: Юсов-94, с. 24.

Февраль, 26. Рижская газета «Сегодня» (№ 47; рубрика «Театр и искусство») дает анонс «Футуризм (к лекции В.В.Третьякова)» (подпись: Роланд):

«Футуризм – явление не только изумительное, но и чрезвычайно понятное, особенно в Италии <...>.

А теперь в России он самое модное течение <...>.

Литература футуризма уже сейчас чрезвычайно богата.

А кто в ней – мы услышим от талантливого В.В.Третьякова в эту среду <1 марта> на его лекции в зале Русского общества. Он будет говорить о Северянине, Маяковском, Есенине и др.

Это чрезвычайно ново, очень интересно и вызовет немало споров».

В отклике на лекцию (газ. «Сегодня», Рига, 1922, 3 марта, № 51; подпись: Энд) Есенин не упомянут.

Берлинская газета «Новый мир» (№ 1; раздел «Литературная хроника») сообщает о выходе книги Есенина «Пугачев» в петроградском издательстве «Эльзевир».

См. также: Юсов-94, 32.

В чешской газете «Venkov» (Прага; № 49) публикуется статья Франтишека Кубки «Русская деревня в поэзии Есенина».

Февраль, до 28. В.Г.Шершеневич читает свою «американскую мелодраму» «Дама в черной перчатке».

В обсуждении участвуют М.Н.Гаркави, Б.Р.Эрдман, М.Д.Ройзман, Н.И.Львов и др.

Граница события устанавливается по отчету о нем («Театральная Москва», 1922, № 29; за 28 февр. – 5 марта).

По мнению Н.И.Шубниковой-Гусевой, «мелодрама» В.Г.Шершеневича является одним из источников варианта есенинской поэмы «Черный человек» — «Человек в черной перчатке» (Шубникова-Гусева, 563–567).

См.: 9 мая 1922 (четвертая запись).

Февраль, 28. Журнал «Театральная Москва» (№ 29, за 28 февраля – 5 марта) публикует статью В.Шершеневича «Проект празднования для всеобщего лобызания (Подражание кому-то)» о театральной политике с упоминанием Есенина и Дункан:

«В отдаленную эпоху (918–921) воевали все со всеми. Не только поэты с художниками, режиссеры с музыкантами. Враждующие делились по принципам

самой фантастической логики: враждовали имажинисты и пролетарские писатели, неоклассики и революционные драматурги, футуристы и Актео, Мут или Моно; словом, все эти центры напоминали Пирра: еще одна такая реформа — и я останусь без театра. <...>

Нынче всё умиротворилось. <...>

Братаются по принципу встреч. Кто кого увидит, тот с тем и примиряется. Немирович хвалит Южина, Южин рассыпается перед Таировым; Иванов-Разумник сливает в один жбан Есенина и Клычкова, Луначарский в восторге от Мейерхольда и Грановского. Символист Брюсов упоен футуристом Пастернаком, заодно пополняя цитатами из акмеистки Адалис свою книгу, футурист Каменский закончил пьесу для 3 Студии. <...> Словом, пафос войны сменился фиксатуаром дружбы. <...>».

Февраль. Есенин пишет стихотворение «Все живое особой метой...»

Есенин, I, 155, 574.

См.: 14 мая 1922.

Выходит книга «Конский сад: Вся банда (Грузинов, Есенин, Ивнев, Кусиков, Мариенгоф, Ройзман, Шершеневич, Эрдман)» (М.: Имажинисты, 1922).

В сборнике напечатан отрывок из есенинского «Пугачева».

Юсов-94, 88.

См. также: 26 марта 1922.

Варшавский журнал «Nowa sztuka» (№ 2) печатает отрывок из поэмы Есенина «Инония» в переводе Б.Жираника.

Сообщено Л.Д.Григорьевой.

Петроградский ежемесячный журнал «Библиографические листы русского библиологического общества» (№ 2) помещает информацию А.И.Малеина о выходе в свет книги Есенина «Пугачев» в петроградском издательстве «Эльзевир» (подпись: А.М.).

Об авторстве заметки см.: Галушкин-2005, 2, 273, 677. Существует мнение, что она написана А.В.Мезьер (Юсов-94, 32).

Берлинский журнал «Сполохи» (№ 4, за февраль) дает объявление:

«Издательство „Мысль“.

Общедоступная библиотека „Книга для всех“.

Поступили в продажу:

<...> № 2–3. Поэзия большевистских дней (Блок, Эренбург, Есенин, Каменский, Шершеневич и др. ».

Февраль (?). Журнал «Трудовая мысль» (№ 2), орган Тверского губернского оргбюро партии левых эсеров (интернационалистов), помещает стихотворение М.С.Дудорова «Сергею Есенину» с эпиграфом «Я последний поэт деревни...».

Завершается оно строчками:

Не пробили часы деревянно
Твой последний двенадцатый час.

Март, 1. Рижская газета «Новый путь» (№ 323) анонсирует вечер в кафе «Стойло Пегаса», на котором «Есенин расчихвостит Маяковского, для каковой цели последнему предлагается явиться».

Другие сведения о мероприятии не выявлены.

Газета «Кооперативное дело» (№ 25; рубрика «Библиография») помещает заметку без подписи «„Поэтическое засилье“ (прогулка по книжным полкам)»:

«В хлынувшем на книжный рынок потоке сильно бросается в глаза „поэтическое засилье“ <...>.

Валерий Брюсов представлен в книжных лавках сборником „В такие дни“ (Госиздат, М.), объединяющим главным образом стихи, посвященные революции. <...> Из последних изданий наиболее шумной из поэтических группировок – имажинистов – назовем поэму Сергея Есенина „Пугачев“, трагедию А.Мариенгофа „Заговор дураков“ и готовящийся к печати сборник стихов названных поэтов – „Эпоха“. <...> стихи сейчас наиболее ходкий книжный товар».

Выходящая в Софии газета «Русское дело» (№ 80) печатает заметку «Запоздалые речи» (подпись: Вэвэн):

«Приближается пятая,– да! – пятая годовщина „великой, бескровной“ <...>. Попробуйте взять писателей поближе к нам <...>.

„Демократия бесится на всех, воспевающих любовь. К чему воспевать розу, аристократ? Воспевай демократический картофель, прокармливающий народ“.

Это уже совсем про Россию писано. Даже не Тан, в 1905 году вдохновлявшийся „баллотировкою всеобщей, равной, тайной“ <речь идет об одном из стихотворений В.Г.Тан-Богораза>. Теперь он не смеет, конечно, петь: „и Учредительный да здравствует Собор“. Демьян Бедный далеко переплюнул Тана. Да и Есенин не отстает».

Март, 1...15. Выходит журнал «Культура и жизнь» (№ 2–3), где публикуются:

– стихотворение Есенина «Волчья гибель» («Мир таинственный, мир мой древний...»).

См. также: Есенин, I, 157–158, 576–578;

– рецензия Е.И.Шамурина (рубрика «Библиография»):

«Вышел „Пугачев“ С.Есенина. Вещь, о которой много говорилось в литературных кругах задолго до ее появления, на которую частью литературной Москвы возлагались большие надежды.

Оправдались ли эти надежды? Представляет ли из себя „Пугачев“ действительно сколько-нибудь значительное явление в современной литературе?

К сожалению, несмотря на всю благожелательность нашу к С.Есенину, на этот вопрос приходится ответить отрицательно.

Что такое есенинский Пугачев?

Меньше всего это историческая фигура.

Пугачева Есенин толкует как революционера, как идейного борца за казачью вольность, борца за освобождение угнетенной яицкой бедноты от ига екатерининских эксплуататоров и палачей. С исторической точки зрения можно держаться различных взглядов, но не в этом дело, — разве художник не вправе по-своему, чисто субъективно истолковать историческую фигуру? Ведь в конце концов каждое художественное произведение субъективно. И делать Есенину упреки за то, что в его поэме мало истории или мало быта, как это делают некоторые критики, просто-напросто нелепо.

Слабость „Пугачева" в другом.

Пугачев Есенина не реален. Он — романтическая фигура, плод творческой мечты поэта. И, приняв это положение, нельзя требовать от поэта внешнего соответствия его Пугачева подлинно существовавшему, реальному Пугачеву.

Но, кроме внешнего реализма, кроме духа истории и быта, во всяком художественном образе должна быть известная внутреняя логика, внутренняя логическая оправданность каждого мазка, каждой черточки, каждого штриха. Если этого нет, — образ внутренне дисгармоничен, образа как художественной ценности просто-напросто нет, а есть одно лишь пустое и, как всякая пустота, неприятное место.

Значит, не в быте, не в истории дело, а во внутренней завершенности, в органической цельности образа.

Как раз этого-то необходимого свойства, без которого художественное произведение никогда не будет подлинно художественным, в есенинском „Пугачеве" нет. И в этом его слабая сторона.

Для того чтобы составить себе представление о Пугачеве Есенина, достаточно открыть первую страницу поэмы. Вот как говорит у Есенина Пугачев <приводит примеры имажинистских образов>.

К чему такая имажинизация речи Пугачева? Своей ненужной надуманностью она бьет в глаза, не дает возможности сосредоточиться на образе Пугачева. „Ржет дорога", „головы моей парус" — не говоря уже о неудачности этих образов, взятых сами по себе, — они совершенно неуместны в устах Пугачева, пусть даже оромантизированного или имажинизированного. Они лежат где-то *вне* поэмы, образа Пугачева, не имеют внутренней логической связи с ними и потому режут ухо, кажутся нестерпимо фальшивыми.

Это тем более досадно, что в поэме много прекрасных мест — образных, ярких, сильных. Да и сами образы: наряду с нелепейшими „головы моей парус", „ржет дорога", в поэме разбросано немало чудесных образов, запоминающихся при первом же чтении.

Тридцать тысяч калмыцких кибиток, ушедших из Самары на Иргиз, –

Потянулись в свою Монголию
Стадом деревянных черепах.

Или:

Это осень вытряхивает из мешка
Чеканенные сентябрем червонцы.

Еще:

Мозг, как воск, каплет глухо, глухо.

Иногда эти образы органически связаны с речью Пугачева и других действующих лиц, но часто (к сожалению, слишком часто!) прицеплены так же искусственно, ненужно, как и в первом, цитированном выше отрывке.

Из образа Пугачева то и дело выглядывает чье-то постороннее кривляющееся лицо.

„Имажинизированы" и испорчены не только Пугачев, но и другие действующие лица. Но этого еще мало: назойливо действует не только однообразное загромождение речи героев поэмы образами, но и необычайное однообразие в построении их речи. Все они нет-нет да и сбиваются на язык В.Шершеневича и В.Маяковского, то неизменно повторяя по три раза одно и то же слово (дешевый ритмический прием), то вставляя в свои реплики излюбленное Маяковским словечко „послушайте".

Эти огромные стилистические недостатки поэмы, нарочитая ее искусственность, переходящая в безвкусие и фальшь, не искупаются интересным замыслом, прекрасными отдельными местами, яркостью и образностью отдельных метафор, эпитетов, смелостью и звучностью рифм.

Большое дарование С. Есенина чувствуется, как и во всех его вещах, и в „Пугачеве", и тем горше сознание безнадежности того пути, на котором он стоит. Только окончательный разрыв с „художественными приемами" бездарного Мариенгофа и Шершеневича спасет поэта, прекратит это нелепое, систематическое если не самоубийство, то самоизуродование художника. Только коренная переделка „Пугачева" сделает из него произведение подлинно ценное, большое, такое, которое оправдало бы предшествовавшие его появлению ожидания и надежды».

Март, 2. Исполбюро Профессионального цеха поэтов при Цекиспросе устраивает в Большой аудитории Политехнического музея вечер «Помгол поэтов».

Газ. «Правда», 1922, 2 марта.

Объявляется участие А.Луначарского (вступительное слово), В.Маяковского, В.Брюсова, М.Герасимова, В.Кириллова, С.Есенина, С.Клычкова и др. «Сбор от вечера поступает в пользу голодающих».

Из отчета:

«Выйдя на усиленные вызовы публики, Маяковский заявил, что прочтет свою новую вещь, пролог к „Четвертому Интернационалу", только в том случае, если публика хорошо пожертвует в пользу голодающих. В результате обхода аудитории Маяковским была собрана значительная сумма, которая вместе с пожертвованиями присутствующих поэтов составила 16 миллионов рублей, здесь же переданных члену комиссии Помгола».

Есенин в отчете не упомянут.

См также: 19 февр. 1922 и 21 февр. 1922.

Март, 3. Софийская газета «Русское дело» (№ 81; рубрика «Литературная пятница») помещает статью Е.В.Аничкова «Судьбы русской поэзии»:

«Никогда ни в какой литературе не было поэзии с таким невероятно широким диапазоном, как теперь в нашей, и именно сейчас, в эти страшные годы войны и революции. Тянутся, каждая совершенно самостоятельная, противоречащие друг другу решительно во всем школы и группы поэтов, от Ивана Бунина, не принявшего, кажется, даже Тютчева и Фета, до самого Есенина. Это с точки зрения искания новых ритмов и образов <в газетном тексте ошибочно: „образцов">. А в смысле поэтического настроения,

серьезности, искания тайн неразгаданных человеческого сознания, опять тот же простор: от углубленности Вячеслава Иванова до легкомысленной пустоты последних сборников Игоря Северянина <...>. Нет, „массы перестали быть массами“. Они заговорили человеческим языком, и отсюда своего рода новый гуманизм, возрождение русского поэтического слова от оцепенения. И поэты-пролетарии туда же. Оказались поэты как поэты. Сколько ни читаю, когда попадаются стихи Есенина, вовсе и к нему не применима эта тупая рубрика: „поэт из народа“».

Март, до 6. Есенин, С.А.Клычков и А.В.Луначарский оказывают Н.А.Клюеву, живущему в Вытегре, материальную помощь.

Об этом Есенин напишет Иванову-Разумнику:

«...Клюев засыхает совершенно в своей Баобабии. Письма мне он пишет отчаянные. Положение его там ужасно, он почти умирает с голоду.

Я встормошил здесь всю публику, сделал для него, что мог, с пайком и послал 10 милл<ионов> руб. Кроме этого, послал еще 2 милл<иона> Клычков и 10 — Луначарский.

Не знаю, какой леший заставляет его сидеть там? Или „ризы души своей“ боится замарать нашей житейской грязью? Но тогда ведь и нечего выть, отдай тогда тело собакам, а душа пусть уходит к Богу».

Есенин, VI, 131.

См. также: до 28 янв. 1922.

Март, 6. Есенин пишет Иванову-Разумнику в Детское Село:

«От 9–12 февраля я был в Питере, так, случайно, без всякого предположения; искал Вас, но мне сказали, что Вы бываете только по пятницам (а я приехал как раз в 10 ч. вечера в пятницу <но пятница приходилась на 10-е число, а 13 февраля Есенин еще был в Петрограде; см. соответствующие записи выше>), очень был огорчен тем, что даже и по телефону нельзя было поговорить.

Журналу Вашему или сборнику обрадовался тоже чрезвычайно. Давно пора начать — уж очень мы все рассыпались, хочется опять немного потесней „в семью едину“, потому что мне, например, до чертиков надоело вертеться с моей пустозвонной братией <...>».

Далее Есенин пишет о Н.А.Клюеве:

«Чужда и смешна мне, Разумник Васильевич, сия мистика дешевого православия, и всегда-то она требует каких-то обязательно неумных и жестоких подвигов. Сей вытегорский подвижник хочет всё быть календарным святителем вместо поэта, поэтому-то у него так плохо всё и выходит.

„Рим“ его, несмотря на то, что Вы так тепло о нем отозвались <см.: 1 февр. 1922>, на меня отчаянное впечатление произвел. Безвкусно и безграмотно до последней степени со стороны формы. „Молитв молоко“ и „сыр влюбленности“ — да ведь это же его любимые Мариенгоф и Шершеневич со своими „бутербродами любви“.

Интересно только одно фигуральное сопоставление, но увы — как это по-клюевски старо!.... Ну, да это ведь попрек для него очень небольшой, как Клюева. Сам знаю, в чем его сила и в чем правда. Только бы вот

выбить из него эту оптинскую дурь, как из Белого — Штейнера, тогда, я уверен, он записал бы еще лучше, чем „Избяные песни“».

Есенин рассуждает о современной ему литературе и о себе:

«Еще раз говорю, что журналу Вашему рад несказанно. Очень уж опротивела эта беспозвоночная тварь со своим нахальным косноязычием. Дошли до того, что Ходасевич стал первоклассным поэтом. ?.. Дальше уж идти некуда. Сам Белый его заметил и, в Германию отъезжая, благословил.

Нужно обязательно проветрить воздух. До того накурено у нас сейчас в литературе, что просто дышать нечем.

В Москве себя чувствую отвратительно. Безлюдье полное. Рогачевские и Сакулины больше ценят линию поведения, чем искусство, и хоть они ко мне хорошо относятся, но одно осознание, что видишь перед собой алжирского бея с шишкой под носом, заставляет горько смеяться и идти лучше в кабак от сих праведников. Нравы у них миргородские, того и гляди, вбежит свинья и какой-нибудь важный документ съест со стола души.

А в других местах только и видишь бекеши со смушками. Ни лица, ни ног, ни рук, ни глаз, одни только обычаи „хорошего тона“. Поэзия там наравне с вином и блинами расценивается. Устал я от всего этого дьявольски! Хочется куда-нибудь уехать, да и уехать некуда. Вероятно, после пожара всегда так бывает. С тоски перечитывал „Серебряного голубя“. Боже, до чего все-таки изумительная вещь. Ну разве все эти Ремизовы, Замятины и Толстые (Алекс.) создали что-нибудь подобное? Да им нужно подметки целовать Белому. Все они подмастерья перед ним. А какой язык, какие лирические отступления! Умереть можно. Вот только и есть одна Радость после Гоголя.

Живу я как-то по-бивуачному, без приюта и без пристанища, потому что домой стали ходить и беспокоить разные бездельники, вплоть до Рукавишникова. Им, видите ли, приятно выпить со мной! Я не знаю даже, как и отделаться от такого головотяпства, а прожигать себя стало совестно и жалко.

Хочется опять заработать, ибо внутри назрела снова большая вещь».

Есенин, VI, 132–133.

См. также: Есенин, VI, 512–522.

Есенин пишет С.Т.Григорьеву:

«Дорогой Сергей Тимофеевич! Будьте добры, если сможете, то проведите еще 100 экз<емпляров> Пугачева <имеется в виду книга в изд-ве „Эльзевир“>. Я сейчас очень нездоров, и мне очень нужны деньги».

Есенин, VI, 134.

См. также: Есенин, VI, 522.

Журнал «Театральная Москва» (№ 30, за 6–11 марта) публикует статью В.Шершеневича «Торжествующий анекдот»:

«Как клеймили Есенина за то, что в „Пугачеве“ он заменил щепетильное и сюсюкающее „проститутка“ здоровым и крепким русским синонимом; какие помои выливали на него же за то, что медицински-импотентное слово „мочиться“ было отвратно для поэта. Но что все это по сравнению с той похабщиной пошлости, которая сейчас расцветает.

Аудитория идет к «нэпвеселью». <...> Смех бывает двух родов: или героический, или мещанский. У нас в моде второй. <...>

Нужна всеобщая мобилизация работников нового искусства против устремленного на нас анекдота».

Март, до 7. В серии «Книга для всех» (вып. 57–58) берлинского издательства «Мысль» выходит сборник «Поэзия революционной Москвы» (составление и предисловие И.Эренбурга).

В книгу вошли стихотворения Есенина: «Дождик мокрыми метлами чистит...» <«Хулиган»>; «Видели ли вы...» (отрывок из поэмы «Сорокоуст», строки 39—60); «Чорт бы взял тебя, скверный гость!..» (отрывок из поэмы «Сорокоуст», строки 61—76); «Бедные, бедные крестьяне!..» (отрывок из поэмы «Исповедь хулигана», строки 22—39); «Я последний поэт деревни...»; «Я покинул родимый дом...»; «Песнь о собаке»; Клюеву <«Теперь любовь моя не та...»>; «Буду петь, буду петь, буду петь...» (отрывок из поэмы «Кобыльи корабли», строки 65—80).

Событие и его граница устанавливаются по информации в газ. «Голос России», Берлин, 1922, 7 марта, № 909.

Центральный Дальневосточный комитет общественных организаций по оказанию помощи голодающим России выпускает в Чите книгу «Печаль полей: Сборник первый» со статьей В.М.Левина «В борьбе за слово: О новейших течениях в русской поэзии» (подпись: В.Мечтатель), где рассматривается творчество Есенина.

Граница события устанавливается по информации в благовещенской газете «Амурская правда» (1922, 7 марта, № 593).

В статье говорится:

«Живучести русского художника уже давно дивился весь культурный мир. <...>.

И так – до наших дней: в недавний период николаевской реакции (906–916 гг.) на смену старым поэтам и творцам искусства слова пришли „гречневые гении“ – Николай Клюев,Сергей Есенин и „ломовой извозчик поэзии“ Вл. Маяковский.

И, наконец, в последний период – нынешний (1918–1921) продолжают цвести многие прежние (Есенин, Белый) и расцвели новые – В. Шершеневич, А. Кусиков и др.

Я знаю: в списке вышеперечисленном многих недостает, но и его достаточно для того, чтобы с удивлением остановиться перед закономерным явлением — *расцвета творчества поэтов в тяжелые исторические периоды.* Именно в эти периоды народились у нас:

Реалисты,
Символисты,
Футуристы,
Имажинисты.

И как ни отплевывалась от них „чернь“ русского общества – рутинеры и ханжи, как ни ненавидела она всех этих поэтов от Пушкина до Маяковского и Есенина, они без предварительного разрешения вошли в великий „Храм Мечтателей“, именуемый русской литературой.

Победа осталась не за „массой“, а за правдой. Этой правдой в русском искусстве слова были наши славные поэты, чьи песни гремят по всему Старому и Новому свету. Не говоря уже о Пушкине, Толстом, Достоевском и иных „стариках“, даже А. Блок, Маяковский и Есенин – переведены (и переводятся) ныне почти на все европейские языки. И только по-прежнему плохо их знают и ценят знающие русский язык.

Это – тоже закон для русского быта.

При жизни плюемся, а после смерти:

— Ах! Ох! Их!

И памятники ставим.

Без них „чернь“ общества никак не может себе представить гения.

Напрасное беспокойство. Подлинный гений воздвигает себе памятник „нерукотворный, к нему не зарастет народная тропа“ — без памятника рукотворного.

* * *

Реалисты, символисты, футуристы, имажинисты!..

А проходит время, и все эти клички стираются в сознании нашем. Остаются Пушкин, Толстой, Достоевский и т. д., а в конце – Маяковский, Есенин, Шершеневич, Кусиков. Порядок может быть и иной.

В этом торжество правды в искусстве:

Побеждают не теории и схемы,

а живые художники во крови и плоти.

И всё же борьба теорий искусства между собою тоже необыкновенно интересна для живой человеческой личности, умеющей болеть, страдать за искусство, жить им и петь ему песни любовные.

Ибо это — соприкосновение с прекрасным, что равно понятию Бога. Слияние с Прекрасным есть слияние с Богом.

И потому представляет особенный интерес проследить борьбу футуристов с имажинистами в наши дни, ведущуюся, к счастью, уже не между критиками-любителями, а между самими поэтами.

Я остановлюсь на имажинистах.

* * *

Предоставим слово им самим. И прежде других:

Сергею Есенину.

Он рассматривает орнамент как музыку. „Ряды его (орнамента — *В. М.*) линий в чудеснейших и весьма тонких распределениях похожи на мелодию какой-то одной вечной песни перед мирозданием“. И обратно — слово есть орнамент, т. е. выпуклый образ с рядом линий. Словесное творчество русского народа до сих пор еще не осознано нашей художественной критикой. И только народный поэт Николай Клюев постиг, что

...на кровле конек
Есть знак молчаливый, что путь наш далек.

Орнамент (образ) так и остался незамеченным даже исследователями народного творчества, и музыка его, „церковь, так и стоит запечатана до сего времени“, скрытая от взора и слуха людского.

Есенин рассматривает внимательным взором и сердцем художника хозяйственно-бытовую жизнь русского народа и вскрывает там на каждом шагу еще никем не оцененные культурные ценности. Оно и неудивительно. Ведь Есенин учился не у европейской цивилизации, а у жизни живой.

...Здесь по заре и звездам
Я школу проходил.
И мыслил, и читал я
По библии ветров,
И пас со мной Исайя
Моих златых коров.

Далее автор пересказывает «Ключи Марии» Есенина, обильно их цитируя, а затем продолжает:

«Русская революция, размахнувшись от финской Балтики до Китая, нанесла страшный удар по лицу <современной> цивилизации. Как бы тяжко ни пришлось России в эти страшные годы, она стала центром внимания – весь мир смотрит на нее то с ненавистью, то с любовью. В эти-то дни и годы революции сказочная Россия рождает имажинизм, который в области искусства слова противопоставляет себя футуризму, рожденному машинно-механической культурой капиталистического общества.

Футуризм в слове заметил только оболочку – звук, без всякой связи с душой слова – образом. И подобно тому, как вульгарные материалисты видят в истории человечества лишь одну экономику, так футуристы в слове видят только звук. Для материалиста (последыша рационализма) нет души, мистики, Бога – для него есть только тело, мускулы, кости. Для футуриста также нет образа, той неуловимой сущности Слова, которая адекватна (соответствует) душе в человеке. Вот почему наиболее последовательные футуристы дошли до заумного языка, являющ<его>ся языком людей третичного периода. И поскольку русские футуристы вынуждены употреблять и образ – они уже не футуристы. Попытка футуристов изгнать из поэзии Образ окончилась таким же крахом, как попытка капиталистического мира и его последышей – вульгарных марксистов, – убить в человеческой личности душу, то, что неуловимо, что не поддается взвешиванию и измерению ни на лавочных, ни на аптечных весах.

Футуризм в России умер, оставив по себе воспоминание в виде большого поэта – Вл. Маяковского, сдавшего все футуристические доспехи в музей древности. „Футуризму оповестил гибель Б<и>намский лес – открывшийся в Слове и образе, доселе скрытой внутренней силы русской мистики“ (С. Есенин). Удивительно метко отмечает поэт-имажинист о гонителях мистицизма. Они – говорит он – „осмеяли трех китов, на которых держится по народному представлению вся земля, а того не поняли, что этим сказано то, что земля плывет. Что ночь – это время, когда киты спускаются за пищей в глубину морскую, что день есть время продолжения пути по морю“*.

Есенин кончает свою книгу предсказанием, что футуризм, „пролетарскую культуру“ ожидает судьба ворона, которого Ной выпустил из ковчега. „Мы знаем, что крылья ворона тяжелы, путь его недалек, он упадет, не только не долетев до материка, но даже не увидев его, мы знаем, что он не вернется, знаем, что масличная ветвь будет принесена только голубем–образом, крылья которого спаяны верой человека не от классового осознания, а от осознания обстающего его храма вечности“ <...>.

В своем отношении к прошлому имажинизм иногда сходен с футуризмом, но отличается по мотивам. Футуризм боролся с пассеизмом (пассивным восприятием художественного произведения), ибо, по уверению Маринетти, „это прошлое давит настоящее“.

* Сергей Есенин – „Ключи Марии“, Изд. Моск. трудов. артели художников слова, 1920 г.

Имажинизм борется с прошлым просто потому, что это прошлое плохо**. Футуристы борются с прошлым потому, что прошлое фатально – имажинизм устанавливает идеал и борется с прошлым, потому что этого требует будущее. В этих двух художественных мировоззрениях есть, несомненно, отражение материалистического и идеалистического умонастроения. По мнению В.Шершеневича, „имажинизм есть первый раскат подлинной всемирной революции, но революции не материальной, а духовной".

Есть еще положение, на котором настаивают имажинисты. На радостности искусства. „Искусство должно быть радостным. Довольно поэзии идти во главе кортежа самоубийц. В противовес машинному, утилитарному, футуристическому миропониманию, имажинизм таит в себе зарождение нового, внеклассового, общечеловеческого идеализма, но идеализма не мистерийного, а арлекинадного".

Ибо образ слова – ритм радости. <...>.

* * *

Сергей Есенин пришел в город „от рязанских полей Коловратовых". Он сын крестьянина и сам крестьянин. Про него чутко сказал Николай Клюев, что его к нам даль повыслала отроком вербным с голоском слаще девичьих бус. В.Шершеневич – сын профессора, постигший мудрость современной официальной науки. И оба они оказались равноправными детьми матери-России, вложившей им в уста „языки слаще девичьих бус", которыми они воспевают радость жизни и борьбы за эту радостную жизнь. Оба они и еще несколько имен – Александр Кусиков, Сергей Клычков, Анатолий Мариенгоф, Иван Ерошин, являются красой и гордостью нового поколения русской музы.

Их произведения являются богатейшим источником переживаний высоко художественного порядка.

* * *

Душа творчества новых поэтов нашего времени — мистика. Это надо знать прежде всего тем, кто хочет понять современную поэзию имажинистов. Все поэты этой группы в том или ином виде высказываются об этом. Шершеневич говорит, что „без религии и религиозности нет человека". С.Есенин говорит только „о внутренней силе русской мистики", скрытой в образе слова. Это современнее и правильнее, и дальше от вульгарного представления о религии, обычно связываемого со „страхом Божиим". И вместе с тем это открывает перед поэзией новые перспективы осознания того, что именуется духом человека, бессмертным элементом его. Только поэзии дана возможность проникнуть „в четвертый мир неизмеримый, в заглохший сад души" (Кусиков). До сих пор сад этот заглох, зарос дикими растениями и травой. Поэт, точно садовник, прочищает в нем просеки и ведет нас по ним, и мы видим – Вечность. <...>.

Наша молодая поэзия, полная жизнерадостности и силы к познанию человеком себя самого, есть одно из чудес России. Это чудо явилось в самые страдные дни русской истории, когда кажется, что новое рабство, страшнее прежнего, вот-вот погрузит народ и всю страну во тьму. Оно лучший показатель того, что страна, имеющая такую душу, не может оказаться ни в чьем рабстве.

Правду сказал еще в 1916 г. другой мистический народный поэт Николай Клюев:

И страна моя, Белая Индия,
Преисполнена тайн и чудес!»

См. также статью Н.Ф.Насимовича «Заметки журналиста: Вокруг „Печали полей"» (газ. «Дальне-Восточный путь», Чита, 1922, 23 апр., № 114; подпись: Чужак).

** В. Шершеневич—„Словогранильня", 1920 г.

Март, 8 ... 10. В берлинском издательстве «Аргонавты» выходит антология И.Эренбурга «Портреты русских поэтов» (1922) со стихотворениями Есенина «Край родной, поля как святцы...»; «Буду петь, буду петь, буду петь!..» <отрывок из поэмы «Кобыльи корабли», строки 65–80>; «Песнь о собаке»; «Я последний поэт деревни...»; «Видели ли вы...» <отрывок из поэмы «Сорокоуст», строки 30–60> и эссе составителя «Сергей Александрович Есенин».

О рамках события см.: Эренбург. Хроника, 241, 242.

И.Эренбург пишет:

«Прежде всего, о хитрости и бесхитростности. Сколько лукавства таят ангельские лики и ограды скитов. Как наивен и простодушен Иван Карамазов перед смертоносным агнцом Алешей. У Есенина удивительно честные, наивные глаза, великолепная девушка для многих Ивановых-Разумников. Как не попасться в эти слова почти из Даля, в святую простоту мужицкого пророка. Ему ведомы судьбы не только России — вселенной. Как равному посвящает он стихи — конфрэру пророку Исайе. Здесь и град Инония, и сам Есенин, вырывающий у Бога бороду, и неожиданное приглашение „Господи, отелись“... Если спросить его, что это, собственно, всё означает, он пространно расскажет о новгородской иконописи, о скифах, еще о чем-нибудь, а потом, глядя небесными глазами, вздохнет: „У нас в Рязанской...“ Как же здесь устоять Иванову-Разумнику.

Виноват, главным образом, цилиндр. Есенин, обращаясь к старикам родителям, не без хвастовства говорит, что он, прежде шлепавший босиком по лужам, теперь щеголяет в цилиндре и лакированных башмаках. Правда, цилиндра я никогда не видал, хоть и верю, что это не образ «имажиниста», но реальность. Зато лакированные башмаки наблюдал воочию, также пестрый галстук и модный пиджак. Всё это украшает светлого, хорошенького паренька, говорящего нараспев, рязанского Леля, Ивана-счастливца наших сказок. За сим следует неизбежное, — то есть Шершеневич, чью ставку, „имажинизм“, должен выручить талантливый, ох, какой талантливый, подпасок; диспуты, литературное озорство, словом, цилиндр, хотя бы и предполагаемый, растет и пожирает милую курчавую головку. Но, да позволено будет портретисту, пренебрегая живописью костюма, цилиндром, „имажинизмом“ и хроникой московских скандалов, заняться лицом поэта. Сразу от скотоводства небесного мы переходим к земному, к быту трогательному и унылому, к хулиганству озорника на околице деревушки, к любви животной, простой, в простоте мудрой. Ах, как хорошо после Абиссинии или Версаля попасть прямо в Рязанскую.

Есенин гордо, но и горестно называет себя „последним поэтом деревни“. Его стихи — проклятье „железному гостю“, городу. Тщетно бедный дуралей жеребенок хочет обогнать паровоз. Последняя схватка, и ясен конец. Об этой неравной борьбе и говорит Есенин, говорит, крепко ругаясь, горько плача, ибо он не зритель. Когда Верхарн хотел передать отчаяние деревни, пожираемой городом, у него получился хоть патетический, но мертвый обзор событий. То, чего не сумел выявить умный литератор, питомец парижских кружков символистов, передано российским доморощенным поэтом, который недавно пас коров, а теперь создает модные школы. Где, как не в России, должна была раздаться эта смертная песня необъятных пашен и луговин?

Русская деревня, сказав старины, пропев песни свои, замолчала навек. Я не очень верю эпигонству фольклора в лице большого Кольцова и маленьких Суриковых. Она вновь заговорила в свои роковые, быть может, предсмертные дни. Ее выразитель — Сергей Есенин. Крестьяне теперь, сражаясь с городом, пользуются отнюдь не вилами,

но самыми что ни на есть городскими пулеметами. Есенин так же живо приспособил все орудия современной поэтической техники. Но пафос его стихов далек от литературных салонов, он рожден теми миллионами, которые его стихов не прочтут, вообще чтением не занимаются, а, выпив самогонки, просто грозятся, ругаются и плачут.

Вот эти слезы, эта ругань, эти угрозы и жалобы — в стихах Есенина. Деревня, захватившая всё и безмерно нищая, с пианино и без портков, взявшая в крепкий кулак свободу и не ведающая, что с ней, собственно, делать, деревня революции — откроется потомкам не по статьям газет, не по хронике летописца, а по лохматым стихам Есенина. Откроется и нечто большее, вне истории или этнографии — экстаз потери, жертвенная нищета, изуверские костры самосожжения — поэзия Сергея Есенина, поэта, пришедшего в этот мир, чтобы „всё познать, ничего не взять“».

Кроме стихотворений Есенина и статьи о нем, книга содержит аналогичные материалы еще для тринадцати поэтов: А.Ахматовой, Ю.Балтрушайтисе, К.Бальмонте, А.Блоке, А.Брюсове, Андрее Белом, Вяч. Иванове, О.Мандельштаме, В.Маяковском, Б.Пастернаке, Ф.Сологубе и М.Цветаевой.

См. Приложение.

Март, 9. И.Н.Розанов встречается с Есениным в книжном магазине издательства «Колос».

В тот же день он записывает:

«После „Задруги“ зашел в „Колос“. Там Фед. Григ. Пономарев и интересные книжки, между прочим, брошюры Флоренского. Задержался. Приходил Есенин с накрашенной дамой <А.Дункан?>».

Дневник Розанова, ед. хр. 6, л. 18 об.–19.

Март, 10. Редколлегия петроградского отделения Госиздата принимает к изданию книгу Есенина «Пугачев».

Событие устанавливается и датируется по протоколу заседания редколлегии Петроградского отделения Госиздата № 24 (3) от 10 марта 1922 г., прошедшего в составе — Р.Арский, В.Быстрянский, В.Невский, Николаева, З.Лилина, И.Ионов при секретаре К.Федине. Под № 22 в этом протоколе значится:

«Слушали: Об издании поэмы С.Есенина „Пугачев“. Постановили: Принять к изданию».

Есенин, VII (2), 314–315.

Книга в Госиздате не выходила.

См.: 13 февр. 1922.

Март, после 10. Выходит журнал «Казанский библиофил» (№ 2, за 1921 год) с рецензией Е.И.Шамурина на книгу С.Д.Фомина «Свирель: Стихи» (М.: Госиздат, 1920) и сборник «Ярь: Стихи. Михаил Артамонов, Александр Германов, Анатолий Субботин» (Вологда: Костер, 1920), где говорится о Есенине.

Граница события устанавливается по публикуемому в номере извещению о кончине проф. Н.Ф.Катанова (в ночь на 10 марта 1922).

Рецензент, в частности, пишет:

«Наряду с последними, пусть ослепительно яркими, но всё же прощальными умирающими лучами символизма, наряду с дикой истерикой футуризма и рафинированно-развращенным творчеством его идейных детей – московских имажинистов, – в русской поэзии последних дней наблюдается и что-то совершенно новое, свежее, сильное, молодое и бодрое <...>.

Интересно отметить, что эта новая струя в русскую литературу внесена не теми поэтами, которые именуют себя „пролетарскими“ – их революционный пафос в значительной степени искусствен, плакатен, а подчас и болезненно-истеричен, – а поэтами, вышедшими из народной, преимущественно крестьянской среды. Таковыми были Клюев, Орешин, Есенин (особенно в начале своего творчества до его увлечения имажинизмом).

Отличительная черта этого течения: бодрое, радостное приятие жизни, совсем особенное, почти пантеистическое чувствование природы, слияние с ней, отсутствие бессилия, нытья, ноющих, серых тонов, на смену которым явились звонкие песни, солнце, яркое голубое небо, ослепительный изумруд молодой весенней листвы.

Это благоухание весны, этот всюду разлитый ослепляющий свет невольно заражает своею радостью и красотою читателя, открывая русскому читателю последних десятилетий, воспитанному на „полутонной“, ноющей поэзии символистов и импрессионистов, совершенно новые горизонты».

Март, 11. Нью-йоркская газета «Утро» (№ 60) анонсирует выход в Берлине журнала «Вещь» (редакторы – Эль Лисицкий и И.Эренбург):

«В журнале предполагается участие писателей: Маяковского, Есенина, Вильдрака, Сандрара, Эпштейна, Соффичи и др., художников: Татлина, Малевича, Родченко, Глеза, Леже, Ривера...».

См.: до 2 апр. 1922.

Март, 12. Газета «Известия ВЦИК» (№ 58) дает объявление о предстоящем литературно-художественном вечере, посвященном двухлетию Дома печати, среди участников которого назван Есенин.

Однако в отчете о мероприятии (газ. «Известия ВЦИК», 1922, 16 марта, № 61) имя Есенина отсутствует. Сведения о его участии в вечере не выявлены.

Подробнее см.: Галушкин-2005, 2, 349.

Берлинская газета «Голос России» (№ 914) перепечатывает (в извлечениях) статью Е.И.Замятина «Рай» (подпись: Мих. Платонов) с упоминанием Есенина.

Соответствующий фрагмент см.: до 3 нояб. 1921.

Март, 14. Газета «Известия ВЦИК» (№ 59) сообщает о подготовке в издательстве «Альциона» двух томов книги Есенина «Ржаные кони».

Книга не выходила.

См. также: Есенин, II, 266.

Ковенская газета «Эхо» (№ 62) печатает фельетон Аркадия Бухова «Копыто услужливого осла»:

«...Господин Эренбург в Берлине издал книжку „Поэзия революционной Москвы“.

В предисловии к этому собранию стихов московских поэтов господин Эренбург развязно пишет: „Беспристрастный читатель должен будет признать, что русская поэзия переживает сейчас полосу подъема“.

А дальше еще определеннее: „...Я верю, что любящий действительно литературу с радостью примет эту книгу“.

Посмотрим же, что хочет выдать господин Эренбург и ему подобные за „подъем поэзии“ и что должно вызвать радость у читателя.

Первую порцию радости подносит поэт Сергей Есенин в форме поэтической исповеди:

Дождик мокрыми метлами чистит
Ивняковый помет по лугам.
Плюйся, ветер, охапками листьев,
Я такой же, как ты, хулиган, –

а немного дальше:

Бродит черная жуть по холмам,
Злобу вора струит в наш сад,
Только сам я разбойник и хам
И по крови степной конокрад.

Итак, радость для читателя началась. „Подъем поэзии“ проходит под знаменем помёта в стихах и хама в крови поэта. Доброе начало – половина дела. Пойдем дальше. Тот же поэт, нарисовав свой внутренний образ, переходит к своему образу внешнему. Вот он обращается к крестьянам, из среды которых вышел, и говорит:

Вы ль за жизнь его сердцем не индевели,
Когда босые ноги он в лужах осенних макал?
А теперь он ходит в цилиндре
И лакированных башмаках.
Но живет в нем задор прежней вправки
Деревенского озорника.
Каждой корове с вывески мясной лавки
Он кланяется издалека.
И, встречаясь с извозчиками на площади,
Вспоминая запах навоза с родных полей,
Он готов нести хвост каждой лошади,
Как венчального платья шлейф.
.....

Для новой экономической политики сегодняшней Москвы картинка довольно характерная: идет молодой человек в цилиндре, раскланивается коровам на вывесках и, дергая за хвост извозчичьих лошадей, потихоньку кается:

– Видите ли, „сам я разбойник и хам, и по крови степной конокрад...“ Так что вы уж меня извините – ничего не поделаешь... <...>.

Эренбург – мелкая мошка. Но и от укуса комара вскакивают волдыри – и как противно смотреть на этих эренбургов, нашедших себе читательскую аудиторию для того, чтобы благоговейно шептать о каком-то подъеме и обещать радость от творчества десяти загнанных и ста хулиганящих людей из Москвы. Господа Эренбурги делают скверное дело. И единственное их оправдание – это их собственная испытанная и нескрываемая глупость».

Болгарская газета «Работнически вестник» сообщает о выходе в Берлине в издательстве «Скифы» книг Есенина.

Март, 15. Парижский журнал «Clarté» (№ 9) печатает маленькие поэмы Есенина «Певущий зов» и «Товарищ» в переводе П.Паскаля с его вступительной статьей.

Вырезка – в Тетр. ГЛМ.

Берлинский временник «Знамя труда» (№ 5; раздел «Библиография») информирует о выходе непериодических бюллетеней литературы, политики и искусства «Знамя»:

«Содержание № 1 <1921> русского издания. <...> 7. Стихи А.Блока, Н.Клюева и С.Есенина. <...>

Содержание № 2 русского издания. <...> 5. Стихи В.Иванова <так!>, С.Есенина, И.Эренбурга».

На обложке того же издания – объявление:

«Издательство „Скифы". Берлин

.....

Новые цены (с 20 марта 1922 г.):

.....

Андрей Белый и С.Есенин „Россия и Инония", цена 12 мар. (4 фр.)

.....

С.Есенин „Триптих", цена 6 мар. (2 фр.)».

Март, после 15. Составляется «Список действительных членов и кандидатов Дома Печати на 15 марта 1922 г.».

Фамилия Есенина значится в нем под № 102 (с пометой: «Д<ействительный> Ч<лен>»).

ГАРФ, ф. А2306, оп. 1, ед. хр. 1498, л. 13–15.

Март, 17. Есенин пишет заявление А.В.Луначарскому с просьбой о выдаче ему заграничного паспорта:

«Прошу Вашего ходатайства перед Наркоминоделом о выдаче мне заграничного паспорта для поездки на трехмесячный срок в Берлин по делу издания книг: своих и примыкающей ко мне группы поэтов. Предлагая свои услуги по выполнению могущих быть на меня возложенных поручений Нар<одного> Комисс<ариата> по просвещению, в случае Вашего согласия прошу снабдить меня соответствующими документами».

Есенин, VII (2), 209.

См.: 3 апр. 1922; 21 апр. 1922; 24 апр. 1922; 8 мая 1922.

Март, 18. Газета «Свободная Россия» (Чикаго; № 58) публикует первые две строфы стихотворения Есенина «Я снова здесь, в семье родной...».

Харьковский еженедельник «Художественная мысль» (№ 5; за 18–25 марта) публикует «Литературные заметки. Имажинизм и романтика» К.Адашева, где идет речь и о «Пугачеве» Есенина.

Март, 19. Берлинская газета «Голос России» (№ 920) помещает:

– объявление:

«Издательство „Скифы" Берлин.

<...> Первый номер международного обозрения современного искусства „Вещь“ под редакцией Эл. Лисицкого и Ильи Эренбурга.

Содержание: Стихи: Шарля Вильдрака, Ивана Голля, С.Есенина, В.Маяковского, Б.Пастернака и Б.Сандрара...».

Анонс неточен: в свет вышел сдвоенный номер журнала (№ 1–2); ср.: 2 апр. 1922;

– анонимную заметку «Писатели в Москве»:

«Вся книжная торговля сейчас в Москве сосредоточивается в руках писателей. Нет почти ни одного писателя, который не был бы пайщиком книжной лавки. Лавок таких до пятнадцати штук. За прилавком можно каждодневно увидеть и Айхенвальда („Содружество писателей“), и Гершензона, и Чулкова, и всю молодежь всех литературных толков, начиная от имажинистов (две лавки – С.Есенина и А.Кусикова) и кончая пролетарскими поэтами».

Ср.: до 30 окт. 1921 (окончание записи).

Март, 24. Есенин присутствует (?) в Доме печати на чтении В.Г.Шершеневичем своего «опыта метро-ритмической прозы» – «Великолепные похождения электрического Арлекина».

Анонсы: газ. «Известия» (1922, 24 марта, № 67) и «Кооперативное дело» (1922, 24 марта, № 44).

См.: 18 апр. 1921.

См. также: Шубникова-Гусева, 495–496.

Март, 25. Пражский журнал «Воля России» (№ 12) публикует рецензию «Драматизированная история. А. Блок — Рамзес; С. Есенин — Пугачев» (подпись: Н. М. П.).

В первой части отклика говорится о произведении А.А.Блока. Затем автор продолжает:

«Не более радостное впечатление производит и „Пугачев“ С.Есенина. Пугачеву и Стеньке Разину за последние годы сильно повезло — они сразу стали литературными героями, их заставляли говорить во славу советов и интернационала шабрины и юрьины, эти кукольники пролетарского творчества. Есенин в своих драматических сценах старался представить Пугачева прежде всего олицетворением крестьянства, а потом провозвестником лозунгов, брошенных в массы в наши дни! Бесспорно, что Есенинский Пугачев стоит неизмеримо выше всех тенденциозных писаний, которые до сих пор появлялись, но, однако, и в нем чувствуется стремление разгадать по прошлому настоящее, построить схему, уже один стройный вид и планомерность которой должен бросить надежду в смятенную и запуганную душу современника. Несмотря на все эти благородные стремления, у Есенина, как и у Блока, берет верх художественное чутье и вместо утешения вырывается отчаяние. Люди устали от борьбы, от розни, скитаний и неуюта, им дороже тополь у родной избы, нежели далекое благополучие человечества. Темные стороны жизни выступают наружу, никакой душевный маскарад не может закрыть измены и мелочности.

Знаешь? Люди ведь все со звериной душой,
Тот — медведь, тот — лиса, та — волчица,
А жизнь — это лес большой,
Где заря красным всадником мчится.
Нужно крепкие, крепкие иметь клыки.

Вот как формулирует Есенин свой взгляд на людей и жизнь. А несколькими строками дальше читаем мы уже нечто специально о звериности мужицкой души.

По-звериному любит мужик наш на корточки сесть
И сосать эту весть, как коровьи большие сиськи.

Как видно, Есенин и здесь не обошелся без своих любимых коров, вымени и сосцов. Он неоднократно прибегает в сценах к этому сравнению, придавая ему разнообразнейшие значения. Так, например:

Оренбургская заря красношерстной верблюдицей
Рассветное роняла мне в рот молоко.
И холодное корявое вымя сквозь тьму
Прижимал я, как хлеб, к истощенным векам.

Имажинизм, с которым себя связал Есенин, не послужил ему ни в коем случае на пользу. Безвкусные сравнения вроде пушек, мечущих икру, постоянных тройных повторений при начале монолога были приобретены им от этой школы. Есенин, столь близкий природе, знающий жизнь трав и зверей, верящий в крестьянского Власа, закрывается от нас вымышленной неразберихой имажинизма. В „Пугачеве", как и в других его произведениях, слишком часто „манера" превращается в „манерность", искажая и преуменьшая истинные поэтические достоинства Есенина».

Март, 26. Газета «Кооперативное дело» (№ 46; раздел «Библиография») информирует:

«Издательством „Имажинисты" выпущен сборничек стихов „Конский сад". Продиктованное традиционным для этой поэтической группы „хорошим отношением к лошадям" заглавие объединяет несколько отрывков из давно напечатанных произведений поэтов-имажинистов и несколько самостоятельных стихотворений: С.Есенина, А.Мариенгофа, Н.Эрдмана.

Издательство „Альциона" выпускает несколько книг стихов. Среди книг этих, частью уже вышедших из печати, <...> два тома стихов Есенина „Ржаные кони" (лирика и поэмы) <не выходили>.

<...> Поэт Н.Клюев после долгого молчания напомнил о себе небольшой книжкой стихов „Четвертый Рим" (изд. „Эпоха", Петербург, 1922). Ценителей дарования Клюева книжка эта едва ли обрадует. Написанная pro domo sua <в свою защиту, *лат.*>, она заключает в себе цикл стихотворений, направленных против „лаковых башмаков", сиречь дендизма С.Есенина...».

В берлинской газете «Голос России» (№ 926) помещается объявление:

«Издательство „Скифы" Берлин.

Новые книги:

<...> Андрей Белый и С.Есенин. „Россия и Инония". Цена 12 мар.

<...> С.Есенин. „Триптих". Цена 6 мар. ».

Аналогичное объявление см.: газ. «Голос России», Берлин, 1922, 23 апр.; № 948.

Берлинская газета «Накануне» (№ 1) печатает объявление издательства «Скифы» Берлин:

«Новые цены (с 20 марта 1922 г.)

<...> Андрей Белый и С.Есенин. „Россия и Инония"; цена 12 мар. (3 фр.).

<...> С.Есенин. „Триптих"; цена 6 мар. (2 фр.) ».

Март, не позднее 30. Выходит журнал «Печать и революция» (№ 1).

Галушкин-2005, 2, 372.

В рубрике номера «Хроника. Петроград. Петрогосиздат» сообщается:

«...Драматическая поэма С.Есенина „Пугачев“ уже вышла в двух изданиях — в Москве, у имажинистов, и Петрограде, в изд-ве «Эльзевир»...».

Март. Стихотворение Есенина «Табун» в переводе В.Давида на латышский язык помещает журнал «Вардс»:

« „Табун“ В.Давид перевел с незначительными изменениями формы стихотворения: вместо пяти- и шестистопного ямба в переводе только пятистопный ямб, везде сохранена есенинская система рифм. „Зеркальное“ построение сюжета сохранено, содержание произведения передано с возможной глубиной».

Мекш Э.Б., Прейс К.Ф. Есенин на латышском языке (20–30-е годы). Даугавпилс, 1983, с. 21, 22.

В берлинском журнале «Вестник Русского книжного рынка» (№ 1; за март) помещаются:

– сообщение о выпуске петроградским издательством «Эльзевир» отдельного издания поэмы Есенина «Пугачев»;

– «Каталог № 9 русского книжного магазина „Москва“ в Берлине» с указанием текущих цен на книги:

«<...> Есенин С. Товарищ. Инония мар. 5. –

Есенин С. Триптих мар. 4.

<...> Поэзия большевистских дней: Блок, Эренбург, Есенин и др.»;

– анонс:

«Издательство „Скифы“ Берлин.

В марте 1922 года выйдет в свет в Берлине № 1 ежемесячного международного обозрения современного искусства под редакцией Эл. Лисицкого и Ильи Эренбурга

Objet Вещь Gegenstand.

<...> В журнале примут участие:

С.Есенин, В.Маяковский, Б.Пастернак, Шарль Вильдрак, Жюль Ромэн...»;

– объявление книгоиздательства «Аргонавты» (Берлин):

«И.Эренбург. Портреты русских поэтов.

Литературные характеристики и стихи поэтов: Ахматовой, Бальмонта, Балтрушайтиса, Блока, Брюсова, А.Белого, Волошина, Есенина, Иванова, Мандельштама, Маяковского, Пастернака, Сологуба, Цветаевой.

С заказами обращаться в склад изд-ва».

В Петрограде выходит № 4 журнала «Книга и революция» с рецензией Н.А.Павлович (подпись: Мих. Павлов) на книгу Н.А.Клюева «Четвертый Рим» (Пг.: Эпоха, 1922).

О времени события см.: Галушкин-2005, 2, 373–374.

Автор пишет:

«В годы, предшествующие революции, народ молчал затаенно и настороженно. Интеллигенция, которой было дело до народа, жадно ждала какого-то слова из этой предгрозовой тишины. И, словно в ответ на жадное это ожиданье, прозвучали стихи, сначала Клюева, потом Есенина. Стихи эти были встречены с любовью <...>.

„IV Рим“ – это прежде всего книга личных счетов <Клюева> с Есениным. Книга начинается с эпиграфа:

А теперь хожу в цилиндре и лакированных башмаках
(С.Есенин),

и строки каждой главки полемичны.

1) Не хочу быть знаменитым поэтом
В цилиндре и в лаковых башмаках;

2) Не хочу укрывать цилиндром
Лесного черта рога;

3) Не хочу цилиндром и башмаками
Затыкать пробоину в барже души,

дальше:

Не хочу быть „кобыльим“ поэтом

(намек на „Кобыльи корабли“ Есенина) и т. д. и т. д.

Всё это для читателя просто неинтересно. Это вопрос, касающийся только обоих поэтов и, может быть, даже недостаточно глубоко, потому что образы (один из органических элементов поэзии) изменяют Клюеву в этой поэме (влюбленности сыр, укроп тишины, грабли лобзаний)».

В Петроградском отделении Госиздата РСФСР выходит книга В.В.Казина «Рабочий май: Стихи».

Галушкин-2005, 2, 373.

Через год Есенин в письме А.Б.Мариенгофу даст такую оценку книге:

«Боже! какой оказался маленький Казин. Читал „Май“ и поставил 2. При таких обещаниях так не делают».

Есенин, VI, 157.

Казанская газета «Новое дело» (№ 3) печатает статью «Образ в поэзии» с упоминанием Есенина.

Март, не ранее. Выходит бюллетень Петроградского отделения Госиздата РСФСР «Новая книга» (№ 1, за март) с информацией в рубрике «Книжные новости»:

«В издательстве „Эпоха“ вышла новая книжка стихов Н.Клюева „Четвертый Рим“. Книжка представляет сплошной выпад против московского поэта Есенина, недавнего крестьянского поэта, ныне же имажиниста».

Выходит журнал Главполитпросвета «Бюллетень книги» (№ 1–2, за февраль–март) с анонимной рецензией на книгу В.Л.Львова-Рогачевского «Имажинизм и его образоносцы: Есенин, Кусиков, Мариенгоф и Шершеневич»:

«Львов-Рогачевский рассматривает содержание или, вернее, настроение, выражающееся в произведениях имажинистов. Анализируя творчество этих поэтов, он приходит к

выводу, что имажинизма как школы не существует. Есть лишь вывеска, объединяющая, с одной стороны, таких „футуристов“ под маской, как Шершеневич и Мариенгоф, а с другой,– замаскированных символистов – Кусикова и Есенина. Это разделение имеет, по мнению автора, еще один смысл. Если Шершеневич – человек, совершенно потерявший душу в современном городе и пришедший „в никуда“, к выродившемуся упадочному индивидуализму, а Мариенгоф, пытаясь быть „красным“, революционным поэтом, поет безумие жестокости и крови, то в противоположность этим поэтам с гнилью в сердце и тоской в заплеванной душе, Есенин и Кусиков имеют какое-то здоровое ядро. Своеобразная сила и молодость их, думает Львов-Рогачевский, состоит в их органической связи с родной землей, ибо искусство живо лишь своей близостью к жизни народа. Влияние городской культуры и товарищей по вывеске приводит их к раздвоенности и двоеверию, к непомерному росту тоски. <…>

Книжка полезна лишь в качестве попытки сорвать маску с имажинизма…

<…> С автором нельзя не согласиться в критической части его работы. Но его предпосылки, из которых он исходит, и общие идеалы, которыми он руководствуется при оценке имажинизма и отдельных его „образоносцев“, неправильны. Отрицательное отношение к городу и его культуре, сентиментальная „всеобъемлющая любовь“ „к народу“ и к земле отзывают плохим народничеством».

См.: до 29 мая 1921; 7 авг. 1921 (вторая запись); 15 нояб. 1921 (вторая запись).

Март – Май. Есенин продолжает работу над драматической поэмой «Страна Негодяев».

Рамки события устанавливаются на основании:

– слов из автобиографии «Сергей Есенин» (14 мая 1922): «Сейчас работаю над большой вещью под названием „Страна Негодяев“» (Есенин, VII (1), 12);

– сведений о том, что Есенин вскоре по приезде в Берлин читал публично один из монологов героя «Страны Негодяев» Номаха (Есенин, III, 107–110; см. также: 1 июня 1922).

См. подробнее: Шубникова-Гусева, 202–217.

Работу над своей самой большой по объему поэмой Есенин продолжит в 1922–1923 гг. и закончит ее отделку в 1924 г.

Апрель, 1. Газета «Кооперативное дело» (№ 51; рубрика «Библиография») печатает анонимную заметку «Перевал»:

«В начале апреля выйдет первый номер еженедельника „Перевал“. Журнал является литературным приложением к газете „Красный воин“. В первом номере его будут помещены статьи: Л.Грабаря, Г.Санникова, Гамзы и др.; стихи: С.Есенина, Г.Санникова, В.Казина и др.; рассказ Н.Ляшко, библиография и хроника».

Издание не выходило.

Чешская газета «Cas Večrny vyd» (Прага; № 75) помещает статью Н.Мельниковой-Папоушковой «Kulturni poznamky. Dramatisovane dejiny», где рассматривается «Пугачев» Есенина.

Сообщено Л.Г.Григорьевой.

Апрель, до 2. В Берлине выходит журнал «Новая русская книга» (№ 2) с материалами о Есенине.

Граница события устанавливается по информации в газ. «Голос России» (Берлин, 1922, 2 апр., № 932).

В номере публикуются:

– рецензия И.Г.Эренбурга на книгу Есенина «Пугачев» (М.: Имажинисты, 1922) (подпись: И.Э.):

«Друг-поэт пишет мне из Москвы о „Пугачеве“: — „Там много истинно-поэтического сырья. Но как запоминаешь все эти поэтические прелести? Их пересказываешь „своими словами“, не нарушая прелести текста. Ужасный признак. Стало быть, пересказывает их и он, стало быть, автор не последняя в тексте инстанция...

Да, это правда. И прекрасная книга Есенина, крупнейшего из современных поэтов, ставит вновь в крайней остроте трагический вопрос: когда же наша поэзия перейдет от добывающей промышленности к обрабатывающей? От первых строк Хлебникова до „Пугачева“ — залежи чудного сырья. Где вы, американские инженеры, операторы кино, ловкие газетчики, „железные гости“? Меняется страна, придете ли вы привести в порядок нашу аграрную литературу?

За всем тем, — чудесная книга. Конечно, не Пугачев, не эпоха, не театр. Все — один голос. Пугачев — керосиновые лампы и „степная провинция“. Но новое доказательство всех есенинских богатств: образы сыплются, как на былых булочных витые кренделя из золоченых рогов изобилия. Грустная удаль, нежное хулиганство. Повторение слов, выявляющее всю взволнованность готового оборваться голоса. Изумительные задыхания.

Вся эта эпопея порой ласковое признание:

Тяжко, тяжко моей голове
Опушать себя чуждым инеем...

Человек в этом мир не бревенчатый дом,
Не всегда перестроишь наново.

Шалость (мудрая):

Нет! Ты не прав, ты не прав, ты не прав,
Я сейчас чувством жизни, как никогда, болен.
Мне хотелось бы, как мальчишке, кувыркаться по золоту трав
И сшибать черных галок с крестов голубых колоколен.

Я забываю об истории, о драме, о текстах и об инстанциях. Это действительно певческий царь.

Но есть в „Пугачеве“, в его хаосе, несделанности, темное — нечто, еще не бывшее в книгах Есенина. Это широта дыхания, начало высокого эпоса. Пока только прерывающиеся строки:

О, Азия, Азия! Голубая страна,
Обсыпанная солью, песком и известкой.
Там так медленно по небу едет луна,
Поскрипывая колесами, как киргиз с повозкой...
Перебраться туда, к их кочующим станам,
Чтоб разящими волнами их сверкающих скул
Стать к преддверьям России, как теньТамерлана.

Здесь впервые преодолевается женственность и „Инонии“ и „Исповеди хулигана“».

См. также: Есенин, II, 265–266.

– в разделе «Писатели. Судьба и история русских писателей, ученых и журналистов за 1918–1922 гг.» сообщается:

«...Сергей Есенин выпустил в Москве в изд. Имажинистов пьесу «Пугачев». В том же изд-ве готовит к печати книгу „Ржаные кони“ <не выходила>».

См.: 21 марта 1921.

В Берлине выходит № 1–2 международного обозрения современного искусства «Вещь» под редакцией Эль Лисицкого и И.Эренбурга с материалами, связанными с именем Есенина:

– обзор «Русская поэзия» И.Эренбурга (от имени француза, поименованного: Жан Сало):

«Теория имажинизма оказала некоторое ослабляющее влияние на творчество Есенина, которого я считаю выдающимся поэтом (с ним сравниваю лишь Маяковского и Пастернака), но он чутьем идет к ясности и строгости. Его книги для меня – некий цельный и безусловный мир, для нас, европейцев, достаточно чуждый и, может быть, поэтому вдвойне притягательный. Я даже порой склонен завидовать стране, которая в 21 <так!> веке рождает во плоти, без стилизации или археологии, поэтов Средневековья. Это – ощущение горожанина, жующего в ресторане хлеб и услышавшего последовательно запахи: земли, зерна, зелени и т. д. Я довольно хорошо знаю Россию, но, прочитав книги Есенина, я впервые с такой силой почувствовал деревенский характер ее литературы от Ломоносова до наших дней. Земледельческая образность, задыхания и разливы ритма, широкость строк, обилие нестесненных слов – всё это у нас убито еще „Плеядой“. Еще одно доказательство – непреложное стремление первобытного человека одушевлять неодушевленные вещи (это и у Маяковского). Всё, от луны и <до> машины, передано путем очеловечения или оживот<но>вления, а мы ведь, наоборот, ищем внешних образов для выявления живого и человеческого».

См. 30 апр. 1922;

– статья А.Б.Кусикова «Мапа и пама имажинизма»:

«Прислушайтесь только, как нежно, быть может, с горчайшей усладой обращается Есенин к старому, доброму, заезженному Пегасу:

Старый, добрый, заезженный Пегас,
Мне ль нужна твоя легкая рысь?
Я пришел, как суровый мастер
Воспеть и прославить крыс.

<…> Нет искусства, кроме имажинизма, – имажинисты пророки его. Слава нам!»;

– информационная рубрика «Статьи о русской поэзии»:

«В журнале „Promenoir“, выходящем в Лионе, напечатана статья Жана Лякруа о Сергее Есенине.

<Информация неточна: на самом деле в № 4 журнала (1921) было помещено два отдельных материала – репродукция скульптуры Ж.Лакруа и текст маленькой поэмы Есенина „Преображение“ в переводе Е.Извольской (сообщено М.Никё).

См. также: авг. 1921, третья запись>.

В „Revue de France“ враждебная статья Извольской об Андрее Белом, Маяковском, Есенине и др. <см.: 15 апр. 1921>

Переводы:

в „Humanité“ стихи Есенина <публикация не выявлена>;

в № 3 „Menschen“ переводы Ивана Голля стихов Блока, Белого, Маяковского, Есенина и Мариенгофа» <см.: не ранее июля 1921>;

– анонс:

«В ближайших номерах стихи Блэза Сандрара, Шарля Вильдрака, Андрэ Сальмова, Николая Болдуань, Карла Эпштейна, Сергея Есенина, Александра Кусикова,

Сергея Буданцева, Николая Асеева, Осипа Мандельштама, Марины Цветаевой, Ильи Эренбурга»;

– рекламные объявления:

о берлинском бюллетене литературы, политики, искусства «Знамя» и его вышедших номерах: «Содержание № 1 <1921> русского издания. <...> 7. Стихи А.Блока, Н.Клюева и С.Есенина. <...> Содержание № 2 русского издания. <...> 5. Стихи Р.Ивнева, С.Есенина, И.Эренбурга»;

о новых ценах на книги издательства «Скифы», в том числе на книги Есенина (см. аналогичное объявление: 15 марта 1922).

Граница события определяется по информации в газете «Голос России» (см. след. запись).

Апрель, 2. В берлинской газете «Голос России» (№ 932) сообщается:

«Издательство „Скифы“ Берлин.

Вышел и поступает в продажу номер 1–2-ой международного обозрения современного искусства „Вещь“ под редакцией Эл. Лисицкого и Ильи Эренбурга».

Из содержания:

«Стихи – Маяковский, Пастернак, Есенин <...>. А.Кусиков. „Мапа и пама имажинизма“ <...>».

Парижская газета «Последние новости» (№ 603) в разделе «Из Сов. России» помещает информацию:

«По полученному «Дейли-Мэйл» сообщению, Айседора <Дункан> на днях покидает Россию. Балерина намерена предпринять турне по Англии, Испании и Америке».

Апрель, 2 и 4. Берлинская газета «Накануне» (№ 7 и 8) объявляет о выходе № 1–2 журнала «Вещь» со стихами Есенина.

Текст объявления см.: 2 апр. 1922.

Апрель, 3. Постановлением комиссии по рассмотрению заграничных командировок Народного комиссариата по просвещению Есенину разрешается поездка в Германию сроком на три месяца.

Есенин, VII (2), 316.

См.: 17 марта 1922; 21 апр. 1922; 24 апр. 1922; 8 мая 1922.

Апрель, 4. Журнал «Театральная Москва» (№ 34; за 4–12 апреля) публикует статью В.Шершеневича «Поэты для театра»:

«Если бы меня спросили: какие лучшие книги стихов я читал за этот год? – я, не колеблясь, ответил бы: „Пугачев“ Есенина и „Заговор дураков“ Мариенгофа.

И это была бы не партийная реклама. Не потому мы любим стихи друг друга, что мы имажинисты, а потому, что, с нашей точки зрения, только те стихи, чье слово напоено образом, можно считать подлинной поэзией.

Может быть, никогда сочность есенинских образов и точность мариенгофских не достигала такой исключительной силы, как в этих двух пьесах.

Но сегодня меня интересуют эти книги с другой точки зрения: с театральной. „Пугачев“ написан в драматической форме, а „Заговор“ имеет даже подзаголовок „трагедия“.

Есенин в разговорах и публичных выступлениях усиленно отрицает, что „Пугачев“ — драматическое произведение. Но я вспоминаю обещания Мейерхольда поставить эти две пьесы, вспоминаю фразу одного режиссера: „«Заговор» на сцене захватит публику!“ <...>

В „Пугачеве“ с фабульной стороны есть просто исторический сценарий: восстание разрешается так, как ему надлежит, но фабула требует того, чтоб ее писали со всех точек зрения, иначе это — поэма с внешней темой. „Пугачев“ совершенно напрасно имеет несколько действующих лиц, ибо это всё слова одного и того же действующего лица — Пугачева — в разные моменты есенинского настроения. <...> Волнение (то, что безграмотно зовется „эмоцией“) Пугачева есть волнение самого Есенина, а не действующего лица.

И всё ж, при всех кажущихся преимуществах „Заговора“ перед „Пугачевым“, с театральной точки зрения, конечно, „Пугачев“ может быть поставлен хотя бы как трагическая оратория, с минимумом движения, в монументальных формах».

Статья является ответом на рецензию В.Блюма о «Пугачеве» Есенина (см.: 17 янв. 1922).

См. также: 25 апр. 1922 (вторая запись).

Апрель, 5. Газета «Труд» (№ 75, подпись: С. Г.) публикует в рубрике «Библиография» рецензию С.М.Городецкого на книгу Есенина «Пугачев» (М.: Имажинисты, 1922):

«Критика спит. Рабочий класс еще не выдвинул своих критиков, а приват-доценты, исполняющие в наших журналах обязанности критиков (на безрыбье и рак рыба), никак не способны разобраться в шуме литературной улицы. Только этим можно объяснить, что крупные явления нашей литературы остаются незамеченными.

„Имажинисты“ — это Сергей Есенин. А Есенин — крестьянский поэт, примыкающий к группе: Клюев, Радимов, Клычков, Ширяевец. Эта группа отражает идеологию середнячества. Середняк сейчас идет в гору, и вот мы имеем прекрасную поэму „Пугачев“. Сработана она серьезно, написана ярким, могучим языком и полна драматизма. Всё свое знание деревенской России, всю свою деревенскую тоску по бунту Есенин воплотил в этой поэме. Это — лучшая его вещь. Серьезность задания удержала поэта от крайностей имажинизма, который, если и принят, – то только как литературное развитие всегда стремившегося к изобразительности деревенского языка. Одна из замечательных страниц русской революции нашла себе достойное воплощение в поэме Есенина. „Пугачев“ написан не для сегодняшнего дня. Он войдет в сокровищницу новой пролетарской литературы».

Апрель, 6. Газета «Эхо» (Ковно, ныне Каунас; № 82) печатает фельетон Арк. Бухова «Довожу до сведения»:

«В последнее время мне стали посылать очень много стихов. <...> Все новые поэты, как бы сговорившись, придерживаются модного теперь „московского стиля“, предъявляющего к стиху весьма несложные, легко преодолимые и достаточно экстравагантные требования: отсутствие правильной рифмы, крепкие выражения и пугающие воображение образы. <...>

Поэтому для того, чтобы им легко было бы воспринять всё величие их поэтических идеалов и писать ничуть не хуже московских поэтов, я позволю себе привести здесь несколько образцов, которых и нужно придерживаться. <...>

Как нужно писать под Есенина, Клюева и других „исполняющих обязанности А.В.Кольцова в Р.С.Ф.С.Р“:

Исповедь

В небе облаков – навозный сор,
А само небо – как каша рисовая.
Сам я, промежду прочим, сутенер,
А все-таки стишки пописываю.
Ах, Русь, ох, Русь, ух, избянная,
Куды тебя вознесло!..
Нет, братцы, куда легче сапожное ремесло,
А поэзия – она такая странная...
Муза мне вручила свой щит
И завоевать весь мир звала,
А критика уныло говорит:
„Кого это здесь Кольцовым вырвало?“»

Автор приводит также образцы поэзии под Маяковского и «под московских гражданских поэтов».

Перепечатано в сокращении без упоминания фамилии Есенина в берлинской газете «Время» (1922, 17 апр., № 198)

Апрель, до 7. В Новониколаевске (ныне – Новосибирск) выходит № 1 (за март-апрель) журнала «Сибирские огни» со статьей В.П.Правдухина «Искусство в стихии революции», где говорится о Есенине.

О границе события см. след. запись.

Автор пишет:

«Пролетариат еще не дал поэта своей эпохи. Поэты, вышедшие из крестьян: Клюев, Есенин в первую пору своего творчества, Орешин, Клычков, сибирский поэт Ерошин – гораздо больше дали поэзии, и ретивый народник, пожалуй, мог бы заговорить о крестьянском искусстве, но это была бы <...> ошибка.

Сила поэтов в народных, просто человеческих образах. Так, сила Есенина в поэме „Марфа Посадница“ рождается потому, что он сумел революцию соединить с древнерусскими мотивами – с новгородской Марфой Посадницей.

И вот этой широты, этой образности, этого всеобъемлющего синтеза <...> нет у большинства специалистов пролетарской поэзии».

Апрель, 7. Омская газета «Рабочий путь» (№ 80; рубрика «Библиография») помещает статью Ю.Казарновского «Еще о „Сибирских огнях“»:

«...Обращают на себя внимание только красивые по форме и содержанию стихотворения Л.Лесной и стихотворение <В.> Берникова, начинающееся красивым образом:

Ходит вечер в розовой рубахе,
Подпоясан облачком пунцовым.

Правда, рубаха немножко снята с Есенина, но остальная часть стихотворения вполне индивидуальна».

Апрель, 8. Есенин и А.Б.Мариенгоф присутствуют на выступлении А.Дункан в Театре музыкальной драмы (бывш. Зимина).

Из анонса выступления:

«Программа вечера Айседоры Дункан в субботу 8 апреля в театре Зимина составлена из произведений Р.Вагнера <...>.

Во втором отделении состоится „Конференция о школе Дункан“ со словом Луначарского и Айседоры Дункан, иллюстрируемая танцами Ирмы Дункан и детей московской школы Дункан.

Будут исполнены „Траурный марш“ Шуберта, три вальса Шуберта и его же марш Millitaire.

В заключение вечера Айседора Дункан танцует „Славянский марш“ Чайковского и „Интернационал“ с Ирмой Дункан и детьми.

30% валового сбора поступает голодающим Поволжья.

После спектакля А.Дункан уезжает с концертами в Берлин и Варшаву».

[Б.п.] К спектаклю Айседоры Дункан. – Газ. «Известия ВЦИК», 1922, 7 апр., № 79.

Присутствие Есенина подтверждается воспоминаниями А.Б.Мариенгофа:

«Как-то Айседора Дункан танцевала в бывшем Зиминском театре. Всё было переполнено: партер, ложи, балкон, ярусы. <...>

Мы сидели с Есениным в ложе бенуара, недалеко от сцены. Слева, в соседней ложе, были — актриса, актер и нэпман. Нам не пришлось особенно навострять уши, чтобы слышать их болтовню. <...>

— Знаете ли, друзья мои, — сказал молодой человек с подбритыми бровями, — а ведь это довольно неэстетическое зрелище: груди болтаются, живот волнуется. Ох, пора старушенции кончать это занятие.

— Дуся, ты абсолютно прав! — поддержал его трехподбородковый нэпман с вылупленными глазами. — Я бы на месте Луначарского позволил бабушке в этом босоногом виде только в Сандуновских банях кувыркаться.

Мне было страшно взглянуть на Есенина.

— Ха-ха-ха!..— захохотал актер, разумеется, слишком громко и малоестественно.

Настроение у нас стало „серое с желтыми пятнышками“, как говорил один хороший писатель прошлого века.

— А сколько ей лет, Жоржик? — промурлыкало хрупкое существо с глазами, как дым от папиросы.

— Черт ее знает! Говорят, шестьдесят четыре, — по привычке соврал актер.— Она еще при Александре Третьем в Михайловском театре подвизалась. <...>

Есенин сидел в глубине ложи, прячась от зрителей.

— Пойдем, Толя, — процедил он побелевшими губами, почти не разжимая челюстей. Я поднялся с кресла.

Есенин натянул замшевую перчатку на трясущуюся руку.

— Есенин!.. Есенин!.. — зашептали вслед приятные соседи.

— Муж!.. Ха-ха! Муж старухи!

Часы на Театральной площади показывали десять.

— Довезу! — предложил лихач с надменным лицом гвардейца.

— На Пречистенку. <...>

Пречистенка.

Две маленькие неяркие звезды из-за трубы балашовского особняка взглянули на меня глазами человека, заболевшего желтухой.

— Приехали, Сережа, — тихо сказал я, беря его за руку.

Всю остальную часть ночи он пил свой есенинский коктейль – водку с пивом».

Мой век, 221–225.

Апрель, 9. К Есенину приходит П.В.Орешин.

Событие и его дата устанавливаются в соответствии со сведениями из воспоминаний А.Б.Мариенгофа:

«На другой день <см. предыд. запись> в балашовский особняк пожаловал поэт Петр Орешин.

— Дай, Серега, взаймы пять червонцев, — сказал он Есенину. — В субботу отдам. Будь я проклят.

— Нет ни алтына, душа моя.

И Есенин, вынув бумажник, бросил его на стол:

— Всё, что найдешь, твое. Без отдачи. Богатей!

Он имел обыкновение рассовывать деньги по карманам. Но на этот раз во всех было пусто.

Орешин взял бумажник и стал деловито обшаривать его.

— Вот так камуфлетина!

Мужиковствующие поэты щеголяли подобными словечками.

— О тебе, Петр, в Библии сказано: „В шее у него жилы железные, а лоб его медный".

— Признавайся, Серега, а в карманах? В карманах есть?

И взглянул на Есенина взглядом испытующим и завистливым. Ершистые брови зло двигались.

— Ищи, — сказал Есенин, поднимая вверх руки. — Ищи!

Орешин дотошно искал, выворачивая карман за карманом.

— Где научился обшаривать-то? В угрозыске, что ли?

— И впрямь ни шпинта. В решете чудо!

— А штиблеты скидывать? — играя в покорность, спросил Есенин. — Может, там найдешь рубликов триста? Под пяткою у меня?

— Дурак! — хмуро выругался Орешин. — Какого же черта на богатой старухе женился?

Есенин стал белым, как носовой платок. Но не ударил Орешина, а только сказал:

— Ах, Петро, Петро!.. Не о тебе ли с твоими друзьями... по вшивому Парнасу... говорено в древности: „Мы благословляем вашу наивность, но не завидуем вашей глупости"».

Мой век, 225–226.

Апрель, 11. Берлинская газета «Голос России» (№ 939) информирует о выходе в свет и поступлении в продажу выпусков «Общедоступной библиотеки „Книга для всех"», подготовленных издательством «Мысль» (Берлин), в том числе:

Вып. 2–3. «Поэзия большевистских дней (Блок, Эренбург, Есенин, Каменский, Шершеневич и др.)».

Апрель, 12. В письме к А.Г.Назаровой из Покровского-Стрешнева Г.А.Бениславская рассказывает о своем душевном состоянии после сближения Есенина с А.Дункан:

«Аня, милая, как-то грустно, что ты себя плохо чувствуешь и не можешь дышать полной грудью как раз сейчас, когда такой хороший весенний воздух. А у нас, Аня, зима! Глубокая, как будто вечная, зима, и знаешь — „светит, да не греет". И, что бы ни делать, а весны нет. И как светит! Если бы не светило, легче забыть прошедшим летом тепло, счастье.

А как назло: вот по телефону узнаешь, что где-то светило оно, и опять яркой, сверкающей вереницей проходят летние дни, такие теплые, ласковые, вспоминается так безграничная радость, которая окружала меня тогда. Как было хорошо тогда. И какая я дрянная; было хорошо и радоваться бы, а мне всё мало! Хотя нет — это понятно — могло быть лучше, ну, одним словом, я не властна — не желать большего. <...>

Но ты не думай, что я так и хожу повесив нос, нет, я начинаю оживать и жду, жду с трепетом весны (настоящей), а сейчас, как назло, плохая погода, бешеный северный ветер (всё замораживает и воет целую ночь и целый день). Аничка, одно плохо — ведь „только раз светит юность, как месяц в родной губернии!" И эта юность уже позади, она отдана... „никому", „в никуда", тот, кому она отдана, не заметил даже. Мне не жаль, иначе я не могла, но понимаешь, даже для него <...> нет того молодого радостного чувства, есть сильное, спокойное, но с залеченной раной, и рубец глубокий, пусть даже он и не болит. <...>

Знаешь, я думала, что будет очень плохо путешествовать сюда, но доехала прекрасно, только две версты (последних) шла, а остальную дорогу ехала. Когда я вошла в парк (это был туманный серый и сырой день), птицы пели как будто в июле месяце, то, что называется, заливались. Забыли, что это несносная весна 1922 года; ведь таких весен я еще не знала и не предчувствовала, весна, которая обернулась зимой, злой и беспощадной. <...>

А знаешь, когда я вспоминаю последнюю хорошую встречу <с Есениным> у Зимина (ведь после таких встреч, что ни говори, а проблески надежды бывают) и потом последнюю с Яной — на диспуте (когда опять гаснет надежда) — разве это не та же весна 1922 года; так же: блеснет солнце, засверкает, пригреет, и вдруг — мороз, холод, снег, вьюга и слякоть — забудешь, что бывает весна, лето. И так во всем».

РГАЛИ, ф. 190, оп. 1, ед. хр. 150.

Точные даты упоминаемых встреч Г.А.Бениславской с Есениным не установлены.

Апрель, после 12. В Рязанском губернском издательстве выходит литературно-художественный сборник «Из недр земли» со статьей В.М.Кисина «Октябрь в отражениях современной литературы», где идет речь о Есенине.

Граница события устанавливается по информационной заметке (газ. «Известия Рязанского губисполкома...», 1922, 12 апр., № 49; рубрика «Новые книги»).

Автор пишет:

«...Сергей Есенин воочию видит: „Новый на кобыле идет к миру Спас" – „кто-то с новой верой, без крестов <так!> и мук, натянул на небе радугу, как лук" – „кто-то вывел гуся из яйца звезды нового Исуса проклевать следы".

И у „деревенского хулигана", размашистого и забубенного, вдруг является пророческий и строгий тон:

Не устрашуся гибели,
Ни копий, ни стрел дождей, –
Так говорит по Библии
Пророк Есенин Сергей.
Время мое приспело,
Не страшен мне лязг кнута,
Тело, Христово тело
Выплевываю изо рта.

Обращаясь к Америке, он грозит ей в пророческом гневе (С.Есенин. Инония)».

Апрель, 14. Парижская газета «Последние новости» (№ 613) в разделе «Парижская хроника» публикует сообщение:

«В Париже скончалась мать известной танцовщицы Айседоры Дункан — Дора Грей Дункан».

Апрель, 15. Г.А.Бениславская пишет А.Г.Назаровой из Покровского-Стрешнева, не раз обращаясь к «Пугачеву» Есенина:

«О, эти головы!
О, черная и золотая!
А<натолий> М<ариенгоф>.

<...> Как ты, Анечка, живешь? Не скучает ли девочка? Что делает там? Грустит ли, радуется? Отчего не пишет?

Знаешь, Аня, я ужасно не люблю Галю, она глупая и противная. Помнишь, рассказывала, что у нее всё успокоилось, что будет мудрой, что ей ничего не нужно, а сама твердит: „О, эти головы, о, черная и золотая!“ Вот ведь дура-то! Правда? А самое главное — ждала весны, надеялась, что будет лучше, а теперь: жаворонки поют, скворцы свистят, грачи молебны служат, а она один день порадовалась, а на второй ей уже скучно. Вот несносная! Вчера только то и спасло, что Янка ее навестила, да и это не так уж обрадовало. Вот ведь как отравленная! Не знаю, как у нее дурь из головы выбить.

Сегодня серый осенний день, слякотный и промозглый. Ни за что не скажешь: весна; настоящая поздняя осень, листьев нет, деревья голые:

Экий дождь! Экий скверный дождь!
Как скелеты тощих журавлей,
Стоят ощипанные вербы...
Это осень, как старый оборванный монах,
Пророчит кому-то о погибели вещей.

Вот этого настроения сегодня не прогнать, не переубедить, что это весенний дождь, что можно

Просыпаться на рассвете
Оттого, что радость душит...
(Ахмат<ова>)».

РГАЛИ, ф. 190, оп. 1, ед. хр. 150.

Цитируемый текст открывается строками из стихотворения А.Б.Мариенгофа «Какая тяжесть!..» написанного в янв. 1922 (см.), а заканчивается начальными строками стихотворения А.А.Ахматовой (1917; без заглавия).

Апрель, 16. Берлинская газета «Голос России» (№ 943) публикует статью В.М.Чернова «Эолова арфа революции» (отклик на антологию «Поэзия революционной Москвы»).

В ней, в частности, говорится:

«...самого себя составитель <И.Г.Эренбург> почтил *шестью страницами*: больше этого во всем сборнике выпало лишь четверым счастливцам: Вячеславу Иванову, Сергею Есенину, М.Цветаевой и почему-то еще Б.Пастернаку.

Несмотря на весь этот варварский произвол составителя, сборник интересен. Его выручает естественное богатство материала, из которого составителю пришлось черпать. Никакого сомнения быть не может: современная русская поэзия красочна и богата».

Затем критик пишет о поэзии В.В.Маяковского, А.Б.Мариенгофа, В.Я.Брюсова, В.В.Каменского и И.Г.Эренбурга. И после этого о Есенине:

«И если Эренбург — беспочвенник, то бывший почвенник Сергей Есенин, оторвавшийся от почвы, не менее действенен, жалуясь, что он почти потерял „задор прежней вправки деревенского озорника“, что „засосал его песенный плен — осужденного на каторге чувств вертеть жернова поэм“. И не то беда, что когда-то он

…босые ноги в лужах осенних мокал,
А теперь ходит в цилиндре
И в лакированных башмаках,

а в том, что от „поэта деревни“ у него только и осталось, что, подобно ветру, он „и в песнях своих хулиган“, и что

Встречаясь с извощиком на площади,
Вспоминая запах навоза с родных полей,
Он готов нести хвост каждой лошади,
Как венчального платья шлейф…

К самому себе мог бы он потому обратить последние строфы своего стихотворения „Клюеву“ –

Так мельница, крылом махая,
С земли не может улететь».

См.: до 7 марта 1922.

В Рапалло подписан договор между РСФСР и Германией об установлении дипломатических и торговых соглашений.

Только после этого Есенин мог получить визу и заграничный паспорт. И именно сразу после этого А.Дункан начинает вести переговоры о гастролях за рубежом.

Апрель, вторая половина … Май, начало. Сотрудник Госиздата РСФСР П.Н.Зайцев после ревизии рукописей, находящихся в издательстве, направляет некоторые из них в Редакционную коллегию с сопроводительным письмом:

«Литературно-художественная секция препровождает рукописи:

1) С.Есенина, сборник стихов;

2) Н.Гумилева, сборники стихов и пьесы;

3) В.Фриче — Рев<олюционные> мотивы в нем<ецкой> поэзии;

4) Р.Якобсона — Современная русская поэзия.

Означенные работы не могут быть напечатаны Гос. Издательством ввиду того, что Есенин и Фриче не дали разрешения на издание своих вещей, исследование Якобсона уже вышло в другом издательстве, в Праге, а стихи и пьесы Гумилева печатаются в петербургских издательствах.

<Рукописи> следует переслать авторам или сдать в архив.

<Помощник Заведующего Лит.-Худ.> Секцией П.Зайцев».

Субботин-2001, 162–163.

Речь здесь идет о рукописи книги Есенина 1919 года «Стихи и поэмы о земле русской, о чудесном госте и невидимом граде Инонии» (подробнее см.: 5 мая 1922).

См. также: конец янв. – до 10 февр. 1919; 21 февр. 1919; 16 дек. 1920.

Апрель, 18. А.Дункан отправляет телеграмму из Москвы в Нью-Йорк импресарио С.Юроку:

«Предлагаю турне на 12 недель или дольше я Ирма <Дункан> великий русский поэт Есенин и двадцать учениц Минимум четыре представления в неделю Вы гарантируете 1200 долларов за представление Вы оплачиваете все театральные расходы в том числе переезд больших городах оркестр малых пианиста».

Хроника, 2, 253.

См. Приложение.

Апрель, до 19. В Петрограде выходит литературно-художественный альманах «Утренники» (кн. 1) со статьей Г.А.Шенгели «„Да он голый“»:

«Стихописанию теперь предаются все. Поток забубенных обложек заливает витрины. Стихотворство стало формой общественного мышления – совершенно так же, как некогда кружковые словопрения. <…> Тогда литератор Кармазинов лебезил перед Верховенским, теперь Ивановы-Разумники превозносят <Е>сениных. Бесы...

Посмотрим, что такое все эти носящие новое платье короли.

Прежде всего, люди, которых тошнит. Их тошнит от всего „Старого“ – от образов мировой истории, от памятников искусства и слова, от всех проблем, встающих перед духом; от философии, от точного знания, от политики, от религии, от быта, – от всего. Они – поэты мировой тошноты. И их икотные спазмы отзываются во всех их свершениях, – в их образах, в ритме, в их созвучиях, в их композиции, в их утверждениях, в их теориях.

Их стихи – „каталог образов“; их стихи читаемы без ущерба в любой последовательности строк сверху вниз и снизу вверх, и вперемежку. Их ритм „автономен“, т. е. ничего не выражает, отдираясь, как кожа мятого апельсина, от смыслового и эмоционального рельефа. Их созвучия – „приблизительны“, т. е. плохи, ибо легки: ведь уложить в необходимом сцеплении фразу в тесные границы обязательной рифмы – значит отпрепарировать высказываемое, продумать, прочувствовать, взвесить, что трудновато. Их утверждения нелепы; их нарочитые „совершенные нелепости“ — бездарны. Нет ничего легче, как утверждать, что по свету бродят „шарлатан и разбойник“ потому, что „колосьям режут горло серпом“, или выкрикивать, что „дважды два пять“.

Скудость их домыслов, их тем поразительна. Лошадки и коровки Есенина, авто и трамваи Шершеневича, грохоты и космический мордобой Маяковского, вегетарианские травки Петникова – всё это из строки в строку, из стихотворения в стихотворение, из книги в книгу. Взглянуть на образцово импотентного „Пугачева“. Нуль. Ни исторической правды (она, конечно, необязательна), ни правды психологической (тоже), ни логики положений, ни убедительности парадокса, – ничего. Десятка два „словечек“. Но любой боцман рассыплет короб брам-рей и фор-зейлей, и всякий столяр блеснет шерхебелями и цынубелями, так что „закорки“ и „елани“ – чушь, морок, афродизиак для кокаинных дам <…>.

И поэты, которым должно осмысливать гигантский опыт, им предстающий, и облекать его в слово, идут путем пилюльных фабрикантов. Изолированный образ – пилюля, иногда черт знает из чего сделанная. Проглотить легко, и катаральные колики унимаются. Отсюда и семисаженная реклама: „Покупайте пилюли Есенина! Капсюли Мариенгофа!“

И покупают, и глотают, и много довольны: „сотни благодарственных писем!“

Разврат словесный ширится, укореняется, общественная мысль расшатывается, уменье ясно выражаться, а значит, и ясно мыслить, уменье и без того не великое, испаряется. Стихописание захлестывает всё новые и новые слои: оказывается – легко!

Не пора ли отрезвиться? Не пора ли приклеить голым королям фиговые листки общественного невнимания?».

О границе события см.: Галушкин-2005, 2, 386–387.

Апрель, 19. С.Юрок из Нью-Йорка отвечает на телеграмму А.Дункан от 18 апреля:

«Предлагаем чистых 40 тысяч долларов за 50 выступлений оплачиваем все расходы двтчк пароход из Риги железнодорожные билеты здесь помещение объявления оркестр Нью-Йорке Бостоне Чикаго и пианиста других городах Турне начинается в октябре Телеграфируйте о согласии Пришлите фотографии и сведения для рекламы».

Хроника, 2, 253.

См. также: 18 апр. 1922.

Апрель, после 19. В Ростове-на-Дону сдается в печать сборник «Революционный чтец-декламатор» (составитель З.Чалая) с поэмой Есенина «Товарищ».

Газ. «Трудовой Дон», Ростов-на-Дону, 1922, 19 апр., № 220 (рубрика «Литература»).

См. Приложение.

Апрель, до 20. Выходит № 2 (6) журнала «Красная новь»:

— со стихотворением Есенина «Не жалею, не зову, не плачу...», посвященным С.А.Клычкову;

— статьей А.К.Воронского «Литературные отклики»:

«Утверждают, что наша литература „воскресает из мертвых“. В известном смысле это так. <...> За годы революции у нас появился целый ряд молодых писателей и поэтов, приявших революцию и октябрь. Некоторые из них уже в достаточной степени выявили себя, другие обещают это в ближайшем будущем. Оставляя в стороне писателей, сложившихся ранее, Демьяна Бедного, Маяковского, Б.Пастернака, Есенина, наложивших глубокий отпечаток на литературную жизнь последних лет, мы можем указать на Казина, Кириллова, Герасимова, Малашкина и т. д. <...>

В романах и очерках С.П.Подъячева <...> деревня выступает в роли бессовестной грабительницы всякой бедноты. У Есенина, наоборот, город, это – „черная гибель“ и „железный враг“ родимых полей. Он уверен, что деревня в итоге пропадет от города, но еще намерен посчитаться и „отпробовать вражеской крови“ и „пропеть песнь отмщенья“, звучащую в его устах более как крик отчаяния. За недостатком места мы, к сожалению, должны ограничиться этими беглыми замечаниями по злободневному вопросу о городе и деревне, отложив это до другого раза. Во всяком случае, вопрос этот сильно волнует и приковывает к себе внимание современной художественной прозы».

О границе события см.: Галушкин-2005, 2, 387–388.

Апрель, 20. А.Дункан отвечает на телеграмму С.Юрока от 19 апреля:

«Принимаю ваше предложение Подразумевается что турне будет продолжаться три месяца Вы оплачиваете все расходы и переезд из Риги меня Есенина секретаря Ирмы 20 учениц двух гувернанток Если хотите я могу выступать в маленьких городах одна с Есениным и пианистом Реклама и фото отправлены».

Хроника, 2, 253.

См: Приложение.

А.Дункан отправляет телеграмму в Париж своему менеджеру Оттуа:

«Harle <доверенное лицо А.Дункан в Париже> мне телеграфирует, что вы можете устроить специально утреннее выступление для меня Ирмы и двадцати учениц мае или июне Телеграфируйте мне непосредственно Москва Пречистенка 20».

Хроника, 2, 253.

См. Приложение.

Апрель, до 21. Журнал «Вестник искусств» (№ 3–4; рубрика «Книга») публикует статью А.Лежнева «„Пугачев“ Есенина, или О том, как лирическому тенору не следует петь героических арий».

Граница события устанавливается по информации в газ. «Известия ВЦИК», 1922, 21 апр.

Автор пишет:

«Понятно, что революция могла натолкнуть поэта на такую грандиозную тему, как пугачевское движение. Но на примере поэмы Есенина лишний раз убеждаешься, что не следует браться за эпические сюжеты, когда обладаешь чисто лирическим дарованием ограниченного диапазона. В противном случае получается „Вампука“.

Предположим, что ту же тему обработал бы... Не буду уж говорить о великих поэтах прошлого, скажем, Маяковский. В поэме были бы тогда свои недостатки, она была бы в два раза длиннее, исполнена лязга и грохота. Но этот лязг и грохот были бы железными. И над хаосом носился бы дух бунта и возмущенья, резкое дыхание стихийной мощи, которым веет с каждой страницы „150.000 000“. Стихийности темы огвечала бы стихийность поэта.

Не то у Есенина. В его драматизированной поэме нет ни драмы, ни эпоса. Мы слышим одну бесконечную декламацию, нагромождение образов и метафор.

Некоторые из них сами по себе очень выразительны и красивы, но не имеют никакого отношения к развитию поэмы, к ее духу, нарастанию ее действия.

Они самодовлеющи — и никакого собственно нарастания действия и нет, а есть одно топтание на ровном поле метафор. И начинает казаться, что только для этих метафор и написана поэма. Я уж не говорю об историческом колорите, о колорите эпохи. Его просто нет, и в планы автора, может быть, и не входило давать его. Не стану долго останавливаться и на очаровательных анахронизмах а là Шекспир (напр.: „Керосиновую лампу в час вечерний зажигает фонарщик из города Тамбова“. В 70-х-то годах XVШ-го столетия?). Это, возможно, стилизация под великого англичанина. Но вот что особенно поразительно: не передано главное — дух бунта, народного возмущения, народной революции. Народа в поэме собственно и нет. Но можно было эту стихийность, этот мятеж поведать в фигурах Пугачева и его соратников. Так нет же! Посмотрите, как слащаво, как манерно, как жалко они обрисованы!

Вот, например, диалог прямо из „Вампуки“ <...>.

Кто бы, вы думали, этот собеседник сторожа? Можно ли узнать в этом оперном пейза<ни>не, изысканно и идиллически воркующем, Пугачева, того Пугачева, который мстил, рубил, жег и вешал? Не кажется ли вам, что этот начитанный в имажинизме джентльмен еще прошлым летом декламировал в „Стойле Пегаса“?

Пугачев Есенина добрый малый, чувствительный, впечатлительный и нервный. Любит пожаловаться, подекламировать, поплакать:

Бедные, бедные мятежники,
Вы цвели и шумели, как рожь.
Ваши головы колосьями нежными

(О, Карамзин! Неужели ты и в гробу не прослезишься?)

Раскачивал июльский дождь,
Вы улыбались тварям...

Не страшны, как видите, и мятежники, „улыбающиеся тварям". Во всех них мало героического, мужественного, даже просто мужского. Может быть, в этом-то и кроется своеобразное очарование есенинского chefd'oeuvre'a. Гейне говорил, что главная прелесть Расина состоит в обаятельном маскараде его героев: маркизы наряжены женщинами древностн, Федрами и Андромахами; изящные кавалеры Людовика XIV-го — Ипполитами и Пиррами. Есенин пошел еще дальше: его женщины переодеты мужчинами, его идиллические пейзане — мятежными бунтовщиками, и поэты из „Стойла Пегаса" загримированы a là cosaque russe <под русского казака, *фр.*>.

<...> Или конец поэмы, слова Пугачева. По отношению к Пугачеву они совершенно ложны в своей сентиментальности и мягкости, но, взятые сами по себе, безотносительно к нему, они очень хороши — теплотой колорита, красочностью образов <...>.

Повторяю: не следует лирическому тенору петь героические партии, Есенину писать поэмы, а главное, не следует считать эти поэмы, это искусство —революционным».

Апрель, 21. Наркомпрос ходатайствует перед Наркоматом иностранных дел о выдаче Есенину заграничного паспорта:

«21/IV В Народный комиссариат Иностранных дел.

Народный комиссариат по просвещению командирует поэта С.А.Есенина в Германию сроком на 3 месяца по делу издания собственных произведений и примыкающей к нему группы поэтов и просит выдать ему заграничный паспорт.

Основания: постановление комиссии по рассмотрению заграничных командировок от 3-го апреля 1922 года.

Нарком по просвещению
Секретарь комиссии Наркомпроса».

Есенин, VII (2), 316.

См.: 17 марта 1922; 3 апр. 1922; 24 апр. 1922; 8 мая 1922.

Наркомпрос выписывает Есенину мандат:

«Дан сей Народным Комиссариатом по просвещению поэту Сергею Александровичу Есенину в том, что он командируется в Германию сроком на 3 месяца по делу издания собственных произведений и примыкающей к нему группы поэтов.

Народный Комиссариат по просвещению просит всех представителей советской власти, военных и гражданских, оказывать С.А.Есенину всяческое содействие.

Нарком по просвещению
Секретарь коллегии Наркомпроса».

Есенин, VII (2), 316–317.

С.Юрок отправляет из Нью-Йорка телеграмму А.Дункан:

«Подтверждаем официально договор и просим продлить поездку на один месяц с тем чтобы она не превышала 4 месяца в целом».

Хроника, 2, 253.

Апрель, 23. Г.А.Бениславская пишет А.Г.Назаровой из Покровского-Стрешнева:

«...ведь мы обе „беспутные“, обе по бездорожью бродим, заранее зная, что дороги-то и нет.

Знаешь, Есенин сказал, что: „прозревшие вежды закрывает одна лишь смерть“, ведь это верно, раз поняв, нельзя забыть понятое, можно не думать, гнать от себя это, но понять по-другому нельзя (я говорю о бесцельности). Ну, а может, мы еще долго будем вместе по бездорожью шататься, дороги нет, так зато звёзды».

Далее цитируется стихотворение Есенина «Сторона ль ты моя, сторона...».

Письма, 326.

Апрель, 24. Есенин представляет в Народный комиссариат по иностранным делам документы (заявление, два поручительства, отношение Наркомпроса) и подписывает заполненную работником НКИД регистрационную карточку.

Есенин, VII (2), 504–505.

В настоящее время из этих документов известно только письмо Наркомпроса (см.: 21 апр. 1922).

См. также: 17 марта 1922; 3 апр. 1922; 8 мая 1922.

Апрель, 25. Есенин пишет Е.А.Есениной:

«Катя! Оставляю тебе два конверта с деньгами. 20 милл<ионов> тебе и сто милл<ионов> передай отцу.

Пусть он едет домой и делает с ними, что хочет, большего я сделать ему не могу.

Тебе перед отъездом оставлю еще.

Дня через 2—3—4 позвони мне. Около 2—½ я всегда дома».

Есенин, VI, 134.

Журнал «Театральная Москва» (№ 37; за 25–30 апреля) публикует письмо в редакцию А.Б.Мариенгофа «Да, поэты для театра: Ответ Вадиму Шершеневичу»:

Возражая В.Шершеневичу, А.Мариенгоф отводит в работе над постановкой пьесы в театре первостепенное значение не интриге, а искусству актера:

«Когда актер с подлинным мастерством, т.е. с искусством будет волноваться, двигаться и декламировать (я не боюсь этого слова), тогда не потребуется театральная интрига». Он пишет о том, что всякая талантливая пьеса для театра «безусловно годна и не годен театр, который не может сделать такую пьесу интересной».

О статье В.Г.Шершеневича см.: 4 апр. 1922.

Здесь же — информация:

«Айседора Дункан <...> уезжает на 1½–2 месяца в Западную Европу. Предполагаемый маршрут ее поездки таков: Берлин, где она даст 3 концерта, Испания, на обратном пути — Варшава. Возвратиться в Москву Дункан намерена в начале июня. Во время ее отсутствия работа в школе не прервется, занятия будет вести Ирма Дункан, остающаяся в Москве».

Апрель, 26. Есенин делает дарственную надпись на книге «Пугачев» (М.: Имажинисты, 1922) С.Т.Конёнкову.

«Зимагору любимому вовеки и нерушимо Сергею Тимофеевичу Коненкову 26 апр. 1922. С. Есенин».

Есенин, VII (1), 206; Юсов-96, 326 (факсимиле надписи).

Оттуа отправляет телеграмму А.Дункан из Парижа:

«Буду телеграфировать результаты относительно Лондона Парижа».

Хроника, 2, 253.

См. также: Есенин, VI, 530, 540–543.

Апрель, до 29. В берлинском журнале «Вестник Русского книжного рынка» (№ 2, за апрель) печатается «Каталог № 10 Русского книжного магазина „Москва“ в Берлине»:

«Поэзия.

<…> Есенин С. Товарищ. Инония мар. 12. –

Триптих мар. 6. –

<…> Поэзия большевистских дней: Блок, Эренбург, Есенин и др. мар. 15».

Граница события устанавливается по информации в газ. «За свободу!» (Варшава, 1922, 29 апр., № 144, рубрика «Новые книги, поступившие в редакцию…»).

Апрель, после 29 … Май, до 15. Выходит журнал «Голос работника: Орган ЦК Всероссийского профсоюза работников советских и общественных учреждений и предприятий» (№ 6) со статьей «Пролетарское искусство» (подпись: Г. Ротшильд).

Рамки события устанавливаются по помещенному в номере протоколу:

«Заседание 29 апреля.

1. Постановление: на 15 мая созвать совещание представителей губотделов голодающих местностей».

В статье говорится:

«С того момента, как пролетариат стал у власти, – не только отдельные лица, но и целые течения в литературе и искусстве стали претендовать на то, чтобы их считали выразителями „пролетарского духа“. И реализм, и футуризм, и имажинизм – все претендуют на то, чтобы считаться „пролетарским искусством“. <…>

Всем <…> новоиспеченным друзьям, которые <…> пытаются контрабандным путем протащить в лагерь пролетариата старый буржуазный лозунг „искусство для искусства“, которые ясность мысли и формы заменяют оригинальничанием – пролетариат должен сказать: „Идите к тем, от кого вы пришли, нам с вами не по дороге“».

Апрель, до 30. «Русское универсальное издательство» в Берлине выпускает книгу литературно-критических очерков Ф.В.Иванова «Красный Парнас» с материалами, связанными с именем Есенина.

В книге помещен портрет Есенина работы С.А.Залшупина.

О границе события и о содержании книги см.: 30 апр. 1922 (вторая запись).

См. также: 20 июля 1921; 27 июля 1921.

Апрель, 30. Берлинская газета «Голос России» (№ 954) помещает:

– статью «Индустриализация духа искусства» (подпись: Лоренцо):

«Редакция „Вещи“, ликвидируя „блокадную“ изолированность художественной России от художественного Запада, устраивает в своем журнале „стык“ между ними. Посмотрим, что же дало первое свидание?

Жан Сало передает очень метко впечатление европейца от соприкосновения с духом русской поэзии. Оно – одно и то же, идет ли речь о Петникове, Есенине или Маяковском. <...>

„Книги Есенина для меня – некий цельный и безусловный мир. Для нас, европейцев, достаточно чуждый и, может быть, поэтому вдвойне притягательный... Это ощущение горожанина, жующего в ресторане хлеб и услышавшего последовательно запах: земли, зерна, зелени и т. д.“».

См.: до 2 апр. 1922;

– объявление:

«Русское универсальное издательство.

Только что вышли в свет:

<...> Федор Иванов. Красный Парнас (Литературно-критические очерки).

Содержание:

Старое в новом (Брюсов и Кузмин). – Роза и Крест (Блок). – Пролетарское творчество (Садофьев, Кириллов, Герасимов, Полянский). – Поэт земной радости (Эренбург). – Мужицкая Русь (Клюев, Есенин). – Без дороги (Маяковский). – Еще об имажинистах (Шершеневич, Кусиков). – Литература казенного образца (Федоров, Дерябина). – Максим Горький. – Мировая покинутость (Осоргин). – Пролетарский прозаик (Бессалько).

Обложка работы М.Мейерсона. Портреты А.Блока, А.Белого, И.Эренбурга, А.Мариенгофа, С.Есенина и А.Кусикова – работы С.Залшупина.

Цена – мар. 40».

Берлинская газета «Накануне» (№ 29) дает анонимную информацию «Воздушное сообщение между Германией и Россией»:

«1 мая открывается воздушное сообщение между Германией и Россией. <...> Аппараты построены по специальному заказу в Голландии и представляют последнее слово авиационной техники. Моторы лучшие в мире — системы Ройль-Ройс. Аэропланы являются собственностью советского правительства. <...> В каждом аэроплане имеется 6 сидячих мест. Грузоподъемность около 40 пудов.

Воздушное сообщение укоротит время переезда из Берлина в Москву в 4–5 раз. <...> В 9 часов утра (пока 3 раза в неделю из Кенигсберга вылетает аэроплан, который уже в 7 часов вечера того же дня прибывает в Москву. Перелет длится <...> всего 10 часов, считая в том числе две остановки: в Ковно <Каунасе> и Смоленске. Первоначально предполагалось, что самолеты будут делать первую и единственную остановку в Витебске, однако литовское правительство пожелало контролировать пролетающие над его территорией аэропланы, вследствие чего пришлось изменить маршрут <...>, чтобы поспеть к ночному поезду, отходящему вечером из Кенигсберга в Берлин».

На таком аэроплане Есенин и А.Дункан вскоре совершат полет в Германию (см.: 10 мая 1922).

Апрель. Болгарский журнал «Модерно изкуство» (София, № 4) публикует стихотворение Есенина «Я снова здесь, в семье родной...» в переводе Е.Т.Тодорова.

Сообщено Л.Г.Григорьевой.

Май, до 1. В.Хлебников передает Есенину свои рукописи для публикации за границей.

Событие устанавливается и датируется по записи В.Хлебникова на первой странице рукописной книги «Крыса» (1922):

«К 1 мая Есенину в Берлин <...> 48 стр. стихи сдать все <...> и двойники, статьи, Русалка / Зангези».

РГАЛИ, ф. 527, б/н (по копии А.Е.Парниса).

По мнению А.Е.Парниса, издание произведений В.Хлебникова планировалось в берлинском издательстве Ольги Дьяковой, ибо ее адрес также записан на странице указанной книги.

Май, 1. Журнал «Театральная Москва» (№ 38; за 1–7 мая) печатает статью В.Шершеневича «Театр не для поэтов».

Она является ответом А.Мариенгофу (см.: 25 апр. 1922).

В рамках дискуссии о сценичности есенинского «Пугачева» В.Шершеневич вновь повторяет мысли, уже изложенные им ранее (см.: 4 апр. 1922):

«... на театре надо занимать не ту роль, которую он <поэт> хочет, а ту, которая ему отводится театральным искусством. <Театр не> ставит пьесу поэта, а поэт ритмически разрешает звучальный элемент актерской работы».

См. также: 17 янв. 1922.

И.В.Грузинов позднее напишет, как Есенин формулировал свою точку зрения на театральное искусство и защищал сценичность своей вещи:

«...он <говорил, что> расходится со своими друзьями-имажинистами во взглядах на театральное искусство: в то время как имажинисты главную роль в театре отводят действию, в ущерб слову, он полагает, что слову должна быть отведена в театре главная роль.

Он не желает унижать словесное искусство в угоду искусству театральному. Ему как поэту, работающему преимущественно над словом, неприятна подчиненная роль слова в театре.

Вот почему его новая пьеса, в том виде, как она есть, является произведением лирическим.

И если режиссеры считают „Пугачева“ не совсем сценичным, то автор заявляет, что переделывать его не намерен: пусть театр, если он желает ставить „Пугачева“, перестроится так, чтобы его пьеса могла увидеть сцену в том виде, как она есть».

Восп., 1, 370.

Здесь же – информация:

«В школе Дункан начались занятия „взрослой“ группы под руководством Ирмы Дункан. Группа образована в 15 человек. <...> Из Нью-Йорка получена телеграмма о высылке оттуда американских пайков для учащихся школы от лиц, сочувствующих идеям Дункан».

Май, до 2. По просьбе А.Дункан И.И.Шнейдер исправляет в паспорте дату ее рождения:

«Накануне <регистрации брака> Айседора смущенно подошла ко мне, держа в руках свой французский „паспорт“.

— Не можете ли вы немножко тут исправить? — еще более смущаясь, попросила она.

Я не понял. Тогда она коснулась пальцем цифры с годом своего рождения. Я рассмеялся — передо мной стояла Айседора, такая красивая, стройная, похудевшая и помолодевшая, намного лучше той Айседоры Дункан, которую я впервые, около года назад, увидел в квартире Гельцер.

Но она стояла передо мной, смущенно улыбаясь и закрывая пальцем цифру с годом своего рождения, выписанную черной тушью...

— Ну, тушь у меня есть... — сказал я, делая вид, что не замечаю ее смущения, — Но, по-моему, это вам и не нужно.

— Это для Езенин, — ответила она. — Мы с ним не чувствуем этих пятнадцати лет разницы, но она тут написана... и мы завтра дадим наши паспорта в чужие руки... Ему, может быть, будет неприятно... Паспорт же мне вскоре не будет нужен. Я получу другой.

Я исправил цифру».

Восп., 2, 42–43.

Май, 2. Есенин регистрирует брак с А.Дункан.

Дата события устанавливается по информационной заметке «Дело о наследстве Есенина»:

«Есенин со 2 мая 1922 г. состоял в зарегистрированном браке с Айседорой Дункан. Этот брак до самой его смерти не был расторгнут».

Газ. «Вечерняя Москва», 1926, 4 сент., № 203.

И.И.Шнейдер позднее напишет:

«Чувство Есенина к Айседоре, которое вначале было еще каким-то неясным и тревожным отсветом ее сильной любви, теперь, пожалуй, пылало с такой же яркостью и силой, как и любовь к нему Айседоры.

Оба они решили закрепить свой брак по советским законам, тем более что им предстояла поездка в Америку, а Айседора хорошо знала повадки тамошней „полиции нравов“, да и Есенин знал о том, что произошло в Соединенных Штатах с М.Ф.Андреевой и А.М.Горьким только потому, что они не были „повенчаны“.

Ранним солнечным утром мы втроем отправились в загс Хамовнического Совета, расположенный по соседству с нами в одном из пречистенских переулков.

Загс был серенький и канцелярский. Когда их спросили, какую фамилию они выбирают, оба пожелали носить двойную фамилию — „Дункан-Есенин“. Так и записали в брачном свидетельстве и в их паспортах. <...>.

— Теперь я — Дункан! — кричал Есенин, когда мы вышли из загса на улицу».

Восп., 2, 42.

А.Б.Мариенгоф изобразит этот эпизод так:

«Перед отъездом за границу Дункан расписалась с Есениным в загсе.

— Свадьба! Свадьба!.. — веселилась она. — Пишите нам поздравления! Принимаем подарки: тарелки, кастрюли и сковородки. Первый раз в жизни у Изадоры законный муж!

— А Зингер? — спросил я.

Это тот самый — „Швейные машины“. Крёз нашей эпохи. От него были у Дункан дети, погибшие в Париже при автомобильной катастрофе.

— Зингер?.. Нет! — решительно тряхнула она темно-красными волосами до плеч, как у декадентских поэтов и художников.

— А Гордон Крэг?

— Нет!

— А Д'Аннунцио?

— Нет!

— Нет!.. Нет!.. Нет!.. Сережа первый законный муж Изадоры. Теперь Изадора — русская толстая жена! — отвечала она по-французски, прелестно картавя».

Мой век, 226–227.

В памяти Э.Я.Германа сохранились такие воспоминания:

«Наутро после свадьбы Сергея и Айседоры, уходя из ее (теперь — их) особняка, я столкнулся с движущейся к умывальной комнате вереницей белых детских хитонов. В свете раннего утра они показались мне призраками.

В этом призрачном мире жил Сергей. Трудно было не улыбнуться при этой мысли».

Материалы, 169.

Есенин фотографируется с А. и И.Дункан и на Пречистенке, 20.

Есенин, VII (3), 234–235, фото № 59.

См. Приложение.

Май, 3. Берлинская газета «Накануне» (№ 30) печатает отрывок «Из „Записок писателя“» Е.Г.Лундберга с упоминанием Есенина.

Это дневниковая запись с датой: «Июнь, 1918 г.».

Текст см.: Летопись, 2, 138.

Май, 4 и 7. Берлинская газета «Голос России» (№ 956 и 959) информирует о выходе в свет и поступлении в продажу выпусков «Общедоступной библиотеки „Книга для всех“», подготовленных издательством «Мысль» (Берлин), в том числе:

Вып. 2–3. «Поэзия большевистских дней (Блок, Эренбург, Есенин, Каменский, Шершеневич и др.)».

Май, до 5. Есенин отправляет телеграмму А.Б.Кусикову в Берлин:

«Сандро! Пятого мая выезжаю. Сделай объявление в газетах о предстоящем нашем вечере на обоих языках. Есенин».

Есенин, VI, 134.

Об информации на русском языке см.: 7 мая 1922. Объявление на немецком языке не обнаружено.

По-видимому, Есенин вначале предполагал выехать поездом, а не лететь самолетом, либо надеялся до 5 мая получить заграничный паспорт.

См. также: Есенин, VI, 523–524.

Май, 5. Распорядительная Комиссия Госиздата РСФСР постановляет:

«3. Издать следующие рукописи: <...> 2) Есенина — Избранное, стихи, разм<ер> 1124 стих<отворные> стр<оки>».

Это вступает в видимое противоречие с запретом Есенина на издание его стихов Госиздатом, отмеченным выше (см.: вторая половина апр. ... начало мая 1922).

«Впрочем, противоречие это оказалось мнимым. В одном из архивных дел Госиздата, содержащем внутренние рецензии на представленные к изданию рукописи, есть следующий машинописный текст:

„С.Есенин. Стихи и поэмы о земле русской.

В сборник вошли стихи из разных сборников поэта. Договора по этому сборнику не имеется. Автор высказался против печатания этого сборника в Госуд. Издательстве. Рукопись следует сдать в Архив или вернуть автору“.

Это редакционное заключение без подписи и даты выполнено на той же пишущей машинке, что и ряд других документов весны 1922 года, подписанных П.Н.Зайцевым, и, без сомнения, принадлежит именно ему. Отсюду явствует, что залежавшейся в Госиздате до 1922 года рукописью Есенина были <...> „Стихи и поэмы о земле русской, о чудесном госте и невидимом граде Инонии“ (1919).

Была ли возвращена поэту его рукопись, неизвестно. Очевидно, однако, другое — инициатива возобновления контактов Госиздата с Есениным весной 1922 года исходила от издательства, что ознаменовало начало нового этапа взаимодействия сторон. В результате вместо „Стихов и поэм о земле русской...“ Есенин предложил Госиздату рукопись другого сборника — „Избранное“» (Субботин-2001, 163).

См.: 9 мая 1922.

Есенин отправляет письмо Н.А.Клюеву:

«Милый друг! Всё, что было возможно, я устроил тебе и с деньгами, и с посылкой от „Ара“. На днях вышлю еще 5 милл<ионов>.

Недели через две я еду в Берлин, вернусь в июне или в июле, а может быть, и позднее. Оттуда постараюсь также переслать тебе то, что причитается со „Скифов“. Разговоры об условиях беру на себя и если возьму у них твою книгу, то не обижайся, ибо устрою ее куда выгодней их оплаты.

Письмо мое к тебе чисто деловое, без всяких лирических излияний, а потому прости, что пишу так мало и скупо.

Очень уж я устал, а последняя моя запойная болезнь совершенно меня сделала издерганным, так что даже и боюсь тебе даже писать, чтобы как-нибудь беспричинно не сделать больно.

В Москву я тебе до осени ехать не советую, ибо здесь пока все в периоде организации и пусто — хоть шаром покати.

Голод в центральных губ<ерниях> почти такой же, как и на севере. Семья моя разбрелась в таких условиях кто куда.

Перед отъездом я устрою тебе еще посылку. Может, как-нибудь и провертишься. Уж очень ты стал действительно каким-то ребенком — если этой паршивой спекулянтской „Эпохе“ за гроши свой „Рим“ <т. е. поэму „Четвертый Рим“> продал. Раньше за тобой этого не водилось.

Вещь мне не понравилась. Неуклюже и слащаво.

Ну, да ведь у каждого свой путь.

От многих других стихов я в восторге.

Если тебе что нужно будет, пиши Клычкову, а ругать его брось, потому что он тебя любит и сделает всё, что нужно. Потом можешь писать на адрес моего магазина приятелю моему Головачеву, Б. Никитская, 15, книжный магаз<ин> художн<иков> слова. Это на случай безденежья. Напишешь, и тебе вышлют из моего пая, потом когда-нибудь сочтемся. С этой стороны я тебе ведь тоже много обязан в первые свои дни.

Из-за границы буду тебе писать на Разумника <эти письма неизвестны>.

Привет и целование».

Есенин, VI, 135–136, 524–526.

Май, до 7. Есенин пишет стихотворение «Прощание с Мариенгофом».

См. след запись.

Май, 7. Есенин и А.Дункан приходят к А.Б.Мариенгофу. Поэты обмениваются стихотворениями, посвященными друг другу.

События устанавливаются и датируются по воспоминаниям А.Б.Мариенгофа:

«Весна. В раскрытое окно лезет солнце и какая-то незатейливая подглуповатая радость.

Я затягиваю ремень на непомерно разбухшем чемодане. Сколько ни пыхчу, как ни упираюсь коленом в его желтый фибровый живот—толку мало.

Усаживаю Никритину на чемодан:

— Постарайся набраться весу.

Она, легкая, как перышко, наедается воздухом и смехом.

— Рразз!..

Раздувшиеся щеки лопаются, ремень вырывается у меня из рук, и разъяренная крышка подбрасывает „вес“ кверху.

Входят Есенин и Дункан.

Есенин в шелковом белом кашне, в светлых перчатках и с букетиком весенних цветов.

Он держит под руку Изадору важно и церемонно.

Изадора в клетчатом английском костюме, в маленькой шляпе, улыбающаяся и помолодевшая.

Есенин передает букетик Никритиной. Наш поезд на Кавказ отходит через час. Есенинский аэроплан отлетает в Кенигсберг через три дня <см.: 10 мая 1922>.

— А я тебе, дура-ягодка, стихотворение написал <см. предыд. запись>.

— И я тебе, Вяточка <см.: янв. 1922; 15 апр. 1922>.

Есенин читает, вкладывая в теплые и грустные слова теплый и грустный голос <...>.

Мое «Прощание с Есениным» заканчивалось следующими строками:

А вдруг —
При возвращении
В руке рука захолодеет
И оборвется встречный поцелуй».

Мой век, 396–398.

Г.А.Бениславская записывает в дневнике:

«Завтра <см.: 10 мая 1922> уезжает с нею <А.Дункан>. „Надолго“, как сказал М<ариенгоф>. Хотелось спросить: „и всерьез?“ Очевидно, да! А я все пути потеряла — беречь и хранить ли себя, помня его, его одного? Или — дать себя захватить другому течению <...> знаю — стоит ступить ногой, и поток подхватит, как шквал, быть может, сильнее первого, и еще более изломает. <...>

Вот странно, еще не пошла, а знаю, что пойду. < ...> И никуда в тихую заводь не могу пойти после бурного течения, после стихии, захлестнувшей меня, — только опять в такой же водопад.

И вместе с тем ужасно — ведь уже, наверное, радости не будет (там, хоть недолго, но была и сплошная радость), не будет у меня и молодости».

Материалы, 107–108.

В «Литературном приложении» к берлинской газете «Накануне» (№ 34; рубрика «Литературная хроника») сообщается:

«Моск<овская> „Асс<оциация> Вольнодумцев“ прислала на имя находящегося в Берлине поэта Ал. Кусикова телегр<амму> с извещением, что Сергей Есенин выезжает 5 мая из Москвы в Берлин. В Берлине <см.: до 5 мая 1922> предполагаются доклады об „Имажинизме и револ<юционной> поэзии“ С.Есенина и А.Кусикова».

Там же публикуется статья А.Б.Кусикова «Битюг» с упоминанием Есенина:

«...Я очень люблю Клюева. И тем больнее мне подслушивать его предсмертное судорожное издыхание. <...> И что действительно тебе угоняться за Сергунькой Есениным. Вы ведь такие разные. Он, как и „мы все“ — „разбойник и хам и по крови степной конокрад“, „хулиган“, „бандит“, а ты смиренный инок, мудрый лесничий, ты знаешь каждую былинку, каждую травку — ты другой, совсем другой...».

Под текстом дата: «2 мая».

Май, после 7 ... 14. В берлинском издательстве «Огоньки» выходит книга Е.Г.Лундберга «Записки писателя (1917–1920)», где упоминается Есенин.

Граница события устанавливается по объявлениям в берлинской газете «Руль» от 7 и 14 мая 1922 (соответственно № 447 и 453).

Тексты записей автора о Есенине, вошедшие в книгу, см.: Летопись, 2, 78, 89, 138.

Май, 8. Комиссия Главнауки по заграничным командировкам выносит постановление разрешить Есенину командировку за границу.

Событие устанавливается и датируется по «Спискам научных работников, командированных за границу» за 1922 г.:

«Номер по порядку	1
Ф.И.О.	Есенин С.
Занимаемая должность	поэт
Место командировки:	Германия
Срок команд<ировки>:	3 м<есяца>
За чей счет командирован и размер ассигнования	Б<ез> субсидии
Цель командировки:	По делу издания собственных произведений и примыкающей к нему группы поэтов
Дата постановления Ком<иссии> по загр<аничным> ком<андировкам>	8 / IV – 22 г.
Нн. загранич<ного> паспорта и коман-д<ировочного> удостоверения	–
Время отъезда за границу	–
Время возвращения из заграницы	–
Примечание	–».

ГАРФ, ф. А2307, оп. 19, ед. хр. 22, л. 4 об.-5 (сообщено Н.В.Котрелевым).

Есенин получает в Москве заграничный паспорт № 5072.

Есенин, VII (2), 504–505.

См.: 17 марта 1922; 3 апр. 1922; 21 апр. 1922; 24 апр. 1922.

Есенин пишет Г.А.Бениславской:

«Милая Галя! Тысячу приветов Вам! Будьте добры, дайте т. Сахарову вариант шестой главы. Любящий Вас С. Есенин».

Есенин, VI, 136.

Просьба Есенина не была выполнена — машинописная копия варианта шестой главы поэмы «Пугачев» (факсимиле ее первой страницы см.: Материалы, 111) осталась у Г.А.Бениславской (см.: 16 окт. 1922).

В петроградской газете «Вечерний телеграф» (№ 1) печатается рецензия З.С.Давыдова на книгу Н.А.Клюева «Четвертый Рим»:

«„Четвертый Рим“ – это цикл стихотворений, <...> являющийся песенной полемикой с поэтом Есениным, недавним „песнебойцем“ избяной Руси, ныне же, по его собственным словам, щеголяющим в поэзии „в цилиндре и в лаковых башмаках“ и засевшим со своими новыми соратниками – имажинистами в „Стойле Пегаса“. Но мужицкий поэт Клюев идет по-прежнему походом „на ювелирных мастерочков рифм – собак на сене“ и по-прежнему не хочет быть „знаменитым поэтом в цилиндре и в лаковых башмаках“, не хочет наносным илом чужой цивилизации прикрывать и замутнять свою лесную самоцветную песенную душу.

Не хочу укрывать цилиндром лесного черта рога!
Не хочу цилиндром и башмаками затыкать пробоину в барке души!
Не хочу быть лакированным поэтом с обезьяньей славой на лбу! <...>

И даже:

Анафема, Анафема вам, башмаки с безглазым цилиндром!

Ибо:

Не будет лаковым Клюев, златорог – задорным кутенком.

<...> эта назойливая <...> эксцентричная „полемика“ и проклятия, посылаемые принадлежностям мужского туалета, являются той ложкой дегтя, которая портит душистый лесной мед, имеющийся в этой новой клюевской книжке.

Вряд ли безнаказанно возможно вводить в узорчатые беломорские сказки цилиндры и прочие „стойлопегасовские“ образы».

Май, 9. Есенин посещает Госиздат РСФСР для заключения договора на издание своего сборника избранных произведений.

Событие устанавливается и датируется по воспоминаниям П.Н.Зайцева:

«Он <Есенин> спешил. С Айседорой Дункан вылетали они завтра на самолете за границу, в свадебное путешествие. Поэт пробыл в Госиздате всего четверть часа, чтобы оформить договор на новую книгу и получить за нее гонорар. Он только что сдал свой „Березовый ситец“ <ошибка памяти мемуариста; на самом деле – „Избранное“> издательству».

Субботин-2001, 164.

«Это свидетельство подтверждается сохранившимися документами. В „Списке книг и рукописей, сданных в издательский сектор для напечатания по литературно-художественному отделу в течение мая 1922 г.“ под номером 9 значится: „Есенин. Избранное — Стихи. 1124 стр<оки>. 3000 экз.“. В другом

перечне — „Списке договоров, заключенных в течение мая месяца 1922 года по литературно-художественному отделу“ — под номером 22 числится: „С.А.Есенин. Сборник избранных произведений. 1124 ст. стр. <т. е. стихотворных строки>“» (там же, 164, 169).

Ни оригинал издательского договора, ни его копия не выявлены.

А.Дункан пишет завещание:

«Это мое последнее желание и завещание. В случае моей смерти я оставляю всю мою собственность и имущество моему мужу, Сергею Есенину. В случае нашей одновременной смерти имущество остается моему брату Августину Дункану.

Написано с чистой совестью

Айседора Есенина-Дункан.

Засвидетельствовано: И.И. Шнейдером

Ирмой Дункан

9 мая 1922 г., Москва».

Цит. по: Ирма Дункан, 93.

По позднейшему утверждению И.И.Шнейдера, завещание А.Дункан было написано в день отлета:

«Еще до посадки, когда мы все сидели на траве аэродрома в ожидании старта, Дункан вдруг спохватилась, что не написала никакого завещания. Я вынул из военной сумки маленький голубой блокнот. Дункан быстро заполнила пару узеньких страничек коротким завещанием: в случае ее смерти наследником является ее муж — Сергей Есенин-Дункан.

Она показала мне текст.

— Ведь вы летите вместе, — сказал я, — и, если случится катастрофа, погибнете оба.

— Я об этом не подумала, — засмеялась Айседора и, быстро дописав фразу: „А в случае его смерти моим наследником является мой брат Августин Дункан“, — поставила внизу странички свою размашистую подпись, под которой Ирма Дункан и я подписались в качестве свидетелей».

Восп., 2, 43–44.

В газете «Известия ВЦИК» (№ 101) печатается репортаж М.Криницкого с заседания Московского ревтрибунала по делу московского духовенства и верующих «Между двух берегов: (Портретные наброски)» с упоминанием Есенина.

Автор рисует словесный портрет одного из обвиняемых:

«Кто такой Брызгалов? Это один из тех маленьких „пророков“, которыми и сейчас еще кишат наши многочисленные интеллигентские кабачки, где вы можете услышать точно такие же речи бредового характера: от Хлебникова, Крученыха, „пророка Есенина Сергея“, мистика Клюева, эгофутуриста и борца против разума Василия Каменского. <...>

Но одно дело – безответственное манерничанье символами на эстраде кабачков и театров, и совсем другое дело, когда это манерничанье доводит до скамьи Ревтрибунала: тут с извращенной психологией кабаре приходится уже решать непосредственный, реальный вопрос жизни и смерти, и надо поистине иметь большой запас истерии, подобно Брызгалову, чтобы угощать утомленных, вдумчивых и серьезных судей рабоче-крестьянского суда всей этой чепухой.

Однако всё это говорится не в обиду Брызгалову, он, несомненно, искренний человек».

Инженер Н.А.Брызгалов был приговорен к трем годам тюремного заключения, в то время как некоторые служители культа, проходившие по этому же делу, были расстреляны.

Журнал «Театральная Москва» (№ 39; за 9–14 мая) сообщает о постановке пьесы В.Г.Шершеневича «Дама в черной перчатке» в Опытно-героическом театре.

См.: до 28 февр. 1922.

Май, не позднее 10. В.Хлебников делает запись о передаче Есенину своих рукописей, а также сборников и газет, где напечатаны его произведения:

«Есенину. 2 стих<отворения> из Зангези, Ладомир, Стенька Разин, Цыганка, Отказ, Каляева, Персия, Маковец, Харчевня зорь, Зангези; Сестры молнии; Временник и Каменский; стих<отворение> Иран, стихи Булань, Кр<асный> воин».

РГАЛИ, ф. 527, б/н (по копии А.Е.Парниса). В оригинале перечень записан столбцом.

Граница события определяется датой отъезда Есенина из Москвы (см. 10 мая 1922).

О местонахождении перечисленных материалов неизвестно.

В Петрограде выходит журнал «Новая Россия» (№ 2) с рецензией на журнал «Культура и жизнь» (№ 2–3), в которой идет речь о Есенине.

О границе события см.: Галушкин-2005, 2, 406.

Май, 10, 9 часов утра. Есенин вместе с А.Дункан вылетает в г. Кенигсберг самолетом, совершающим первый регулярный международный рейс из Москвы.

В автобиографии 1923 г. Есенин отметит:

«В 22 году вылетел на аэроплане в Кенигсберг».

Есенин, VII (2), 13.

И.И.Шнейдер позднее вспомнит:

«Отлет с московского аэродрома был назначен на ранний утренний час. <...> Есенин летел впервые в своей жизни и заметно волновался. Дункан предусмотрительно приготовила корзинку с лимонами и двумя бутылками шампанского:

— Его может укачать, если же он будет сосать лимон и выпьет шампанского, с ним ничего не случится.

— При „болтанке“ шампанское может дать только обратный результат, — возражал я, но она уверяла, что всегда объединяет в полете эти два средства.

В те годы на воздушных пассажиров надевали специальные брезентовые костюмы и прикрепляли их к сиденью широкими ремнями. Есенин, очень бледный, облачился в мешковатый костюм, Дункан отказалась. <...>.

Наконец, супруги Дункан-Есенины сели в небольшой самолет, и он, оглушив нас воем мотора, двинулся по полю. Вдруг в окне показалось бледное и встревоженное лицо Есенина, он стучал кулаком по стеклу. Оказалось, забыли корзину с лимонами и шампанским. Я бросился к машине, но шофер уже бежал мне навстречу. Схватив корзинку, я помчался за самолетом, медленно ковылявшим по неровному полю, и, вбежав под крыло, передал ее в окно, опущенное Есениным.

Легонький самолет быстро пробежал по аэродрому, отделился от земли и вскоре превратился в небольшой темный силуэтик на сверкающем голубизной небе».

Восп.-65, 54–55.

См. Приложение.

И.И.Старцев в 1926 г. напишет:

«На аэродром мы опоздали. Аэроплан был уже высоко в воздухе, удаляясь от Москвы. Уезжая за границу, Есенин хотел оставить А.М.Сахарову завещание <оно неизвестно> на все свои печатные труды и неопубликованные рукописи. Не знаю, состоялось ли нотариальное оформление этого любопытного акта или нет».

Восп., 1, 416.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЕ

Содержание приложения

Обложка книги А.М.Авраамова «Воплощение: Есенин – Мариенгоф» (1921) и страница с нотами из этой книги 333
Газета «Эхо» (г. Ковно), печатавшая фельетоны Арк. Бухова с упоминанием имени С.А.Есенина. 1921 334
Рисунок из рукописного альбома ивановских поэтов. 25 января 1921. 335
Н.С.Ашукин. Фото. 1920-е годы 335
Обложка коллективного сборника «Золотой кипяток» (1921) и страница из него 336
Реклама книгоиздательства «Имажинисты» в сборнике «Золотой кипяток» 338
Пролетарские поэты Н.Г.Полетаев, В.Т.Кириллов, М.П.Герасимов. Рисунки Д.Федорова из сборника «Революционный чтец-декламатор» (Ростов-на-Дону, 1922) 340
Обложка коллективного сборника «Звездный бык». 1921 341
Обложка книги И.В.Грузинова «Имажинизма основное». 1921 341
Е.Р.Эйгес. Фото (из собрания С. и Н.Чудовых) 342
П.С.Александров. Фото (из собрания С. и Н. Чудовых) 342
Москва. Богословский переулок, д. 3. Современное фото 343
В.Э.Мейерхольд. Фото. 1920–1921 344
Рисунки В.В.Люце, поясняющие упражнения по мейерхольдовской биомеханике. 1922 344
Газетное объявление о выходе в Берлине 3-го номера журнала «Русская книга» со статьей о поэзии С.А.Есенина. 1921 345
Обложка берлинского журнала «Русская книга» (1921, № 3), публиковавшего информацию о С.А.Есенине, и страница из этого номера 346
Обложка книги Н.Я.Абрамовича «Современная лирика: Клюев, Кусиков, Ивнев, Шершеневич». 1921 348
Обложка анархистского журнала «Универсал» (1921, № 1–2, февраль–март), поместившего критическую статью об имажинистах 348
Обложка владивостокского левоэсеровского журнала «Грядущее» (1921, № 1, апрель), напечатавшего стихотворение С.А.Есенина «Дождик мокрыми метлами чистит...» («Хулиган») и информацию об имажинистах 349
Газета «Дальневосточная трибуна» (Владивосток), где печатались стихи С.А.Есенина и статьи о его поэзии. 1921 349
С.А.Есенин. Рисунок К.Аладжалова. 1921 350

Ташкент. Здание железнодорожного вокзала. Современное фото 350
А.В.Ширяевец. Фото. Начало 1920-х годов 351
Обложка книги С.А.Есенина «Трерядница». 1921 352
Дарственная надпись С.А.Есенина А.В.Ширяевцу на книге «Трерядница». 25 мая 1921 352
Дарственная надпись С.А.Есенина А.В.Ширяевцу на книге «Исповедь хулигана». 1921 353
Самарканд. Мавзолей Шахи-Зинда. Современное фото 354
Самарканд. Мечеть Биби-Ханым. Современное фото 354
Самарканд. Мавзолей Гур-Эмир. Современное фото 355
Самарканд. Медресе Шир-дор. Современное фото 355
А.Б.Кусиков. Рисунок С.Залшупина 356
С.А.Есенин (второй ряд, второй слева) в группе задержанных ВЧК посетителей квартиры З.П.Шатовой. 1921 356
Обложка верстки невышедшей книги С.А.Есенина «Ржаные кони» 357
О.Э.Мандельштам. Рисунок В.Милашевского. 1920-е годы 358
В.Г.Шершеневич. Рисунок Б.Р.Эрдмана. 1921 358
А.Б.Мариенгоф. Фото. 1920-е годы 359
Обложка читинского журнала «Творчество» (1921, № 7, апрель) со статьей о поэзии С.А.Есенина 360
Инскрипт С.А.Есенина В.Г.Шершеневичу. 1921 (?) 360
Пролетарские поэты С.А.Обрадович, А.Я.Дорогойченко, Г.А.Санников. Рисунки Д.Федорова 361
Москва. Виды Тверской улицы. Фото. Начало XX века 362
Г.Б.Якулов. Фото. 1920-е годы 363
П.А.Радимов. Гравюра И.Павлова 363
Титульный лист книги В.Л.Львова-Рогачевского «Имажинизм и его образоносцы: Есенин, Кусиков, Мариенгоф, Шершеневич» (1921) и страница из этого издания 364
Б.Д.Григорьев. Из цикла «Образы России» (берлинский журнал «Жар-птица», 1921, № 4–5) 366
Объявления в берлинских газетах о выходе журнала «Знамя» с участием С.А.Есенина. 1921 367
С.Г.Мар. Рисунок Г.Б.Якулова 368
Скиталец (С.Г.Петров). Фото 368
Афиша-листовка о демонстрации искателей и зачинателей нового искусства. Июнь 1921 369
А.Б.Мариенгоф и С.А.Есенин. Фото. 1921(из собрания Г.Маквея) 370
К.С.Петров-Водкин. Автопортрет. 1920-е годы 371
Эмигрантские газеты стран Балтии, в которых помещалась информация о С.А.Есенине и его поэзии. 1921–1922 372
М.Л.Свирская (Гершевич-Свирская). Фото. 1921 374
Т.П.Самсонов. Фото. 1920-е годы 374
Записка С.А.Есенина Рюрику Ивневу 375
Обложка книги Ип. Соколова «Имажинистика». 1921 375

Г.А.Бениславская. Фото. 1920-е годы 376
Харбинские эмигрантские газеты, где печатались стихи С.А.Есенина и информация о его творчестве. 1921 377
А.Марьин, А.Мариенгоф, Г.Колобов, Б.Малкин, А.Кутузов. Фото 378
Демьян Бедный. Фото 378
6-й лист чернового автографа «Пугачева» С.А.Есенина 379
23-й лист чернового автографа «Пугачева» С.А.Есенина 380
34-й лист чернового автографа «Пугачева» С.А.Есенина 381
47-й лист чернового автографа «Пугачева» С.А.Есенина 382
Москва. Таганская площадь. Фото. Начало XX века 383
Москва. Арбатская площадь. Фото. Начало XX века 383
Титульный лист книги И.В.Грузинова «Западня снов» (1921), где опубликовано стихотворение, посвященное С.А.Есенину 384
А.А.Блок на смертном одре. Рисунок Ю.П.Анненкова 385
М.Е.Кольцов. Гравюра И.Павлова 385
Москва. Современный вид дома № 33 по Староконюшенному переулку, куда не раз приходил С.А.Есенин 386
Н.И.Подвойский, Айседора Дункан. Фото. 1921 387
Берлинские эмигрантские газеты, которые сообщали о книгах и стихах С.А.Есенина. 1921–1922 388
Айседора Дункан. Рисунок Ю.П.Анненкова 390
Айседора Дункан. «La Marseillaise» («Марсельеза)». Рисунок худ. José Clará 391
В.Г.Шершеневич, С.А.Есенин и А.Б.Мариенгоф. Фото. 1921 392
Обложка книги С.Т.Григорьева «Пророки и предтечи последнего завета: Имажинисты Есенин, Кусиков, Мариенгоф». 1921 393
Москва. Сухаревский рынок. Фото. Начало XX века 394
Москва. Страстная площадь. Фото. Начало XX века 394
А.Б.Кусиков. Рисунок Дид Ладо. 1921 (из собрания Ю.А.Паркаева) 395
Обложка книги Рюрика Ивнева «Четыре выстрела в Есенина, Кусикова, Мариенгофа, Шершеневича» (1921) и страница из этого издания 396
А.Я.Таиров. Фото. 1920-е годы 398
С.М.Третьяков. Дружеский шарж 398
Шмуцтитул макета коллективного сборника «Эпоха Есенина и Мариенгофа» (не выходил) 399
Текст манифеста из макета книги «Эпоха Есенина и Мариенгофа» 400
Пролетарские поэты В.В.Казин, В.Д.Александровский. Рисунки Д.Федорова 402
Обложка французского журнала «Promenoir» (Лион, август 1921) с поэмой С.А.Есенина «Преображение» (пер. Е.Извольской) 402
Записка С.А.Есенина Г.А.Бениславской. 5 октября 1921 403
Шуточные записи и подписи поэтов-имажинистов и их друзей. 1921 404
Первый лист выписок С.А.Есенина из поэмы «Пугачев» для готовившейся книги «Словесные орнаменты». 1921 405
Москва. Особняк на Пречистенке, 20. Современное фото 406

Афиша вечера в Политехническом музее.17 октября 1921 407
Записи С.А.Есенина, сделанные им для А.Е.Крученых. 1920. 1921 407
Письмо Я.П.Гребенщикова А.М.Кожебаткину.
1921 (из собрания Ю.А.Паркаева) 408
Из саратовского журнала «Саррабис» (1921, № 3, октябрь), напечатавшего статью о поэтах-имажинистах 410
Из Программы по русской литературе для школы II ступени. 1921 411
Обложка работы Б.Р.Эрдмана книги В.Г.Шершеневича «Кооперативы веселья» (1922) с поэмой «Завещание» 412
Начало поэмы В.Шершеневича «Завещание», посвященной Сергею Есенину 413
Обложка сборника «Октябрь в поэзии: Революционный чтец-декламатор» (Харьков) с поэмой С.А.Есенина «Товарищ». 1921 414
Программа вечера Айседоры Дункан. 7 ноября 1921 415
Дарственная надпись С.А.Есенина T.H.Dicinson (Т.Г.Дикинсону) на книге «Трерядница». 1921 416
Обложка журнала «Печать и революция» (1921, № 2, август–сентябрь), где опубликовано письмо поэтов-имажинистов и ответ А.В.Луначарского 416
С.А.Есенин. Фото. 1921 (?) — начало 1922 (?) 417
Айседора Дункан. Фото 418
Обложка изданий Школы Дункан. 1921. Рисунок худ. Van Deering Perrine (из собрания Г.Маквея) 419
Страница журнала «Театральная Москва» (1921, № 32, 21–26 марта) со статьей о Школе Дункан 420
Айседора Дункан, Ирма Дункан и воспитанницы Школы Дункан. Фото. Пречистенка, 20 (из собрания Г.Маквея) 421
Газетный анонс берлинского издательства «Аргонавты» о выходе «Справочника-альманаха» на 1922 г. 422
Дарственная надпись С.А.Есенина Г.Г.Шпету на книге «Пугачев» (М.: «Имажинисты», 1922) 422
Дарственная надпись С.А.Есенина А.М.Кожебаткину на книге «Пугачев» (М.: «Имажинисты», 1922) 423
Дарственная надпись С.А.Есенина Ю.И.Айхенвальду на книге «Пугачев» (М.: «Имажинисты», 1922) 423
Обложка сборника «Поэзия большевистских дней». 1921 424
А.К.Воронский. Фото. 1920-е годы 425
Д.А.Фурманов. Фото. 1920-е годы 425
Обложка книги С.А.Есенина «Пугачев» издательства «Имажинисты». 1922 426
Обложка книги С.А.Есенина «Пугачев» издательства «Эльзевир». 1922 427
Обложка сборника «Конский сад» (1922) и титульный лист из этой книги 428
Испорченная дарственная надпись С.А.Есенина Я.М.Козловской на книге «Пугачев» (М.: «Имажинисты», 1922) 430

Петроград. Современный вид здания 2-й Государственной типографии, где в 1922 году печаталась для издательства «Эльзевир» драматическая поэма С.А.Есенина «Пугачев» 431
Обложка омского журнала «Искусство» (1922, № 2) со статьей о поэзии С.А.Есенина 432
Титульный лист сборника «Печаль полей» (Чита, 1922) 433
Начальные страницы статьи В.М.Левина «В борьбе за слово (О новейших течениях в русской поэзии)», помещенной в сборнике «Печаль полей» 434
Обложка книги И.Г.Эренбурга «Портреты русских поэтов». 1922 436
С.А.Есенин. Фото. 1922 437
Титульный лист и вторая страница обложки сборника «Поэзия революционной Москвы». 1922 438
Обложка журнала «Культура и жизнь» (1922, № 2–3) со стихотворением Есенина «Волчья гибель» («Мир таинственный, мир мой древний...») и рецензией Е.И.Шамурина на его драматическую поэму «Пугачев»; первая страница этой рецензии 439
Обложка журнала «Красная новь» (1922, кн. 2, март–апрель), где напечатано стихотворение С.А.Есенина «Не жалею, не зову, не плачу...» 441
Телеграмма Айседоры Дункан импресарио Солу Юроку. 18 апреля 1922 442
Афиша и программа вечера Айседоры Дункан в Театре музыкальной драмы. 8 апреля 1922 (из собрания Г.Маквея) 443
Обложка сборника «Революционный чтец-декламатор» (Ростов-на-Дону, 1922) и рисунок Д.Федорова, открывающий в этом издании раздел в «В огне и буре» с поэмой С.А.Есенина «Товарищ» 445
Журнал «Вещь» (Берлин, 1922, № 1–2). Первая и последняя страница обложки 447
Н.Д.Вольпин. Фото (из собрания Г.Маквея) 449
План внутреннего помещения кафе «Стойло Пегаса». Зарисовка Н.Д.Вольпин (из собрания Г.Маквея) 450
Ирма Дункан, Айседора Дункан, С.А.Есенин. Фото. 2 мая 1922 451

АРСЕНИЙ АВРААМОВ

ВОПЛОЩЕНИЕ

ЕСЕНИН—МАРИЕНГОФ

ИМАЖИНИСТЫ
МОСКВА
1921

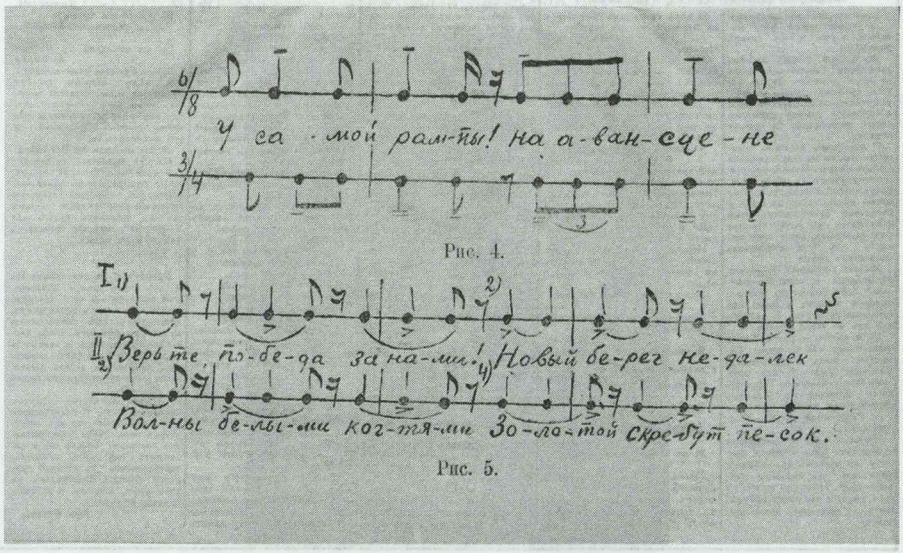

Рис. 4.

Рис. 5.

Обложка книги А.М.Авраамова «Воплощение: Есенин – Мариенгоф» (1921) и страница с нотами из этой книги.

Эхо

Литературно-политич. ежедневная газета

подъ редакціей Арк. Бухова.

Редакція и контора помѣщ. на улицѣ Майронісъ (Новая ул.) № 13

Ред. открыта отъ 10—1 спеціально у секретаря; с отъ 4—6 (прямо у редактора).

Контора открыта отъ 10—2 и отъ 4—6.

ЦѢНА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ.

За строчку петита:		Затравочныя:	
на 4 стр.	3 м.	на 4 стр.	3 к. 50
„ 1 „	3 м.	„ 1 стр.	6 м. —
въ текстѣ	6 м.	въ текстѣ	8 м. —

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

Въ Ковнѣ.	Въ провинціи.	За границей.
На 1 м. 35 мар.	40 мар.	60 мар.
„ 3 м. 100	110	150
„ 6 м. 175	200	280

Рукописи, не принятыя редакціей (критическія и вообще) назадъ не возвращаются.

№ 16 (74). Ковно, Суббота 22 января 1921 г. Годъ изд. II

Въ воскресенье 23 января по окончаніи литургіи въ кладбищенской церкви будетъ отслужена панихида по скончавшемся въ Петроградѣ

Анатоліи Федоровичѣ Кони.

о чемъ извѣщаются друзья, знакомые и почитатели этого знаменитаго юриста и исключительнаго человѣка по уму и чуткому сердцу.

я буду ладить совѣтскій строй, буду ставить высоко его вождей, больше того — даже буду агитировать за то, чтобы мнѣ это было возможно печатать? Нѣтъ и г. Аксельродъ и мы всѣ прекрасно понимаемъ, что здѣсь идетъ рѣчь о пропагандѣ активной, съ подготовкой возстанія, съ подготовкой того момента когда кучка вооруженныхъ людей схватитъ власть и разобьетъ вдребезги хрупкій организмъ молодого государства. А такая пропаганда вездѣ и наиболѣе будетъ вестись въ Литвѣ и г. Аксельродъ поступаетъ совершенно правильно, что аттестуетъ и отъ своего и отъ имени своего правительства эту пропаганду какъ провокацію.

Г. Аксельродъ долженъ знать, да и наиболѣе знаетъ какъ человѣкъ наблюдательный, что въ Литвѣ нѣтъ ни одного сознательнаго рабочаго, который бы не сталъ на сторону совѣтскаго строя, не сталъ бы защищать его отъ нападеній Польши, Врангеля и т. д. Такъ что, если бы г. Аксельродъ и могъ найти въ Литвѣ нѣсколько десятковъ рабочихъ, которые бы пошли за нимъ, то это ровно ничего не значитъ.

Г. Аксельродъ долженъ знать, что Литва, какъ и всѣ другія государства, не можетъ не имѣть дипломатическихъ сношеній съ Россіей, что Литва, какъ и всѣ другія государства, не можетъ не имѣть торговыхъ сношеній съ Россіей, что Литва, какъ и всѣ другія государства, не можетъ не имѣть сношеній съ Россіей по желѣзнодорожному, почтово-телеграфному и другимъ вопросамъ.

Г. Аксельродъ долженъ знать

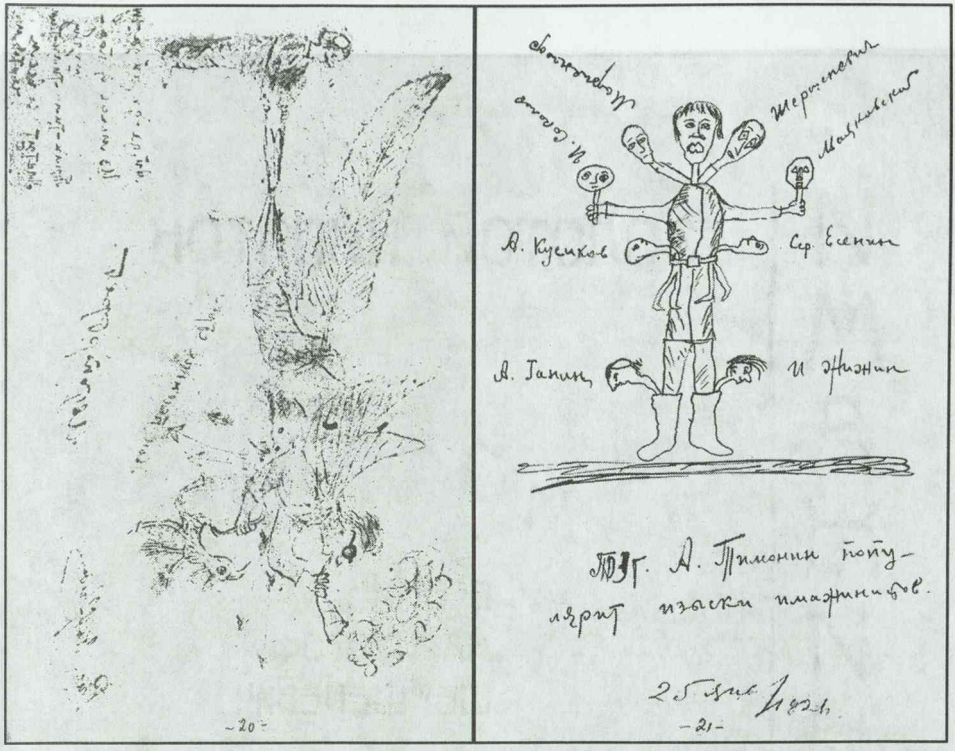
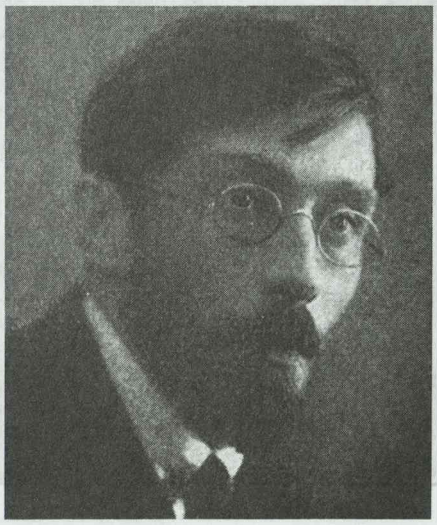
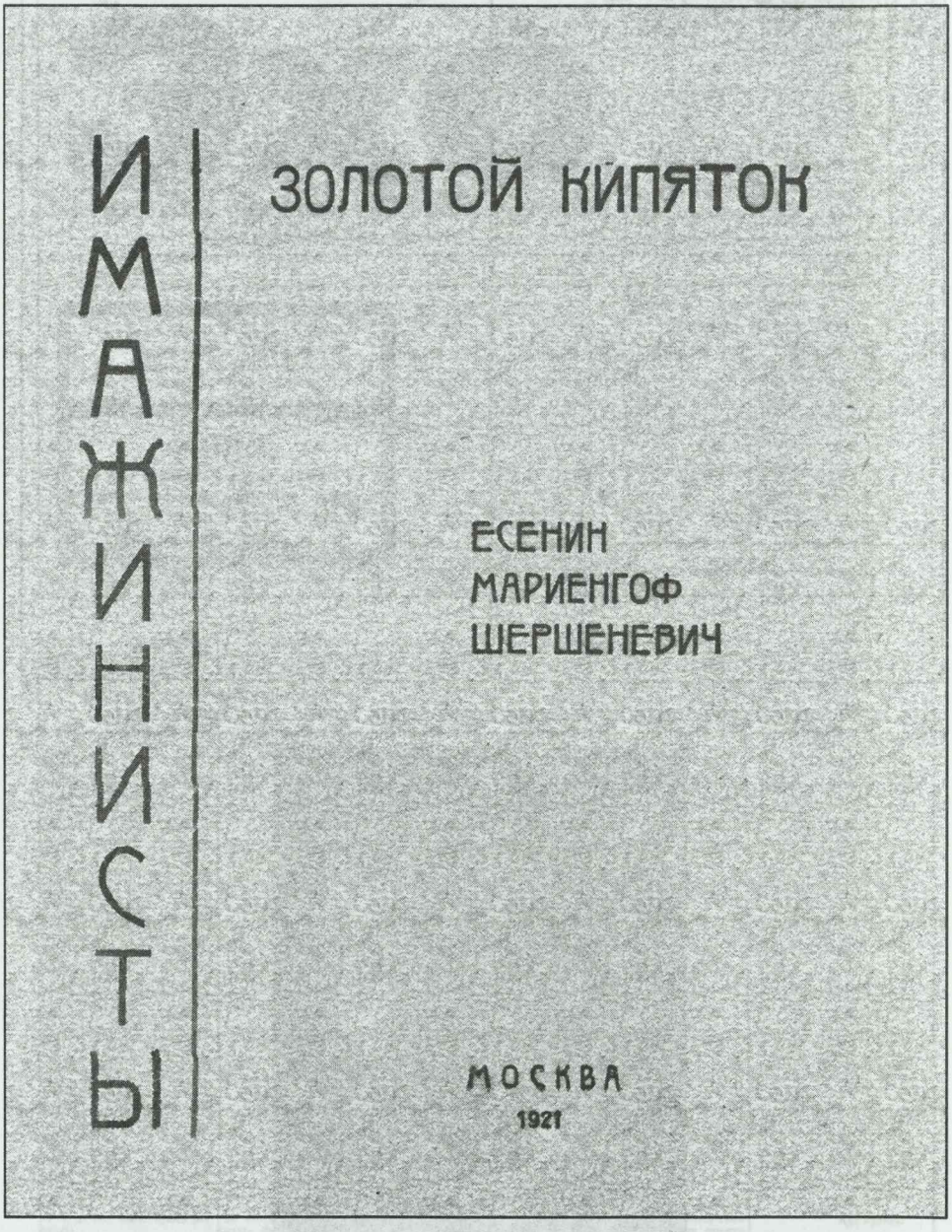

Рисунок из рукописного альбома ивановских поэтов. 25 января 1921.

Н.С.Ашукин. Фото. 1920-е годы.

Обложка коллективного сборника «Золотой кипяток» (1921) и страница из него.

ЗДЕСЬ
должны быть
наши портреты
к сожалению
ЯКУЛОВ
встречал
новый год

Кн-во ИМАЖИНИСТЫ.

Москва, Малый Знаменский, 7, кв. 27.

Сергей Есенин. Радуница. Стихи (распродано).
Голубень. Стихи (распродано).
Сельский Часослов (распродано).
Преображение (распродано).
Ключи Марии. Статьи (распродано).
Трерядница (распродано).
Исповедь хулигана (готово).

Имажинисты: С. Есенин, А. Мариенгоф, Рюрик Ивнев.

Конница Бурь № 1. Стихи С. Есенина, Р. Ивнева. А. Мариенгофа и др.

Конница Бурь № 2. Стихи С. Есенина, А. Ганина, А. Мариенгофа.

Коробейники Счастья. А. Кусиков, В. Шершеневич.

Александр Кусиков. Коевангелиеран.
В никуда.

Анатолий Мариенгоф. Витрина сердца (уничтож. автор.)
Кондитерская солнц (распродано).
Магдалина.
Руки Галстухом. Рисунки Г. Якулова. 1920.
Буян-Остров. Статьи по имажинизму
Стихами чванствую. (расп.)
Тучелет (готово).
Плаха Символизма (готово).

Плавильня Слов. С. Есенин, А. Мариенгоф, В. Шершеневич. (распродано).

Реклама книгоиздательства «Имажинисты» в сборнике «Золотой кипяток».

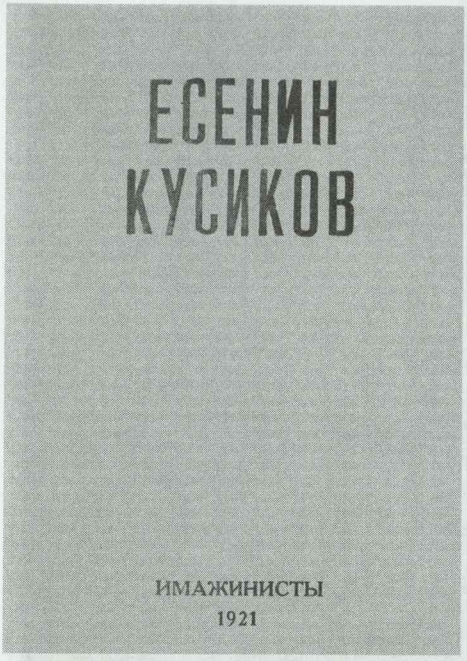
Харчевня Зорь. С Есенин, А. Мариенгоф, В. Хлебников (распродано).
Лапта Звезды. С. Есенин, А. Мариенгоф.
Вадим Шершеневич. Зеленая улица. Статьи (распрод.)
Крематорий (распродано).
Вечный Жид (распродано).
Лошадь как Лошадь.
2×2=5. Листы имажиниста.
Кооперативы веселья. Книга поэм (печатается).
Николай Эрдман. Книга стихов (готовится)
Вильдрак и Дюамель. Теория свободного стиха. Перевод В. Шершеневича.
Есенин и Мариенгоф. Монография о Г. Якулове (готов).
Есенин и Мариенгоф. Монография о С. Коненкове (гот.)
Г. Колобов. Хлебово (готов).
Арсений Авраамов. Верлибр Имажинистов.
Книга о Мариенгофе (печат.)
Книга об Есенине (печат.)
В. Хлебников. Ночь в окопе.
Рюрик Ивнев. С. Есенин и слово о полку Игореви (гот.)
Пламя Язв (готов.)
Мариенгоф и Державин (готов.)

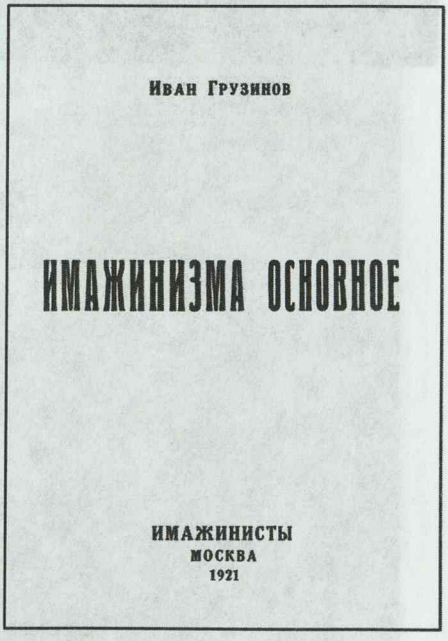

Пролетарские поэты Н.Г.Полетаев, В.Т.Кириллов, М.П.Герасимов.
Рисунки Д.Фёдорова из сборника «Революционный чтец-декламатор»
(Ростов-на-Дону, 1922).

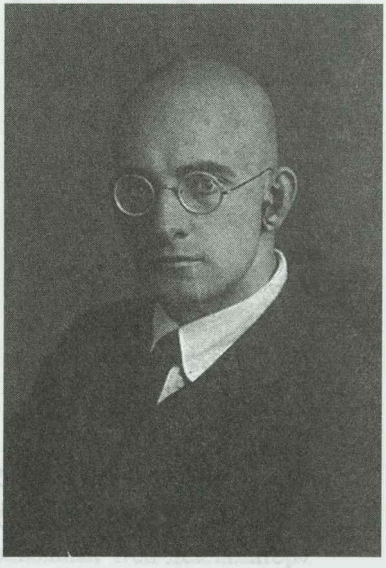
Обложка коллективного сборника «Звездный бык». 1921.

Обложка книги И.В.Грузинова «Имажинизма основное». 1921.

Е.Р.Эйгес.
Фото (из собрания С. и Н.Чудовых).

П.С.Александров.
Фото (из собрания С. и Н. Чудовых).

Москва. Богословский переулок, д. 3. Современное фото.

В.Э.Мейерхольд. Фото. 1920–1921.

Рисунки В.В.Люце,
поясняющие упражнения по мейерхольдовской биомеханике. 1922.

продажу 3-ий номер журнала

„РУССКАЯ КНИГА“

под ред. проф. А. С. Ященко.

Содержание:

I. Общие статьи.

Русская поэзия за последние три года. — А. С. Ященко. „Пролетарские“ поэты — Михаил Герасимов и др. Поэты разложившегося символизма. — Маяковский, Мариенгоф, Шершеневич и др. Поэты мужицко-хлыстовской революции: Клюев, Есенин и др. А. Блок, Андрей Белый, Ю. Бальтрушайтис, В. Брюсов В. Иванов, М. Волошин.

II. Критика и рецензии.

Ев. Ив. Замятин. — Рец. на книги: И. Шмелев, „Неупиваемая Чаша“, „Сладкий мужик“, „Степное Чудо“. — Лермонтов, „Избранные сочинения“ под ред. А. Блока. — А. Ремизов. „Электрон“. — Андреев, Л. „Дневник Сатаны“. — П. Краснов „От двуглавого орла“. С. Под'ячев, „Дома“ и др. — Пролеткультские поэты. — А. Белый, „Королевна и рыцари“. — А. Блок „Ямбы“.

III. Хроника и разные заметки.

Письмо из Англии. — М. Ликиардопуло. — Достоевский в Италии, М. Первухина. — Русская газета и книги в Прибалтике, Н. Бережанского. — Книгоизд-во „Новая Русь“ в Стокгольме.

IV. Писатели.

Судьба и работы русских писателей, ученых и журналистов за 1918 — 1921 г. г. (Продолжение).

V. Пресса.

Русские газеты за пределами Советской России к 1921 г.

VI. Книжная летопись.

А. Русские книги, появившиеся за пределами Сов. России.
Б. Книги, появившиеся в 1918 — 1921 г. г. в Советской России.

VII. Об'явления.

Газетное объявление о выходе в Берлине 3-го номера журнала «Русская книга» со статьей о поэзии С.А.Есенина. 1921.

Обложка берлинского журнала «Русская книга» (1921, № 3), публиковавшего информацию о С.А.Есенине, и страница из этого номера.

переживанія художника или поэта, съ презрѣніемъ отбрасывая внѣшній предметный міръ, являетъ собою въ области искусства самый безпредѣльный субъективизмъ и индивидуализмъ. Онъ могъ бы сдѣлаться искусствомъ индивидуалистическаго анархизма, но никакъ не коллективизма. Въ сущности нѣтъ искусства болѣе враждебнаго соціализму и коммунизму, чѣмъ экспрессіонизмъ. Увлеченіе имъ нашихъ коммунистовъ есть поразительнѣйшее недоразумѣніе.

4.

Поэты мужицко-хлыстовской революціи. Клюевъ, Есенинъ и др.

Третье направленіе нашей революціонной поэзіи шло изъ деревни. По своимъ источникамъ оно — наше народное, въ высшей степени національное, мужицкое. Оперируетъ оно художественными образами взятыми изъ крестьянской жизни и изъ христіанской символики. Но только христіанство у поэтовъ этого направленія принимаетъ извращенный, сектантскій, мы сказали бы, хлыстовскій характеръ. Кто-то назвалъ ихъ «распутинными» нашей революціи. И въ названіи этомъ есть большая правда: они, какъ и недавней памяти Гришка Распутинъ, продукты нашей плодоносной почвы и того же самаго духа люди.

Наиболѣе талантливыми изъ нихъ надо признать Н. Клюева и Сергѣя Есенина. Важнѣйшія ихъ произведенія («Пѣснь солнценосца» и «Избяныя пѣсни» Н. Клюева и «Товарищъ», «Инонія», «Триптихъ» С. Есенина) уже перепзданы заграницей и о нихъ уже достаточно было написано въ нашей зарубежной прессѣ, а потому приводить здѣсь образцы ихъ поэзіи и давать имъ подробную характеристику не представляется особой надобности.

Мы хотѣли бы здѣсь обратить вниманіе на одну, до сихъ поръ, насколько намъ извѣстно, непринятую во вниманіе сторону ихъ поэзіи. Всѣ эти образы «божественнаго отеленія», Бога «вспухающаго незримой коровой», «Новаго Спаса, ѣдущаго къ міру на кобылѣ» и т. д. — происхожденія не только анимистическаго и деревенскаго, но и чисто хлыстовскаго. И когда Есенинъ заявляетъ:

Подъ гармоники пьяной клики
Заставлю плясать и смерть,

то намъ тотчасъ же приходятъ на память наши хлыстовскія радѣнія. Пляска смерти подъ пьяный акомпаниментъ гармоники!

Революціонно - «планетарное» изступленіе этихъ новыхъ «скифовъ» есть только видоизмѣненіе оргіазма нашихъ доморощенныхъ «пляшущихъ дервишей», на которыхъ «накатило».

Говорю вамъ — весь воздухъ выпью
И кометой вытяну языкъ.
До Египта раскорячу ноги,
Раскую съ васъ подковы мукъ...
Въ оба полюса снѣжнороіе
Вопьюся клещами рукъ.
Колѣномъ придавлю Экваторъ
И подъ бури и вихря плачъ,
Пополамъ нашу землю-матерь
Разломлю, какъ златой калачъ.

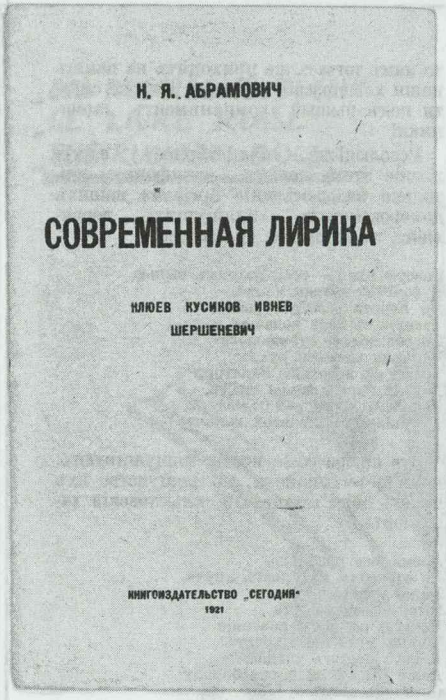
Эти скифическіе поэты кощунствуютъ, какъ и имажинисты, но кощунство ихъ носитъ тоже сектанскій, хлыстовскій характеръ:

Время мое приспѣло,
Не страшенъ мнѣ лязгъ кнута,
Тѣло, Христово тѣло,
Выплевываю изо рта.
Не хочу воспріять спасеніе
Черезъ муки его и крестъ:
Я иное постигъ ученіе...
Даже Богу я выщиплю бороду
Оскаломъ моихъ зубовъ.
Ухвачу его за гриву бѣлую,
И скажу ему голосомъ вьюгъ:
Я инымъ тебя, Господи, сдѣлаю,
Чтобы зрѣлъ мой словесный лугъ!
Проклинаю я дыханіе Китежа
И всѣ лощины его дорогъ...
Языкомъ вылижу на иконахъ я
Лики мучениковъ и святыхъ.
Обѣщаю вамъ градъ Инонію,
Гдѣ живетъ Божество живыхъ!

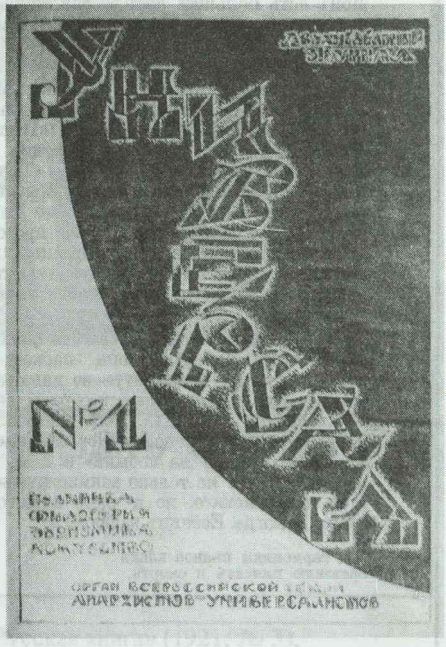
«Инонія».

И для Есенина, во рту его не мякоть хлѣбная, а именно Тѣло Христово, но только онъ кощунственно выплевываетъ его.

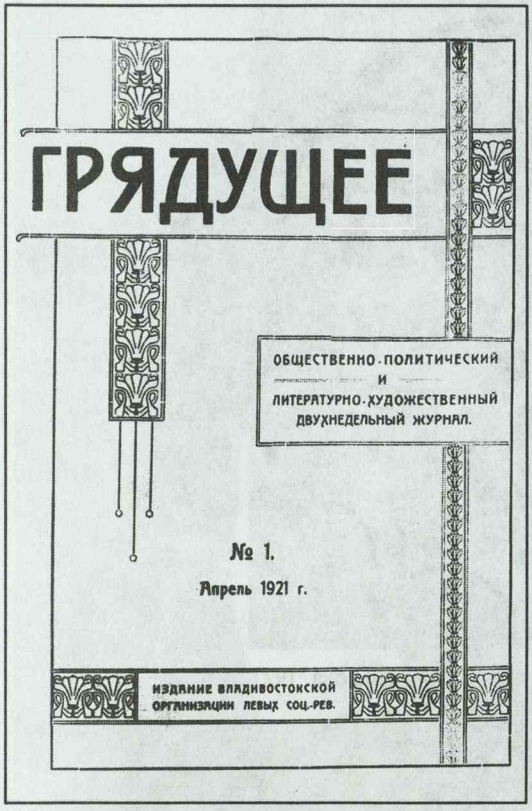
Это хлыстовско-распутинское «накатываніе» и этотъ земледѣльчески-мистическій революціонизмъ такого древняго, такого примитивнаго, дошедшаго до насъ изъ такихъ далекихъ вѣковъ и такихъ дремучихъ лѣсовъ духа, что по истинѣ диву приходится даваться, когда нѣкоторые «теоретики», вродѣ Иванова-Разумника, съ глубокомысленной миной разсуждаютъ о «новомъ вселенскомъ словѣ», якобы звучащемъ въ этомъ мычаніи еще не цивилизованныхъ дикарей, хотя бы даже и изложенномъ по самымъ послѣднимъ требованіямъ нашей модернистской версификаціи.

Обложка книги Н.Я.Абрамовича «Современная лирика: Клюев, Кусиков, Ивнев, Шершеневич». 1921.

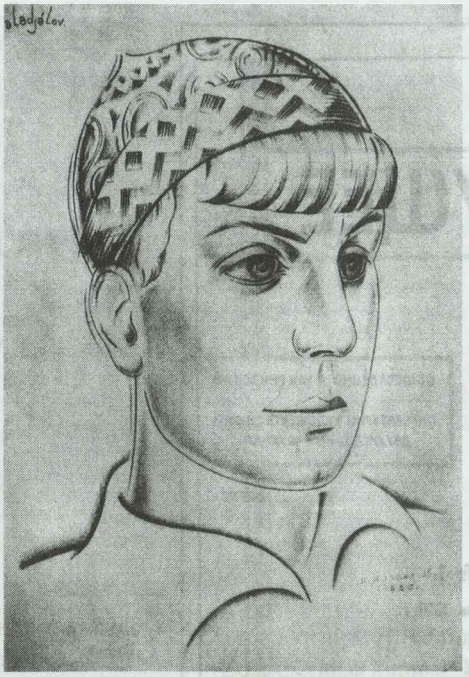
Обложка анархистского журнала «Универсал» (1921, № 1–2, февраль–март), поместившего критическую статью об имажинистах.

Обложка владивостокского левоэсеровского журнала «Грядущее» (1921, № 1, апрель), напечатавшего стихотворение С.А.Есенина «Дождик мокрыми метлами чистит…» («Хулиган») и информацию об имажинистах.

Газета «Дальневосточная трибуна» (Владивосток), где печатались стихи С.А.Есенина и статьи о его поэзии. 1921.

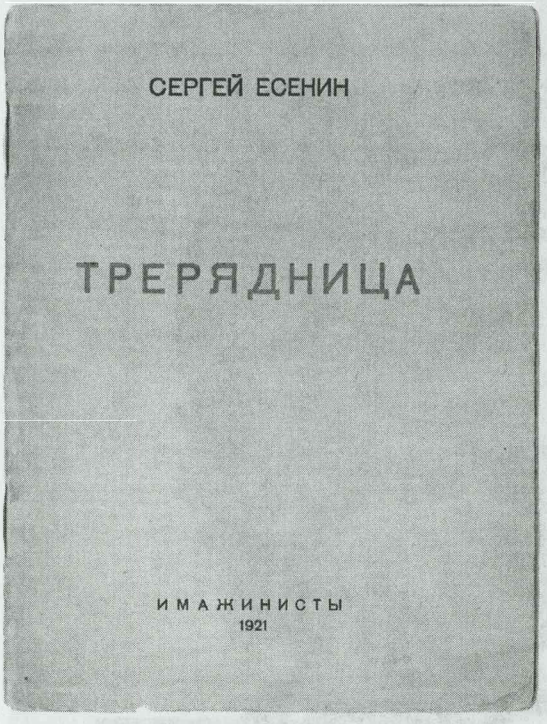
С.А.Есенин. Рисунок К.Аладжалова. 1921.

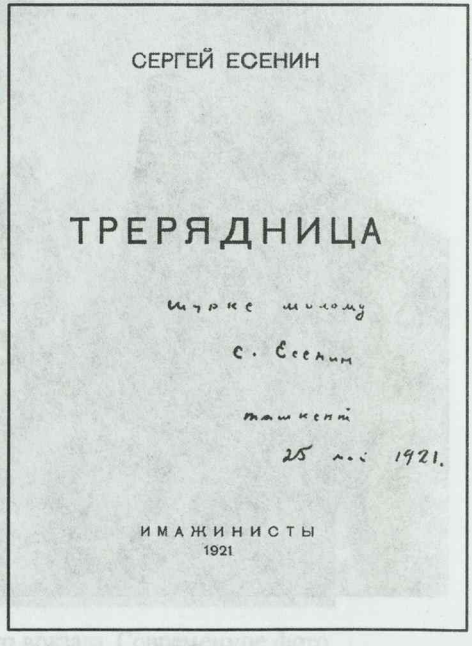
Ташкент. Здание железнодорожного вокзала. Современное фото.

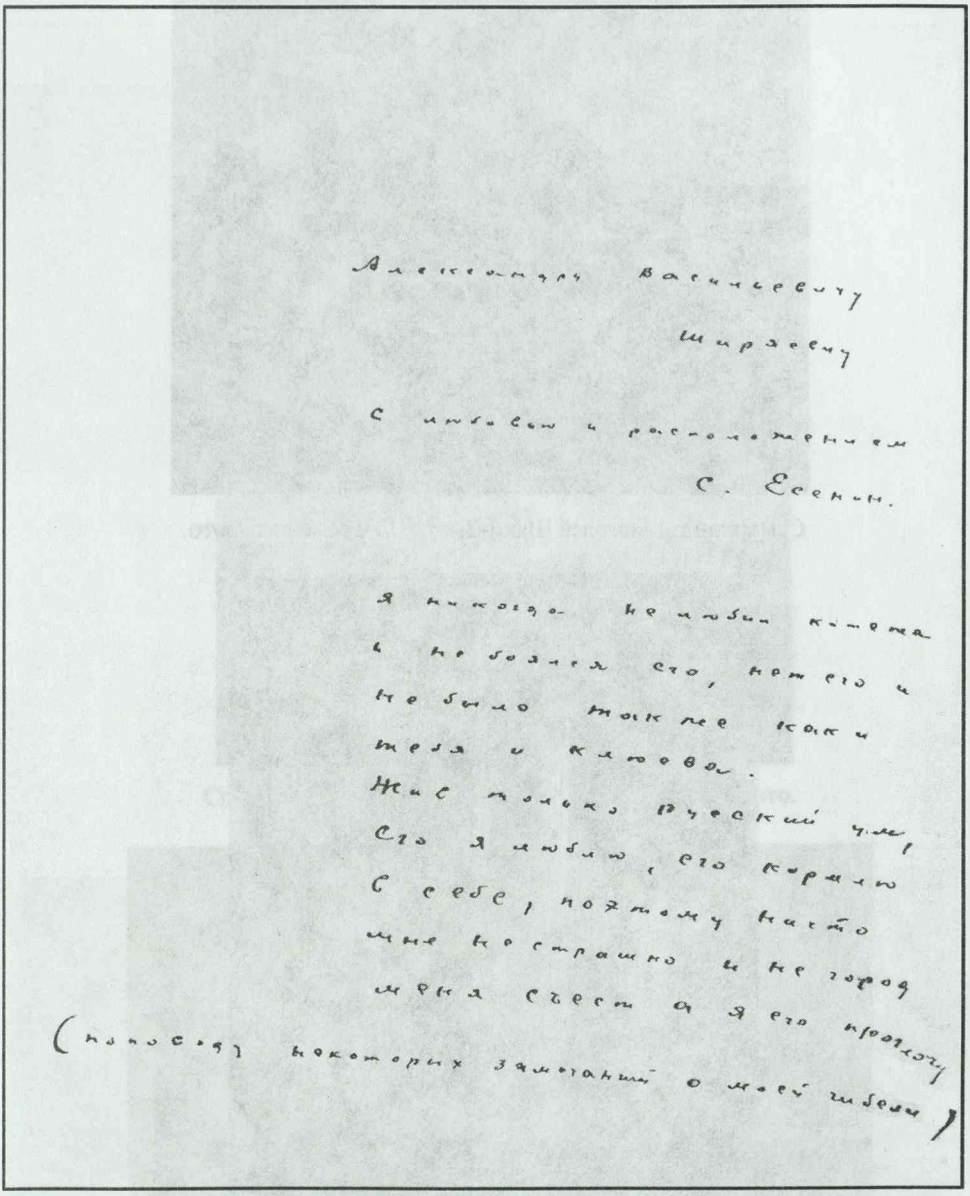
А.В.Ширяевец. Фото. Начало 1920-х годов.

Обложка книги С.А.Есенина «Трерядница». 1921.

Дарственная надпись С.А.Есенина А.В.Ширяевцу на книге «Трерядница». 25 мая 1921.

Александру Васильевичу

Ширяеву

С любовью и расположением

С. Есенин.

Я никогда не любил человека

и не боялся его, потому и

не было так же как и

тебя и злобы.

Жил только русский чтец,

Его я любил, его корил

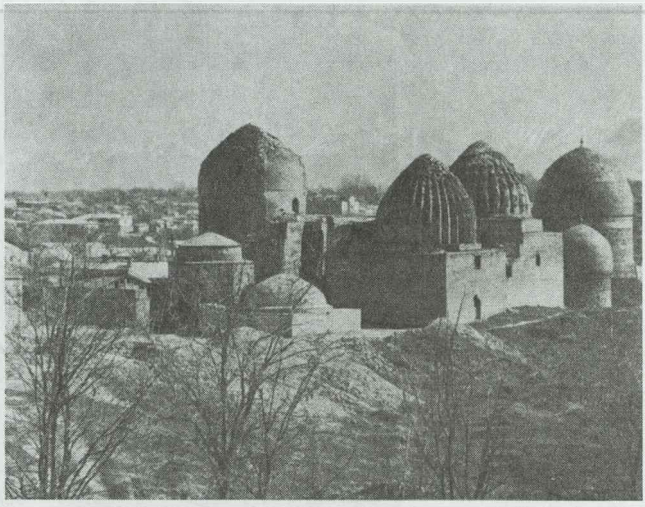
С себя, поэтому никто

мне не страшно и не городу

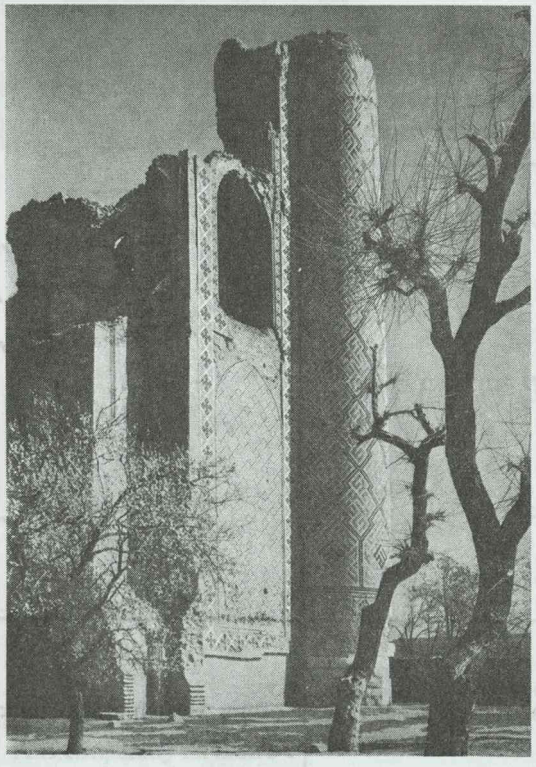
меня съесть и я его проглочу

(Выписка некоторых замечаний о моей любви)

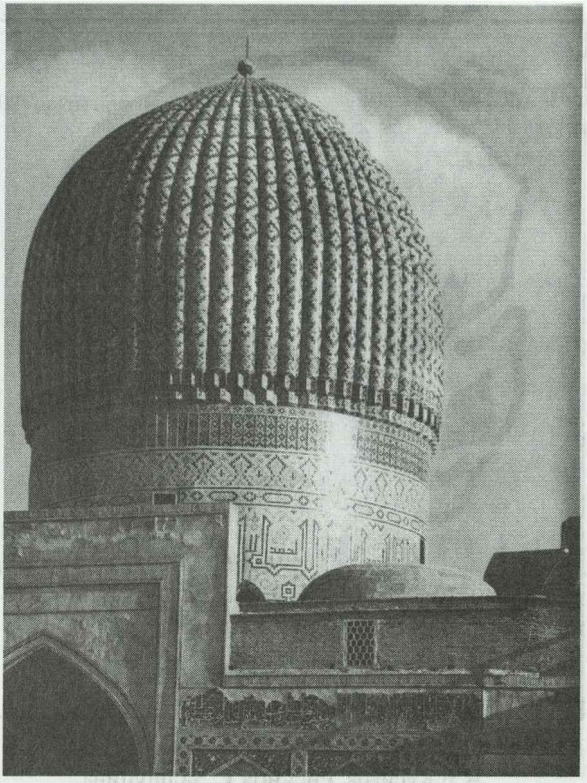
Дарственная надпись С.А.Есенина А.В.Ширяевцу на книге «Исповедь хулигана». 1921.

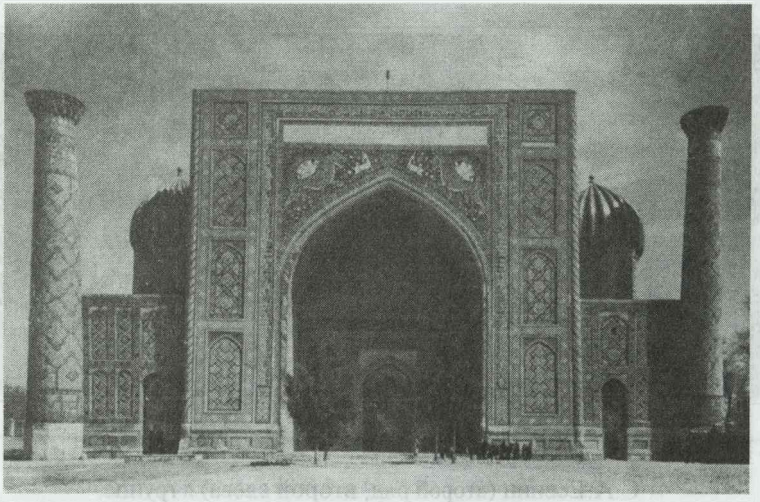
Самарканд. Мавзолей Шахи-Зинда. Современное фото.

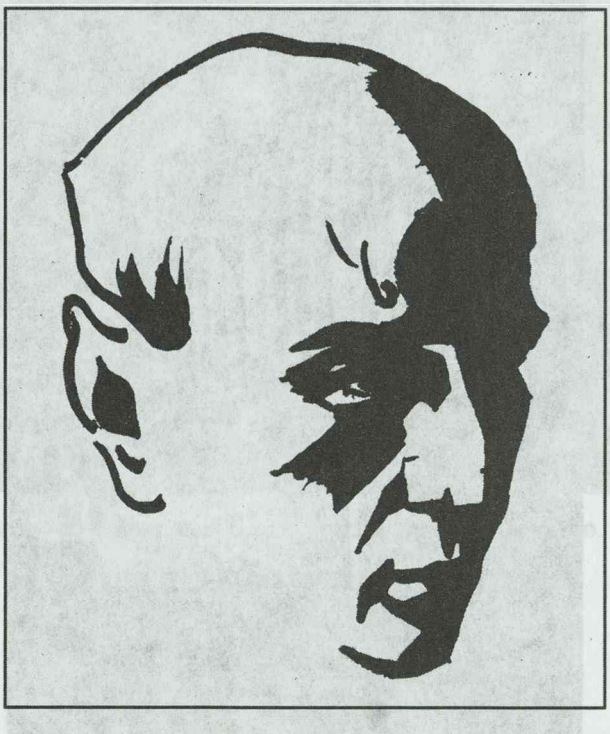
Самарканд. Мечеть Биби-Ханным. Современное фото.

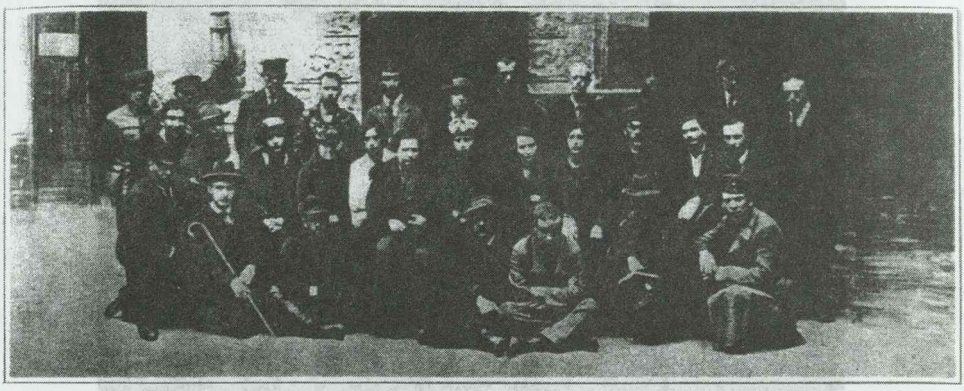
Самарканд. Мавзолей Гур-Эмир. Современное фото.

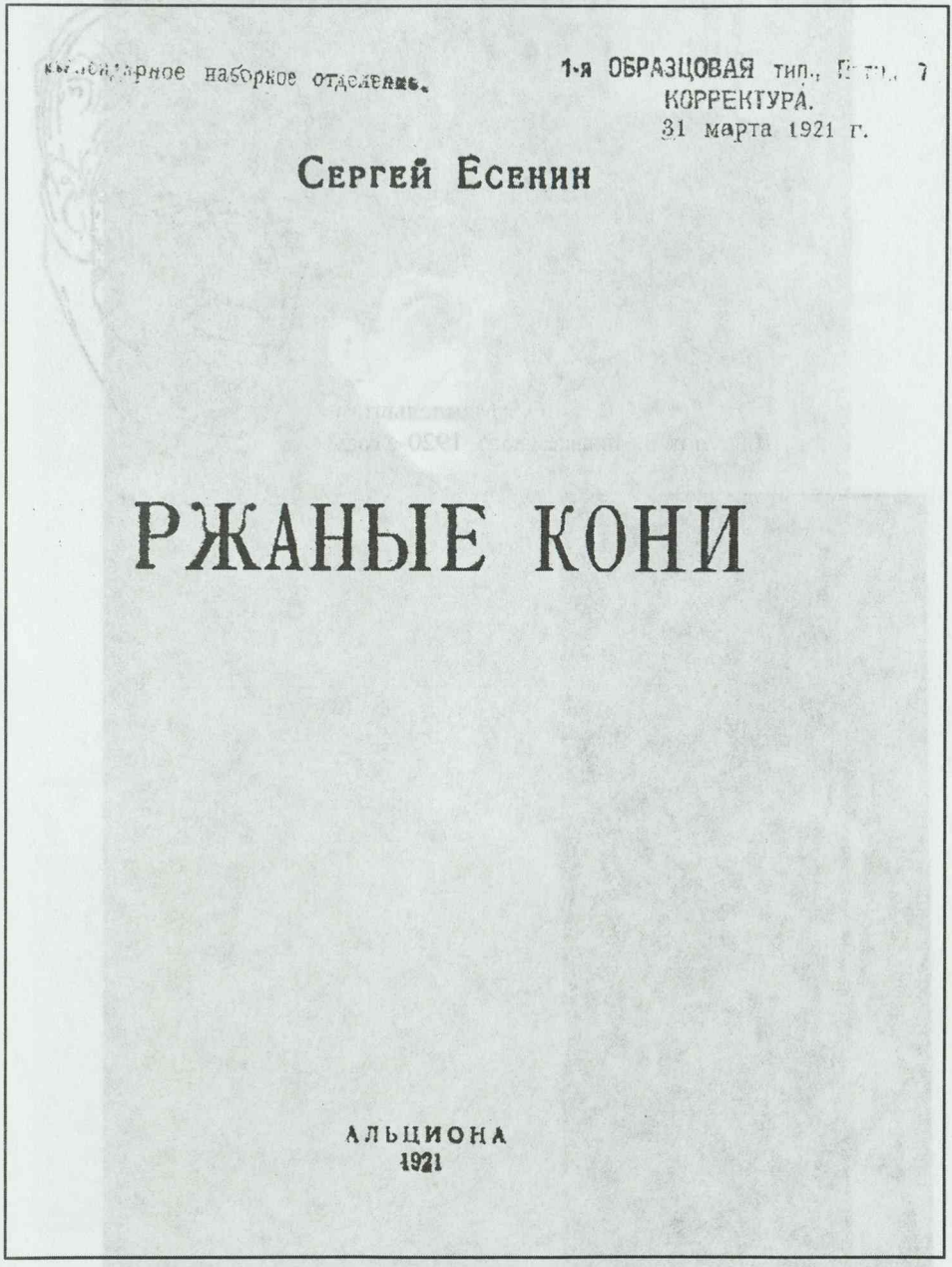
Самарканд. Медресе Шир-дор. Современное фото.

А.Б.Кусиков. Рисунок С.Залшупина.

С.А.Есенин (второй ряд, второй слева) в группе
задержанных ВЧК посетителей квартиры З.П.Шатовой. 1921.

кн[illegible]арное наборное отделение.

1-я ОБРАЗЦОВАЯ тип., [illegible] 7
КОРРЕКТУРА.
31 марта 1921 г.

Сергей Есенин

РЖАНЫЕ КОНИ

АЛЬЦИОНА
1921

Обложка верстки невышедшей книги С.А.Есенина «Ржаные кони».

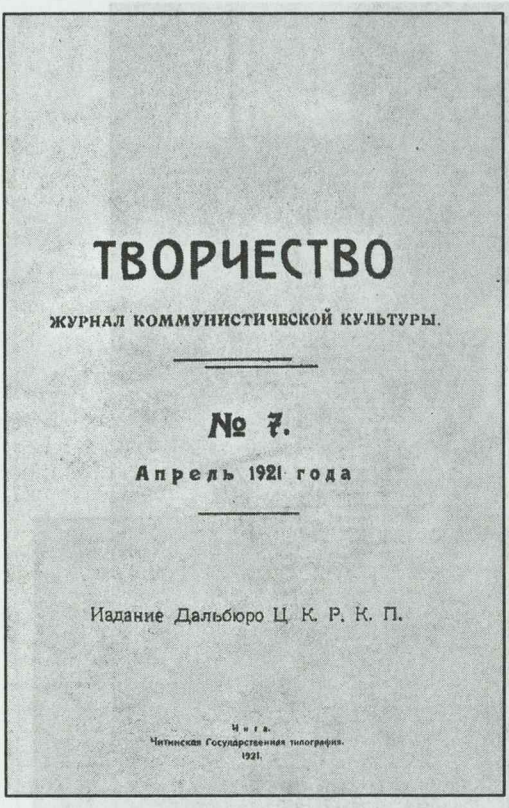
О.Э.Мандельштам.
Рисунок В.Милашевского. 1920-е годы.

В.Г.Шершеневич. Рисунок Б.Р.Эрдмана. 1921.

А.Б.Мариенгоф. Фото. 1920-е годы.

ТВОРЧЕСТВО

ЖУРНАЛ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

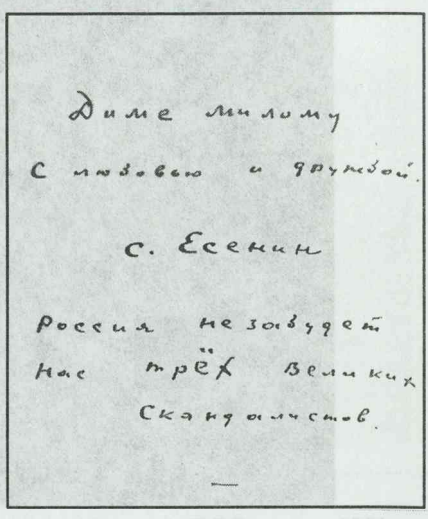
№ 7.

Апрель 1921 года

Издание Дальбюро Ц. К. Р. К. П.

Чита.
Читинская Государственная типография.
1921.

Обложка читинского журнала «Творчество» (1921, № 7, апрель) со статьей о поэзии С.А.Есенина.

Дите милому
с любовью и дружбой.
С. Есенин
Россия не забудет
нас трёх Великих
Скандалистов.

Инскрипт С.А.Есенина В.Г.Шершеневичу. 1921(?).

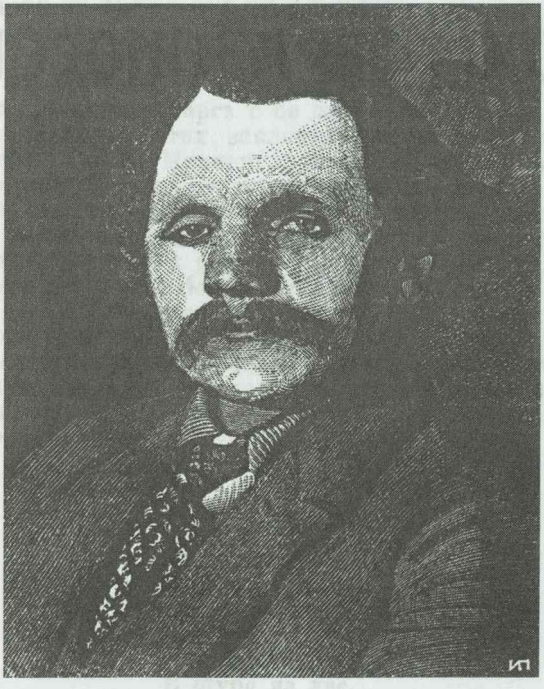
Пролетарские поэты С.А.Обрадович, А.Я.Дорогойченко, Г.А.Санников.
Рисунки Д.Федорова.

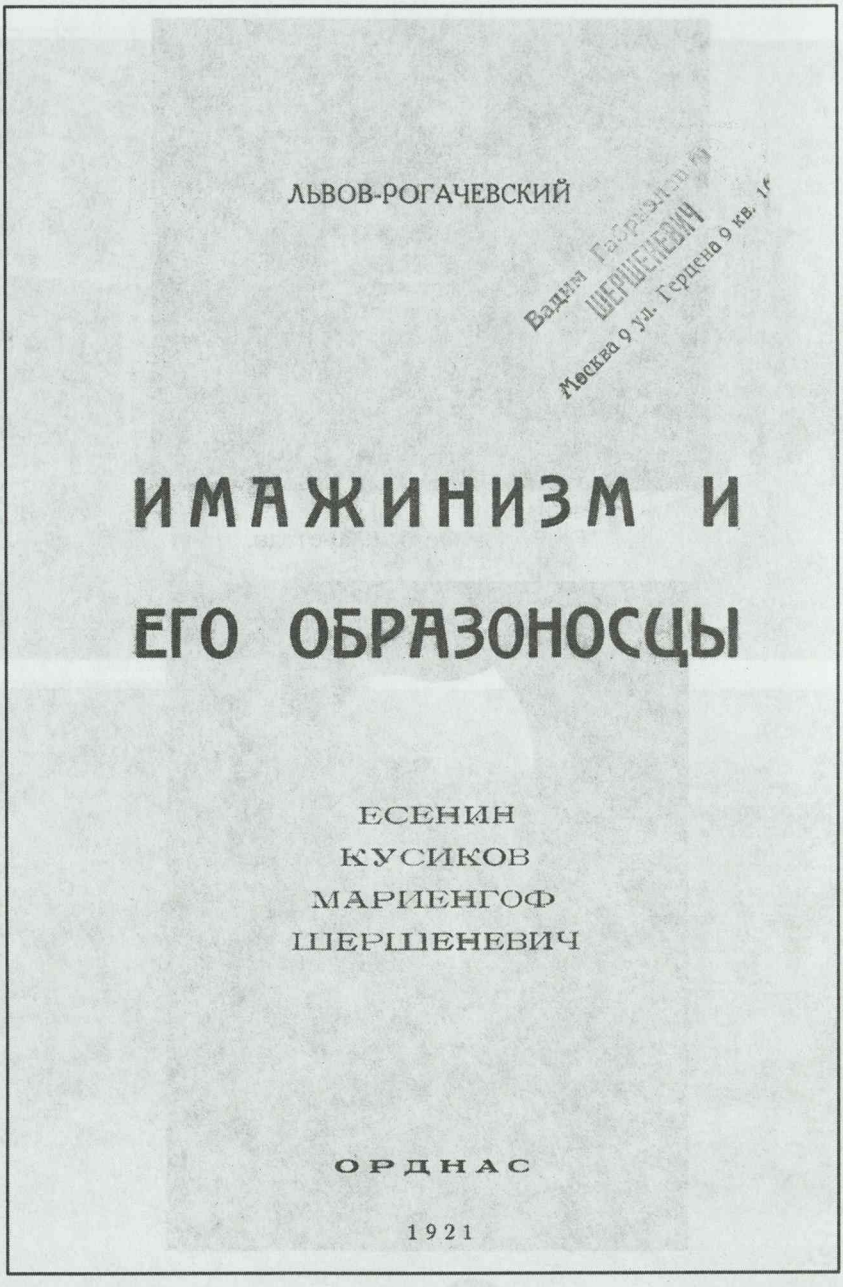
Москва. Виды Тверской улицы. Фото. Начало XX века.

Г.Б.Якулов. Фото. 1920-е годы.

П.А.Радимов. Гравюра И.Павлова.

ЛЬВОВ-РОГАЧЕВСКИЙ

Вадим Габриэлович
ШЕРШЕНЕВИЧ
Москва 9 ул. Герцена 9 кв. 1

ИМАЖИНИЗМ И ЕГО ОБРАЗОНОСЦЫ

ЕСЕНИН
КУСИКОВ
МАРИЕНГОФ
ШЕРШЕНЕВИЧ

ОРДНАС

1921

Титульный лист книги В.Л.Львова-Рогачевского «Имажинизм и его образоносцы: Есенин, Кусиков, Мариенгоф, Шершеневич» (1921) и страница из этого издания.

СИМВОЛИЗМ ПОД МАСКОЙ ИМАЖИНИЗМА.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН.

Вадим Шершеневич и Анатолий Мариенгоф, а рядом Сергей Есенин и Александр Кусиков — что может быть нелепее, безобразнее этого сочетания? Вот уж подлинно „пара нечистых“ и „пара чистых“. С одной стороны урбанисты, футуристы, последователи Маринетти и Маяковского, ненавистники природы, превращающие небо со звездами, в голубой стакан с гонококами, готовые в солнце кулаком бацнуть, чтобы превратить его в „разбитую клизму“, с другой стороны поэты космоса, прошедшие школу символистов, идущие от коллективного творчества, от народной легенды, от мифа, от поэзии Кольцова, Тютчева, Фета, поэты жизнелюбы, впитавшие весеннюю радость бытия.

Анатолий Мариенгоф, сын проклятого города, в одном из своих посвящений Сергею Есенину, пишет: „на каторгу пусть приведет нас дружба“, в другом месте он уверяет, что „сегодня вместе тесто стихов месить Анатолию и Сергею“. Никакая каторга с ее железными цепями не укрепит и не свяжет этих заклятых врагов не на жизнь, а на смерть. Сам же Мариенгоф проводит резкую непереходимую черту между творчеством обоих мнимых друзей. Одного „всосут водопроводов трубы“ другого „колодезы рязанских изб... „и будут два пути для поколений“ ибо один прикован к асфальту проклятого города, другой вливается в ржаное поле с миллиардами золотых языков.

В том же сборнике „Харчевня Зорь“, где сын проклятого города посвящает свою „Встречу“ Сергею Есенину, с которым так резко расходится, напечатано небольшое полушутливое, похожее на пародию стихотворений Велемира Хлебникова; в нем тоже решительное противопоставление одного имажиниста другому:

Москвы колымага
В ней два имаго
Голгофа
Мариенгофа.
Город распорот.
Воскресение
Есенина.
Господи отелись
В шубе из лис.

В самом деле, здесь в лице двух „имаго“ столкнулись два начала: мертвое, стальное, механическое и живое, сол-

Б.Д.Григорьев. Из цикла «Образы России» (берлинский журнал «Жар-птица», 1921, № 4–5).

„ЗНАМЯ“ (Standarte)

временник литературы и политики под редакцией Александра Шрейдера

на немецком и русском языках

Вышли

Первый русский и немецкий выпуски

со стихами и статьями Александра Блока, Андрея Белого, В. Грегера, С. Есенина, Р.В. Иванова-Разумника, Н. Клюева, Ганса Кнудзена, Л. Кроника, Е. Лундберга, Э. Пенгу, О. Чижикова, А. Шрейдера, И. З. Штейнберга, Р. Ф. Вальтера и др. Цена 10 мар. (5 фр.; 2—2½ шил.; ½ дол.)

Во втором номере будет между проч. напечатано:

Новая поэма Андрея Белого: „Первое свидание“. Стихи: С. Есенина, Р. Иванева, Р. Эренбурга. Статьи: А. Белого „Прыжок в царство свободы“, А. Блока „Крушение гуманизма“; Иванова-Разумника „Культура и цивилизация“; Е. Лундберга „В своем углу“; Леонида Сабанеева „О Скрябине“; А. Шрейдера „Иллюзия и действительность“; Константина Эрберга „О догматах и ересях в искусстве“ и многие др. :: Выйдет в начале августа

Адрес редакции: Berlin W 30, Eisenacherstrasse 10 II

С июня 1921 г. выходит на русском и немецком языках — в Берлине и на итальянском — в Риме — временник литературы и политики:

„ЗНАМЯ“

(„STANDARTE“ „IL VESSILLO“)

под редакцией

АЛЕКСАНДРА ШРЕЙДЕРА

и при участии:

Александра Блока, Андрея Белого, Р. Ф. Вальтера, В. Грёгера, С. Есенина, Р. В. Иванова-Разумника, Б. Камкова, В. Карелина, Н. Клюева, Е. Г. Лундберга, И. Майорова, П. Орешина, Б. Пастернака, Г. Пенгу, Леонида Сабанеева, А. Терек, В. Трутовского, П. А. Хентовой, О. Чижикова, Б. Шарапой, А. Шрейдера, И. З. Штейнберга, Константина Эрберга и многих других.

Постоянные отделы:

I. Русская литература. II. Немецкая литература. III. Филология. IV. Живопись, скульптура, архитектура. V. Музыка. VI. Политика. VII. Экономическая жизнь. VIII. Интернационал. IX. Жизнь Советской России. X. Журнал журналов.

Содержание № 1. (Июнь 1921 г.) русского издания: Стихи: А. Блока, Н. Клюева. С. Есенина. Статьи: Андрея Белого („Учитель сознания“), Р. В. Иванова-Разумника („Скиф сороковых годов“), Л. Кроника („Система бумажной эмиссии“), Е. Г. Лундберга („В своем углу“), О. Чижикова („Лев с-р и коммунизм“), А. Шредера („Догма ненависти и философия гнева“) и И. З. Штейнберга („Революции год первый“). Письма из Москвы. Хроника Интернационала. Новые книги

(Цена в Германии — 10 мар., в Чехословакии — 12 крон, в Италии — 8 лир., во Франции — 5 франков, в Швейцарии — 2½ фр., в Англии — 2½ шиллинга, в Соед. Штатах ½ дол.).

В следующих номерах русского издания будет помещено между прочим: Александр Блок: „Крушение гуманизма“. Андрей Белый: „Коммуна мечтателей“ и „Прыжок в Царство свободы“. Р. В. Иванов-Разумник: „Пролетарская культура“ и „Основы духовного максимализма“. В. Карелин: „Искусство и революция“. Леонид Сабанеев: „О Скрябине“ и „Отделение искусства от государства“. Константин Эрберг: „О догматах и ересях в искусстве“

Содержание № 1 немецкого издания „STANDARTE“: 1. „Unsere Ziele“. 2. A. Block: „Skythen“. Aus dem Russischen übertragen von B. Schiratzki. 3. Puschkin: „Der Prophet“. Aus dem Russischen übertragen von Wolfgang E. Gröger. 4. R. v. Walter: „Der Totengräber“ (Fragment). 5. Andrej Bjeli: „Der Lehrer der Erkenntnis“. 6. Iwanow-Rasumnik: „Der Skythe der vierziget Jahre“. 7. E. Lundberg: „Über die Unvolkommenheit der Form“. 8. R. v. Walter: „Neue deutsche Dichtung“. 9. Ernst Pingoud: „Der Kampf gegen den Nationalismus in der Musik“. 10. I. Radecki: „Pro et contra“. 11. B. Schiratski: „Revue der Revuen“. 12. Chronik der Internationale. 13. Briefe aus Moskau. 14. Neue Bücher.

Адрес редакции:

Berlin W. 30, Eisenacher Strasse 10 II.

Auslieferung bei Carl Fr. Fleischer, Leipzig, Salomonstrasse 16.

Объявления в берлинских газетах о выходе журнала «Знамя» с участием С.А.Есенина. 1921.

С.Г.Мар. Рисунок Г.Б.Якулова.

Скиталец (С.Г.Петров). Фото.

Имажинисты всех стран соединяйтесь!

ВСЕОБЩАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ

Поэтов, Живописцев, Актеров, Композиторов, Режиссеров и Друзей Действующего Искусства.

№ 1.

На воскресенье, 12 июня, с. г., назначается демонстрация искателей и зачинателей нового искусства.

Место сбора: Театральная площадь (сквер), время: 9 час. вечера.
Маршрут: Тверская, Памятник А. С. Пушкина.

ПРОГРАММА.

Парад сил, речи, оркестр, стихи и летучая выставка картин.
Явка обязательна для всех друзей и сторонников действующего искусства.

1) имажинистов,
2) футуристов,
3) и других групп.

Причина мобилизации: война, об'явленная действующему искусству.

Кто не с нами, тот против нас!

Вождь действующего искусства, Центральный Комитет Ордена Имажинистов.

Поэты: *Сергей Есенин, Александр Кусиков, Анатолий Мариенгоф, Вадим Шершеневич, Николай Эрдман*

Художники: *Георгий Якулов, Борис Эрдман.*

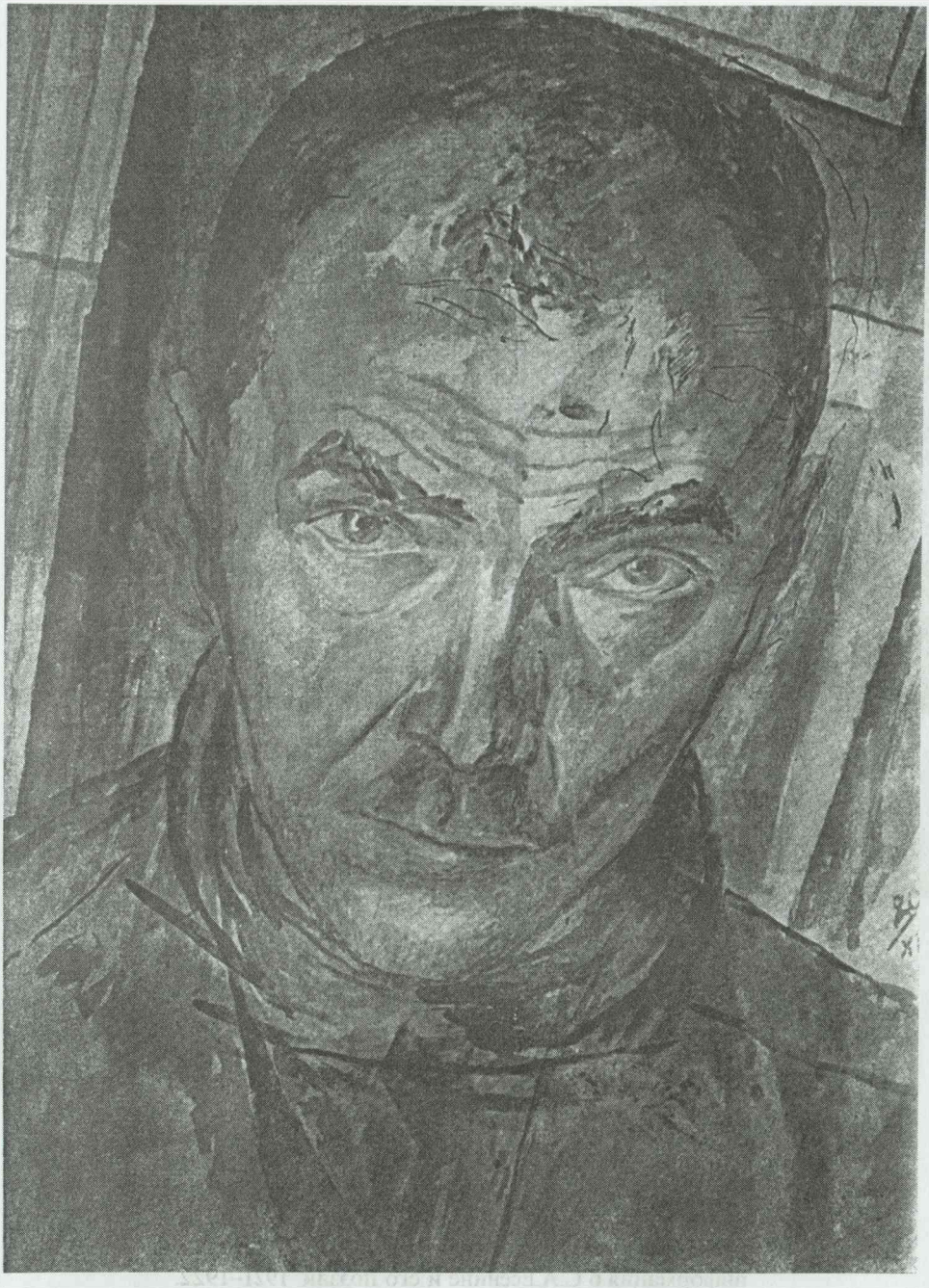
Композиторы: *Арсений Авраамов, Павлов.*

Секретариат: Поэты-имажинисты *Иван Грузинов. Матвей Ройзман.*

Афиша-листовка о демонстрации искателей и зачинателей нового искусства. Июнь 1921.

А.Б.Мариенгоф и С.А.Есенин. Фото. 1921 (из собрания Г.Маквея).

К.С.Петров-Водкин. Автопортрет. 1920-е годы.

НОВАЯ РУССКАЯ ЖИЗНЬ

ГОДЪ ИЗДАНІЯ 3-й.

Цѣна № въ Г-форсѣ 50 п., ... 75 п.

Органъ русской освободительной національно-государственной мысли.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

Редакторъ-издатель: Ю. А. Григорковъ.

№ 43 Вторникъ. 22 февраля. 1921

DEUTSCHER GOTTESDIENST

Большевики разстрѣляли епископа Никанора.

Баварская крайняя правая вступила въ сношенія съ коммунистами.

Ростъ безработицы въ Финляндіи, Даніи и Швеціи

Суббота. 27 августа 1921 г. № 170.

НОВЫЙ ПУТЬ

Прiемъ пожертвованій въ пользу голодающихъ деньгами, продуктами и вещами производится въ конторѣ "Новаго Пути" (Романовская 14, кв. 7) ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 до 6 час. вечера.

Сегодня въ номерѣ:

События дня.

Вокругъ Верхней Силезіи.

Ниша — докладчикъ по верхне-силезскому вопросу.

Франція за осадное положеніе.

Среди русскихъ монархистовъ.

Праведный судъ русскихъ монархистовъ.

Къ германо-польскимъ переговорамъ.

Расходы по оккупаціи.

Монархическая газета въ Берлинѣ.

Эмигрантские газеты стран Балтии, в которых помещалась информация о С.А.Есенине и его поэзии. 1921–1922.

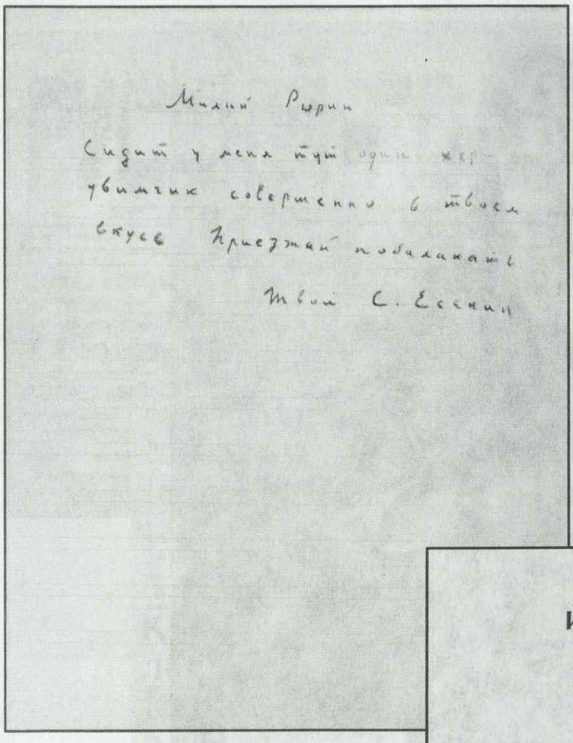

ЗА СВОБОДУ!
ЗА РОДИНУ И СВОБОДУ
„АПОЛЛО"
„ТОТ"
„АПОЛЛО"
ИЗА КРЕМЕР
ЛЮЦІАНЪ ЛЕЩИНСКІЙ
СЕГОДНЯ
НЕЗАВИСИМАЯ
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА
Среда, 5 января 1921 г.
№ 3.
Новыя осложненія на Востокѣ.
Въ номерѣ „Сегодня":
Министръ земледѣлія о раздѣлѣ земли и эксплоатаціи лѣсовъ.
ПУТЬ
На борьбу съ голодомъ!
Граждане Россіи!
ПОСЛѢДНІЯ ИЗВѢСТІЯ.

М.Л.Свирская (Гершевич-Свирская). Фото. 1921.

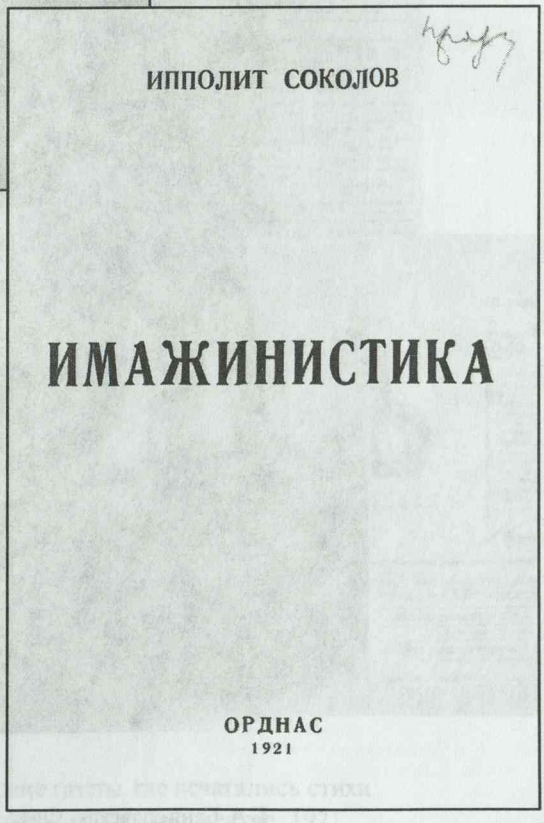

Т.П.Самсонов. Фото. 1920-е годы.

Милый Рюрик
Сидит у меня тут один жер-
тебимчик совершенно в твоем
вкусе. Приезжай побаловать
Твой С. Есенин

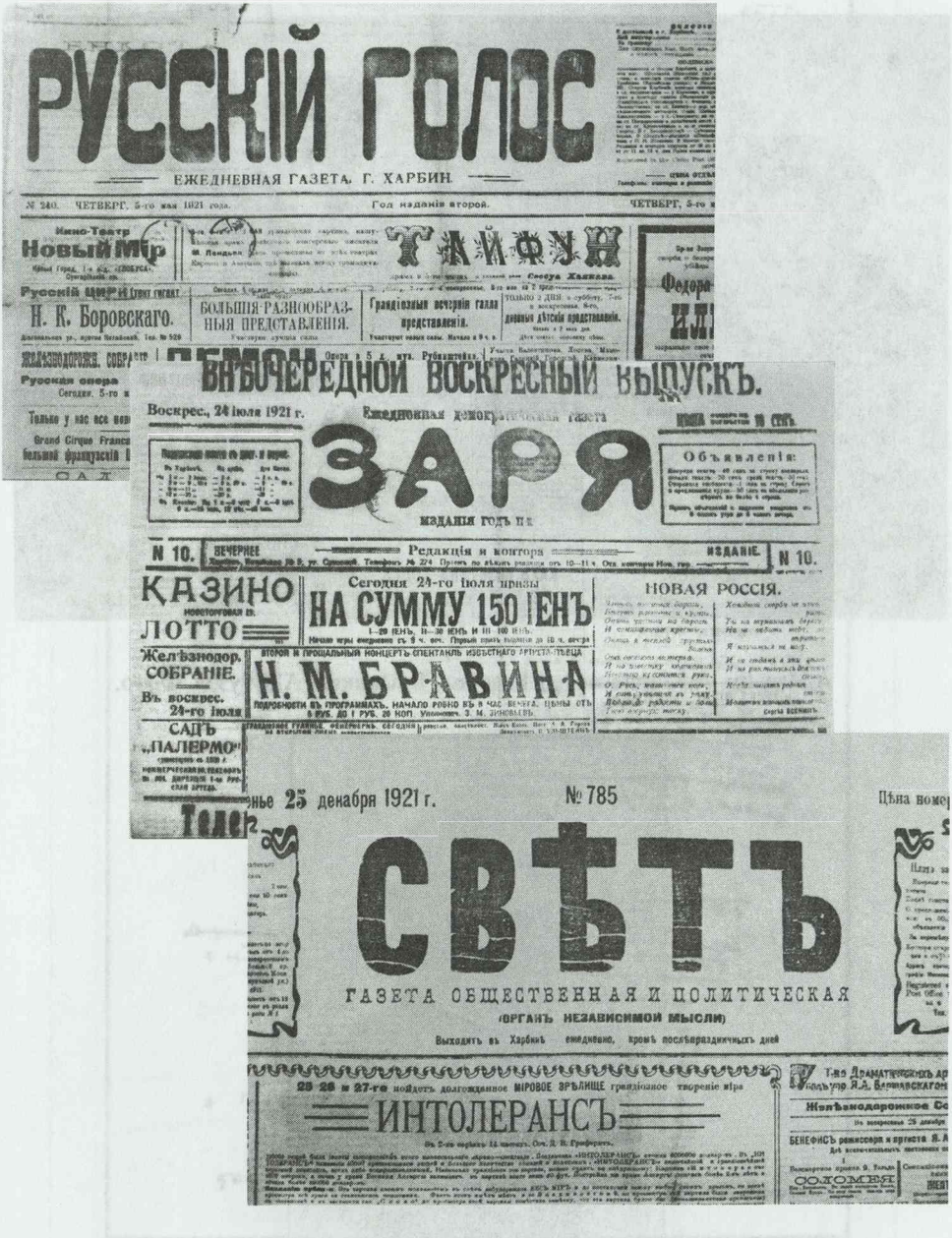
Записка С.А.Есенина Рюрику Ивневу.

Обложка книги Ип. Соколова «Имажинистика». 1921.

Г.А.Бениславская. Фото. 1920-е годы.

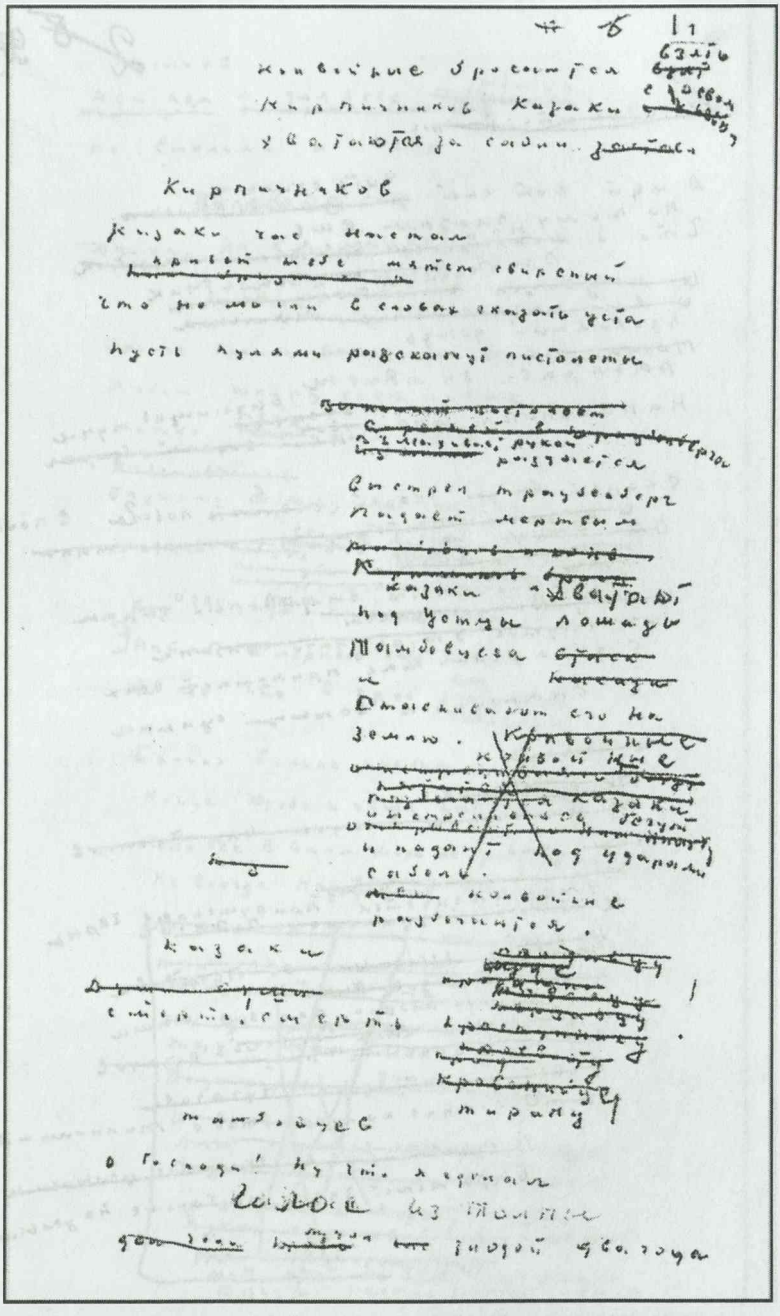
Харбинские эмигрантские газеты, где печатались стихи С.А.Есенина и информация о его творчестве. 1921.

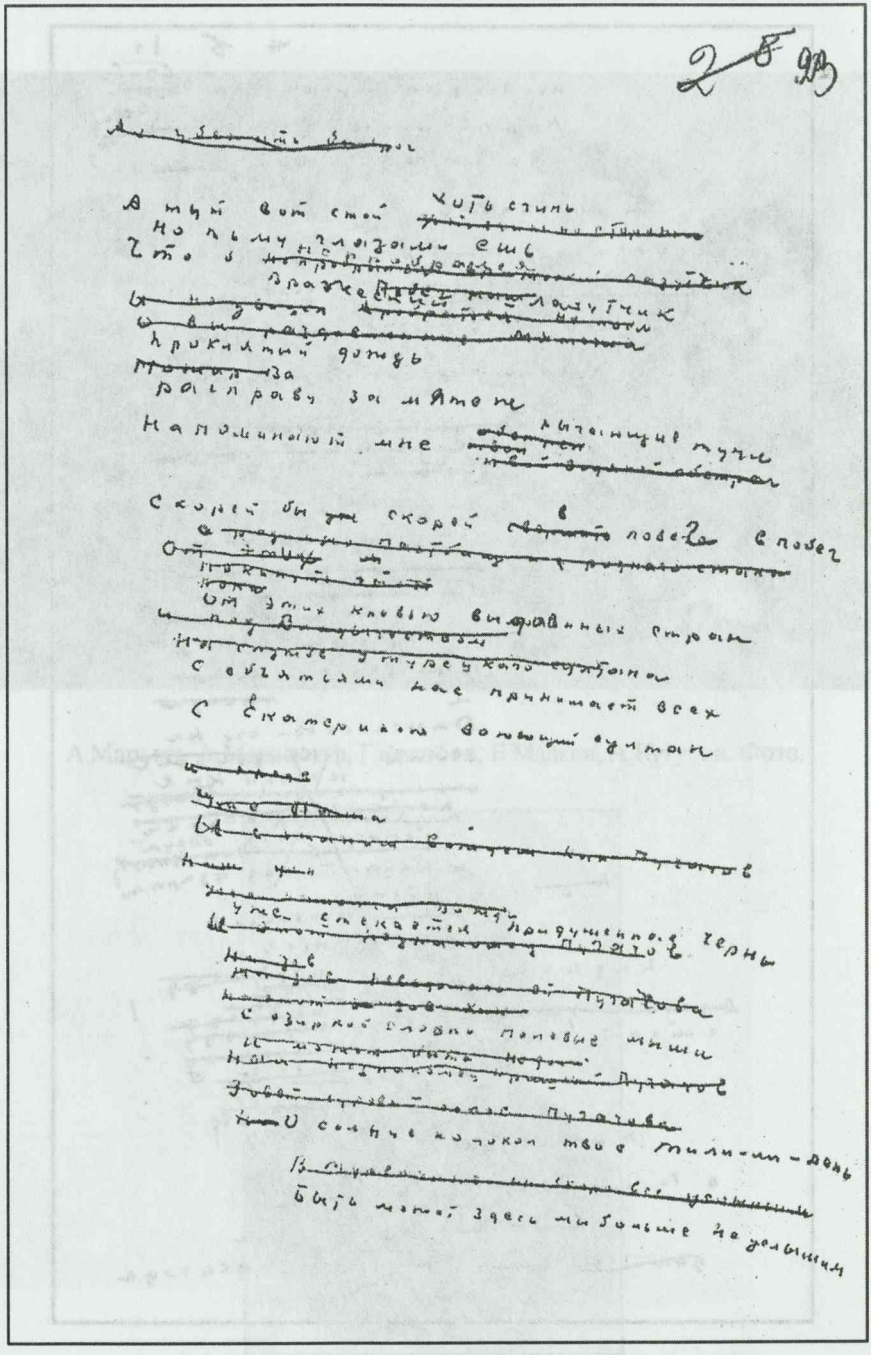
А.Марьин, А.Мариенгоф, Г.Колобов, Б.Малкин, А.Кутузов. Фото.

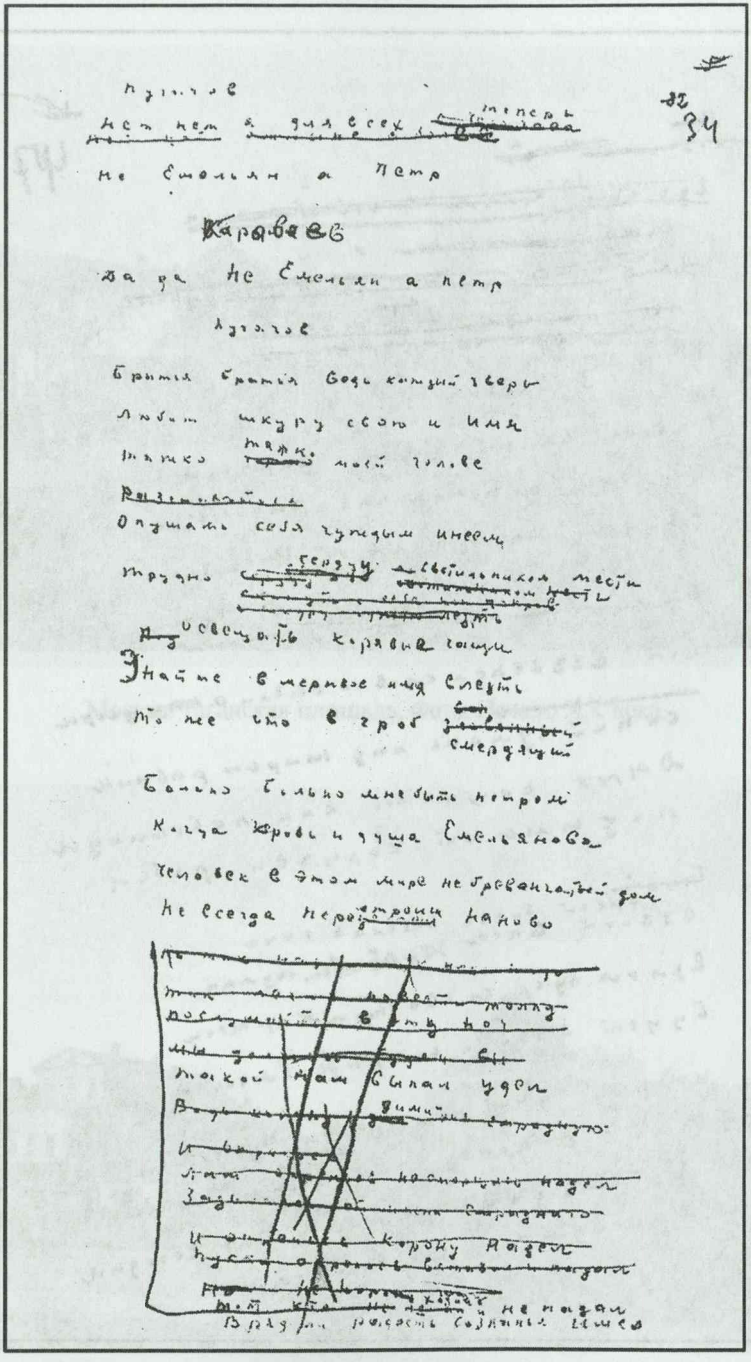
Демьян Бедный. Фото.

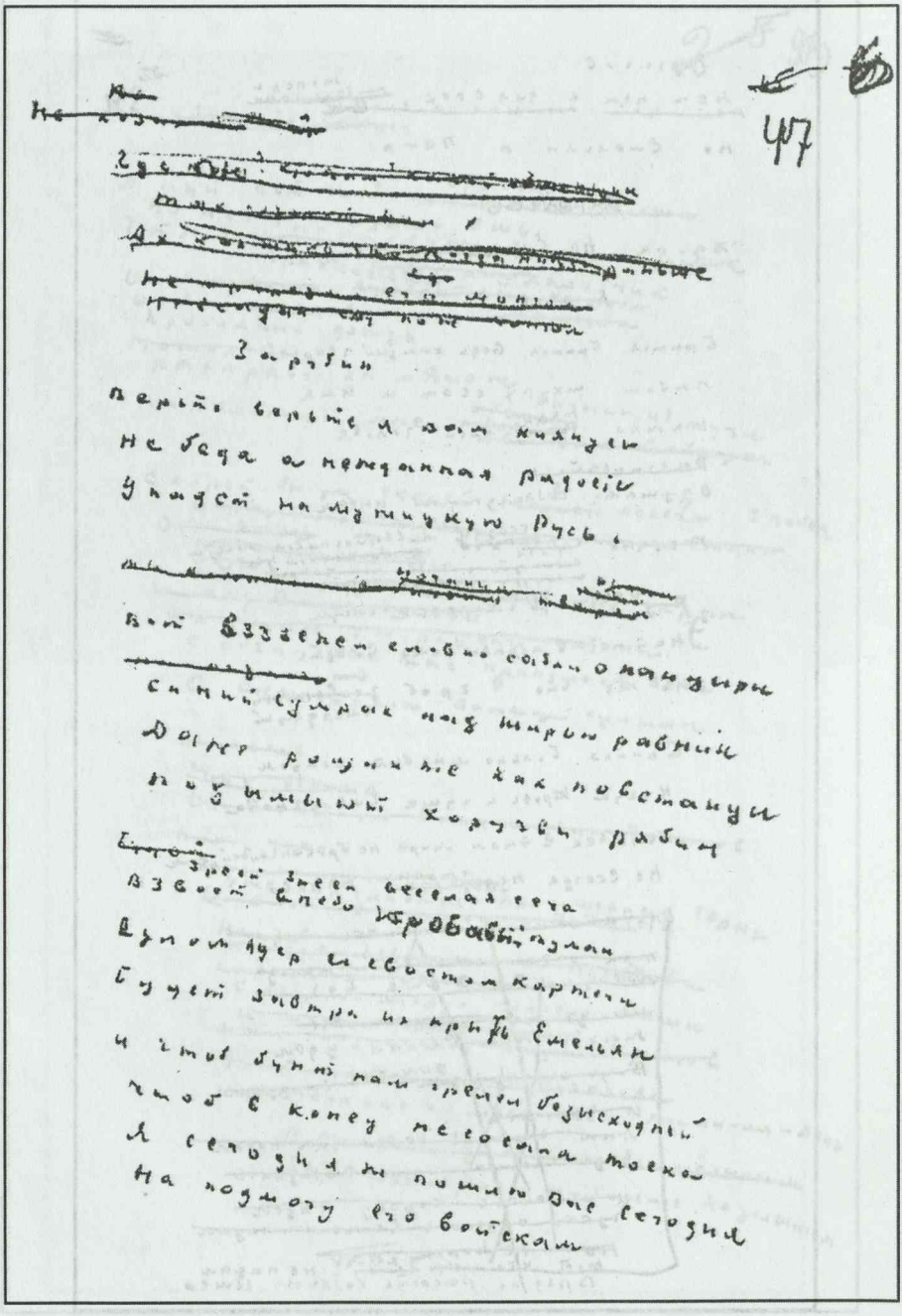
6-й лист чернового автографа «Пугачева» С.А.Есенина.

23-й лист чернового автографа «Пугачева» С.А.Есенина.

34-й лист чернового автографа «Пугачева» С.А.Есенина.

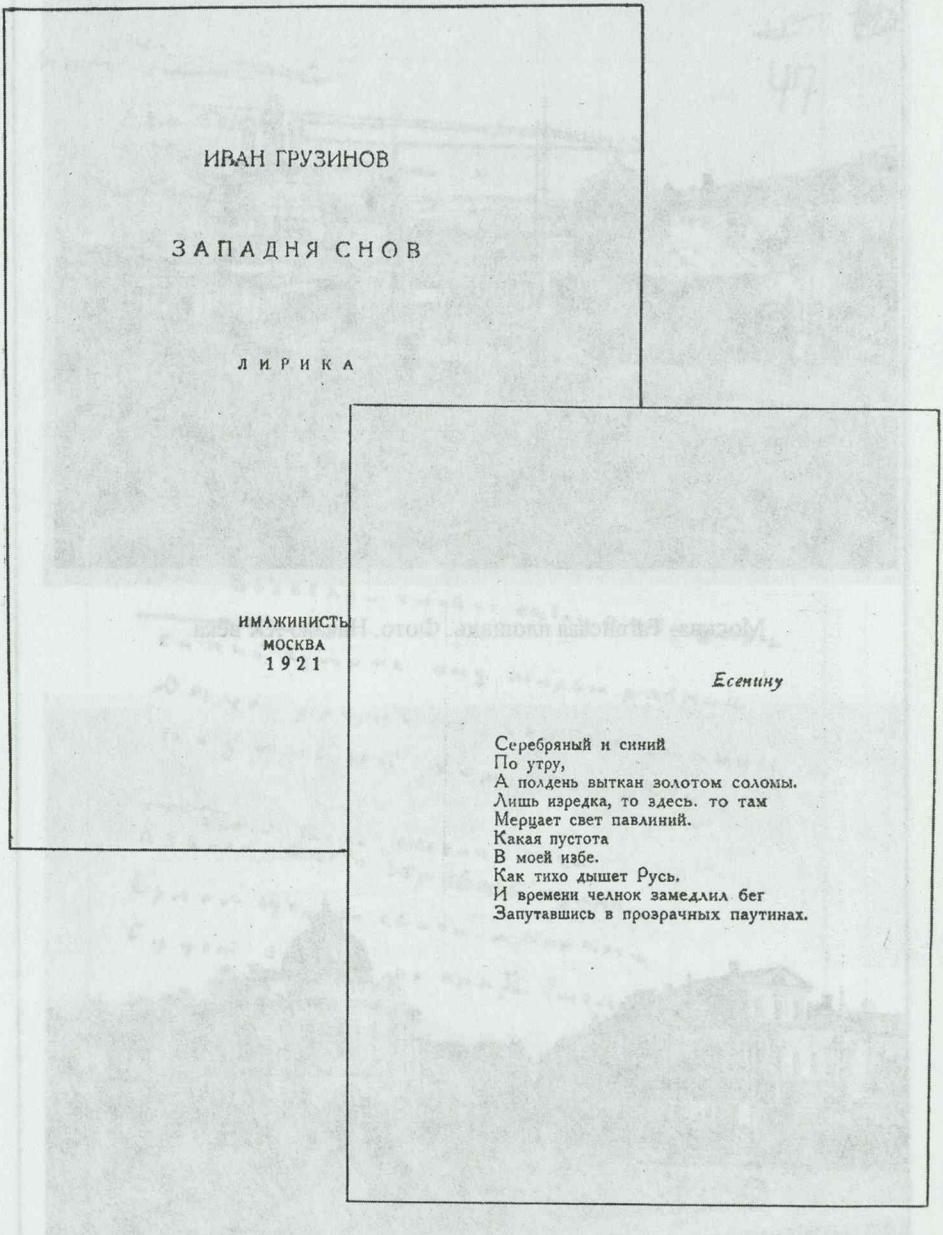
47-й лист чернового автографа «Пугачева» С.А.Есенина.

Москва. Таганская площадь. Фото. Начало XX века.

Москва. Арбатская площадь. Фото. Начало XX века.

ИВАН ГРУЗИНОВ

ЗАПАДНЯ СНОВ

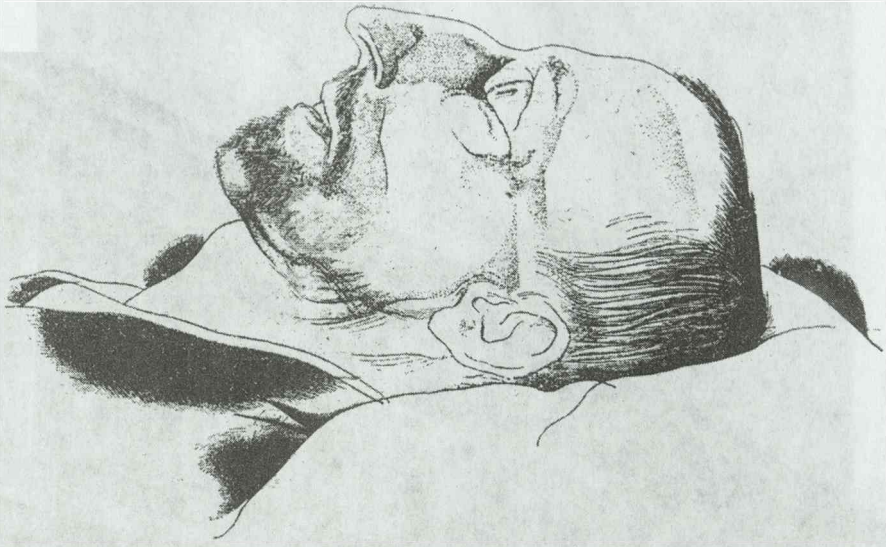
ЛИРИКА

ИМАЖИНИСТЫ
МОСКВА
1921

Есенину

Серебряный и синий
По утру,
А полдень выткан золотом соломы.
Лишь изредка, то здесь. то там
Мерцает свет павлиний.
Какая пустота
В моей избе.
Как тихо дышет Русь.
И времени челнок замедлил бег
Запутавшись в прозрачных паутинах.

Титульный лист книги И.В.Грузинова «Западня снов» (1921), где опубликовано стихотворение, посвященное С.А.Есенину.

А.А.Блок на смертном одре. Рисунок Ю.П.Анненкова.

М.Е.Кольцов. Гравюра И.Павлова.

Москва. Современный вид дома № 33 по Староконюшенному переулку, куда не раз приходил С.А.Есенин.

Н.И.Подвойский, Айседора Дункан. Фото. 1921.

НОВЫЙ МИР

Nowyj Mir

Цена 50 пф. Preis 50 Pfg.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ и ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

Адрес редакции и конторы: Berlin C. 2, Breitestrasse 8-9. Телефон: Zentrum 152-37.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: | ЗАГРАНИЦЕЙ: | ОБЪЯВЛЕНИЯ:

1-й год изд. Воскресенье, 7-го августа 1921 года № 158

Пожертвования в пользу голодающих Поволжья

Spenden für die Hungernden im Wolga-Gebiet

werden entgegengenommen vom Verlag „Nowyj Mir", GmbH, Berlin C 2, Breite Str. 8-9 täglich von 10 bis 4 Uhr

Die Listen der Spenden werden veröffentlicht in der Tageszeitung „NOWYJ MIR"

Wochenschrift Wremja

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ВРЕМЯ

ВЫХОДИТЪ ПО ПОНЕДѢЛЬНИКАМЪ.

№ 135-й Берлинъ, 31 января 1921 г. Годъ изданія III-й

Россія—работница въ мірѣ.

Хроника Россіи.

Содержаніе.

Россія — работница въ мірѣ. Экономическое оздоровленіе. Воззваніе Рѣпина. „Недѣли" въ Одессѣ. Что дѣлается въ Кіевѣ. Нѣмецкій шпіонажъ и русская контръ-развѣдка. Ритуалъ разстрѣловъ. Лекція Лебедева. Мемуары Константина Константиновича. Сахалинская нефть. Скандалъ въ благородномъ семействѣ. Протестъ рабочихъ. Розыскъ бѣженцевъ.

Что дѣлается въ Кіевѣ.

Берлинские эмигрантские газеты, которые сообщали о книгах и стихах С.А.Есенина. 1921–1922.

РУЛЬ

Preis 70 Pfennig

RUL, russische demokratische Tageszeitung

Herausgeber I. Hessen, Prof. A. Kaminka, W. Nabokoff

При ближайшемъ участіи І. В. Гессена, проф. А. И. Каминки и В. Д. Набокова.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО ВЪ БЕРЛИНѢ

№ 293-й Четвергъ, 3 ноября (21) октября 1921 года. 1-й г. изд.

Берлинъ, 2 ноября.

Событія дня.

Признаніе долговъ. Первая извѣстія о томъ пріемѣ, который встрѣтилъ ноту большевиковъ о признаніи ими довоенныхъ долговъ Россіи, достаточно опредѣлены для того, чтобы теперь уже судить о значеніи этой ноты для международнаго положенія большевистской Россіи. И вѣроятно это отрицательное отношеніе Европы явится сюрпризомъ только для смѣлыхъ авторовъ этого новаго произведенія искусства совѣтскихъ правителей.

Совѣтскіе правители со свойственной азіатскимъ дипломатамъ вѣрой въ возможность всего достичь покупкой подкупа и взятки, рѣшили купить Европу, щедро обѣщая ей капиталистамъ уплату долговъ Россіи. А Европа въ отвѣтъ на этотъ щедрый подарокъ умирающаго отъ голода и холода правительства...

Англійскій отвѣтъ объ отправкѣ русскихъ бѣженцевъ во Владивостокъ.

Лондонъ, 1. 11. (Вольфъ).

Совѣтское правительство обратилось 26 октября къ англійскому правительству съ протестомъ противъ отправленія русскихъ бѣженцевъ на Дальній Востокъ.

Сегодня англійское правительство отвѣтило на эту ноту. Въ своемъ отвѣтѣ оно заявляетъ, что расходы на содержаніе русскихъ бѣженцевъ въ Индіи и Иракѣ и неблагопріятный климатъ этихъ странъ побудили англійское правительство приступить къ поискамъ другого мѣста пребыванія русскихъ бѣженцевъ. Но такъ какъ никакая другая страна не желала дать...

Недовольство американской организаціей помощи.

Торонто, 1. 11. (О. Э).

«Красная Газета» сообщаетъ о недовольствѣ петербургскаго населенія организаціей американской помощи. Матеріалъ присылаются вагонъ съ тѣмъ нѣсколько часами у вида въ столовыя, такъ какъ братъ ѣду на домъ не разрѣшается. Газета обвиняетъ служащихъ въ американскихъ столовыхъ въ томъ, что они питаютъ симпатіи къ бѣдствующимъ и рекомендуетъ представителямъ американской организаціи помощи проконтролировать своихъ служащихъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ нѣкоторымъ служащимъ, можетъ быть, придется ознакомиться съ уголовными судами совѣтской республики.

мирной, что съ этой цѣлью правительство должно сохранить вооруженную силу. Комиссія полагаетъ, что эта сила должна быть пропорціональна къ отношенію къ совѣтскимъ властямъ, которые опредѣленно выраженной волѣ всѣхъ державъ выполнить самые категорическія обязательства рижскаго договора. Комиссія выражаетъ надежду, что мнѣніе иностранныхъ дѣлъ порушитъ всѣ сношенія съ совѣтами лицамъ, способнымъ на такую стойкость и на послѣдовательную защиту польскаго государства».

Перерывъ совѣтско-румынскихъ переговоровъ.

Варшава, 1. 11. (Русскае

Бюро печати совѣтскаго предсѣдательства въ Варшавѣ опубликовало свое

№ 5 1-й годъ изд.

НАКАНУНѢ

Суббота 1 апреля 1922

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

Подъ редакціей Ю. В. КЛЮЧНИКОВА и Г. Л. КИРДЕЦОВА

При ближайшемъ участіи С. С. Лукьянова, Б. В. Дюшен и Ю. Н. Потехина

„Nakanune"

Russische Tageszeitung

Quotidien russe

ЦѢНА PREIS 1 марка Mark

На XI с'ѣздѣ Р.К.П. Ленинъ заявилъ, что задачей 1922 г., является пересмотръ и проведеніе въ жизнь осуществимыхъ плановъ. — Керзонъ допускаетъ возможность участія Россіи въ контролѣ надъ проливами. — Японскіе войска препятствуютъ продвиженію русскихъ войскъ въ районѣ Владивостока. Читинское правительство послало Японіи рѣшительную ноту. — В С.-Штатахъ началась вчера общая забастовка углекоповъ. — Англійскіе независимые либералы возражаютъ противъ сужденія Генуэзской программы.

Ленинъ о задачахъ Россіи.

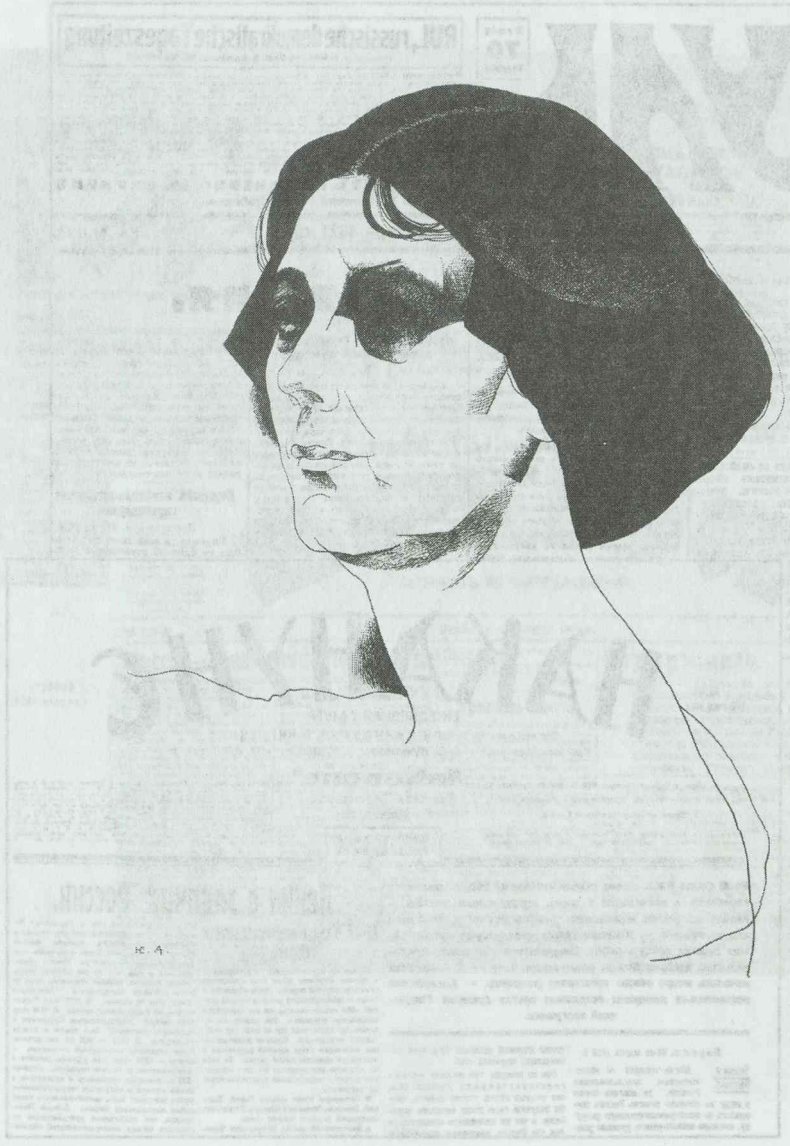
XI-ый с'ѣздъ Коммунистической Партіи.

Берлинъ, 21-го марта 1922 г.

Россія и Германія. Когда говорятъ объ экономическихъ возможностяхъ Россіи, то обычно имѣютъ въ виду не только помочь Россіи преодолѣть ея производительную разруху, сколько использовать русскіе рас-

Москва, 20 марта (Изъ). Въ понедѣльникъ, 6 Кремлѣ открылся XI-ый с'ѣздъ Россійской коммунистической партіи. Ленинъ обратился с ...

Ленинъ. Несмотря на это, — продолжалъ Ленинъ, — у насъ нѣтъ основанія для отчаянія. Русскіе коммунисты пробили первую брешь в буржуазномъ строѣ, и начался первое воинское государство. Имѣете удовлетвореніе в томъ, что на васъ удалось обратить Первая мировая война. Послѣ 1918 году между Учредительнымъ Собраніемъ и совѣтскою системой была рѣшена в пользу послѣдней. В 1918 — 1920 гг. мы должны были отразить вооруженныя нападенія, и только в 1921 году нам удалось перейти к нормальному в полномъ порядкѣ. Задачею 1922 г. является переходъ и проведеніе в жизнь плановъ и мотивовъ государственныхъ задачъ, могущихъ быть выполненными, в такомъ выборѣ передовыхъ людей. Дальше Ленинъ указалъ, что необходимо урегулировать отношенія между коммунистической партіи

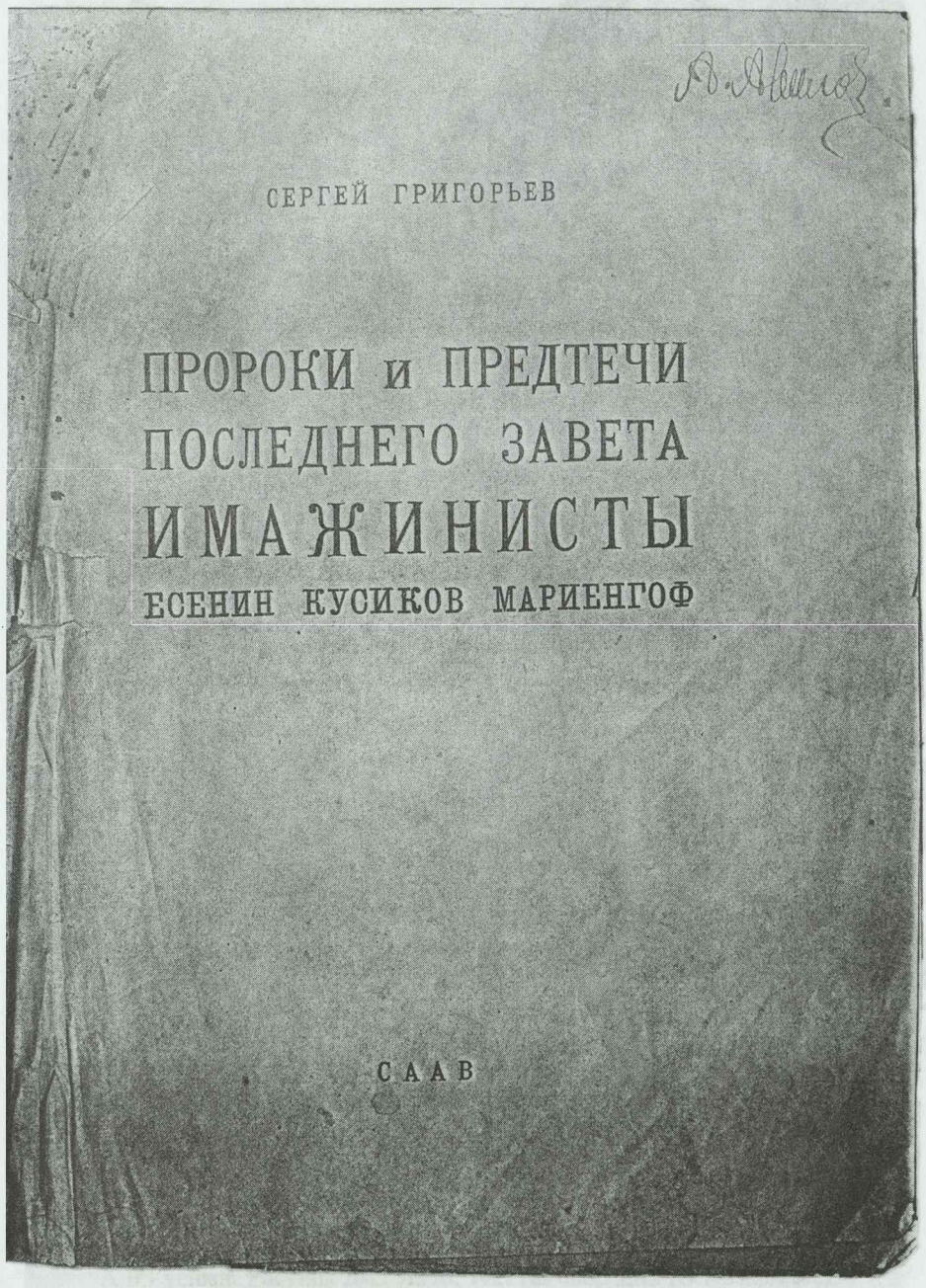
Айседора Дункан. Рисунок Ю.П.Анненкова.

Айседора Дункан. «La Marseillaise» («Марсельеза)». Рисунок худ. José Clará.

В.Г.Шершеневич, С.А.Есенин и А.Б.Мариенгоф. Фото. 1921.

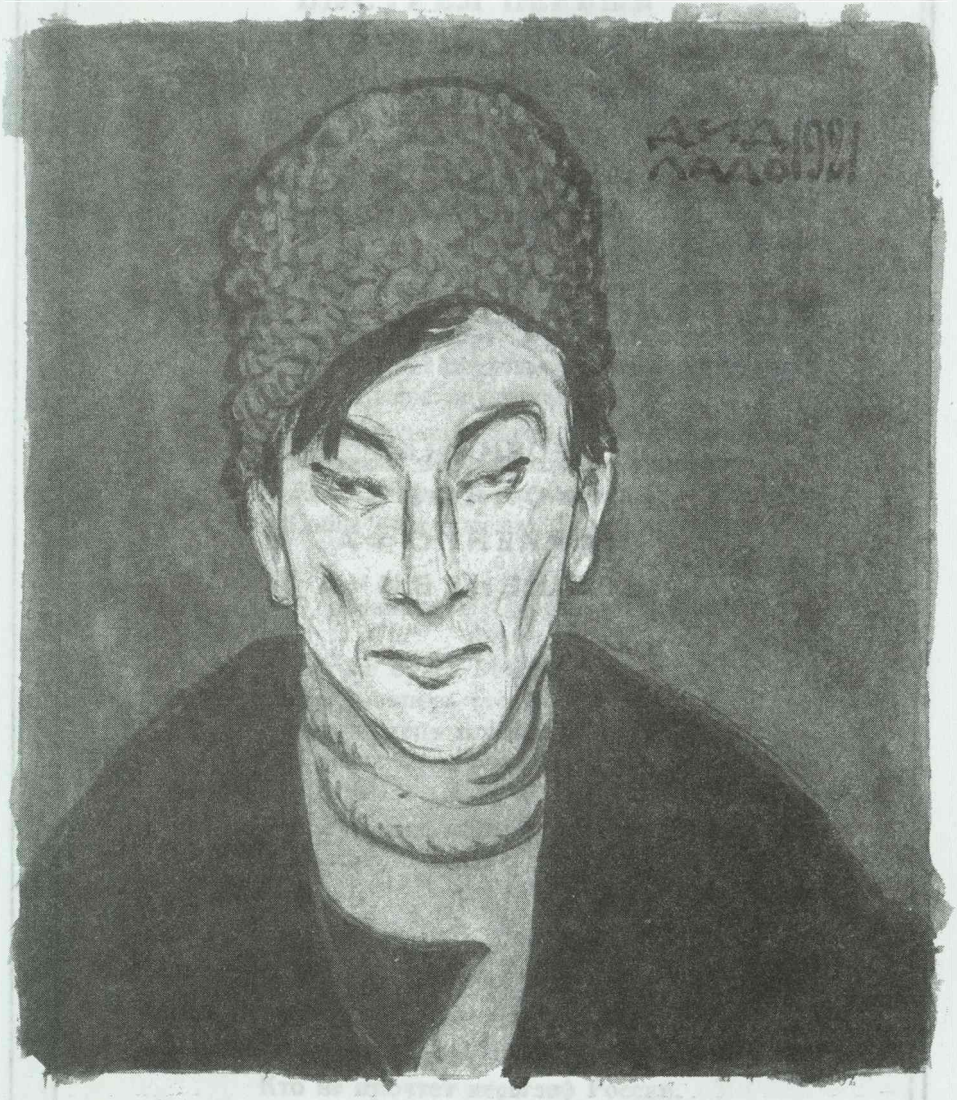
Обложка книги С. Т. Григорьева «Пророки и предтечи последнего завета: Имажинисты Есенин, Кусиков, Мариенгоф» (1921).

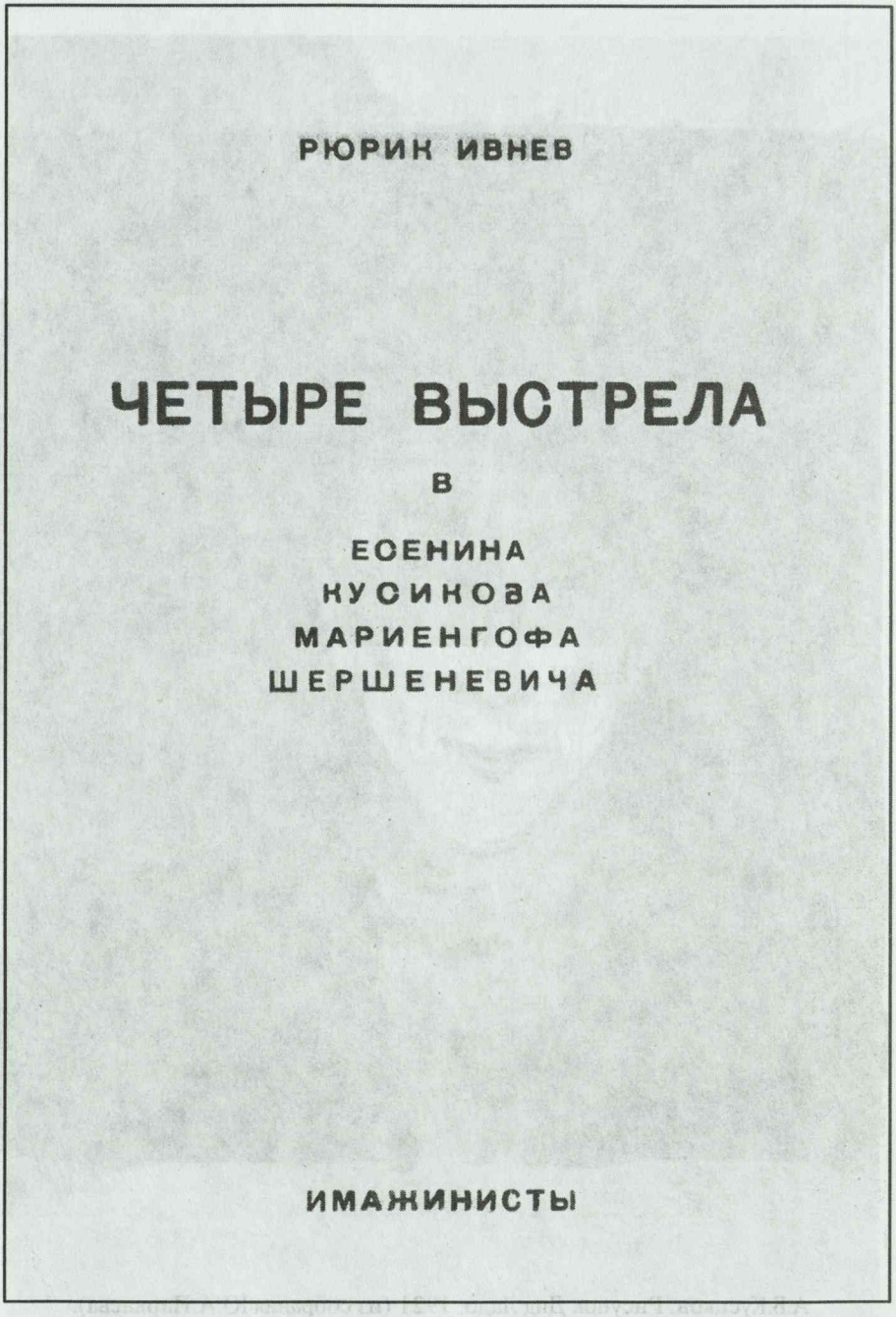
Москва. Сухаревский рынок. Фото. Начало XX века.

Москва. Страстная площадь. Фото. Начало XX века.

А.Б.Кусиков. Рисунок Дид Ладо. 1921 (из собрания Ю.А.Паркаева).

Обложка книги Рюрика Ивнева «Четыре выстрела в Есенина, Кусикова, Мариенгофа, Шершеневича» (1921) и страница из этого издания.

ВЫСТРЕЛ ПЕРВЫЙ
в
ЕСЕНИНА.

Пусть пред твоим державным блеском
Народы робко клонят взор.

Хомяков.

Умом Россию не понять.

Тютчев.

Люблю я вечером к деревне под"езжать
Над старой церковью глазами провожать
Ворон играющую стаю.

Среди больших полей, заповедных лугов,
На тихих берегах заливов и прудов
Люблю прислушиваться к лаю
Собак недремлющих, мычанью тяжких стад.

Тургенев.

О, родина моя! О, родина терзаний!

Минский.

Так же будет Россия,
Как и теперь стоять,
Будут песни глухие
В монастырях звучать.

Рюрик Ивнев.

А Русь все также будет жить,
Плясать и плакать у забора.

Сергей Есенин.

Я часто думаю о тебе. До чего ты связан с Россией. Кровью, на жизнь и смерть.

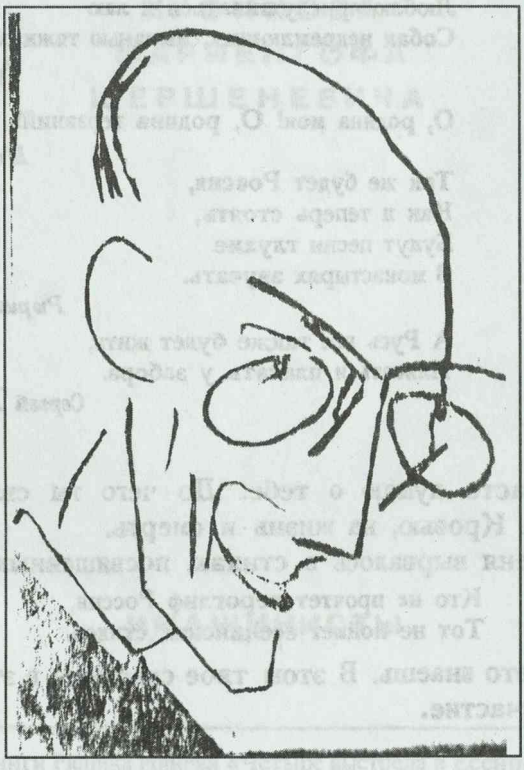
У меня вырвалось в стихах, посвященных тебе:

Кто не прочтет иероглиф России,
Тот не поймет есенинских стихов.

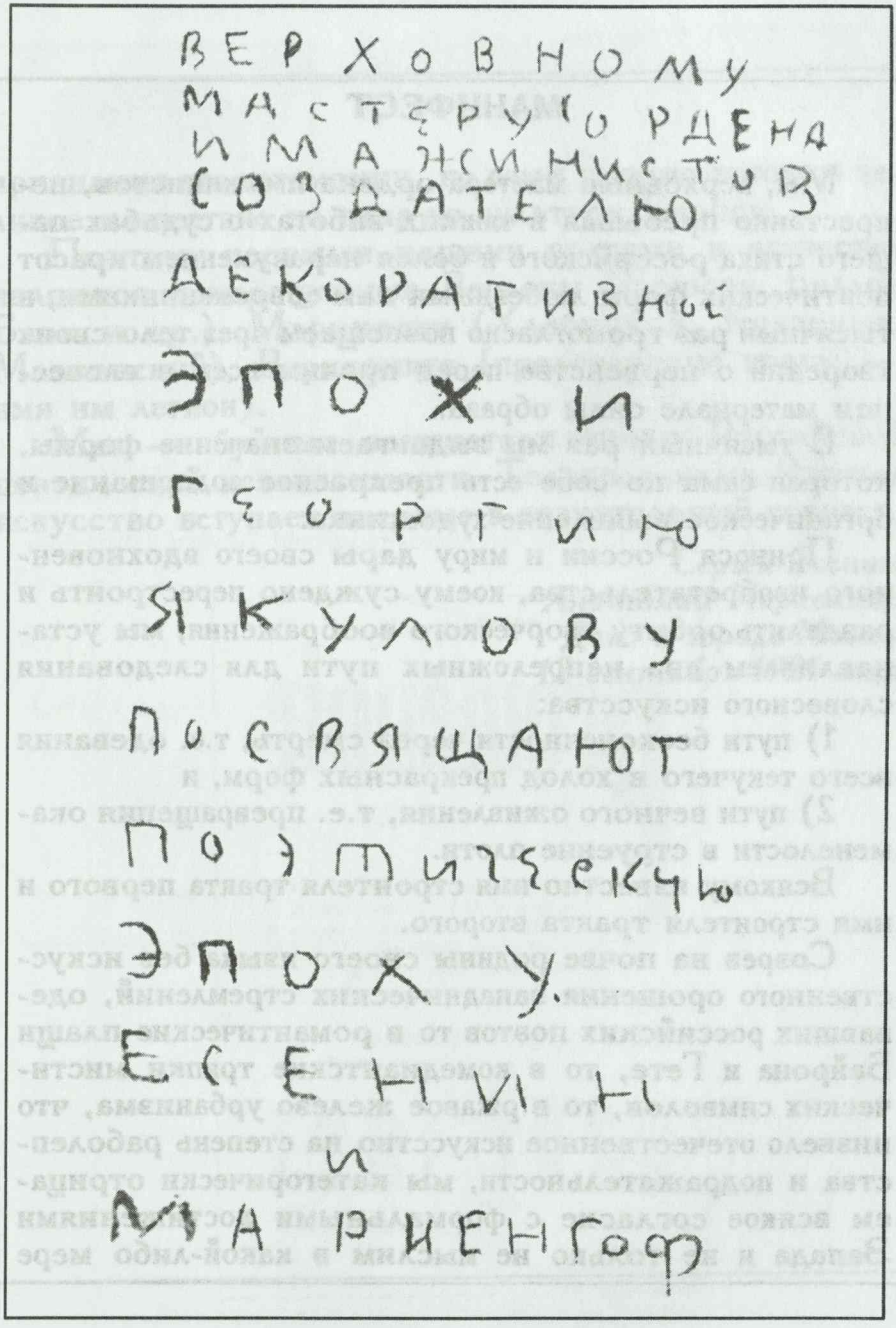
Ты это знаешь. В этом твое счастие и в этом же твое несчастие.

А.Я.Таиров. Фото. 1920-е годы.

С.М.Третьяков. Дружеский шарж.

Шмуцтитул макета коллективного сборника «Эпоха Есенина и Мариенгофа» (не выходил).

МАНИФЕСТ

Мы, верховные мастера ордена имажинистов, непрестанно пребывая в тяжких заботах о судьбах нашего стиха российского и болея неразумением красот поэтических форм любезными нам современниками, в тысячный раз громогласно возвещаем чрез тело своих творений о первенстве перед прочим всем в словесном материале силы образа.

В тысячный раз мы выдвигаем значение формы, которая сама по себе есть прекрасное содержание и органическое выявление художника.

Принося России и миру дары своего вдохновенного изобретательства, коему суждено перестроить и разделить орбиту творческого воображения, мы устанавливаем два непреложных пути для следования словесного искусства:

1) пути бесконечности через смерть, т.е. одевания всего текучего в холод прекрасных форм, и

2) пути вечного оживления, т.е. превращения окаменелости в струение плоти.

Всякому известно имя строителя тракта первого и имя строителя тракта второго.

Созрев на почве родины своего языка без искусственного орошения западнических стремлений, одевавших российских поэтов то в романтические плащи Байрона и Гете, то в комедиантские тряпки мистических символов, то в ржавое железо урбанизма, что низвело отечественное искусство на степень раболепства и подражательности, мы категорически отрицаем всякое согласие с формальными достижениями Запада и не только не мыслим в какой-либо мере

Текст манифеста из макета книги «Эпоха Есенина и Мариенгофа».

признания его гегемонии, но сами упорно готовим великое нашествие на старую культуру Европы.

Поэтому первыми нашими врагами в отечестве являются доморощенные Верлены (Брюсов, Белый, Блок и др.), Маринетти (Хлебников, Крученых, Маяковский), Верхарнята (пролетарские поэты — имя им легион).

Мы — буйные зачинатели эпохи Российской поэтической независимости. Только с нами Русское искусство вступает впервые в сознательный возраст.

Сергей Есенин.
Анатолий Мариенгоф.
Дан: в городе Москве
12 сентября 1921 года.

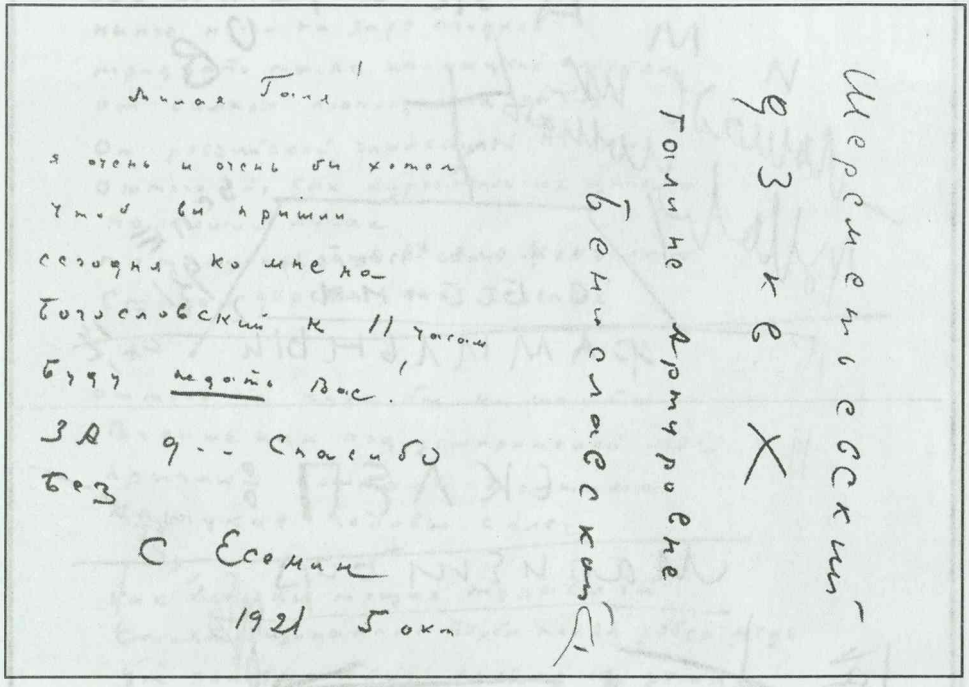

Пролетарские поэты В.В.Казин, А.Д.Александровский. Рисунки Д.Федорова.

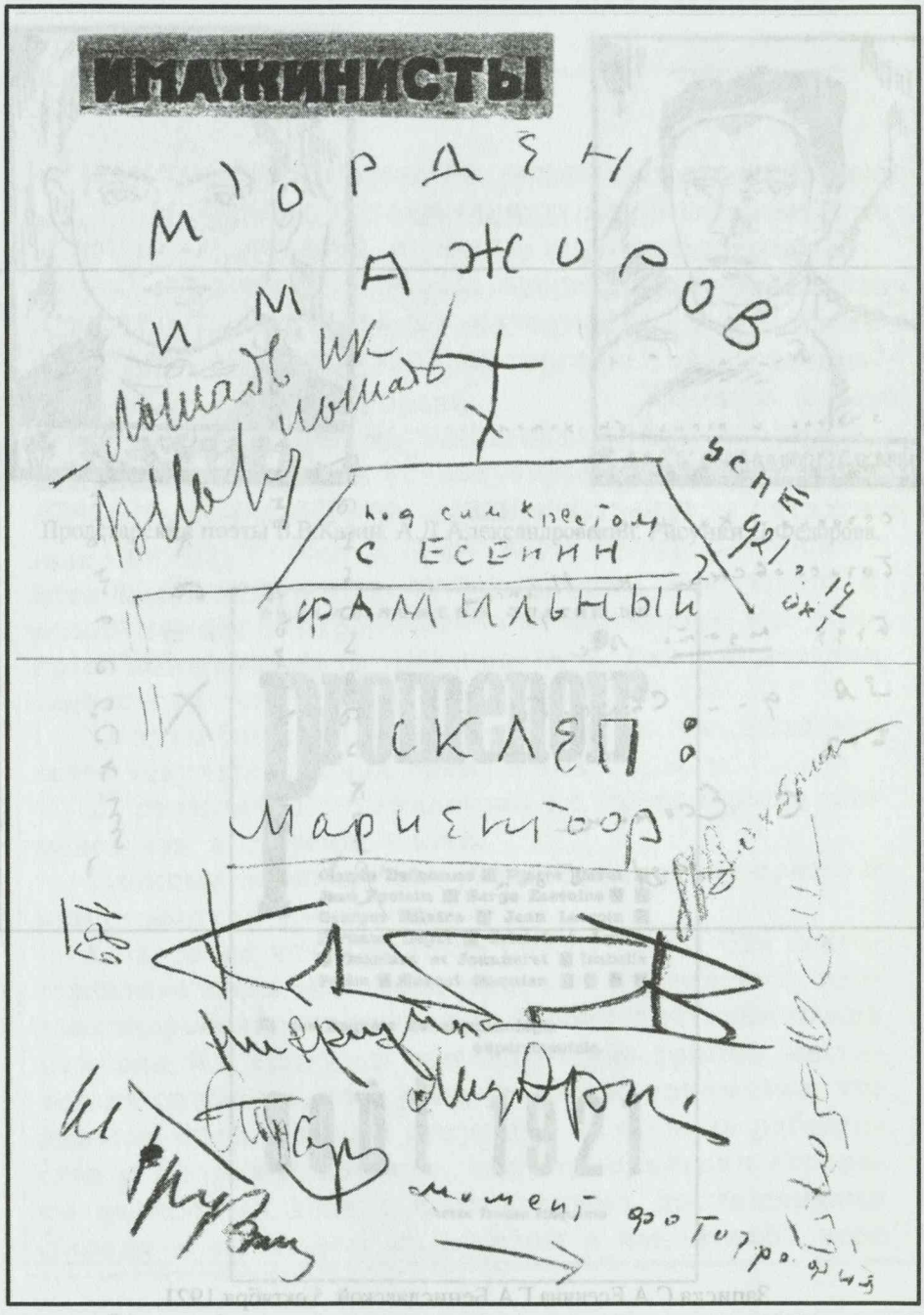
Обложка французского журнала «Promenoir» (Лион, август 1921) с поэмой С.А.Есенина «Преображение» (пер. Е. Извольской).

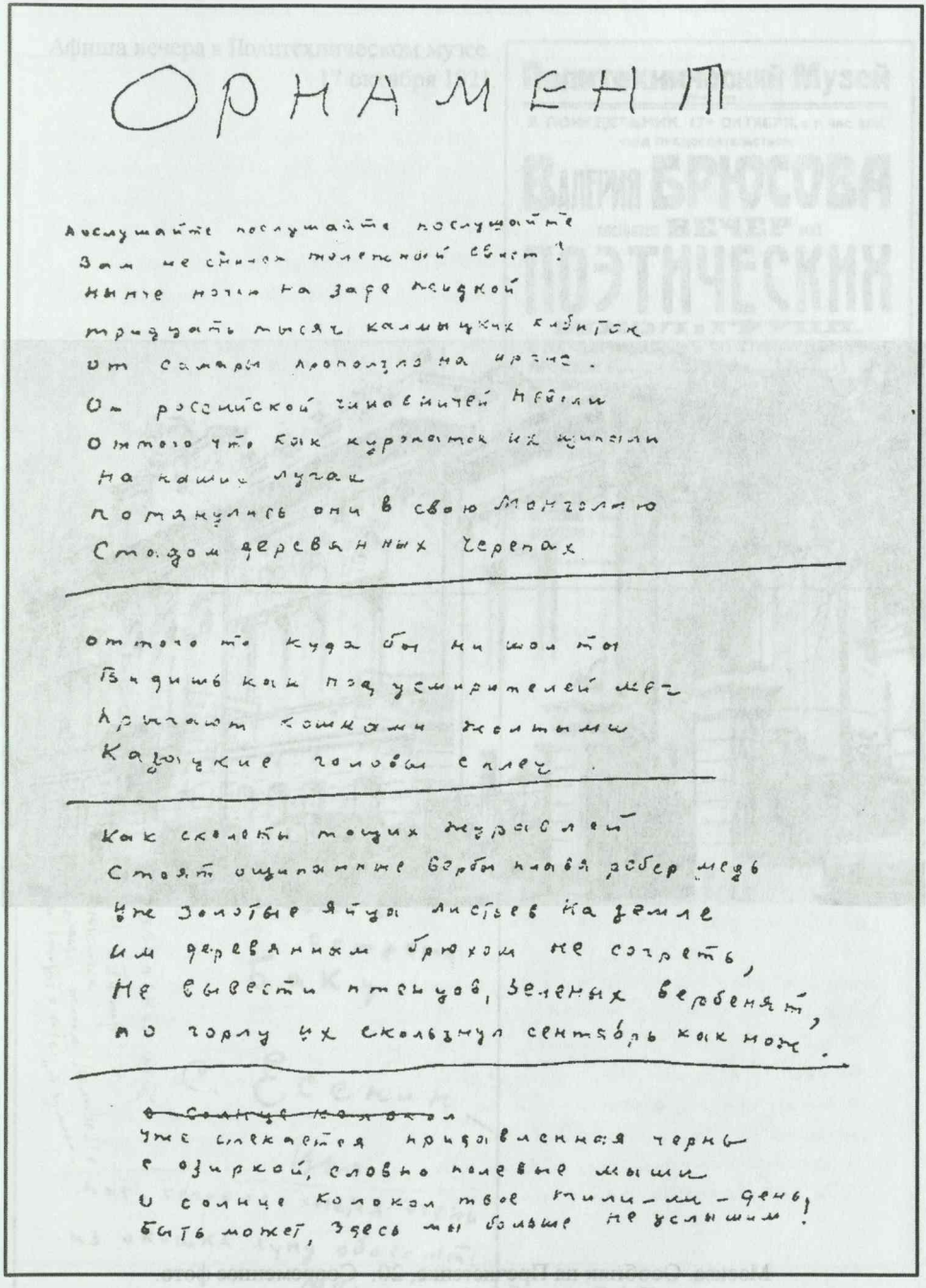
Шереметьевский
3 кв. X
Гоголю Артуровне
Бениславской

Милая Гоголь!
я очень и очень бы хотел
чтоб вы пришли
сегодня ко мне на-
Богословский к 11 часам
быть надо вас.
За 9-ю Сказать
без
С Есенин
1921 5 окт

Записка С.А.Есенина Г.А.Бениславской. 5 октября 1921.

Шуточные записи и подписи поэтов-имажинистов и их друзей. 1921.

ОРНАМЕНТ

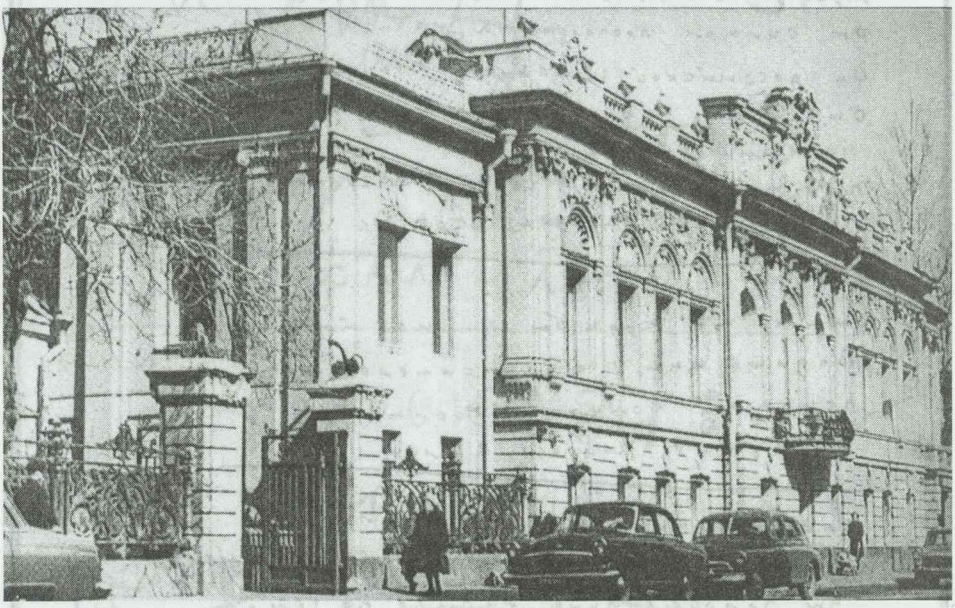
Послушайте послушайте послушайте
Зам не слышен зеленый свист?
Нынче ночью на заре лысой
тридцать тысяч калмыцких кибиток
от самары проползло на иргиз.
От российской чиновничей неволи
оттого что как курлыкать их журавли
на наших лугах
потянулись они в свою монголию
стоздом деревянных черепах

оттого то куда бы ни шел ты
Всадник как под укоризненный меч
Арканят конницами желтыми
Казацкие головы с плеч.

Как скелеты тощих мудрецов
Стоят ощипанные вербы иловой рабер медь
Уже золотые яйца листьев на земле
Им деревянным брюхом не согреть,
Не вывести птенцов, зеленых вербенят,
По горлу их скользнул сентябрь как нож.

~~Солнце колокол~~
Уже слякается придорожная черны
с озимкой, словно полевые мыши
И солнце колокол твое тили-ли-день
Быть может, здесь ты больше не услышим!

Первый лист выписок С.А.Есенина из поэмы «Пугачев» для готовившейся книги «Словесные орнаменты». 1921.

Москва. Особняк на Пречистенке, 20. Современное фото.

Афиша вечера в Политехническом музее. 17 октября 1921.

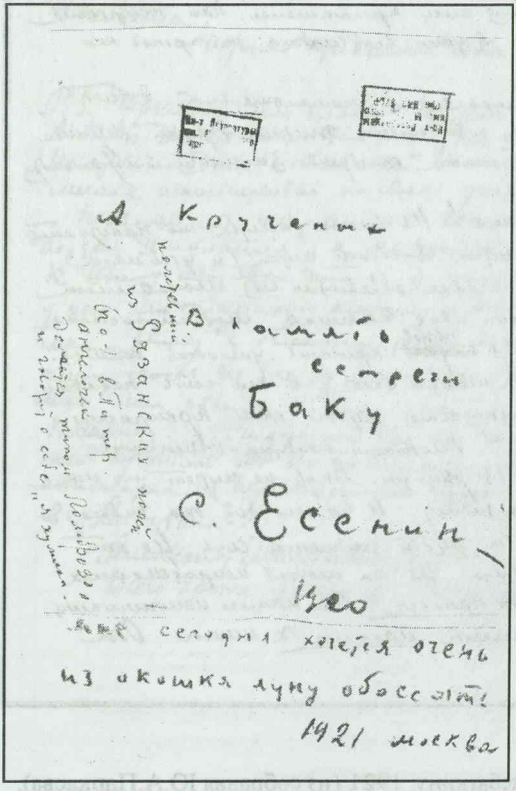
Политехнический Музей

В ПОНЕДЕЛЬНИК, 17-го ОКТЯБРЯ, в 7½ ЧАС. ВЕЧ.
ПОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОМ
ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА
СОСТОИТСЯ ВЕЧЕР ВСЕХ
ПОЭТИЧЕСКИХ
ШКОЛ и ГРУПП.
С ДЕКЛАРАЦИЯМИ и СО СТИХАМИ выступят:

НЕОКЛАССИКИ: И. Гальперин. О. Леонидов
НЕОРОМАНТИКИ: Арго. А. Мариенгоф
СИМВОЛИСТЫ: А. Белый. В. Брюсов. И. Рукавишников
НЕОИМПЕНИСТЫ: Адамс.
ФУТУРИСТЫ: И. Аксенов. С. Бобровский. В. Каменский. А. Крученых. В. Маяковский
ИМАЖИНИСТЫ: И. Грузинов. С. Есенин. А. Кусиков. А. Мариенгоф. М. Рюрикова. В. Шершеневич. Н. Эрдман.
ЭКСПРЕССИОНИСТЫ: С. Спасский. И. Соколов
ПРЕЗЕНТИСТЫ: А. Назаренко. Д. Туманный
НИЧЕВОКИ: Б. Земкевич. Р. Рих. С. Садовой
ЭКЛЕКТИКИ: А. Апухтин. Н. Бенар

ПОДРОБНОСТИ В ПРОГРАММАХ.

Билеты продаются заведующим в кассе Политехнического Музея (Лубянский пр. 1 с 4 до 11 час. вечера.

А Крученых
В полтёс
стрелы
Баку
С. Есенин
Чего
сегодня хочется очень
из окошка луну обоссать!
1921 москва

Записи С.А.Есенина, сделанные им для А.Е.Крученых. 1920. 1921.

ОБЩЕСТВО
БИБЛІОТЕКОВѢДѢНІЯ.

АДРЕСЪ СЕКРЕТАРЯ:
~~СПБ. Сосновая 1. 3.~~
ПЕТРОГРАДЪ,
15 л. 63. кв. 7

6 октября 1921 г.

Глубокоуважаемый, дорогой
Александр Семенович! Милый Вы мой!

Пришлите от меня лучшие мои пожелания и Ваше и жены Вашей. Всегда хочу Вам и Вашим и здоровья и доброго здоровья и благополучия. Позвольте также руку жены Вашей. Нашим Святогорским ученикам в мае нашего (вкл.) визита в Москве и встретимся с Вами – любимыми. Нашим чистым – идеалистам, добрым и содержательным представляющим мне мои лучшие годы у Вас и разговаривая с Вами..

Утешил меня Ваш неожиданный приезд Алексей Мирович. Правда, разговаривал со мной он мне не очень то благовал (умник он этакий!) – но все же: как у Вас признаемся. Как искренне прошу у Вас извинения его в ума его сказать за прежнее его поведение. Сердечно ваш.

Напомните мне Алексей Григорьевич о знаменательной дате в воскресенье предшествующей первой годовщине жизни „Друзей Книги" И сам я знаю это: в „альбоме" моем отмечено Значительно: „Октябрь 1920" и 7 подписей.

Слава о чести Друзьях Книги! Не плохая заслуга: тиф прогоняет на стороны. А сколько хорошего и честного. Доходят слухи (и устные и письменные), что не только на словах объявили себя любителями книги, но и делом доказали свое вполне любовное отношение в нынешние дни наши. И слова и ~~сердце~~ отцы хранят, умножив хлопоты: Книголюбы! книголюбы! и их, любителей, в ком есть только одна Любовь! Храните и завещайте грудью своей прекрасную Книгу.. Не давайте в обиду ее! Чтобы культурно обменяйте Книгу – погибла в пламени из рядов. Впрочем не секрет и не тайна. И не новость это: книга гибнет. И до сего дня она гибнет и гибнет еще страшнее. Не от грубой физической силы. Не от мощного пламени и жестокого огня. Не от мозгов неприятельских и чуждых завершенных.. А от нашего. От нашего непонимания. От неуважительного отношения нашего к книге. От

Письмо Я.П.Гребенщикова А.М.Кожебаткину. 1921 (из собрания Ю.А.Паркаева).

преступилась к ней невнимания... Спасите и берегите крошку не книжную (что). А и душу книгину красивше и кончше... Уйду за ней по: живем человек старится. Лишь тело и душа, сплошь надорванная друг другом, и создаст диагноз: ~~[illegible]~~ Изумительную работу красавицу — библиотеку, со всей ее библиотекой, мучительной, полезной) питью... А приход библиотеки: из чего и чем она — это, пожалуй, не важно.

Милая Александра Семеновна — перебираю в памяти свой новых знакомых. И подравнялся и кланяюсь им. Уважительно Миронова. Сплошное спасибо Сидорову. Подтянутую и глубоко поклонившуюся Ларионову. Обласканный мимо рад Власова: от молодой, сочной книжной пасеки пушка как сомнение. Побаиваюсь и внимание к этому Литературный. Пожелайте такую же дружную руку равнодушному говорящему Кемерову.

А Вам я улыбаюсь крепко. Будьте счастливы и Вы и Ваша Женевьева.

Крепко пребываю Ваш и уважающий Вас Пребендий

P.S. Черкните мне слово. И, ради Бога, напишите свои desiderata. А вдруг да и пошлю Вам хотя что-нибудь именем Ц. Вы в ряд из прошлогодних пожеланий Ваших все помню. И не исполнить мелкое исключительно по своей усталости и измученности...

Позвольте себя напомнить о своих „мелких". И, конечно, отнюдь не „для исполнения", а на случай. Вкратце: на удобный случай к Вам у меня вот что: 1) упомните Марьеттозу, пожалуйста, у него упоминающую книгу („Второму сердцу") 2) пришлите мне „Звезду" с отметкой (если книга) 3) добудьте у Сабашниковых книгу стихов его, не Ду, где стихи 1891-98 гг., а другую и 4) удивите меня если из Ваших добычей Вы пребываете в Петербургском кашалоте... Слушаюсь, но все же говорю об этом только потому, что крупный зуб Вы написали на вопросительное исполнение книгоиздательских из переписанных купель. А то вышло бы так в „Литературном"?

Александр Семенович, простите меня...

Всего крепче жму руку и всех

ЯТ

Журнал литературы, критики, музыки и театра.

№ 3-й. | Октябрь 1921 года. | № 3-й.

Содержание № 3. Живая вода *А. Ф. Ярославова.*—Мещанин в театре *Н. М. Архангельского.*—Новый репертуар и старые ухватки *С. И. Антимонова.*—Лубки (стихи) *А. Н. Мухаревой.*—О Данте *Д. С. Усова.*—Может быть (рассказ) *Льва Гумилевского.*—Стихи *В. Аверьянова.*—Гальванизация труппа *С. П. Полтавского.*—Имажинисты *Вс. Архангельского.*—Поэзия М. Зенкевича *Д. С. Усова.*—Пашня танков—*А. Мухаревой.*—Третий и последний—*Д. Г. Белякова.*—Экзамен В. Г. М. Т. И.—*И. А.*—Народное искусство *проф. Б. М. Соколова.*—**Хроника: Хроника жизни искусства в России и за границей и мн. др.**

Живая вода.

[illegible] Присутствовал Луначарский с жи[illegible] отнесся к мысли о нова[illegible] создания самодеятельного [illegible] театра тех художественных достижений и тех продуктов самобытной поэзии, какие накопил и сейчас творит народ. Ссылаясь на наш доклад, А. В. Луначарский писал затем об этом в журнале «Красная Новь» (Июнь № 1) в статье „Наши задачи в области художественной жизни". „Как это ни странно,—говорит А. В [illegible] надо ос[illegible] Революция укрепила в своих [illegible] дение самос[illegible]чах, видимых и ощутимых; творчества, в ме[illegible]крепленной ныне и в смысле, сообразне[illegible] в омертвелых дворусского деревенского [illegible] воздействования.

Особенно следует это [illegible] но внимание деятелям Саратовского театрального искусства. В нашем крае такое разнообразие живых племен, столь красочных в своем быту и

Деятельность искусств расцветет—но надо проникнуться сознанием всей важности их в деле оживления страны, для того чтобы предоставить работникам искусств все материальные, технические и экономические средства, обусловливающие возможность процветания.

Ф. Ярославов.

ДАНТЕ.

[illegible] пусть от[illegible] дят со всех [illegible] тинных худож[illegible] вредящей делу ф[illegible] псевдо народности: [illegible] мир от[illegible]

ИМАЖИНИСТЫ.

В переводе „образники". Их цель—в минимально сжатой фразе дать максимально выпуклый образ, создать цепь образов. Они оперируют исключительно образами, вся гимнастика их воображения, все хитрости их поэтической интуиции, все озорство их безудержной фантазии направлены в сторону образа. Формулировать сущность их литературной школы можно следующим образом: „De l'image, de l'image avant toute chosel" („Образ, образа прежде всего!") на манер верленовского: „De la musique, avant toute chosel"

Как глашатаи новых поэтических оборотов, словесных фокусов и звукоподражаний они—дети русских футуристов и внуки итальянских. Проще: имажинизм — эволюция русского футуризма.

Имажинисты—„дети" просто потому, что они явились позднее футуристов, их новаторства уже были возвещены раньше русскими футуристами —вот отчего за имажинистами нельзя искать выдающегося апостольства.

Они—примерные „внуки", сохраняя и лелея футуристское предание о Маринетти и его сподвижниках. Они лучше и серьезнее восприняли итальянский катехизис, нежели это сделали русские футуристы. Последняя мысль имеет прекрасный аргумент: имажинистов публика читает, знает и даже любит—они талантливее своих „отцов", а футуристы до сей поры дали очень немногое, заслуживающее серьезного внимания, публика их не знает и даже друзья русских футуристов избегают цитировать их произведения: они просто не классичны. Футуристы эпики, тяжеловесны, утомительны — имажинисты лирики. В этом одно из их различий по существу. Имажинисты исполняют четыре заповеди футуристов—своих „дедов" (не говорю здесь о заповеди, касающейся синтаксиса).

1. **Нужно уничтожить эпитет—прилагательное,** чтобы нагое существительное сохранило свой естественный колорит. Этим достигается выпуклость и большая динамичность.

2. **Каждое существительное должно иметь своего двойника,** т. е. за существительным должно следовать без всякой соединительной части речи существительное, с которым оно связано аналогией. Примеры: человек—мигоносец, женщина—ребра, толпа—прибой и т. д. Результаты те же: большая экспрессивность во фразе.

3. **Непосредственную аналогию заменить развернутой.** Другими словами: революционировать традиционную аналогию.

4. **Уничтожить категорию образов с подразделением на изящные и низкие** и т. п.—Принцип интуиции, чуждой эстетических и этических пристрастий и предпочтений, не знающей, что хорошо, что плохо, только на лету ловящей свои удивительные ассоциации.

Отсюда результаты старые поэты не были скупы на эпитеты, традиционные сравнения, ультра-изящные образы—они любили все это. Имажинисты эпитеты заменяют метафорой—это короче, ярче, острее (заповедь 1). Для примера возьмем любимый имажинистами образ луны. У старых писателей луна „печальная", „бледная", „мертвая", „глупая" (Пушкин), у Сологуба „холодная", у футуристов „дохлая", в уличной песне „чудный месяц". А у Есенина:

— Над рощею ощенится златым **щенком луна**—Дай мне твои волосья **гребнем** луны расчесать.—Золотою лягушкой луна распласталась на тихой воде. („Трерядница". М. 1920 г.).

У Шершеневича:

— Желтый месяца цеп провихлялся в окошке. („Лошадь как лошадь". 1920 г.).

У Кусикова:

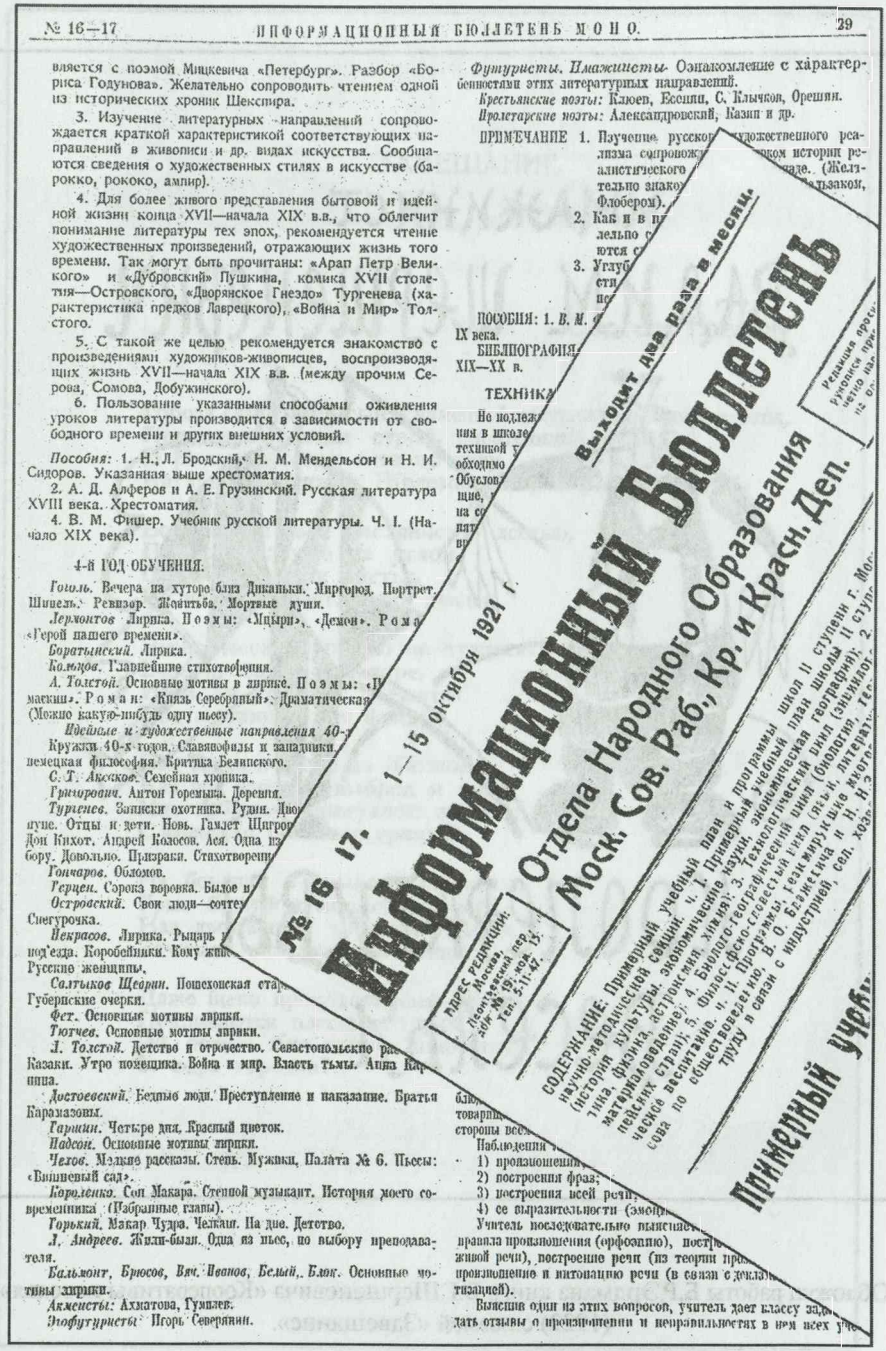
— Даже месяц с пропревшей тины скалит желчно свой медный зуб. („В Никуда". 1920).

И много есть других образов и о луне, и о человеке, и о вещах. Есть свежие и неожиданные.

Например: „И снова радужные нимбы над степью выжженной горят! И снова полыхает перстень на узком **пальце фонаря**" (Мариенгоф „Стихами чванству").

У Шершеневича, в мастерски построенном стихотворении, основанном на игре метафорой, читаем:

Из саратовского журнала «Саррабис» (1921, № 3, октябрь), напечатавшего статью о поэтах-имажинистах.

№ 16—17 ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ МОНО. 39

ВЫХОДИТ ДВА РАЗА В МЕСЯЦ.

№ 16—17. 1—15 октября 1921 г.

Информационный Бюллетень

Отдела Народного Образования
Моск. Сов. Раб., Кр. и Красн. Деп.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Лубянский пер., д. № 19, ком. 13. Тел. 5-11-47.

СОДЕРЖАНИЕ: Примерный учебный план и программы школ II ступени г. Мос... научно-методических секций. Ч. I. Примерный учебный план школы II ступени. 2. (история культуры, экономическая география). 2. Технологическая школа (электро... тика, физика, астрономия, химия). 3. Биолого-географический цикл (биология, ге... математика, астрономия, химия). 4. Историко-литературный цикл (языки, литерату... педагогика). 5. Физико-математический цикл (математика, механ... ческая страница). 6. Филос.-исторический цикл (педагогика, психология, ... сова по обществоведению. Ч. II. Программы грамматики и начала... труду в связи с индустрией, сел. хозяйством и...

Примерный учеб...

...является с поэмой Мицкевича «Петербург». Разбор «Бориса Годунова». Желательно сопроводить чтением одной из исторических хроник Шекспира.

3. Изучение литературных направлений сопровождается краткой характеристикой соответствующих направлений в живописи и др. видах искусства. Сообщаются сведения о художественных стилях в искусстве (барокко, рококо, ампир).

4. Для более живого представления бытовой и идейной жизни конца XVII—начала XIX в.в., что облегчит пониманию литературы тех эпох, рекомендуется чтение художественных произведений, отражающих жизнь того времени. Так могут быть прочитаны: «Арап Петр Великого» и «Дубровский» Пушкина, комика XVII столетия—Островского, «Дворянское Гнездо» Тургенева (характеристика предков Лаврецкого), «Война и Мир» Толстого.

5. С такой же целью рекомендуется знакомство с произведениями художников-живописцев, воспроизводящих жизнь XVII—начала XIX в.в. (между прочим Серова, Сомова, Добужинского).

6. Пользование указанными способами оживления уроков литературы производится в зависимости от свободного времени и других внешних условий.

Пособия: 1. Н. Л. Бродский, Н. М. Мендельсон и Н. И. Сидоров. Указанная выше хрестоматия.

2. А. Д. Алферов и А. Е. Грузинский. Русская литература XVIII века. Хрестоматия.

4. В. М. Фишер. Учебник русской литературы. Ч. I. (Начало XIX века).

4-й ГОД ОБУЧЕНИЯ.

Гоголь. Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород. Портрет. Шинель. Ревизор. Женитьба. Мертвые души.

Лермонтов Лирика. Поэмы: «Мцыри», «Демон». Роман «Герой нашего времени».

Боратынский. Лирика.

Кольцов. Главнейшие стихотворения.

А. Толстой. Основные мотивы в лирике. Поэмы: «Иоаннмакши». Роман: «Князь Серебряный». Драматическая... (Можно какую-нибудь одну пьесу).

Идейные и художественные направления 40-х... Кружки 40-х годов. Славянофилы и западники. ...немецкая философия. Критика Белинского.

С. Т. Аксаков. Семейная хроника.

Гончаров. Антон Горемыка. Деревня.

Тургенев. Записки охотника. Рудин. Дво... пуше. Отцы и дети. Новь. Гамлет Щигро... Дон Кихот. Андрей Колосов. Ася. Одна из... бору. Довольно. Призраки. Стихотворени...

Гончаров. Обломов.

Герцен. Сорока воровка. Былое и...

Островский. Свои люди—сочте... Снегурочка.

Некрасов. Лирика. Рыцарь... под'езда. Коробейники. Кому жи... Русские женщины.

Салтыков Щедрин. Пошехонская ста... Губернские очерки.

Фет. Основные мотивы лирики.

Тютчев. Основные мотивы лирики.

Л. Толстой. Детство и отрочество. Севастопольские ра... Казаки. Утро помещика. Война и мир. Власть тьмы. Анна Ка... нина.

Достоевский. Бедные люди. Преступление и наказание. Братья Карамазовы.

Гаршин. Четыре дня. Красный цветок.

Надсон. Основные мотивы лирики.

Чехов. Мелкие рассказы. Степь. Мужики. Палата № 6. Пьесы: «Вишневый сад».

Короленко. Сон Макара. Степной музыкант. История моего современника (Избранные главы).

Горький. Макар Чудра. Челкаш. На дне. Детство.

Л. Андреев. Жили-были. Одна из пьес, по выбору преподавателя.

Бальмонт, Брюсов, Вяч. Иванов, Белый, Блок. Основные мотивы лирики.

Акмеисты: Ахматова, Гумилев.

Эгофутуристы: Игорь Северянин.

Футуристы. Имажинисты. Ознакомление с характерными чертами этих литературных направлений.

Крестьянские поэты: Клюев, Есенин, С. Клычков, Орешин.

Пролетарские поэты: Александровский, Казин и др.

ПРИМЕЧАНИЕ 1. Изучение русского художественного реализма сопровождается... ком истории реалистического ... ладе. (Желательно знакомство с ... Флобером).

2. Как и в п... лельно с... ются с...

3. Углуб... сти... по...

ПОСОБИЯ: 1. *В. М.* ... IX века.

БИБЛИОГРАФИЯ... XIX—XX в.

ТЕХНИКА...

Не подлежа... ния в школе... техникой у... обходимо... Обуслов... щие, ... на с... пят... ви...

Реклама прос... учебников... метно вы... на от...

Из Программы по русской литературе для школы II ступени. 1921.

Обложка работы Б.Р.Эрдмана книги В.Г.Шершеневича «Кооперативы веселья» (1922) с поэмой «Завещание».

ЗАВЕЩАНИЕ

Сергею Есенину

Города смиренный сын, у каменной постели умирающаго отца,
Преклоняю колени строф, сиротеющий малый;
И Волга глубокая слез по лицу
Катятся: «Господи! Железобетонную душу помилуй!»

Все, кто не пьян маслянистою лестью,
Посмотрите: уже за углом
Опадают вывесок листья,
Не мелькнут светляками реклам.

Электрической кровью не тужатся.
Вены проволок в январе,
И мигают, хромают и ежатся
Под плутами дождя фонари.

Сам видал я вчера за Таганкою,
Как под уличный выбред и вой,
Мне проржав перегудкою звонкою,
С голодухи свалился трамвай.

На бок пал и брыкался колесами,
Грыз беззубою мордой гранит;
Над дрожащими стеклами мясами
Зачинали свой пир сто щенят.

Даже щеки прекраснейшей улицы
Покрываются плесенью трав...
Эй, поэты: Кто нынче помолится
У подра городов?..

Начало поэмы В.Шершеневича «Завещание», посвященной Сергею Есенину.

Обложка сборника «Октябрь в поэзии: Революционный чтец-декламатор» (Харьков) с поэмой С.А.Есенина «Товарищ». 1921.

Государственный Большой Академический Театр.

НАРКОМПРОС
и
КОМИССИЯ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ОКТЯБРЬСКИХ ТОРЖЕСТВ

1917 25 ОКТЯБРЯ 25 / 7 НОЯБРЯ 7 1921

ВЕЧЕР АЙСЕДОРЫ ДУНКАН.

I.

Вступительное слово А. В. Луначарского.

II.

1. **ИНТЕРНАЦИОНАЛ.**
2. **П. И. Чайковский.** *Симфония № 6* . . . . . **А. Дункан.**
(Патетическая).
3. **П. И. Чайковский.** *Славянский марш* . . . . **А. Дункан.**
4. **Интернационал** . . . . . **А. Дункан.**

Начало в 7½ часов вечера.

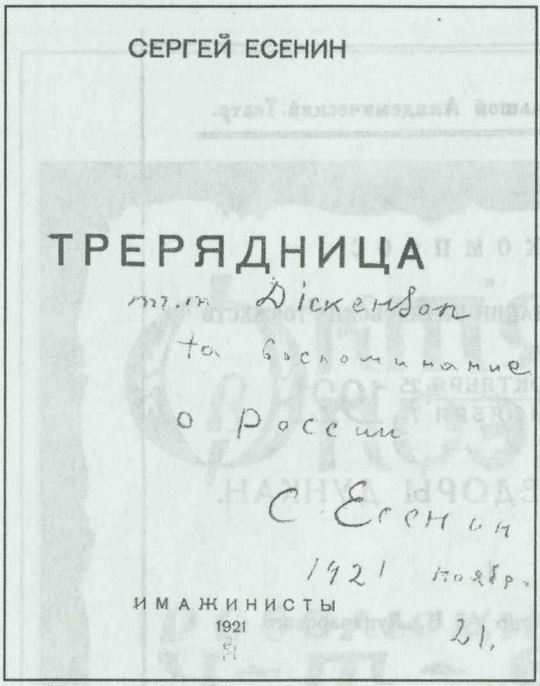
Программа идет без антракта.

Оркестр Государственного Академического Большого Театра
под управлением **Н. С. Голованова.**

Ответственный распорядитель: **А. А. Петров.**

Ответственный организатор: **А. В. Колканчи.**

Программа вечера Айседоры Дункан. 7 ноября 1921.

Дарственная надпись С.А.Есенина T.H.Dicinson (Т.Г.Дикинсону) на книге «Трерядница». 1921.

Обложка журнала «Печать и революция» (1921, № 2, август–сентябрь), где опубликовано письмо поэтов-имажинистов и ответ А.В.Луначарского.

С.А.Есенин. Фото. 1921 (?) – начало 1922 (?).

Айседора Дункан. Фото.

ИЗАДОРА ДУНКАН.

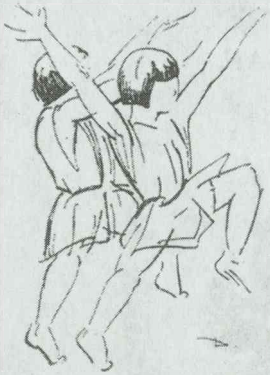
ISADORA DUNCAN.

Издание Школы Дункан.
20 Пречистенка 20
МОСКВА
1921.

Обложка изданий Школы Дункан. 1921. Рисунок худ. Van Deering Perrine (из собрания Г.Маквея).

В школе Айседоры Дункан.

...Небольшой зал, кругом обтянутый голубоватым холстом. Затянуты и окна, и арка, отделяющая это помещение от остальных комнат. На полу —серый ковер. Сверху зал мягко освещается люстрой, завешенной красным шелком.

В этом несколько фантастическом освещении двигаются и танцуют какие-то фантастические существа в ярких, красных хитонах.

Свободные и легкие движения, устремленные вверх. Тела, раскрепощенные и преодолевшие связывающую их косность.

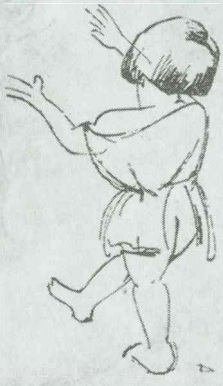
Таково было мое первое впечатление, когда, раздвинув тяжелые занавесы, вошел я в зал, где давала урок Ирма Дункан, ученица Дункан.

Все замечания детям она делает тихим голосом на английском или немецком языке. А чаще просто примером показывает, как надо производить движение. Дети привыкли к ней и понимают с полслова. Если встречаются непонятные выражения, руководительницы, сидящие тут же, переводят их. Переводят так же тихо, вполголоса.

Иначе и нельзя: в этой обстановке громкая речь показалась бы оскорбительной; настроение на уроке—торжественное, сосредоточенное, как в храме.

Все движения, которые Ирма показывает детям, очень простые и естественные. Без всяких изломов и вывертов. Бег, шаг, галоп, с различным выбрасываньем ноги...

Главное, чего добивается Ирма,—легкость, свобода движений. Это так понятно и близко детям. Видно, в этом направлении уже многое сделано.

Движения их очень гармоничны и закончены. Не чувствуется напряжения.

Дисциплина на уроке очень строгая. Разговоры запрещены. Но какой-либо забитости, страха у детей не чувствуется. Видно, что урок их увлекает. Занятия доставляют им наслаждение.

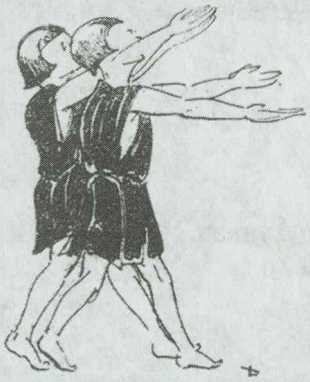
Чтобы проверить это впечатление, я после урока спросил, нравится ли им заниматься. У многих заблестели глаза, «Да, да, очень».

Дети занимаются два раза в день. По утрам гимнастикой, вечером танцевальными движениями. Утренний урок ведет сотрудница Дункан. Проходятся упражнения для рук, ног, головы, корпуса. Есть силовые упражнения, упражнения на гибкость и легкость.

Но и здесь все упражнения исходят из естественных движений человека. Никакой «красивости» и «изыска» в занятиях я не заметил».

Под конец урока дети строятся в пары и обходят зал с пением интернационала. И под пение уходят в свой интернат.

Галинг.

Рисунки **Дани.**

Страница журнала «Театральная Москва» (1921, № 32, 21–26 марта) со статьей о Школе Дункан.

Айседора Дункан, Ирма Дункан и воспитанницы Школы Дункан. Фото. Пречистенка, 20 (из собрания Г.Маквея).

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „АРГОНАВТЫ" БЕРЛИНЪ.

СПРАВОЧНИКЪ-АЛЬМАНАХЪ НА 1922 г.

Печатается и 15-го декабря выйдетъ въ свѣтъ

СПРАВОЧНИКЪ-АЛЬМАНАХЪ на 1922 г.

Въ нашемъ изданіи альманахѣ среди богатаго матеріала будутъ помѣщены: стильный русскій календарь; полныя свѣдѣнія о русскихъ учрежденіяхъ за границей (свыше 500 важнѣйшихъ адресовъ, общеполезныя юридическія свѣдѣнія для русскихъ вытекающія изъ международныхъ договоровъ, право репатріаціи и оптаціи; списокъ высшихъ учебныхъ заведеній центральной Европы и условія поступленія.

Особый отдѣлъ объ окраинныхъ и новыхъ государствахъ Европы, статистическо-экономическія свѣдѣнія, правила въѣзда и выѣзда, условія жизни.

Глава о Россіи: новѣйшіе декреты объ экономической политикѣ, государственномъ банкѣ, новые тарифы, правила въѣзда и выѣзда, всѣ адреса, имѣющія информаціонное значеніе для русскихъ за границей.

Свѣдѣнія во всѣхъ этихъ главахъ приведены на основаніи новѣйшихъ данныхъ.

Альманахъ содержитъ богатый литературный матеріалъ со статьями видныхъ нѣмецкихъ ученыхъ. Темы: Новѣйшія достиженія въ наукѣ и техникѣ.

Литературно-художественный отдѣлъ со статьями Зинаиды А. Венгеровой, Ильи Эренбурга, Гвеллы Готъ, С. И. Рапопорта (Лондонъ) и мн. др.

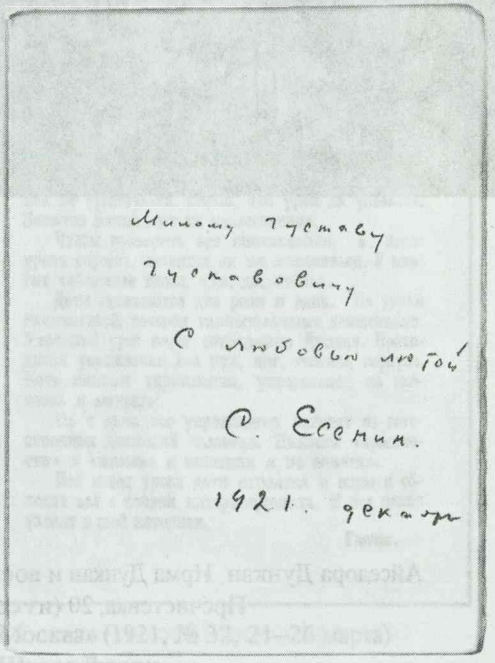
Карты, иллюстраціи и портреты: Герцена, Кропоткина, Блока, Сирабяна, Эйнштейна, Тагора, Полевицкой, Карсавиной, Маріенгофа, Есенина.

Книга содержитъ 250 стр. текста.

Обложка календаря въ стильномъ исполненіи молодого художника Ш. Рубина.

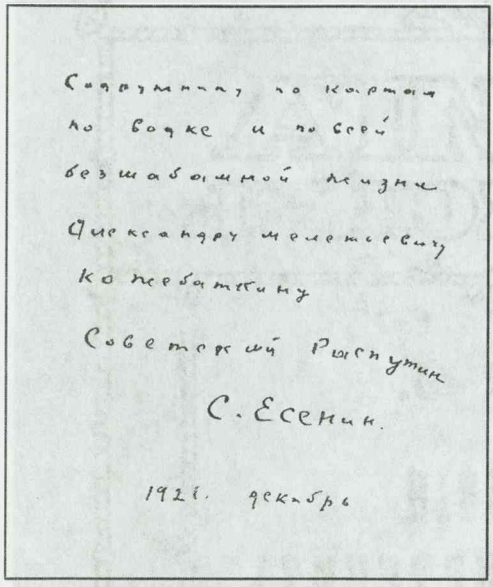
Пріемъ заказовъ и анонсовъ въ конторѣ книгоиздательства:
„АРГОНАВТЫ" — Buch- u. Kunstverlag G. m. b. H.
Berlin W. 15, Bayrischestr. 32 I. Tel.: Uhland 18-31.

Газетный анонс берлинского издательства «Аргонавты» о выходе «Справочника-альманаха» на 1922 г.

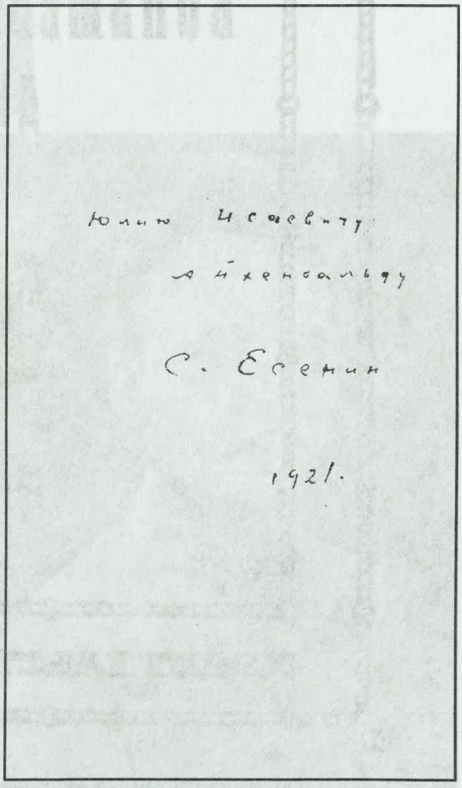

Милому Густаву
Густавовичу
С любовью автор!
С. Есенин.
1921. декабрь

Дарственная надпись С.А.Есенина Г.Г.Шпету на книге «Пугачев» (М.: «Имажинисты», 1922).

Сердечному по картам
по водке и по всей
безшабашной жизни
Александру Семеновичу
Кожебаткину
Советский Распутин
С. Есенин.
1921. декабрь

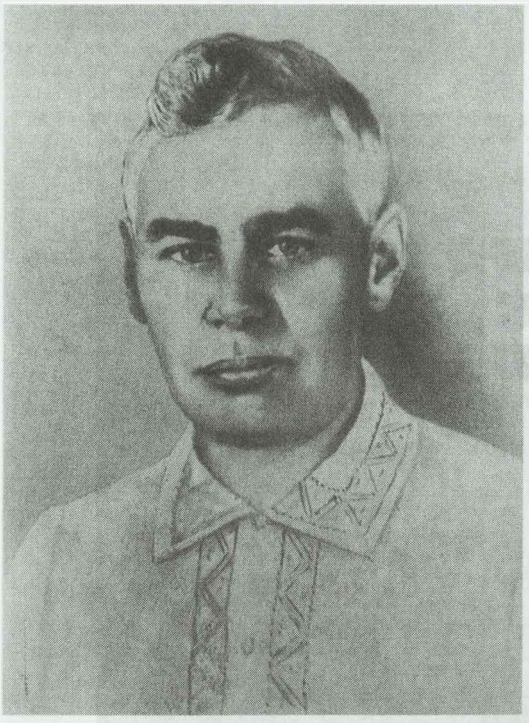
Дарственная надпись С.А.Есенина А.М.Кожебаткину на книге «Пугачев» (М.: «Имажинисты», 1922).

Юлию Исаевичу
Айхенвальду
С. Есенин
1921.

Дарственная надпись С.А.Есенина Ю.И.Айхенвальду на книге «Пугачев» (М.: «Имажинисты», 1922).

Обложка сборника «Поэзия большевистских дней». 1921.

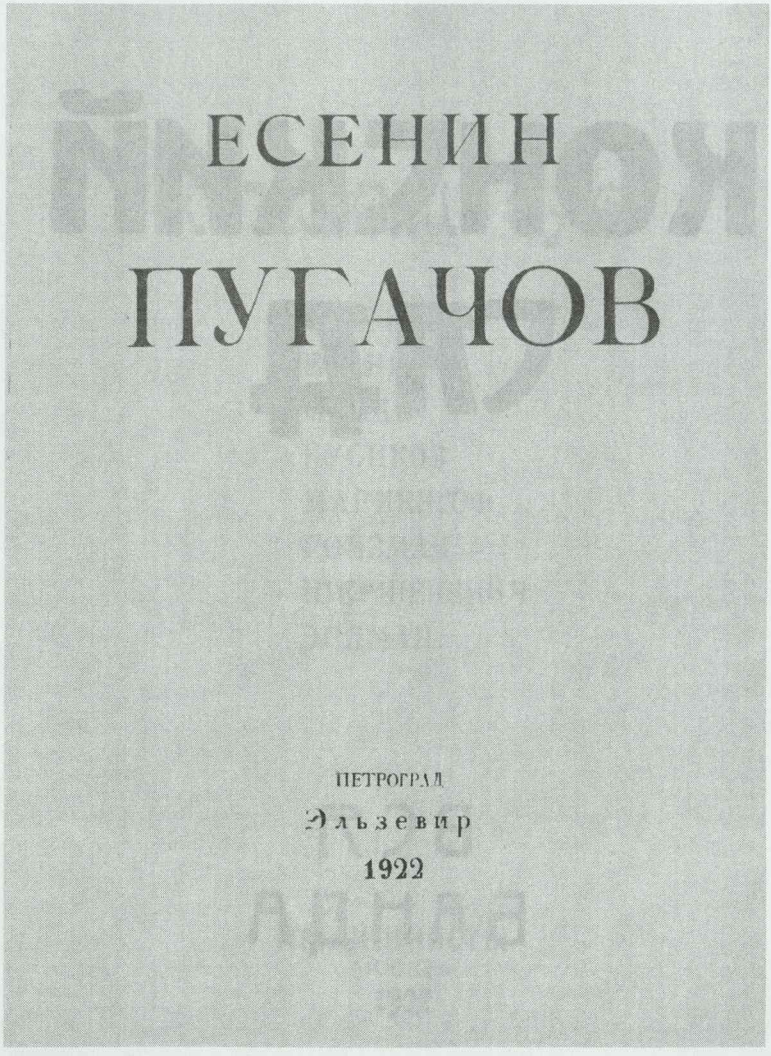
А. К. Воронский. Фото 1920-е годы.

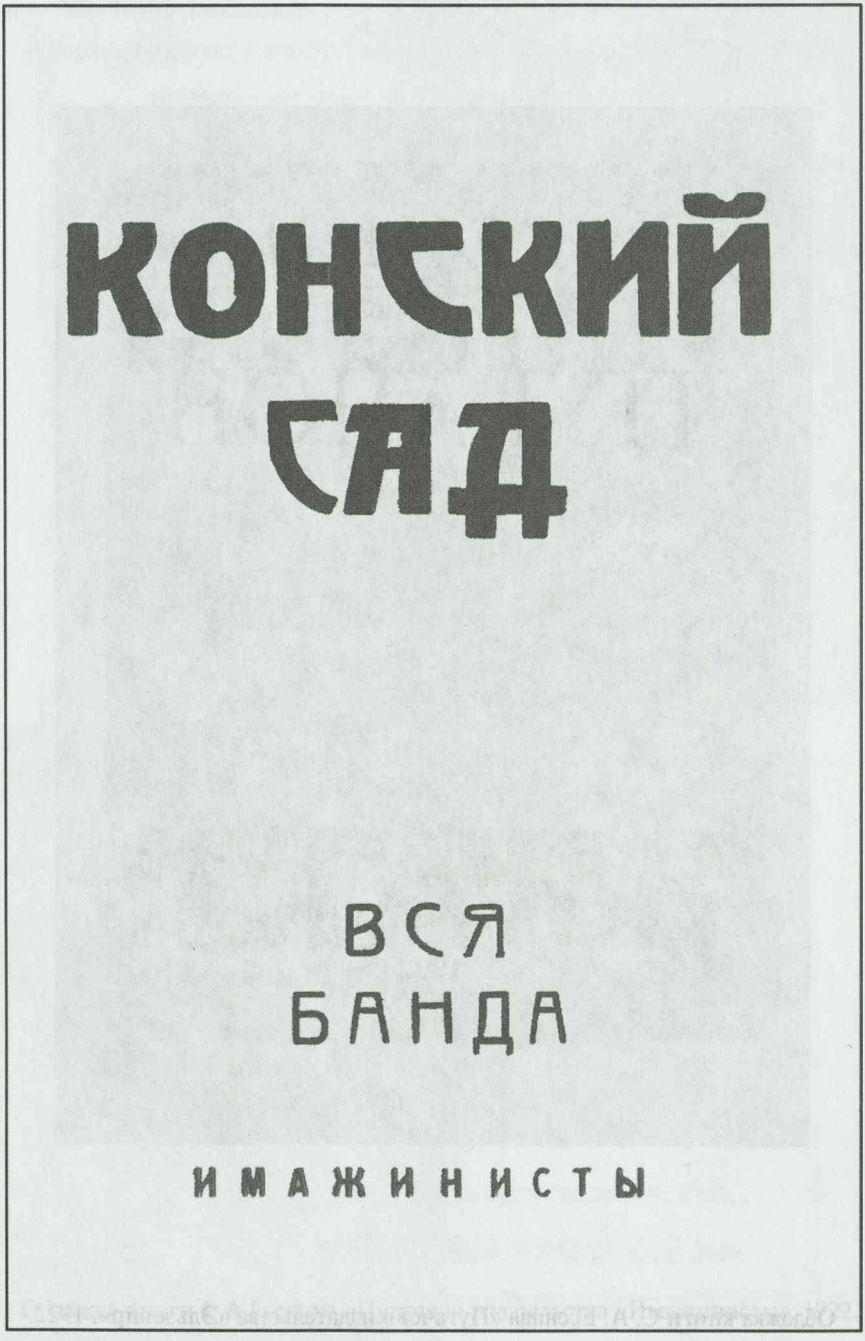
Д. А. Фурманов. Фото 1920-е годы.

Обложка книги С.А.Есенина «Пугачев» издательства «Имажинисты». 1922.

Обложка книги С. А. Есенина «Пугачев» издательства «Эльзевир». 1922.

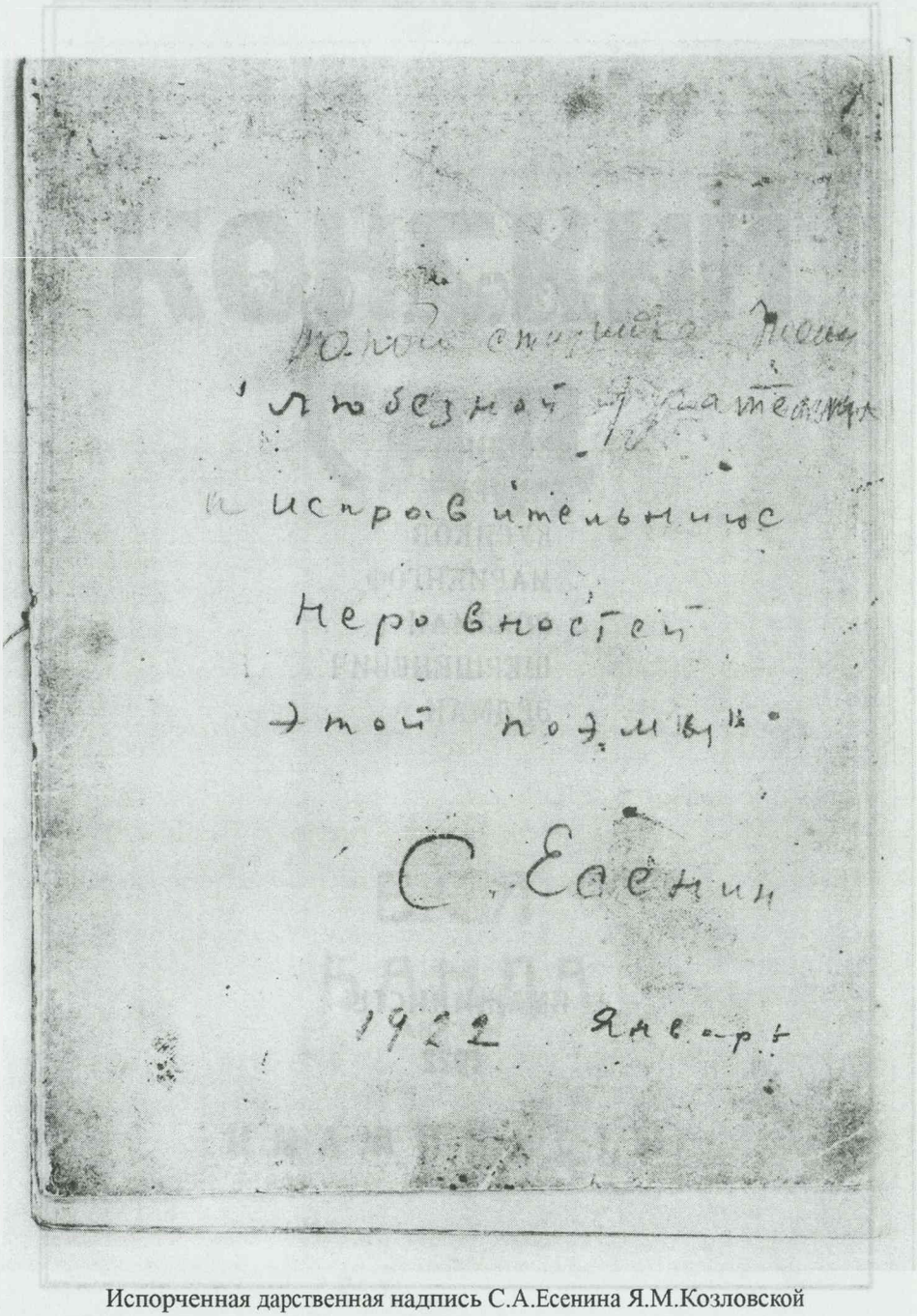

Обложка сборника «Конский сад» (1922) и титульный лист из этой книги.

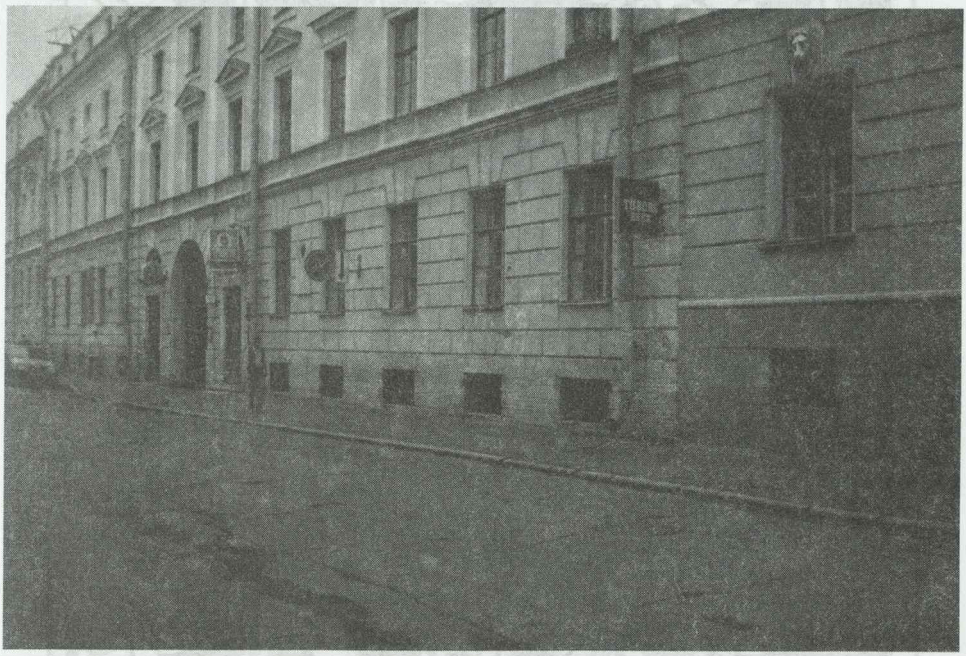
КОЖЕНСКИЙ САД

ГРУЗИНОВ
ЕСЕНИН
ИВНЕВ
КУСИКОВ
МАРИЕНГОФ
РОЙЗМАН
ШЕРШЕНЕВИЧ
ЭРДМАН

ИМАЖИНИСТЫ
МОСКВА
1922

Испорченная дарственная надпись С.А.Есенина Я.М.Козловской на книге «Пугачев» (М.: «Имажинисты», 1922).

Петроград. Современный вид здания 2-й Государственной типографии, где в 1922 году печаталась для издательства «Эльзевир» драматическая поэма С.А.Есенина «Пугачев».

Обложка омского журнала «Искусство» (1922, № 2) со статьей о поэзии С.А.Есенина.

БИБЛІОТЕКА
при издат. и книжн. маг.
Т-ва Гликсманъ
Berlin W. 50, Passauer Str. 3
Tel. Steinplatz 285, 286
Кн. за № 8926

ПЕЧАЛЬ ПОЛЕЙ

48-1357

СБОРНИК ПЕРВЫЙ

Библиотека Гос. изд-ва им. В. И. Ленина Отдел комплектования

Издание Центрального Д.-В. Комитета

Общественных организаций по оказанию помощи голодающим России

Чита—1922

Титульный лист сборника «Печаль полей» (Чита, 1922).

II.

В БОРЬБЕ ЗА СЛОВО.

(О новейших течениях в русской поэзии).

„Осеняет Словесное дерево
Избяную, дремучую Русь.
Николай Клюев.

Живучести русского художника уже давно дивился весь культурный мир. Не той живучести, которая определяется:

— „Ишь, дышет еще", а той, что знаменует собой вечное устремление к новому, совершенству, к поднятию на высшую ступень своего развития.

В самом деле:

При Аракчееве объявился Пушкин и перевернул вверх тормашками все бывшее до него.

При Николае Палкине (Первом) пошли шеренгами переворотчики: Белинский, Гоголь, Некрасов, Герцен, Толстой, Достоевский, Тургенев. От имевшейся до них публицистики, критики и вообще всех произведений художественного слова в нашей литературе—остались мелочи. Все пошло на новый лад. И лад этот дал великую русскую литературу, которая в годы реакции последующей (1898—904) представила А. Блока, А. Белого (Б. Н. Бугаева), А. Чехова, М. Горького и многих других.

И так—до наших дней: в недавний период николаевской реакции (906—916 г. г.) на смену старым поэтам и творцам искусства слова пришли „гречневые гении"—Николай Клюев, Сергей Есенин, и „ломовой извощик поэзии". Вл. Маяковский.

И, наконец, в последний период—нынешний (1918-1921) продолжают цвести многие прежние (Есенин, Белый) и расцвели новые—В. Шершеневич, А. Кусиков и др.

Я знаю: в списке вышеперечисленном многих недостает, но и его достаточно для того, чтобы с удивлением остановиться перед закономерным явлением—*расцвета творчества поэтов в тяжелые исторические периоды*. Именно, в эти периоды народились у нас:

Начальные страницы статьи В.М.Левина «В борьбе за слово (О новейших течениях в русской поэзии)», помещенной в сборнике «Печаль полей».

Реалисты,
Символисты,
Футуристы,
Имажинисты,

И как ни отплевывалась от них „чернь“ русского общества—рутинеры и ханжи, как ни ненавидела она всех этих поэтов от Пушкина до Маяковского и Есенина они без предварительного разрешения вошли в великий „Храм Мечтателей“, именуемый русской литературой.

Победа осталась не за „массой“, а за правдой. Этой правдой в русском искусстве слова были наши славные поэты, чьи песни гремят по всему Старому и Новому свету. Не говоря уже о Пушкине, Толстом, Достоевском и иных „стариках“ даже А. Блок, Маяковский и Есенин—переведены (и переводятся) ныне почти на все европейские языки. И только попрежнему плохо их знают и ценят знающие русский язык.

Это—тоже закон для русского быта.

При жизни плюемся, а после смерти:

— Ах! Ох! Их!.

И памятники ставим.

Без них „чернь“ общества никак не может себе представить гения.

Напрасное беспокойство. Подлинный гений воздвигает себе памятник „нерукотворный, к нему не зарастет народная тропа“—без памятника рукотворного.

* * *

Реалисты, символисты, футуристы, имажинисты!..

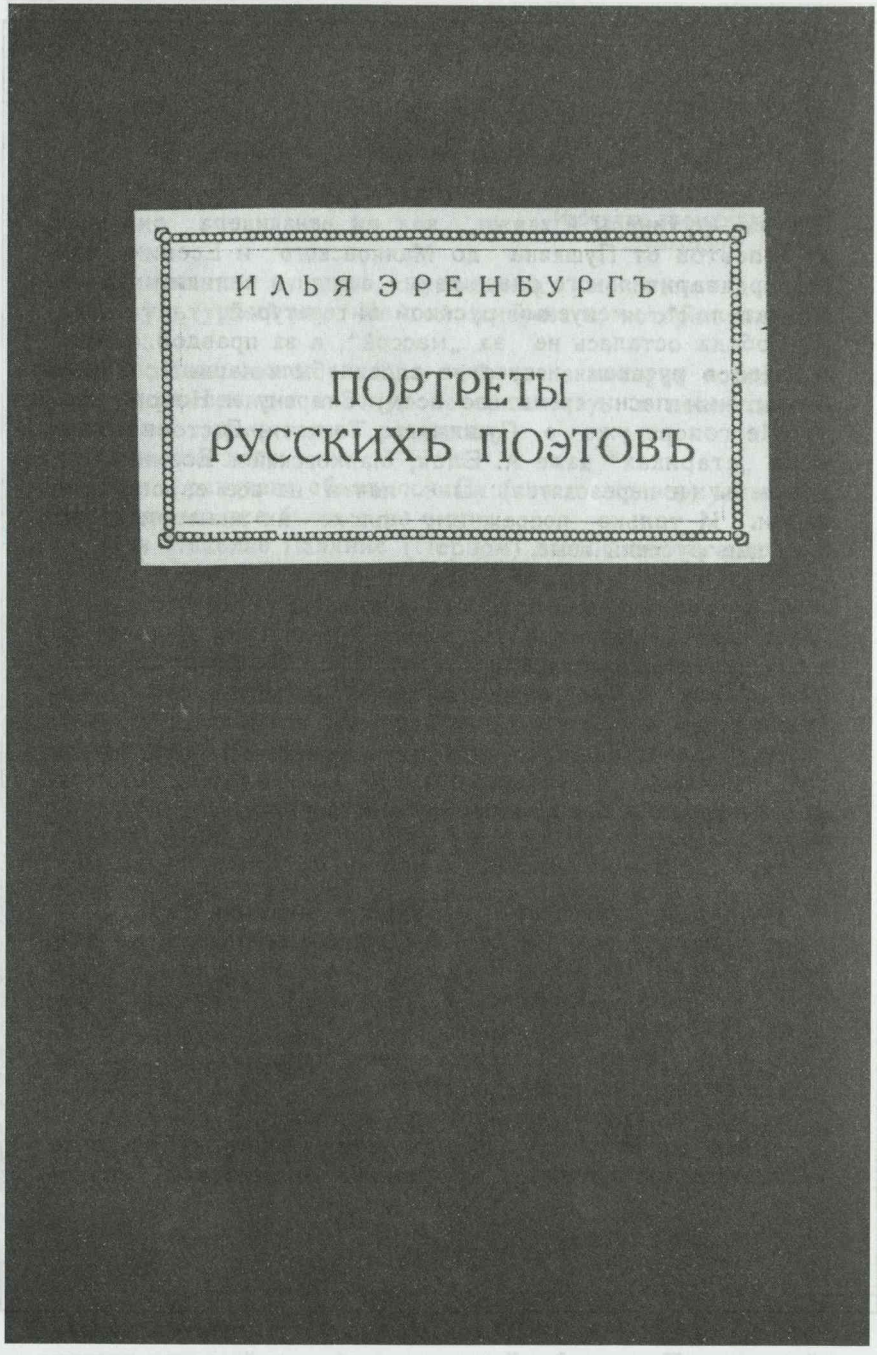
А проходит время и все эти клички стираются в сознании нашем. Остаются Пушкин, Толстой, Достоевский и т. д., а в конце—Маяковский, Есенин, Шершеневич, Кусиков. Порядок может быть и иной.

В этом торжество правды в искусстве:

Побеждают не теории и схемы,

А живые художники во крови и плоти.

И все же борьба теорий искусства между собою тоже необыкновенно интересна для живой человеческой лично—

Обложка книги И.Г.Эренбурга «Портреты русских поэтов». 1922.

С.А.Есенин. Фото. 1922.

КНИГА ДЛЯ ВСѢХЪ.

№ 57-58.

ПОЭЗІЯ РЕВОЛЮЦІОННОЙ МОСКВЫ

Подъ ред. И. Эренбурга.

Издательство „МЫСЛЬ“
БЕРЛИНЪ
1922

Издательство „Мысль“
Verlag „Mysl“ G.m.b.H., Berlin, Zimmerstr.

ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛІОТЕКА

КНИГА ДЛЯ ВСѢХЪ

№ 1. Изъ русскихъ поэтовъ. (Бальмонтъ Брюсовъ, Блокъ, Сологубъ, Мережковскій).
№ 2-3. Поэзія большевистскихъ дней (Блокъ, Эренбургъ, Есенинъ, Каменскій и др.
№ 4. Л. Толстой. Алеша Горшокъ. — После бала. — Что я видѣлъ во снѣ. — Отъ ней ес качества.
№ 5. Ѳ. Достоевскій. Чужая жена и мужъ подъ кроватью.
№ 6. И. Крыловъ. Избранныя басни.
№ 7. Гр. Ал. К. Толстой. Исторія Россіи отъ Гостомысла. — Сонъ статскаго совѣтника Попова. — Потокъ - богатырь.
№ 8. Ив. Шмелевъ. Сладкій мужикъ. - -
№ 9-10. Гр. Ал. К. Толстой. Смерть Іоанна Грознаго.
№ 11. Ѳ. Достоевскій. Скверный анекдотъ
№ 12. Тэффи. Сокровище земли.
№ 13. Н. В. Гоголь. Петербургскіе разсказы:
№ 14-15. А. С. Пушкинъ. Исторія пугачевскаго бунта.
№ 16. А. М. Дроздовъ. Распятіе.
№ 17. Изъ русской лирики. (А. Бѣлый, З. Гиппіусъ, С. Городецкій, М. Лохвицкая, Игорь Сѣверянинъ.)

Титульный лист и вторая страница обложки сборника «Поэзия революционной Москвы». 1922.

Обложка журнала «Культура и жизнь» (1922, № 2–3) со стихотворением Есенина «Волчья гибель» («Мир таинственный, мир мой древний…») и рецензией Е.И.Шамурина на его драматическую поэму «Пугачев»; первая страница этой рецензии.

БИБЛИОГРАФИЯ.

Е. Шамурин.

„Пугачов“ С. Есенина.

Вышел „Пугачов“ С. Есенина. Вещь, о которой много говорилось в литературных кругах задолго до ее появления, на которую частью литературной Москвы возлагались большие надежды.

Оправдались ли эти надежды? Представляет ли из себя „Пугачов“ действительно сколько-нибудь значительное явление в современной литературе?

К сожалению, несмотря на всю благожелательность нашу к С. Есенину, на этот вопрос приходится ответить отрицательно.

Что такое есенинский Пугачов?

Меньше всего это историческая фигура.

Пугачова Есенин толкует, как революционера, как идейного борца за казачью вольность, борца за освобождение угнетенной яицкой бедноты от ига екатерининских эксплоататоров и палачей. С исторической точки зрения можно держаться различных взглядов, но не в этом дело,—разве художник не в праве по-своему, чисто-суб'ективно истолковать историческую фигуру? Ведь в конце-концов каждое художественное произведение суб'ективно. И делать Есенину упреки за то, что в его поэме мало истории или мало быта, как это делают некоторые критики, просто-напросто нелепо.

Слабость „Пугачова“ в другом.

Пугачов Есенина не реален. Он—романтическая фигура, плод творческой мечты поэта. И, приняв это положение, нельзя требовать от поэта внешнего соответствия его Пугачова подлинно существовавшему, реальному Пугачову.

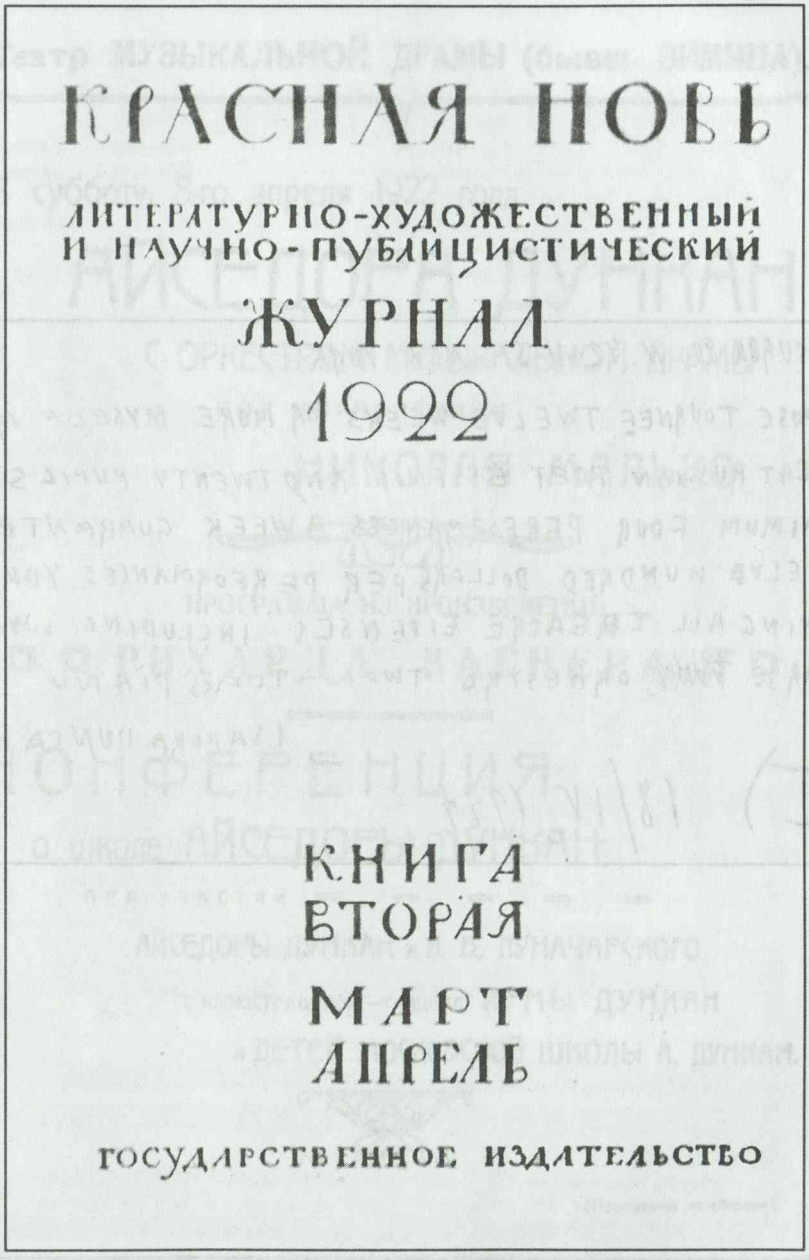
Но, кроме внешнего реализма, кроме духа истории и быта, во всяком художественном образе должна быть известная внутренняя логика, внутренняя логическая оправданность каждого мазка, каждой черточки, каждого штриха. Если этого нет,—образ внутренне дисгармоничен, образа, как художественной ценности, просто-напросто нет, а есть одно лишь пустое и, как всякая пустота, неприятное место.

Значит, не в быте, не в истории дело, а во внутренней завершенности, в органической цельности образа.

Как раз этого-то необходимого свойства, без которого художественное произведение никогда не будет подлинно художественным, в есенинском „Пугачове“ нет. И в этом его слабая сторона.

Для того, чтобы составить себе представление о Пугачове Есенина, достаточно открыть первую страницу поэмы. Вот как говорит у Есенина Пугачов (курсив везде наш):

Ох как устал и как болит нога...
Ржот дорога в жуткое пространство.
Ты ли, ты ли разбойный Чаган,
Приют дикарей и оборванцев?

КРАСНАЯ НОВЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ

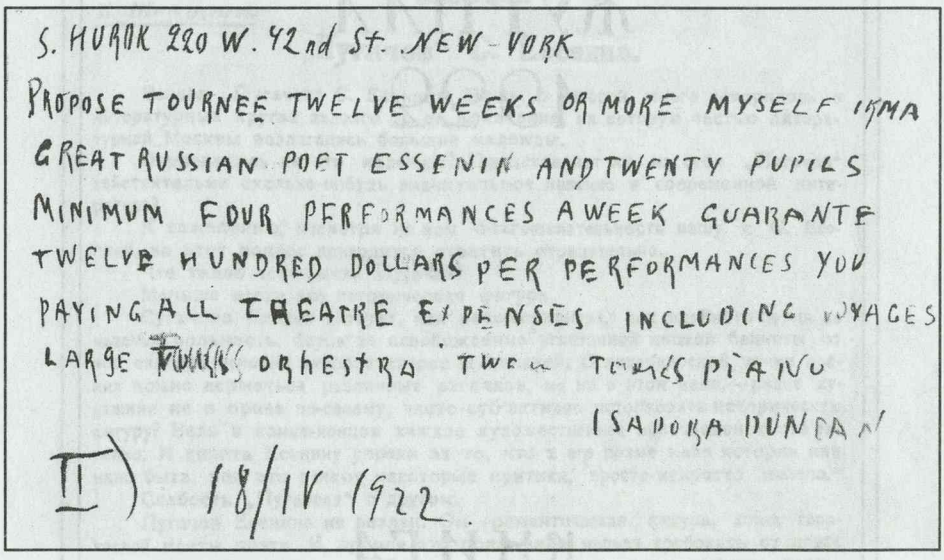
1922

КНИГА
ВТОРАЯ

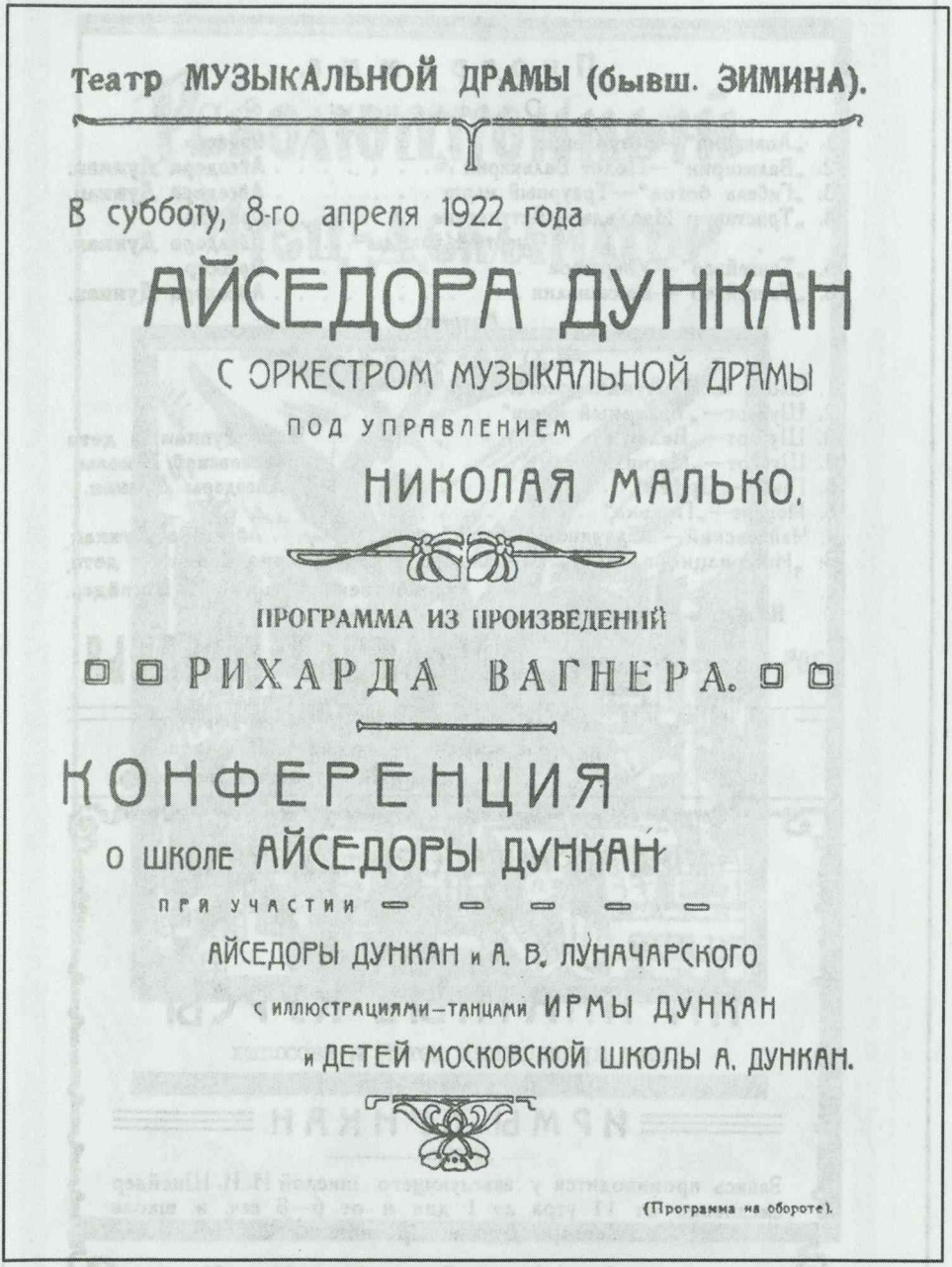
МАРТ
АПРЕЛЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Обложка журнала «Красная новь» (1922, кн. 2, март–апрель),
где напечатано стихотворение С.А.Есенина «Не жалею, не зову, не плачу…».

S. HUROK 220 W. 42nd St. NEW-YORK
PROPOSE TOURNEE TWELVE WEEKS OR MORE MYSELF IKMA
GREAT RUSSIAN POET ESSENIN AND TWENTY PUPILS
MINIMUM FOUR PERFORMANCES A WEEK GUARANTE
TWELVE HUNDRED DOLLARS PER PERFORMANCES YOU
PAYING ALL THEATRE EXPENSES INCLUDING VOYAGES
LARGE ORHESTRA TWO TIMES PIANO
ISADORA DUNCAN
11) 18/IV 1922.

Телеграмма Айседоры Дункан импресарио Солу Юроку. 18 апреля 1922.

Театр МУЗЫКАЛЬНОЙ ДРАМЫ (бывш. ЗИМИНА).

В субботу, 8-го апреля 1922 года

АЙСЕДОРА ДУНКАН

С ОРКЕСТРОМ МУЗЫКАЛЬНОЙ ДРАМЫ

ПОД УПРАВЛЕНИЕМ

НИКОЛАЯ МАЛЬКО.

ПРОГРАММА ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

РИХАРДА ВАГНЕРА.

КОНФЕРЕНЦИЯ

О ШКОЛЕ АЙСЕДОРЫ ДУНКАН

ПРИ УЧАСТИИ

АЙСЕДОРЫ ДУНКАН и А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ—ТАНЦАМИ ИРМЫ ДУНКАН

и ДЕТЕЙ МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ А. ДУНКАН.

(Программа на обороте).

Афиша и программа вечера Айседоры Дункан в Театре музыкальной драмы. 8 апреля 1922, (из собрания Г.Маквея).

Программа.

I Отделение:

1. „Лоэнгрин"—Вступление . . . . . Оркестр.
2. „Валькирии"—Полет Валькирии . . . . . Айседора Дункан.
3. „Гибель богов"—Траурный марш . . . . . Айседора Дункан.
4. „Тристан и Изольда"—Вступление . . . . . Оркестр.
„ „ Смерть Изольды . . . . Айседора Дункан.
5. „Тангейзер"—Увертюра . . . . . Оркестр.
6. „Тангейзер"—Вакханалия . . . . . Айседора Дункан.

Антракт.

II Отделение:

1. Слово **А. В. Луначарского.**
2. Шуберт—„Траурный марш" . . . . . } **Ирма Дункан и дети Московской Школы Айседоры Дункан.**
3. Шуберт—„Вальс". . . . . }
4. Шуберт—„Марш Militaire". . . . . }
5. Глюк—„Орфей" . . . . . }
6. Моцарт—„Полька" . . . . . }
7. Чайковский—„Славянский марш" . . . . . **Айседора Дункан.**
8. „Интернационал" . . . . **Айседора Дункан, Ирма Дункан и дети.**

Завед. художественной частью **И. Шнейдер.**

Начало в 8 час. вечера.

30% валового сбора ГОЛОДАЮЩИМ ПОВОЛЖЬЯ.

Чистый сбор Политпросветбюро Мосуправления Принудработ.

Председатель орг. комиссии **С. Позняков.**

Ответственный устроитель **М. Кацеф.**

ШКОЛА АЙСЕДОРЫ ДУНКАН.

Москва, Пречистенка, 20, тел. 3-52-92.

ОТКРЫТ ПРИЕМ

НА ПЛАТНЫЕ КУРСЫ

для приходящих детей и взрослых

под руководством

ИРМЫ ДУНКАН.

Запись производится у заведующего школой И. И. Шнейдер ежедневно от 11 утра до 1 дня и от 6—8 веч. в школе Айседоры Дункан, Пречистенка, 20.

Р.В.Ц. Москва. (№ 686). Тип. Глав. Упр. Принудраб. при Ивановском лагере. Тир. 700 экз.

Обложка сборника «Революционный чтец-декламатор» (Ростов-на-Дону, 1922) и рисунок Д.Федорова, открывающий в этом издании раздел «В огне и буре» с поэмой С.А.Есенина «Товарищ».

Журнал «Вещь» (Берлин, 1922, № 1–2). Первая и последняя страницы обложки.

НОВЫЕ КНИГИ

Андрей Белый, „Сирин ученого варварства“ (по поводу книги Вячеслава Иванова) Цена 12 мар. (4 фр.)
Алексей Ремизов, „Сибирский сказ“. Цена 18 мар. (6 фр.)
А. Терек (О. Форш), „Ранний“; пьеса в трех действиях. Цена 24 мар. (8 фр.)
А. Кусиков, „Аль Баррак“; цена 9 мар. (3 фр.)
За Лисицкий, „Про два квадрата - Всем, всем ребятам.“ Художественное издание; цена 40 мар. (12 фр.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО

СКИФЫ

БЕРЛИН

ГОТОВЯТСЯ

Андрей Белый, „Звезда“ сборник стихотворений
Николай Клюев, „Львиный хлеб“ сборник стихотворений
А. Кусиков, „Сборник стихотворений“
Детские сказки. „Четыре книжки с рисунками П. А. Хитиловой“
Е. Лундберг, „Тютчев и Пушкин“
А. Шрейдер, „Три года. — По России и Европе“

НОВЫЕ ЦЕНЫ (С 20 МАРТА 1922 г.)

Александр Блок, „Скифы“ „Двенадцать“ цена 12 мар. (4 фр.)
Александр Блок, „Россия и Интеллигенция“ цена 12 мар. (4 фр.)
Александр Блок, „О любви, поэзии и государственной службе цена 6 мар. (2 фр.)
Андрей Белый и С. Есенин, „Россия и Иноция“ цена 12 мар. (4 фр.)
Иванов-Разумник, „О смысле жизни“ 6 мар. (2 фр.)
Иванов-Разумник, „Свое лицо“ цена 6 мар. (2 гр.)
Иванов-Разумник, „Что такое Интеллигенция“ 6 мар. (2 фр.)
Н. Клюев, „Избяные песни“ цена 6 мар. (2 фр.)
Н. Клюев „Песнь солнценосца“ цена 6 мар. (2 фр.)
С. Есенин, „Триптих“ цена 6 мар. (2 фр.)
А. Шрейдер, „Республика Советов“ цена 18 мар. (2 фр.)
И. Штейнберг, „От февраля по октябрь 1917 г.“ цена 18 мар. (6 фр.)
И. Майоров, „Земля и Хлеб“ цена 15 мар. (5 фр.)

IN DEUTSCHER SPRACHE

Eugen Lundberg, „Mereschkowski und sein neues Christentum“. Preis 25 Mark.

JÜNGSTE RUSSISCHE LITERATUR:

Alexander Block, „Gedichte“. Übertragen von Reinhold v. Walter. Gebunden Preis M. 8.—
Alexander Block, „Skythen“ „Die Zwölf“. Übertragen und eingeleitet von Reinhold v. Walter. Gebunden Preis M. 8
Wjatscheslaw Iwanow, „Klüfte“ Essays. Übertragen von Wolfgang E. Gröger. Preis M. 8.—
Brüssow und Balmont, „Gedichte“. Übertragen von Wolfgang E. Gröger. Preis M. 12.—

Puschkin, „Mozart und Salieri“. Übertragen von Reinhold von Walter. Gebunden. Preis M. 6.—

DIE POLITISCHE ORGANISATION SOWJET-RUSSLANDS:

Alexander Schreider, „Das Rätesystem“. Preis M. 12.—

IN UNGARISCHER SPRACHE:

Alexander Block, „Oroszország“. Preis M. 13.—

Buchhändlerrabatt 33⅓% und 11/10

Auslieferung bei CARL FR. FLEISCHER, LEIPZIG.

Пересылка и упаковка по себестоимости.

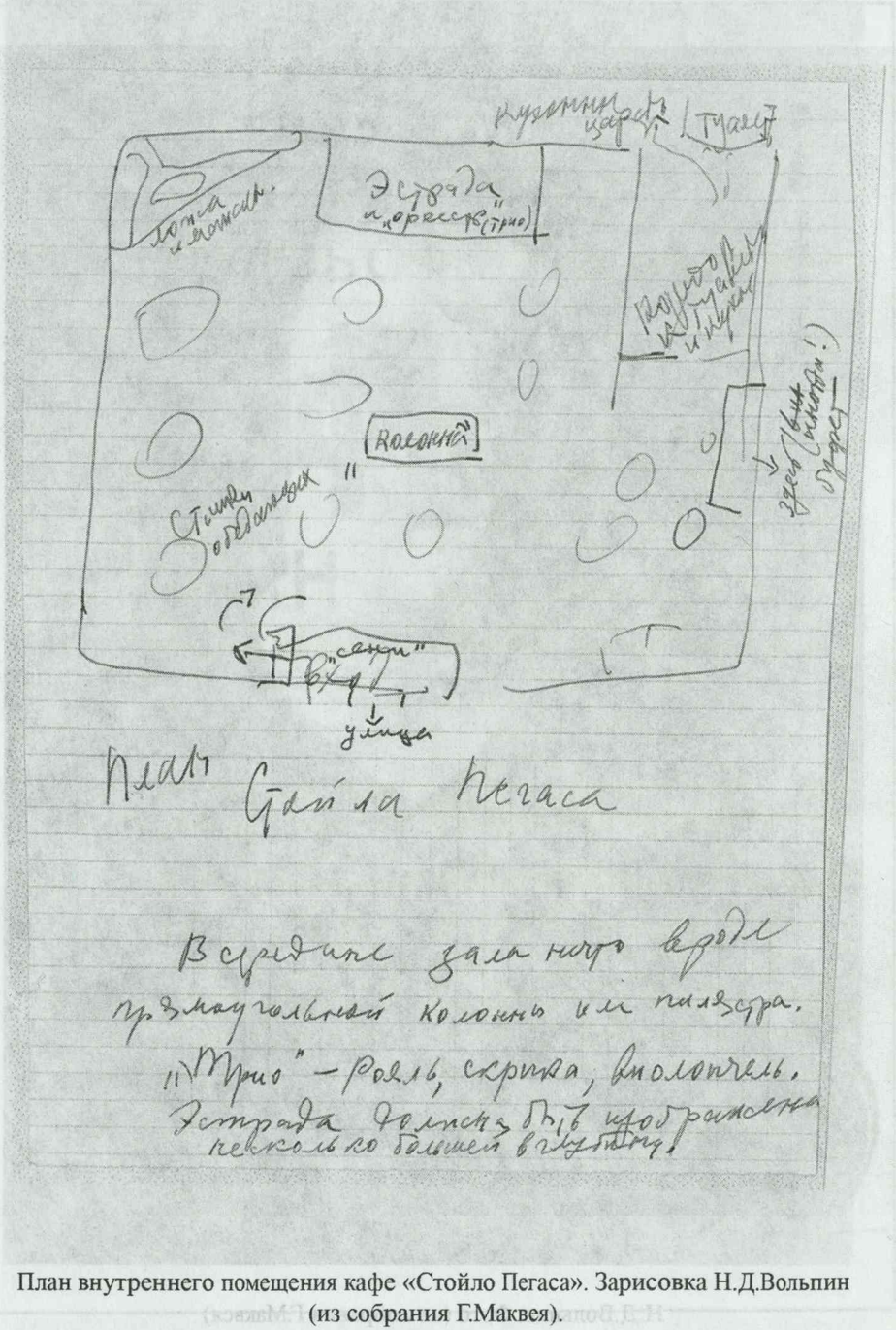
Verlag „Skythen“ G. m. b. H. Berlin W 30, Münchener Str. 16 p.

Типография Отто Вольтера в Берлине.

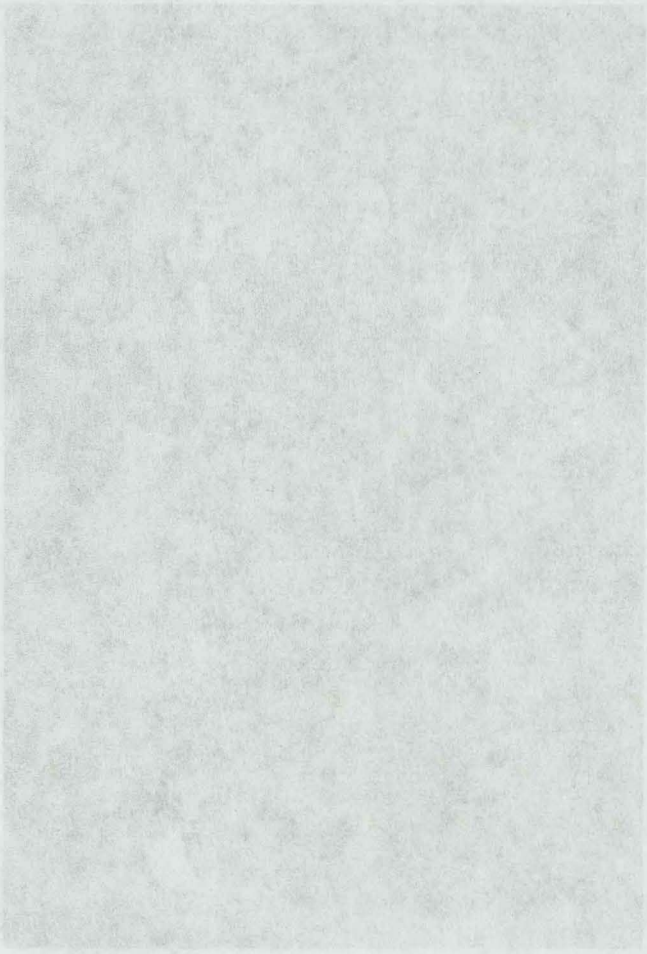
Н.Д.Вольпин. Фото (из собрания Г.Маквея)

План внутреннего помещения кафе «Стойло Пегаса». Зарисовка Н.Д.Вольпин (из собрания Г.Маквея).

Ирма Дункан, Айседора Дункан, С.А.Есенин. Фото. 2 мая 1922.

Список условных сокращений

Анненков – *Юрий Анненков.* Дневник моих встреч: Цикл трагедий. В 2 т. / Вступ. ст. П.Николаева. М.: Худож. литература, 1991. Т. 1.

ВЛ – журнал «Вопросы литературы» (М., с 1957).

В мире Есенина – сб. «В мире Есенина: Сб. статей». / Сост. А.А.Михайлов и С.С.Лесневский. М.: Сов. писатель, 1986.

Варшавский и Хомчук – *Л.Г.Варшавский, Н.И.Хомчук.* К биографии Сергея Есенина: (З.Райх и С.Есенин) // РЛ, 1976, № 3.

Восп., 1, 2 – сб. «С.А.Есенин в воспоминаниях современников», тт. 1–2 / Вступ. ст., сост. и коммент. А.А.Козловского. М.: Худож. литература, 1986.

Восп.-65 – сб. «Воспоминания о Сергее Есенине» / Под общ. ред. Ю.Л.Прокушева. Сост. и примеч. А.А.Есениной, Е.А.Есениной, К.Л.Зелинского, А.А.Козловского, С.П.Кошечкина, Ю.Л.Прокушева. М.: Московский рабочий, 1965.

Восп.-75 – то же. М., 1975.

Восп.-95 – сб. «Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников» / Сост. и общ. ред. Н.И.Шубниковой-Гусевой, подгот. текстов, коммент. С.П.Кошечкина и др. М.: Республика, 1995.

Галушкин-2005, 2 – Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. Москва и Петроград. 1921–1922 гг. / Отв. ред. А.Ю.Галушкин. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Т. 1. Ч. 2.

Грузинов – *И.Грузинов.* С.Есенин разговаривает о литературе и искусстве. М.: Всероссийский Союз поэтов, 1927.

Дневник Мачтета – Дневник Т.Г.Мачтета (РГБ, ф. 162).

Дневник Розанова – Дневник И.Н.Розанова (РГБ, ф. 653, карт. 4).

Дроздков-2002 – *В.А.Дроздков.* Ассоциация вольнодумцев в Москве (новые разыскания) // Новое о Есенине-2002.

ЕиС — сб. «Есенин и современность» / Ред. В.Г.Базанов. М.: Современник, 1975.

Есенин, I–VII (1–3) — *Сергей Есенин.* Полное собрание сочинений в семи томах [девяти книгах] / Институт мировой литературы им. А.М.Горького РАН / Гл. ред. Ю.Л.Прокушев; Ред. коллегия: Л.Д.Громова, Н.В.Есенина, С.П.Есенина, С.П.Кошечкин, Ф.Ф.Кузнецов, Г.И.Ломидзе, Л.А.Озеров, Н.Н.Скатов, В.В.Сорокин. М.: Наука: Голос, 1995–2000 [т. I–VII (2)]; М.: Наука, 2001 [т. VII (3)].

Зинин – *С.И.Зинин.* Поездка Сергея Есенина в Туркестан: Документально-литературная хроника. Ташкент, 2004.

Как жил Есенин – Сб. «Как жил Есенин: Мемуарная проза» / Сост., послесл. и коммент. А.Л.Казакова. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1992.

Катанян – *В.Катанян.* Маяковский: Хроника жизни и деятельности. Изд. 5-е, доп. М.: Сов. писатель, 1985.

Клюев-1999 – *Н.А.Клюев.* Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы / Предисл. Н.Н.Скатова, вступ. ст. А.И.Михайлова; сост., подгот. текста и примеч. В.П.Гарнина. СПб.: РХГИ, 1999.

Крусанов, 1, 2 – *А.В.Крусанов.* Русский авангард. 1907–1932 (Исторический обзор): В 3 т. Т. 2. Футуристическая революция (1917–1921). Кн. 1 и 2.

Леонтьев – *Я.В.Леонтьев.* Харьковские «революционеры духа» и читинские «скифы»: Из истории литературных связей левых народников // Stanford slavic Studies, Stanford, 1999, v. 20: Studies in Modern Russian and Polish Culture and Bibliography / Ed. by Lazar Fleishman.

Летопись, 1 – Летопись жизни и творчества С.А.Есенина. В 5 т. Т. 1: 1895–1916 / Гл. ред. Ю.Л.Прокушев. М.: ИМЛИ РАН. 2003.

Летопись, 2 – Летопись жизни и творчества С.А.Есенина. В 5 т. Т. 2: 1917–1920 / Гл. ред. А.Н.Захаров. М.: ИМЛИ РАН. 2005.

Лица, 7 – Лица: Библиогр. альм. 7 / Ред.-сост. А.В.Лавров. М.; СПб.: Феникс: Atheneum, 1996.

ЛН – непериод. сб. «Литературное наследство» (М., с 1931).

ЛР – газ. «Литературная Россия» (М., с 1963).

Маквей-2004 – *Гордон Маквей.* Московская школа Айседоры Дункан (1921–1949) // Памятники культуры. Новые открытия / Науч. совет «История мировой культуры» / Сост. Т.Б.Князевская. М.: Наука, 2004.

Мануйлов – *В.А.Мануйлов.* Записки счастливого человека. СПб., 2000.

Мариенгоф – *А.Мариенгоф.* Роман без вранья. Л.: Прибой, 1927.

Материалы – сб. «С.А.Есенин: Материалы к биографии» / Отв. ред. Н.Б.Волкова, сост., подгот. текстов, коммент. Н.И.Гусевой, С.И.Субботина, С.В.Шумихина. М.: Историческое наследие, 1992 (фактически – 1993).

Минувшее, 7 – Минувшее: Ист. альм. 7. М.: Открытое общество: Феникс, 1992.

Мой век – сб. «Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова / Сост., указат. имен С.В.Шумихина и К.С.Юрьева, вст. ст., коммент. С.В.Шумихина. М.: Моск. рабочий, 1990.

Новое о Есенине, 1 – «О, Русь, взмахни крылами. Есенинский сб.»: Вып. I / ИМЛИ им. А.М.Горького РАН / Отв. ред. Ю.Л.Прокушев; Ред.-сост. М.В.Стахова. – М.: Наследие, 1994 – (Новое о Есенине; 1).

Новое о Есенине, 4 – «Издания Есенина и о Есенине: Итоги. Открытия. Перспективы: Есенинский сб.»: Вып. IV: Межд. научн. конференция 1–2 окт.

1997 г. / ИМЛИ им. А.М.Горького РАН / Отв. ред. Ю.Л.Прокушев; Сост. А.Н.Захаров. – М.: Наследие, 2001 – (Новое о Есенине; 4).

Новое о Есенине-2002 – Сб. «Новое о Есенине. Исследования, открытия, находки»: Статьи и материалы научн. конференции, посвященной 106-летию со дня рождения С.А.Есенина, 2 окт. 2001 г. / Отв. ред. Ю.Л.Прокушев, О.Е.Воронова. Рязань, 2002.

Письма — Сергей Есенин в стихах и жизни: Письма. Документы / Общ. ред. Н.И.Шубниковой-Гусевой. Сост. С.П.Митрофановой-Есениной и Т.П.Флор-Есениной. Коммент. С.П.Митрофановой-Есениной, С.И.Субботина и др., подгот. текстов и указатель имен С.И.Субботина. М.: Республика, 1995.

Радуница, 2 – «„Радуница“: Информац. сб.» / Добровольное общество любителей книги РСФСР; Есенинское общество «Радуница» при Московском гор. отделении ВООПИиК. М., 1990, № 2.

РЗЕ, 1, 2 – сб. «Русское зарубежье о Есенине: Воспоминания, эссе, очерки, рецензии, статьи» / Вступ. ст., сост. и коммент. Н.И.Шубниковой-Гусевой. М.: ИНКОН, 1993, тт. 1–2.

РЛ — журнал «Русская литература» (Л. – СПб., с 1958).

Ройзман – *М.Ройзман*. Всё, что помню о Есенине. М.: Сов. Россия, 1973.

Русский Берлин-2003 – Русский Берлин 1921–1923: По материалам архива Б.И.Николаевского в Гуверовском институте / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Л.Флейшмана, Р.Хьюза, О.Раевской-Хьюз. 2-е изд., испр. Paris; М.: YMCA-Press: Русский путь, 2003.

Русский имажинизм – Сб. «Русский имажинизм: история, теория, практика» / Под ред. В.А.Дроздкова, А.Н.Захарова, Т.К.Савченко. М.: ИМЛИ РАН, 2005.

САЕ — сб. «Сергей Александрович Есенин: Воспоминания» / Под ред. Ив. Евдокимова. М.; Л.: ГИЗ, 1926.

Субботин-2001 – *С.И.Субботин*. К истории деловых отношений Есенина с издательством ВЦИК и Госиздатом РСФСР (1919– 1922 годы) // Новое о Есенине, 4.

Судебный процесс – «Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь–авг. 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги: Сб. документов». М.: РОССПЭН, 2002.

Тартаковский – *П.И.Тартаковский*. Свет вечерний шафранного края…: (Средняя Азия в жизни и творчестве Есенина). Ташкент: Изд-во лит. и искусства им. Г.Гуляма, 1981.

Тетр. ГЛМ – Тетради Есенина с газетными, журнальными и книжными вырезками отзывов о его творчестве (ГЛМ).

Триптих – *С.Есенин*. Триптих: Поэмы. Берлин: Скифы, 1920.

Хроника, 2 – *В.Белоусов*. Сергей Есенин: Литературная хроника. М.: Сов. Россия, 1970. Ч. 2.

Шнейдер – *Илья Шнейдер.* Встречи с Есениным: воспоминания. 3-е изд., доп. М.: Сов. Россия, 1974.

Шубникова-Гусева – *Н.И.Шубникова-Гусева.* Поэмы Есенина: От «Пророка» до «Черного человека»: Творческая история, судьба, контекст и интерпретация. М., ИМЛИ РАН: Наследие, 2001.

Эренбург. Хроника – *В.Попов, Б.Фрезинский.* Илья Эренбург: Хроника жизни и творчества. СПб.: Лина, 1993. Т. 1, 1891–1923.

Юсов-94 – *Н.Г.Юсов.* Прижизненные издания С.А.Есенина: библиографический справочник, М.: Златоцвет, 1994.

Юсов-96 – *Н.Г.Юсов.* «С добротой и щедротами духа...»: Дарственные надписи Сергея Есенина / Научн. ред. и автор послесл. С.П.Кошечкин. Челябинск: Литературно-издательская артель «Алексей Казаков со товарищи», Челябинское полиграфическое объединение «Книга», 1996.

IE – *Gordon McVay.* Isadora and Esenin. [Ann Arbor, Michigan]: Ardis, [1980].

RLT – непериод. сб. «Russian Literature Triquarterly» (Ann Arbor, Michigan, 1971 –).

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации (Москва).

ГЛМ – Государственный литературный музей Российской Федерации. Отдел рукописных фондов (Москва).

ИМЛИ – Институт мировой литературы им. А.М.Горького Российской академии наук. Рукописный отдел (Москва).

ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук. Рукописный отдел (Санкт-Петербург).

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории (Москва).

РГБ – Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (Москва).

ЦАЛИМ – Центральный архив литературы и искусства г. Москвы.

ЦГАЛИ СПб. – Центральный государственный архив литературы и искусства г. Санкт-Петербург.

Указатель произведений и книг С.А.Есенина

Быт и искусство 151, 152
«Всё живое особой метой…» 12
Голубень 33, 118, 241
Голубень, *книга* 79, 105, 155, 164, 165, 189, 208
Гуляй-поле 259
Волчья гибель *см.* «Мир таинственный, мир мой древний…»
«Душа грустит о небесах…» 19, 105, 245
Емельян *см.* Пугачев
«Закружилась листва золотая…» 33, 71
«Запели тесаные дроги...» 33, 159
Избранное, *книга* 12, 317, 321, 322
Инония 24, 25, 27, 31, 36, 43, 46, 50, 56, 59–61, 67, 72, 74, 78–81, 105, 119, 125, 130, 141, 151, 153, 155, 157, 160, 211, 212, 231, 278, 295, 313
Исповедь хулигана 25, 27, 34, 44, 79, 88, 95, 104, 105, 113, 118, 125, 142, 154, 165, 170, 186, 189, 191, 204, 218, 225, 248, 250, 284
Исповедь хулигана, *книга* 11, 21, 22, 26, 28, 29, 38–40, 53, 59, 63, 67, 69, 83, 97, 105, 106, 114, 122, 123, 128, 129, 140, 177, 208, 214, 239, 240, 242, 262, 328, 353
Исус Младенец, *книга* 106, 120, 200, 208
Ключи Марии 58, 152, 286
Ключи Марии, *книга* 125, 152, 189, 208, 221, 243, 286
Кобыльи корабли 48, 64, 69, 79, 116, 151, 181, 284, 288, 296
«Край родной, поля как святцы…» 288
Крестьянский пир 58
Маковые побаски, *цикл* 26, 57
Марфа Посадница 79, 302
Микола 57, 79, 125
«Мир таинственный, мир мой древний…» 12, 239, 248, 265, 279, 331, 439
Москва кабацкая, *цикл* 12
«Не жалею, не зову, не плачу…» 12, 239, 258, 309, 331, 441
Небесный барабанщик 65
«Нивы сжаты, рощи голы…» 130
«Нощь и поле, и крик петухов...» 33
«О Боже, Боже, эта глубь…» 105
«О пашни, пашни, пашни...» 19, 118
«О, Русь, взмахни крылами...» 33
Октоих 27, 31, 33, 56, 67, 79, 116, 158, 231
Осень 241
«Отговорила роща золотая…» 166
Отчарь 79, 125
Пантократор 57, 65, 79, 125
Певущий зов 79, 125, 291
Персидские мотивы, *цикл* 13
Песни забулдыги, *цикл* 12
Песнь о собаке 112, 121, 151, 284, 288
Песнь о хлебе 11, 12, 38, 57, 88, 118, 121, 151, 152, 171, 172
«Пой же, пой. На проклятой гитаре…» 12
«По-осеннему кычет сова…» 118, 119
Преображение 31, 33, 45, 56, 67, 125, 158, 180, 231, 241, 275, 299, 329
Преображение, *книга* 79, 85, 153, 189, 195, 208, 240, 242

Пришествие 27, 31, 56, 67, 79, 215, 231
Прощание с Мариенгофом 319
Пугачев 10, 12–15, 39, 40, 53, 58, 63, 84, 89, 92, 97, 100–102, 107–109, 113, 116, 121–124, 136–138, 140, 143, 145, 147–149, 156–162, 168, 171, 174, 177, 178, 182, 183, 186, 187, 189, 209, 219, 227, 229. 233, 234, 237, 246, 248, 249–251,258–260, 272, 275, 276, 278, 280, 284, 293, 294, 297, 298, 301, 306, 308, 310, 315, 321, 331, 379–382, 405
Пугачев, *книга* 5, 32, 138, 193, 219, 236–238, 242, 247, 251, 256, 257, 259, 264, 265, 274– 279, 283, 289, 295, 297, 298, 300, 301, 313, 329, 330, 331, 422, 423, 426, 427, 430
Радуница, *книга* 26, 27, 36, 45, 57, 59, 114, 116, 130, 135, 179, 189, 208, 224, 243, 275
«Разбуди меня завтра рано…» 248
Ржаные кони, *книга (не выходила)* 46, 79, 97, 98, 232, 234, 248, 273, 290, 294, 298, 328, 357
Русь 79
Сборник избранных произведений *см.* Избранное
Сельский часослов 116, 208, 241, 243, 264
Словесные орнаменты, *книга (не выходила)* 136, 151, 329, 405
«Снова пьют здесь, дерутся и плачут…» 12
Сорокоуст 23, 25, 26, 79, 83, 125, 169, 170, 174, 186, 189, 223, 248, 284, 288
«Стихи и поэмы о земле русской, о чудесном госте и невидимом граде Инонии», *книга (не выходила)* 307, 317
Стихи скандалиста, *книга* 12
«Сторона ль ты моя, сторона!..» 12, 196, 226, 227, 312
Страна Негодяев 5, 14, 259, 297
«Сыплет черемуха снегом…» 58
«Сыпь, гармоника! Скука… Скука…» 12
Табун 33, 241, 295
«Там, где вечно дремлет тайна...» 33
«Там, где капустные грядки…» 241
«Теперь любовь моя не та…» 64, 284
Товарищ 24, 27, 28, 36, 56, 72, 78, 79, 105, 125, 130, 141, 151, 153, 211, 212, 231, 239, 291, 295, 309, 313, 330, 331, 414, 445
Товарищ, *книга (не выходила)* 108
Трерядница, *книга* 11, 46, 47, 50, 52, 53, 62, 67, 79, 102, 105, 106, 116, 122, 140, 157, 189, 208, 209, 214, 220, 221, 232, 234, 240, 244, 248, 256, 262, 271, 273, 328, 330, 416
Триптих, *книга* 14, 27, 31, 36, 37, 42, 43, 63, 72, 78, 130, 141, 151, 153, 155, 208, 211, 212, 231, 277, 292, 294, 295, 313, 352
Ус 79, 125
«Хорошо под осеннюю свежесть...» 65
Хулиган 12, 104, 284, 327, 349
«Черемуха сыплется снегом…» *см.* «Сыплет черемуха снегом…»
Черный человек 5, 277
Частушки:
«Ах, Мартышечка-душа…» 244
«Ах, сыпь! Ах, жарь!..» 235
«Американским ароматом…» 243
«Мой милой, что с образов…» 243
«Ох, и песней хлестану…» 181
«Ох, уж, ох большевики…» 75
«Пей, закусывай изволь!..» 181
«Уж коль в суку ты влюблен…» 181
«Я покинул родимый дом...» 65, 71, 119, 167, 248, 284
«Я последний поэт деревни…» 52, 119, 245, 255, 271, 278, 284, 288
«Я снова здесь, в семье родной...» 33, 292, 314
«Я странник убогий…» 59

Указатель имен

А. В. *см.* Вольский (Гроним) А.П.
Абрамов С.А. 231
Абрамова М.Е. 111, 114
Абрамович Н.Я. 68, 142, 145, 327, 348
Авраамов А.М. 19–21, 34, 72, 134, 135, 146, 217, 235, 327, 333
Агнивцев Н.Я. 33
Адалис (Ефрон А.Е.) 65, 95, 206, 251, 252, 278
Адашев К. 292
Адуев (Рабинович) Н.А. 144
Азимбай 124
Айвазян М.А. 15
Айзенштат Д.С. 38, 39, 63, 81, 218, 241
Айзенштейн О. 163
Айхенвальд Ю.И. 187, 191, 202, 203, 208, 217, 239, 293, 330, 423
Аквилано С. 32
Аксенов И.А. 48, 66, 206, 249, 252
Аладжалов К. 327, 350
Алейников М. 231
Александр III 305
Александров П.С. 64, 65, 327, 342
Александрова Н.О. 7, 258
Александровский В.Д. 65, 157, 161, 197, 208, 210, 213, 252, 329, 402
Алексеев А.Д. 241
Алексеев Г.В. 265, 274
Алексеева-Месхиева В.В. 46
Алматинская А.В. 113
Альтман Н.И. 40
Алянский С.М. 129
Андерсен Х.-К. 60
Андреев Л.Н. 41, 88, 157
Андреева М.Ф. 316
Аникина О.Л. 15
Аничков Е.В. 281
Анна Иоанновна, императрица 142
Анненков Ю.П. 205, 329, 385, 453
Антокольский П.Г. 66
Антонов А.С. 142, 143
Аня *см.* Назарова А.Г.
Апр. (псевд.) 31
Апсесделс (Апситис А.) 239
Апухтин А. *см.* Апушкин Я. В.
Апушкин В.А. 149
Апушкин Я.В. 13, 28, 29, 44, 59, 206, 252, 276
Арватов Б.И. 187
Арго (Гольденберг А.М.) 141, 206, 252
Аристофан 249
Арский Р. (Радзишевский А.Т.) 289
Артамонов М.Д. 187, 289
Архангельский В.Н. 209
Архипов Н.И. 255
Асеев Н.Н. 14, 28, 50, 55, 56, 104, 150, 252, 300
Ахматова (Горенко) А.А. 10, 33, 46, 129, 145, 195, 197, 204, 248, 261, 265, 271, 273, 289, 295, 306
Ашкинази З.Г. 157
Ашукин Н.С. 44, 327, 335

Б. С. 34
Б. Х. С. 95
Базанов В.В. 236
Базанов В.Г. 453
Балагин (Гершанович) А.С. 113, 224
Балашова А.М. 175
Балиев Н.Ф. (Балян М.) 22

Балтрушайтис Ю.К. 44, 88, 102, 145, 289, 295
Балухатый С.Д. 34, 103, 104, 106
Бальмонт К.Д. 10, 33, 41, 47, 58, 65, 145, 157, 197, 204, 265, 273, 289, 295
Банников Н.В. 57
Барек Э.М. 231
Бах И.-С. 20
Бачинский А.И. (псевд. Жагадис) 193
Бебутов В.М. 22, 64
Бедный Д. (Придворов Е.А.) 88, 279, 309, 329, 378
Беленсон А.Э. (Бейленсон А.М.) 143
Белкин С.Я. 129
Белова Е.Д. 175
Белоусов В.Г. 6, 202, 455
Белый А. (Бугаев Б.Н.) 10, 24, 28, 31, 33, 37, 39, 41–44, 55, 56, 58, 59, 61, 65, 67, 72, 73, 77, 81, 88, 96, 102, 104, 106, 107, 115–117, 120, 130, 133, 141, 145, 152, 153, 157, 158, 160–165, 167–170, 172, 173, 175, 177, 179, 180, 182, 183, 188, 189, 191, 192, 194, 195, 197, 204, 210–212, 214, 215, 217, 220, 222, 234, 235, 247, 248, 250, 252, 257, 259, 261, 262, 264, 270, 278, 285, 289, 292, 293, 295, 299, 300, 304, 313, 314, 317
Бенар Н.В. 141, 161, 206, 252
Бениславская Г.А. 7, 8, 10, 38, 86, 99, 100, 134, 136, 138, 158, 197, 200, 201, 205, 227, 232, 244, 256–258, 260, 304–306, 312, 319, 321
Бердяев Н.А. 41, 53, 194, 208
Бердянова Н.Н. 15
Бережанский Н. *см.* Козырев Н.Г.
Бережный И.С. 120
Берников В. 302
Бернштейн С.И. 248
Бессалько (Безсалько) П.К. 129, 157, 314
Бетховен Л. ван 211
Беххофер К.-Э. 178
Билибин И.Я. 41, 194
Бирон Э.-И. 142
Бишарев О.Л. 98, 99
Благой Д.Д. 123
Близкий А. 119
Блиц О. 163
Блок А.А. 10, 14, 25, 26, 31, 33, 34, 37, 39, 41–44, 46, 55, 56, 58, 61, 67, 68, 72, 73, 81, 87, 88, 90, 96, 102, 104, 106, 107, 115–117, 120, 130, 133, 141, 145, 152, 153, 157, 158, 160–165, 167–170, 172, 173, 175, 177,179, 180, 182, 183, 188, 189, 191, 192, 194, 195, 197, 204, 210-212, 214, 215, 217, 220, 222, 234, 235, 247, 248, 250, 252, 257, 259, 261, 262, 264, 270, 278, 285, 289, 292, 293, 295, 299, 300, 304, 313, 314, 317, 329, 385
Блюм В.И. 251, 301
Блюмкин Я.Г. (Я.-С.Г.) 36
Бобров С.П. 88, 252
Бобылев Б.А. 120
Богданов А.А. 55
Богораз В.Г. 279
Богородский Ф.С. 252, 253
Божко В.А. 170
Болдуань Н. 299
Большаков К.А. 66, 251, 252
Бонч-Бруевич В.Д. 41
Боратынский Е.А. 10, 197
Борис Годунов 256
Боровой А.А. 193
Бороздин И.Н. 67
Браун Я.В. (Броун И.В.) 7, 88, 232
Брешко-Брешковская Е.К. 41
Брик Л.Ю. 208
Брик О.М. 208
Бродский Н. Л. 102
Бр-ский 261
Брызгалов Н.А. 193, 322
Брюсов В.Я. 10, 20, 26, 33, 41, 46, 47, 54, 58, 65, 77, 102, 144, 145, 157,

162, 165, 187, 191, 192, 197, 204–206, 217, 218, 228, 235, 248, 251–253, 273, 274, 278, 279, 281, 289, 295, 307, 314
Буданцев С.Ф. 40, 65, 66, 183, 206, 233, 252, 300
Бунин И.А. 157, 165, 281
Бураков Л. 108
Буревой (Буровий) К. (Сопляков К.С.) 7, 169, 170, 215
Бурлюк Д.Д. 7, 52, 165
Бурцев В.Л. 214
Бухарин Н.И. 50
Бухов А.С. 30, 35, 50, 290, 301, 327, 334
Буше Ф. 132
Быстрянский (Ватин) В.А. 289
Бялик Х. 137

В. А. И. 132
В. Б. 129
В. И. 191
Вагнер Р. 249, 272, 302
Вальтер В. 222
Вальтер Р.Ф. 133
Валюженич А.В. 208
Ван Гог В. 112
Варшавский Л.Г. 196, 453
Васильев Ф.А. 253
Васильев Ю.В. 15
Вдовин В.А. 236, 247
Вейс Д.Л. 128
Венгеров С.А. 41
Вержбицкий Н.К. 86
Верфель Ф. 218
Верхарн Э. 214
Верхоустинский Б.А. 221
Веселовский А.Н. 163, 164
Ветлугин А. (Рындзюн В.И.) 252, 253
Виленский Д.Ф. 231
Вильдрак Ш. (Мессаже Ш.) 256, 290, 293, 295, 299
Виснапу Г. 241
Виталий, архимандрит 155
Витвицкая Б.И. 177
Владычина Г.Л. 33, 170
Воинов О. 246
Войтов 253
Войтоловский Л.Н. 162
Волков А.Н. 112
Волков Ал. А. 112
Волков Анд. А. 112
Волков В.А. 112
Волков М.И. 161
Волкова Н.Б. 6, 454
Волошин (Кириенко-Волошин) М.А. 102, 145, 204, 295
Вольпин В.И. 7, 12, 53, 54, 63, 108, 113, 120, 121, 124
Вольпин М.С. 125
Вольпин Н.Д. 7, 15, 28, 39, 40, 85, 90, 135, 137–139, 148, 149, 164, 179, 195, 199, 203–205, 210, 219, 225, 234, 237, 238, 331, 449, 450
Вольский В.К. 169
Вольский (Гроним) А.П. 273
Воронова О.Е. 15, 455
Воронский А.К. 12, 309, 330, 425
Воронцов К.П. 15
Воутилайнен В.И. 202, 277, 254
Вундт В. 196
Вышеславцев Б.П. 193
Вэвэн (псевд.) 279

Гаген-Торн Г.Ю. 195
Гаген-Торн Н.И. 195
Галушкин А.Ю. 6, 15, 32, 44, 45, 48, 65, 77, 88, 96, 119, 125, 133, 140, 161, 162, 166, 170, 173, 177, 183, 193, 194, 204, 210, 217, 220–222, 230, 234, 235, 255, 271, 273, 274, 278, 290, 294–296, 308, 309, 453
Гальперин М.П. 206, 252
Гамза Я.П. 207, 230, 233, 257, 297
Ганин А.А. 36, 64, 65, 79, 104, 146, 235
Гаркави М.Н. 277
Гарнин В.П. 454

Гаршин В.М. 157
Гастев А.К. 101, 187, 214
Гатов А.Б. 95, 160, 195
Гейне Г. 311
Гельцер Е.В. 159
Гендель Г.-Ф. 20
Герасимов М.П. 26, 65, 79, 85, 102, 103, 157, 161, 181, 204, 210, 217, 239, 240, 252, 281, 309, 314, 327, 340
Герман П.Д. 163
Герман Э.Я. 103, 137, 145, 168, 171, 177, 183, 186, 193, 205, 237, 274, 317
Германов А. 289
Геронский (псевд.?) 212
Герцен А.И. 222, 247, 256
Гершензон М.О. 41, 293
Гиляровский В.А. 231
Гиппиус Вл. В. 259
Гиппиус З.Н. 26, 41
Глаголин С. 163
Глезер А.А. 236
Глёз А. 290
Глушков М.А. 163
Гоген П. 112
Гоголь Н.В. 45, 283
Годунов Б. *см.* Борис Годунов
Голлербах Э.Ф. 156–158, 208, 276
Голль И. (Ланг И.) 293, 299
Голованов Н.С. 272
Головачев С.Д. 81, 135, 243, 318
Голосовкер Я.З. 193
Гольцева А.В. 15
Гор В. 270
Горнфельд А.Г. 41, 217
Городецкий С.М. 7, 32, 33, 58, 177, 205, 220, 221, 231, 235, 236, 248, 249, 259, 266, 273, 301
Горький М. (Пешков А.М.) 41, 60, 61, 157, 264, 314, 316
Готвилль А. (Байов де Готвилль А.А.) 14, 156
Готлиб 253
Гоцци К. 249
Грабарь И.Э. 297
Грановский (Азарх) А.М. 278
Грасис К.Я. 160
Гребенщиков Я.П. 201, 330, 408
Грёгер В. 133, 160
Григорков Ю.А. 67, 119
Григорович А. 66
Григорьев Б.Д. 84, 328, 366
Григорьев Н.И. 14, 120, 151
Григорьев С.Т. 81, 166, 167, 169, 193, 216, 276, 283, 393
Григорьева Л.Г. 15, 160, 199, 278, 297, 314
Гришин В.Ю. 41, 265
Гришина Я.З. 41, 265
Громова Л.Д. 453
Грузинов И. В. 7, 29, 33, 48, 49, 74, 75, 91, 105, 135, 137, 147, 149, 203, 206, 217, 228, 252, 278, 315, 327, 329, 341, 384, 453, 454
Гуль Р.Б. 14, 37
Гумилев Н.С. 10, 33, 177, 197, 248, 256, 261, 265, 307
Гуро Е. (Нотенберг Э.Г.) 165
Гусева Н.И. *см.* Шубникова-Гусева Н.И.
Гусман Б.Е. 243
Гутман Я.Я. 172, 179

Д'Аннунцио Г. 316
Давид В. 295
Давыдов З.С. 321
Далецкий П.Л. 55
Даль В.И. 288
Данилов В.П. 100
Даревский З.Ю. 162
Девятайкина А.В. 15
Деев-Хомяковский (Деев) Г.Д. 217
Дейч Б. 241
Дерптский (Хижинский Б.В.) 120
Дерябина С.И. 314
Джура (Пославский Ю.И.) 113, 121
Дзержинский Ф.Э. 61

Дид Ладо 395
Дикинсон Т.-Г. 220, 330, 416
Дикун З.М. 15
Дильтей В. 196
Димитрий, царевич 22
Доливо-Добровольский А.И. 274
Долинов М.Е. 212
Дорогойченко А.Я. 328, 361
Достоевский Ф.М. 88, 250, 285
Дроздков В.А. 6, 14, 42, 49, 53, 54, 67, 70, 71, 76, 152, 243, 256, 453, 455
Дроздов А.М. 76
Дружинин П.Д. 113, 116, 117, 121
Дрягин П.П. 106, 107
Дубровин Н.Ф. 39
Дудоров М.С. 278
Дунаевский Л.Р. 152, 169
Дункан А. 5, 7, 12, 14, 15, 159, 175, 197–199, 205, 211, 212, 218–220, 224, 225, 227, 228, 232–234, 237, 238, 244, 248, 252, 255, 256, 261, 265, 266, 268, 269, 272, 277, 278, 289, 300, 302–304, 306–317, 319, 321–323, 329, 330, 331, 387, 390, 391, 415, 418, 420, 421, 443, 451, 454
Дункан Авг. 322
Дункан Д.-Г. 306
Дункан И. 7, 14, 159, 175, 198, 238, 265, 303, 309, 312, 315, 317, 322, 330, 331, 421, 451
Дуров В.Л. 86
Дьякова О. 315
Дядичев В.Н. 65

Егоров А. 218
Евдокимов И.В. 455
Екатерина II 39
Емельянов-Коханский (Емельянов) А.Н. 165
Ермилов В.Д. 129
Ерошин И.Е. 71, 200, 287, 302
ЁРШ (псевд.) 207

Есенин К.С. 54, 201
Есенина А.А. 453
Есенина Е.А. 57, 240, 312, 453
Есенина Н.В. 15, 453
Есенина С.П. 6, 15, 453, 455
Есенина Т.С. 54, 181, 201
Есенина-Наседкина Е.А. *см.* Есенина Е.А.
Есенина-Райх З.Н. *см.* Райх З.Н.
Ещин Л.Е. 55

Жаворонков А.З. 147
Жанна, камеристка А.Дункан 265
Жендзян А.Ю. 120
Жижин И.И. 36
Жираник Б. 278
Жирмунский В.М. 274
Житенев А.М. 232, 267
Жиц Ф.А. 42, 71
Жуков И.Н. 251
Журов П.А. 71
Жуховицкий Э.Д. 231

Заборова Р.Б. 157
Зайцев Б.К. 41, 157, 161, 187, 208, 213, 231
Зайцев П.Н. 307, 317, 321
Залужный А.С. 104
Залшупин С.А. 313, 314, 328, 356
Замятин Е.И. 32, 33, 144, 200, 210, 283, 290
Занковская Л.В. 143
Заров С.В. 33
Захаров А.Н. 6, 67, 454, 455
Захаров-Мэнский (Захаров) Н.Н. 141
Зелинский К.Л. 453
Земенков Б.С. 135, 206, 252
Земсков В.Ф. 123
Зенкевич С.Е. 241
Зингер П.-Ю. 316
Зинин С.И. 6, 96, 102, 106–112, 114, 116, 122–125, 129, 131, 453
Зиновьев Г.Е. (Радомысльский О.-Г.А.) 50

Златый *см.* Головачев С.Д.
Зноско-Боровский Е.А. 204
Зонин А.И. 113
Зотова Т.Я. 15
Зунделович Я.О. 169, 271

И. 181
И. М. 235
Ибн-Эзра 137
Ибсен Г. 64
Иван IV Грозный 82
Иванов Вс. Вяч. 208, 236
Иванов Вяч. Вс. 129
Иванов Вяч. И. 10, 41, 58, 65, 102, 145, 157, 165, 197, 204, 213, 214, 253, 282, 289, 292, 295, 306
Иванов Г.В. 199, 248
Иванов Р.В. *см.* Иванов-Разумник
Иванов Ф.В. 14, 32, 155, 160, 313, 314
Иванов-Разумник (Иванов Р.В.) 13, 28, 31, 41, 42, 56, 58–61, 63, 67, 72, 74, 79, 82, 87, 98, 104, 113, 115, 116, 119, 130, 133, 141, 153, 160, 167, 169, 175, 177, 191, 192, 194, 231, 232, 259, 265, 271, 278, 282, 288, 308, 318
Иванова Л.Н. 15
Ивнев Р. (Ковалев М.А.) 7, 21, 33, 36, 41, 55, 65, 66, 68, 69, 72, 79, 82, 86–88, 98, 135, 145, 160, 169, 183, 185, 202, 205, 208, 213, 218, 246, 250, 278, 300, 327, 328, 348, 375, 396
Игнатов И.Н. 41
Извольская Е.А. 97, 180, 299, 329, 402
Измайлов А.А. 72
Ильина В.В. 183
Иоанн Златоуст 42
Ионов (Бернштейн) И.И. 187, 234, 272, 289
Ирасек А. 249
Ирисов Б. 120

Йокумс К. 105

Каган М.И. 194
Казаков А.Л. 106, 453, 456
Казарновский Ю.[А.] 302
Казин В.В. 157, 161, 197, 204, 210, 234, 296, 297, 309, 329, 402
Каланыч *см.* Григорьев Н.И.
Калашнов 266
Каллимах (псевд.) 102
Каменев (Розенфельд) Л.Б. 216
Каменский В.В. 28, 33, 34, 44, 46, 48, 55, 62, 68, 72, 88, 90, 103, 106, 117, 130, 141, 153, 162, 182, 187, 197, 206, 210–212, 214, 220, 234, 235, 247, 252, 262, 278, 304, 307, 317, 322, 323
Каминская Э.Г. 170
Камков (Кац) Б.Д. 133
Кандинский В.В. 193
Карамзин Н.М. 74, 311
Карахан (Караханян) Л.Н. 87
Карелин В.А. 72, 123, 232
Карохин Л.Ф. 15
Карпов Е.Л. 57
Карпов П.И. 65, 195
Карсавина Т.П. 222
Карташев А.В. 41
Касютин П.А. 107
Катанов Н.Ф. 289
Катанян В.А. 202, 210, 273, 454
Катенин П.А. 22
Кауфман А.Е. 47, 173, 208, 213, 222
Квятковский А.П. 55
Керенский А.Ф. 41
Кизеветтер А.А. 208
Кириллов В.Т. 65, 101, 148, 161, 167, 234, 240, 252, 281, 309, 314, 327, 340
Киров А. (Тихов А.Г.) 120
Киселев А. 80
Кисин В.М. 142, 305
Киткович Е.Н. 116
Клодель П. 249
Клычков С.А. 10, 27, 58, 71, 101, 104, 157, 173, 197, 221, 239, 249, 274,

278, 281, 282, 287, 301, 302, 309, 318
Клюев Н.А. 10, 26, 27, 31, 32, 37, 41–44, 50, 56, 58, 59, 64, 65, 67, 68, 71–73, 77–79, 87, 96, 101, 102, 104, 107, 114–116, 123, 129, 130, 133, 141, 152, 155, 157, 160, 165, 177, 180, 197, 200, 209, 212, 214, 219, 224–226, 232, 235, 237, 239, 249, 253, 255, 256, 258–260, 265, 266, 272, 274, 282, 284, 285, 287, 290, 292, 294–296, 300–302, 307, 314, 318, 320–322, 327, 348, 454
Клюева В.Н. 201
Кнудзен Г. (Кнудсен Х.) 160
Князев В.В. 65
Князевская Т.Б. 7, 454
Ковалевский В.А. 40, 89, 90
Коган П.С. 14, 101, 173, 187, 191, 292, 203, 217, 229
Коган Ш. 231
Кожебаткин А.М. 32, 201, 236, 330, 408, 423
Козлов В. 139
Козлов И.С. 21, 242, 243
Козловская Я.М. 8, 38, 99, 138, 256, 260, 305, 306, 330, 430
Козловский А.А. 207, 238, 242, 256, 453
Козырев М.Я. 91
Козырев Н.Г. 24
Койранский А.А. 194, 195, 214
Колеров М.А. 202
Колобов Г.Р. 10, 53, 89, 91, 92, 94, 98–100, 103, 109, 111, 113, 126, 131, 199, 205, 218, 329, 378
Кольцов А.В. 10, 125, 197, 288, 301, 302
Кольцов М. (Фридлянд М.Е.) 22, 329, 385
Комардёнков В.П. 39
Конёнков С.Т. 21, 57, 81, 144, 165, 193, 205, 220, 221, 225, 238, 276, 313
Кони А.Ф. 120
Коновалов А.И. 41
Кончаловский П.П. 277
Корницкий В.О. 267, 268
Короленко В.Г. 157
Корсини 42
Корст Н.О. 44, 60, 63, 68, 70
Костёлова М.П. 7, 108, 114, 118, 120–122
К-отин 208
Котлов А.А. 102
Котрелев Н.В. 15, 320
Кошечкин С.П. 453, 456
Краевский А.П. 135
Криницкий М. (Самыгин М.В.) 322
Кроммелинк Ф. 249
Кроник Л. 160
Кропоткин П.А. 222, 247, 256
Кроткий Э. *см.* Герман Э.Я.
Кругликова Е.С. 242
Крупская Н.К. 52
Крусанов А.В. 6, 210, 454
Кручёных А.Е. 40, 178, 203, 204, 206, 216, 225, 252, 273, 278, 322, 330, 407
Крылов И.А. 167
Крэг Г.-Э. 316
Кубиков И. (Дементьев И.Н.) 187
Кубка Ф. 277
Кугушева Н.П. 90, 141
Кудашев Н.В. 108
Кузмин М.А. 89, 248, 266, 314
Кузнецов Ф.Ф. 453
Кузнецов, профессор 193
Кузнецова В.Е. 177, 242
Кузько П.А. 236, 240
Кулинский Н.Н. 112
Кумминг Е.Л. 69
Куприн А.И. 41, 157
Куприяновский П.В. 150
Курций А. (Куршинскис А., или Куршинский А.П.) 180, 214, 239
Кусиков А.Б. 7, 26, 36, 48–50, 55, 57, 63, 66, 68–70, 72, 76, 81, 88–90, 98,

104, 106, 119, 120, 125–127, 132–138, 142, 146, 149, 153, 161–164, 166, 169, 170, 176, 183–185, 196, 205–207, 209, 210, 215–218, 222, 223, 227–229, 241, 246, 249–252, 257, 265, 275, 278, 284, 285, 287, 293, 296, 297, 299, 300, 314, 317, 320, 327, 328, 348, 356, 364, 393, 395, 396
Кусиков Р.Б. 137
Кусиковы, семья 274
Кутузов А. 329, 378
Кушков А. *см.* Кусиков А.Б.

Л. К. 229
Л. П. 42
Лавренев (Сергеев) Б.А. 113
Лавров А.В. 454
Ланн (Лозман) Е.Л. 160
Ланэ А.Р. 13, 123, 189
Лапин Б.М. 160
Ласунский О.Г. 67
Лахути Г.Г. 7, 159
Лебедев Н.К. 245
Лебедев-Полянский (Лебедев) П.И. 139, 192, 314
Лева, инженер 100
Леваков А. 163
Левенсон А.А. 132
Левин В.М. 72 , 200, 211, 284, 331, 434
Левин И.М. 72
Левит Т.М. 91
Левый (псевд.) 223
Леже Ф. 290
Лежнев А. (Горелик А.З.) 310
Лейтес А.М. 188
Ленин (Ульянов) В.И. 49, 50, 61, 62, 158, 213, 259
Лентулов А.В. 62
Леонидов О. (Шиманский О.Л.) 66, 206, 252
Леонтьев Я.В. 15, 88, 104, 169, 177, 200, 211, 232, 454
Лепок (Копель) Н.Л. 252
Лепский С.Н. 55
Лермонтов М.Ю. 10, 197, 261
Лесман М.С. 178
Лесная Л.В. (Шперлинг Л.О.) 302
Лесневский С.С. 453
Либединский Б.Я. 200
Лившиц Е.И. 85, 86
Лившиц 218, 219
Лидин (Гомберг) В.Г. 231, 240
Лилина (Левина) З.И. 289
Липс Т. 196
Липскеров К.А. 44, 96, 109
Лисицкий Е.Л. *см.* Лисицкий Эль
Лисицкий Эль (Лисицкий Л.М.) 256, 290, 293, 295, 299, 300
Лист Ф. 277
Литвин Е.Ю. 15
Литвинов М.М. (Валлах М.-Г.М.) 276
Лихолетов Ф.В. 110, 113, 114, 116, 122, 131
Лобанов В.М. 231
Логинов И.С. 195
Ломброзо Ч. 204
Ломидзе Г.И. 453
Ломоносов М.В. 299
Лоренцо (псевд.) 313
Луначарский А.В. 5, 39, 49, 50, 53, 54, 62, 83, 86, 87, 96, 101, 117, 154, 161, 165, 182, 187, 188, 213, 215, 220, 223, 227, 233, 249, 278, 281, 282, 292, 303, 330, 416
Лундберг Е.Г. 194, 244, 317, 320
Львов Н.И. 277
Львов-Рогачевский В.Л. 40, 49, 50, 59, 98, 101, 125, 126, 153, 163, 164, 173, 187, 210, 217, 228, 231, 236, 239, 283, 296, 297, 328, 364
Любимов С.Н. 105, 106
Людовик XIV 311
Люце В.В. 327, 344
Лякруа (Лакруа) Ж. 299
Ляшко (Лященко) Н.Н. 157, 161, 231, 240, 297

М. *см.* Герман Э.Я.
Майзельс Д.Л. (С.Л.) 147, 148
Маквей Г. 7, 15, 39, 40, 75, 159, 175, 181, 197, 220, 224, 228, 236, 241, 328, 330, 331, 370, 419, 421, 443, 449, 450, 454, 456
Макдугалл А.-Р. 7, 159
Макеева Е.Г. *см.* Михайлова Е.Г.
Максимов В.И. 108
Максимовский В.П. 77
Малахов С.А. 29
Малашкин С.И. 309
Малевич К.С. 290
Малеин А.И. 278
Малкес А.Л. 189
Малкин Б.Ф. 109, 329, 378
Малларме С. 56
Мальцева М.А. 137
Малютин С.В. 194
Мандельштам О.Э. 33, 89, 90, 145, 204, 248, 289, 295, 300, 328, 358
Мануйлов В.А. 7, 161–163, 179, 180, 454
Мар С. (Чалхушьян С.Г.) 135, 148, 161, 164, 206, 228, 248, 328, 368
Мареев А.Я. 206, 252
Мариенгоф А.Б. 7, 10, 14, 19–23, 27–31, 33–37, 42, 47–50, 53–59, 61, 64–66, 68, 69, 72, 75–77, 79, 82, 83, 85, 88–94, 96–106, 109, 112, 115, 118, 119, 125–129, 132–135, 138–142, 144, 145, 147, 149, 150, 152–156, 159–161, 163–166, 169, 170, 172, 174, 178–181, 183–189, 191, 193, 197–199, 202, 203, 205–209, 214–224, 227–229, 231, 235, 241, 244, 246–248, 250, 252–258, 264–266, 273–275, 278, 279, 281, 282, 287, 294, 296, 297, 299, 300, 302, 303, 306–308, 312, 314–316, 319, 327–329, 333, 359, 364, 370, 378, 392, 393, 396, 399, 400, 454
Маринетти Ф.-Т. 125, 286
Марков А.Ф. 15
Маркс К. 87
Мартынов Л.Н. 253
Марьин А. 329, 278
Масаинов Б.А. 13, 275
Масленников А.Г. 135
Маслов С.С. 41
Матисс А.-Э.-Б. 112
Матусевич И.А. 231
Мачтет Т.Г. 8, 34, 70, 77, 90, 91, 95, 103, 133, 138–144, 147–149, 169–173, 177–179, 183, 188, 189, 191, 195, 206, 233, 453
Махно Н.И. 259
Мацнев В. 31
Маширов А.И. 101, 157
Маяковский В.В. 14, 23–27, 33, 36, 41, 45, 46, 48, 52, 56, 58, 64, 66, 75, 88, 101, 102, 105, 119, 125, 145, 146, 148, 156, 157, 160, 161, 165, 174, 175, 179, 180, 182, 187, 191, 192, 194, 195, 202–204, 206–208, 210, 211, 213, 214, 222, 230, 232, 235, 248, 251–254, 256, 258, 265, 266, 273, 276, 277, 279, 281, 284–286, 289, 290, 293, 295, 299, 300, 302, 307–310, 314
Мезьер А.В. 278
Мейерсон М. 314
Мейерхольд В.Э. 7, 22, 64, 83, 84, 144, 145, 156, 181, 196, 198, 200, 236, 249, 257, 278, 301, 327, 344
Мекш Э.Б. 105, 180, 186, 239, 295
Мельгунов С.П. 231
Мельникова-Папоушкова Н. 13, 293, 297
Мережковский Д.С. 33, 41, 215
Мериме П. 249
Меркушев М. 123
Мечников И.И. 41
Милашевский В.А. 328, 358
Мильтер Ф.И. 231
Милюков П.Н. 41
Минаев Н.Н. 144
Миндлин Э.Л. 207

Миролюбов В.С. 58
Мирский (Миркин-Гецевич) Б.С. 87, 130
Митрофанова-Есенина С.П. *см.* Есенина С.П.
Михайлов А.А. 453
Михайлов А.И. 454
Михайлов В.Г. 109, 110, 131
Михайлов Г.М. 109
Михайлов Ф.А. 120
Михайлова Е.Г. 110, 111, 113, 118, 124, 126, 131
Михайлова К.Г. 111, 131
Михайлова Ю.А. 109
Михайловы, семья 131
Мольер (Поклен Ж.-Б.) 249
Монина В.А. 68, 69
Мстиславский (Масловский) С.Д. 41, 169, 191, 193, 194, 220, 232
Муров А.М. 177
Мусин-Пушкин В.Ю. 231
Мысовский П.К. 129
Мюнх В. 196
Мякотин В.А. 208

Н. М. П. *см.* Мельникова-Папоушкова Н.
Навои А. 116
Наврозов (Семенов) А.П. 206, 231, 252
Надсон С.Я. 10, 29, 197
Назарова А.Г. 134, 158, 304
Наполеон I (Наполеон Бонапарт) 175
Нарбековы, семья 111
Наседкин В.Ф. 122
Насимович Н.Ф. 106, 287
Невский В.И. (Кривобоков Ф.И.) 289
Незнакомец (псевд.) 14, 191
Незнамов (Лежанкин) П.В. 106, 107
Некрасов Н.А. 10, 197
Немирович-Данченко Вл. И. 278
Нерлер (Полян) П.М. 89, 90
Несмелов А. (Митропольский А.И.) 55
Нечаев В.П. 15
Никё М. 15, 97, 180, 299
Никитин О.В. 157
Николаев В.И. 157, 191
Николаев Д.Д. 252
Николаев П.А. 453
Николаева 289
Николаева А.Е. 123
Николаевский Б.И. 455
Никритина А.Б. 162, 199, 203, 224, 319
Нилендер В.О. 194
Новиков И.А. 44
Новикова М.П. *см.* Костёлова М.П.
Новиков-Прибой (Новиков) А.С. 146, 240
Новицкий Н.К. 63
Новлянский П. 88
Новомирский (Кирилловский) Я.И. 193, 194
Новых Г. *см.* Распутин Г.Е.
Норман А. 113

Обрадович С.А. 65, 210, 252, 328, 361
Обухов С.Ф. 102
Овсянников Н.Н. 211
Овсяннико-Куликовский Д.Н. 222
Овчинников И. 145
Озерецкий Н. 231
Озеров (Гольдберг) Л.А. 453
Оков С. (Овсянников С.П.) 113, 117, 132, 145
Окулов А.И. 231
Окунев Як. (Окунь Я.Б.) 230
Оленин А.Б. 28, 33
Ольденбург С.С. 96
Орешин П.В. 33, 59, 65, 79, 101, 157, 173, 181, 182, 195, 197, 239, 253, 290, 302–304
Орлов С. 253
Осколков Б. 55
Осоргин (Ильин) М.А. 208, 274, 314
Оствальд В.-П.-К. 196
Отрепьев Г. 22

Оттуа 310
Охранюк-Черский 100

П. Ш. 167
Павлов Е.П. 134, 135
Павлов И.Н. 328, 329, 363, 385
Павлова М.М. 15
Павлович Н.А. 295
Панкратова В.И. 15
Паркаев Ю.А. 14, 15, 201, 240, 328, 330, 387, 408
Парнис А.Е. 15, 112, 129, 315, 323
Паскаль П. 291
Пастернак Б.Л. 8, 33, 41, 44, 46, 54, 66–69, 75, 87, 133, 142, 143, 145, 146, 148, 152, 157, 161, 180, 183, 204, 213, 232, 251, 252, 256, 274, 278, 289, 293, 295, 299, 300, 306, 309
Паульсен Ф. 196
Переверзев О.К. 15, 36
Перелешин Б.Н. 252
Перцов В.Н. 150
Петников Г.Н. 129, 150, 151, 308, 314
Петр III 276
Петров-Водкин К.С. 7, 41, 139–141. 328, 371
Петроник *см.* Савицкий П.Н.
Пигит Д.С. 38
Пильняк (Вогау) Б.А. 236, 275
Пирр 278
Пистрак Г.М. 127, 128
Платонов А. (Климентов А.П.) 120
Плетнев Г.А. 14, 153
Плетнев П.А. 22
Плотников А.[Д.] 113
Подвойский Н.И. 329, 387
Повицкий Л.И. 129
Подъячев С.П. 309
Полевицкая Е.А. 222
Полетаев Н.Г. 38, 144, 161, 235, 256
Поливанов Л.И. 22
Полонская (Мовшензон) Е.Г. 204
Полонский (Гусин) В.П. 187, 188, 191, 249
Полонский Я.Н. 34
Полоцкий С.А. 123
Полубояринов П. 139
Полянский В. *см.* Лебедев-Полянский П.И.
Пономарев Ф.Г. 289
Попов В.В. 455
Поршнев Г.И. 8, 45–47
Постман И.В. 196
Потебня А.А. 107, 222
Почем-Соль *см.* Колобов Г.Р.
Правдухин В.П. 302
Предтеченский С.А. 252, 253
Прейс К.Ф. 180, 295
Приходько, домовладелец 124
Пришвин М.М. 40, 41, 265
Прокофьев С.С. 95
Прокушев Ю.Л. 91, 453, 454, 455
Пугачев Е.И. 38, 39, 53, 58, 168, 251, 275, 280, 293, 310, 311
Пушкин А.С. 10, 13, 21, 22, 47, 58, 73, 115, 134, 142, 170, 197, 274, 285
Пяст В.А. 172, 206, 274
Пятницкий П.В. 125

Радимов П.А. 218, 249, 301, 328, 363
Радищев А.Н. 238
Раевская-Хьюз О. 455
Разин С.Т. 225, 293, 323
Разсоха О.Ф. 231
Разумник-Иванов см. Иванов-Разумник
Райнис Я. (Плиекшанс Я.) 180, 186, 214
Райх З.Н. 5, 54, 55, 181, 196, 200, 201, 205, 453
Р-анс (псевд.) 107, 146
Расин Ж. 311
Раскольников (Ильин) Ф.Ф. 111
Распутин (позднее Новых) Г.Е. 31, 77, 129, 192, 194, 195, 214, 236, 270

Рейснер Л.М. 187
Ремизов А.М. 41, 77, 108, 127, 157, 177, 192, 200, 283
Рене Санс *см.* Шумлевич К.Я.
Ривера Д. 290
Риль А. 196
Рогачевский В.Л. *см.* Львов-Рогачевский В.Л.
Родов С.А. 210
Родченко А.М. 290
Рождественский В.А. 204
Рожицын В.С. 160, 188, 212
Розанов В.В. 41
Розанов И.Н. 8, 19, 21–25, 27–29, 31, 33, 36–38, 44, 45, 48–50, 55, 57, 59, 60, 63, 68–70, 101, 102, 132, 143, 144, 273, 289, 453
Розанова Н. 55. 60, 63, 68, 70
Ройзман М.Д. 7, 8, 34, 39, 57, 134, 135, 141, 144, 205, 206, 209, 215, 226, 228, 234, 237, 252, 277, 278, 455
Рок Р. (Геринг Р.Ю.) 34, 37, 89, 90, 126, 135, 206, 252
Роланд (псевд.) 277
Ромен (Ромэн) Ж. (Фаригуль Л.) 295
Ромонат Е.Э. 112
Ромэн Ж. 295
Ротшильд Г. (псевд.?) 313
Рудин (Преображенский) Н.М. 143
Рудницкий К.Л. 181
Рукавишников И.С. 109, 173, 206, 252, 283
Рылеев К.Ф. 239
Рязанова Л.А. 41, 265

Саввич Н.М. 118
Савинков Б.В. 41
Савицкий П.Н. 72, 96
Савич О.Г. 250
Савченко М.М. 224
Савченко Т.К. 6, 14, 249, 455
Садиков С.В. 206, 252
Садовский Б.А. 32
Садофьев И.И. 139, 314
Сакулин П.Н. 44, 157, 187, 202, 208, 220, 238, 283
Сало Ж. *см.* Эренбург И.Г.
Сальмов А. 299
Самобытник *см.* Маширов А.И.
Самоделова Е.А. 39
Самсон Д. (Самсонов Д.А.) 103, 139, 172, 188, 195
Самсонов П.А. 139, 328, 374
Самсонов (Бабий) Т.П. 7, 10, 91–94
Са-на (псевд.) 185
Сандрар Б. (Зауэр Ф.) 290, 293, 299
Санников Г.А. 230, 234, 236, 297
Санников Д.Г. 236
Сардановская А.А. 91
Сахаров А.М. 97, 199, 202, 270, 321, 324
Светлый Г. (Павлюченко Г.И.) 95, 96, 113, 121, 135, 247
Свирская (Гершевич-Свирская) М.Л. 7, 10, 92–94
Свищов-Паола Н.И. 243
Святогор А. (Агиенко А.Ф.) 71, 132, 224
Северская Е. 271
Северянин И. (Лотарев И.В.) 10, 25, 139, 157, 197, 241, 277, 282
Селиванов В.И. 238
Селизарова Е.Н. 140, 141
Селуянова Н.А. 121, 123
Семашко Н.А. 41
Семенов Г. 72
Семёновский Д.Н. 71
Серафимович (Попов) А.С. 76, 231
Серафино *см.* Аквилано С.
Серпинская Н.Я. 240
Сивачев М.Г. 146, 157, 246
Сидоров (Сидоров-Окский) Г.А. 33
Силлов В.А. 55
Сименс Я.Ф. 141
Скатов Н.Н. 453, 454
Скиталец (Петров С.Г.) 40, 146, 328, 368

Скородумов Н.В. 22
Скороходов М.В. 14
Скрябин А.Н. 222, 227
Слоним М.Л. 43, 257
Случановский А.В. 33
Смелов В.Я. 147
Смирнов О.С. 98, 99
Смирнов П.А. 92
Сокол (Соколов) Е.Г. 240
Соколов Б.Ф. 29, 30, 241
Соколов И.В. 36, 95, 127, 206, 252, 328, 375
Соколов Н. 88
Солобай Н.М. 14, 248
Соловьев Вл. С. 215
Соловьев С.М. 194
Соловьевы, семья 202
Сологуб Ф. (Тетерников Ф.К.) 8, 26, 28, 33, 41, 54, 65, 77, 145, 153, 157, 161, 192, 195, 213, 248, 271, 273, 289, 295
Сомов К.А. 272
Сорокин В.В. 453
Сосунов Г.Н. 12, 88
Соффичи 290
Спасский К. (Меньшой А.) 207, 211, 221
Спасский Н. 139
Спасский С.Д. 84, 135, 147, 170, 206, 252
Спиридонова М.А. 41
Стакле М.А. 183
Старцев И.И. 7, 136, 201, 203, 219, 238, 259, 324
Стахова М.В. 454
Степун (Степпун) Ф.А. 193
Столяров М.П. 193, 194
Строковой А. 72
Струве П.Б. 41, 72, 87
Стырская Е.Я. 137, 198, 199, 237
Субботин А.А. 289
Субботин С.И. 6, 7, 14, 15, 20, 97, 220, 239, 307, 318, 321, 454, 455
Суворов А.В. 136
Судрабкалн Я. (Судрабкалнс А.) 186
Суриков И.З. 288
Сушицкий В.А. 154

Тагор Р. 222
Таиров (Корнблит) А.Я. 32, 198, 278, 329, 398
Талов М.В. 183
Тамерлан 275, 298
Тан *см.* Богораз В.Г.
Тарасов Г. 175
Тарасов-Родионов А.И. 205
Тартаковский П.И. 6, 99, 107, 108, 110, 111, 113–116, 118, 121–124, 126, 130–132, 145, 455
Татлин В.Е. 290
Тик Л. 249
Тименчик Р.Д. 178
Тимирязев К.А. 226
Тимонин А.М. 36
Тиняков А.И. 62, 63, 104, 240
Тихонова Э.Ф. 147
Тодоров Е.Т. 314
Толстая (урожд. Берс) С.А. 41
Толстая-Есенина С.А. 239
Толстой А.Н. 41, 157, 262, 283
Толстой Л.Н. 285
Топорков А.К. 172, 173, 179
Тренин В.В. 135
Треплов М. (псевд.?) 210
Третьяков В.В. 277
Третьяков С.М. 56, 329, 398
Троцкий (Бронштейн) Л.Д. (М.) 41, 61, 158
Трубецкой (Нольден) Ю.П. 164
Трутовский А. 72
Туган-Барановский М.И. 41
Туманный Дир (Панов Н.Н.) 231, 252
Туманов *см.* Туманный Д.
Тургенев И.С. 154
Турова Е.И. 106
Турчинский Л.М. 15
Тюрин В.В. 147
Тютчев Ф.И. 10, 125, 197, 281

Угрюмов Д. [Б.] 196
Уитмен У. 58, 235
Урманов К.Н. 253
Устинов Г.Ф. 13, 173
Устрялов Н.В. 232, 267
Утесов (Вайсбейн) Л.О. 40
Ушаков А.М. 15

Фатов Н.Н. 101, 102
Федин К.А. 289
Федоров В.П. 141, 144
Федоров Д. 328, 329, 331, 361, 445
Федоров Е.А. 314
Федорович Ф.Ф. 93
Федюхин А.А. 15
Фет (Шеншин) А.А. 10, 58, 125, 197, 281
Филаретова Л.Е. 42
Филипченко И.Г. 157
Философов Д.В. 41
Флаксерман А.Н. 87
Флейшман Л.С. 454, 455
Флоренский П.А. 289
Флор-Есенина Т.П. 200, 455
Фомин С.Д. 123, 289
Франк Г.В. 254, 256
Фрезинский Б.Я. 250, 455
Фридберг Я. 126, 143
Фриче В.М. 187, 191, 307
Фурманов Д.А. 8, 149, 150, 330, 425

Харитон Б.И. 217
Херсонская Е.П. 187
Херсонский Х.Н. 172
Хлебников В. (В.В.) 14, 47, 52, 56, 77, 79, 129, 130, 150, 157, 165, 204, 207, 213, 225, 298, 315, 322, 323
Хлопуша (Соколов А.П.) 39, 168
Хлысталов Э.А. 91
Ходасевич В.Ф. 248, 273, 283
Хомчук Н.И. 123, 453
Хьюз Р. 455

Царькова Т.С. 15

Цветаева М.И. 44, 64, 75, 77, 103, 145, 180, 183, 204, 257, 289, 295, 300, 306
Цетлин М.О. 59
Цыбин К.В. 108, 109

Чайковский П.И. 211, 212, 227, 252, 303
Чалая (Антонова-Чалая) З.А. 309
Чапыгин А.П. 232
Черемных Е. 256
Чернов В.М. 41, 306
Чернов Ф.И. 224
Черняк Я.З. 181
Чехов А.П. 157
Чириков Е.Н. 60
Чичкова Е.Ю. 15
Чудов С.В. 327, 342
Чудова Н.Г. 327, 342
Чужак Н. *см.* Насимович Н.Ф.
Чуковский К.И. (Корнейчуков Н.В.) 41, 120, 192, 195
Чулков Г.И. 273, 293

Шагал М.З. 176, 177
Шагинян М.С. 44, 234
Шаляпин Ф.И. 41, 165, 166, 277
Шаляпина И.Ф. 7, 165
Шамурин Е.И. 13, 279, 289, 331, 439
Шанин Т. 100
Шанявский А.Л. 58
Шатова З.П. 10, 11, 91–94, 97, 328, 356
Шекспир У. 64, 249, 250, 278, 310
Шенгели Г.А. 308
Шерешевская Ф.А. 203
Шершеневич В.Г. 7, 14, 22, 27–29, 33–36, 41, 42, 46–49, 52, 54–56, 58, 59, 66, 68–72, 76, 77, 79, 82, 85, 89, 90, 94–96, 98, 99, 101, 102, 105, 106, 112, 115, 117–119, 125–128, 130, 132–135, 138, 140–143, 145–147, 150, 152–154, 157, 161–165, 169, 170, 172, 176, 179, 181–185,

187, 188, 191, 197, 202, 203, 205–207, 209–218, 220, 222, 223, 227–232, 234, 241, 243, 244, 246, 247, 250–254, 257, 258, 260, 262, 263, 267, 275, 277, 278, 281, 282, 284, 285, 287, 288, 293, 296, 297, 300, 304, 308, 312, 314, 315, 317, 323, 327–330, 348, 358, 364, 392, 396, 412, 413, 454
Шестаковский А.Ф. 240
Шик М.Я. 239
Шиллингер И.М. 95
Шилов Л.А. 248
Ширяевец (Абрамов) А.В. 13, 53, 98, 108, 111–114, 117, 118, 121–123, 131, 145, 157, 241, 249, 328, 351–353
Шихман Б.С. 48
Шихман Я.С. 231
Шкапская М.М. 77
Шкловский В.Б. 202
Шмелев И.С. 157
Шмерельсон Г.Б. 47, 123, 135
Шнейдер И.И. 7, 198, 211, 225, 233, 238, 248, 265, 266, 268, 269, 272, 315, 316, 322, 323
Шопен Ф. 227
Шпет Г.Г. 96, 97, 144, 187, 193, 194, 208, 220, 231, 236, 242, 330, 422
Шрейдер А.А. 130, 133, 141, 150, 169, 175, 177, 191, 194
Штейнберг А.З. 7, 191, 192, 194
Штейнберг И.З. 7, 88, 169, 177, 191, 194, 232
Штейнер Р. 283
Шуберт Ф. 303
Шубникова-Гусева Н.И. 6, 7, 14, 15, 22, 39, 64, 84, 91, 97, 100, 135, 136, 145, 150, 157–159, 178, 183, 199, 200, 203, 258, 259, 277, 293, 297, 453, 454, 455
Шульгин В.В. 87
Шумихин С.В. 6, 91, 454
Шумлевич К.Я. 14, 158
Щёголев П.Е. 239
Щетинина М. 142

Эббинггаузен Г. *см.* Эббинггаус (Эббинггауз) Г.
Эббинггаус (Эббинггауз) Г. 196
Эдисон Т.-А. 248
Эйгес Е.Р. 7, 64, 65, 166, 327, 342
Эйгес И.Р. 166
Эйгесы, семья 65
Эйкен Р. 166
Эйнштейн А. 222
Эйхенбаум Б.М. 204, 274
Эмилия, экономка 159, 218
Энд (псевд.) 277
Эпштейн К. 290, 299
Эрберг К. (Сюннерберг К.А.) 133, 271
Эрберг О.Е. 90, 135
Эрдман Б.Р. 29, 134, 135, 138, 145, 277, 328, 330, 358, 412
Эрдман Н.Р. 104, 106, 119, 134, 135, 138, 206, 215, 216, 227, 228, 252, 278, 294
Эренбург И.Г. 7, 13, 14, 33, 34, 44, 46, 55, 62, 68, 69, 72, 75, 77, 90, 106, 117, 120, 130, 141, 145, 153, 160, 162, 176, 180, 182, 183, 192, 194, 195, 197, 204, 212, 214, 217, 220, 222, 228, 234, 247, 262, 263, 270, 278, 284, 288, 290–292, 295, 297, 299, 300, 306, 307, 313, 314, 317, 331, 436, 455
Эрлих В.И. 142
Эрн Л.И. 203
Эфрос А.М. 96, 97, 240
Эфрос Н.Е. 231

Ю. Б. 154
Юдин Г.П. 46, 47
Южин (Сумбатов) А.И. 278
Юрок С. 307, 309, 311, 331, 442
Юрьев К.С. 454

Юсов Н.Г. 7, 14, 47, 53, 63, 104–106, 127, 136, 147, 158, 209, 238, 242, 247, 274, 277, 278, 313, 456
Ютанов В.П. 231
Юткевич С.И. 83, 84
Юшин П.Ф. 6, 180
Юшина О.И. 241

Яжембиньска И. 135
Язвицкий В.И. 231
Якобсон Р.О. 307
Якулов (Якулян) Г.Б. 21, 29, 57, 112, 118, 134, 135, 138, 144, 197, 198, 200, 203, 238, 328, 363
Яна *см.* Козловская Я.М.
Ярмолинский А. 241
Яровой П. (Комаров Ф.Е.) 105, 125
Ярославский А.Б. 106
Яшунский И.В. 196
Ященко А.С. 14, 77, 79, 102, 120, 145, 153, 195

Bjelyj Andrej *см.* Белый А. (Бугаев Б.Н.)
Blok Alexander *см.* Блок А.А.
Clará José 329, 391
Deutsch B. *см.* Дейч Б.
Dickinson T.H. *см.* Дикинсон Т.-Г.
Erberg Konstantin *см.* Эрберг К. (Сюннерберг К.А.)
Fleishman Lazar *см.* Флейшман Л.С.
Goll Ivan *см.* Голль И.
Harle 310
Iwanow-Rasumnik R.W. *см.* Иванов-Разумник (Иванов Р.В.)
Jokums K. *см.* Йокумс К.
Klujew N. *см.* Клюев Н.А.
Mariengof A. *см.* Мариенгоф А.Б.
McVay G. *см.* Маквей Г.
Perrine Van Deering 330, 419
Schreider Alexander *см.* Шрейдер А.А.
Tichy Fr.
Visnapuu H. *см.* Виснапу Г.

Содержание

Предисловие 5

Летопись

1921 19
1922 244

Приложение

Содержание приложения 327
Материалы приложения 333

Список условных сокращений 453
Указатель произведений и книг Есенина 457
Указатель имен 459

Л 52

Летопись жизни и творчества С.А.Есенина. В пяти томах. Т. 3. Кн. 1. 1921 – 10 мая 1922.

Составление тома В.А.Дроздкова, А.Н.Захарова. Указатели В.А.Дроздкова, Н.В.Михайленко, М.В.Скороходова. Ответственный редактор тома С.И.Субботин. Научная редакция тома Н.И.Шубниковой-Гусевой. — М.: ИМЛИ РАН, 2005. — 476 с.

ББК 83.3 (Рос-Рус)

Летопись жизни и творчества С.А.Есенина

В пяти томах

Том третий

Книга 1

1921 – 10 мая 1922

Редактор *Т.С.Шеханова*

Изготовление оригинал-макета

Л.В.Владимирской

Подписано в печать 10.10.2005.
Формат 70x100$^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 40.
Печать офсетная. Печ. 30 л. Тираж 1500 экз.

ИМЛИ РАН,
121069, Москва, ул. Поварская, д. 25-а.

Тел.: (095) 202-21-23, 291-23-01

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6.
Заказ № 2296

Л 52

Летопись жизни и творчества С.А.Есенина. В пяти томах. Т. 3. Кн. 1. 1921 – 10 мая 1922.
Составление тома В.А.Дроздкова, Л.Н.Захарова. Указатели В.А.Дроздкова, Н.В.Михайленко, М.В.Скороходова. Ответственный редактор тома С.И.Субботин. Научная редакция тома Н.И.Шубниковой-Гусевой. — М.: ИМЛИ РАН, 2005. — 476 с.

ББК 83.3 (Рос-Рус)

Летопись жизни и творчества С.А.Есенина

В пяти томах

Том третий

Книга 1

1921 – 10 мая 1922

Редактор *Т.С.Иеханова*
Изготовление оригинал-макета
Л.В.Владимировой

Подписано в печать 10.10.2005.
Формат 70x100 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 40.
Печать офсетная. Печ. 30 л. Тираж 1500 экз.

ИМЛИ РАН.
121069, Москва, ул. Поварская, д. 25-а.

Тел.: (095) 202-21-33, 291-23-01

Отпечатано с полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ГПП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6.
Заказ № 2296

